

Александр Федоров

ВЕЛИКИЙ МАГ КАЛАДИУС

Хроники Паэтты. Книга IV

16+

Александр Николаевич Федоров Великий маг Каладиус. Хроники Паэтты. Книга IV

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45063290

SelfPub; 2019

Аннотация

Великий маг Каладиус, Белый колдун пустыни, Ассиани, Губитель Народов, Воплощение Асса, Сокрушитель Надежд... Этот человек носил за свою невообразимо долгую жизнь множество имён, и ни одно из них не было истинным. Один из самых могущественных магов за историю Паэтты, с которым читатель познакомился ещё в первой книге серии. Теперь пришла пора узнать о нём больше, поскольку история его жизни невероятна. Эта книга о маге, но не о магии. Сложность выбора, тяжесть последствий принятых решений, хитрые политические интриги... Захватывающая история не отпустит читателя с первых до последних страниц.

Содержание

Пролог. Буря среди ясного дня	6
Глава 1. Крайз	17
Глава 2. Дар	33
Глава 3. Клайдий Сарамага	50
Глава 4. Новая жизнь	65
Глава 5. Ученик мага	77
Глава 6. Город	96
Глава 7. Каррис	112
Глава 8. Тавер	128
Глава 9. Кинай	142
Глава 10. Метаморфозы	158
Глава 11. На службе	176
Глава 12. Дервинские шхеры	191
Глава 13. Триумфаторы	210
Глава 14. Перемены	224
Глава 15. Каладиус	238
Глава 16. Тяжкие хлопоты	258
Глава 17. Болезнь	272
Глава 18. Бездна	289
Глава 19. Латион	307
Глава 20. Снова Каладиус	322
Глава 21. Армия	337
Глава 22. Да будет война!	359

Глава 23. Волчья трава	374
Глава 24. Ветры Севера	393
Глава 25. Справедливое возмездие	406
Глава 26. Новые обстоятельства	427
Глава 27. Третье приглашение	444
Глава 28. Двор	462
Глава 29. Придворные	477
Глава 30. Коты и псы	495
Глава 31. Труон начинается в Латионе	515
Глава 32. Мангиловый меч	532
Глава 33. Мятеж	554
Глава 34. Губитель народов	569
Глава 35. Да здравствует король!	585
Глава 36. Страх божий	604
Глава 37. Наследник	619
Глава 38. Лебеди	636
Глава 39. Отец и сын	652
Глава 40. Мать и дочь	669
Глава 41. Брат и сестра	687
Глава 42. Знакомство	704
Глава 43. Помолвка	718
Глава 44. Большая игра	732
Глава 45. Ложь во спасение	747
Глава 46. Династический кризис	765
Глава 47. Решение проблем	782
Глава 48. Вилиодий Великий	796

Глава 49. Орден чернокнижников	812
Глава 50. Ультиматум	827
Глава 51. Тайные знания	843
Глава 52. Алтарь империи	861
Глава 53. Алая лихорадка	876
Глава 54. Крах	893
Эпилог. Затишье во время бури	914
Глоссарий	929
Благодарности	981

Пролог. Буря среди ясного дня

Худошавый старик стоял, приподняв полог своего шатра, и рассеянно смотрел в летнюю северную ночь. Воздух в шатре был до того нагрет двумя медными жаровнями, что казался более плотным и буквально выталкивал старика в прохладу ночного сумрака. Однако крупные бисерины пота, покрывающие его абсолютно лысый череп, были не от этой жары.

Старик был тяжело болен. Его снедала жестокая лихорадка, подхваченная в этих гнилых землях, где леса похожи на болота, болота – на леса, а степи – на проплешины, что остаются на месте ярмарок, когда те съезжают. Старик ненавидел эти места, хотя сам родился всего в каких-нибудь ста двадцати лигах¹ к юго-востоку отсюда, на тех же палатийских землях. Хотя на его родине всё было другим. Несмотря на когда-то кем-то проведённую границу, там уже скорее был Латион, нежели Палатий.

Старик не любил заглядывать далеко в будущее, но подозревал, что эта болезнь – смертельна. Похоже, из этого похода ему уже не вернуться...

Менее чем в миле² к северу отсюда стоял Пиннор – теперь уж довольно небольшой городок Палатия, хотя каких-нибудь

¹ Лига – имперская мера длины, равная 4,82 километра.

² Миля – имперская мера длины, равная 1852 метра.

четверть века назад он был одним из крупнейших на северо-западном побережье. Но этот спад – ничто в сравнении с тем, что ждало Пиннор завтра утром, ибо весьма вероятно, что сегодня он доживал свою последнюю ночь...

Несмотря на то, что была почти полная луна, щедро источающая потоки серебристого цвета, стен города было, конечно, не разглядеть. Но старик словно чувствовал их близость. Он видел, будто наяву, эти серые замшелые стены из древнего камня, на которые спешно были наращены массивные деревянные щиты, чтобы хоть как-то поднять высоту этих стен, оказавшихся не столь хорошими защитниками для своих жителей. Старик точно знал высоту – восемнадцать футов³ камня и ещё восемь футов дерева. Завтра он будет сокрушать эти стены подобно древнему божеству.

Между ним и обречённым городом раскинулось множество костров, около которых сидели legionеры. Где-то люди сидели молча и сосредоточенно, но кое-где слышались выкрики и смех. Старик привык к этому – данная кампания была для него не первой. Он знал, что солдаты по-разному переживают близость грядущего боя. На кого-то нападали нервный смех без причины, кто-то замыкался в себе. Умиряли в итоге и те, и другие.

Взгляд старика был расфокусирован (сам он бы определил это как «сфокусирован на бесконечности»), поэтому это множество костров превращалось для него в широкое огне-

³ Фут – имперская мера длины, равная примерно 30,5 см.

вееющее море, на отмелях которого копошились существа, почти столь же нелепые, как какие-нибудь тюлени. Свет этого моря почти затмевал и свет звёзд, и свет луны.

Лёгкий порыв нехолодного, в общем-то, ветерка заставил старика вздрогнуть и поплотнее запахнуть тёплый зимний плащ. Проклятая лихорадка – даже в докрасна натопленном коконе шатра он был вынужден не снимать этого плаща. Его трясло так, будто он находился сейчас не на побережье Серого моря, а где-то в ледяных пустошах Тайтана. И при всём этом тело и одежда его были мокрыми от отвратительного холодного пота.

Да, кажется, это действительно конец. Такими темпами через день-два он сляжет окончательно, а в этой глуши это будет равносильно смерти. Ему и сейчас нужно бы лежать, через силу втягивая в себя мерзкий горький настой, который приготовил полковой медикус. Но старик подозревал, что толку от этого настоя не больше, чем от его собственной мочи, да и лежать не было больше сил.

Эта кампания была далеко не первой в послужном списке умирающего старика. Казалось бы, он давно уже должен был привыкнуть к страданиям и боли, равно как и к тому, что зачастую источником этих боли и страданий являлся он сам. Собственно говоря, он и привык к этому уже давным-давно – слишком давно по человеческим меркам. Но сейчас в его воспалённом от лихорадки мозгу бурлили тяжёлые и чёрные мысли, и все они так или иначе были обращены к город-

ку, находящемуся на том берегу моря огней. Возможно, это предчувствие смерти сделало его таким сентиментальным.

Старик не боялся умирать. По крайней мере, так ему казалось. Он прожил достаточно долго – может быть, даже слишком долго и неоправданно долго. В его жизнь вполне уместились бы десяток жизней обычных зажиточных буржуа, что ведут размеренный и спокойный образ жизни и умирают тихо и мирно в собственной постели, провожаемые к Белому Пути тихими подвываниями домашних.

Если же мерять его жизнь жизнями крепостных или тех из беднейших колонов, что почти не отличаются от крепостных, то этих жизней легко уместится и два десятка. Или вот жизнь этих легионеров, что коротают сейчас ночь у жарких костров... Их нелепо коротких жизней, оборванных вражеской стрелой или копьём на чужбине, непонятно во имя чего и для какой пользы самому убиенному, тоже поместится два, а то и два с половиной десятка. Многие из тех, кто не дожил ещё и до двадцати лет, завтра будут лежать ничком у размолотых стен Пиннора...

Несмотря на болезненную слабость, старик не смог сдерживать кривой ухмылки. Он сам не понимал, какими неисповедимыми путями его мысли добрались до таких материй, которые ранее редко достаивались его внимания. Всему виной треклятая болезнь, не иначе.

Старик неловко утёр щекочущие нос капли пота и с отворачиванием поглядел на влажную ладонь. Как это всё глупо

– невольно подумалось ему. Быть одним из самых могущественных людей Паэтты, и умереть от той же болезни, что косит самых простых смертных! Алая лихорадка столь же непристрастна, как и сам Асс. Ей всё равно, кто перед ней. Будь ты король, легионер, или последний нищий из латионских трущоб. Будь ты сам великий маг Каладиус...

– Мессир, вы снова встали с постели без дозволения? – из задумчивости его вырвал противный, словно зубная боль, голос.

– А разве мне требуется *ваше* дозволение, мэтр Петан? – не скрывая неприязни, процедил Каладиус, вновь утирая проклятый пот.

– Иногда даже люди вроде вас должны подчиняться людям вроде меня, – не стусебался возникший из полутьмы ночи медикус. – Прошу вас, мессир, войдите внутрь и лягте ради Арионна! Завтра вам потребуются все силы, чтобы стереть в порошок этот мятежный Пиннор. Его величество очень рассчитывает на вас, и вы не можете его подвести.

– Что за лицемерие! – сварливо проворчал маг, но тем не менее позволил Петану ввести его внутрь и довести до шикарного, совсем не походного ложа. – Выходит, я должен вставать, если так нужно королю, но не могу встать, когда это надобно мне?

– Все мы – верные слуги его величества, мессир, – философски пожал плечами медикус. – Наши жизни в его руках, и он может распоряжаться ими по своему усмотрению.

– Если бы вы знали, мэтр, сколько раз лет этак сорок пять назад я видел, как наш король пачкает свои пелёнки!.. После такого мало у кого останется должный пиетет к его величеству, – неуклюжей, шаркающей походкой Каладиус добрался наконец до своего ложа.

– Я прекрасно понимаю вас, мессир, – медикус позволил себе улыбнуться лишь краешком рта, поскольку сказанное магом вполне тянуло на оскорбление величества. – Вы – легенда, и в этом нет сомнений ни у кого, и особенно у меня. Короли приходят и уходят, а великий маг Каладиус был есть и будет.

– За эти слова я, пожалуй, прощаю вас, мэтр, – со стоном Каладиус опустил на постель, ощущая, как неприятно дрожат его ноги. – Что же касается того, что я был, есть и буду, то, кажется, у этой проклятой лихорадки свои мысли на этот счёт... Похоже, она меня всё-таки доконает...

– Вот ещё! – фыркнул Петан, наливая из принесённого с собой серебряного сосуда в бокал свой омерзительный настой. – Стоило ли жить больше полутысячи лет, чтобы вот так вот нелепо умереть от какой-то болезни?

– Никто не умирает без причин, даже великие маги, – тяжело вздохнул Каладиус, закрывая глаза, поскольку веки стали казаться совсем неподъёмными. – Чем это не причина?..

– Не для вас, мессир. Вы непременно умрёте так, что сама ваша смерть станет легендарной. А кто, помилуйте, станет слагать легенды об этом? – медикус обвёл рукой, осво-

бодившейся от серебряного сосуда, окружающее их убранство шатра. – Нет, мессир, я поставлю вас на ноги, даже не сомневайтесь! Вот, выпейте ваше лекарство!

– Я бы хотел умереть прямо в эту секунду, лишь бы не осквернять своё небо той дрянью, которой вы пичкаете меня, а также не слышать ваших нелепых рассуждений, – без особого раздражения проворчал маг, но всё же тяжко приподнялся на локте и приоткрыл губы, позволяя Петану приложить к ним бокал с дурно пахнущей жижей.

Медикус лишь усмехнулся в ответ, наблюдая, как самый могущественный и влиятельный человек этого мира, брезгливо морщась, медленными глоточками втягивает приготовленный им настой.

Каладиуса внесли в разможённые ворота Пиннора на носилках, сделанных из легионерских плащей и покрытых сверху дорогими покрывалами. Маг предпочёл бы вступить в покорённый город собственной ногой, но сил на это не было – утренний бой вкупе с неослабевающей лихорадкой пожрали все его силы.

Каладиус, приподнявшись на носилках, глядел на громадные щепы, в которые превратились городские ворота. Это был его первый удар, и он вложил в него всю свою мощь. Потом он смог нанести ещё несколько куда более слабых ударов по деревянным щитам на вершине стены, за которыми

укрывались лучники, а затем лишился чувств, упав на руки вовремя подбежавшего Петана.

Город пал быстро, но не без борьбы, хотя потери латионцев, конечно же, не шли ни в какое сравнение с жертвами среди защитников города. То тут то там великий маг видел кучки несчастных оборванных людей, на некоторых из них была кровь. В основном, конечно, тут были женщины, судорожно прижимавшие к себе детей. Но были и мужчины, причём некоторые явно были из числа оборонявших город воинов.

Тяжело раненых среди жителей Пиннора уже не было – сразу после боя легионеры прирезали всех, чьи раны требовали хотя бы какого-то вмешательства со стороны медиков – последние были заняты оказанием помощи латионцам, среди которых раненых оказалось почти две сотни. Ещё вчера в городе проживало не менее двух тысяч человек, сегодня их осталось едва ли полтысячи.

Не зря всё-таки Каладиуса частенько называли Губителем Народов. То, что происходило сейчас – было полностью его рук дело. Признаться, его величество король Латииона Бейгон Третий до конца не мог даже вникнуть – для чего посылать целых два легиона именно сюда, на это полупустынное побережье, находящееся так далеко от границ его королевства. Однако перечить своему первому министру и по совместительству главному придворному магу не стал. Наверное, ему и в голову бы не могло прийти сказать что-то наперекор Ка-

ладиясу. Он всегда был лишь послушной куклой, а сам великий маг – зловещим чрево вещателем.

Недалёкому королю Бейгону было не понять, что империям во все времена нужны кровавые жертвы. И пусть Кидуанская империя давным-давно пала, но всегда можно создать новую. И Каладиус вовсе не желал становиться императором – к чему быть марионеткой, когда можно быть кукловодом? Быть правителем – слишком неблагодарное дело. Ты опутан множеством условностей. Соблюдай их все – и ты прослывёшь слабым. Нарушай их – и молва наречёт тебя тираном. Другое дело – первый министр. Всегда в тени, всегда чуть в стороне, одинаково недосягаемый и для ропота, и для фальшивого раболепия. Но именно с твоих слов пишут указы, которые после подпишет король. Но именно твои интересы встанут во главу угла, ибо интересы короля – это прежде всего интересы короны, а интересы министра – прежде всего его собственные интересы.

Его величество долго недоумевал – для чего было гнать два легиона в такую даль, когда можно было ограничиться нападками на приграничные территории, как это и бывало обычно. Но в том-то всё и дело, что Каладиус давно жаждал разрыва привычных схем, которые стали лишь пародией на войну. И Латион, и Шинтан давно уже поняли, что эти вечные дразги невыгодны никому. Палатий никогда не станет частью Латиона, сколько бы последний не надувал щёки и не убеждал всех, что он является законным преемником Киду-

анской империи. Давно пора уже было искать пути к примирению, и, похоже, по обеим сторонам границы это понимали уже практически все.

Но это шло вразрез с тем, чего хотел Каладиус, а потому война, казалось бы, уже сама-собой сошедшая на нет, внезапно разгорелась с новой силой, пусть даже и против воли сторон. И именно поэтому великий маг хотел нанести удар туда, где его никто и никогда не ждал. Латион и Палатий были похожи на двух бугаёв, лениво толкающихся локтями, сидя на одной лавке. Пора было одному из них нанести резкий, неожиданный, даже несколько нечестный удар прямо в печень. И вот Каладиус решил, что такой печенью станет северо-запад Палатия.

Залив Алиенти не представлял особой стратегической ценности, но всё же, обосновавшись там, армии Латиона смогли бы, действуя уже с двух сторон, отрезать всё западное побережье Палатия до самой Шайтры. А вот это было бы уже неплохим заделом на будущее. Каладиус не сомневался, что построить новую империю вполне возможно и даже необходимо. Латион, конечно, достаточно мощное государство, но для радикального решения вопроса с Саррассой этой мощи недостаточно. Лишь тогда, когда удастся вновь собрать воедино все земли Кидуанской империи, расколотой во времена Смутных дней, можно будет рассчитывать на определённый паритет.

Да, за могущество империи нужно платить кровью. Да,

империи нужны жертвы. И эти несчастные дрожащие люди, с ужасом сбивающиеся в небольшие группки, и их менее счастливые сородичи, которых солдаты армии-победительницы стаскивали сейчас в крепостной ров, да и сами легионеры, своей кровью оплачивающие амбиции власть имущих – все они были необходимыми жертвами.

Каладиус смотрел на разрушение, творившееся вокруг, и не находил ни капли жалости в своём сердце. Если что и омрачало его мысли, так это опасение того, что он может умереть сейчас, когда под его руководством вершатся столь великие дела. Сделать так много для создания будущего величия своего государства, и не дожить до того, чтобы увидеть плоды трудов своих – это было бы слишком жестоко со стороны богов!

Великий маг дал себе слово безропотно пить любую гадость, какой только вздумает потчевать его Петан, лишь бы побороть болезнь. Он должен и может это сделать. Кто же, если не он – великий маг Каладиус?!

Глава 1. Крайз

Спустя много лет после своего рождения великий мистификатор Каладиус утверждал, что он – отпрыск древнего рода, что в ночь его рождения внезапно случилась жуткая гроза, а мать его умерла родами. Он говорил, что его, посиневшего и задыхающегося, вытащил из чрева мёртвой роженицы случайный прохожий, оказавшийся весьма могущественным магом. Более того, что он вспорол для этого живот умершей своим кинжалом. И что оказался он в доме Каладиуса вовсе не случайно.

Во всём этом правды было... Да, пожалуй, здесь не было ни слова правды. Матерью будущего великого мага была простая колонка, родила она его вполне солнечным утром и вполне благополучно, хотя это были её первые роды. Приняла младенца местная повитуха, и никого более рядом не было.

Отца, правда, Каладиус не знал, да и, сказать по правде, решить эту задачу было бы довольно затруднительно. Его мать была вдовой – муж погиб в одной из мелких войн с Латтионом лет за шесть до рождения мальчика. С тех пор в родной деревушке Каладиуса и других близлежащих селениях за ней прочно закрепилось прозвище Безотказка. Мужики ходили к ней – кто скрытно, кто не таясь – и никому она не отказала. Да и не в её положении было разыгрывать горяч-

ку. Одна, без мужа, с младенцем на руках – не прошло бы и года, как они умерли бы с голоду.

Не исключено, кстати, что отцом Каладиуса действительно мог быть местный помещик. Тот был весьма охоч до женщин, и редко какая крепостная могла бы похвастаться, что ни разу не была под барином. Разве что уж была она совсем страшной или старой. Множество пащенков сеньора бегало по пыльным улицам окрестных селений, и их количества не смог бы сосчитать никто. Вполне возможно, что и будущий великий маг Каладиус мог быть одним из них. Мать Каладиуса, конечно, не была крепостной, но зато имела своеобразное очарование и не умела отказывать мужикам, а кроме того, в этой глуши местный сеньор, пусть он даже и был захудалым дворянчиком, для местных земледельцев был первой и главной властью в округе. Спорить с ним было чревато не только для крепостных, но и для свободных селян.

Конечно, при рождении Безотказка не нарекла своё чадо Каладиусом. Многие в это не поверят, но какое-то время будущий Сокрушитель Народов вполне обходился прозаичным именем Олни. Олни Стайк, сын Дарфы Стайк – так он был записан в душевой книге местного священника-арионита.

Детство будущего великого мага оказалось не самым безоблачным. Так уж вышло, что он родился довольно смуглым мальчишкой. Виной тому была примесь саррассанской крови в жилах его матери – её предки по отцовской линии дей-

ствительно когда-то имели корни в южной империи. Однако, если у самой Дарфы саррассанская кровь была прочно погребена под типично северной белёсостью и толстым слоем веснушек, то Олни казался самым настоящим южанином – смуглым, с острыми чертами лица.

Живи они в Латионе⁴ или Варсе – вряд ли цвет его кожи так уж сильно отличался бы от других, но здесь, в этой затерянной среди редколесья деревушке, он на фоне других выглядел едва ли не калуянцем. И этого оказалось достаточно, чтобы те пять или шесть местных сорванцов, что более-менее подходили ему по возрасту, избрали его объектом для своих насмешек, быстро придумав ему прозвище Загарыш. Так и вышло, что у Олни с детства не было друзей, а от жизни он привык ждать лишь оплеух да насмешек.

На ужин вновь было эта мерзкая телятина – куски вяленого мяса, сваренные в воде. Жилистые, с душком, покрывающиеся отвратительной плёнкой, едва немного остынут... Телятина, отваренная в воде с парой-другой луковиц и несколькими картошинами, в последнее время стала привычным рационом в лачуге Дарфы Стайк. И десятилетний Олни очень хорошо понимал природу происхождения этих вонючих кусков.

⁴ Здесь имеется в виду не само королевство Латион, а лишь его столица – город с одноимённым названием.

В последнее время мама сошлась с Крайзом – местным пастухом. Почти весь день он пропадал на пастбищах, где пас три десятка барских коров, да ещё с десятков коровок селян. Большинство односельчан расплачивались с вечно хмурым пастухом натурой – молоком, сыром, а также вяленой телятиной. И вот теперь Крайз вечером, когда уже почти темнело, вваливался к ним в дом, бросая плащ на единственную лавку, стягивая разношенные башмаки и наполняя и без того переполненную всевозможными не самыми приятными ароматами атмосферу едким запахом потных ног.

Он приносил что-то из съестного – обычно это был кусок сыра, или кусок вяленого мяса. Мама тут же принималась хлопотать вокруг него – подавая кувшин с кислым квасом на овсяных зёрнах, лохань с водой, куда Крайз с блаженным стоном тут же погружал свои покрасневшие заскорузлые ступни, а также скудный ужин. Крайз был единственным в доме, кто каждый день получал кусок грубого хлеба. Олни ел хлеб обычно не чаще двух раз в неделю, лишь изредка получая чуть больше, если Крайз не доедал своего куска. Мама не ела хлеба вовсе, тихо поясняя сыну своим вечно замученным голосом, что она его совсем не любит.

Олни терпеть не мог Крайза – характер у пастуха был абсолютно мерзкий. Несмотря на то, что они с Дарфой сошлись уже пару месяцев назад, и Крайз теперь приходил к ним как к себе домой, он был весьма прижимист. Олни с матерью жили очень бедно, дом был обставлен лишь самым

необходимым, да и то, как правило, уже сильно пострадавшим от времени, однако Крайз за всё это время не то что не принёс сюда что-то из своего жилища, но даже и не починил ничего из того, что уже было здесь. Он даже еду приносил понемногу, так, словно предварительно высчитывал и откладывал в сторону часть припасов, чтобы не принести лишнего.

На что Крайз был щедр – так это на брань и тумаки. Не было дня, чтобы он не обругал Дарфу последними словами, припоминая ей кто она, и чем зарабатывает на жизнь. Доставалось и Олни, так что тот быстро научился держать язык за зубами. Он вообще теперь старался жить вне дома, благо стояло вполне тёплое лето.

Надо сказать, что Олни давно уже, несмотря на свои нежные годы, в полной мере осознал, чем занимается его мама. Их халупа была совсем невелика и состояла из одной единственной комнаты, так что к своим десяти годам мальчик навидался и наслушался всякого.

Обычно, когда на пороге возникал очередной страждущий прелестей Безотказки мужик, та просила дожидаться ночи, пока не уснёт малыш. Но беда в том, что от волнения и огорчения у Олни частенько случалась бессонница. Он старательно делал вид, что спит, потому что посетители редко бывали терпеливы и вечно ворчали, костеря ни в чём неповинного ребёнка. Он слышал, как стонет его мама, и у него, не слишком-то понимающего, что происходит, начина-

ли течь беззвучные слёзы, к счастью, невидимые в темноте.

Став постарше, Олни соорудил себе нечто вроде гнёздышка на убогом чердаке, и при любом удобном случае отправлялся спать туда. Конечно, звуки хорошо доносились и дотуда, но здесь, в этой иллюзии одиночества и безопасности, он хотя бы мог уснуть.

Сейчас же, когда появился Крайз, парень и вовсе стал на ночь убегать на соседский сеновал. Он, конечно, понимал, что если его застанут там – не миновать хорошей трёпки, но готов был рискнуть, лишь бы находиться подальше от ненавистного пастуха.

И вот сегодня мама сказала, что договорилась с Крайзом, чтобы тот взял Олни себе в помощники. Сказала это преувеличенно весёлым тоном, но при этом улыбалась так виновато, что мальчик внезапно почувствовал прилив ярости. Он и раньше часто злился на маму, но сейчас впервые почувствовал к ней что-то вроде ненависти.

– Я не буду работать с ним! – визгливым мальчишечьим голосом воскликнул он, в сердцах смахивая на глинобитный пол площадку с бульоном и недоеденным кусочком мяса.

– Но это хорошая работа, – мама даже не подумала отчитать сына за подобную выходку. – И ты будешь получать плату...

– Гнилое мясо? Или прокисший сыр? – слёзы навернулись на глаза мальчика. – Я ненавижу их! И Крайза ненавижу!

– Крайз хороший, – слёзы появились и на глазах Дар-

фы, отчего её фальшиво-ободряющая улыбка стала ещё более щемяще-тоскливой. – Он помогает нам. И он поступил очень великодушно, согласившись взять тебя в помощники.

– К дьяволам его великодушие! – крикнул Олни, припомнив грубое слово, которое часто употреблял пастух. – Я не буду работать с ним! А если станешь заставлять меня – я убегу из дому!

И он действительно выскочил на улицу, громко хлопнув обветшалой дверью. И твёрдо решил сегодня больше не возвращаться. Пару часов он просто сидел на толстой ветви ракиты, нависшей над Шмыгой – то ли небольшой речкой, то ли широким ручьём, что протекал в паре сотен ярдов⁵ от деревни. Потом заметил старуху Краго, семенящую от ручья с двумя полными бадейками воды. Легко спрыгнув, он предложил ей дотащить воду до хаты.

Старуха Краго щедро одарила мальчугана за помощь – не просто дала ему ломоть хлеба, но ещё и сбрызнула его льняным маслом и посыпала крупной сероватой солью. Олни, счастливый, вернулся на излюбленную ветку, где с наслаждением уплёл лакомство, любуясь резво бегущей внизу водой. Теперь уж точно возвращаться домой не было никакой нужды. Неподалёку от ручья кто-то сметал уже пару стогов, так что Олни решил заночевать там.

Разрыв себе небольшую берлогу (ох и влетит же ему, если хозяин стога застанет его здесь!), Олни улёгся, любу-

⁵ Ярд – имперская мера длины, приблизительно равная 0,91 м.

ьясь золотистым закатом. Солнце уходило медленно и величественно – казалось бы, оно стоит на месте, а только вдруг через какое-то время оказывалось, что ещё небольшой кусочек скрылся за горизонтом. Лишь когда небо совсем потемнело и покрылось яркими звёздами, а по земле поползла прохладная сырость, мальчик зарылся поглубже в своё укрытие и вскоре заснул.

Проснулся он от того, что кто-то больно тянул его за ухо. Спросонья Олни решил было, что это – хозяин стога, но в свете наступающей зари разглядел, что перед ним стоит Крайз.

– Пойдём, пора на работу, – буркнул он.

– Не пойду, – Олни ещё не отошёл ото сна, поэтому мысли ещё медленно шевелились в голове, так что он ответил, не успев даже подумать.

– Это ещё почему? – вспыльчивый обычно Крайз на этот раз спрашивал совершенно спокойно, чуть насмешливо, и это особенно пугало.

– Не хочу, – шмыгнул носом мальчик – ночь была холодной, так что в носу было полно соплей.

– Не хочешь? – словно удивившись, протянул пастух. – Не хочешь зарабатывать себе на жизнь? Может быть, ты хочешь всю жизнь сидеть на шее у матери? Может, ты до сих пор и сиську сосёшь?

– Оставь меня в покое, – хотелось бы, чтобы это прозвучало резко и жёстко, но на деле вышло жалобно.

– Ах в покое? – лицо Крайза внезапно исказилось. – Да знаешь ли ты, щенок, что мать твоя всю ночь не спала, поизвелась вся оттого, что ты не пришёл ночевать? Если ты ещё раз подобное вычудишь – я тебя своим батогом так отделаю, что месяц ни сидеть, ни лежать на спине не сможешь! Пошли, я сказал!

– Сам иди! – Олни было дико страшно, но остановиться он уже не мог. – Проваливай, и больше не появляйся в нашем доме! Если ты останешься – однажды я убью тебя!..

– Ах ты, мелкий хорёк! – Крайза всего перекосило от злости, и он, более не сдерживаясь, вlepил мальчику затрещину.

Пастух не был очень уж здоров или силён, но в удар он вложил всю свою ненависть и всё своё буйство. Олни показалось, что лопнула пополам старая ива – такой был звук от этого удара. И внезапно земля взвилась ввысь и с размаху врезала ему по лицу, а затем обрушилась ослепляющая боль одновременно и от отбитого затылка, и от расквашенного при падении носа. Мальчишка попытался встать, но руки и ноги словно не слушались, и к тому же он совершенно не мог понять, где верх, а где низ. Он лишь вздрогнул, и так и остался лежать.

– Давай, вставай, малой, – Крайз неуверенно тронул его за плечо, вероятно, струхнув, что мог убить парнишку. – Пойдём, мать собрала тебе немного пожрать, у меня в торбе завёрнуто. Поди обмойся, да пошли в поле...

Олни продолжал лежать недвижимо – в голове стоял такой звон, что он не слышал ни одного слова, а пошевелиться пока не было ни сил, ни желания. Крайз нервно перевернул его на спину, долго вглядывался – вздымается ли грудная клетка, и, наконец, с облегчением удостоверившись, что мальчик, по крайней мере, ещё дышит, разогнулся.

– Ну и валяйся тут, – стараясь говорить невозмутимо, проговорил он, но хриплый срывающийся голос выдавал волнение. – Вечером дома поговорим. И попробуй только не вернуться!

И он отправился прочь развязным шагом, пытаясь вернуть себе былую уверенность.

Едва лишь он отошёл на достаточное расстояние, к Олни подбежала мама. Судя по всему, она украдкой проследила за Крайзом и наблюдала произошедшее, но не успела, или же побоялась вмешаться.

– Сынок! – рыдая, она бросилась на колени. – Как ты?

Олни уже понемногу приходил в себя, но всё ещё был оглушён. Он позволил поднять себя на ноги и, шатаясь, побрёл, то и дело повисая на материной руке, когда ноги в очередной раз подкашивались. Дома мама уложила его на свою (их с Крайзом) лежанку, дала попить, а затем стала осторожно смывать грязь и кровь ветошью, смоченной в воде. Ещё одну мокрую холодную тряпицу она, аккуратно сложив в несколько раз, подложила ему под гудящий затылок.

– Я убью его, – это были первые слова, которые сумел про-

изнести Олни.

Дарфа Стайк лишь горько зарыдала в ответ на это.

На следующее утро Олни отправился в поле с Крайзом. Сам, молча, без пререканий. И с потаённой радостью отметил, что пастух всегда старается идти так, чтобы не оставлять парня за спиной. Значит, он не до конца списал со счетов брошенные сгоряча слова. Может, и мама передала то, что он сказал ей вчера. В любом случае, Крайз если и не опасался мальчишку, то уж по крайней мере принимал всерьёз, и Олни воспринял это как первую маленькую победу. Но мысль о том, что однажды он убьёт этого человека, так и не покинула его голову.

Пасти коров было несложно – большую часть дня эти ленивые скотины вяло бродили по пастбищу, жуя траву, либо лежали, подтянув под себя ноги, и лишь в самый разгар дня, когда невыносимыми становились жгучие укусы множества оводов и слепней, они начинали проявлять беспокойство и двигаться быстрее, так и норовя куда-нибудь уйти. Но хитрый Крайз к этому времени отгонял стадо к одной из излучин Шмыги, где течение было не таким сильным, и коровы блаженно забирались в прохладную воду так, что скрывалось вымя, спасаясь одновременно и от жары, и от множества кусачих насекомых.

За весь день пастух и его помощник не перекидывались и

парой слов. Лишь изредка Крайз скупно давал какие-то указания, а чаще довольствовался жестами. Он по-прежнему держал Олни подальше от себя – с другого края пастбища, так что парнишка целый день нежился на солнце, разглядывая редкие облака, качающиеся травы, жужжащих насекомых. Ему всегда было интересно наблюдать за природой, и теперь он мог делать это совершенно свободно, на время забывая не только о ненавистном Крайзе, но и вообще обо всём на свете.

Наградой за помощь Олни служил лишний кусок вяленой телятины и лишний кусок сыра, которые Крайз теперь приносил в хижину Дарфы вечером. Он всегда после выпаса отправлял Олни домой, а сам на некоторое время отправлялся в свою хату, стоявшую на отшибе, и где, вероятно, хранил свои припасы.

О произошедшем больше не разговаривали. Олни вообще стал более молчалив и замкнут. Он не заговаривал первым даже с мамой, и отвечал чаще односложно, либо вовсе обходился жестами. Дарфа смотрела на него печальным затравленным взглядом, но даже не пыталась поговорить. На него же эта грусть действовала скорее озлобляюще, причём злился он не только на Крайза, но и на маму.

Так закончилось это лето, лето 962 года Руны Кветь⁶.

⁶ Руна Кветь – шестая Руна из двадцати четырёх, коими Неведомый запечатал Сферу Создания. Каждая из Рун, согласно представлениям учёных, длится 4000 лет.

К месяцу дождей⁷ трава на лесистых равнинах южного Палатия пожухла настолько, что выпас скота стал делом совершенно бессмысленным. Крайз, как обычно, на это время нанимался батраком к местному сеньору – был скотником, мясником, и выполнял различную другую работу. Для Олни и его мамы это означало, что проклятый пастух стал появляться у них гораздо реже, иной раз пропадая на несколько дней.

Олни был счастлив, да и Дарфа не выглядела очень уж расстроенной – кажется, она больше боялась Крайза, чем испытывала к нему какие-то нежные чувства, тем более, что пастух не слишком-то улучшил материальное положение семьи. Естественно, что довольно скоро слухи о том, что Безотказка вновь свободна, побежали по окрестностям, и в доме Дарфы вновь появились посетители.

Олни и сам был удивлён, насколько он обрадовался этим похотливым деревенщинам, хотя раньше всякий раз внутренне содрогался, когда слышал стук в дверь. Но теперь для него это означало, прежде всего, свободу от Крайза – тот хоть и захаживал к Дарфе, но уже не так часто, как раньше.

Но однажды случилось неизбежное. Ввалившись затемно в лачугу, которую он считал своей, Крайз наткнулся на весьма недвусмысленную сцену. Завязалась драка, разбудившая на сей раз честно спавшего Олни. Нельзя сказать, что Крайз

⁷ Месяц дождей – второй месяц осени, соответствует нашему октябрю.

вышел из неё однозначным победителем, однако же его соперник в какой-то момент предпочёл ретироваться, оставив часть одежды на поле брани.

Теперь Крайз, обозлённый до бешенства, с кровоточащей губой и разодранным рукавом куртки, мог выместить свою злость на Дарфе. Он страшно кричал, наблюдая, как она спешно натягивает одежду, а затем впервые за всё время перешёл от слов к делу. И до этого бывало несколько моментов, когда он в ярости замахивался на свою сожительницу, но обычно в последний момент успевал остановить руку. В этот же раз он не стал сдерживаться и наотмашь влепил Дарфе пощёчину.

Безотказка, как подкошенная, рухнула на размётанную лежанку, и тут же сзади к Крайзу подскочил Олни. С горестным криком, в который он вложил всю свою ненависть, мальчишка прыгнул на спину обидчика и зубами впился ему в плечо. Плотная куртка спасла Крайза от опасности лишиться части своей плоти, потому что парнишка сжал челюсти со всеми силами, что были ему доступны. Во всяком случае, Олни, кажется, удалось прокусить плечо до крови, хотя, быть может, это куртка пастуха столь пропиталась потом, что была солоноватой на вкус.

Разразившись проклятиями, Крайз стряхнул с себя Олни, который был слишком слаб, чтобы удержаться на спине взрослого человека. Словно кот, мальчик, едва коснувшись ногами пола, отпрыгнул в сторону, уходя от удара. Но теперь

он оказался прижат к стене, убежать было больше некуда.

Подскочив к наглому мальчишке, Крайз как следует замахнулся – кажется, он решил повторить свою прошлую оплеуху. Поняв, что уйти от удара не получится, Олни как-то внутренне сжался, стараясь подготовить тело к грядущей боли. Он что-то ощутил – словно какие-то мурашки, пробежавшие по спине. А затем мозолистая грязная ладонь обрушилась на его голову.

Удивительно, но на сей раз боль была не такая оглушающая. Это скорее было похоже на те лёгкие хлопки, которые изредка позволяла себе мама. Олни даже распахнул глаза от удивления – он-то уже приготовился к тому, что снова сутки пролежит в постели после этого удара.

Крайз же, напротив, разразился криками боли и изумления. Он тряс ладонью так, словно только что изо всех сил ударил гранитную скалу. Кажется, он совершенно забыл на какое-то время о проклятом щенке. Олни не требовалось дополнительного приглашения – он мышью прошмыгнул мимо кричащего от боли пастуха и опрометью выскочил на улицу.

История эта окончилась для Олни вполне счастливо. Оскорблённый и порядком побитый Крайз в тот вечер ушёл от Дарфы к себе домой, а уже на следующий день несколько местных мужиков знатно отколотили его, чтобы он впредь не зарился на то, что принадлежит всем. И с тех пор ноги пастуха в доме Олни и его мамы не было. Было, правда, множество других ног, но мальчик понял, что до тех пор, пока

они не претендуют на нечто большее, чем полчаса в постели, всё это не так уж и страшно.

Глава 2. Дар

В последующие несколько лет Олни жил обычной жизнью простого деревенского мальчишки – подённичал по мере возможности, добывая хоть какое-то пропитание, трудился на небольшом клочке земли, что арендовали они с мамой у барина, и которая приносила больше проблем, нежели плодов, однако Дарфа никак не могла решиться отказаться от неё, потому что безземелье было бы равносильно нищете. Будучи единственным мужчиной в семье, Олни старался делать всё, что мог, лишь бы облегчить жизнь матери.

У неё, кстати, возникли довольно серьёзные проблемы – кто-то из посетителей одарил её нехорошей болезнью. Это доставляло ей массу неприятностей, а кроме того несколько уменьшило поток поклонников, так что Олни в очередной раз пришлось потуже затянуть пояс, а также более рьяно искать себе подённую работу в надежде однажды найти что-то постоянное. Он уже несколько раз ходил в имение, надеясь уговорить управляющего взять его в батраки, однако всякий раз возвращался ни с чем.

Хорошо было бы податься куда-нибудь в город – например, в находящийся милях в тридцати пяти отсюда городок Токкей. Возможно, там его рукигодились бы больше. Однако он не мог оставить маму одну.

К пятнадцати годам Олни вытянулся, став на полторы го-

ловы выше матери, но при этом был таким тощим, что со стороны выглядел жердью, вытянутой из плетня. У него по-прежнему не было приятелей, но зато на него стали всё чаще заглядываться девчонки, находя весьма интересной его южную смуглость и точённость лица. Деревенские нравы были довольно просты и непритязательны, так что в свои пятнадцать Олни позволял себе довольно много. Пока боги миловали юного ходока, но всё шло к тому, что рано или поздно в его дом вломится разъярённый папаша, таща за руку зарёванную дочку, и потребует сыграть свадьбу раньше, чем у дурёхи станет заметно округлившееся брюхо.

Может быть, случись всё именно так, мир никогда не узнал бы о великом и ужасном Каладиусе. Но, кажется, то ли у Белого Арионна, то ли у Чёрного Асса были свои планы на этого пока ещё тщедушного подростка.

Скорее всего, в этом был замешан именно Асс, потому что дорожка, по которой шёл Олни становилась всё более кривой. В какой-то момент, доведённый до отчаяния вечной нищетой и недолеченной болезнью матери, которая периодически давала о себе знать, парень взялся за воровство.

Поначалу это были мелочи вроде пары редек, тайком выдернутых с чужого огорода ночью, и в этом не было ничего страшного – подобным промышляли любые мальчишки в любом уголке мира, даже те, у которых всего в достатке было на собственном огороде, ведь чужое всегда слаще и вкуснее. Но потом он стал таскать яйца из курятников, вяленую рыбу,

которую рыбаки подвешивали на солнце. Вскоре дошло до зерна. А затем он стал таскать кур.

Деревушка, в которой жил Олни, была совсем невелика – три десятка дворов, или чуть больше. В таком ограниченном пространстве долго скрывать факты кражи было попросту невозможно. Небогатые рачительные колонны чуть ли не поштучно знали, сколько морковок растёт на их грядках, не говоря уж о количестве кур.

В общем, Олни совсем недолго оставался непойманным. Точнее, на месте преступления его так и не поймали, но круг подозреваемых был не так широк, поэтому на следующий день после того, как он украл вторую в своей жизни курицу, к ним в дом пришли.

Надо сказать, мама не задавала лишних вопросов по поводу внезапно возникавших тощих несушек со свёрнутыми на бок головами – её вполне удовлетворяли невнятные объяснения о плате за подработку, хотя сложно было представить себе такую услугу, которая бы стоила курицы. Тем не менее, куриный бульон значительно обогащал меню, поэтому Дарфа старательно верила в не слишком ловкую ложь сына.

Когда к ним вломились разъярённые односельчане, Олни проявил недюжинный талант актёра. Он весьма правдоподобно изображал сперва изумление, затем – оскорблённую невинность и горячее желание помочь в поисках истинного воришки. Он великолепно отыгрывал за двоих – и за себя, и за беспомощно молчащую мать, озирающуюся каким-то ви-

новато-испуганным взглядом.

Но все старания оказались тщетны – правдоподобность великолепных пантомим и искренних речей Олни разбилась о кучку красновато-коричневых перьев, которую ребяташки довольно быстро сыскали под лопухами в дальнем уголке их небольшого огородика. С таким аргументом не могла поспорить никакая актёрская игра.

К счастью, владельца безвременно погибшей курицы удалось утихомирить – он отвесил Олни лишь пару тумачков. Однако же теперь селяне с полной уверенностью в собственной правоте обвинили мальчика во всех кражах, что случились за последнее время, и, как мы знаем, совершенно небезосновательно. Воришка стоял, потирая покрасневшее ухо, и ревел в два ручья, причём сложно сказать, сколько в этом было актёрской игры, а сколько – реального страха и боли.

Так или иначе, но слёзы долговязого дылды не произвели на односельчан должного впечатления. Было решено, что парень уже достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои поступки. Хозяин курицы под общий ободрительный ропот объявил, что вора нужно судить по закону.

Законом так далеко от ближайшего города был, естественно, местный феодал. И это вполне устраивало всех – ведь попади Олни в настоящий суд, то, вероятнее всего, его отправили бы на пару лет дробить щебень в Анурских горах. А так, глядишь, пара десятков ударов розгами навсегда выбьют из него эту дурь. Так что ревушего воришку в сопро-

вождении ревущей же Дарфы повели в имение, находившееся в трёх милях от деревни.

Имение местного сеньора не поражало воображение ни размерами, ни роскошью. В здешних местах не было особливо зажиточных колонов, которые могли бы арендовать большие участки земли и тем самым обеспечивать феодалу стабильную ренту, да и земля была не из самых плодородных, так что тяжкий труд крепостных приносил довольно жалкие плоды. По местным меркам сеньор Шейнвилл был вполне себе крупным феодалом, но, конечно, если не сравнивать его с помещиками, обитающими поближе к Шинтану.

Тем не менее, замашки у сеньора Шейнвила были поистине аристократические. Мы уже упоминали ту вольность, с какой он позволял себе использовать своих крепостных девушек в качестве наложниц. Жена его уже несколько лет лежала, не вставая – у неё было расслабление ног, так что передвигаться без посторонней помощи она не могла. А потому сеньор Шейнвилл чувствовал себя в полном праве, поскольку мужчина он был ещё не старый – ему не исполнилось и сорока пяти, и он, как он сам выражался, «не был лишён определённых потребностей». Надо отметить, что он нисколько не стеснялся своих походов, что лишний раз подтверждало, что ничего плохого он в этом не видел.

Но кроме этого сеньор Шейнвилл весьма тяготился сво-

им ярмом провинциального помещика. Одно время он стал устраивать регулярные выезды в Токкей, но вскоре заметил, что вызывает там скорее насмешки со стороны высшего общества, и решил, что сумеет придать аристократический лоск своей жизни и здесь, в своём имении. Представления об аристократизме у него, впрочем, были самые простецкие, поэтому, случись в его имении гость с более тонким столичным вкусом, он бы пришёл в ужас, или же подавился бы смехом от той аляповатости, которая, впрочем, в известной степени выглядела даже трогательно. Понятное дело, что для окрестных колонов и крепостных, не обладающих врождённой изысканностью, усадьба барина выглядела просто шикарно, хотя за всей этой дешёвой помпезностью и проглядывала некоторая скудость в достатке.

Именно в силу своих барских привычек сеньор Шейнвилл находил особое удовольствие в той пародии на суд, которую он устраивал для местных селян. В такие минуты он чувствовал свою исключительную, ничем не разбавленную значимость для всех этих людей, собравшихся здесь, и это окрыляло мелкопоместного дворянчика, пробуждало в нём вкус к жизни.

Обычно в подобные дни на высокое крыльцо усадьбы выносили большое кресло, задрапированное помпезными покрывалами, а двери и стену завешивали багряным гобеленом с золотой вышивкой. Золотые нити, правда, давно поблекли, а саму ткань гобеленов порядком побили моль и время, но на

собиравшихся поглазеть на «суд» селян всё это производило неизгладимое впечатление. В такие минуты им казалось, что перед ними восседает не их барин, и даже не грозный судия, а сам Увилл Великий⁸, а то и кто-то из императоров древней империи.

В ненастные дни, правда, приходилось проводить суд в одной из гостиных, которая не могла уже вместить всех желающих, но зато там каждая деталь убранства буквально вопила о благородстве и знатности своего хозяина.

На этот раз погода была вполне ясная, так что сеньор Шейнвил, узнав, для чего к нему пришли людишки, тут же распорядился покамест запереть обвиняемого в пустующем хлеву и начать подготовку к заседанию. Всё время, пока дворовая прислуга натягивала гобелен и выметала двор, Дарфа стояла, прислонившись лбом к неплотно сбитым дверям хлева, и тихонько подвывала в тон хнычущему внутри сыну.

Наконец всё было подготовлено. Олни вывели во двор, и он, щурясь от солнца и от соли, разъедающей веки, подошёл к восседавшему на возвышении сеньору. Дарфа пыталась было пройти за ним, но дворня довольно грубо оттолкала её к остальным селянам.

⁸ Увилл Великий (он же – Увилл Завоеватель) – легендарный король Латиона, ставший героем множества легенд не только в данном королевстве, но и в соседних, в том числе и Палатие. Король Увилл сумел преодолеть последствия Смутных дней и начать процесс собирания земель, превративший небольшое королевство Латион в одно из величайших государств на территории бывшей Кидуанской империи.

Неподалёку от самозванного судьи сидел, ухмыляясь, мужчина лет тридцати-тридцати пяти. Он с явным интересом наблюдал за происходящим, но интерес этот был не лишён язвительности и почти неприкрытой насмешки. Одет мужчина был небогато, но при всём этом в его скромной, явно поношенной одежде неуловимо угадывался определённый вкус, выдававший в её владельце горожанина, причём горожанина, когда-то ранее имевшего некоторый достаток.

Поговаривали, что это – кузен сеньора Шейнвила, приехавший к нему в усадьбу несколько месяцев назад. Якобы, раньше он жил едва ли не в самом Шинтане, но затем по какой-то причине заимел определённые проблемы с законом, и решил на время раствориться в затхлом и непроницаемом из столицы воздухе дальней провинции.

Так ли это было, или иначе – сказать сложно, но было видно, что кузен сеньора Шейнвила впервые попал на подобную экзекуцию, и с огромным удовольствием наблюдает за происходящим. Даже не слишком внимательный наблюдатель сразу отметил бы, насколько этого горожанина смешит разыгрываемая сцена, и что он столь низкого мнения об умственных способностях присутствующих, что не слишком-то и скрывает свою сардоническую ухмылку. Ну и кроме того он, должно быть, отчаянно скучал здесь, в этих глухих местах, поэтому был крайне рад неожиданному развлечению.

Сеньор Шейнвил же, раздуваясь от собственной важности

перед лицом родственника, на сей раз превзошёл сам себя. Он говорил медленно и веско, пытаясь вплетать в речь те немногие юридические термины, которые когда-либо слышал и попытался запомнить, но по внезапным гримасам, то и дело искажавшим лицо его кузена, словно бы тот изо всех сил сдерживал подступающий смех, становилось понятно, что чаще всего эти термины вставлялись совершенно не к месту.

Судья дал высказаться сперва потерпевшей стороне – владельцам двух пропавших кур, а также прочего того, что успел украсть Олни. Он важно кивал и даже словно что-то помечал на листе пергамента линиялым пером. Он, накренившись вперёд, выслушал свидетелей о найденных уликах в виде кучки перьев и даже изучил на свет одно из таких пёрышек, которое было заботливо принесено сюда в качестве доказательства. Неясно, что он мог разглядеть в этом жалком пере – разве что, подобно мифическим оракулам он мог вопрошать неживые предметы, но было видно, что старательно давящий улыбку кузен считает это предположение маловероятным. Тем не менее, сеньор Шейнвил положил поданное пёрышко рядом со своим листом бумаги и кивнул с самым проницательным видом.

Затем была милостиво дана возможность высказаться самому Олни, но он только и мог, что размазывать сопли по щекам, да бормотать какие-то бессвязные извинения. Он уже не пытался разыгрывать из себя святую невинность, уже

не отпирался от тех обвинений, что предъявлялись ему. Он был раздавлен творящимся вокруг и, вероятно, уже прощался с жизнью.

Весь процесс занял не более трёх четвертей часа, но если бы выжать из него все выпренные и нелепые речи сеньора Шейнвила, всё бессвязное мычание колонов, не умеющих связать двух слов, все всхлипывания Олни – едва ли сухой остаток занял бы больше десяти минут. В конце концов, Шейнвил, приняв в своём кресле позу, достойную самого короля Келлетта⁹, огласил свой вердикт.

Обвиняемый был полностью признан виновным в совершенных им преступлениях. Поскольку Шейнвил, даже изображая из себя судью, понимал, что, зайдя он слишком далеко, у него могут быть неприятности за самосуд, по всем вопросам выносил один и тот же вердикт – порка. То, что он не имел права приказывать пороть свободных людей, никому из колонов никогда даже в голову не приходило – они видели в этом человечке воплощение власти. Так что оспорить приговор было некому – даже кузен сеньора продолжал наблюдать за происходящим лишь с усмешкой, видимо, предвкушая, как он позже станет рассказывать этот анекдот своим приятелям.

Судья Шейнвил присудил всыпать нарушителю двадцать

⁹ Келлетт Седьмой (Келлетт Два Кошеля) – король Палатия во времена, описываемые в книге. Своё прозвище получил за то, что якобы иногда грешил обрезкой монет, коими после расплачивался, держа их в отдельном кошеле. Короля, правда, за руку никто ни разу не ловил, но прозвище укоренилось.

пять розог – по десятку за каждую украденную курицу, и ещё пять «за прочий причинённый ущерб». Тут же расторопная дворня вытащила лавку, не раз уже служившую для подобных целей. Двое холопов, исполнявших при дворе Шейнвила роль палачей, подступили, держа каждый по хорошей ореховой розге.

Лишь тот, кто ни разу не испытывал спиной, что такое розги, мог бы счесть наказание мягким. В умелых руках розга рассекала кожу не хуже плети, тем более если речь шла о таком тщедушном объекте экзекуции, каковым был наш будущий великий маг Каладиус. Не нагуляв достаточной прослойки спасительного жира, он был так тощ и имел так мало мяса на спине, что, пожелай того порщики, они легко могли бы посесть его до самых костей.

С рачительностью, свойственной всем простолюдинам, с Олни стянули рубаху, а также, уже положив на лавку, спустили штаны. Порка – поркой, но зачем портить одежду? Более того, по жесту барина молодая дворовая девка подбежала с ушатом горячей воды и, окатив ей лежащего парня, слегка обтёрла его ветошью, дабы грязь, скапливающаяся на неделями невымытой коже, не попала в рану и не заставила её гноиться сверх меры. Во всех этих приготовлениях было столько провинциального колорита, что кузен Шейнвила, не усидев, поднялся со своего кресла и подошёл ближе, чтобы не упустить чего-то ненароком.

Олни же, распластавшись на плохо ошкуренной лавке, по-

нял, что сейчас будет очень больно. И, как тогда, несколько лет назад, когда его хотел ударить Крайз, он внутренне сжался, пытаясь поймать то самое ощущение мурашек между лопатками. И ему это удалось!

Первых несколько ударов он даже не почувствовал. Парень с некоторым удивлением, извернув голову, заглянул себе на поясницу – вдруг порщикам дали указание бить еле-еле? Но нет – вспухшие багровые полосы на спине, а также капельки крови, кое-где уже просочившиеся из-под лопнувшей кожи, красноречиво свидетельствовали о том, что палачи не филонили и добросовестно выполняли свою задачу.

Олни не видел, каким изумлением исказилось лицо городского хлыща, стоявшего неподалёку. С него разом соскочила и саркастическая ухмылка, и презрительная спесь, уступив место неподдельному удивлению и некоторой растерянности. Очевидно, он что-то ощутил, недоступное всем прочим, и теперь не мог поверить в происходящее. Тем не менее, он не сделали ни движения, чтобы помешать экзекуции. С искренним интересом и очень серьёзно он теперь наблюдал за лежащим на скамье мальчишкой, отмечая любые изменения в мимике.

Олни же начал чувствовать боль примерно к пятому-шестому удару, хотя болью это можно было назвать с большой натяжкой – скорее, неприятные ощущения. Первый крик сорвался с его губ где-то на двенадцатом ударе, когда любой другой на его месте уже сорвал бы горло от воплей и ры-

чания. Правда, довольно быстро он наверстал упущенное, и вскоре округа огласилась его истошным ором.

Оставшиеся удары показались несчастному бесконечными, а прошедшее время – вечностью, хотя вся порка заняла не больше двух минут. Наконец последний, двадцать пятый удар обрушился на окровавленную спину подростка, и оба порщика тут же отступили, уступив место сердобольной бабе с мокрым отрезом ткани, который она набросила на истерзанную спину. Ткань эта была вымочена в специальном отваре, который должен был несколько смягчить боль, а главное – способствовать более скорому заживлению. Хотя нельзя не отметить, что оба палача постарались на славу, так что шрамы на всю оставшуюся жизнь были практически гарантированы.

Удовлетворённые свершившимся правосудием, колонны стали расходиться. Сеньор Шейнвил повелел оставить парнишку в усадьбе до утра, поскольку было ясно, что ему нужно отлежаться, и что сейчас он не в состоянии своим ходом добраться до деревни. Дарфе дозволили остаться с сыном, чтобы ухаживать за ним, менять примочки и исполнять иные обязанности сиделки.

Конечно, в дом Олни не внесли. Ему постелили старую рогожу в каком-то пустом помещении, напоминающем дровяной сарай, где остро пахло пылью и мышами. Собственно, парню на это было совершенно наплевать – он находился в каком-то полуобморочном состоянии, плавающая в море боли,

которая, казалось, растеклась от пылающей и пульсирующей поясницы не только по всему телу, но и заполнила собой весь мир.

Сколько он провёл в подобном состоянии – оценить было сложно. С некоторой периодичностью мама меняла примочки на его спине, но даже это не могло быть ориентиром для оступевшего от боли Олни. Он вообще с трудом понимал – день сейчас, или ночь. Иногда Дарфа подносила ему к губам плошку с водой, и тогда он тупо, не осознавая даже, что делает, стягивал её в себя, но через секунду уже не мог вспомнить об этом.

Ближе к вечеру хлипкая дверь сарая скрипнула, впуская внутрь человека. Дарфа испуганно оглянулась и, несмотря на густой полумрак, распознала в вошедшем того самого родственника барина. Не понимая, зачем он пришёл сюда, она сжалась в комочек, словно опасаясь, что её, а главное – её сына сейчас будут бить. Но затем она смекнула, что он, должно быть, пришёл за тем же, зачем приходили к ней и все остальные мужчины, и вздох облегчения невольно вырвался из её груди. За свою услугу она надеялась выторговать из этого барина что-то, что поможет и ей, и Олни.

Но готовую на всё вдовушку ждало удивление, смешанное с разочарованием.

– Выйди, – коротко сказал вошедший, кивнув в сторону

двери.

– Зачем?.. – с нотками истерики в голосе спросила Дарфа. Её накрыл ужас, что этот странный человек хочет что-то сделать с её сыном.

– Выйди, – повторил тот. – Не бойся, я ничего не сделаю твоему сыну. Мне нужно поговорить.

– Он не может сейчас говорить... – вяло сопротивлялась Дарфа, в которой страх за Олни перевешивал страх за саму себя.

– Я облегчу его страдания. Не беспокойся, я не причиню ему вреда.

– Я останусь здесь, – насколько возможно твёрдо проговорила Дарфа.

– Ты выйдешь сама, или тебя вынесут слуги, – почти равнодушно ответил незнакомец. – Не волнуйся, через четверть часа ты вернёшься. А пока поди на кухню, я распорядился, чтобы тебе дали поесть.

Властность голоса, а также какое-то интуитивное ощущение, что этот странный человек не желает зла Олни, заставили Дарфу подчиниться. Отчасти, конечно, сыграло свою роль и обещание ужина, поскольку женщина была зверски голодна. Медленно, то и дело оборачиваясь на распростёртое тело сына, она всё-таки вышла из сарая и направилась к дому, очень надеясь, что барин не обманул её насчёт кормёжки.

Тем временем кузен Шейнвила подошёл к Олни и, отку-

порив небольшой флакончик, дал ему выпить горьковатой жидкости. Глотательный рефлекс у измученного недавней поркой подростка работал плохо, так что парень закашлялся, пролив часть содержимого флакона, однако же уже через минуту замутнённые болью глаза стали приобретать осмысленность и сфокусированность.

Незнакомец подождал пару минут, пока Олни не зашевелился.

– Ну как, тебе уже лучше? – с усмешкой спросил он.

– Что вы сделали? – пока ещё плохо слушающимся языком пробормотал Олни.

– Это обычный настой дурной травы. Ничего особенного – он просто снимает боль. У тебя есть три-четыре часа. Наслаждайся.

– Где мама? – Олни попытался приподняться на руках, чтобы оглядеть сарай.

– Я отослал её покамест, чтобы мы могли поговорить.

– О чём? – тупо спросил парнишка, недоумевая, какая же может быть общая тема для разговора между деревенским воришкой и знатным баринном.

– Кто научил тебя манипулировать *возмущением*? – не тратя времени на прелюдии, спросил незнакомец.

– Меня никто не учил, – зачастил Олни, решив, что его спрашивают о том, кто надоумил его воровать. – Мама ничего не знала. Я сам решил, потому что нам нечего есть...

– Я не об этом тебя спрашиваю, дурачина! – беззлобно

рассмеялся незнакомец. – Кто обучал тебя магии?

– Не понимаю, о чём вы толкуете, ваша милость? – испуганно заканючил Олни, решив, что его вот-вот обвинят в чём-то куда более страшном, нежели воровство кур.

– Во время порки ты сотворил какое-то блокирующее заклятие. Кто-то учил тебя этому, или ты додумался до этого сам?

– Меня никто не учил, ваша милость... Просто я скукожился, чтобы было не так больно...

– Скукожился? – расхохотался незнакомец, с каким-то наслаждением повторив это нелепое слово. – Право же, никогда ещё не слышал столь оригинального описания для волшбы! Значит ты, малец, самоучка?.. Что ж, ежели так, то ты можешь далеко пойти! Кто бы мог подумать, что подобный бриллиант может так запросто валяться в этом навозе!..

– Я не понимаю, что вы говорите, сударь... – жалобно пробормотал Олни.

– Скажи, мой вороватый друг, – отсмеявшись, уже совершенно серьёзно заговорил незнакомец. – Какой ты видишь свою будущность? Хочешь ли ты всю жизнь прожить в своей воняющей мочой деревне, ковыряясь в земле и таская чужих куриц, или же тебе было бы интересно попробовать совсем другую жизнь? Проще говоря – хотел бы ты стать волшебником?

Глава 3. Клайдий Сарамага

Клайдий Сарамага с самого рождения получил от судьбы всё необходимое. Великолепный плод, рождённый на скрещенье двух весьма достойных генеалогических древ, одно из которых уходило корнями в древний род финансистов из Саррассы, и чью фамилию с гордостью носил новоявленный отпрыск, а другое, глубоко укоренившись на суровых землях Палатия, восходило ещё ко временам Смутных дней, когда новые дворяне возникали не благодаря знатности герба на своих щитах, а исключительно благодаря своим иззубренным мечам.

Получившаяся смесь южной и северной крови, крови торгашей и воинов, вероятно, образовала весьма перспективный букет, поскольку Клайдий (или просто Клай, как называли его близкие и друзья) выделялся и внешностью, и умом. А уж когда у него были обнаружены весьма неплохие задатки к магии, его будущее и вовсе, казалось бы, было уже целиком и полностью обеспечено.

Однако был в характере Клая небольшой изъян, присущий, впрочем, многим тонким натурам – он был чересчур мягок к своей персоне, позволяя себе многое и прощая себе всё. И это в значительной степени вредило ему самому.

Начнём с того, что Клай оказался не самым благодарным учеником, так что спустя всего одно лето волшебник,

который взялся за его обучение, взашей прогнал наглого мальчишку, устав от его постоянных выходов и полнейшего неуважения к авторитетам. Сперва неудавшийся маг решил, что вполне справится с самообучением, но через некоторое время был вынужден признаться себе, что его способности не так великолепны, как ему казалось, и что, оставшись без наставника, он стал просто топтаться на месте.

Весьма обеспеченные родители Клайдия, хоть и грозили сперва отпрыску всеми карами небесными, в конце концов сменили гнев на милость, как и всякие родители, и, будучи уверенными в исключительности своего чада, решились на небывалый шаг – отдать Клая в Латионскую академию. Это стоило невероятно дорого, поскольку обычной практикой для академии было то, что преподаватели сами искали себе подопечных, и тогда вступительные экзамены для них были бесплатны. В случае же с Клаем его отцу нужно было не только ежегодно в течение нескольких лет оплачивать отнюдь не дешёвое обучение и проживание, но и заплатить весьма внушительную сумму за право участвовать во вступительных испытаниях без предварительного отбора.

Неизвестно – вышло бы из этого что-нибудь, или Клай вновь сам испортил бы всё, но тут в дело вмешалась большая политика. Между Палатием и Латионом вспыхнула очередная война, все отношения вновь были разорваны (как случилось уже неоднократно), а потому о поездке в Латион можно было забыть по крайней мере на ближайший год-два. За-

тем, конечно, отношения будут возобновлены, но куда девать юного бедокура сейчас?

В конце концов отец, используя и связи, и деньги, построил Клая к ещё одному магу, для которого репутация будущего ученика оказалась менее значимой, чем туго набитый тоинами¹⁰ мешок. Но, надо сказать, что и сам Клайдий Сарамага к тому времени уже смекнул, что быть магом при каком-нибудь богатом феодале куда выгоднее, чем идти на военную службу или быть чиновником, а потому смирил свой нрав и по мере сил старался во всём следовать наставлениям нового ментора.

Нельзя не признать, что давалось это непоседливому школяру с трудом. Наставник сетовал родителям, что из-за несносного характера мальчик не вполне может раскрыть тот потенциал, что заложен в нём. Правда, отмечал он и то, что в этом, по-видимому, виновата сама природа, а не злая воля самого Клая. Слишком уж горяч был мальчик, слишком охоч до различных удовольствий, в том числе и запретных.

В итоге Клайдий продержался у своего учителя почти четыре года. За это время, надо признать, он заметно продвинулся вперёд и, как ему показалось, теперь вполне мог продолжать работать над собой сам. Наставник горячо поддерживал стремление своего ученика – видимо, ему порядком на-

¹⁰ Тоин – крупная серебряная монета Палатия. Палатий не использует золото в качестве материала для своих монет, поэтому тоин – крупнейшая из его монет, при том, что она в самом деле весит довольно много – каждая монета содержит около двух унций чистого серебра.

доело нянчиться с толковым, но слишком уж своевольным мальчишкой.

С тех пор у Клая началась приятная жизнь. Снабжаемый неиссякаемым потоком серебра из родительских сундуков, он не слишком-то спешил найти себе какой-то приработок, объясняя недовольному отцу, что его духовные поиски ещё не завершены. Однако эти самые духовные поиски всё чаще приводили юного мага в таверны и публичные дома, нежели в библиотеки и лаборатории.

Лишь к двадцати пяти годам Клай наконец устроился к одному дворянину в качестве личного волшебника. Конечно, карьеру и имя куда быстрее можно было сделать либо на юге, где то затихали, то вновь возобновлялись военные конфликты с Латионом, либо на севере, где местные жители всё чаще жаловались на набеги келлийцев. Можно было сделать неплохое состояние в Анурских горах, где маги всегда были нужны, чтобы дробить породу. Но Клаю не нужно было состояние – после смерти родителей он и так становился счастливым обладателем весьма впечатляющего богатства, а мыкаться по военным лагерям ради стяжания славы он считал совершенно нелепым.

Его же новый работодатель полностью соответствовал вкусам работника. Такой же молодой прожигатель жизни и батюшкиного состояния (в отличие от самого Клая родители Тейнона, как звали дворянина, благополучно скончались пару лет назад), умный и весёлый, любитель наслаждений

и ненавистник всякой озабоченности. Они довольно быстро спелись, и теперь все приключения обычно делили пополам, отчего юный маг только выиграл – теперь и кабаки, и бордели, которые он так любил, стали заметно выше классом.

Всё бы ничего, если бы парочка, быстро ставшая закадычными приятелями, не попадала то и дело в какие-то не слишком чисто плотные истории. Ночные проделки, пристаивания к буржуа на улицах, своеобразные салки с городской стражей – всё это поначалу выглядело лишь как безобидные развлечения пресыщенных жизнью барчуков. Однако же, как говорят алхимики, критическая масса постепенно накапливалась, меняя само содержание.

Через год совместной неуёмной жизни на счету того же Клая было уже три дуэли на шпагах, хотя магов обычно чурались вызывать на дуэль, опасаясь, что те каким-то образом «наколдуют» себе победу. Но острый язык и хмельное бахвальство сделали своё дело. Дважды юноша выходил победителем (никого не убив, лишь нанеся рану достаточно глубокую, чтобы прекратить схватку), в третий раз ему хорошенько продырявили бок, так что около двух месяцев Клай лежал в постели, некоторое время буквально находясь между жизнью и смертью.

Казалось, этот эпизод станет для юного шалопаю отличным уроком, и на некоторое время, выбравшись наконец из постели, Клай действительно притих. Шинтансткое общество, какое-то время с выжидательным интересом следив-

шее за тем, что ещё учудят двое друзей, наконец переключилось на иные темы и иные личности.

Но, как оказалось, Клая напрасно сбросили со счетов. Через какое-то время весь великосветский Шинтан обомлел от новости, что вечный бретёр и повеса Клайдий Сарاماга ударился в арионнитство, переселившись в один из храмов в пригороде. Некоторое время в это отказывались верить, пока на очередном празднике Благодарных Даров¹¹ не разглядели Клая в толпе паломников, нёсших эти самые дары.

Новоиспечённый послушник заметно изменился – обстриг свои щегольские волосы, сбрил дерзкие усы с небольшой бородкой, переделся в светло-коричневые одежды. В таком виде его было трудно узнать, но всё же все, кто знал его когда-то, со вздохами подтвердили, что это – именно он, Клайдий Сарاماга, собственной персоной.

Новое чудачество Клая обсуждалось гораздо дольше его былых походов, но и оно со временем забылось. Было решено, что бедняге, видимо, дорого далось его ранение, и, вполне вероятно, из-за этого он слегка повредился в рассудке. Что ж, высшее общество Шинтана вполне способно было породить новых Клаев, так что в какой-то момент времени о экстравагантном отшельнике позабыли, переключившись на куда более интересные и важные события.

¹¹ Праздник Благодарных Даров – один из праздников, отмечаемых арионнитами в начале осени, когда люди благодарят Белого бога за посланный урожай, отдавая ему небольшую часть от этого урожая.

И вот спустя почти два года, когда о его существовании все, включая, наверное, и бывшего закадычного дружка Тейнона, уже благополучно забыли, Клайдий вдруг вновь объявился в свете. Это был опять тот же франт в платье по последней моде, с тщательно уложенными и надушенными волосами, и всё с теми же бесовскими искорками в глазах. Возвращение Клая из мёртвых вряд ли произвело бы большой фурор в обществе, чем его возвращение из арионнитского монастыря.

Клай снова быстро сошёлся с Тейноном, заверяя последнего, что изучил у святых отцов абсолютно новые грани манипулирования *возмущением*, и что теперь он по праву может называться одним из величайших магов. Правда, он ничем не подтвердил голословность своих заявлений, но поскольку Тейнону требовался скорее собутыльник, наперсник и секундант, нежели хороший маг, то большего, чем простые заверения, от Клая никто и не требовал.

Светская жизнь подхватила и понесла Клайдия прямо в объятия того рока, который и привёл его в имение сеньора Шейнвила. Путь этот был не слишком быстр и довольно извилист, но совершенно неуклонен.

Всё началось с того, что на одном из приёмов Клай свёл знакомство с совсем ещё юной дамой, которая поразила его изяществом и красотой. С горьким удивлением он узнал, что эта девушка, несмотря на то, что ей ещё не исполнилось и шестнадцати, уже была замужем за одним из самых влия-

тельных членов гильдии торговцев шёлком – весьма богатым, и почти столь же безобразным купцом вдвое старше самого Клайдия.

Конечно, в союзе этом не было и толики любви – красоту и юную свежесть в очередной раз обвенчали с деньгами и связями, что было весьма выгодно родителям госпожи Сайли, которые приобрели необходимый вес в обществе, и выгодно господину Шатсли, который приобрёл по весьма сходной цене что-то вроде домашней зверюшки, которой так приятно было кичиться перед столь же старыми и уродливыми друзьями.

Сайли, потихоньку хиревшая в унылом обществе мужа, конечно же, не осталась равнодушна к чарам молодого красавца с хорошо подвешенным языком и безупречными манерами. Не прошло и получаса, как она уже весело болтала с новым знакомым – излишне весело, чтобы оставаться в рамках приличия, по мнению Шатсли. В общем, старик, сварливо поздоровавшись с молодым хлыщом, так некстати увивавшимся вокруг его юной жены, тут же увёз последнюю в свой тёмный скучный дом.

Клай никогда не был обделён женским вниманием, но здесь он неожиданно почувствовал нечто новое. Сайли манила его, но то была не обычная похоть. Кажется, он едва ли не впервые в своей жизни был влюблён. И он решил действовать, поскольку готов был поклясться, что и девушка испытывала к нему сходные чувства.

Конечно, набиваться в друзья к угрюмому мужу было бессмысленно, поэтому Клай стал буквально охотиться за молодой госпожой Шатсли. Он подкупил нескольких слуг из дома купца, чтобы всегда знать, на какие приёмы и празднества собирается их хозяйка. И каждый раз, встречаясь с ней взглядом на очередном приёме, он млел от счастья, видя, как загораются её глаза.

Однако видел это и муж, который вдруг стал проявлять совершенно неуместную в его случае ревность. Как только он замечал в толпе посетителей надоедливого Сарамату, он тут же начинал хмуриться и уже не отходил от жены ни на шаг, хотя это поведение и не отличалось изысканностью с точки зрения тогдашних нравов. В общем, Клаю едва удавалось обменяться со своей возлюбленной парой слов приветствия, и только. Конечно, они куда активнее обменивались горячими взглядами, но Шатсли это весьма быстро надоедало, и он покидал приём в самом его разгаре, увозя своё сокровище домой.

Клай пытался встречаться с Сайли во время её прогулок, но и здесь несносный ревнивец весьма быстро поставил непреодолимый заслон в виде трёх здоровенных молодцов весьма неприветливой наружности, что теперь неизменно сопровождали госпожу во время прогулок, якобы заботясь о её безопасности.

И тогда, как азартный игрок, Клайдий решил пойти ва-банк. В один из прекрасных весенних вечеров он, легко пе-

ремахнув через декоративный забор, ограждавший особняк Шатсли, оказался в его саду, откуда довольно быстро добрался до дома. От купленных слуг он точно знал, где расположено окно его возлюбленной. По счастью, дом купца был отделан в весьма помпезном стиле со множеством барельефов и горельефов, декоративных выступов и желобов, которые являли собой едва ли не готовую лестницу, по которой взобраться на второй этаж для ловкого молодого человека не представляло никакой проблемы.

Прекрасная Сайли уже готовилась ко сну и была в пеньюаре. Она легонько вскрикнула, услышав стук в окошко и увидев там лицо мужчины. Однако, разглядев это лицо, она зажала рот обеими ладошками, чтобы сдержать крик радости и не всполошить слуг. Подбежав, она открыла окно, впустив нежданного, но такого желанного гостя. В данной ситуации жеманничать и разыгрывать невинность было опасно и неуместно, поэтому, не говоря лишних слов, девушка сразу же сдалась на милость своему победителю.

Так продолжалось всю весну, лето и осень. На руку влюблённым играло то, что господин Шатсли совершенно не интересовался своей женой, так что вечерами она была предоставлена сама себе. Служанка, довольно быстро разобравшаяся что к чему, хранила язык за зубами и вообще была необычайно счастлива за свою госпожу, которой словно удалось вырваться из склепа, куда её замуровали заживо алчные до богатств родители.

Чтобы не вызывать излишнего раздражения мужа-рогоносца, Клай и Сайли перестали видаться в людных местах. Даже если им случалось оказаться на одном приёме, они словно и не замечали друг друга, компенсируя эту видимую холодность жаркими ночами. Во всяком случае, для душевного спокойствия Шатсли этого было более чем достаточно.

Конец красивой сказке положила зима, ранняя и снежная в этих широтах. Снег, выпавший уже в постремии¹², стал непреодолимым препятствием для Клая, который никогда ещё так не сожалел об отсутствии у него крыльев и, к сожалению, был недостаточно могущественным магом, чтобы уметь левитировать.

Как ни осторожен был герой-любовник, он всё же не мог передвигаться, совсем не оставляя следов. Оставалось уповать лишь на то, что в этой части сада никому не захочется лазать по сугробам, а потому следы останутся незамеченными.

Увы, как мы знаем, Чёрному Ассу было угодно, чтобы Клайдий оказался в том самом имении своего кузена и встретил там будущего Каладиуса. Однажды вечером невесть откуда взявшийся слуга, проходя по коридору первого этажа

¹² Постремий – последний месяц осени, соответствующий нашему ноябрю. Название является адаптированным переводом наименования данного месяца в древнейшей империи. Там это название происходило от слова «последний». Как язык древнейшей империи являлся мёртвым языком в описываемые времена, так и в нашем мире таковым языком является латынь. Поэтому для адаптации названия было использовано латинское слово «postremus» – «последний».

без свечи, ибо каждый уголок дома был ему знаком, увидел тень за окном, хорошо различимую на фоне белого снега. Другой бы, может, решил, что ему это почудилось, но, к несчастью, этот человек был не из таких.

Он осторожно выглянул в окошко и увидел, что некто медленно и осторожно крадётся к дому, то и дело совершая какие-то немислимые прыжки, словно перепрыгивая невидимые препятствия. Клай действительно перепрыгивал на уже хорошо знакомые ему места так, чтобы не образовывать цепочки следов. Он надеялся, что если даже кто-то и заметит странные отметины на снегу, то не свяжет их с человеческими следами.

Слуга был толковым и сообразительным. Он не стал шуметь и поднимать тревогу, а быстро отправился за подмогой. Когда Клай доскакал наконец до заветной стены, нежно глядя на мягко освещённое окошко второго этажа, он меньше всего ожидал того, что находящееся под тем милым окошком окно вдруг распахнётся, и из него выскочат сразу несколько молодцев, которые, конечно же, приняли его за вора.

Клай не брал с собой оружия на свидания – шпага или даже кинжал были лишь помехой в его стенолазании. Поэтому, когда его облапил здоровый мужик, пытаясь заломать и повалить, он мог отбиваться лишь врукопашную. Конечно же, поднялся страшный шум, на который из верхнего окна выглянула испуганная Сайли. Конечно же, она закричала слу-

гам, чтобы они не трогали этого человека, тем самым выдавая себя с головой. И, конечно же, слуги не послушались.

И тогда Клаю не осталось ничего иного, кроме как применить магию. Мощным воздушным толчком он отбросил от себя нападавших. Кажется, несчастным пришлось несладко – двое из них с влажным хрустом стукнулись о стену, да и двое других чувствовали себя немногим лучше. А Клай, недолго думая, бросился бежать прочь, пока не подоспели другие слуги.

Конечно же, разразился страшный скандал. Конечно же, одураченный Шатсли сразу же понял, кто был его обидчиком, и поскольку он был человеком весьма влиятельным, имеющим как множество денег, так и множество связей, то прилюдно поклялся отомстить обидчику. Понятное дело, о дуэли речь даже не шла – старый торговец если и держал в руках шпагу когда-нибудь, то было это очень и очень давно. Да и воспользоваться услугами какого-нибудь профессионального бретёра он тоже не мог.

Что конкретно он собирается сделать с мальчишкой Сарамайгой, когда его схватят, Шатсли не уточнял, но Клай был достаточно умён, чтобы понять, что жизнь его при подобных обстоятельствах закончится весьма быстро и весьма трагически. И стало ясно, что из Шинтана нужно бежать как можно скорее и как можно дальше. Опозоренный муж имел возможность нанять множество ищеек, начиная с простой городской шпаны и заканчивая охотниками за головами Гиль-

дии Теней, которая и здесь, вдали от Латиона, имела немалое влияние.

Отсидеться где-нибудь в закоулках Шинтана не представлялось возможным. Здесь его достанут из-под земли, и ни семья, ни друзья не смогут его защитить. К слову о друзьях, его закадычный приятель Тейнон стал недоступен тотчас же, как прознал о случившемся. Дворецкий отказывался впустить Клая в дом, говоря, что хозяин в отъезде, не принимал записку, которую молодой маг трясущимися руками пытался всунуть в его сухие морщинистые руки. В конце концов, Клайдий ушёл ни с чем.

Сперва Клай решил уехать в Латион, но, поразмыслив, передумал. На границе было беспокойно, да и в Латионе его скорее могла бы отыскать вездесущая Гильдия Теней. Он долго ломал голову, и уже решил было рвануть в Пунт, справедливо полагая, что в Загорье его искать не станут, как вдруг вспомнил об одном своём дальнем родственнике по материнской линии.

Он очень мало знал про ветвь Шейнвиллов, разве что то, что это была одна из самых захиревших ветвей древа. До сего момента он даже и не задумывался об их существовании. Однако теперь собственная генеалогия внезапно весьма заинтересовала любознательного юношу – ему до смерти захотелось поближе познакомиться с далёкими родственниками, живущими в глухой провинции, и погостить у них полгодика, а может быть – и целый год, пока не улягутся страсти в

столице.

Так и вышло, что Клай, собрав все деньги, какие только сумел отыскать в столь короткий срок, инкогнито покинул родной город, тревожно оборачиваясь и шарахаясь от каждой тени. Он проклинал себя за глупую романтическую неводержанность, которая стала причиной сложившимся обстоятельствам. Любовь как-то сама собою затухла, уступив место лишь досаде и разочарованию. Казалось, он уезжает из царства живых в царство мёртвых, и холодная заснеженная дорога виделась ему тем самым пресловутым Белым Путём, о котором он так много услышал, будучи в арионнитском монастыре.

Проплутав в дороге добрых три недели, он добрался наконец до имения своего далёкого родственника. К счастью, тот настолько одичал в своей глуши, что был бесконечно счастлив появлению столичного кузена и выделил ему лучшие комнаты, сразу объявив, что лелеет надежду на то, что дорогой гость пробудет здесь как можно дольше.

Горестно вздохнув, Клайдий Сарамата окунулся в затхлую провинциальную жизнь, иной раз даже сомневаясь – не было бы лучшей долей попасться в мстительные лапы Шатсли и покончить со своей никчёмной жизнью куда более коротким и гуманным способом, ибо временами ему казалось, что он просто умирает здесь от отупения и скуки. Казалось, этой добровольной ссылке не будет конца.

Глава 4. Новая жизнь

– Вы имеете в виду, что я могу стать волшебником, сударь? – у Олни было стойкое ощущение, что его разыгрывают. – Могу научиться ворожить?

– Ты уже это умеешь, – усмехнулся Клайдий. – Ведь именно так ты защитился от боли сегодня во время порки. Но пока это лишь пародия на волшебство. Точно так же, как если дать малышу кисть и краски, он сможет что-то нарисовать. Но лишь обучившись этому мастерству, можно стать художником.

– Вы хотите сказать, что я – колдун? – испуганно переспросил юноша.

– Скажешь тоже! – фыркнул Клай. – Из тебя такой же колдун, как из меня – повариха. Но тебе очень повезло встретить на своём пути мага. Если ты захочешь, я обучу тебя основам волшебства, и тогда ты действительно сможешь стать *колдуном*, – с усмешкой произнёс он просторечное словечко.

– Но меня же сожгут... – побелевшими от ужаса губами пробормотал Олни, произвольно натягивая на себя грязную рогожу, словно пытаюсь укрыться за ней.

– Твоя мама рассказывала тебе слишком много сказок! – вновь расхохотался Клай. – Колдунов не жгут на кострах, если только они не сходят с ума и не убивают всех подряд. Маги – очень уважаемые и почитаемые люди в королевстве. Ты

сможешь иметь хорошую работу, много денег, власть...

– Но тогда почему вы сбежали из города? – подозрительно прищурившись, спросил Олни.

Похоже, простодушный малый решил, что этот странный человек пришёл сюда, чтобы искушать его, дабы затем вновь обвинить в чём-то страшном, от чего уже не отделаться двумя дюжинами ударов розгами.

– А это уже не твоего ума дела, малец! – беззлобно, но решительно осёк паренька Клайдий. – Хорошо, я вижу, что у тебя сейчас каша в голове. Я приду ещё раз завтра и ещё раз спрошу то же самое. Если ты согласишься – я стану тебя учить, если откажешься – больше ты меня не увидишь.

Клай блефовал. Ни за что на свете он не отказался бы сейчас от этого паренька, который внезапно сделался его спасением от смертельной провинциальной скуки. Однако у этого деревенщины в голове был полный бардак, и нужно было встряхнуть его как следует. Конечно, Клайдий очень опасался, что парень окажется попросту дурачком, что было вовсе не удивительно в деревне. Но даже если и так – что с того? Ведь в данном случае для него был важен отнюдь не результат, а сам процесс. Наверное, не повстречай он Олни, то со скуки вполне взялся бы за дрессировку собаки или медвежонка.

Маг действительно направился к двери, чтобы уйти, но его остановил голос Олни:

– Я согласен!

Улыбнувшись тайком, Клай вновь вернул себе таинственную и суровую физиономию и, обернувшись к избитому парнишке, проговорил:

– Что ж, хорошо, я возьмусь обучать тебя. Но учти, что будет либо по-моему, либо никак. Если вздумаешь перечить мне, или окажешься непроходимо туп, отправишься обратно пасти своих коз.

– Я буду делать всё, что вы скажете, сударь.

– Отныне называй меня мессиром.

– Хорошо, мессир, – покорно повторил Олни и, помявшись немного, всё же решился спросить. – Мессир, а вы не могли бы исцелить мою спину?

– Вот тебе первый урок, парень: маги не всемогущи. Может быть, в твоих сказках они способны на всё, но в реальности тебе придётся много учиться и трудиться, чтобы постичь хотя бы самые основы. Бывают маги-целители, но я – не один из них и исцелить тебя не могу. Тебе придётся смириться с тем, что шкура твоя будет заживать долго, как и предписали ей боги. Но поскольку ты теперь мой ученик, то не можешь больше оставаться в этом сарае. Вставай, пойдём, я найду тебе комнату в доме.

Не вполне ещё веря своему счастью, Олни послушно поднялся, морщась от боли в пояснице, где немедленно взвыли потревоженные рубцы, едва взявшиеся кровяной коркой. Не вполне осознавая, он машинально ухватил конец рогожи, словно собираясь тащить её с собой в своё новое обиталище.

Увидев это, Клай вновь рассмеялся.

– Оставь это гнильё здесь, парень! Воистину, боюсь, мне никогда не удастся выбить эту деревящину из твоей головы! Каким ты был вороватым пастушком, таким и останешься, в какие бы наряды ты потом не рядился.

Наверное, никогда ещё в своей жизни Клайдий Сарамага так не ошибался. Не дожив до расцвета могущества великого мага Каладиуса, он так и не сумел с полным удовлетворением и даже благоговением поглядеть на дело рук своих. Конечно, будущий Каладиус довольно быстро покажет своему учителю, что тот не зря избрал его в ученики, но – увы! – за свою жизнь Клай до конца так и не постигнет масштаба явления, которое он сотворил.

Будущая же легенда между тем послушно отбросила рогожу и поплелась за своим благодетелем, постанывая от боли, которую до конца не смог убрать даже настой дурной травы.

– Есть хочешь? – поинтересовался Клай, когда слуга показал им ту комнату, что теперь должна была стать комнатой Олни.

Несмотря на все треволнения и побои, юношеский организм брал своё, кроме того парень совсем ничего не ел в течение этого дня, поэтому Олни лишь закивал головой, поскольку рот его тут же наполнился слюной настолько, что он опасался, чтобы она не потекла наружу, стоит ему разжать зубы.

По распоряжению Клайдия, которому, к слову, слуги под-

чинялись даже охотнее и расторопней чем своему прямому хозяину, для паренька тут же был накрыт стол. Глаза Олни поползли из орбит, когда он увидел всё это великолепиие, хотя по меркам менее невзыскательных людей это был бы вполне себе обычный ужин – два-три блюда, хлеб и молоко.

– А где моя мама? – шикарная еда напомнила юноше о том, что Дарфа так и не вернулась, хотя маг обещал обратное. Ему так хотелось поделиться этим с нею, чтобы увидеть, как она улыбнётся своему сыну, который вдруг сделался таким важным человеком.

– Я отправил её домой, – просто ответил Клай. – Не волнуйся, её покормили, и я велел дать ей продуктов с собой. Но здесь она нам ни к чему.

– Но мне можно будет навещать её? – Олни со стыдом ощутил, что плачет – так болезненна оказалась тоска от расставания с матерью.

– Нечасто. Я не вижу в этом нужды. Теперь ты – ученик мага, и если ты как можно скорее не порвёшь со своим прошлым, оно неизбежно будет тянуть тебя обратно. И ладно бы, если бы ты был барчуком, чьё детство было безоблачно, а будущая жизнь полна перспектив. Но я не хочу, чтобы эта зловонная деревня держала твой разум в своём плену.

– А можно тогда позволить моей маме жить здесь? – набравшись храбрости, спросил Олни. – В этой комнате места навалом...

– Твоя мама останется в прошлом, – жёстко отрезал Клай,

которого, похоже, начало раздражать это нытьё. – А в твоём настоящем теперь буду я, иначе будущее твоё будет весьма плачевно. Чем быстрее ты смиришься с этим, тем тебе же будет проще. А если тебя это не устраивает – возвращайся в свой хлеб!

Первой мыслью расстроенного и порядком ещё напуганного Олни было вскочить и поскорее убраться отсюда. Догнать маму, которая вряд ли далеко ушла по дороге, ведущей к их родной деревне, к их дому... И до конца своих дней жить привычной жизнью... Жизнью, в которой всегда будет одна вонючая комнатуха на двоих с матерью, где ему придётся то и дело ночами слушать сиплое тяжёлое дыхание посторонних мужиков... Жизнью, в которой всякое завтра будет неотличимым от вчера, где на столе будет лишь засохший сыр да вяленая говядина, где самыми яркими впечатлениями будут весенние хороводы на Ночь лесных огней¹³... И он понял, что если он выберет эту жизнь, будет ненавидеть себя до конца своих дней. А потому, шумно выдохнув, он остался сидеть.

– Молодец, – похвалил Клай, наблюдавший с некоторой насмешкой эту внутреннюю борьбу. – Ты сделал верный выбор. А теперь давай, ешь!

Это была как раз одна из тех команд, которые Олни всегда

¹³ Ночь лесных огней – праздник, отмечающийся селянами Палатия, Латиона и некоторых других регионов Паэтты в день весеннего равноденствия. В этот день, а точнее – вечер принято наряжаться лесными духами, устраивать пляски, забавы, розыгрыши, жечь огромные костры.

выполнял без необходимости их повторять. Правда, он оказался слегка озадачен тем, что ему принесли вилку, которую ему никогда ранее не доводилось держать в руках, однако, взглянув на насмешливо-изучающее лицо своего наставника, он решительно ухватил кусок мяса с блюда руками и забросил в рот.

– Ты молодец, что не испугался показать своё невежество, – кивнул Клай. – Но если завтра к вечеру ты не будешь сносно пользоваться вилокfой, я велю оставить тебя без ужина.

Однако Олни, похоже, даже не услышал того, что ему сказали. В его рту взорвался целый фейерверк вкуса, который он не испытывал никогда прежде. До сего момента ему и в голову не приходило, что еда может быть *такой* вкусной! По большому счёту, это было обычное жаркое, немногим лучше тех, что подавались в придорожных трактирах среднего пошиба, но на его фоне любая стряпня Дарфы Стайк была не аппетитнее сухой коровьей лепёшки.

– Что это? – кое-как проглотив кусок, выдохнул он.

– Жаркое, – пожал плечами Клай, не совсем понимая, что имеет в виду парень. – Телятина.

Неожиданно именно этот момент стал главной поворотной точкой в мозгу Олни, кристально ясно ответившей на его дилемму «мама или мессир». Он понял, что в жизни не сможет больше есть ту, *другую* телятину, которую он так ненавидел, даже не зная, *какой* она может быть. Для него этот кусок мяса стал символом новой жизни, которая уже ожидала

его впереди, и теперь ни за что на свете он не готов был променять эту нежную, таящую во рту телятину на те мерзкие жилистые куски, воняющие дымом и тухлятиной.

Уже насытившись, Олни продолжал есть, покуда не съел всё до последнего кусочка, словно опасался, что эта трапеза может стать последней, и что этот странный человек, который просил называть его мессиром, вот-вот рассмеётся и прогонит нелепого пастушка взашей. От этой приятной тяжести в желудке страшно захотелось спать, но боль в истерзанной спине становилась всё явственнее.

– Можно мне ещё вашего настоя, мессир? – попросил он молча сидевшего рядом Клая. – Боль возвращается.

– Извини парень, но сегодня был первый и последний раз, когда ты употреблял дурную траву, – строго произнёс Клайдий. – Она сожрёт твои мозги быстрее болотного слизня. Учись терпеть боль, дружок, тем более, боль заслуженную. Это станет для тебя отличным уроком. Ложись спать. Сон – лучшее обезболивающее. А с завтрашнего дня мы начнём наши занятия.

Как и было обещано, на следующий день Клай взялся за обучение своего воспитанника со всей рьяностью умирающего со скуки человека. Ни о какой магии, *возмущении* и прочем речи пока даже не шло.

– Перво-наперво ты должен освоить куда более важные

вещи, – наставительным тоном увещевал Клайдий парня, который вновь лежал на кровати и мучился от тянущей боли в пояснице. – Тебе нужно научиться читать, писать и считать. Ты должен познакомиться с мыслями мудрых людей, живших до тебя... Хотя с этим будет большая проблема – библиотека моего разлюбезного кузена включает в себя ровно четыре книги, три из которых – арионнитские, а четвёртая – книжка любовных сонетов, которая для нас совершенно недоступна по причине того, что неотрывно пребывает на ночном столике хозяйки дома. Поэтому тебе придётся учиться на память, слушая то, что буду говорить я. И да, кстати! Я совсем не забыл, что к сегодняшнему вечеру ты должен уметь держать в руке вилку. В целом тебе нужно будет научиться приличным манерам. Ты должен будешь выбить из себя всю эту деревенскую пыль, так чтобы никто и никогда не заподозрил в тебе пастушьего сына. Истинный маг должен вести себя так, будто он был рождён на ступенях трона.

Как мы видим, Клай подошёл к обучению своего первого ученика со всей строгостью, кажущейся настоящим лицемерием, если вспомнить его собственные школярские годы. Хотя, с другой стороны, это вполне можно было бы объяснить тем, что человек, набивший шишек на своём пути и хорошо запомнивший эти места, теперь предостерегал от этого других.

Сказать, что учение давалось Олни тяжело – не сказать ничего. Сущим испытанием для него стала грамматика. Им-

перский язык имел небольшой алфавит – всего двадцать два знака, поэтому многие звуки при написании превращались в комбинации двух, а то и трёх знаков сразу. Память у парня оказалась очень хорошей, но вот понять логику фонетических шарад для него не всегда представлялось возможным. Сказалось и отсутствие подходящих книг – изучать чтение и письмо по богословским книгам, написанных путаным тёмным языком, было настоящим наказанием. Да и Клай, говоря откровенно, далеко не был эталоном преподавателя.

В письме были свои трудности – корявые мозолистые руки колона куда ловчее держали мотыгу или пастуший кнут, нежели гусиное перо, к тому же довольно скверно заточенное. Но Клай с маниакальным упорством заставлял Олни сотни раз выписывать один и тот же знак, добиваясь идеальности форм.

– Вся рунная магия построена на умении точно и правильно воспроизводить сигилы, – раз за разом пояснял волшебник едва не плачущему от досады мальчишке. – Если ты не постигнешь примитивного искусства написания алфавитных знаков – куда тебе соваться к начертанию рун?

И Олни рукой, которую уже сводило от напряжения, продолжал выводить один и тот же знак снова и снова, марая старые холстины, которые Клай, за неимением достаточного количества бумаги или пергамента, приспособил для обучения чистописанию. Надо сказать, что в далёком будущем он не раз мысленно поблагодарил своего наставника за это

умение.

Что давалось парню легко и безо всяких проблем – так это счёт. Он и до того слыл мастером этого дела, довольно ловко считая руками¹⁴ (во всяком случае, ещё работая с Крайзом он уже мог сосчитать всех коров в стаде). Теперь же, узнав о существовании цифр, разрядов и арифметических действий, он сделался отменным счетоводом, быстро превзойдя в этом искусстве своего учителя.

Не забывал Клай и о манерах, и он не ограничивался при этом лишь одной пресловутой вилкой. Надо отметить, что первое время он весьма скептически наблюдал за неуклюжими попытками Олни есть вилкой, хотя свою угрозу лишить его обеда ни разу так и не исполнил, вероятно, отмечая крайнее старание ученика. Но в перерывах между занятиями он частенько учил деревенского мальчишку правильно держать осанку, чётко контролировать мимику и жесты, следить за внешним видом, да и вообще – следить за собой, чтобы прямо посреди разговора не лезть пальцем в нос, не чесать в ушах, не чихать, забрызгивая всё вокруг слюной.

Он постоянно вёл с Олни беседы, запрещая тому отвечать односложно, заставляя строить правильные предложения и

¹⁴ Счёт руками – весьма распространённый среди простолюдинов метод счёта, когда числа переводятся в количество рук и пальцев на них. Например, число двенадцать будет произноситься как «две руки, два пальца». Этот метод хорош, поскольку при нём, как правило, достаточно знать числа лишь в пределах десяти, что даёт возможность сосчитать предметы в количестве до пятидесяти штук. Чаще всего этого бывает более чем достаточно.

полноценно выражать свою мысль, хотя это было сущей пыткой для обоих, поскольку ученик не обладал достаточными навыками, а учитель – достаточным терпением. Тем, которые были бы общими для хорошо образованного столичного мага и деревенского невежды, было достаточно мало, но Клай продолжал своё трудное дело с упорством, вполне объяснимым для человека, вынужденного мучиться от безделья.

Не раз и не два у Олни возникало совершенно понятное желание всё бросить и убежать обратно к маме, которую он теперь видел не чаще раза в две-три недели, когда Клай смиловился над тоскующим подростком и отпустил его на денёк в родную деревню. Но всякий раз, выплакавшись от бессильной злобы на себя, мессира, свои кривые пальцы и свой закаменелый разум, он всё же понимал, что обратной дороги для него нет. Он не мог более вернуться от *этой* телятины к *той*.

Глава 5. Ученик мага

Вьюжная зима набросилась на Палатий, словно остервеневший от голода волк, вгрызающийся в замороженный труп околевшей дорогой лошади. Снегу навалило столько, что иные хибары замело по самые крыши. Хорошо хоть сильных морозов пока не случилось, но было ясно, что и их недолго ждать.

Комната Олни не имела собственного очага, довольствуясь тем, что через перегородку была кухня с огромной печью, которая вполне ощутимо нагревала стену, от которой шло ровное, хотя и не слишком сильное тепло. Но парень не жаловался – в его родном доме зимами было куда холоднее. А здесь он просто перетащил кровать к обогреваемой стене и чувствовал себя вполне замечательно.

Из-за постоянных метелей ставни на окне почти всегда были закрыты и в комнате царила вечная тьма. В углу аккуратной стопкой были сложены лучины, которые Олни по привычке ежедневно колот сам. Это позволяло ему хоть несколько минут отдохнуть от постоянной учёбы. Лучины были наколоты так аккуратно, что были почти неотличимы одна от другой, и ученик мага точно знал, что каждая из них будет гореть четверть часа и ещё минуту. Четыре лучины – час пролетел. За неимением дневного света это был единственный способ следить за временем.

Сказать по правде, Олни мало интересовали выюги за окном, холод и вообще всё, что творилось вне этой комнаты. Он был поглощён учением. Теперь, когда он уже вполне сносно мог читать и писать, учиться стало куда как легче – он мог делать пометки, мог перечитывать неясные места. Дело в том, что примерно через месяц обучения мессир, видя успехи своего ученика, съездил в Токкей и привёз оттуда с полтора десятка книг, вероятно, отдав за них небольшое состояние.

Ничего особенно ценного в этих фолиантах не было ни по форме, ни по содержанию, но всё же это были книги не о религии и не о любви, что сразу же выгодно отличало их от уже имеющихся в наличии. Пара сочинений каких-то философов, несколько мемуаров каких-то деятелей, великолепный труд знаменитого путешественника Гунно, за четверть века исходившего Паэтту вдоль и поперёк, но главное – там был самый настоящий учебник грамматики, объёмистый и тяжёлый. По таким учебникам обычно обучали молодых барчуков, а теперь по такому же учебнику будет постигать азы грамотности простой деревенский мальчишка.

И Олни целиком отдался обучению. Парень, вопреки своему деревенскому происхождению, оказался обладателем весьма острого ума и отличной памяти. Как только он справился с первыми трудностями, вполне естественными для любого начинающего ученика, он начал делать вполне явные успехи во всём, приводя своего наставника в полный вос-

торг.

Чтение захватило Олни. Он, за всю свою жизнь не отходивший от своей деревни дальше чем на три-четыре мили, внезапно узнал о существовании огромнейшего мира. Живое воображение легко строило полные красок картины в его восхищённом мозгу, когда он читал о путешествиях Гунно или о военных походах латионского полководца Гаррада. Учёба из труда превратилась в увлекательное приключение, так что Клаю совершенно не приходилось понукать юного ученика.

Со временем понравилась юноше и каллиграфия, в которой он также постепенно добился замечательных успехов. Иногда он, откинувшись чуть назад, по нескольку минут любовался листами, исписанными его идеально ровным правильным почерком. Мессир не раз говорил, что с одним таким почерком Олни мог бы сделать головокружительную карьеру в каком-нибудь ведомстве Шинтана. Но, конечно, подобные перспективы уже нисколько не привлекали молодого человека, раз и навсегда решившего связать свою судьбу с магией.

Однако Клайдий не спешил начинать изучение основ волшебства. Всякий раз на нетерпеливые вопросы Олни он отвечал одно и то же:

– Это слишком ценное зерно, чтобы бросать его в неподготовленную почву. Рыхли, поливай, удобряй свой разум, и однажды ты будешь готов.

И Олни, вдохнув, продолжал рыхлить, продолжал поливать и удобрять. Уже до весны он прочёл все купленные для него книги и с не меньшим удовольствием принялся читать их по второму кругу. Кроме того, ежедневно они по нескольку часов разговаривали с Клаем, который, несмотря на свою молодость, успел уже многое повидать, и хотя большая часть того, что он видел, не стоила того, чтобы о ней вспоминать, однако же он мог многому научить своего воспитанника особенно в том, как держать себя в обществе.

За время, что он находился в поместье, Олни успел слегка отъестся, лишившись своей болезненной худобы. И теперь, когда он больше не был похож на скелет, обтянутый кожей, он стал выглядеть гораздо старше, мужественнее и даже привлекательнее. Во всяком случае, на него теперь заглядывались все дворовые девки, каждая из которых была бы не прочь, чтобы на неё обратил внимание фаворит барина (вся дворня теперь величала барином не только сеньора Шейнвила, но и Клая). Однако Олни был слишком занят учением, чтобы интересоваться чем-то ещё, тем более что благодаря бурному деревенскому отрочеству его здесь уже ничто не могло удивить.

Он нечасто бывал дома, но теперь почти не скучал по нему или маме. Всякий раз, навещая Дарфу, он видел, что ей теперь живётся куда лучше, нежели раньше. Зимой у неё всегда были дрова – и не хворост, который они раньше чуть ли не ежедневно таскали из лесу, а самые настоящие дрова, ко-

которые ей доставляли из имения. И с удовольствием всё было в порядке – по особому распоряжению Клайдия ей еженедельно доставлялись продукты.

Это было весьма кстати – годы брали своё, и Безотказка, которой было уже около тридцати пяти, заметно утратила свой шарм и своеобразное очарование. Тяжкий труд, плохая еда, стрессы сделали её грузной, одутловатой, болезненно жёлтой, так что мало кто мог теперь польститься на это тело. Случись здесь лекарь, он бы сказал, что у Дарфы явно что-то неладно с почками и печенью, и что ей необходимо лечение и строгая диета. Наверное, увидь её даже Клай, его весьма поверхностных познаний в медицине вполне хватило бы для этого. Но этого не случилось, и скрытые болезни всё быстрее подтачивали организм матери Олни.

Увы, сам Олни это не слишком-то замечал. Даже в свои редкие визиты домой он мыслями оставался там, в своей комнате, со своими книгами. Мир, который он видел своими глазами, был настолько преснее мира, который открывали ему книги, что он научился абстрагироваться от него. Однажды Олни приснилось, что он смог создать заклинание, благодаря которому залез в одну из любимейших своих книг – «Легионы на страже государства» Гинция Твирда, и очутился прямо на Гвидовом поле под стягами Увилла Великого среди лютой сечи с мятежными баронами¹⁵. Тогда

¹⁵ Битва на Гвидовом поле – решающее сражение между войсками короля Увилла Завоевателя (позже прозванного Великим) и так называемой Коалицией

он проснулся почти абсолютно счастливым человеком, лишь сожалея, что это был только сон.

Так, незаметно для Олни, пришло новое лето. Почти год прошёл с той памятной порки, и сейчас перед нами был совсем другой человек, и лишь побелевшие шрамы на спине ещё напоминали о прежнем деревенском воришке. Теперь уж ни у кого не повернулся бы язык назвать Олни мальчишкой. Это был молодой человек, который несомненно привлёк бы к себе внимание и в высшем шинтанском обществе, причём не только своей эффектной смуглостью и природным изяществом фигуры, но и, главным образом, своим умением держаться, своими речами, своим умом.

Да, пока что в нём было слишком много Клая – он походил на него, хотя и не внешне, как младший брат походит на старшего, копируя манеру речи, повадки, даже мысли. Но в этом и не было ничего плохого – Клайдий Сарамага был далеко не худшим примером для подражания, поскольку за внешним легкомыслием и фатовством у него скрывался весьма глубокий и нетривиальный ум.

Уже довольно долгое время Олни не заикался об изучении магии – он давно понял, что мессира всё равно не раз-

– крупными феодалами Латииона, не желающими терять свою самостоятельность. Несмотря на численное превосходство, войска Коалиции были разгромлены, а сами феодалы, которых обычно именовали баронами, хотя среди них были люди разных титулов, лишились суверенитета и были вынуждены присягнуть королю Увиллу, что послужило окончанием феодальной раздробленности, имевшей место после Смутных Дней, и образованию единого королевства Латиион.

жалобить и не переубедить, и что тот начнёт обучение лишь тогда, когда сам решит. Кроме того, то, что он получил, уже намного превосходило его чаяния, и даже если бы на этом всё и закончилось – парень вряд ли сильно огорчился бы, тем более что несмотря на достаточную просвещённость, которая теперь была ему свойственна, где-то глубоко внутри всё равно сидел некоторый суеверный страх перед магией.

Да, он прекрасно видел, что его учитель-мессир совсем не походит на тех замшелых колдунов со скрюченными ногтями и красными глазами, какими они обычно представляли в сказках, но, с другой стороны, он и не особенно ассоциировал Клая с этими колдунами, видя в нём блестящего барина и отменного учёного, но никак не мага. Дело в том, что Клай до сих пор, несмотря на неоднократные просьбы своего ученика, ни разу не демонстрировал своих способностей.

– Я тебе не фокусник-фигляр на ярмарочной площади, парень, – высокомерно отвечал он. – Ты всё увидишь и всё узнаешь, когда придёт время, а покамест у меня есть дела поважнее, чем развлекать деревенского пастушка!

И вот наконец этот день настал. С раннего утра, даже не позавтракав, Олни, как обычно, уже сидел над очередной книгой, с наслаждением перечитывая одну из глав. Губы его шевелились, издавая какие-то шипяще-свистящие звуки, а палец по-прежнему водил вдоль строк, хотя юноша теперь читал вполне бегло. Но он любил водить пальцем по шершавой бумаге, словно впитывая через него те смыслы, что

ускользнули от глаз.

Когда в дверь постучали, он сперва решил, что это слуга принёс завтрак, и недовольно поморщившись оттого, что его отвлекли, хмуро буркнул:

– Входи!

Однако в дверь вошёл мессир, и это стало полной неожиданностью, поскольку до сих пор он ни разу не стучался прежде чем войти.

– Мессир? – удивлённо проговорил Олни и удивился ещё более, заметив в руках у Клая поднос с миской. – Вы принесли мне завтрак?..

– Что же в этом удивительного? – усмехнувшись, пожал плечами Клай, бесцеремонно сдвигая краем подноса лежащую перед юношей книгу. – Разве я никогда прежде так не делал?

– Прежде – никогда, – Олни едва успел подхватить фолиант, прежде чем он упал с неширокого стола. – Что-то случилось? Что-то с мамой? – встревоженно спросил он.

– Всё с ней в порядке, – отмахнулся Клай. – Хотя, впрочем, почём мне знать? Я не видел её почти год!

– Что же тогда? – несколько успокоившись, поинтересовался Олни.

– Всё очень просто. Думаю, ты готов к тому, чтобы стать учеником мага, – как-то совсем буднично оповестил Клай-дий.

– Правда? – со странной смесью радости и некоторого

страха воскликнул Олни.

– Ну ты, разумеется, всё ещё неуч, но уж, во всяком случае, не больший неуч чем был я, когда стал обучаться магическому искусству. Думаю, ты вполне готов принять те знания, что я собираюсь передать тебе.

– О, благодарю, мессир! – воскликнул Олни. – Можем ли мы начать прямо сейчас?

– Я принёс тебе завтрак, – напомнил Клай.

– Я не голоден! – и действительно, от радостного возбуждения у Олни совсем пропал аппетит.

– Однако же я принёс тебе завтрак, – повторил Клайдий. – И ты не можешь его не съесть.

Поняв, что сопротивление бесполезно, Олни ухватил ложку и стал заталкивать в себя любимую овсяную кашу, в этот раз совершенно не ощущая вкуса. Набив полный рот, он едва не поперхнулся, однако мессир почему-то не принёс вместе с кашей обычного в этом случае молока, так что юноша бросился к кувшину с водой, стоящему у кровати и с помощью спасительной влаги кое-как протолкнул в себя вязкий комок. После этого он стал есть медленнее и осторожнее, искоса поглядывая на широко улыбающегося Клая.

Эта часть обучения оказалась самой трудной. Клайдий говорил о *возмущении*, о *сосредоточении*, о особенности мироустройства, которая позволяла некоторым людям творить

чудеса. Несмотря на то, что Олни уже ощущал то, о чём рассказывал мессир, ему было весьма сложно постичь сам механизм данного процесса, ведь *сосредоточиться* – совсем не то же самое, что закрыть глаза, или выдохнуть, или ударить кулаком.

Клай учил Олни медитировать, смотреть вглубь себя, слушать себя, растворять себя в окружающем *возмущении* для того, чтобы стать им, почувствовать его. Это было самым сложным, поскольку здесь уже учитель мало чем мог помочь своему воспитаннику. Именно эти самые первые и самые сложные шаги Олни должен был сделать сам. Конечно, молодому самородку было, наверное, проще, чем большинству его будущих коллег, поскольку ощущение и манипуляции *возмущением* он пробудил в себе сам, но это не означало, что это давалось ему слишком уж легко.

Разумеется, Клай, как и, наверное, все преподаватели-маги во все времена, начал с азов стихийной магии, как наиболее простой в освоении и при этом весьма эффективной. Именно с подчинения своей воле неживой материи начинался путь всех величайших волшебников. Удивительно, но Олни своим умом дошёл, и прежде самого Клая сформулировал основную идею стихийной магии: материя есть *возмущение*. Осознав это, любой начинающий маг уже мог создать свой первый огнешар, сжать воздух до плотности достаточной, чтобы проломить дощатое ограждение, поднять небольшую водяную бурю или песчаную плеть.

Нужно отметить, что Клайдий предпочитал, чтобы в имении никто не знал о его магических способностях. Сложно сказать – опасался ли он дремучего невежества черни, которая, чего доброго, вздумает обвинить его в очередном неурожаете или падеже скота, или, напротив, не желал паломничества страждущих просителей, как и Олни, свято верящих во всемогущество магии.

Именно поэтому, когда начались практические занятия, ученик и учитель стали уходить из имения в лес, где отыскалась опушка, словно специально предназначенная для занятий стихийной магией, поскольку по ней пробежал ещё и небольшой ручеёк. И именно на этой опушке Олни впервые осознанно использовал магию, пустив свой первый неловкий огнешар.

Но и здесь природные задатки юноши сыграли свою роль – прошло не более двух недель, а он уже свободно метал огнешары размером с голову ребёнка в ни в чём не повинные сосны, а также поднимал небольшие вихри бешено крутящихся сосновых иголок, веточек и земли.

Клай с удовольствием наблюдал за ростом своего ученика. Было понятно, что у того не просто отличные способности, а настоящий талант к волшебству. Олни очень тонко чувствовал *возмущение*, а кроме того, он с самого начала пытался пробиться дальше, в те области магии, в которые обычно неохотно заглядывали неофиты. И действительно, зачастую юные ученики, неплохо освоив работу со стихиями, считали,

что больше им ничего не требуется, и поступали на службу в армию, или же ещё куда-то, где их магические способности могли принести пользу другим и деньги самому магу.

Олни был не из таких. Он задавал множество вопросов, ответить на которые Клай, к сожалению, не мог, поскольку для него самого это было неизведанной территорией. Обладая от природы огромной магической силой, куда большей, чем была у мессира, Олни, тем не менее, с самого начала стал задавать вопросы по поводу всевозможных артефактов, справедливо полагая, что, используя их энергию, вполне можно добиться куда более впечатляющих результатов. Понимая, что у него нет денег, чтобы покупать подобные артефакты, юноша горел желанием постичь их свойства, их сущность, чтобы создавать самому. Увы, как мы уже говорили, в таких случаях Клайдий мог лишь разводить руками.

Однако Олни не особенно отчаивался. С каждым днём ему казалось, что он всё глубже постигает это новое искусство, буквально сродняется с ним. Временами он искренне верил, что пройдёт ещё совсем немного времени, и в этом мире для него совсем не останется тайн. Много позже, уже будучи признанным всеми одним из величайших магов в истории, Каладиус будет посмеиваться, вспоминая свои наивные юношеские помыслы.

Мама слегла неожиданно и бесповоротно. Неожиданно

потому, что Олни в последнее время так редко находил время навестить её, а навещая (обычно бывая дома час или два), был целиком поглощён своими мыслями, невпопад отвечая на робкие вопросы матери, которые теперь казались ему невероятно глупыми и смешными, а порою и раздражающими. Так и вышло, что, посетив маму четырьмя неделями раньше, он застал её ровно в том же состоянии здоровья, в котором она пребывала в последнее время, а теперь, войдя в дом, сразу почувствовал запах болезни.

Мама слегла и уже не вставала. Она опорожнялась под себя, и отсюда был этот едкий запах надвигающейся смерти. Две деревенские старушки ухаживали за ней – кормили и поили, вливая жидкости прямо в горло через свиную кишку, обтирали, меняли бельё, выносили судно, если случалось чудо, и Дарфа могла сходить туда, а не в постель; вероятно, таким образом они хотели выслужиться перед Олни, который теперь превратился для них в молодого барина, водящего шашни с сеньорами. Как бы то ни было, но ошарашенный внезапной бедой юноша действительно был им крайне благодарен, потому что без них мама давно уже умерла бы.

Дарфа лежала и остекленевшими глазами глядела в одну точку где-то на грубо оструганных досках потолка. Она, кажется, даже не заметила прихода сына. Даже когда он подошёл и поцеловал дряблый лоб, тут же оросившийся его слезами, она так и продолжала лежать, не шевельнув ни единой мышцей лица. Даже взгляд её не изменился.

Не помня себя от горя, Олни, оставив слегка озадаченных и расстроенных старушек, и не сказав им ни слова, опротя бросился в усадьбу за мессиром. В этот момент он не думал больше ни о чём, да у него и не было с собой денег, чтобы одарить двух сиделок. Им оставалось надеяться на то, что позже, когда он придёт в себя, всё же вспомнит о них, а потому обе остались при кровати, ещё более рьяно утирая лицо и грудь больной мокрыми тряпицами.

Клай, узнав о беде, случившейся с его протеже, не смог отказать ему в просьбе, и оба они на наскоро заложенной коляске помчались в деревню, хотя Клайдий дорогой всячески готовил Олни к тому, что вряд ли чем-то сможет помочь его матери. Так и случилось – войдя в хижину, в которой он никогда прежде не был, и неосознанно скривившись не только от тяжёлого смрада, но и от общей обстановки запущенной нищеты, Клай лишь бегло взглянул на лежавшее в постели тело, и тут же вышел на воздух.

– У неё удар, – сжато и сухо сказал он прямо в горящие надеждой глаза Олни. – Судя по всему, повреждён мозг. Извини, парень, но тут никто ничем уже помочь не сможет.

– Но вы даже не посмотрели как следует! – слёзы катились градом, так что Олни почти ослеп. – Просто посмотрите!

Несмотря на то, что в этой просьбе была, казалось, собрана вся мольба, какая только есть в мире, Клай вновь лишь покачал головой.

– Прости, но мне не нужно ещё раз смотреть, чтобы рас-

познать удар. Твоей маме уже не помочь. Мне жаль...

– Тогда я сам помогу! – ярость и страх перед неминуемым захлестнули Олни, и даже слёзы вдруг высохли. – Я – маг, и я могу её спасти!

– Делай как знаешь, парень, – сочувственно проговорил Клайдий и направился к коляске, стоящей на дороге.

Казалось, Олни близок к тому, чтобы бросить в спину уходящему мессире огнешар, настолько его взбесило это нежелание помогать. Но он сдержался, лишь плюнув вслед магу. Поскольку рядом с домом Стайков собралось несколько селян, взволнованных вестью о странном барине, приехавшим к дому Дарфы, то этот жест был воспринят зрителями с почти благоговейным ужасом – они и помыслить не могли, чтобы кто-то, с кем они жили прежде на одной улице и кого тащили на порку в поместье, теперь может позволить себе *такое*. С тех пор авторитет Олни в деревне стал просто недосягаемым.

Правда, Клай не обратил на произошедшее ровным счётом никакого внимания. Он спокойно сел в коляску, и ему даже не потребовалось давать знак кучеру – тот сразу же тронул лошадь с места. А Олни, резко повернувшись, стремительно бросился в тёмное зловонное нутро своего прежнего жилища.

Он вернулся в имение под вечер, осунувшийся и зарёванный. Прошёл в свою комнату и ничком упал на кровать.

– Ну что, что ты сделал? – Клай, как всегда, бесцеремонно

зашёл в комнату своего ученика, не подумав постучать.

– Ничего, – глухо буркнул в подушку Олни. – Я ничего не мог сделать...

Было видно, что парню нужно выговориться, поэтому Клайдий присел на кровать рядом.

– Даже величайший из магов-целителей этого мира был бы бессилён здесь, парень, – тихонько, почти ласково проговорил он. – Есть вещи, которые человеку не под силу изменить.

– Для чего же тогда быть магом, если ты ничего не можешь сделать? – горестно спросил Олни, отрывая лицо от мокрой подушки.

– Я спущу тебе этот глупый вопрос, делая скидку на твоё состояние. Маг может то, чего не могут другие – вот и ответ на твой вопрос. Но мир устроен так, что есть многое из того, что не могут даже маги. Для того, чтобы лечить человека, нужно до мельчайших мелочей понимать, как он устроен. Даже целители могут чаще всего лишь самые простые вещи – останавливать кровь из открытой раны, вскрывать глубокие гнойники, охлаждать ожоги... В мире есть много болезней, и болеют ими все – от нищих до королей. Если бы в силах магов было излечить их – неужели ты думаешь, они позволили бы страдать и умирать по крайней мере коронованным особам? Множество магов умерло во время последней эпидемии синивицы в Латионе, и среди них были опытные и могучие маги. Пойми, парень, у всего есть границы, даже

у самой Сферы¹⁶.

– Но я должен был что-то сделать... Я должен был быть рядом, когда это случилось... – разбередив старую рану, Олни вновь залился слезами.

– Ты будешь весьма глуп, если станешь всю жизнь винить себя за это. Ты дал своей матери так много, как редко какой сын может дать. Благодаря тебе последний год она прожила в достатке, не зная нужды ни в пище, ни в дровах, ни в одежде. Но главное – уверен, что она безмерно гордилась своим сыном, сумевшим выбиться в люди. Поверь, парень, моя мать имела немного поводов хвастаться своим отпрыском – куда чаще, думаю, ей было стыдно за меня. Так что перестань себя казнить. Ты – маг, и тебе пристал более философский взгляд на подобные вещи.

Клай и сам понимал, что его утешения получаются так себе, а потому, опасаясь ещё больше обидеть парнишку, встал и вышел, тихонько притворив дверь.

Дарфа умерла поздней осенью, когда ледяной ветер уже гонял серебристую позёмку по белёсой мёрзлой земле. Олни стоял с непокрытой головой и тупо смотрел, как трое селян пытались заступами отбивать комья замёрзшего дёрна. Щёки, шелушащиеся от ветра и слёз, горели огнём, но он этого не ощущал. Весь мир его сейчас съёжился до одной точки –

¹⁶ Клай имеет в виду Сферу Создания – вселенную, созданную Неведомым.

грязно-коричневого пятна на поседевшей земле.

Вскочив, верхний слой, один из колонов протянул заступ Олни – здесь земля была ещё довольно мягкой, а по обычаю сын должен сам похоронить мать. Юноша отупело подошёл и взял заступ. Он начал методично бить по земле в такт с двумя другими мужиками, и эта монотонность внезапно несколько успокоила его. На какое-то время мир вновь наполнился смыслом – есть яма, которую нужно выкопать. Дальше этого мысли Олни не шли, словно отскакивая от невидимой стены.

Когда яма была готова, землекопы вернулись в хату. Здесь уже всё было готово к погребению – свежеструганный гроб, в котором, укрытое покрывалами, покоилось тело Дарфы, а также арионнитский служитель, приехавший из соседнего села, поскольку в деревне не было ни храма, ни даже небольшой часовенки. Нужно было спешить, покуда выброшенная на поверхность земля не возьмётся льдом и не превратится в один большущий ком, поэтому гроб тут же вскинули на плечи те самые землекопы вместе с Олни, и понесли к небольшому погосту позади деревушки, сопровождаемые заунывными бормотаниями жреца.

Дарфа Стайк прожила вполне долгую по местным меркам жизнь, и уж точно большинство сошлось бы на том, что она была вполне счастливой. Вся деревня вышла проводить её к Белому Пути, и не только потому, что селяне надеялись потом хорошенько набить животы на тризне, которая обеща-

ла быть богатой. Приехал даже Клайдий, чтобы поддержать своего ученика в столь тяжёлый час, и можно смело сказать, что никто из лежащих на этом погосте не достаивался подобной чести.

Клай забрал Олни почти сразу после погребения – как только были соблюдены все положенные в таком случае обряды. Из кареты, в которой прибыл маг, слуги вытащили несколько баулов с провизией и два бочонка ячменного пива – целый пир для небогатых селян. Самого же Олни, совершенно потерянного и безучастного ко всему, он затолкал в карету, и они тут же умчались в усадьбу, даже не заботясь о том, что станется с незапертой хижиной Стайков.

Собственно, это было уже и неважно. Больше в родном селении ни Олни, ни Каладиус не побывают никогда.

Глава 6. Город

– Собирайся, мы уезжаем, – Клай, как всегда, без стука вошёл в комнату Олни.

С похорон мамы прошло четыре дня, и все эти дни парень страшно хандрил, почти ничего не ел, и не вставал с кровати. Любимые книги лежали так, как он оставил их несколько дней назад. Возможно, Клай стал опасаться за здоровье своего подопечного.

– Куда? – с трудом выплывая из своего сомнамбулического тумана, вяло поинтересовался Олни.

– Поедем в Токкей. Тебе нужно развеяться, а мне уже до печёночных колик опостылело это имение.

– Надолго? – взгляд юноши наконец-то становился всё более осмысленным.

– Поглядим, – неопределённо пожал плечами Клай. – Может быть, до весны, а может и дольше.

– До весны? – теперь уже по-настоящему живо спросил Олни, изумлённый ответом. – Мы будем там жить?

– А что тебя удивляет? Думаю, мы оба не прогадаем от этого.

Честно сказать, Олни давно мечтал увидеть Токкей, и до последнего времени, покуда он не сделался учеником мага, считал эту мечту неосуществимой. Но теперь ему ничего не хотелось. Точнее, хотелось неосуществимого – чтобы мама

была жива, чтобы всё было как раньше. Однако это было невозможно, а вот поездка в Токкей неожиданно стала реальностью.

– И когда мы уезжаем? – всё-таки какая-то жизнь стала возвращаться к Олни в виде порозовевших щёк, вновь заблестевших глаз, учатившегося дыхания. Перспектива поездки встряхнула его.

– Через полчаса. Карета уже готова.

– Через полчаса? – удивлённо воскликнул Олни. – Но я не готов...

– А что тебе нужно готовить? Разве тебе требуются сборы? Смахни книги в мешок, утри сопли – и готово!

– Хорошо, – впервые за минувшие четыре дня на губах юноши появилась бледная улыбка.

Он поднялся с постели и стал аккуратно укладывать книги в одну стопку, чтобы затем обвязать их бечёвкой. Но вдруг он замер, даже не донеся книгу до стола.

– Мне нужно побывать на могиле мамы... – это прозвучало не как просьба, а как вопрос – робкий и жалкий. Юноша словно надеялся, что ему откажут.

Клайдий легко уловил эти нотки. Он знал, что Олни сейчас больше всего боится вновь увидеть этот припорошённый снегом холмик с грубо выточенным из камня подобием единорожьего рога.

– Нечего тебе там делать, парень, – твёрдо сказал он. – Твоя мама уже на той стороне Белого Моста, где ей абсолют-

но неважно всё, что происходит в этом мире. Отбрось от себя все эти ненужные условности! Это – всего лишь яма в земле с дощатым ящиком, в котором лежит что-то столь же неживое, как и окружающая этот ящик глина. Ты – маг, и за свою долгую жизнь похоронишь ещё очень многих. Если в каждой могиле ты станешь оставлять хотя бы по кусочку своей души – надолго её не хватит.

Наверное, это было совсем не то, что сейчас желал услышать Олни. Наверное, бляенье арионнитского священника, благостное и отупляющее, скорее сняло бы боль, изгнало бы её. Но Клай действовал жёстко и радикально – ему хотелось не спрятать боль, а излечить её. Кроме того, он ясно видел, что парню совсем не хочется возвращаться на старый погост, и решил помочь ему не чувствовать себя потом сволочью. Наверное, паренёк в этот миг ненавидит его, Клая, за столь резкие и ранящие слова, но главное – он не будет ненавидеть себя.

– Мои вещи уже собраны, – отвернувшись от обмякшего ученика, сухо проговорил Клай. – Я буду в карете. Не заставляй долго себя ждать.

И лишь выйдя из комнаты Клайдий, не удержавшись, изо всех сил стукнул себя кулаком по ладони – ему хотелось провалиться сквозь землю.

Несмотря ни на что, идея Клая оказалась просто отлич-

ной. Обиженный и несчастный Олни недолго сохранял безучастность, прислонившись лбом к холодному мутноватому стеклу кареты. Не прошло и часа, как он уже с неотрывным любопытством наблюдал пейзажи, пробегавшие снаружи, хотя по мнению Клайдия никакой разницы между ними и теми же пейзажами в окрестностях имения не было. Но Олни, всю свою жизнь проведший на одном месте, с неисклю-щённым интересом глядел на другие, далёкие места, пусть пока что они отъехали всего на несколько миль.

Чтобы окончательно восстановить свои пошатнувшиеся позиции, Клай дважды приказывал кучеру останавливаться в придорожных трактирах, чтобы размять ноги и перекусить. Олни был в полном восторге, хотя у большинства путешественников эти чахлые трактирчики могли вызвать разве что жалость или брезгливость, ибо места тут не изобиловали путешественниками, и те немногие трактиры, что наперекор всему всё же возникали вдоль этих неезженных дорог, влачили довольно-таки жалкое существование.

В каждом из трактиров Олни заказывал полный набор предлагаемых блюд, хотя это и порядком задерживало их путешествие, ведь заказанную, например, «курицу под королевским соусом» необходимо было не только изжарить под этим самым королевским соусом, но для начала ещё и отловить, ощипать и выпотрошить. Однако Клайдий не выказывал никаких признаков недовольства или нетерпения. Более того, он заказывал всё то же самое, хотя после с брезгливо-

стью разглядывал тощую тушку курицы, которую по её размерам скорее можно было бы назвать цыплёнком, а по жёсткости кожи и мяса – сапогом. Пресловутый же «королевский соус» на поверку оказывался неопределённого вкуса баландой, напоминавшей воду с разведённой в ней овсяной мукой, льняным маслом и множеством соли с перцем, чем он, вероятнее всего, и являлся.

Наверное, для того, чтобы сделать парня окончательно счастливым, нужно было бы остаться на ночёвку в одном из этих трактиров, но на такие жертвы Клай всё же был не готов, совершенно справедливо полагая, что если куры у них размером с клопов, то клопы вполне могут оказаться размером с кур. Однако же к концу их недолгого путешествия, а именно к позднему вечеру, когда небо уже было покрыто россыпью ярко блестящих на морозе звёзд, Олни совершенно излечился от своей хандры, хотя, конечно, до конца избыть грусть, вызванную смертью близкого человека, было невозможно.

По меркам южного Палатия Токкей был довольно крупным городом – в нём проживало, наверное, около пяти тысяч человек. Для столичного жителя он, наверное, показался бы излишне провинциальным, но на Олни он произвёл неизгладимое впечатление даже ночью. Крепостные стены не менее двадцати футов высотой, с помощью темноты неплохо скрывавшие свою запущенность, показались юноше просто громадными, а центральная улица, в отличие от большин-

ства других замощённая булыжником и освещённая редкими масляными фонарями, заняла в его воображении место, приберегаемое для главных улиц Шинтана.

Несмотря на поздний час, на улицах кое-где попадались прохожие и гуляки, а из нескольких таверн и кабаков неслись весьма характерные звуки, свидетельствующие о том, что их посетители далеки ещё от того, чтобы ложиться спать. Для Олни, в чьей деревне люди обычно ложились вскоре после захода солнца, это было ещё одним признаком большого города, полного соблазнов. Он и страшил, и манил одновременно.

Наконец экипаж подъехал к довольно большому особняку, который выглядел вполне респектабельно, а Олни так и вовсе назвал бы его роскошным, да и то лишь потому, что не подобрал бы более превосходного слова. Оказалось, что именно в этом доме Клай снял две смежные комнаты во втором этаже. На какое-то время он должен был стать жилищем для мага и его ученика.

Едва зайдя в свою комнату, Олни остановился, потрясённо глядя на свою будущую обитель. Никогда прежде он не видел такой роскоши. До сих пор роскошным ему казался дом сеньора Шейнвила, но теперь же он понимал, насколько ошибался. Конечно же, на вкус того же Клайдия особняк был неплох, но не более того – вполне сносен для того, чтобы жить в нём, и уж куда лучше безвкусных деревенских хором провинциального кузена.

Надо отметить, что в комнате Олни (как, впрочем, и во всех других комнатах, которые предназначались для сдачи внаём) был достаточно большой камин с великолепной кованой решёткой, в котором ласково плескалось яркое оранжевое пламя. Уже одно это было бы способно привести деревенского мальчика в неопикуемый восторг. Но здесь кроме камина была ещё и кровать достаточно широкая для того, чтобы долговязый парень вполне мог бы спать и поперёк её.

Но главное – здесь был настоящий платяной шкаф. Даже в имени Шейнвила для хранения нарядов использовали громадные оббитые железом сундуки, а здесь был шкаф. Олни пожалел, что у него всего один комплект одежды, и ему пока просто нечего держать в этом великолепном лоснящемся предмете интерьера, таком огромном, что в нём можно было бы ночевать.

Пол был паркетным и до того начищенным, что Олни не смел и ступить по нему, боясь испортить своими кургузыми башмаками чистоту и невинность этого великолепия. Клай, стоя рядом, наслаждался тем впечатлением, которое комната произвела на его подопечного, и одновременно посмеивался над его деревенской неуклюжестью.

Да, Олни был счастлив. Правда, его восторг на некоторое время стушеввался перед воспоминаниями о недавно умершей маме, когда он представил, как была бы она горда и счастлива, увидь своего сына посреди всего этого великолепия. Но долго сохранять минорность в подобных условиях

было невозможно, тем более, что меньше чем через четверть часа в дверь постучал изящно одетый слуга с подносом в руках.

Отменно отужинав, Олни наскоро обмылся в специально отведённой для этого комнате, где стояла бадья, которую по требованию жильцов слуги наполняли горячей водой – он счёл кощунством немытым лечь на эти белоснежные простыни с тонким голубоватым узором из полевых цветов. И то верно – с пренебрегающего обычно гигиеной парня сошло столько грязи, что после несчастные служанки дважды надраивали лохань, чтобы отчистить её от коричневатого налёта.

– Завтра поутру отправимся к портному, – объявил Клай, заглянув перед сном к Олни. – Нужно одеть тебя во что-то приличное, не можешь же ты продолжать позорить меня своим видом! Постарайся забыть своё происхождение – отныне люди будут видеть тебя таким, каким ты им себя преподнесёшь. Заодно и поглядим, научил ли я тебя чему-нибудь...

Олни, хотя и не считал, что его внешний вид способен кого-то опозорить, возражать, разумеется, не стал. Он уже ест как барин, спит как барин. Если он ещё и одет будет как барин – он станет барином! Парень был достаточно самоуверен, чтобы быть уверенным в том, что в достаточной мере освоил уроки мессира.

Пока же он с блаженным стоном рухнул на свою безграничную постель, утонув в мягкой перине, словно в поляне

одуванчиков. В камине весело потрескивали дрова, нагревая воздух и наполняя его приятным лёгким запахом дымка, так не похожим на тяжёлый чад от их домашнего очага. Мысли о домашнем очаге вновь вернули его воспоминания к маме, но он не успел даже как следует огорчиться, поскольку спустя несколько мгновений уже захрапел.

– Вполне неплохо, – оценивающе оглядев принарядившегося Олни, одобрительно кивнул Клай. – С десяти шагов и не скажешь, что ты родился в хлеву!

Они стояли у мутного зеркала в платяной лавке, и Олни с трудом узнавал в неясном отражении себя. Никогда ещё он не выглядел даже вполовину так блистательно, как теперь. Вот бы в таком виде появиться в его деревушке! Олни даже зажмурился от удовольствия, представляя себе эту сцену.

– Что ж, теперь можно отправляться к портному, – хлопнув парня по спине, объявил Клай.

– Для чего ещё портной? – приятно удивился Олни, искренне недоумевающий, что ещё могло не нравиться мессиру.

– Не можешь же ты появиться в обществе в *этом*, – скривился Клай. – Тебя примут за торговца лесом, или, в лучшем случае, за мелкопоместного дворянчика вроде моего кузена. Истинный дворянин никогда не купит себе наряд в лавке готового платья! Мы отыщем маэстро, который сошьёт

такую одежду, которая подчеркнёт все твои достоинства и скроет многочисленные недостатки. Нам нужно спешить – я хочу, чтобы твой первый наряд был готов уже к этим выходным. Уверен, что даже в городишке вроде Токкея найдутся какие-нибудь развлечения для нас.

С Олни никогда не снимали мерку, и он понятия не имел, как это делается. Оказалось, что нужно почти три четверти часа стоять в самых нелепых позах, покуда мелкий седовласый старичок с беспокойными пальчиками ощупывал его повсюду, отмеряя что-то атласной лентой, на которой он ставил пометки. Это была весьма неприятная и нудная процедура, однако же Олни её выдержал. Правда, потом ему очень долго (едва ли не два часа) пришлось ожидать Клая, который весьма требовательно подошёл к снятию мерки, и ещё дольше потом определялся с тканями и расцветками. Но всё же стоять в примерочной было куда легче, чем мотыжить землю, поэтому юноша не выказывал никакого нетерпения или недовольства.

Ну а затем для Олни началась светская жизнь. Клай довольно быстро оброс связями, став желанным гостем в лучших домах города. Несмотря на то, что он хранил инкогнито, местное дворянство своим безошибочным провинциальным чутьём сразу распознало в нём человека весьма знатного и, что важнее, явно столичного. И это нежелание раскрыть себя не только не оскорбляло достойных горожан, но наоборот – приятно волновало их, добавляя пикантности. Они чувство-

вали, что за этим скрывается какая-то захватывающая история, и, не имея возможности узнать её, не могли отказать себе в удовольствии угадывать и представлять самые невероятные вещи. Клай нисколько не мешал этому, ведь всё это играло ему на руку.

Что касается Олни, то он вёл себя тише воды, ниже травы. Он беззвучной, едва заметной тенью следовал за наставником, оглушённый и ослепший от величия и сияния той среды, в которую попал. Он с удовольствием сидел бы в своей комнате, но мессир строго-настрого наказал ему всюду сопровождать его, и ослушаться юноша не смел. Однако эта робость была воспринята знатью Токкея как скромность и благовоспитанность, а поскольку это были как раз те качества, которыми редко могла похвастать современная золотая молодёжь, то можно сказать, что Олни был принят с не меньшим радушием, чем его учитель.

Как мы видим, высший свет Токкея не распознал с первого взгляда в изящно одетом и изящно выглядящем юноше деревенского пастушка – Клайдий излучал такое количество столичного лоска, что его с лихвой хватало на двоих. Конечно, не обошлось без пересудов о том, кем приходился молодой человек этому великолепному вельможе. Высказывались разные точки зрения – кто-то утверждал, что они братья, хотя, скорее всего, не единоутробные; другие склонны были подозревать, что молодой, вероятно, был незаконнорождённым сыном того, что постарше. Наиболее впечат-

лительные натуры и вовсе чувственным шёпотом намекали на то, что здесь имеют место чувства, далеко выходящие за рамки обычной мужской привязанности. Правда, Клай вскорости развеял эти нелепые подозрения своими любовными похождениями.

К чести нашего героя нужно отметить, что и в дальнейшем всё расширяющийся круг его знакомых так и не сумел разгадать загадку его происхождения. Во всём, что касается этикета, Клайдий оказался на удивление талантливым учителем, а поскольку и ученик попался ему подстать, то, немного освоившись, Олни всё больше входил в роль знатного и таинственного юноши, поразив немало сердец.

Здесь, в Токкее, Клай уже не считал нужным скрывать свои магические способности, полагая, что публика тут куда более просвещённая. И тот факт, что внезапно прибывшие в город незнакомцы оказались ещё и магами, ещё больше подогрел и без того горячий интерес к ним. Для Олни подобный интерес был скорее в тягость, поскольку он ощущал себя лжецом, похитившим чужие одеяния, чтобы выдать себя за кого-то другого. Он поминутно ждал разоблачения, и поэтому в обществе обычно бывал очень скован. Он неохотно отдалялся от Клая, предпочитая пребывать в его спасительной тени, а потому старался вежливо отвергать всевозможные предложения, которые так и сыпались со стороны его сверстников, горящих желанием поближе сойтись со столичным магом.

В первые недели Клай с пониманием относился к этому, не требуя от воспитанника невозможного. Однако спустя некоторое время он стал категорически настаивать на том, чтобы Олни как можно больше времени проводил в обществе молодых дворянских сынов (и дочерей тоже), вероятно, желая устроить своему протеже настоящий экзамен.

И нужно отметить, что бывший пастушок с честью выдержал это испытание. Недостаток врождённого благородства он с лихвой компенсировал знаниями, почерпнутыми из уроков мессира, а также из книг. Кроме того, Олни обладал весьма острым умом и, как выяснилось, невероятной внутренней чуткостью, помогавшей ему быстро приспособиться к новой среде так, что никто не мог заподозрить подвоха.

Правда, Олни неприятно поразила некая незрелость новых товарищей. Ему, которому благо учиться свалилось буквально с неба, было непонятно, как эти богатые сынки богатых родителей, имея возможность нанимать лучших учителей и покупать лучшие книги, предпочитали всему этому почти что детские проказы, пирушки и интрижки. Можно было смело сказать, что он, ещё год назад читавший едва по складам, сейчас был на голову выше любого образованного молодого хлыща Токкея.

В этом смысле отрадой для него стало знакомство, сведённое Клаем с местным магом по имени Доруман. Доруман был весьма обеспеченным человеком, состояние которого скла-

дывалось не только из дворянской ренты и наследства родителей, но и из жалования, которое он получал, имея официальную должность руководителя магической обороны города.

Вообще Токкей, несмотря на то, что находился не так уж далеко от границ Латиона, за последние лет сорок не видел ни одного нашествия воинственного южного соседа. Дело тут было и в естественных препятствиях местности – она здесь изобиловала болотами, и в том, что Токкей не лежал на пути к Шинтану, и потому был не особенно интересен для латионских легионов в тех искусственных войнах, которые разыгрывались будто спектакли. И тем не менее, в городе существовал не только обычный военный гарнизон, но даже и подразделение магической защиты, насчитывающее, правда, кроме мессира Дорумана ещё всего лишь трёх магов средней руки. Должности были весьма необременительны, и приносили неплохой доход.

Конечно, ожидать встретить сильных магов в подобной глуши было нечего – здесь оставались лишь те, кому недоставало либо способностей, либо амбиций, чтобы перебраться в столицу. Однако же, мессир Доруман оказался весьма интересным собеседником, с которым можно было поговорить о магических практиках, а главное – у него была весьма недурная библиотека томов на шестьсот. В глазах Олни это было истинное богатство, и он готов был бы поселиться в этой библиотеке насовсем, спать на соломенной подстилке

рядом с этими драгоценными шкапами, покинув свою роскошную комнату.

К счастью, подобных жертв от него никто и не требовал – добряк Доруман охотно предоставлял юному коллеге любые книги, которые тот просил, разрешая даже забирать их с собой. У Олни разбежались глаза – он не знал, за какой том хвататься, ему хотелось иметь дюжину голов с двумя дюжинами глаз, чтобы читать по несколько книг сразу. Не зная, сколь долго они проведут в Токкее, он страшно досадовал, что ему необходимо было тратить часть драгоценного времени на сон и светские выходы.

Среди бесценных фолиантов мессира Дорумана были и тома по магическим практикам – ничего особенного, совершенно стандартный набор. Однако же Олни с жадностью проглатывал их страница за страницей, с радостью находя подтверждения тем идеям, до которых он ранее додумался сам. Теперь ему как никогда хотелось больше времени проводить с мессиром, обсуждать новые знания, что он почерпнул из книг...

Однако Клай, вырвавшись наконец из мучительной провинциальной скуки, словно пытался компенсировать все свои потери. Он кутил направо и налево, заводил интрижки с замужними и незамужними красотками, возвращался под утро с балов и приёмов. Нельзя сказать, что он совершенно потерял интерес к своему педагогическому эксперименту, но всё же характер брал своё. Он исправно уделял своему ученику

время – минимум по часу каждый день, но именно сейчас
Одни этого было мало как никогда. С горечью, но и неко-
торым приятным волнением юноша осознал, что теперь он
должен будет стать сам себе учителем и наставником.

Глава 7. Каррис

В первое же утро их пребывания в Токкее Клай, едва появившись в комнате Олни, тут же заявил:

– С этого дня, парень, ты должен забыть своё имя. Придумай себе что-то более подходящее случаю.

– А что плохого в моём имени? – обиженно удивился юноша.

– Дворяне не дают своим детям имя Олни, – невозмутимо пояснил маг. – В лучшем случае они могут назвать так свою собаку. Ты начинаешь новую жизнь, и тебе потребуется новое имя. Мне, кстати, тоже. Что скажешь о имени Каладиус? Мессир Каладиус, – растянуто произнёс Клай, вслушиваясь в звучание.

– Мне нравится, – пожал плечами Олни, который всё равно не знал настоящего имени мессира.

Как мы видим, Клай добавил к своему имени окончание «ус», означавшее, что он принадлежит не просто к касте магов, но является магом, чьи заслуги уже известны и подтверждены Латионской академией высоких наук. Лишь выпускники этой академии, причём зарекомендовавшие себя с лучшей стороны, получали право трансформировать своё имя подобным образом. Однако Клайдий, очевидно, не слишком-то тяготился подобными формальностями, решив, что если начинать жизнь с чистого листа, так почему бы сразу не

повысить свой статус.

Очевидно, что имя Каладиус было образовано от имени Клайдий. Почему предприимчивый авантюрист изменил звучание, а не назвался Клайдиусом, как, казалось бы, должен был? Трудно ответить на этот вопрос. Может быть, имя Каладиус показалось ему более звучным, а может быть, он всё ещё продолжал опасаться той истории с Шатсли, а потому хотел немного запутать следы. Но так или иначе, а именно в этот день, в одиннадцатый день месяца постремия 968 года Руны Кветь, мир впервые услышал это имя, ставшее впоследствии столь великим и грозным, хотя прославит его совсем другой человек.

– Мне тоже нравится, – улыбаясь, кивнул Клай. – Теперь нужно придумать что-то подходящее для тебя. Как насчёт имени Каррис? Был у меня такой приятель в детстве.

– Нормальное имя, – снова пожал плечами Олни, в глубине души чувствуя, что ему не очень-то хочется быть Каррисом или кем-то иным.

– Ну значит так и будет, – удовлетворённо улыбнулся Клай. – Постарайся поскорее привыкнуть к новому имени – оно теперь твоё, как вторая кожа. И постарайся поставить себя так, чтобы тебя величали мессиром Каррисом.

Та лёгкость, с какой его учитель создавал новую реальность, казалась новоиспечённому Каррису головокружительной. Он тогда ещё не до конца осознал, что мессир решил полностью изменить его личность, и не слишком-то

представлял – какво это будет изображать из себя кого-то другого. Однако мы уже знаем, что с этой задачей он справился блестяще, показав себя достойным учеником мессира Каладиуса.

Больше всего Олни нравилось, когда они с мессиром посещали Дорумана. Здесь не бывало приторно-бессмысленных светских бесед, не обсуждались кружева на корсаже какой-либо баронессы, не кичились своим невежеством. Конечно, мессир Доруман далеко не был образцом мудрости, но всё же книги, что стояли на полках его библиотеки, стояли там не зря. Кроме того, маг был прост в общении, не прибегая к хитросплетениям слов, предписанных этикетом. И с ним можно было говорить о магии.

Может быть, он не был столь даровит как Клайдий, но он прожил на свете вдвое дольше, и имел больше опыта, в том числе и боевого. Олни, или Каррису, как нам бы пора уже привыкнуть называть нашего героя, было интересно всё, что относилось к боевой магии. Он со всепоглощающим интересом слушал о захватывающих магических битвах между магами Палатия и Латиона во время той или иной войны, не замечая саркастической улыбки, что то и дело пробегала по губам Клая.

Да, добряк Доруман, очевидно, привирал, особенно когда рассказывал о собственных подвигах, но юноше не было до

этого дела. Он то и дело перебивал рассказчика, прося более детально рассказать о том или ином приёме, применённом в бою. Несколько раз замявшись после таких просьб, Доруман стал несколько сдержаннее, отчего рассказ его, несомненно, проиграл в красочности, но зато выиграл в достоверности.

Тем не менее, пожилой маг отнёсся к приезжим с почти отческой теплотой и участием, особенно на первых порах, когда они ещё только обосновывались в городе.

– Не стеснены ли вы в средствах? – в одну из первых встреч поинтересовался он. – Если это так, я мог бы ссудить вам определённую сумму. Я живу один, и большая часть денег просто лежит у меня безо всякого дела. Прошу вас, не стесняйтесь, если вам что-либо нужно, в этом нет ничего зазорного. Я сам в своё время прибыл в этот город без гроша в кармане, так что в полной мере понимаю, какой обременительной может быть бедность.

– Благодарю вас, мессир, – учтиво отвечал Клай. – Но ежели что и обременяет меня, так это вес моего кошелька. Проклятая серебряная система – она словно нарочно придумана для того, чтобы искривить мой позвоночник¹⁷! Поверьте, на-

¹⁷ Здесь речь идёт о том, что, в отличие от всех государств Паэтты, использующих биметаллическую валютную систему (золото и серебро), в Палатие для чеканки денег используется исключительно серебро, поэтому тоины (самая крупная денежная единица Палатия) действительно весят достаточно много – около двух унций. Не очень-то понятно, отчего в Палатие сложилась именно такая система – возможно, причина в том, что в стране есть довольно крупные залежи серебра, а вот золотые прииски и золотоносные жилы встречаются в центральной и южной частях Анурских гор. А может в этом просто была какая-то давню

ши семейства достаточно богаты, чтобы мы с мессиром Каррисом ни в чём не испытывали нужды.

Больше на эту тему разговор не заходил, да Доруман вскоре и сам смог убедиться, что его новые знакомцы просто набиты деньгами. Клай вознаграждал себя за вынужденный год воздержания от светской жизни, вскоре став главной звездой токкейского небосклона. Кажется, в нём проснулись былые повадки и жажда наслаждений. К счастью, Олни достиг уже того этапа, когда мог быть сам себе учителем, благо, к его услугам были библиотека мессира Дорумана вкуче с ним самим. Молодой мессир Каррис бросился в учёбу с тем же упованием, с каким его воспитатель мессир Каладиус бросился в пучину развлечений.

Зима в таком городе как Токкей совсем не то же самое, что зима в родной деревушке Олни. В разгар зимы домишко, в котором жили они с мамой, иной раз заносило до самой крыши, и ему приходилось буквально прорываться сквозь толщу снега, чтобы отыскать колодец. Здесь, во всяком случае в той части города, где находилось их жилище, снегу не давали слёживаться целые армии дворников. После каждого снегопада улицы тщательно вычищали, а снег вывозили на городские пустыри.

забытая прихоть кого-то из местных правителей во времена Смутных дней или же после них.

Читал Каррис теперь при свечах, а не в тусклом свете лучины; в камине всегда горели дрова, и ему даже не приходилось самостоятельно колотить их – каждое утро слуга заполнял до верху небольшую нишу рядом с камином. Четыре раза в день ему подавали пищу, и он, как бы ни был занят, обязательно воздавал ей должное. Спал он на мягкой постели, где бельё менялось каждые две недели, а не после того, как ноги начинали увязать в дырах.

Время проходило быстро и удивительно. Временами Каррис ловил себя на том, что очень боится проснуться, потому что всё это было слишком уж похоже на сон. Успокаивало лишь то, что мозг его вряд ли смог бы породить столь изощрённое и столь реалистичное сновидение.

Всё время, каждый день молодой ученик мага продолжал постигать различные науки, львиную долю времени отдавая магии. Как-то он наткнулся на книжных полках мессира Дорумана на некий фолиант, который, судя по обилию пыли, скопившейся на нём, уже много лет не видел солнечного света. И, прочитав название, Каррис выдохнул от восхищённого изумления.

Это был знаменитый «Магия граней» – труд, написанный ещё во времена империи великим магом Реввиусом. Олни уже слышал об этом сочинении, встречал его название на страницах других книг, но не думал, что сможет когда-либо подержать его в руках. Дело в том, что мессир Реввиус очень подробно занимался созданием магических артефактов на

основе кристаллов, а тема эта давно уже интересовала юношу, который мечтал научиться многократно усиливать свою природную мощь.

– О, вы истинный ценитель, мессир Каррис, – с лёгкой усмешкой протянул Доруман, когда Олни появился с ценной книгой в руках. – Но не слишком ли сложный трактат вы выбрали на сей раз?

– Я хотел бы попытаться разобраться в нём, мессир, – с просительными нотками в голосе произнёс Каррис. – Эта тема всегда была мне интересна.

– А насколько вы знакомы с геометрией, друг мой? – поинтересовался Доруман. – Я в своё время наткнулся на эту любопытнейшую книгу и отдал за неё небольшое состояние, но, вынужден признать, так и не осилил её содержания. Здесь нужно быть, по меньшей мере, учёным академиком.

– Если позволите мне взять её, я попытаюсь понять, мессир. Увы, я не знаком с геометрией, но мой учитель всегда отмечал мои большие способности к математике. Быть может, это поможет мне.

– Что ж, друг мой, берите эту книгу, – улыбнулся Доруман. – Оставьте её себе на память о старом провинциальном маге, с которым вас на время свела судьба. Надеюсь, когда-нибудь вы помянете меня добрым словом. Я вижу в вас огромный потенциал, юноша, и он заключён отнюдь не в величине ваших магических способностей, которые, тем не менее, весьма велики. Но вы открыты знаниям, вы впитываете

их подобно губке. Человек с вашей головой может дойти до головокружительных высот. Не потеряйте этот дар.

В далёком будущем великий маг Каладиус действительно не раз вспомнит этого добродушного старика, который оказался в некотором смысле настоящим пророком.

И вот теперь долгими зимними вечерами Каррис упорно штудировал полученную книгу, продираясь сквозь непроходимые дебри одновременно и теоретической магии, и математики. Временами хотелось просто бросить всё это, бросить в прямом смысле слова – наотмашь, о стену, чтоб разлетелись аккуратно сшитые пергаменные листы. Но через какое-то время что-то заставляло юношу вновь возвращаться к книге и к своим многочисленным записям.

Дошло до того, что он видел эту книгу во сне. Однажды Каррису приснилось, что мессир вместе с сеньором Шейнвилем вдвоём втолковывают ему какое-то непонятное место из «Граней», смеются над его тупостью и даже злятся. В какой-то момент сеньор Шейнвил, выведенный из себя, отдаёт приказ пороть неспособного ученика. Юноша проснулся в холодном поту, чувствуя, как ноют рубцы на пояснице. Однако же он внезапно осознал, что понял то самое место в книге, над которым бился последние дни.

К сожалению, если Олни действительно с каждым днём всё больше превращался в мессира Карриса, то вот вновь наречённый мессир Каладиус своими повадками всё больше напоминал бывшего Клайдия Сарاماгу. Как ни презрительно

относился он к провинции, но сладость светской жизни Токкея, пусть и пресноватая в сравнении со столичной, вскружила ему голову после долгого сидения в деревне. Причём случилось это неожиданно даже для него самого – Клай долгое время самоуверенно считал, что излечился от былых грехов.

Каррис, конечно, был весьма огорчён подобными переменами. Он настолько привык к постоянному обществу мессира, что теперь чувствовал себя покинутым. Богемная жизнь совершенно не прельщала, и даже пугала бывшего деревенского мальчишку. Он изо всех сил тянулся к знаниям, и пусть сейчас уже уроки его покровителя были не столь важны, поскольку он вполне способен был учиться самостоятельно, но какая-то почти детская зависимость всё же сохранялась. Кроме того, Каррису больно было видеть, как мессир, имея столь светлую голову и великие способности, растрачивает всё это на пустую светскую суету.

Вероятно, единственным человеком во всём городе, исключая самого Карриса, который был недоволен тем, как складывались дела, был мессир Доруман. Старый отшельник даже в молодости чурался развлечений, считая это недостойным занятием для тех, кто дерзает называть себя магами. Вот и сейчас он с плохо скрываемым неодобрением отмечал всё более частые случаи отсутствия Каладиуса, тогда как его ученик, напротив, не упускал случая, чтобы навестить начальника магической обороны.

– Как долго вы собираетесь пробыть в Токкее? – однажды,

не сдержавшись, спросил Доруман во время одного из визитов, когда Каррис в очередной раз пришёл один.

– Ещё какое-то время, – с кривой ухмылкой ответил юноша.

Дело в том, что он буквально накануне задал тот же вопрос мессире, и теперь мог дословно процитировать его ответ.

– Я не могу не признаться, что меня тревожит поведение мессира Каладиуса, – озабоченно продолжил старый маг. – Он растрчивает себя на какую-то пустоту, на пену... Это прискорбно, учитывая его потенциал. Будь я даже вполонину так же силён как он, я бы обязательно пробовал себя в Латионской академии, и сделал бы куда более блестящую карьеру, нежели теперь...

– Думаю, он контролирует ситуацию, – неуверенно ответил Каррис.

– Возможно он тоже так думает. Но что если это не так? Он всегда был таким?

– Мы знакомы не так давно, – осторожно проговорил юноша, боясь попасть впросак. – Но всё это время он был полностью сосредоточен на моём обучении.

– И он преуспел в этом! Но сейчас вам нужно нечто большее. Молодой человек, я хотя и не могу похвастаться великими способностями, но достаточно опытен для того, чтобы сказать: вы – совершенно необычайны. Ваши способности к обучению просто потрясают, и доказательством тому слу-

жит то, как просто вы разобрались в «Магии граней». Кроме того, я ощущаю в вас могучий потенциал, гораздо превосходящий даже потенциал мессира Каладиуса. Вы должны развивать его! Будет преступлением пойти стопами вашего учителя и тратить себя на светскую жизнь. Подобно мотыльку, вы сожжёте свои крылья в огне лампы. О, я вижу, что вы – серьёзный молодой человек! – торопливо воскликнул Доруман, видя, что Каррис хочет ему возразить. – Но самообучение при всей его ценности обладает одним существенным недостатком – ограниченностью. Вам нужны достойные учителя, которые поднимут вас на принципиально иной уровень.

– Ваша библиотека, мессир, это бесценный кладёзь знаний, который мне ещё не скоро исчерпать.

– Это произойдёт скорее, чем вы думаете, друг мой, – покачал головой старый маг. – Вот что я скажу вам. Вы должны как можно скорее отправляться в Латион. Сейчас зима, и война затихла до поры. А быть может, с благословения Арионна, она и вовсе закончится, как это обыкновенно бывает. Отправляйтесь в Академию, там вас примут с распростёртыми объятиями! Заручитесь рекомендацией мессира Каладиуса – рекомендация выпускника Академии дорогого стоит!

Каррис лишь кивнул в ответ. Признаться, он очень сомневался, что его учитель, несмотря на гордое окончание его имени, действительно обучался в Латионской академии. Но, конечно же, он и виду не подал о своих сомнениях.

– Я слишком многим обязан мессире Каладиусу, чтобы покинуть его теперь. Может быть позже мы отправимся вместе, может быть однажды он сочтёт, что я готов к самостоятельному пути, но пока что я чувствую, что должен остаться рядом с ним. Ваш совет хорош, и он исходит от доброго сердца, но я не могу принять его.

– Что ж, это достойный ответ, – уважительно кивнул Доруман. – Приятно видеть такую преданность в столь молодом человеке. Могу лишь сказать, что отчасти я даже рад этому, поскольку ваше общество является для меня необычайно приятным и разнообразит мою одинокую жизнь. Не держите зла на старика, если мои советы показались вам неуместными или бестактными. Всё это оттого, что меня крайне волнует ваша судьба.

– Благодарю вас, мессир, за это от всего сердца. Уверен, что вскоре всё образуется. Мессир Каладиус – умный и ответственный человек. Ему нужно просто дать время.

Увы, но знай юноша получше историю Клайдия Сараманги, он вряд ли спешил бы с подобными заверениями. Мессира Каладиуса всё больше затягивало в круговорот богемной жизни. Он всё чаще возвращался домой уже под утро, чтобы потом проспять большую часть дня. Бывало так, что Каррис вообще не видел учителя целый день.

Это не могло продолжаться долго – рано или поздно что-

то должно было случиться. Каладиус, которого так и хочется назвать Клаем, столь сильно он был похож на себя-прежнего, вновь ходил по грани, заводя интрижки с замужними дамами, играя в карты по-крупному,водя знакомства с сомнительными личностями. Хвала богам, он хотя бы не посещал притоны и бордели, но и то главным образом потому, что их уровень был гораздо ниже столичного.

Зима медленно уходила, во всяком случае, если верить календарю, но погода пока ещё продолжала быть суровой и снежной. За всё то время, что они провели в Токкее, Каррис так и не обзавёлся друзьями, если не считать мессира Дорумана. С какого-то времени он вовсе перестал бывать в свете и сопровождать своего наставника. И именно поэтому он никак не мог повлиять на него, остановить от неверного шага.

Однажды ночью, когда Каррис, по обыкновению, спал, накрытый книгой, с которой он уснул, в дверь его без стука ворвался Каладиус. Свеча, горевшая на столике у кровати, ещё не оплыла окончательно – вероятно, был час или два после полуночи. Мгновенно проснувшийся юноша с тревогой взгляделся в белое лицо вошедшего, понимая уже, что случилась беда.

– Мы должны уезжать, – без предисловий и обиняков объявил Каладиус.

– Что стряслось? – спросил Каррис, понимая, что ответ ему не понравится.

– Я убил человека, – просто ответил маг, утирая пот со

лба.

– Как? – ужаснулся юноша.

– Всё было честно. Это была дуэль между двумя благородными дворянами. Он сам вызвал меня.

– Но если это была дуэль...

Дуэли в Палатие, как, впрочем, и везде, были под официальным запретом, но запрет этот был скорее формальностью, поскольку дворяне дрались несмотря ни на что, и правила чести здесь были важнее королевских законов. Время от времени власти устраивали показательные суды над дуэлянтами, но они, как правило, носили совершенно декоративный характер – обвиняемые отделялись штрафами, а народная молва возносила их едва ли не в ранг героев.

– Она случилась без свидетелей, – коротко ответил Каладиус. – Ради всех богов, парень, вылезай уже из-под одеяла! Я уже приказал заложить экипаж.

– Как это – без свидетелей? – озадаченно спросил Каррис, пытаясь попасть ногой в штанину. – Где же были секунданты?

– Какие секунданты, чужак? – нервно фыркнул бретёр. – Этот олух застал меня в спальне с его женой. Какие там секунданты – счастье ещё, что я успел схватить шпагу, потому что этот невежа, кажется, просто собирался проткнуть меня, словно какого-нибудь рябчика! Клянусь честью, я дрался с ним совершенно голым! Уверен, что со стороны это выглядело презабавно!

Каладиус разразился смехом, столь же нервным и даже отчасти истерическим, однако у Карриса не было ни малейшего желания вторить ему. Он продолжал лихорадочно натягивать одежду. Закончив, он принялся собирать самое ценное – книги, которых теперь было несколько больше, чем вначале, поскольку он смог прикупить с полдесятка в местной лавке.

– Но разве не поверят вашему честному слову? – юноше отчаянно не хотелось уезжать вот так вот, среди ночи, не попрощавшись даже с мессиром Доруманом.

– О, боги, да что же ты такой чудной, парень? – простонал Каладиус. – Ладно, коли тебе так хочется всё знать, то так и быть. Знаешь кем был этот недотёпа? Это бургомистр Коддолн, собственной персоной!

Да, это была проблема. Убийство королевского чиновника, да ещё и такого ранга!.. Самое меньшее, что ждало за такое – десять лет казематов, и то если очень повезёт. Теперь Каррис больше уже ни о чём не спрашивал – он быстро собирал остатки своих пожиток, кое-как запихивая всё в дорожные мешки и саквояж.

– Но жена бургомистра не вызвала стражу?

– Она обещала мне дать два часа на сборы. Желательно, чтобы за это время мы были уже за пределами города, так что я очень надеюсь, что мы отъедем не позднее чем через полчаса. Женщины непостоянны, и глупо полагаться на их слово, но у меня не было выбора. Кроме того, боюсь, чтобы

выгородить себя, она может наплести бог весть что.

– Но если свидетелей драки не было – почему бы не списать всё на ограбление?

– Сразу видно, парень, что в тебе нет дворянской крови! – фыркнул Каладиус. – То, о чём ты говоришь, недостойно дворянина. И потом – что это за грабители, которые вооружены шпагой?

Наконец вещи были более или менее упакованы, и оба мага быстро спустились вниз. Разбуженный слуга снёс багаж и примотал его к санному экипажу, уже поджидавшему у входа. Каладиус щедро расплатился за постой, и вскоре пара лошадей понесла их по тёмному спящему городу.

– Мы возвращаемся обратно? – уныло спросил Каррис, которому до смерти не хотелось вновь превращаться в Олни.

– Забодай меня Асс, если я ещё хоть раз окажусь в том месте, где останавливается время! – возразил Каладиус. – Мы отправляемся в Тавер.

Глава 8. Тавер

Экипаж выехал из города через южные ворота, но на первой же развилке свернул влево и отправился вокруг Токкея, чтобы выбраться на шинтанское направление. Каладиус пытался запутать следы возможной погони. Если всё пойдёт так, как он надеялся, недавно ставшая вдовой жена бургомистра сообщит, что убийца направился в Латион. Тем не менее, понимая, что не всяких сыщиков можно так легко сбить со следа, маг велел кучеру мчать во весь опор.

Лошади были хороши, тракт был хорошо укатан, так что к утру, когда уже рассвело, Токкей остался в четырёх лигах южнее. Однако лошади уже очень устали, с их трепещущих губ срывались хлопья пены, а дыхание становилось всё более хриплым. Добравшись до первого приличного трактира, Каладиус, не торгуясь, сменил лошадей, которые, конечно, были не столь хороши, как его собственные, но зато были свежими, а это в данном случае являлось немалым преимуществом.

Кучер, получивший весьма щедрый задаток, безо всякого недовольства, едва сменили лошадей, стеганул кнутом и погнал экипаж дальше к северу, не жалуясь ни на холод, ни на усталость. Оба мага же, которые смогли размять ноги лишь в течение тех двадцати минут, что меняли лошадей, вновь были вынуждены терпеть эту бесконечную дорогу.

На сей раз Каррис, слишком поглощённый мрачными мыслями, куда меньше внимания уделял тому, что происходило за окном. Каладиус же с каждой милей, что отдаляла его от Токкея, становился всё спокойнее, постепенно возвращая себе свой насмешливо-расслабленный вид.

– Извини, что втянул тебя во всё это, парень, – наконец произнёс он. – Но что мне было делать? Ждать, пока этот болван проткнёт меня своей шпагой?

У Карриса было сразу несколько вариантов того, что мог бы сделать мессир, главным из которых было предложение не спать с замужними женщинами, но в данном случае помочь словами делу было уже нельзя, поэтому он просто промолчал. Жизнь в Токкее несколько изменила их отношения. Каррис больше уже не был пастушком Олни, с благоговейным восторгом взирающим на таинственного мессира. Он, конечно, не чувствовал ещё себя ровней своему учителю, но ощущал, что дистанция между ними уменьшается.

– Всё равно я собирался весною покинуть Токкей, – будто извиняясь, продолжал Каладиус. – Гиблое место, немногим лучшее, чем имение моего кузена. Таким людям как мы с тобой тесно в подобных городишках.

– Да уж, настолько тесно, что вы даже не смогли поделить с бургомистром его жену... – буркнул Каррис, которого неожиданно для него самого тронули эти неуклюжие извинения.

– Это точно, – хохотнул Каладиус, обрадованный, что

юноша включился в разговор.

– Что же теперь? – спросил Каррис. – Мы теперь – преступники? Нас будут искать, а если найдут – запрут в одиночных камерах?

– Ну ты-то тут вовсе не причём, – заверил маг. – Даже если мы попадёмся, чего я надеюсь избежать, то не думаю, что у правосудия будут к тебе претензии. Но вообще-то я очень рассчитываю, что мы окажемся не по зубам королевским сыщикам, а вскоре и вовсе мы покинем эту страну.

– И куда же мы направимся? В Латион? Тогда зачем было делать этот крюк?

– Потому что мы отправимся не в Латион. Как только откроется навигация, мы на всех парусах помчимся в Кидую.

– Почему в Кидую? – удивился и, признаться, слегка разочаровался Каррис, в душе которого отпечатались слова Дорумана об Академии.

– Потому что Кидуа – это горнило, плавильный котёл, в котором создаётся самая гремучая смесь. Там встречаются представители самых разных народов, взглядов, вер. Туда тянет самых отъявленных авантюристов и самых непонятых учёных. Там воздух свободы, который пьянит пуще вина. Я скажу тебе так, мессир Каррис: если тебе нужен вчерашний день – отправляйся в Шинтан; ежели день сегодняшней – то в Латион; но если ты хочешь заглянуть прямиком в завтра – тебе одна дорога в Кинай!

Возразить на столь красноречивую тираду было нечего, да

и, по большому счёту, Каррису было всё равно куда ехать. В Кидуе, по крайней мере, он будет подальше от королевских сыщиков. Так что если он о чём-то и жалел, так это о том, что нельзя отправиться в Кинай немедленно. Но приходилось мириться с неизбежностью – весна наступала ещё через восемь дней, но судоходство на Сером море возобновиться не раньше, чем полтора-два месяца. Лишь тогда плавающие льды окончательно истают, или, быть может, уплывут куда-то на север до следующей зимы – этого юноша толком не знал.

Дорога до Тавера заняла как раз восемь дней, так что они оказались в главном порте страны аккурат в первый день месяца весны¹⁸. Хотя спустя какое-то время Каладиус снизил темпы передвижения, они всё равно домчались на другой конец страны довольно быстро. Добравшись до Шинтана на исходе шестого дня, они, не заезжая в сам город, обогнули его и выбрались на всё ещё крепко замёрзший Труон. Этот ледовый путь здорово облегчал и ускорял дорогу, так что оставшийся путь до Тавера оказался самым приятным.

Тем не менее, оба мага были страшно утомлены этой гонкой, а также – чего греха таить? – опасениями внезапной поимки. Даже кучер, казавшийся вылитым из стали, к концу путешествия заметно осунулся. Правда, он-то точно остался не в накладе, заработав за эти несколько дней больше, чем,

¹⁸ Месяц весны – первый весенний месяц календаря Паэтты. Соответствует нашему марту.

вероятнее всего, сможет заработать за весь оставшийся год. Это обстоятельство, кстати, сделало его абсолютно глухим, слепым и, как хотелось надеяться Каладиусу, немым. Впрочем, он вполне доверял этому славному малому, будучи уверенным, что тот ни за что не выдаст столь щедрого нанимателя. Хотелось бы Каррису разделять подобную уверенность!..

В любом случае то, что они благополучно добрались до Тавера, уже вселяло определённую уверенность. Ну а там, если мессир вновь не наделает глупостей, можно было надеяться, что у них получится затеряться в большом городе.

Тавер действительно был большим городом, по праву нося титул второго города Палатия. Морские ворота Шинтана, главный торговый порт, являющийся таковым даже вопреки своему не слишком-то удачному местоположению. И действительно, негостеприимное, вечно бурное Серое море, по несколько месяцев в году покрытое льдами, а также соседство с Келлийскими островами, жители которых не брезговали разбойничьими набегами, должны были бы дать неоспоримую фору Шайтре – порту, расположившемуся на самой оконечности полуострова Дарна и купающемуся одновременно в водах Загадочного океана и Залива Дракона. Однако же Шайтра, второй по значимости морской порт Палатия, заметно уступал северному конкуренту, поскольку тот был вскормлен великим Дороном – артерией, что веками со-

единяла север и юг Паэтты.

Тавер потряс Карриса. Видя Шинтан лишь издали, он мог пока что сравнивать портовый город лишь с Токкеем, и, конечно, сравнение не могло быть в пользу последнего. Теперь даже он, деревенский пастушок, понимал, что имел в виду мессир, употребляя презрительное слово «провинция». Казалось бы, и тут и там были улицы, многоэтажные дома, множество людей, но с первого взгляда становилось ясно, что Тавер – не провинция.

То ли из страсти к удобствам, то ли не желая без нужды маячить на глазах многочисленных постояльцев гостиниц, но Каладиус вновь поступил так же, как ранее в Токкее, сняв пару комнат в богатом особняке весьма зажиточного купца. Заплатив двойную цену, он добился того, что хозяин резко потерял интерес к их именам, став при этом ещё предупредительнее, чем прежде.

Особый восторг Карриса вызвал тот факт, что из его окна открывался вид на море, пусть и полузакрытый крышами домов. Юноша никогда раньше не видел моря и лишь представлял – какое оно, читая книги о путешествиях. Конечно, Серое море выглядело довольно непрезентабельно – оно и летом-то частенько оправдывало своё название, а уж тем более сейчас, когда оно ещё только-только взломало ледяной панцирь, укрывавший его больше двух месяцев, и было полно плавающими льдинами. Однако этот вид бескрайней стихии, этот солёно-горьковатый запах весьма взволновали

юного волшебника.

Какое-то время Каррис опасался, что мессир, оказавшись в столь великолепном городе, вновь примется за старое, но тот сидел тише воды, ниже травы. Вероятно, Каладиус всё же скрывал под напускным насмешливым равнодушием страх перед возможной поимкой. Ну а читатель, зная и ту часть истории Клайдия Сарамачи, которая была неизвестна нашему главному герою, наверняка понимает, что и относительная близость Шинтана добавляла незадачливому дуэлянту и ловеласу осторожности.

Это не означало, что оба молодых человека безвылазно сидели дома. Каррис, у которого не было особенных причин прятаться от взглядов людей, частенько выходил в город, чтобы просто пройтись и поглазеть. Разумеется, он делал это с дозволения мессира, а иногда даже и сам Каладиус сопровождал его. И всякий раз пастушок Олни ликовал внутри сдержанного внешне мессира Карриса, наслаждаясь вечно царящей вокруг суетой и буйством звуков, красок и запахов.

Но самый большой восторг юноши вызывали книжные лавки. Здесь их было несколько, и от обилия предлагаемых в них книг кружилась голова. Всякий раз, находясь рядом с лавкой, Каррис почти трясся от желания заглянуть туда хоть на минутку, а оказавшись внутри, разве что не истекал слюной, пробегая глазами по манящим корешкам. Он был похож на нюхальщика кашаха, изголодавшегося по очередной дозе.

Каладиус смеялся над своим подопечным, но испытывал настоящее удовольствие от созерцания подобной жажды знаний. Он по-прежнему не ощущал недостатка в деньгах, вероятно, пользуясь семейным счётом в одном из банков, поэтому Каррис после подобных посещений почти всегда уходил, прижимая к груди новую вожаделенную книгу.

Вскоре все книжные торговцы знали мессира Карриса в лицо и, едва заприметив его в дальнем конце улицы, опрометью бросались навстречу, болтая о тысяче разных вещей, а между делом упоминая новинки, которые им удалось доставить аж из самого Латиона.

Казалось бы, при таких объёмах и такой скорости поглощения книг у Карриса в голове должна была получиться настоящая каша, но этого не случилось. Его мозг совершенно феноменальным образом запоминал, обрабатывал и раскладывал по полочкам львиную долю полученной информации, приводя его учителя в полный восторг.

Именно здесь, в одной из купленных им книг, Каррис узнал о существовании так называемой лиррийской магии. Впервые о лиррах он прочёл ещё в имении Шейнвила, и очень удивился, что никогда ранее не слышал ничего об этом народе. Действительно, если гномы ещё фигурировали в фольклоре южного Палатия, обычно представляя в образе богатых скопидомов и коварных повелителей многочисленных пещер под Анурскими горами, то лиррийское племя совершенно игнорировалось местными легендами.

Но только сейчас Каррис вдруг прочёл, что магия лирр совершенно особенная и куда более эффективная, чем у людей.

– Мне нужны книги по лиррийской магии! – тут же заявил он своему учителю.

– Зачем они тебе? – поинтересовался Каладиус, даже не упоминая о том, что людям подобных книг достать практически невозможно.

– Я хочу постичь эту магию, коль уж она лучше нашей.

– Ты можешь попросить рыбу научить тебя нырять, но даже она не научит тебя дышать под водой. Лиррийская магия совсем иная, чем наша. Думаю, об этом написано в твоей книге. И постичь её могут лишь лирры, потому что они *могут дышать под водой*, если ты понимаешь, о чём я. Поверь, люди даже близко не добрались ещё до горизонтов собственной магии, так что тебе есть ещё что постигать и даже первооткрывать.

Каррис выслушал эту речь, одновременно разочаровывающую и вдохновляющую, со смешанным чувством. С какого-то момента времени он всё чаще ловил себя на мысли о том, что вскорости может перерасти своего учителя, да и сейчас уже во многих вопросах позиции юного мага выглядели выигрышнее позиций Каладиуса. Сейчас Каррис был в той поре своего роста, когда ему казалось, что ничего невозможного не существует, подобно ростку, который сумел пробиться сквозь толщу земли, и теперь, не встречая бо-

лее перед собой такой мучительной преграды, убеждён, что уж дальше-то нет пределов его стремлению ввысь.

Именно здесь, в Тавере, он впервые попросил мессира купить какой-нибудь кристалл, чтобы попытаться на практике применить те знания, что он почерпнул из «Магии граней». Каладиус не стал спорить и приобрёл в одной из ювелирных лавок четыре огранённых кристалла горного хрусталя – не самый удачный выбор с точки зрения зачарования, но для начала вполне подходящий.

Каррис с энтузиазмом принялся за дело. Однако оказалось, что книга, да к тому же понятая не до конца, не давала необходимых знаний. Или же мессир Реввиус утаил нечто в своём труде, или, что вернее, ему достался весьма неподготовленный читатель. В общем, как ни старался Каррис, но ничего не вышло – *возмущение* упорно отказывалось завязываться на кристалл и подчиняться его структуре. В конце концов все четыре кристалла просто лопнули, не выдержав экспериментов.

Однако Каррис и не думал отчаиваться. Он понимал причину своих неудач, а главное – у него сейчас были все возможности устранить её. В итоге в одной из книжных лавок он прикупил книгу о геометрии, пугающую уже одним своим видом. Но, как мы знаем, Каррис был не из пугливых, тем более, что у него уже был некоторый запас знаний по этой науке, почерпнутый из «Магии граней», так что теперь, изучая всё последовательно и с самого начала, он хотя и мед-

ленно, но вполне успешно продирался через это скопление чертежей и знаков.

По мере параллельного штудирования книги о геометрии и «Магии граней» Каррис пришёл к выводу, что для овладения искусством зачарования кристаллов ему придётся овладеть ещё и искусствами гранильщика и шлифовальщика, по сути, сделавшись едва ли не ювелиром. Да и редкому ювелиру требовалась такая филигранная точность огранки, какая была необходима для магических артефактов.

В общем, на какое-то время Каррису пришлось оставить практику, сосредоточившись на теории. Он надеялся, что однажды придёт то время, когда он не будет стеснён ни во времени, ни в средствах. А уж в свои способности он теперь верил безоговорочно.

Тем временем месяц весны умчался куда-то за хмурую гряду Келлийских островов, и на смену ему с юга пришёл импирий¹⁹. Однако пока ещё за пределами городских стен лежал снег, покрытый ледяной коркой, а в море всё ещё господствовали плавучие льды. Но весна уже чувствовалась повсюду, и даже здесь, на самом северном краю света, под боком ледяного Тайтана, она уверенно заявляла о своих правах.

Прошло всего две или три недели, и солнце растопило

¹⁹ Импирий – один из месяцев календаря Паэты. Соответствует нашему апрелю. Назван так в честь древнейшей империи Содрейн, существовавшей ещё до Кидуанской империи.

остатки снега. Несмотря на то, что с центральных улиц снег убирали, весенние ручьи всё равно бежали по мостовым, превращая булыжники в сверкающие слитки. На деревьях, кое-где растущих даже в Тавере, стали появляться почки, которые в самое ближайшее время должны были лопнуть от усилий стремящихся наружу листочков. Плавучие льдины исчезли, и даже волны Серого моря выглядели теперь не такими серыми.

В самом скором времени должна была открыться навигация. Рыбацкие лодки уже давно бесстрашно уходили в беспокойное море, чтобы ловить отощавшую за зиму рыбу, но пройдёт ещё неделя или две, прерывистые шквалы над Серым морем станут спокойнее и слабее, и тогда настанет черед торговых судов.

Каррис испытывал смешанные чувства. Ему нравилось в Тавере – он привык к этой вечной суете, к этому суровому морю, к прогулкам по книжным лавкам. Но какой-то зуд пробегал по его спине при мыслях о Кинае. То, что мессир рассказывал об этом городе, будоражило кровь. Юноше совершенно не хотелось застревать во вчерашнем дне. Нет, для него существует лишь завтра! И поэтому, как бы ему ни нравилось здесь, он с нетерпением ждал дня отъезда.

Временами Каррису казалось, что он – герой какой-то чудной сказки, на которую не достало бы фантазии не то что

у его мамы, но и у старухи Кенги – признанной сказительницы деревни. Многое из того, о чём он недавно и мечтать не смел, происходило с ним с завидной регулярностью. И вот пришла пора очередного чуда.

В первый же день навигации Каладиус, которому земля Палатия, похоже, всё-таки припекала пятки, купил два места на одной из шхун, направляющихся в Кинай. И вот Каррис, которому судьба, казалось бы, уготовила участь всю свою жизнь прожить вдали от моря, ступил на покачивающуюся палубу. В этот момент его так распирало от счастья, что он, вполне возможно, мог бы идти по самому морю, не промочив ног.

Признаться, путешествие изрядно подпортила вечная качка, вызывавшая тошноту, а также порывы холодного ветра со стороны Тайтана. Однако Каррис и тут оказался счастливчиком – морская болезнь щадила его, и если один из трёх пассажиров, которые также путешествовали с ними, первые дни практически не отрывался от фальшборта, страдая от спазмов в желудке, то юноша смог слегка перекусить уже на следующий день. И хотя его почти сразу же вычистило за борт, однако вскоре желудок его практически привык к болтанке.

Мессиру Каладиусу пришлось чуть хуже, но и он в конце концов приноровился к качке. Через три-четыре дня оба уже блаженствовали на палубе, пригреваемые солнцем и любующиеся видами, открывающимися с борта корабля. Хотя,

признаться, смотреть было особо не на что – мало на свете найдётся столь же унылых мест, как северо-западная оконечность Палатия. Но этот факт нимало не испортил настроения обоим магам.

Путешествие оказалось довольно долгим – в это время года и Серое море, и северная часть Загадочного океана всё ещё ощущали на себе дыхание ушедшей зимы, поэтому ветры зачастую вели себя довольно непредсказуемо, а море почти всегда было беспокойным. Однако же прошло это путешествие безо всяких происшествий – судно не потревожили ни серьёзные штормы, ни келлийские драккары. Последних, впрочем, наши путешественники не особенно и опасались – наличие на борту двух неплохих магов служило достаточной гарантией безопасности.

Наконец, когда уже вовсю цвёл месяц арионна²⁰, такой ласковый в широтах залива Дракона, шхуна, что несла на своём борту наших героев, бросила якорь в огромном порту Киная.

²⁰ Месяц арионн – последний месяц весны, соответствует нашему маю. Назван в честь бога Арионна.

Глава 9. Кинай

Путешественники словно привезли с собой в Залив Дракона погоду с берегов Серого моря. Когда они ступили на дощатые причалы Киная, те были мокрыми и скользкими не от солёных брызг волн, а от непрекращающегося сеющего дождика, затянувшего серой пеленой всё вокруг. Было прохладно даже по меркам привычных северян-шинтанцев, так что теряющийся в дымке дождя город выглядел совсем неуютным и негостеприимным. Даже лазурные обычно волны Загадочного океана сейчас были свинцовыми, словно родные сёстры волн Серого моря.

Несмотря на непогоду, в порту всегда без проблем можно было найти людей, готовых за мелкую монету оказать множество самых разных услуг. Каладиус лишь поднял руку, как вокруг него тут же возникло около полудюжины стучащих зубами, но готовых подработать парней. Наугад ткнув на трёх из них, маг знаком велел нести их багаж, который был бы не слишком обременительным, кабы не книги, которые, как главные сокровища, волок с собой Каррис.

Каладиус не желал изменять своим привычкам, но погода совершенно не располагала к поискам подходящего жилья, ведь ему был нужен не просто доходный дом, а особняк, в котором живёт одна семья, готовая сдать пару комнат. Поэтому он велел носильщикам вести их в лучшую портовую го-

стину. Кинайские портовые рабочие, ежедневно общаясь с представителями самых разных народов, были настоящими полиглотами, зная по десятку-два самых употребительных слов на любом языке мира, разве что исключая тондронский, если эти отродья вообще говорили на каком-то своём наречии.

Когда маги подошли к дверям гостиницы, их плащи уже намокли, а с широкополых шляп капала вода. Каладиус дал каждому из носильщиков по стегу²¹, благо что Кинай был одним из немногих городов Паэтты, где свободно обращались самые разные монеты. Услужливый дворецкий, ловко подхватив свой стег, гостеприимно распахнул двери, из которых пахло благословенным теплом и приятным запахом ароматического свечного воска.

Это действительно была одна из лучших, если не лучшая гостиница в районе порта, и кто-либо другой на месте Каладиуса с удовольствием бы оставил свои искания, удовлетворившись отличными номерами, предупредительными слугами и весьма приличным столом. Однако же привередливый маг договорился о посуточной оплате, хотя она обходилась ему втридорога в сравнении с оплатой на более продолжительный срок. Он собирался въехать в новое жилище не позднее чем на следующий день.

Конечно же, самому утруждаться поисками Каладиусу

²¹ Стег – мелкая серебряная монета Палатия. Двести стегов образуют верент, а двести верентов – тоин.

было ни к чему. Поговорив с хозяином гостиницы, который собственной репутацией дорожил больше, чем сиюминутной выгодой, он разузнал всё что нужно. Один из гостиничных слуг был отправлен по указанным адресам и вскоре вернулся, сообщив, что обоих мессиров с величайшей радостью ждут в одном весьма респектабельном особняке недалеко от площади Примирения, то есть почти в самом центре города. Однако оба мага порядком устали от путешествия и теперь, с радостью ощущая, что пол не ходит у них под ногами, наскоро поев, завалились спать.

Непогода продержалась ещё три дня, так что всё это время мессеры Каладиус и Каррис провели в своих новых фешенебельных комнатах, наслаждаясь покоем и всеми радостями, что казались ещё прекрасней после почти четырёхнедельного путешествия в скромных каютах.

Наконец выглянуло солнце и напомнило, что вообще-то лето уже не за горами. Сразу сделалось жарко, ярко и весело. Каррис, которому не терпелось поглядеть на древний город, стоявший уже тогда, когда на месте Шинтана пучились комариные болота, тормошил Каладиуса, который будто нарочно весьма медленно поедал великолепный завтрак. Впрочем, очевидно, что он делал это именно нарочно. Но в конце концов он сжалился над изнывающим приятелем (ибо теперь они уже почти не походили на учителя и ученика) и отставил блюдо в сторону.

Хозяин особняка любезно предложил в качестве провод-

ника одного из слуг, так что заблудиться маги не боялись. Выйдя на умытые, залитые солнцем улицы Киная, они тут же попали в невероятную толчею, будто бы все жители города, попрятавшиеся от холода и дождя, теперь дружно вывалили из домов, чтобы наверстать упущенные дела.

Каррис ощущал древность города каждой порой кожи. Смутные дни, уничтожив столицу империи Кидую, странным образом пощадили этот портовый город, так что здесь было множество зданий, простоявших целые эпохи. По этим самым мостовым ходили прославленные императоры древней империи, эти камни воочию видели людей, о которых юноша мог лишь прочесть в книгах.

И одно из первых прикосновений к истории ждало его буквально в паре сотен шагов от крыльца. Они вышли на площадь Примирения, и Каладиус, бегло окинув её взглядом, тут же целенаправленно направился туда, где, судя по всему, увидел то, что искал. Каррис поспешил следом и увидел, что учитель держит путь к величественному памятнику, изображающему человека, обвитого чёрными и белыми лентами.

Площадь Примирения была примечательна уже сама по себе – это было единственное место на всей Паэтте, где в пределах видимости друг друга стояли арионнитский и ассианский храмы, причём построены они были уже после Смутных дней. Но не это вызывало сюда паломничество сотен, если не тысяч людей.

С тех пор, как сорок два года назад тогдашний правитель Кидуи Эйнин II объявил протокреаторианство официальной религией наравне с двумя ортодоксальными верами, на площади Примирения стоит этот памятник великому философу и богослову Ирвину Кинайскому – человеку, который был убит в этом самом месте в двенадцатый день месяца жаркого²² 698 года Руны Кветь, проповедуя единство Асса и Арионна..

Каррис, как и подавляющее большинство жителей глубокой провинции хоть в Палатие, хоть в Латионе, никогда не слышал о протокреаторианстве. Даже величайший путешественник Гунно, рассказывая о нравах жителей Паэтты, ни разу не упомянул об этой вере. Правда, тогда это действительно была ещё лишь небольшая секта, гонимая всеми, так что он, вполне возможно, мог и не знать о ней, либо же побоялся вставлять данные упоминания в свой труд.

Но даже сейчас, несмотря на то, что почти полвека назад вера в Первосоздателя была официально признана в Кидуе, и не так уж намного отстали от герцогства Латион и Палатий, положение протокреаторианцев продолжало оставаться довольно шатким. Об их вере мало кто знал, а потому их повсюду встречали недоверчиво и даже враждебно, особенно вдали от больших городов. Потому так и вышло, что большинство последователей Ирвина Кинайского гнездились в

²² Жаркий – один из летних месяцев календаря Паэтты. Соответствует нашему июлю.

Кинае, а также в городах подобных Латиону или Шинтану. Отдельно нужно выделить Варс – город на юго-западе Латииона, вокруг которого селилось много лирр. Там протокреаторианство процветало буйным цветом.

В общем, для Карриса существование ещё одной религии стало настоящим откровением. К сожалению, мессир сам почти ничего не знал ни о вере, ни о Ирвине, но это досадное недоразумение разрешилось довольно быстро в первой же крупной книжной лавке. Где как не в Кинае можно было ещё отыскать протокреаторианские книги! Каррис уплатил за них задаток, боясь, что кто-то может купить их, но сразу забирать не стал, дабы не обременять себя во время прогулки объёмными и тяжёлыми фолиантами.

Дальнейшая экскурсия по городу заняла большую часть дня. Кинай был настолько крупным городом, что Тавер, не говоря уж о Токкее, казались на его фоне жалкими деревушками. Конечно же, обойти его не вышло бы ни за день, ни за неделю. Один только порт напоминал город в городе. Поэтому парочка магов смогла увидеть лишь самые основные достопримечательности, оставив дальнейшее знакомство на потом.

Но самое сильное впечатление, пожалуй, на Карриса оказали развалины древней Кидуи – столицы Кидуанской империи. Когда-то эти два города разделяло между собой расстояние более чем в милю, однако в последние десятилетия Кинай активно рос, и сейчас древние развалины начинались

уже в пяти-шести сотнях ярдов от крепостных стен. Более того, по обилию посадов, активно расстраивающихся за пределами города, было ясно, что в скором времени новая столица небольшого герцогства полностью поглотит собой бывшую столицу огромной империи.

– Весьма поучительное зрелище, – произнёс Каладиус, разглядывая руины.

И действительно, этот вид навевал самые философские мысли. Когда-то здесь стоял один из величайших городов мира за всю его историю. Судьбы целых народов и государств решались здесь. Отсюда во все стороны ползли медные змеи имперских легионов, поглощая всё вокруг. Наверное, в те времена жителям города казалось, что так будет вечно...

А теперь... Каррис с невольной жалостью смотрел на раскинувшиеся перед ним осколки прошлого. Крепостных стен не было – их разрушили штурмующие армии во времена Смутных дней, а остатки растащили позднее строители Киная. Здания в большинстве своём тоже были сильно разрушены – чаще всего от них оставалось лишь что-то вроде фундамента, возвышающееся над землёй не больше чем на пять футов.

Стройность улиц уже нельзя было угадать в этом хаосе мёртвых камней. Скорее было похоже, что это прибрежные скалы, в беспорядке торчащие из колышущихся зелёных волн сорной травы. Ни одного целого здания, ни одной мостовой не уцелело здесь. Конечно же, дело тут было не толь-

ко и не столько в пресловутом штурме Кидуи, когда армии многих народов, в первую очередь – нынешних палатийцев и жителей восточного Латиона, в течение нескольких месяцев осаждали, а затем всё-таки взломали оборону города.

Разумеется, столица очень пострадала от этого штурма и от той разрухи, что устроили тут победители, но главным фактором всё же здесь стала близость Киная. Город, который оказался взят всего за одну ночь грандиозным объединённым флотом палатийцев и келлийцев, о котором до последнего дня в столице ничего не знали, практически не пострадал, но всё же ему требовались ресурсы для восстановления, и лежащая в руинах Кидуа оказалась отличным, практически неисчерпаемым источником камня. А поскольку значительная часть населения города была мертва, то в конце концов решили, что восстановление Кидуи в её прежнем виде – дело, изначально обречённое на неудачу. Так что смело можно сказать, что значительная часть каменных зданий, увиденных сегодня Каррисом, в том числе и великолепные городские стены – всё это было сделано из кидуанского камня.

Каладиус и Каррис постояли чуть поодаль от мёртвого города, так и не решившись войти и побродить по нему, как люди обычно не любят гулять на кладбищах. Наверняка эти останки прошлого вскоре исчезнут. Пройдёт лет сто, а может быть чуть меньше или больше, и последние каменные остовы исчезнут, превратившись в жилища для живых людей, а не для призраков ушедшего мира. А потом само это место бу-

дет поглощено распухающим Кинаем, демонстрируя извечное торжество жизни над смертью.

В таком вот задумчиво-меланхоличном настроении оба мага вернулись к себе. Каррис тут же засел за книгу об Ирвине Кинайском, купленную на обратном пути, благо есть совершенно не хотелось – они замечательно отобедали в одной из лучших рестораций города, где люди с тугими кошельками могли вкусить все лучшие дары, которые давали воды залива и океана, приготовленные настоящими артистами своего ремесла. Так закончился этот замечательный день.

Чем больше Каррис углублялся в чтение протокреаторианских книг, тем больше поражался простоте и ясности доводов Ирвина Кинайского. По его мнению, основные положения этого учения прямо вытекали из самой сущности Неведомого. Ведь, как учили общепринятые религии, Неведомый стал искрой движения в бесконечности Покоя, и именно таким образом породил Сферу Создания, вбирая в своё движение всё новые и новые участки вечного Покоя.

И тогда Ирвин задавал главный, и самый убийственный вопрос – *как же Неведомый мог после вновь раствориться в Покое, сам уже не будучи Покоем.* Соприкоснувшись с недвижимым, движение создаёт новое движение, так и Неназываемый, попытавшись раствориться в окружающем Покое, просто возбудил бы новые области движения, тем самым

ещё больше расширив бы Сферу.

И вслед за этим пониманием новая мысль внезапно осе-
нила юношу. Но ведь Сфера – сама по себе уже есть движе-
ние, а это значит, что, соприкасаясь с Покоем, она должна
создавать новые эманации в нём, то есть словно расширять-
ся ежемоментно. Значит, Сфера не может быть неподвижна
в Покое, как учат богословы. А это значит, что ни о каких
Запечатывающих Рунах речи не идёт!..

Каррис испуганно оглянулся, словно опасался, что его
мысли будут услышаны. Это был, наверное, первый раз, ко-
гда могучий разум будущего великого мага Каладиуса шаг-
нул за пределы дозволенного. Наверняка он был не первым,
кому в голову пришла эта идея, но даже Ирвин Кинайский не
заходил так далеко в своих рассуждениях, по крайней мере,
не публично. И юноша, которому исполнилось лишь семна-
дцать, постарался затолкать эту нечаянно возникшую мысль
обратно в голову, в самые дальние и потаённые уголки со-
знания, пока она не довела его до того же логичного финала,
что и великого философа.

Однако же, он не мог не признать, что учение Ирвина
очень живо откликнулось в его душе. Он понятия не имел,
какого вероисповедания придерживается его учитель – до
недавнего времени у него и вопроса такого возникнуть не
могло. Но сам Каррис внезапно понял, что теперь и он явля-
ется одним из тех немногих, кто называют себя протокреа-
торианцами.

Теперь каждый день, встречаясь с мессиром, он только и говорил, что об Ирвине Кинайском и его учении. Всё это так потрясло юношу, так запало ему в душу, что он не мог говорить больше ни о чём. Каладиус даже полушутя-полусерьёзно поинтересовался, не решил ли мессир Каррис удариться в священство. Но всё же он вполне охотно вступал в эти разговоры, словно чувствуя, что и его разуму необходима разминка.

– Но почему протокреаторианство подвергается таким гонениям? – недоумевал Каррис. – Ведь оно, по сути, не противоречит ничему из того, что говорят арионниты и ассианцы, лишь дополняя их учения и делая более целостными.

– Наивный юноша, – усмехнулся Каладиус. – Да кому какое дело до учений и целостности? Разве ты не понимаешь, что здесь вопрос лежит совсем не в плоскости веры. Испокон веков существовали две могущественные организации, худо-бедно поделившие между собой сферы влияния. Кому же захочется впустить на свою поляну ещё одного собирателя ягод?

– Но, мне кажется, если люди больше узнают об учении Ирвина...

– Ничего не изменится, друг мой, – перебил ученика Каладиус. – Люди своим умишкой с горошину с трудом понимают концепцию двоебожия, а ты хочешь обременить их новыми знаниями о некоем триединстве. Как постичь такое дремучему разуму? Да любому селянину проще в выходной схо-

дить в арионнитскую часовенку и запалить лампадку во исполнение молений, нежели пытаться вдолбить всю эту заумь в голову, подходящую лишь для ношения шапки.

– Но ведь учение о Первосоздателе ничем не сложнее учения о Неведомом, – не сдавался юноша. – Достаточно жизни одного-двух поколений, и протокреаторианство станет господствующей религией.

– Молоденькое деревце никогда не вырастет в тени двух огромных деревьев. Оно так и останется чахлым и небольшим. А уж если ветви великанов источают яд, каплями отравляющий почву под ними, то у молодого деревца и вовсе нет шансов. Помяни моё слово, мессир Каррис, на нашем с тобой веку протокреаторианство так и не станет господствующей религией, или хотя бы даже просто равной двум другим. Даже если ты проживёшь тысячу лет.

– Я постараюсь сделать всё возможное, чтобы ваше предсказание не сбылось! – с чисто юношеским пылом воскликнул Каррис.

– Старайся, – пожал плечами Каладиус. – Только сделай одолжение, не кончи так же, как этот Ирвин.

И Каррис против воли закусил губу, понимая, что в данной ситуации цинизм мессира позволяет видеть мир в куда более реальном свете, чем его юношеский максимализм. Это был ценный урок, который весьма пригодится ему в дальнейшем.

Так прошло некоторое время. Каррис наслаждался своей жизнью, ему казалось, что он был изначально создан именно для неё, и что боги (или бог) весьма вовремя исправили свою ошибку, послав ему мессира. Страшно представить, что было бы, если бы он так и остался в деревне, особенно теперь, когда умерла мама!

Каррис следовал порядкам, заведённым ещё в Тавере. Он с удовольствием гулял по летнему Кинаю, хотя на его вкус тут было всё же излишне жарковато. Вскоре у него появились любимые местечки, любимые лавки (естественно, главным образом – книжные), любимые таверны. Особенно он обожал наблюдать за жизнью порта, взбираясь на городскую стену и с высоты обзореая бесконечные причалы с великим множеством судов, которые казались чайками, облепившими утёсы. Эта деловитая суэта странным образом очищала его мысли, делала их более упорядоченными и стройными.

Довольно часто его в прогулках сопровождал мессир, хотя в целом он вдруг сделался настоящим домоседом – вероятно, уроки прошлого не прошли даром. И Карриса это обстоятельство не могло не радовать. Более того, у Каладиуса, который, как казалось юноше, любил поучать, но не слишком-то стремился учиться сам, внезапно появился интерес к тем книгам, что покупал Каррис.

Наверное, тут следует сделать небольшое пояснение. Мы говорим «покупал Каррис», хотя совершенно очевидно, что

молодой человек пользовался исключительно средствами своего учителя. Однако делал он это без малейшего зазрения совести, полагая, что творец ответственен за своё творение, а потому мессир должен обеспечивать его, коль уж он пока не может обеспечить себя сам. Кроме того, что основная часть этих расходов уходила на книги, то есть на помощь Каладиусу в обучении своего воспитанника.

О том, сколько будет продолжаться такое положение дел, Каррис, признаться, пока даже не задумывался. Ясно, что рано или поздно он должен будет отправиться в самостоятельный путь, но с истинно простонародным прагматизмом пытался выжать максимум из сложившейся ситуации.

Однако с недавнего времени мессир вновь стал вести себя довольно подозрительно. Он реже предлагал Каррису прогуляться, реже навещал его, да и вообще стал всё чаще куда-то отлучаться, что не могло не настораживать. К сожалению, Каррис был не в том положении, чтобы потребовать объяснений от своего учителя, а на все расспросы издалека Каладиус отвечал лишь какими-то размытыми фразами и загадочным видом, который он на себя напускал.

Каррис склонен был ожидать худшего. Единственное, что давало пока ещё смутную надежду на то, что мессир не пустился вновь во все тяжкие, это то, что отсутствовал он обычно днём, иногда даже утром, и совсем никогда – ночью. Такой график был абсолютно нетипичен для его прежних проделок, так что какое-то время юноша утешал себя, что

у исчезновений Каладиуса есть какая-то иная причина. Ему ужасно не хотелось в одну из ночей вновь бежать из города, опасаясь преследования за очередную дуэль или альковные похождения своего спутника. Кроме того, такими темпами в мире вскоре могли бы кончиться города, где мессир ещё не успел отличиться.

Каладиус продержал воспитанника в неведении около двух недель, а затем сам начал разговор.

– Полагаю, моё поведение в последнее время могло показаться тебе странным, не так ли? – утром Каладиус появился на пороге комнаты Карриса с подносом в руках, на котором был его завтрак.

– Неужели вы решили поговорить об этом, мессир? – едко и с лёгкой обидой поинтересовался юноша, который также уплетал принесённые ему яства.

Тем не менее, он подвинул свои тарелки, освобождая место для мессира. Тот, довольно улыбнувшись, тут же расположился рядом и с удовольствием принялся за еду.

– Я не хотел ничего говорить до тех пор, пока сам до конца не буду уверен в успехе, – объявил он. – Не хотелось бы, знаешь ли, прослыть пустозвоном. Но теперь, когда всё идёт как нужно, я хочу посвятить тебя в свои планы, коль скоро они касаются также и тебя.

– Надеюсь, эти планы не вынудят нас вновь сбежать из Киная? – проворчал Каррис.

– Для начала, мы ещё никогда не сбежали из Киная, – на-

ставительно поднял палец Каладиус. – Учись излагать мысли правильно, мессир Каррис! Это одно из отличий человека великого от обычных посредственностей. А во-вторых – да, нам придётся на какое-то время выбраться из города. Более того, мы совершим морское путешествие, а может статься, что и не одно.

Глава 10. Метаморфозы

– Я решил, что пришла пора для нас превратиться из скрывающихся безвестных личностей в уважаемых членов общества, – начал Каладиус. – Я хочу, чтобы ко мне обращались согласно моему статусу, пусть и выдуманному мною же. Коль уж я ношу имя, заканчивающееся на «ус», мне нужны все доказательства того, что я имею на это право!

– Не понимаю, к чему вы клоните? Вы хотите подделать бумаги Академии?

– Это было бы слишком грубо и опасно. Сообщество магов слишком ревностно относится к подобным мелочам, и вздумай я предъявить фальшивый диплом – мне придётся довольно солоно. Мой план сложнее, дольше, но безопаснее. Это столь изящная и неожиданная многоходовка, что в итоге, я надеюсь, никому не придёт в голову слишком глубоко копать.

– Надеюсь, что ради этого не придётся нарушать закон... – проворчал Каррис, внутри которого шевелился неприятный комок дурных предчувствий.

– Разумеется придётся! Выдавать себя за члена Академии – уже нарушение закона. Но если ты говоришь о каких-то более скользких делишках, то спешу тебя успокоить: убивать никого не придётся.

– Что ж, не томите больше, мессир, – взмолился Каррис. –

Что же это за план?

– Знаешь ли ты, что судовладельцы в Кинае иногда нанимают магов для охраны судов? Кстати, это довольно неплохой способ подзаработать и набраться опыта, если, конечно, тебя не мучит морская болезнь. Ну а мы с тобой, мессир Каррис, весьма сносно переносим качку, не так ли?

– К чему вы клоните? – недоуменно спросил юноша. – Вы хотите, чтобы мы устроились на судно?

– Именно! Но не просто так, в частном порядке, а официально, через портовый комиссариат.

– Я ровным счётом ничего не понимаю... Как это поможет вам получить диплом Академии?

– Никак. Но это поможет значительно приблизиться к этой вожаделенной бумаге! И тебе, мессир Каррис, также отведена пусть небольшая, но роль в моём плане. Так что слушай внимательно, и постарайся понять всё, что я скажу.

Портовый комиссар непонимающе глядел на двух магов, заявившихся в его унылую конторку. Тот, что моложе, скромно, но с достоинством стоял у входа; тот же, что старше, недолго думая, фамильярно плюхнулся на скрипучий стул. Надо сказать, что, едва сев, Каладиус тут же пожалел об этом – наверное, сидеть на шатающейся от ветра ветке было бы и то удобнее – однако же не встал, дабы не портить эффект.

– Ещё раз повторите, милорд, что вам угодно? – переспросил он.

– Пожалуйста, обращайтесь ко мне «мессир», – с вполне явно обозначенной строгостью в голосе ответил Каладиус. – А угодно мне и моему ученику устроиться на какое-нибудь судно.

– Но при чём здесь комиссариат? – недоуменно спросил клерк. – Вам было бы проще напрямую обратиться к судовладельцам...

– Всё это так, любезный, – перебил его маг. – Но видите ли, какая штука... Так уж вышло, что наши документы утрачены, включая и мой диплом Латионской Академии Высоких Наук. Согласитесь, не всякий судовладелец станет говорить с какими-то проходимцами.

– Но я всё же не совсем понимаю, чем я могу быть полезен вам, мессир? – комиссар, судя по всему, опешил от подобной развязности.

Вообще портовые комиссары Киная не привыкли говорить с подобных позиций. Обычно это они использовали подобный высокомерно-снисходительный тон, именно они глядели сверху вниз, ведь чаще всего им приходилось иметь дело с капитанами судов и контрабандистами, которые чаще всего были суть одно и то же. Всем было что скрывать, поэтому каждый из них более или менее заискивал перед комиссарами, олицетворяющими власть здесь, в порту. Но этот маг вёл себя как большой вельможа, как человек, которому

дозволено почти всё – он вёл себя как человек, снизошедший до разговора, как человек, делающий одолжение одним своим обращением.

– Вы, любезный комиссар... простите, как вас по имени?.. Так вот, вы, любезный комиссар Дерне, можете быть весьма полезны мне, коли потрудитесь подтвердить наши личности.

– Но я впервые имею честь видеть вас, мессир... – комиссар окончательно потерялся, всё более становясь похожим на рыбу, выброшенную на сушу. – Каким образом я могу подтвердить ваши личности?

– Разумеется, благодаря свидетелям, коих я предоставлю, – Каладиус даже пожал плечами, словно давая понять, как сильно он удивлён и даже расстроен тупостью чиновника.

– Но я не совсем уверен, что это входит в число моих компетенций...

– А в чьи же ещё! Вы – комиссар порта, и обязаны разрешать все вопросы, связанные с его функционированием. Я обратился к вам, поскольку испытываю затруднения с трудоустройством в вашем, прошу это отметить, порту. Так к кому же мне ещё обращаться?

– Вы могли бы обратиться в магистрат... – возразил клерк. – Мне думается, что это скорее находится в их компетенции.

– Любезный комиссар... простите, запомятовал ваше имя... Я же не просто так ввалился сюда с какими-то нево-

образимыми требованиями. Я вам логически обосновал, почему я пришёл именно к вам. Кроме того, я ведь явился не с пустыми руками! Я знаю порядок!

И на стол комиссара опустился достаточно внушительный мешочек, глухо звякнувший при соприкосновении со столешницей. Чиновник, воровато стрельнув глазами по сторонам, мгновенно убрал кошелёк в ящик стола. Вероятно, это было уже на уровне рефлекса, и в следующий момент мастер Дерне горько пожалел о своей неконтролируемой жадности, но дело было уже сделано – не вынимать же кошель обратно! Теперь он был на крючке у этого заносчивого мага.

– Что же вы хотите? – окончательно поникнув, спросил комиссар.

– Напишите подтверждение наших личностей, – терпеливо повторил Каладиус. – Бумагу, из которой будет явно следовать, что мы – это мы. Укажите, что эту бумагу вы пишете взамен утраченных нами документов.

– И каковы же обстоятельства утраты? – уныло поинтересовался чиновник.

– Прошлой осенью мы с мессиром Каррисом служили на судне «Тригорон». Нас наняли в таверском порту для сопровождения указанного судна в Золотой Шатёр. Однако в районе залива Алиенти мы попали в сильный шторм, в результате которого в трюме открылась течь. Пока мы с мессиром Каррисом сдерживали воду, капитан пытался править судно к берегу, но ветер был противным, так что в конце концов

мы выбились из сил, а корабль всё же затонул. Большая часть экипажа спаслась, но мы в суматохе не озаботились спасти наши документы, так что они ушли на дно вместе с «Тригоном» и теперь, должно быть, их на дне читают тритоны...

– Почему бы вам не обратиться к владельцу судна за подтверждением личности?

– Его владелец, а точнее – бывший владелец находится в Найре. Мы бы и рады туда попасть, но чтобы это сделать, нам нужны документы.

– И вы говорите, что у вас есть свидетели? – вздохнув, спросил комиссар.

– Да, матрос с нашего корабля. Мы оставили его снаружи, потому что, сказать по правде, от него несёт как от козла. Мессир Каррис, пригласите его.

В кабинет, комкая в руках засаленную матросскую шапку, вошёл парень средних лет. Пахло от него и впрямь так, что воздух вскоре сделался едким и плотным, словно смола. Это был типичный представитель самых гнуснейших портовых кабачков, из тех, кто вечно пьёт в кредит и спит прямо под лавкой. Каррис, отвернув лицо, деликатно прикрыл его кулаком, словно потирая нос, Каладиус достал из кармана надушенный платок, который приложил к лицу, комиссар же лишь брезгливо скривился.

– Так ты, приятель, действительно матрос с «Тригорона»?

– Точно так, сударь, – робко ответил моряк, весьма робея в присутствии портового комиссара.

– И твой корабль затонул? – голос клерка становился всё более сдавленным из-за спёртого воздуха.

– Как есть, затонул.

– Судя по запаху, ты затонул вместе с ним и всю зиму гнил на дне морском! – не справился наконец с раздражением комиссар.

Кроме того, чиновник, чья гордость была заметно поправлена не в меру вальяжным посетителем, наконец-то несколько воспрял духом, встретив кого-то, с кем он мог говорить свысока. Так что голос его всё больше наливался металлом, что было довольно сложно при такой нехватке свежего воздуха.

– Можешь ли ты подтвердить, что действительно был матросом с «Тригорона»?

– Извольте, сударь, – моряк залез рукой под кушак, немного повозился там и извлёк замызганный истёртый листок бумаги, который осторожно положил на стол.

Комиссар брезгливо развернул листок, который, судя по виду, также всю зиму пролежал на дне океана, и взгляделся в полурасплывшиеся записи.

– Да, всё верно, – нехотя подтвердил он. – Но если документы этого забулдыги при нём, как так получилось, что вы лишились своих? – со вновь закравшимся подозрением спросил чиновник.

– Матросы не берут документы на борт. Они хранятся у хозяина судна, либо же, как в данном случае, в комиссариате вашего порта, ибо этот малый нанимался на судно именно

здесь. Это обычная практика, и я думал, что вам это известно, любезный, – процедил из-под своего платка Каладиус.

Комиссар вспыхнул. Это действительно была обычная практика, и он хорошо о ней знал. Всё происходящееывбивало его из колеи – этот валящий с ног запах, эта почти неприкрытая наглость проклятого чародея...

– Ты подтверждаешь личность этих господ, лишенец? – окончательно теряя хладнокровие, раздражённо спросил он потупившегося моряка.

– Точно так, сударь, – охотно кивнул матрос. – Это – мессеры с нашего несчастного «Тригорона». Кабы не они – кормить бы нам всем рыб.

– И ты можешь подтвердить их имена?

– Что вы, сударь! Разве ж простому матросу докладывают имена мессиров? – махнул рукой моряк.

– Что ж, всё понятно. Забирай свою писульку и ступай отсюда, пока я не отравился твоим зловонием! Да не затворяй дверь! – рявкнул комиссар, когда матрос уже вышел из кабинета.

– Не открыть ли окно? – с насмешливым участием поинтересовался Каладиус, когда матрос вышел, оставив дверь открытой.

– Я бы рад, да рамы заколочены, – с досадой ответил комиссар. – Ничего, скоро в коридор вытянет. Что ж, мы подтвердили тот факт, что вы действительно были на «Тригороне», но это, к сожалению, не подтверждает ваших имён. Про-

стите, мессеры, – спохватился он, по гневному движению Каладиуса понявший, что подобрал неверный тон и неверные слова. – Клянусь, я несколько не сомневаюсь в правдивости ваших слов, но я – простой чиновник. Для меня существуют не люди, а лишь бумаги.

– Как вам, должно быть, печально жить, – скривился под платком Каладиус. – Что ж, у нас нет бумаг, которые способны подтвердить наши имена, иначе нас бы тут не было. Но у нас есть человек, который способен подтвердить правоту моих слов.

– Он может подтвердить, что вы – это вы? – переспросил клерк. – Отчего же вы не привели сюда его вместо этого забудыги?

– Поверьте, любезный, есть люди, которых можно приводить в кабинет комиссара порта, и есть те, которых нельзя.

– Это высокопоставленный человек? – комиссар почувствовал, что история заходит на очередной круг, и ему вновь стало тоскливо.

– О, прошло уже много лет с тех пор, как его называли просто высокопоставленным человеком, – снисходительно усмехнулся Каладиус. – Я надеюсь, вы что-то слышали о мессире Трокариусе?

– Помощник дюка²³ Эйнина?.. – внезапно вспотел чинов-

²³ Дюк – титул правителей Кидуи. Равноценен титулу князя, так что за пределами княжества в отношении дюков чаще всего используют именно это, более привычное слово. Кстати, здесь комиссар упоминает, естественно, не дюка Эйнина II Корского, признавшего протокреаторианство, а его внука Эйнина IV.

ник.

– И по совместительству мой однокашник, – мило улыбнулся Каладиус, убирая наконец платок от лица. – Точнее, он учился на два курса старше, но это не мешало нам быть добрыми друзьями.

– Но почему же вы сразу не обратились к мессире Трокариусу, вместо того, чтобы идти ко мне? – недоуменно спросил комиссар. – Он ведь выправил бы вам любые бумаги.

– Как вы думаете, милейший комиссар, были ли у меня причины обращаться к мессире Трокариусу, коль я этого не сделал? – пристально взглянув в бегающие глазки клерка, многозначительно произнёс Каладиус.

– Полагаю, что были, мессир... – пролепетал комиссар. – Но при всём моём уважении – как же мы получим подтверждение от вашего однокашника?

– Что ж, мне надоело ваше неверие, сударь, – вставая, надменно проговорил маг. – Вы требуете, – он намеренно надавил на слово «требуете», так что чиновник невольно побледнел. – Вы требуете, чтобы я предоставил вам доказательства. Признаюсь, я ожидал подобного развития событий. Отправьте запрос на имя мессира Трокариуса. Вот, я даже потрудился составить письмо, где напоминаю о себе – ведь прошло столько времени, и за всеми важными государственными делами он мог и позабыть обо мне. Сделайте милость, прочтите его, а затем отошлите мессире и будем ждать ответа. Читайте же вслух! – приказал он, всучив бумагу в мелко

дрожащие руки комиссара.

– Приветствую вас, мессир, – начал читать несчастный. – Понимая, что со славных лет, проведённых в нашей Академии, утекло немало времени, сперва коротко напомним вам, кто я. Поройтесь в своей памяти, и вы наверняка вспомните скромного малого по имени Каллад, с которым вы не раз весело проводили вечера в доброй памяти трактирчике...

Тут комиссар словно подавился словами и, испуганно стрельнув глазами на обоих магов, пробежал ещё пару строчек глазами, а затем быстро протянул письмо Каладиусу.

– Отправьте это письмо адресату и, ручаюсь, этим же вечером вы получите ответ, – полным достоинства тоном проговорил маг, не делая ни движения, чтобы забрать лист.

Хитрый мошенник рассчитал всё очень чётко. Всё, что происходило в этом кабинете, было хорошо спланировано. Зная, каковы обычно бывают комиссары кинайского порта, Каладиус сразу же начал мощную психологическую атаку. В этом была доля риска – попадись ему кто-то иной, он мог просто выставить нахалов за дверь. Но пройдоха, похоже, хорошо знал, к кому следует обратиться. Немалую роль сыграл и кошелёк, значительно сбив спесь и гонор с чиновника.

Комиссар, совершенно не привыкший к такому напору, совсем опешил, потеряв способность здраво рассуждать. Именно сейчас Каладиус подошёл к самому тонкому месту в своём плане. Господину Дерне достаточно было бы потребовать, чтобы настырный маг сам принёс ему подписанное

и заверенное соответствующим образом письмо, чтобы всё рухнуло. Но ошарашенному высокомерностью волшебника и вонюю матроса клерку это не пришло в голову. Он был ослеплён именем того, кому адресовалось письмо, а также, судя по всему, немало смущён тем, что успел прочесть, поэтому воспринял требование мага как должное. Каладиус мог праздновать победу – его план вполне удался, и комиссар был полностью в его власти.

– Полагаю, не стоит беспокоить столь важного человека из-за такой безделицы, – хрипло пробормотал несчастный канцелярист. – Извольте, я выпишу вам необходимое удостоверение.

И комиссар действительно вынул из ящика стола два гербовых бланка и, взяв хорошее перо, откинул крышку чернильницы.

– Пишите, – Каладиус склонился над столом, нависая над чиновником, словно туча. – Удостоверение. О, да у вас великолепнейший почерк, милейший. Пожалуй, лишь мессир Каррис смог бы переплюнуть вас по части этого искусства! Итак, удостоверение. Сей бумагою подтверждается, что мессир Каладиус, рождённый в девятьсот первом году руны Кветь, действительно служил на торговом судне «Тригорон» и в результате кораблекрушения утратил все документы, подтверждающие его личность. Что ж, теперь этот образец искусства каллиграфии осталось лишь увенчать вашей подписью, ручаюсь, столь же великолепной, а также устано-

вить дату. Прекрасно! Припишите, пожалуй, и расшифровку: комиссар кинайского порта... клянусь, проклятая память совсем меня подводит! Впишите своё имя сами, ведь вы же его не забыли! Ну а теперь, прошу, не пожалейте того великолепного зелёного сургуча, который известен на всю Паэту!

Комиссар достал сургучницу, в которой действительно находился зелёный сургуч, используемый всеми комиссарами Киная и который, как говорят, практически нельзя подделать. Сургуч был уже растоплен, так что чиновник зачерпнул его специальным черпачком, аккуратно вылил на лист и припечатал металлическим штампом, хранящимся в ящике стола. Великолепные чернила к тому времени высохли и безо всякого песка.

– А теперь потрудитесь написать второе удостоверение для моего ученика.

Комиссар покорно выполнил и это. На сей раз Каладиус не погрешил против истины, указав верный возраст Карриса. Впрочем, мы уже стали забывать, что само имя нашего героя было вымышленным, так что непогрешимость против истины была довольно-таки условной.

– Как видите, мы не попросили у вас ничего, что могло бы идти вразрез с вашей совестью, любезный комиссар, – почти промурлыкал Каладиус, бережно складывая оба листка пополам. – Поверьте, вам никогда не придётся упрекать себя за то, что вы помогли двум честным людям восстановить свои

имена. Ну а теперь мы оставим вас и позволим дальше заниматься вашей нелёгкой деятельностью.

Изящно поклонившись, оба мага вышли, прикрыв за собой дверь, и тогда лишь комиссар Дерне позволил себе облегчённо выдохнуть. Затем же он, не забыв запереть дверь, вынул из ящика вожаденный мешочек и с удовольствием пересчитал содержащиеся в нём серебряные веренты²⁴.

– Ну что, мессир Каррис, вот мы и стали с тобой вполне легальными магами с государственными бумагами! – весело произнёс Каладиус, хлопнув себя по внутреннему карману, где лежали сложенные документы.

Каррис лишь сейчас позволил себе расслабиться и выдохнуть. Несмотря на внешнее спокойствие, внутри он трепетал и скрежетал зубами всё то время, пока они находились в кабинете комиссара. Почему-то он был убеждён, что план мессира будет раскрыт на раз, так же, как и его накладная борода и седовласый парик. Да, ранее мы не упомянули эту деталь, однако теперь стоит отметить, что Каладиус, которому необходимо было сойти за почти семидесятилетнего старика, прибёг к нехитрому гриму.

Читатель может спросить – для чего ему это понадобилось? Ответ очевиден – Каладиусу было нужно найти «сви-

²⁴ Верент – серебряная монета Палатия. Двести верентов образуют один тоин. В свою очередь, верент состоит из двухсот стегов.

детеля» достаточно влиятельного, чтобы одно его имя припечатывало к стулу даже наиболее заносчивых чиновников. И так уж вышло, что наиболее подходящей для этого кандидатуре было уже как раз слегка за семьдесят. Так наш аферист ещё и приписал себе лишний возраст, из тридцатипятилетнего став семидесятилетним.

Когда Каррис обеспокоился о том, что теперь мессире всегда придётся ходить с накладной бородой, тот лишь насмешливо отмахнулся в ответ:

– Неужели ты полагаешь, что на корабле кто-то осмелится спрашивать магов о возрасте, или ставить под сомнение хоть один факт их биографии? Да даже если я явлюсь с рыбьим хвостом, приклеенным к заднице, уверен, что все они старательно будут делать вид, будто верят, что я – морской царь!

В целом всё сложилось даже более удачно – в мире магии возраст и опыт играют немаловажную роль, и в этом смысле семьдесят были куда лучше, чем тридцать пять.

Теперь, когда всё столь благополучно разрешилось, можно рассказать весь план Каладиуса. Очевидно, что отсутствия мессира, столь тревожащие Карриса, объяснялись именно подготовкой к столь изящно проведённой операции.

Каладиус действительно мыкался по кабакам, но делал это не с целью покутить. Он отыскивал матроса, спасшегося с тонущего корабля. В порту всегда можно отыскать таких, так что это было не проблемой. Важно было, чтобы затонувший корабль был приписан не к Кинаю, и чтобы затонул он, по

возможности, не так давно.

Наконец его поиски увенчались успехом. В одном из портовых кабачков он отыскал нужного человека. Всего нескольких слов, подкреплённых звоном россыпи серебряных монет хватило, чтобы малый уловил, что от него требуется. Он подробно рассказал о кораблекрушении, назвав поимённо всех, кто выбрался на берег и о том, куда они подались дальше. Затем он молча слушал, как ловко Каладиус встраивал в его историю ещё два действующих лица.

Надо сказать, Каладиусу достался настоящий самородок. Он на лету схватывал всё, что от него требовалось, в конце концов и сам стал подсказывать магу какие-то подробности, делавшие историю ещё более правдоподобной. Затем он повторил её дважды, пока, по его собственному выражению, сам не поверил в свой рассказ так, что теперь видел всё это будто наяву.

По особой просьбе богатого нанимателя матрос пообещал, что ко дню, когда он потребуется, от него будет вонять хуже, чем из выгребной ямы. Как мы знаем, он выполнил это весьма точно. Если о чём и сожалел достойный малый впоследствии, так это о том, что его история так и не пригодилась, но можно быть уверенным, что если бы комиссар потребовал, он рассказал бы её без запинки.

Одновременно с поисками матроса Каладиус занимался главными поисками свидетеля-мага. Выбор на мессира Трокариуса пал практически сразу же, причём талантливого

авантюриста, как мы уже говорили, несколько не смутил его возраст, а даже скорее наоборот.

Для сбора нужной информации о столь влиятельном человеке пришлось подключить особые ресурсы. Лишь в одном источнике он мог получить исчерпывающую информацию, помноженную на полнейшую конфиденциальность. Каладиус обратился в Гильдию Теней. Это стоило очень дорого, зато уже через несколько дней маг знал всё, что ему нужно – от года, когда Трокариус закончил Академию, до списка всех его однокурсников, который, правда, состоял всего из шести имён.

Это было ещё одно слабое место плана – ежегодно Академия выпускала совсем немного своих воспитанников, так что выпускники её часто могли назвать по памяти всех, кто учился с ними в одно и то же время, даже на разных курсах. Но Каладиус справедливо полагал, что такие тонкости вряд ли будут известны портовому чиновнику, а решать проблемы он предпочитал по мере их возникновения.

Понятно, что те писульки, которые он выторговал у комиссара, не имели особой силы. Он не мог явиться с ними в тот же Коллегиум и затребовать себе диплом мага. Это было почти ничто, но даже такая ничтожная малость в руках умного человека могла принести плоды, подобно тому, как даже перочинный ножик в руках мастера может принести смерть. Во всяком случае, эти бумаги были абсолютно подлинными, и в этом было их несомненное преимущество. Ко-

нечно, кто-то менее умный, чем наш аферист, мог бы приобрести поддельные дипломы, но, скорее всего, он погорел бы на этом довольно быстро.

Так или иначе, но теперь наш старый знакомый Олни Стайк окончательно превратился в мессира Карриса, а непутёвый гуляка Клайдий Сарамага и вовсе сделался мессиром Каладиусом, выпускником Латионской Академии Высоких Наук. И, что самое важное, метаморфозу эту официально признало герцогство Кидуа, а значит и весь мир, за исключением, разве что, самой Академии, некоторой части Шинтана, а также безвестной деревушки на юге Палатия.

Глава 11. На службе

– Что ж, мессир Каррис, теперь нам только лишь и нужно, что найти себе корабль пожирнее, да отправиться путешествовать за счёт нанимателя, да ещё и получать за это жалование! – весело произнёс Каладиус.

– Но для чего нам это нужно? – уныло поинтересовался Каррис. – Бумаги ведь уже у нас.

Надо сказать, что юноша был явно не в восторге от предстоящего плаванья. Помнится, мессир обещал, что, попав в Кинай, они словно заглянут в завтрашний день, но пока ничего подобного не было и в помине. В своих наивных мечтаниях Каррис представлял, что, едва он окажется в столице Кидуи, как его тут же обступят самые разномастные маги, буквально борющиеся за право обучать столь талантливого ученика. Он видел в своих грёзах, как всего через несколько лет он превзойдёт своих учителей, объединяя в себе те знания, что разрозненно хранились в головах каждого из них.

В общем, Каррис ехал в Кинай учиться. Хотя, говоря откровенно, учёба была для него лишь средством, а не целью. Словно предчувствуя свою судьбу, юноша мечтал постичь все знания, доступные людям (а если получится – то и знания лирр и гномов), чтобы стать воистину великим магом, таким, чьё имя громом разнесётся над всем миром, заставляя трепетать от ужаса одних, и от благоговения других.

И вот теперь оказывалось, что им снова нужно куда-то срываться из этого города, который, как мы знаем, уже успел полюбить честолубивому ученику мага.

– Эти бумаги стоят не больше, чем лопухи в придорожной канаве, – презрительно фыркнул Каладиус. – Они – лишь первый шаг в моём плане, необходимый, но недостаточный. От них так же далеко до диплома Академии, как от твоей жалкой деревушки досюда. Теперь, благодаря этим удостоверениям, мы сможем, я надеюсь, устроиться на какой-нибудь корабль. И вот тогда нас зарегистрируют уже как мессира Каладиуса и мессира Карриса. Не как двух странных типов, утверждающих, что они – мессир Каладиус и мессир Каррис, прошу заметить!

– То есть нам выдадут какие-то новые удостоверения?

– Нас регистрируют в бортовом журнале, в журнале судовладельца, в куче других бумажек. И нигде не будет формулировки «люди, называющие себя такими-то». Везде будет чётко написано, что мы – это мы. И, прошу заметить, это снова будут вполне подлинные документы, на которые уже можно будет худо-бедно сослаться в случае чего. Ты вот хочешь поскорее влиться в сообщество местных магов. А как, позволь спросить, ты намерен это сделать? Прийти к ним с бумажкой от портового комиссара?

Каррис, не зная, что сказать, лишь угрюмо пожал плечами.

– Не грусти, мессир Каррис! Рано или поздно все твои

мечты сбудутся! То, что мы делаем сейчас – это задел на будущее. Всё нужно сделать добротнo, чтобы даже спустя десятилетия, когда ты будешь совсем этого не ожидать, тебя в спину не ударил такой вот «привет из прошлого».

– И сколько же нам придётся ожидать?

– Трудно сказать. Будем ждать подходящего случая, – пожал плечами Каладиус.

– Так мы будем просто уповать на удачу? – горько ухмыльнулся Каррис.

– Уповать на удачу тоже можно по-разному, парень, – строго возразил маг. – Один может всю жизнь просидеть на берегу реки, надеясь, что однажды ему прямо в руки из воды выскочит жирная рыба. А другой растянет сеть на всю ширину реки, а затем уж будет надеяться, что счастливый случай загонит туда добычу. Поверь, мы сделали всё, что пока можно сделать в нашем положении. Мы растянули свою сеть. Не волнуйся, мессир Каррис – если в этой реке есть хоть одна рыбёшка, рано или поздно она попадётся!

Каррису оставалось лишь тяжело вздохнуть и согласно кивнуть, признавая правоту учителя.

– Кроме того, никто не мешает тебе проводить время с толком, – смягчаясь, добавил Каладиус. – Во время плаванья тебе всё равно нечем будет заняться, так что сможешь начитаться всласть! Набери с собой столько книг, сколько сочтёшь нужным! Опять же – никогда не знаешь, где сможешь что-то обрести. Уверен, что и из наших путешествий

ты сможешь извлечь для себя пользу!

Последний аргумент действительно заметно улучшил настроение Карриса. К чему хандрить – впереди у него ещё целая жизнь! Мессир прав – сейчас нужно заложить прочный фундамент для своей цитадели; настолько прочный, чтобы ни стихия, ни рок, ни чья-то злая воля не смогли пошатнуть благополучие его будущей судьбы.

– Вставай, пастух, пропел петух! – Каладиус так и не научился стучаться в дверь ученика, прежде чем войти.

Каррис хотел бы проворчать, что он давно уж не пастух, а петухи пропели уже часа три назад, и почти столько же сам он не спит, всё ещё с переменным успехом сражаясь с «Магией граней» Реввиуса. Однако все слова застряли в горле, когда он взглянул на вошедшего мага.

– Где ваши волосы, мессир? – ошарашенно спросил он.

Действительно, голова Каладиуса была лысой, словно колено. Более того, Каррис сразу не смог понять, что ещё изменилось, а затем вдруг до него дошло, что у мессира теперь нет ещё и бровей, что делало его лицо совершенно необычным. Каладиус же широко ухмылялся, довольный произведённым эффектом.

– Я избавился от них, мессир Каррис, – объявил он, с удовольствием поглаживая лысый череп. – Волосы – первое, что выдаёт наш возраст. Если хочешь соответствовать тому воз-

расту, что тебе приписан, приходится идти на жертвы. Впрочем, я и не слишком-то тоскую по своей шевелюре. Признаться, без неё даже удобнее, да и не так жарко. А уж в море это и вовсе будет важным преимуществом – никакая вошь не поселится на лысой голове! Подумай над этим!

– Мне не нужно выдавать себя за старика, – быстро возразил Каррис, опасаясь, что мессир решит остричь и его. – А вшей я не боюсь – дело привычное.

– Как знаешь, – пожал плечами Каладиус. – Ну а как я тебе?

Маг насупился, выпятил нижнюю губу, и теперь действительно выглядел куда старше. Особенно сбивало с толку отсутствие бровей – от этого лицо становилось совершенно неопределённым и казалось каким-то незаконченным эскизом.

– Да, теперь вам вполне можно дать семьдесят, – кивнул Каррис, против воли улыбаясь подобной метаморфозе.

– Вот и славно! – заключил Каладиус. – Сегодня же идём в порт. Пора продать наши услуги какому-нибудь предусмотрительному купчишке, отправляющему товары в Саррассу!

– Почему именно в Саррассу?

– Разве тебе не интересно своими глазами поглядеть на самую древнюю империю в мире? Кроме того, я уверен, что для завершения облика мне просто необходим южный загар. Ты-то и так – вылитый саррассанец, а вот моя благородная северная бледность совсем не вяжется с лысым черепом.

Слуга принёс завтрак, как всегда – отменный, и оба мага с удовольствием подкрепились, после чего отправились в порт. Там они стали ходить по судовладельческим конторам, спрашивая, не требуются ли маги для защиты судов от нападений. Маги, действительно, требовались, но, как правило, их нанимали для плаваний по Серому морю, где была вероятность столкнуться с келлийцами. А вот на южном направлении заказов было куда меньше, поскольку хоть у берегов Саррассы и промышляли корсары, но природная жадность заставляла судовладельцев слишком тщательно взвешивать риски, и потому чаще всего они решали, что шансы успешного плавания слишком высоки, чтобы нести дополнительные расходы.

Однако Каладиус вбил себе в голову, что им нужно непременно в Саррассу, поэтому в первый день они вернулись ни с чем. Более того, было ясно, что в ближайшие дни их ждут всё те же отказы – во всех конторах было сказано, что пока в подобных услугах они не нуждаются.

– Вот где они, эти лежебоки, когда так нужны? – ворчал Каладиус по возвращении домой, имея в виду, конечно же, саррассанских корсаров. – Что за презренный моряк станет ловить треску, когда можно промышлять благородным ремеслом разбойника!?

Каладиусу было трудно признавать, что его план дал трещину в самом неожиданном месте, поэтому поначалу он с преувеличенно уверенным видом убеждал ученика в том,

что в самое ближайшее время кто-то отправит-таки в южную империю груз достаточно ценный, чтобы не поскупиться на хорошую охрану. Однако в таком вот томительном ожидании они пробыли до самого увиллия²⁵.

И вот наконец уже почти отчаявшиеся маги были вознаграждены за терпение. В особняк, в котором они квартировали, и чей адрес был давным-давно известен всем судовладельческим конторам, примчался мальчишка из порта, который принёс записку с просьбой прибыть на следующий день в одну из контор.

В конторе измученный клерк объявил волшебникам, что его хозяину требуется маг для сопровождения торговой шхуны, отправляющейся в Золотой Шатёр через три дня. Каладиус тут же объявил, что никуда не отправится без своего ученика, что это ничего не будет стоить хозяину судна, поскольку положенная оплата пойдёт сразу им обоим. Это известие несколько прояснило довольно болезненное выражение лица клерка, и он пообещал, что вскорости передаст окончательное решение хозяина.

В ответ на это Каладиус, покровительственно положив ладонь на плечо собеседника, заявил, что людям его уровня негоже общаться с нанимателями через конторских служащих, и попросил адрес хозяина. В этом не было ничего особенного – клерк уже не раз встречал подобных болез-

²⁵ Увиллий – один из месяцев календаря Паэтты. Последний месяц лета, соответствует нашему августу. Был назван в честь короля Увилла Великого.

ненно гордых господ, поэтому он сделал даже больше – вызвал мальчишку-посыльного и приказал сопроводить мессиров магов к господину.

Приняли магов хорошо. Судовладелец – дородный седовласый мужчина приятной наружности – безо всяких возражений согласился на двух волшебников вместо одного, раз за это не нужно было доплачивать. Он посочувствовал утрате документов и согласился выписать нечто вроде подорожной – удостоверяющего листка, который маги могли бы предъявить при случае. Эти листки также были заверены личной подписью судовладельца – весьма влиятельного и уважаемого человека, а также его личной печатью, которая в большинстве мест стоила немногим меньше, чем печать кинайского комиссариата.

Единственное, что Каладиус позволил себе оговорить отдельно – это стол. Маг-сибарит опасался, что даже если будет питаться из офицерского котла, то совершенно расстроит свой нежный желудок. Поэтому он договорился, что для него будет отдельная кладовая, куда он поместит продукты. Правда, хозяин попытался напомнить о климате места, в которое они направляются, и о том, что большинство продуктов просто сгниют в самое ближайшее время, но Каладиус заверил его, что не затем становился волшебником, чтобы позволять какому-то климату портить его пищу. Надо отметить, что судовладельцу явно понравился этот ответ.

– Ну что, мессир Каррис, полюбуйся, – доставая бумаги,

довольно произнёс Каладиус. – Мы с тобой всё больше и больше становимся подлинными личностями. С этой бумагой мы уже можем много куда сунуться, во всяком случае, в портах Кидуи и Саррасы.

– Сия грамота выдана мессире Каладиусу в том, что он действительно нанят на судно «Прантон» в качестве мага для сопровождения оногo судна из порта Кинай в порт Золотой Шатёр, – прочитал Каррис.

– И такая же точно написана для тебя! Мы уже – бесспорные мессире Каладиус и Каррис, во всяком случае, для всех торговцев, таможенников и стражи. Я понимаю, что тебе не терпится говорить на равных с другими магами. Погоди, и мы обязательно что-нибудь придумаем!

Великолепная трёхмачтовая шхуна «Прантон», которую владелец, как узнали наши герои, назвал в свою честь, являлась флагманом его немалого флота, состоящего более чем из дюжины судов различного тоннажа. Каладиус остался полностью довольным осмотром как самого судна, так и его собственной каюты. Более того, он сразу же озаботился познакомиться с коком, и тот оказался выше всяких похвал.

Как и было оговорено, в огромной кладовой, где хранились продукты, отвели отдельный огороженный угол для нужд мессиров. Туда поместили специально заказанные у портовых плотников ящики, имеющие странную особен-

ность – они представляли собой как бы один ящик, вложенный в другой, так что между стенками оставалось пространство. Кроме того, внутренний ящик был ещё и оббит металлом, так что матросы изрядно попыхтели, пока втащили все эти конструкции на борт.

И затем Каладиус явил восхищённой команде своё могущество. Он приказал зачерпнуть несколько кожаных вёдер прямо из-за борта, а затем сделав несколько эффектных пасов, обратил эту воду в лёд, да так, что вёдра просто разорвало из-за внезапного расширения. С тех пор авторитет мессира на борту был непререкаем, так же, как и авторитет его ученика.

Надо сказать, что подобное волшебство среди сообщества магов стояло лишь немногим выше простых ярморочных фокусов, ибо стихийная магия – одна из простейших форм манипуляций *возмущением*, а изменение температуры воды и вовсе является самыми основами, но невзыскательной публике много было и не нужно. А Каладиус приказал заполнить пустоты между стенками своих ящичков колотым льдом, а затем укрыть сами ящики попонами. Так он надеялся сохранить в свежести те ингредиенты, которые местный кок должен был превратить в кулинарные чудеса.

Это было второе морское путешествие Карриса, и оно весьма выгодно отличалось от предыдущего. Размеры и комфортность судна, спокойные воды океана, яркое солнце – всё это придавало путешествию известное очарование, которое

портила разве что жара, так непривычная северянам.

Команда, включая капитана, как мы уже говорили, прониклась невероятным почтением к обоим мессирам, стараясь по мере сил обеспечить им максимальный уют. Специально для них на корме обустроили навес из парусины, который давал хоть какую-то защиту от солнца, и когда маги выходили туда, чтобы отдохнуть, глядя на убегающие волны, матросы старались меньше шуметь, дабы не потревожить их отдых.

– Кажется, нас ожидает приятное путешествие, – проговорил Каррис. – Надеюсь, корсары нас не побеспокоят...

– А я, напротив, надеюсь, что побеспокоят, – возразил Каладиус, блаженно разглядывая берег, медленно проплывающий в полумиле от них.

– Вы соскучились по неприятностям, мессир? – колко поинтересовался юноша.

– Признаться, иногда мне кажется, что – да, – улыбнулся маг. – Но в данном случае дело не в этом. Просто кроме бумаг нам нужна ещё и соответствующая репутация. Не знаю как ты, мессир Каррис, а я хочу прогреметь своим именем на весь мир – от Загадочного до Великого океана! И коль скоро мне пока не светит прославиться как великому теоретику, я попытаюсь стяжать себе славу великолепного практика.

Уж чего-чего, а честолюбия Каррису было не занимать, об этом мы знаем совершенно точно, коль уж нам, благодаря особому дару автора и читателя, дано проникать даже в его

мысли. Так что он намеревался прогреметь ещё громче своего учителя, и на меньшее был никак не согласен.

– Но шансы встретиться с корсарами, я полагаю, у нас совсем невелики? – предположил Каррис. – Вряд ли их так уж много у берегов империи!

– Шансы куда больше, чем тебе кажется, мессир Каррис, – возразил Каладиус. – У этих прохвостов в каждом порту целые армии осведомителей. И они часто быстрее тех же комиссаров прознают – куда пойдёт судно, и что повезёт. И уж если оно повезёт что-то вкусное, они будут тут как тут! А уж наш «Прантон», похоже, скрывает в своих трюмах что-то весьма лакомое, коль уж наш любезный хозяин решил разориться на магов!

Ни Каладиус, ни Каррис не знали, и даже не пытались предположить, какого рода груз скрывается в недрах корабля. Они справедливо полагали, что это – не их ума дело. Но, как и сказал Каладиус, было совершенно ясно, что это нечто весьма ценное – возможно, золото или даже мангил. И маг был совершенно прав, что такие суда тщательно отслеживались желающими поживиться за чужой счёт.

Именно поэтому кроме двух магов на борту было ещё полтора десятка лучников во главе с вечно хмурым сержантом. Однако команда относилась к ним не в пример холоднее. Конечно, в открытую никто из матросов не смел задеть солдат даже насмешливым взглядом, но между собой они пересмеивались над ними, называя бесполезными пассажирами.

Более дальновидный и общительный Каладиус, напротив, почти сразу же постарался наладить мосты с сержантом, который оказался тронут вниманием столь важной персоны, и хотя собеседником он был никудышным, маг всё же время от времени перебрасывался с ним словечком, понимая, что в какой-то момент и его жизнь может зависеть от этих молчаливых и сосредоточенных ребят.

Уже на следующий день после выхода из порта, Каладиус объявил о необходимости тренировок. И действительно, если в теории и сам мессир, и его ученик были бесподобны, то отсутствие практических занятий могло сыграть с ними злую шутку в самый неподходящий момент.

Каррис был совершенно не против – наоборот, он был счастлив возможности беспрепятственно заниматься практической магией. И вот теперь каждый день они метали огнешары, взметали вверх плотные водяные струи – настоящие жидкие копья, а также вздымали над морской гладью небольшие гейзеры пара.

Очень скоро это превратилось в соревнования – кто пустит самый большой огнешар, кто направит его точнее или дальше, кто поднимет самое большое облако пара. Матросы были в восторге – они с удовольствием следили за этими магическими баталиями, радуясь не только самому зрелищу, но и тому, что их защитой занимаются столь выдающиеся маги. Они простодушно вопили от радости всякий раз, когда в небо взмывал очередной шар, или когда длинная водяная

змея тяжёлой плетью рассекала гладь моря.

Иногда матросы с позволения капитана бросали за корму прохуdivшуюся бочку или ещё какой-либо мусор, и тогда оба мага устраивали настоящую дуэль. Главный минус стихийной магии в том, что, создав некий магический объект, им весьма сложно управлять. Те же огнешары довольно часто летели совсем не туда, куда их посылали неопытные маги.

О наших мессирах подобного, конечно же, сказать было нельзя – свою неопытность они с лихвой компенсировали талантом. И теперь, позволив бочке отдалиться на сотню футов, они начинали по очереди пытаться поразить её огнешаром. Особую остроту этому соревнованию придавал тот факт, что с каждой секундой корабль всё дальше удалялся от мишени, что делало в конечном итоге попадание невозможным. Но ни команду, ни самих магов это не слишком-то расстраивало. Зато если кому-то из соревнующейся парочки всё-таки удавалось попасть в цель, это вызывало настоящий шквал восторженных криков. Если бы в подобные минуты шхуну кто-нибудь наблюдал с берега, то, вероятно, это зрелище могло быть весьма впечатляющим.

Но здешнее побережье было не слишком-то густо заселено. Скалистые берега, резкими пятидесятифутовыми обрывами уходящие прямо в пенистую воду, не слишком-то располагали к прибрежному строительству. Зато эти скалы густо поросли древними хвойными лесами и этим выгодно от-

личались от унылых берегов залива Алиенти.

Загадочный океан в это время года был совершенно спокоен, ветры дули довольно слабые, так что «Прантон», как и положено шхуне такого класса, не спеша, даже вальяжно следовала своим курсом, распахнув почти все паруса на всех трёх своих мачтах, пытаясь поймать максимум того ветра, что нехотя тревожил прозрачный лазоревый воздух. Впереди было ещё не менее двух недель плавания.

Глава 12. Дервинские шхеры

Западное побережье Паэтты разительно отличается от восточного, равно как и от южного, и северного. Начиная от залива Алиенти, оно словно вспучивается по мере продвижения к югу, будто из земли всё сильнее вылезают гранитные зубы. И если к северу от Залива Дракона побережье скорее холмистое, то к югу оно уже скалистое, словно ещё один горный хребет, мертворождённый брат Анурского. Особенно высок этот хребет в районе границы Кидуи и Саррассы, а затем постепенно сходит на нет, в районе Золотого Шатра вновь превращаясь в едва выпирающие из земли холмы.

Бесчисленные годы морская стихия сражалась здесь со стихией земли. Морские волны обрушивались на скалы, и как бы ни крепок казался коричневатый гранит, но вода и время делали своё дело. Побережье южнее Киная было всё изрезано фьордами и заливами, усеяно множеством скал. С одной стороны, это стало причиной того, что здесь не возникли другие крупные портовые города, подобные столице Кидуи. С другой – эти запутанные лабиринты среди скал, грозящие гибелью всякому судну, рискующему проникнуть в них, служили отличным прибежищем для всех тех, кто по разным причинам не мог швартовать свои корабли в портах.

Одно из таких мест называлось Дервинскими шхерами и пользовалось самой дурной славой. Здесь, в каменной се-

ти множества заливов и россыпи больших скал и маленьких островков, нашли пристанище те, кого обычно именовали корсарами или пиратами. Ни военный флот Кидуи, ни имперский флот Саррассы, под чьей формальной юрисдикцией находились эти территории, не рисковали соваться в эти шхеры, которые словно были вырыты морскими дьяволами специально для того, чтобы потопить как можно больше кораблей. Лишь отъявленные безумцы или же отчаянные храбрецы могли проводить суда так, что борта иной раз едва не царапались о гранитные зубы.

Кроме того, многие из этих отчаянных парней в военное время служили каперами, становясь под знамёна Саррассанской империи, чтобы грабить и топить суда северян, или же под знамёна дюка Кидуи, чтобы тревожить южного соседа. Так и выходило, что население Дервинских шхер, мешая всем, одновременно бывало и полезно, а потому ни Кидуа, ни Саррасса не делали особенных попыток, чтобы сжечь дотла это осиное гнездо.

Дабы у читателя не сложилось превратное мнение, будто бы в Дервинских шхерах сложилась настоящая пиратская республика, сразу оговоримся, что ничего подобного, конечно, не было. Это были не те люди, что стремились делегировать кому бы то ни было право управлять собой. Хаос был в их крови, и они не терпели государства ни в каком виде, даже в самом примитивном. Они были терпимы друг к другу – и только. Дела, которые проворачивали обитатели Дервин-

ских шхер, не любили многолюдности и огласки. «Живи сам и не мешай другим» – вот, пожалуй, единственное правило, которое более или менее свято соблюдалось здесь.

Будь по-иному, и здесь, пожалуй, возникла бы весьма серьёзная угроза для экономик всех государств Паэтты, потому что так называемые саррассанские корсары способны были бы полностью парализовать многочисленные морские пути, тянущиеся вдоль западного побережья. И тогда, естественно, эту проблему пришлось бы решать кардинально. Совокупная мощь морских и сухопутных армий не оставила бы от пиратской вольницы камня на камне, так что такое вот легкомыслие и анархия среди корсаров неожиданно становились жизненно важными факторами самого их существования.

Таким образом, обычно плаванье вдоль этой вотчины пиратов не представляло особенной опасности. Корсары были слишком заняты своими делишками, которые, главным образом, крутились вокруг контрабанды – это приносило более стабильный доход и не было сопряжено с таким серьёзным риском. Однако же и Каладиус был прав, говоря, что у корсаров были осведомители в портах, и что порой они готовы были рискнуть ради крупной добычи.

Шёл седьмой день путешествия, но на море стоял почти полный штиль, так что от парусов проку почти не было. Шхуна двигалась настолько медленно, что иной раз казалось, будто она вовсе стоит на месте, словно муха, влипшая в

мёд. До Дервинских шхер оставалось около сорока миль, но было совершенно неясно – как скоро удастся преодолеть такое расстояние. Единственное, в чём можно было быть уверенным, так это в том, что пока на море штиль, нападения ждать не стоит. Корсары любят добрый ветер, который зачастую является едва ли не единственным их пособником.

Стояла просто одуряющая жара. Солнце пекло так, что на досках палубы выступила смола. Оба мага в компании капитана судна и сержанта стрелков сидели под парусиновым навесом. Вокруг них лежали глыбы льда, но их холодного дыхания не хватало, чтобы разогнать жаркое море. Во всём этом можно было найти едва ли не единственный плюс – столь интенсивные солнечные ванны очень быстро обожгли светлую кожу Каладиуса, так что теперь она вся была в проплешинах слезающей кожи, действительно старя мага на несколько десятков лет. Правда, на голове вновь отрастала тёмная щетина – обгоревшая на солнце кожа болела, и не хотелось ещё больше раздражать её бритвой.

Эйфория первых дней плавания спала. Оба мага были несчастными и раздражёнными. Они уже больше не помышляли о магических дуэлях, ведь для этого нужно было выбраться на солнце. И спрятаться от светила в каюте не представлялось возможным – это было бы равносильно тому, чтобы сидеть в жерле печи. Даже ночами они не спускались вниз, предпочитая спать на медленно остывающей палубе.

Затея с чудо-сундуками для провизии также потерпела

полное и сокрушительное фиаско. Несмотря на то, что ящики укрывали попонами в два-три слоя, лёд таял слишком быстро, очень плохо сохраняя прохладу. В итоге уже на четвёртый день пути из открытого ящика пробивался вполне ощутимый душок, а кроме того вокруг него образовывалась лужа воды, также издававшая довольно неприятный запах.

В итоге уже на следующий день Каладиус, не сумев совладать с охватившим его раздражением, велел вышвырнуть ящики вместе с провизией за борт. Это оказалось делом весьма хлопотным и тяжёлым, но большинство матросов всё равно слонялись по кораблю безо всякой работы ввиду отсутствия ветра.

Так что нашим магам, уже успевшим избаловать свои желудки изысканной пищей, пришлось перейти на ту же солонину и сухари, которыми питались остальные обитатели судна. Корабельный кок, конечно, всю старался превратить эти жуткие вещи во что-то удобоваримое, но он, к сожалению, всё же был не волшебник. Даже Каррис, который в бытность свою Олни Стайком едал и не такое, сейчас тоже весьма меланхолично ковырял вилкой в содержимом своей миски.

Каладиус про себя уже в сотый раз клял своё роковое желание плыть именно в Саррасту, но вслух, конечно, ничего такого не говорил. Однако же одного вида на его растерянное, жалкое выражение лица было достаточно, чтобы понять его состояние.

К вечеру ветер стал сильнее и был попутным, так что шхуна наконец смогла набрать ход. Такими темпами они должны были проплывать в виду шхер где-то на рассвете. Однако капитан уже сейчас приказал отправить на вороныи гнёзда сразу двух вперёдсмотрящих, опасаясь возможного нападения, хотя ночи стояли тёмные и безлунные, так что было не очень-то понятно, какой в них может быть прок.

Однако утро не принесло ничего нового. Берег по левому борту был всё таким же скалистым, а все суда, которые то и дело встречались на этом оживлённом пути, оказывались мирными торговцами. Уже после завтрака, который маги употребили с величайшей неохотой, капитан предложил им взглянуть на те самые пресловутые Дервинские шхеры, до которых было не более полумили.

По мнению Карриса в них не было ничего особенного. Те же скалистые бивни, вздымающиеся над волнами, те же прибрежные скалы, те же многочисленные заливчики, скрывающиеся за нагромождением островков размером с небольшую лачугу. И совсем ничего не указывало на то, что где-то там скрываются морские разбойники.

– Ну вот и всё? – со странным чувством разочарования, густо замешанного на облегчении, спросил Каррис. – Схватки не будет?

– Пока ещё рано расслабляться, – проговорил сержант, теперь не отлучающийся от магов, словно рыба-прилипала. – Как раз ублюдки чаще нападают южнее. Там довольно мно-

го отмелей, и торговым судам сложно маневрировать. Если в ближайшие два-три дня нас не атакуют – значит, на этот раз пронесло!

– А вы уже бывали в сражениях с пиратами, сержант? – поинтересовался Каррис.

– Дважды, – с небрежностью, от которой за версту разило самодовольством, ответил сержант. – И оба раза отбились без особых проблем. Так что, думаю, и в этот раз всё обойдётся.

– Вы тоже заметили их, мессир? – вглядываясь вдаль, спросил капитан у подошедшего к нему Каладиуса.

Вечерело, и солнце уже довольно низко висело над горизонтом, готовясь вскоре нарядиться в багрянец и раскрасить волны червлёным золотом.

– Может быть, обычные торговцы или рыбаки? – с деланой небрежностью поинтересовался Каладиус.

– Может и рыбаки... – с явным сомнением в голосе ответил капитан.

Сразу три судна, держась на некотором расстоянии друг от друга, распустив все паруса, двигались с севера. Судя по всему, они очень торопились и, кажется, медленно догоняли «Прантон». Пока что расстояние было больше мили, но, хотя пока заметить это было сложно, опытный глаз моряка уже определил, что они приближаются.

– Не подбавить ли парусов? – словно невзначай, проговорил Каладиус.

– Подбавить-то можно, но, боюсь, в скорости нам с ними не тягаться, – проворчал капитан, однако тут же подал команду ставить все паруса.

Из-за приближающейся ночи и весьма непредсказуемого рельефа дна это было довольно рискованно, так что пришлось дать право руля, чтобы отойти подальше от берега, где можно было бы не опасаться в ночной темноте налететь на подводный камень или отмель.

– Что за груз несёт «Прантон»? – полюбопытствовал Каладиус, надеясь, что те доверительные отношения, что сложились между ним и шкипером, сделают этот бестактный вопрос чуть менее бестактным.

– Клянусь, мне ничего об этом не известно! – горячо заверил капитан, которому льстило подобное внимание со стороны мага. – Я видел лишь ящики, зашитые в мешковину, и всё. Но даже из-за мер предосторожности можно уже судить, что груз весьма ценный.

– Складывается впечатление, что не для всех содержимое ваших трюмов является секретом, – усмехнулся Каладиус.

– Вы думаете, это пираты? – заподозрив неладное, к беседающим подошли сержант и Каррис.

– Сложно сказать, сержант, – пожал печами Каладиус. – Но на обычных торговцев они не очень-то похожи.

– Получится оторваться от них? – с невольной тревогой

спросил Каррис.

– Вряд ли. В лучшем случае нам удастся протянуть до утра, чтобы не сражаться ночью. Хотя вряд ли эти шалопаи сами рискнут атаковать нас в темноте, – проговорил капитан.

– Что ж, тогда посмотрим, что принесёт нам утро, – демонстративно отвернувшись от таинственных кораблей, произнёс Каладиус.

Ночь прошла тревожно. Капитан приказал удвоить вахты, чтобы в случае внезапной опасности не пришлось терять драгоценные минуты. Вдоль бортов зажгли фонари, помещённые в вогнутые медные зеркала, чтобы светить вдаль, хотя они служили скорее для успокоения команды, ибо могли выхватить приближающийся корабль из мрака лишь тогда, когда он был бы в пятидесяти-шестидесяти футах от борта. Лучники предусмотрительно подготовили себе позиции для стрельбы, сложив там по четыре десятка стрел. Каррис и Каладиус остались ночевать на палубе, как, впрочем, и в предыдущие ночи.

Юноша почти не спал. Ожидание возможной схватки держало его внутренности в железном кулаке, так что он несколько раз бегал к фальшборту, чтобы помочиться. Несмотря на бравурные рассказы сержанта, несмотря на насмешки мессира, он всё же боялся того, что могло произойти. Ему, возможно, предстояло столкнуться с людьми, кото-

рые будут стараться его убить, и это не могло не тревожить.

Шхуна шла под всеми парусами, но ветер вновь ослабел, так что далеко продвинуться за ночь они не сумели. Конечно, тот же ветер дул и в паруса вероятных преследователей, так что и они не должны были особенно преуспеть в погоне. Однако «Прантон» создавался вовсе не для морских погонь, поэтому высокая скорость не была в числе его основных достоинств.

Едва лишь только рассвело, капитан вежливо растолкал мессиров, прикорнувших на палубе. Картина представилась вполне недвусмысленная и довольно безрадостная – за ночь все три судна сумели нагнать шхуну и теперь шли не далее как в четверти мили от неё, взяв в некое полукольцо. Увы, но их намерения теперь были совершенно очевидны. Было ясно, что они ждут лишь рассвета, чтобы начать атаку.

Корсары наверняка знали, что на борту находятся лучники и маги, а потому осторожничали. Некоторое время они просто шли параллельными со шхуной курсами, словно волчья стая, преследующая оленя. Но затем, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом, они внезапно изменили курс, начав сближение со своей жертвой.

– Ну вот и началось, – процедил капитан. – А ну, дармоеды, пошевеливайтесь! Что повисли на вантах, как сушёные яблоки?

Дальше он начал отдавать короткие отрывистые команды, которые для магов звучали как иноземный язык. Да они и не

вслушивались – всё их внимание сейчас было сосредоточено на приближающихся вражеских кораблях.

– Ну что, мессир Каррис, вот и пришла пора проверить, чего мы стоим, – произнёс Каладиус, и Каррис заметил звенящие нотки тревоги в его голосе.

– Вы, наверное, очень рады, мессир, ведь всё идёт так, как вы задумали.

– Признаться, я не ожидал, что их будет сразу трое, – мрачно процедил маг. – Что же такое находится в нашем трюме, во имя Арионна? Это – явно спланированная операция. Они охотятся, и охотятся именно за нами...

Не прошло и часа, как все три судна оказались на расстоянии кабельтова²⁶ от шхуны. Теперь уж не было ни малейшего сомнения, что это – не простые честные торговцы. Все они шли без флага, да и сами суда были явно негрузовыми. Это были небольшие клиперы, как раз такие, какие давным-давно уже облюбовали пираты всего света.

– Нас собираются атаковать сразу с обеих сторон. Как только подойдут на приемлемое расстояние – используй огнешары. Постарайся сжечь паруса. Если они пойдут на abordаж – нам может прийти туго. На каждом судне может быть три-четыре десятка головорезов.

«Прантон» был на несколько футов выше над уровнем воды, нежели приближающиеся клиперы, но для ловких, словно кошки, пиратов это вряд ли стало бы серьёзным препят-

²⁶ Кабельтов – морская мера длины, равная приблизительно 185 метрам.

ствием. Каладиус был прав – нельзя допустить, чтобы они догнали шхуну и зацепились за неё абордажными крюками.

– Надеюсь, у них нет лучников...

Едва Каладиус произнёс эти слова, как раздался вопль, и один из матросов, сорвавшись с вант, рухнул на палубу. Из спины его торчала стрела.

– А вот и ответ... – потемнев ещё больше, пробормотал маг. – Держи голову ниже, мессир Каррис, всё становится ещё веселее...

Расстояние между «Прантоном» и преследователями составляло более ста ярдов, так что было удивительно, как кто-то сумел попасть в матроса с такого расстояния. Лучники из защиты корабля ещё даже не наложили стрелы на тетиву – для них прицельное расстояние было вдвое меньше. Однако всё разъяснилось довольно скоро.

– Лиррийская стрела! – вскричал сержант, подбежавший к убитому.

В этот момент ещё один матрос с коротким вскриком слетел с мачты.

– Капитан, уберите ваших людей, или их перестреляют как рябчиков! – взревел Каладиус, невольно пригибаясь к самому фальшборту.

– Все вниз! – забывая свой птичий морской язык, заорал капитан.

Матросов не пришлось долго уговаривать – они буквально соскользнули на палубу. Теперь поменять оснастку уже не

представлялось возможным, и с этим нужно было считаться.

Наличие лирр на борту пиратских кораблей создавало новые проблемы. Этот народ всегда славился мастерством стрельбы из лука, да и сами лиррийские луки были ту же человеческих и били мощнее и дальше. И уж конечно Каладиус не смог бы даже предположить, что тут окажутся лирры.

Тысячелетия прошли с того времени, как принц Драонн Доромионский покинул Паэтту, чтобы сделаться императором Тондрона²⁷, а лирры и люди так и не научились ладить. На данный момент между ними существовал худой мир, который, как известно, лучше доброй войны, но всё же обе расы старались избегать контактов. Лирры жили особняком, заселив лесистые территории на юге Кидуи и Латиона, и весьма неохотно покидали родные места, в которых могли чувствовать себя в относительной безопасности.

Но среди лирр, как и среди людей, были свои отщепенцы, которые плевать хотели на всяческие правила и нормы, преследуя лишь одну выгоду – свою собственную. И поскольку подобное тянется к подобному, то кое-кто из них вполне мог оказаться в Дервинских шхерах.

Для наших магов это становилось серьёзной проблемой. На палубе уже лежали два доказательства того, что лиррийские стрелы могут быть вполне смертоносными на расстоянии в несколько сотен футов, тогда как огнешары на таком расстоянии становились безобиднее зажжённой пакли. Сти-

²⁷ Здесь речь идёт о событиях, описанных в романе «Лиррийский принц».

хийная магия может быть разрушительна и на больших расстояниях, но для этого нужно обладать огромной силой и, что куда важнее – огромным опытом.

Важным вопросом оставалось то, сколько всего лирр на пиратских судах. Пока, судя по плотности стрельбы, выходило, что их не так много, но это могло быть обманчивым умозаключением.

Прячущиеся за снастями матросы вновь издали вскрик – очередная стрела вонзилась в фальшборт. И почти следом за ней свистнула вторая, лишь чудом не пробив голову одного из моряков. Всё-таки качка вносила некоторые коррективы в стрельбу лиррийских лучников.

Теперь уже все три пиратских судна приблизились к «Прантону» примерно на триста футов. И тогда стало ясно, что лирр на их борту не один и не двое. Сразу с двух сторон полетели смертоносные стрелы, то и дело находя себе новую жертву. Уже не меньше полудюжины матросов и один стрелок были либо мертвы, либо ранены, при том, что защитники шхуны были практически беспомощны.

Каладиус и Каррис, изредка высовываясь из своих укрытий, пустили несколько огнешаров, но они предсказуемо не дали никаких результатов. Лишь один из них достиг цели, ткнувшись в один из парусов, но на таком расстоянии он потерял уже всю свою энергию, поэтому его действие и в самом деле было вполне сравнимо с тем, что на парус просто бросили скомканный кусок горячей ветоши. Пираты, зная, что

им придётся столкнуться с магами, были начеку. Два ведра воды – и лениво стекающее по парусине пламя было погашено, оставив лишь чёрную подпалину на парусе и не сумев даже прожечь дыру.

Было ясно, что преследователи не собираются приближаться для абордажа, по крайней мере, в ближайшее время. Они, держась на почтительном от магов расстоянии, решили просто расстрелять как можно больше членов команды. Чтобы защитить капитана, на мостике были сделаны настоящие баррикады из всего, что только попадалось под руку – бухты канатов, бочки, ящики, тюки... Матросы частью прятались в трюме, частью укрывались на палубе.

– Скидывай с себя камзол, мессир Каррис! – приказал Каладиус, сам подавая пример ученику.

И действительно – на фоне матросов эти двое сразу бросались в глаза, так что всем сразу становилось ясно, что они и есть маги. Очевидно, что именно на них будет идти основная охота, так что нельзя было давать стрелкам лишние шансы.

– Что же нам делать, мессир? – в отчаянии воскликнул Каррис, ощущая себя абсолютно беспомощным. – Они не подойдут ближе!

– Нужно что-то посерьёзнее огнешаров...

– Паруса!.. – истошно закричал кто-то из матросов.

Обеим магам хватило мгновения, чтобы понять причину. С одного из судов к ним мчалась стрела с горящей паклей на наконечнике. Пираты использовали ту же тактику, что и ма-

ги – они решили поджечь паруса, чтобы остановить шхуну.

Конечно, такая стрела вряд ли могла причинить большой вред парусине – она пробила ткань насквозь, а ошмётки горячей пакли посыпались вниз. Они не сумели поджечь плотную влажную ткань, но это было вопросом времени. Рано или поздно где-то мог заняться огонь. Но пока что требовалось решить более важные задачи.

Ещё несколько огненных стрел помчалось к шхуне. Каладиус создал воздушный толчок, пытаясь сбить стрелы, но удар пришёлся мимо. Всё-таки ловкости и опыта нашим магам не хватало. Однако это действие натолкнуло Карриса на мысль.

– Можно попробовать ударить по ним льдом! – воскликнул он. – Я попытаюсь поднять брызги и заморозить их, а вы пошлёте их к ближайшему кораблю воздушной волной!

– План так себе, но другого всё равно нет, – кивнул Каладиус. – Но ты понимаешь, что нам придётся встать прямо на виду у этих ублюдков?

– Придётся рисковать, – ответил Каррис, сам удивляясь собственной смелости.

Его действительно охватила какая-то странная эйфория. Не то чтобы он вдруг ощутил себя неуязвимым, скорее ему вдруг страшно захотелось проверить – попадут ли в него. Это было почти непреодолимым желанием, к которому примешивалось внезапное желание боя. Он знал, что кое-что умеет, и ему хотелось применить все свои знания, чтобы нане-

сти как можно больше урона врагу. Каррису захотелось пролить кровь, почувствовать себя хозяином жизней этих ничтожных тварей, что посмели поднять на него руку.

– Всё должно быть очень быстро! – прямо в лицо ему крикнул Каладиус. – Ты готов?

– Абсолютно! – залихватски ухмыльнувшись, крикнул Каррис в ответ. – Начали!

И, распрямившись в полный рост, он весь сосредоточился на море футах в двухстах от себя. Ему нужно было заставить воду взорваться тысячами брызг, а затем быстро заморозить их. По уровню сложности эта задача даже близко не была сопоставима со всем, что он делал до этого. Каждую вещь по отдельности он мог проделать с достаточной точностью, но сейчас ему предстояло сделать их одновременно, и при этом не ошибиться. Однако же Каррис чувствовал, что он готов к этому. Тело налилось необычайной энергией, юноше казалось, что сейчас он способен перевернуть само море, чтобы утопить пиратские корабли.

Не делая лишних движений, которые чаще всего нужны лишь для того, чтобы произвести впечатление на окружающих, он непосредственно обратился к *возмущению* в той точке, которую выбрал для себя. Секунда – и на этом месте вырос целый фонтан. Материя подчинялась изменениям в *возмущении*, ведь оно было составной её частью.

Но вмиг вспотевшему Каррису было не до самолюбования. Теперь надлежало совершить нечто, что многие сочли

бы из ряда вон выходящим. Нужно было резко снизить температуру в определённой области пространства, и вот это была задача, перед которой дрогнули бы и многие великие маги. Но в это мгновение юный маг не сомневался ни в чём.

Он сразу почувствовал, что всё получилось. Даже отсюда было заметно, как на солнце полыхнули взмывшие к небесам капли, внезапно обратившиеся в лёд. И тут же с глухим уханьем, вспенивая морские волны, над морем прошла мощная воздушная волна. Воздух, сжатый до осязаемой плотности, рванул от шхуны в направлении пиратского корабля. Он подхватил мириады льдинок, ещё не успевших растаять в жарком южном воздухе, и понёс их дальше, прямо к клиперу.

Раздались крики боли, хорошо слышимые на шхуне. Конечно, подобная атака не могла нанести слишком много урона, разве что льдинки попали бы прямо в глаза. Будь расстояние между судами раз в десять меньше, и этот удар мог бы стать смертельным для тех, кто находился на палубе пиратского судна, но сейчас он носил скорее устрашающий характер. Хотя пиратское судно ощутимо качнуло воздушной волной.

Однако и этого оказалось достаточно, чтобы все три судна резко сменили курс, уходя чуть дальше от преследуемой жертвы, опасаясь её неожиданно острых зубов. Таким образом «Прантон» получил некоторую передышку от обстрела.

– Это было великолепно, мессир Каррис! – выдохнул тяжело дышавший Каладиус. – Если бы я не видел этого соб-

ственными глазами, ни за что бы не поверил!

– Мы лишь отпугнули их на время, – мотнул головой Каррис, ощущая металлический привкус во рту. – Нужно придумать что-то посерьёзнее этих фокусов. Мы должны уничтожить корабли.

Глава 13. Триумфаторы

– Мессир, но если вы способны создать ветер, то почему бы не направить его в наши паруса? – прокричал капитан с мостика. – Мы живо избавимся от этих бездельников!

– Я могу это сделать только если вы очень хотите лишиться разом всего такелажа, – крикнул в ответ Калдаиус. – Создать ровный ветер куда сложнее, чем мощную воздушную волну.

– Но может быть, капитан прав? – спросил Каррис. – Я могу попробовать.

– Ты очень силён, мессир Каррис, – покачал головой маг. – Ты – настоящий самородок, какие рождаются раз в тысячелетие. Но уверен ли ты, что справишься с этой задачей? Ведь если что-то пойдёт не так, ты оставишь судно не только без парусов, но и, пожалуй, без мачт. Одно дело рывком поднять над собой тяжёлый двуручник и обрушить его на голову врага, и совсем другое – держа его пальцами одной руки, пытаться заточить гусиное перо. Может ты и способен на такое, но я не рискну проверять!

– Что ж, тогда нужно использовать другую магию, – сознавая, что учитель прав, решил Каррис. – Не стихийную.

– И что ты предлагаешь?

– Разъять саму древесину борта. Проделать брешь достаточную, чтобы они за минуту пошли на дно!

– Эка куда замахнулся! – усмехнулся Каладиус. – Разорвать связи материи – это тебе не огненные шары пускать!

– Я знаю! – отрезал Каррис. – Но я думаю, что у меня может получиться. Самое сложное – уловить именно то *возмущение*, что создаёт эти доски. Главное – сосредоточиться. Я практиковался в *сосредоточении* и медитациях. Думаю, у меня может получиться.

– Но тебе придётся какое-то время стоять прямо под стрелами!

– Вы создадите отталкивающую сферу. Продержите её хотя бы полминуты, этого должно хватить.

– Я продержу её столько, сколько потребуется! – заверил Каладиус, хотя он всё ещё тяжело дышал после создания воздушной волны.

– Хорошо, мне нужно несколько минут, чтобы прийти в себя.

Кажется, они оба ещё не заметили, как стали меняться их роли. Каладиус всё ещё обращался к Каррису на «ты» и продолжал называть своим учеником, но сейчас он сам вёл себя как подмастерье. Каррис всё ещё продолжал видеть в Каладиусе своего учителя, но уже вполне чувствовал, что превзошёл наставника на несколько голов. И в данный момент, перед лицом смертельной опасности, когда истирались наносные условности, это было особенно заметно.

Меж тем пираты, похоже, понемногу приходили в себя. Сложно было сказать, какой урон нанесли маги, но вряд ли

он был достаточно велик, чтобы отпугнуть корсаров. Кроме того, возможно, что кто-то из вожаков разбойников имел некоторое представление о магии и знал, что после столь мощного удара волшебники должны быть достаточно измотаны. Так или иначе, но два из трёх кораблей вновь сменили курс, выходя на прицельную дальность. Судно, которому достался ледяной шквал, держалось более осторожно и не спешило сближаться. Возможно, матросам на нём всё же довольно крепко досталось, хоть мелкие ледышки и потеряли значительную часть своей первоначальной скорости на таком расстоянии.

Через пару минут вновь полетели стрелы. Стало понятно, что время уходит – вот ещё один матрос забился на палубе, пронзённый стрелой.

– Готов? – коротко спросил Каладиус.

– Начали! – и, не ожидая больше ни секунды, Каррис распрямился на палубе, опершись на фальшборт.

Лёгкая судорога пробежала по ткани *возмущения* – это Каладиус окутал своего ученика сферой отталкивания. Теперь он временно был неуязвим даже для лирийских стрел – они просто отскакивали от невидимого барьера.

Но у Карриса не было времени думать об этом. Ему предстояло сделать ещё один шаг вверх, к вершине магического искусства. Юноша представлял себе окружающую вселенную как ткань, сотканную из тончайших невидимых нитей *возмущения*. В каких-то местах они связывались в узелки,

сплетались в узоры – и там возникали материальные объекты. Каррис знал, что всё вокруг него – воздух, вода, лиррийские стрелы, он сам – не более чем проявления *возмущения*, ставшего осязаемым.

По большому счёту всё, что ему было нужно – это отыскать и распустить нужные узелки, разъять связи, заставляющие материю оставаться материей. На словах всё это было настолько просто, что суть смог бы понять и абсолютно непросвещённый человек. Но на практике это было невероятно сложно – куда сложнее, чем услышать отдельный голос в гуле тысячи голосов. Для этого уже недостаточно было даже громадного опыта – тут нужен был настоящий талант. На это и рассчитывал Каррис.

Мир вокруг него будто бы потух и замедлился. Он словно оказался в полустёртой гравюре, где многие детали были помечены всего несколькими штрихами. Исчезли краски, звуки, запахи. Исчезли даже эмоции и сами ощущения. Каррис слушал, не слушая, и глядел, не смотря. Он пытался уреть структуру бытия.

Маги хорошо ощущают *возмущение*, они умеют манипулировать им, но чаще всего для этого не требуется видеть его составляющие, подобно тому как матросам, тянущим канат, не требуется ощущать ладонями каждую нить, из которой он сплетён. Каррису же сейчас требовалось именно это.

Неизвестно, сколько секунд истекло сейчас в материальном мире – там, где пребывал сейчас разум Карриса, поня-

тие времени совершенно меняло свой смысл, ибо время тоже состоит из *возмущения*. И вот во всех этих хитросплетениях требовалось найти сущую мелочь – то, что создавало доски борта вражеского корабля. Перед ним были словно рассыпаны тысячи мешков зерна, и среди этой громадной кучи нужно было отыскать одно единственное зёрнышко.

Нахождение в этом мире требовало колоссальных запасов сил. Пока что Каррис не ощущал ничего, но в материальном мире его тело сейчас испытывало огромные нагрузки. Вздулись жилы, полопались капилляры в глазных яблоках, пот градом катился по коже, ноги подкашивались, и если бы не упор на фальшборт, он давно рухнул бы на палубу. Позже, с опытом, это станет намного легче, но пока из юного неопытного мага вместе с силами словно выходила сама жизнь.

Однако Каладиус был прав – маги, подобные Каррису возникали в мире очень редко, возможно, даже реже, чем раз в тысячелетие. Сфокусировав свой разум словно тончайшую в Сфере иглу, он увидел то, что искал. Хрупкие, и при этом одновременно очень прочные связи – затейливое плетение нитей, что тоньше любой паутины. Ну а дальше всё было уже просто – потянувшись к этим нитям своим сознанием, он словно распорол стянутые небольшие узелки.

В материальном мире в это мгновение в борту пиратского судна образовалась дыра диаметром в несколько футов. Это сопровождалось громким шипящим звуком, словно ткань материи втянулась в какую-то пустоту. Дыра была как раз

на уровне ватерлинии, так что в разверзшийся трюм тут же хлынули морские волны.

Клипер словно зарылся своим изящным носом в воду, резко накренился и стал тонуть. На палубе раздались крики ужаса, пираты метались, словно стая испуганных цыплят. Стали рубить канаты, удерживающие спасательные шлюпки, но в панике поспешили, и одна из шлюпок рухнула прямо на палубу. Вторую спустили на воду, но она могла вместить не более полутора десятка человек.

Корабль же довольно быстро заполнялся водой и всё больше проседал над морской гладью. Остальные два судна, увидев судьбу сообщников, спешно стали выкручивать рули так, чтобы как можно скорее оказаться подальше от «Прантона». Это уже был не ледяной буран, а нечто похуже. Пираты поняли, что на борту преследуемого судна находятся невероятно сильные маги, связываться с которыми никому не хотелось. Под ликующие крики команды шхуны оба оставшихся клипера поспешно ретировались, не желая продолжать бой.

Виновник же этого бесспорного торжества практически сполз на палубу по фальшборту, и первое время трудно было даже понять – остался ли он в сознании.

– Очнулся наконец? – раздался откуда-то издалека голос мессира.

Каррис кое-как разлепил глаза и поначалу совсем не по-

нимал, где находится. Он отчётливо помнил бой и палубу, но сейчас он лежал где-то в незнакомой комнате.

– Где мы? – вяло спросил он.

– Это каюта капитана. Тебя было проще дотащить сюда. Ты жутко отъелся, мессир Каррис! Вспомни, каким ты был прежде! Как тростинка!..

За этим нарочито шутливым тоном чувствовалась недавно пережитая тревога.

– Мы победили?

– Ещё бы! Жаль ты не видел, как это корыто пошло ко дну! Но ещё смешнее было наблюдать, как этот сброд боролся за место в шлюпке! Ручаюсь, они перебьют друг друга прежде, чем доберутся до берега!

– А остальные корабли?

– Уходят. Ежели охота полюбоваться – выйди на палубу. Их ещё видно.

– Долго я был без сознания?

– Сложно сказать... Больше четверти часа, это уж точно.

Каррис попробовал приподняться, но его очень мутило, а руки и ноги были будто бы не его.

– Но я всё же это сделал... – даже в эту минуту осознание своего могущества было чертовски приятно.

– Ещё бы! Это было просто невероятно! Всё-таки сами боги распорядились так, чтобы я вытащил тебя из твоей глухой деревушки! Однажды ты станешь великим, парень!

– Мне кажется, я и сейчас уже неплох, – криво ухмыль-

нулся Каррис, поскольку на большее у него не было сил.

– Это правда! Признаю, ты уже переплюнул своего учителя, мессир Каррис. Говорю это как есть. Но всё же мне хотелось бы поговорить с тобой прежде, чем мы вновь окажемся на палубе.

– В чём дело? – неожиданные слова Каладиуса прозвучали как-то напряжённо, и юноша почувствовал неладное.

– Каковы твои ближайшие планы, парень? Что ты думаешь делать в ближайший год, может быть два? Собираешься ли ты дальше терпеть мою компанию, или же отправишься собственной дорогой?

– Я не думал об этом... Но, пожалуй, я не собирался покидать вас, мессир, если только вы сами меня не прогоните.

– И в мыслях такого не было, парень! Я сроднился с тобой, словно с младшим братом! Значит, решено – мы и дальше будем пытаться счастья вместе?

– Разумеется...

– Отлично! Я рад, что наши взгляды в этом совпали. А теперь главное. Понимаешь ли ты, что для нашего будущего благополучия важно развивать ту легенду, что мы создали? Ведь всё, что мы делали до сих пор, делалось именно для этого.

– Конечно, я это понимаю.

– Мы хотели сделать себе имя. Мессир Каладиус и мессир Каррис, учитель и ученик. То, что ты сделал сегодня, потрясает! Думаю, не так много магов в этом мире смогли бы по-

вторить то же самое. Но...

Несмотря на то, что Каладиус замялся, Каррис уже понял, куда тот клонит. Было довольно удивительно видеть смущение на лице этого обычно нагловатого и самоуверенного человека. И сейчас юноше совсем не хотелось облегчать ему задачу, так что он просто лежал и ждал, пока мессир продолжит.

– То, что было сделано сегодня, должен был бы сделать Каладиус, а не Каррис, – произнёс наконец маг, глядя куда-то в сторону. – Я говорю это не из тщеславия, поверь. Просто так будет лучше для нашей легенды. Иначе сама связка учитель-ученик теряет смысл... Мы двое – как единое целое. Не ты Каррис, а я – Каладиус, а мы вместе – Каррис и Каладиус. Понимаешь?

– Понимаю.

Каррис действительно видел, что мессир говорит правду. В данный момент он совсем не желал приобщиться к чужой славе, да и прежде такового за ним не водилось. И в его словах действительно была логика. Однако самолюбие грызло юношу изнутри, обиженно кричало о собственной значимости.

Кроме того, он прекрасно понимал, что вся эта легенда о учителе и ученике работала исключительно на Каладиуса. Ведь это он присвоил себе несуществующие права на окончание своего имени, это он пытался выдавать себя за выпускника Академии. Сейчас для Карриса важно было решить –

нужно ли ему и дальше тащить эту дурно пахнущую легенду, или же сделать собственное имя с нуля. Ведь пока что сам Каррис не сделал ничего плохого с точки зрения закона, и то, что он сменил своё имя, ни коим образом не компрометировало его. Его репутация была чиста. После того что случилось, он был уверен, что найдётся немало желающих магов принять его на обучение, а оттуда уже была прямая дорога в Академию.

Однако мессир сделал очень много для него – так много, что вряд ли хватит жизни, чтобы вернуть ему долг. Мог ли он бросить его сейчас – талантливого самозванца, вдохновенного афериста, но не самого выдающегося волшебника. Каладиус был прав – неожиданно именно Каррис стал основой для всего, и без него вся эта сложная конструкция, которую мессир возводил, становилась угрожающе шаткой.

Это было одно из самых тяжёлых и ответственных решений за всю жизнь Карриса. Каладиус прекрасно понимал это, а потому не давил на теперь уже явно бывшего ученика, понимая, как тяжело бывает в таком возрасте поступиться собственным самолюбием и гордыней. Он точно знал, что Клайдий Сарамга этого бы не смог сделать, и потому с трепетом ожидал ответа.

– Но команда видела, что это сделал именно я, – пытаюсь найти путь к отступлению, проговорил Каррис.

– Умоляю, – пренебрежительно фыркнул Каладиус. – Что эта матросня могла понять? И ты, и я оба были там. Никаких

особенных движений мы не делали – стояли и потели...

– Но в обморок упал я...

– Потому что ты – всего лишь ученик, – маг тоном попытался скрасить обидность своих слов. – Не рассчитал сил, удерживая сферу – это бывает сплошь и рядом. Пойми, они поверят во всё, что мы им скажем. Именно поэтому я и хотел договориться с тобой заранее – *что именно* мы будем говорить.

Слова Каладиуса о том, что он упал в обморок потому, что он «всего лишь ученик» очень больно отозвались в сердце Карриса. Отдать свою славу, наблюдать, как вместо тебя станут превозносить кого-то ещё, при этом посмеиваясь над тобой, потому что ты «не рассчитал сил»... Справится ли он с подобным испытанием?

Но всё же Каррис покуда ещё умел быть благодарным. Кроме того, он чисто по-детски боялся лишиться поддержки мессира, который был его своеобразным проводником в большой мир. Тогда юноше казалось, что лишь рядом с этим талантливым человеком он действительно сможет достичь таких желанных вершин.

– Хорошо... – коротко выдохнул он, скрипнув зубами от сосущего чувства несправедливости.

– Уверен? – радость озарила утомлённое лицо Каладиуса.

– Да, – пытаюсь выглядеть равнодушным, ответил Каррис.

– В очередной раз убеждаюсь, что не ошибся в тебе, парень! – в порыве благодарности Каладиус сжал юноше ру-

ку. – Ты не пожалеешь об этом! Однажды мы с тобой станем легендами! И сегодня мы сделали ещё один шаг к этому!

– Мне нужно отдохнуть, – разочарование всё сильнее сдавливало сердце, поэтому Каррису необходимо было сейчас побыть одному.

– Отдыхай, мессир Каррис, ты сегодня славно потрудишься! – Каладиус радостно потрепал засаленные вихры своего ученика. – Отдыхай столько, сколько тебе потребуется! Как только будешь готов, матросы перенесут тебя в нашу каюту.

И маг быстро вскочил на ноги и вышел, будто опасаясь, что Каррис внезапно передумает.

Каррис вышел сам, на своих ногах, хотя его немного пошатывало. Заметившая его команда разразилась приветственными криками, его подхватили на руки и понесли к капитанскому мостику, хотя и думали, что он всего лишь прикрывал Каладиуса, когда тот потопил корсарский корабль. С горечью юный маг подумал, насколько больше этого незатейливого обожания он получил бы, знай они правду.

Стоящий на мостике Каладиус с улыбкой тянул руки к своему ученику и всячески поощрял желание матросов отблагодарить юношу, но это раздражало ещё сильнее. Однако Каррис принуждал себя улыбаться и хлопать моряков по их потным обнажённым плечам в ответ на их ободрительные хлопки.

Кровь на палубе всё ещё не была отмыта, а тела убитых – восемь человек – лежали, прикрытые парусиной, вдоль борта. Ещё четверо были серьёзно ранены, а у троих были совсем лёгкие ранения. Потери были большие, и потому те, кто не пострадал, с удвоенной энергией восхваляли двух магов, благодаря которым они все не разделили печальную участь своих товарищей.

– Нападение было очень тщательно спланировано, – объявил капитан. – И если бы не наши мессеры, у нас не было бы шансов ему противостоять! Каждый из вас, бездельники, должен при любом удобном случае возносить молитвы Арионну или Ассу во славу и во здравие этих великих людей! То, что ваши шкуры целы – лишь их заслуга!

Громкий рёв шести десятков глоток прокатился над палубой. Для двух самозванцев это был истинный триумф, которым они с удовольствием упивались. Даже Каррис на время позабыл обиды и с удовольствием слушал, как славят его имя.

Дальнейшая часть путешествия до Золотого Шатра прошла спокойно – нападений больше не было. Убитых в тот же день сбросили за борт – в такой жаре их нельзя было держать на корабле долго. Авторитет магов, и до того высокий, сейчас взлетел настолько, что матросы, пожалуй, готовы были выполнить совершенно любой их приказ.

Единственными, кто был, похоже, не слишком доволен произошедшим, были стрелки. Над ними теперь посмеива-

лись почти в открытую, ведь они так ничего и не сделали для спасения судна – во время всего боя лучники не выпустили ни одной стрелы. Да кроме того ещё и потеряли одного товарища. В общем, сержант, так же как и Каррис, зачастую скорее изображал радость, кисло кривясь, едва от него отворачивались.

Да, Каррис тоже довольно быстро впал в уныние. Он постоянно слышал пересказы матросов, которые только и судачили, что о минувшем бое. Он слышал, как они, всё более привирая подробности, захлёбываясь от восторга вспоминали как «главный мессир» потопил пиратов. И всякий раз он скрежетал зубами от злости и на Каладиуса, и на самого себя.

К чести Каладиуса, он несколько раз заговаривал об этом со своим учеником и, похоже, совершенно искренне ощущал раскаяние за то, что украл чужую славу. Каррис неизменно отмахивался от разговора, бурча, что всё в порядке и что он совсем не расстроен. Может быть, дай он себе и мессиру возможность один раз поговорить по душам, всё вернулось бы на свои места. А так в их отношениях образовалась трещина, которая, похоже, со временем лишь увеличивалась.

Глава 14. Перемены

Каладиус сделал всё возможное, чтобы весть об их триумфальной победе как можно шире распространилась по Золотому Шатру. Он лично перечитал судовой журнал и даже внёс несколько поправок, поскольку капитан, естественно, не был достаточно искущён в магии, чтобы описать всё так, как требовалось хитрому волшебнику. Уже в порту Каладиус из собственного кармана дал каждому из моряков по серебряной полумарке²⁸, чтобы они могли выпить на берегу за здоровье мессиров, спасших им жизнь, и нужно сказать, что все они с честью исполнили эту просьбу.

О талантливом маге довольно быстро заговорили в порту. Уже на следующий день к Каладиусу обратился представитель одного из судовладельцев с просьбой сопровождать его корабль в Кинай. Однако маг отказался – морское путешествие сильно утомило его, и хотелось хотя бы какое-то время побыть на суше.

Правда, Золотой Шатёр был явно не тем местом, в котором хотелось бы отдыхать. Жуткая жара, несмотря на самый

²⁸ Серебряная полумарка – мелкая монета герцогства Кидуа. Монетарная система Кидуи строится на понятии марки. Десять серебряных марок составляют одну серебряную декамарку, а десять декамарок – одну серебряную кронмарку. Сто кронмарок образуют золотую марку. В свою очередь существуют также серебряные и золотые полумарки.

конец лета, и столь же жуткая вонь. Множество нищих, нечистоты, переполняющие сточные канавы, разлагающиеся на солнце трупы пиратов в железных клетках, подвешенных в порту и на площадях – всё это создавало совершенно непередаваемый букет запахов.

В конечном итоге всего через два дня оба мага съехали из весьма дорогой гостиницы неподалёку от порта и нашли особняк за городом, примерно в получасе езды от Шатра. Конечно, стоимость жилья здесь была просто невероятной, зато теперь волшебники могли действительно ощутить себя в южном раю – прекрасные сады, спасающие своей сенью от пекущего солнца, журчащие фонтаны, виноградники, спускающие свои тяжёлые налитые гроздья прямо в окно. До океана было не более четверти часа пешком, а там – великолепные песчаные пляжи с таким белым песком, что глаза вскоре начинали болеть от этой белизны.

– Что скажешь, мессир Каррис, если мы перезимуем здесь? – нежась на открытой веранде с бокалом вина в одной руке и нежным персиком в другой, промурлыкал Каладиус.

– Угу... – юношу разнежило так, что он даже бросил чтение, и довольно тяжёлый фолиант лежал теперь раскрытым на его лице, прикрывая от яркого солнца.

– Скоро эта треклятая жара спадёт, и здесь станет просто идеально! Клянусь, если бы не это раскалённое солнце, которое плавит даже камень, я бы, наверное, остался здесь навсегда! Купили бы себе этот особняк, а, мессир Каррис? Как

тебе? Конечно, это окончательно истощило бы мои запасы, но что стоит нам время от времени находить работёнку?..

– Угу... – находясь в полудрёме, Каррис, кажется, неспособен был сказать что-то большее.

– Хотя нельзя не заметить, что саррасанцы – отвратительный народец... Как можно было в таком раю построить мерзость вроде Золотого Шатра? В мире, который сам Арионн создал для удовольствий и наслаждений, этот город выглядит настоящим чирьем. Будь я Белым богом, давно бы уже попросил братца испелелить это недоразумение, оскверняющее своим зловонием всё вокруг.

Каррис даже не счёл нужным комментировать эти слова. Он просто наслаждался покоем. Сейчас обида его притихла, и их отношения с мессиром практически вернулись к прежним. И больше всего Каррису сейчас хотелось, чтобы так всё и оставалось впредь.

– Слышал ли ты что-нибудь об Ордене чернокнижников? – войдя в столовую, где ужинал Каррис, с порога спросил Каладиус.

В последнее время он стал частенько уезжать из имения, иногда почти на весь день. Вероятно, горячая кровь Клайдия Сарамаги вновь давала о себе знать. Каррис никогда не спрашивал, куда отъезжал учитель. Они вообще довольно редко разговаривали теперь.

Стояла середина осени, но здесь она была больше похожа на конец весны-начало лета. Словом, наконец-то было вполне комфортно. Каррис по-прежнему большую часть времени тратил на обучение. Окрылённый успехом, он выискивал наиболее сложные и спорные трактаты о магии, пытался постичь то, что многие считали вымыслом. Помня о том состоянии, в каком он оказался после столь сложного колдовства, он вновь обратился к манившим его «Граням», пытаясь понять, как можно аккумулировать и фокусировать *возмущение*, дабы тратить меньше сил и быть более эффективным.

Каким бы самородком Каррис ни был, но очень многое из прочитанного он понять не мог. Какие-то книги он откладывал на потом, какие-то даже пробовал переписывать заново уже по-своему, надеясь, что такое упражнение по перефразированию позволит ему понять ускользающий смысл. Увы, но становилось очевидным, что его учёба займёт ещё не один год, а может быть и не одно десятилетие. Однако юноша не отчаивался, скорее наоборот – это добавляло ему азарта. Он знал, что может уже многое – больше, чем три четверти всех волшебников, живущих в мире, и пока ему этого было достаточно. Он знал, что благодаря своим усилиям когда-то он станет одним единственным среди всех, пусть даже это случится через сотню лет!

Но вернёмся к повествованию. Итак, мессир Каладиус вернулся из очередной своей отлучки. Мы уже упоминали, что Каррис не особенно интересовался причинами этих ис-

чезновений. Они уже не пугали его, как это было раньше в Кинае или Токкее. Кажется, в глубине души он даже хотел, чтобы мессир вновь вляпался в какую-нибудь историю, чтобы это позволило наконец порвать ту связь, которая приносила ему всё больше разочарований. Самому расстаться с Каладиусом ему пока не хватало духу. Вот если бы он сам каким-то образом исчез из его жизни! Вырвавшись из тени этого авантюриста, сколько бы он смог!..

– Я читал о нём, – Каррис оторвался от книги и с некоторым интересом взглянул на подходящего Каладиуса. – А что?

– Вот и славно! Значит, обойдёмся без вступительной лекции, – Каладиус подхватил со стола большущий румяный персик и впился в него зубами. – Я голоден как дьявол!

– Распорядитесь, и вам принесут поесть. Так к чему вы упомянули об Ордене чернокнижников?

– Уже распорядился. Всё очень просто, мессир Каррис – мы постараемся в него вступить!

– Должно быть, вы плохо знаете историю Ордена, мессир, – юноша демонстративно уставился в книгу, показывая, что он потерял интерес к беседе. – Иначе вы бы знали, что его членами могут быть лишь имперские подданные.

– Что за ерунда! – легкомысленно махнул рукой Каладиус. – Если они не дураки, то не станут просто так разбрасываться магами вроде нас с тобой из-за каких-то дурацких условностей!

– Думаю, это не просто дурацкие условности, мессир, – скептически качнул головой Каррис. – За всю историю Ордена подобного прецедента ещё не было.

– Не было, так будет! – с великолепной самоуверенностью воскликнул маг. – Да где же мой ужин, во имя всех преисподен?

Каррис промолчал. Весь этот авантюризм начинал порядком действовать ему на нервы. Складывалось впечатление, что мессир отчаялся придумать хороший план их полной легализации, а потому хватается за самые абсурдные прожекты, лишь бы показать свою важность. Юноша подозревал, что с того самого дня, как Каладиус выдал его услуги за свои, он постоянно чувствовал себя не в своей тарелке. Он становился посохом, который когда-то был необходим путнику, поскольку его нога была повреждена, но теперь она стала здорова, и надобность в посохе отпадала.

Увы, в такие минуты Каладиус при всей своей важной заносчивости, при всей напыщенности и напускном самодовольстве становился необычайно смешон и жалок. И это было плохо, потому что окончательно рушило устоявшуюся парадигму «учитель-ученик». Маг стремительно терял то уважение и даже благоговение, которое когда-то испытывал к нему его воспитанник. Наверное, он сам это чувствовал, поэтому и совершал такие вот нелепые поступки.

– О, а вот и ужин! – воскликнул Каладиус. – Скорее тащи сюда свой поднос, приятель, а не то я сейчас проглочу тебя!

Маг жадно набросился на принесённые яства, что позволило заполнить паузу в разговоре. Каррис всё это время читал, или делал вид, что читает. Каладиус понимал, что продолжать разговор придётся ему.

– Тебе как будто не нравится мой план, мессир Каррис? – нарочито бодрым голосом наконец произнёс он.

– Вы как будто всерьёз считаете это планом, мессир? – более желчно, чем ему бы хотелось, парировал Каррис.

– Почему бы и нет? – Каладиус проглотил эту дерзость. – Если мы станем адептами одного из самых могущественных орденов мира – это раз и навсегда решит все наши проблемы. Тогда ни к чему будет и добиваться восстановления прав в Академии, по крайней мере, на какое-то время.

– В таком случае, для чего мы вообще совершали все эти путешествия? Коль уж мы всё равно уповаем на вероятность, которая близка к нулевой, то могли бы сразу направиться в Латионскую Академию и объявить себя полноправными академиками!

– Вижу, ты хороший критик, мессир Каррис! – не совладав с гневом, воскликнул Каладиус. – А что ты вообще сам сделал для того, чтобы решить проблему? У меня есть хотя бы такой план, а что есть у тебя?

– У меня есть дар! – отрезал Каррис.

Вся спесь моментально слетела с Каладиуса. Он побледнел одновременно от стыда и от гнева. Вилка бессильно звякнула, выпав из его руки, и маг раздражённо отпихнул

блюдо от себя.

– Ты всегда будешь припоминать мне это, да? – с горечью спросил он, но уже не повышая голоса.

– Просто не давайте мне повода для этого, – против воли Каррис почувствовал укол раскаяния. – Я уже не тот пастушок Олни, которого вы вытащили из хлева, и вам пора это понять.

– Кажется, я уже понял, – справившись с волнением, Каладиус вновь пододвинул тарелку и безо всякого аппетита принялся жевать.

– Простите, мессир, – не потому, что хотел, а потому что был должен, произнёс Каррис через некоторое время. – Я вышел за рамки и наговорил того, чего не следовало. Вы хотели рассказать ваш план?..

– Нет никакого плана, мессир Каррис, – устало проговорил Каладиус. – Ты был прав. Я просто написал в башню Кантакалла просьбу об аудиенции, совершенно непонятно на что надеясь. Глупость всё это...

– И они удовлетворили вашу просьбу?

– Они ожидают нас послезавтра в восемь пополудни.

– Надеюсь, мессир, к тому времени вы вернёте всё ваше нахальство и красноречие, – подмигнув, Каррис попытался весело улыбнуться, но получилось довольно натянуто. – В конце концов, мы ведь ничего не теряем! Убеждать людей – ваш талант. Может быть, нам действительно повезёт!

Каррис был вовсе не рад возвращению в Золотой Шатёр. Сейчас, когда жара не была уже такой одуряющей, запахи тоже, казалось, несколько стусевались, но всё же столица империи по-прежнему была отталкивающе отвратительной. Однако по мере подъёма на холм Койфар ситуация менялась – дома становились всё опрятнее, улицы – чище, а прохожие всё больше походили на людей, а не мертвецов, вылезших из собственных могил.

Наконец они достигли высокой свежесбеленной стены, которая отделяла Нижний город от Верхнего. Дальше лежали кварталы, селиться в которых было дано лишь избранным, а ещё выше, на вершине громадного холма, расстилась Сады Императора – дворцовый комплекс, в котором жил правитель Саррасы и его приближённые.

Привратная стража сурово потребовала пропуск, без которого попасть в Верхний город не представлялось возможным. К счастью, у Каладиуса подобные пропуска были, так что для них отворили небольшую калитку, проделанную в массивной створке ворот.

Здесь был уже совсем другой мир. Вонь нищих кварталов не доносилась сюда, а лёгкий бриз приносил свежий запах моря. Дома словно состязались в помпезности и дороговизне, что далеко не всегда шло на пользу общему восприятию. В отличие от улиц Нижнего города здесь было почти безлюдно, несмотря на то что жара уже спала, а осеннее вечернее

небо было уже почти совсем чёрным. Повсюду горели масляные фонари, источающие благодаря цветным стёклам свет всех радужных тонов.

– Никогда не скажешь, что это – тот же город, что и внизу... – тихонько пробормотал Каррис, озираясь. – Во всех городах есть бедные и богатые кварталы, но нигде нет такой чёткой границы и таких разительных отличий. Как люди подобное терпят? Императору следовало бы обеспокоиться возможностью бунта...

– Полно, мессир Каррис! – шикнул на него Каладиус. – Эти речи не для кварталов Койфара! Впрочем, не могу не заметить, что Саррасса выстояла даже тогда, когда рухнула Кидуанская империя. Ты идёшь, мессир Каррис, по улицам одного из древнейших городов мира! Так что сама история доказывает твою неправоту.

– Но как такое возможно? Как может столько тысячелетий существовать общество, столь радикально расколотое?

– Всё очень просто, друг мой. Всё благополучие империи зиждется, пожалуй, всего на трёх вещах – традициях, той стене, что разделяет Верхний и Нижний город, а также на вечном поиске внешнего врага.

– Что вы имеете в виду, мессир?

– Ну конечно! Почтение к императору и его свите, принятие древних законов, благословляющих неравенство – это традиции, впитываемые жителями Шатра с молоком матери. Стена ограничивает Верхний город, отделяя тех, кто здесь

от тех, кто там, а также тех, кто там от тех, кто здесь. Те, что за стеной, не видят всего этого великолепия, они настолько свыклись со своей реальностью, что считают её нормальной. Те, кто здесь, так редко видят гной и грязь внизу, что почти забывают, что всё это существует. Покуда эти миры не смешиваются – им ничто не угрожает.

– А что за внешний враг, ведь Империя уже давно ни с кем не воюет?

– Воевать и готовиться к войне – совершенно разные вещи, причём одно с другим особенно и не связано. Спроси любого на улицах города – чего они боятся больше всего? Думаешь, кто-то назовёт голод, болезни или преступность? Уверен, что все они скажут, что опасаются лишь войны с Латтионом. Да-да, именно с Латтионом, который в это время и думать не думает о Саррасе, занимаясь своей вознёй на севере. Но кому какое до этого дело? Иметь хорошего внешнего врага – главное счастье любого правителя. Ведь им можно оправдать всё – нищету, жестокость законов. Единственное, что может заставить сплотиться бездомного нищего из нижних кварталов и богача с Койфара – желание сделать всё, чтобы не позволить коварному северному соседу захватить древние исконные земли. Беднота никогда не станет выражать недовольство, зная, что лишь этого ждёт хитрый враг. Нет, мессир Каррис, покуда у Саррасы есть хотя бы один сосед – её устоям ничего не угрожает!

За такими вот разговорами они постепенно добрались до

врат Садов Императора, не боясь заблудиться, ибо все дороги на Койфаре, подобно лучам, стекались к его вершине. У ворот Садов были уже более придирчивые привратники, но в конце концов и они пропустили посетителей внутрь дворцового комплекса. Впереди на фоне чернеющего неба маячила высоченная башня Кантакалла – резиденция Ордена чернокнижников.

Увы, но время, затраченное на путь до башни, оказалось вчетверо длиннее времени самой аудиенции даже с учётом того, что обоих магов около десяти минут продержали в небольшой приёмной, прежде чем впустить. Конечно же, посетители не удостоились чести разговаривать с магистром Ордена – их проводили к хмурому адепту, вероятно, лишь понаслышке знакомого с таким понятием как любезность.

– Вы отнимаете своё и моё время, мессир, – узнав о цели визита, без обиняков объявил он. – Вы знаете правила нашего Ордена, и если вы не подданный нашего императора, то наш разговор окончен.

– Но вы ведь, полагаю, слышали обо мне? – хвала богам, со времени их недавней стычки с Каррисом Каладиус, кажется, совершенно восстановил свою обычную неунываемость. – Разумно ли давать от ворот поворот таким магам как я?

– Слухи ходят, и я не склонен считать, что они преувеличены, мессир, – сухо ответил чернокнижник. – Но это ничего не меняет. Я верю, что Орден держится лишь до тех пор, пока свято чтимы и незыблемы догматы, на которых он зи-

ждется. Простите мессир, но будь вы величайшим магом в истории, ответ был бы тем же.

– Не уверен, что у вас есть полномочия решать за весь Орден, – благодушие не принесло плодов, поэтому Каладиус решил подпустить в голос властности и спеси. – Я требую встречи с магистром Толленом. Уверен, он окажется дальновиднее вас.

– Я уполномочен Орденом вести подобные переговоры, мессир, – тон чернокнижника не изменился потому, что его нельзя было уже сделать хоть на толику суше. – Поверьте, если я ответил вам отказом – этот отказ окончателен.

– И всё же я требую аудиенции...

– Вы ведёте себя крайне неразумно, мессир Каладиус, – теперь тон адепта изменился, и в нём послышалась угроза. – Не думаю, что вам хотелось бы, чтобы вас выпроводили отсюда.

– Простите, мессир, – спохватился Каладиус, поняв, что и эта стратегия ведёт в тупик. – Конечно, я был неправ и вышел за рамки приличий. Это потому, что я разочарован.

– Это – ваша проблема, мессир. Правила были известны вам заранее.

Кивнув, чернокнижник дал понять, что аудиенция завершена. Он даже снизошёл до того, чтобы предложить ходатайствовать о предоставлении для обоих магов постоянного пропуска на Койфар, что давало им возможность снять жильё здесь, поближе к императорскому дворцу. Каладиус,

хотя и не соби́рался переби́раться сюда, тем не менее с благодарностью принял предложение. Он назвал адрес имения, в котором они жили, а адепт Ордена пообещал в течение нескольких ближайших дней прислать весть с ответом. На том и разошлись.

На обратном пути, глядя на Каладиуса, который пытался выглядеть жизнерадостно, Каррис в очередной раз задавался вопросом – неужели он действительно на что-то рассчитывал? Видимо – да, потому что как ни хорохорился он, но при этом старательно прятал взгляд от своего ученика, потому что это был взгляд побитой собаки, а многочисленные фонари Койфара были достаточно беспощадны, чтобы это нельзя было скрыть.

Каладиус преувеличенно много болтал, строя всё новые планы. Он заговорил даже о том, чтобы подать официальное прошение на получение имперского подданства, хотя было не совсем ясно, как они это сделают при отсутствии документов. Каррис шёл молча и почти не слушал *бывшего* учителя. Он вновь думал о том, что звезда удачи окончательно покинула мессира, и что их дороги рано или поздно должны будут разойтись.

Глава 15. Каладиус

Теперь нам предстоит принять волевое решение и перепрыгнуть сразу на одиннадцать лет вперёд. Это сложно, поскольку за эти годы в жизни наших героев тоже случались весьма любопытные эпизоды, но всё же необходимо. Главная сложность, с которой сталкиваешься при описании столь масштабной биографии великого человека, прожившего на свете несколько столетий – не сорваться в крайности.

С одной стороны, нужно определить – какие события и поступки являются ключевыми для понимания столь неординарной личности, и этих событий явно будет немало, так что всегда велик риск упустить что-то важное. Увы, многочисленные биографы великого мага Каладиуса довольно подробно изучили тот период его жизни, когда он уже оказался при латионском дворе, но ранний период в силу многих причин был почти не исследован, так что нам – автору и читателю – в буквальном смысле приходится продирааться сквозь дебри и болота, чтобы не потерять тонкую стёжку повествования.

С другой стороны, автор по вполне гуманным соображениям не может описать всю жизнь великого мага год за годом, ибо тогда получившийся фолиант сложно будет не то что прочесть, а даже и просто снять с полки. Именно поэтому скачки во времени совершенно неизбежны, причём иной

раз нам придётся перепрыгивать целые десятилетия, а быть может даже и столетия. Остаётся уповать лишь на то, что это не очень скажется на повествовании и не затруднит восприятие читателем данной книги.

Итак, мы должны перенестись в год 981 руны Кветь – год, ставший одним из ключевых в становлении нашего главного героя. Надо сказать, что минувшие одиннадцать лет стали для мессира Карриса своеобразным уроком горечи и разочарования в том смысле, что практически никак не приблизили его к заветной мечте – стать всемирно известным магом.

Виной тому, конечно, была та болезненная привязанность, которая удерживала его рядом с Каладиусом. Несмотря на то, что с каждым годом почтение к учителю исчезало всё больше, он всё же не мог найти в себе силы и бросить его, выбрав собственную дорогу. И он даже не мог объяснить – почему.

Вряд ли дело было в признательности, которую он испытывал за то, что именно мессир сделал его волшебником. И вряд ли он жалел Каладиуса, ведь тот, хотя и не был выдающимся магом, но обладал огромным количеством других талантов, которые позволяли ему вести вполне безбедную жизнь. И также речь уж точно не шла о страхе деревенского мальчика, оказавшегося в водовороте крупных событий, поскольку в Каррисе уже практически не оставалось ничего от Олни.

В общем, ничто из этого по отдельности не могло стать

причиной того, что спустя одиннадцать лет Каррис всё ещё сопровождал Каладиуса, играя роль его ученика, но всё вместе отчасти могло объяснить это. Отношения между бывшими учителем и учеником были непростыми. Временами они вообще не разговаривали, что бывало довольно затруднительно, учитывая, что значительную часть времени они проводили в замкнутом пространстве торговых судов.

Да, всё это время оба мага по-прежнему сопровождали корабли, поскольку очередной навязчивой идеей Каладиуса стало желание, чтобы в любом порту каждый грузчик, каждый моряк, каждая портовая шлюха слышали бы имена двух славных волшебников. Увы, но это оказалось не так просто, как казалось вначале. Далеко не каждый раз магам приходилось демонстрировать своё мастерство, а в тех нескольких случаях, когда некоторая опасность всё же существовала, всё решалось простыми огнешарами.

Всё могло бы решиться куда скорее, имей Каладиус и Каррис доступ в официальные магические круги. Талант Карриса был столь несомненен, что он весьма быстро бы заявил о себе. Но это было невозможно из-за Каладиуса и всей той легенды, которую он уже выстроил. Даже разоблачить мага он сейчас не мог, не скомпрометировав заодно и себя.

Сам же Каладиус очень здорово вжился в роль. Верный своей цели, он всеми силами старался заводить полезные связи, в первую очередь – в магической среде. Он уже начал овеивать своё имя легендами и на каждый реальный случай

(пусть и свершённый Каррисом, а не им) порождал два фантастических, благо ни подтвердить, ни опровергнуть это было некому.

Каладиус одно время пытался постичь искусство развоплощения, и Каррис, хотя и без особого желания, но добросовестно пытался втолковать ему что-то. Увы, это было так же бессмысленно, как объяснять музыкальную гармонию глухому – Каладиусу это было попросту не дано. Тем не менее, наслушавшись объяснений Карриса, ушлый авантюрист весьма убедительно рассуждал на подобные материи, вызывая законное уважение слушателей, среди которых никого не было равного Каррису, а потому они слушали об этом как о чём-то недостижимом и неведомом.

Всё это ужасно бесило Карриса, и его много раз так и подмывало показать всем на что он способен, но Каладиус всячески уговаривал его оставить пока всё как есть.

– Как только нам удастся реализовать наш план, – увещевал он, особенно напирая на слово «наш». – И я легализую свой статус, тогда и ты сможешь открыть миру свой талант.

Что Каладиус действительно умел – так это уговаривать. После разговора Каррис частенько скрежетал зубами от бессильной злобы, но возразить бывшему учителю у него до сих пор не получалось. Точнее, он постоянно возражал, но Каладиус умел строить беседу так, что все эти возражения в итоге оказывались за её скобками. Он словно не замечал наиболее опасные вопросы, а иногда и вовсе начинал сам задавать се-

бе вопросы от имени Карриса и тут же отвечал на них, сводя всё к какому-то абсурду. В наиболее критические моменты, когда становилось ясно, что юноша настроен не на шутку, он вообще мог просто уйти под самым нелепым предлогом, исчезнуть иной раз на несколько дней, давая возможность своему протеже остыть и потерять запал.

Одно было хорошо – за это время Каррис повидал практически все прибрежные страны, по многу раз побывав и в Пунте, и в Саррассе, и в Кидуе. Он даже видел диких дорийцев, частенько устраивающих свои становища по берегам удобных для якорных стоянок бухт, дабы вести торговлю с проплывающими кораблями.

Правда, нельзя сказать, что такая вот кочевая жизнь слишком уж нравилась юному магу. Долгие морские переходы утомляли однообразием и отсутствием элементарных удобств, а также скверной едой. Несмотря на то, что Каладиус всегда снимал номера в лучших гостиницах, а если он останавливались где-то надолго – то и апартаменты в особняках, эта постоянная смена окружения всё равно выбивала из колеи. Спасало лишь одно – книги.

Но, с другой стороны, Каррис чувствовал, что начинает привыкать к подобному образу жизни, и это пугало больше всего. Он постоянно напоминал себе, что цель его жизни совсем в другом, но всё яснее становилось осознание того, что на пути к этой цели стоит очень серьёзное препятствие – мессир.

Зиму 981 года руны Кветь маги встретили в Кинае. Это было хорошо – из всех городов Каррис любил столицу Кидуи больше всего. В списке же самых нелюбимых городов первое и едва ли не единственное место занимал Золотой Шатёр. Найр и Тавер были заметно лучше, но первый казался юному магу слишком распутным, а второй – слишком провинциальным. Что уж говорить о более мелких портовых городах вроде Шайтры и прочих – их Каррис даже не считал!

Главной мечтой оставалось посещение Латиона, который представлялся Каррису культурным и научным центром мира, но эта мечта была недостижима до тех пор, пока они с Каладиусом будут привязаны к морю.

Магам-защитникам неплохо платили, так что за минувшие годы Каррис сумел сколотить небольшое состояние, которое позволяло ему меньше зависеть от мессира в финансовых вопросах. Конечно, крупные траты в виде аренды особняка были ему по-прежнему не по карману, но зато за книги, еду и комнату в гостинице он уже в состоянии был заплатить сам. Правда, Каладиус старался этого не допускать, вероятно, опасаясь, как бы строптивый ученик не вышел из-под контроля.

Наступила ранняя весна. Снега в Кинае никогда не бывало много – чаще всего он таял вскоре после того как выпадал, лишь изредка залёживаясь подольше. Старожилы, конечно,

помнили зимы, когда улицы города были завалены снегом, а в океане даже плавали льды, но за все те годы, что Каррис бывал здесь, ничего подобного не случилось.

Вот и в этот раз снега уже не было. По местным меркам было ещё холодно, да к тому же в последние дни на побережье обрушилось ненастье. Несколько дней штормовой ветер терзал дома, снося кровли и ломая ветви деревьев. Всё это сопровождалось холодными ливнями и даже грозами. Теперь непогода постепенно сходила на нет, но небо было по-прежнему пасмурным, а воздух – сырым и прохладным.

Отношения с Каладиусом в последнее время совсем разладились. Мессир постоянно бросался в крайности – то днями носился с каким-то очередным прожектом, который должен положить конец их мытарствам, то наоборот словно забывал обо всём, окунаясь в так любимую им светскую жизнь. При этом он продолжал убеждать Карриса, что всё это делается во благо их плана.

Каррис с тоской думал о предстоящей навигации. От силы месяц – и судоходство по Загадочному океану вновь будет открыто, а это значит ему снова придётся неделями проводить в одной каюте с Каладиусом, слушать как маг рассказывает спутникам об очередных подвигах, которые напридумывает в этот раз.

Возможно, Каррис простил бы мессира за эти выдумки и приписывание себе его достижений, если бы Каладиус действительно старался чему-то научиться. Но тот, похоже,

был совершенно доволен сложившимся положением дел. Он читал, в основном, развлекательную литературу – мемуары полководцев, какие-то откровенно художественные романы. И вот именно это отсутствие интереса к саморазвитию более всего отвращало ученика от учителя.

В последнее время у Карриса появилась новая и несколько странная привычка. Он стал уходить из дому (точнее, из снятых на зиму апартаментов) за город, на берег океана. Ему нравилось сидеть на скалистом берегу, с которого открывался потрясающий вид на сероватые, покрытые белёсыми бурунами волны. Он любовался тем, с какой яростью они обрушиваются на скалы. Скалы эти выглядели такими незыблемыми, такими вечными, что всей мощи Загадочного океана, казалось, не хватит даже для того, чтобы нанести их хотя бы небольшой урон, но усыпанный галькой пляж у их подножия свидетельствовал об обратном.

Здесь Каррис часами сидел, закутавшись в тёплый плащ. Временами это превращалось почти в медитацию – мерный шум моря успокаивал и едва ли не вводил в транс. Иной раз маг намеренно впадал в медитацию, практикуясь в *сосредоточении*. Теперь ему уже гораздо проще давалось то, что он сам про себя называл погружением в изнанку мира. Он чувствовал *возмущение* едва ли не так, как другие чувствуют дунновение ветра и тепло солнечных лучей.

Здесь нечасто появлялись люди – разве что рыбацкие лодки иной раз проходили вдоль берега, но это были единицы

отчаянных смельчаков, ибо океан был ещё бурным после зимы. Шум и суета города оставались в полумиле севернее, надёжно закрытые городской стеной. Это было идеальное место, чтобы побыть наедине с собой и своими мыслями.

Бывало и так, что Каррис приходил сюда после очередной стычки с Каладиусом. И тогда он мог беспрепятственно выпускать здесь свою ярость. Он пускал мощные воздушные волны, которые покрывали мерно дышащую поверхность океана мелкой рябью, вздымал фонтаны ледяной воды, метал огнешары в покрытые мхами бока скал, поднимал целые торнадо из каменной крошки на узкой полосе пляжа. Это не только успокаивало, но и давало возможность потренироваться, хотя теперь уже стихийная магия для него не была чем-то сложным. Тот же огнешар он мог запустить с прицельной точностью футов на двести, и даже больше.

В этот ненастный день Каррис вновь пришёл на любимый утёс. Утро не задалось с самого начала – Каладиус вновь что-то такое сказал, что вызвало гнев молодого человека, и с этого началась перебранка. В последнее время Каррис всё чаще заговаривал о том, чтобы бросить эти скитания по морям и перебраться в Латион, но Каладиус и слышать ничего об этом не хотел.

На этот раз, кажется, всё зашло слишком далеко. Каррис в сердцах крикнул, что уезжает в Латион, и что ему безразлично – последует ли мессир за ним, или нет. После этого он стремительно вышел из дому, оставив Каладиуса в смяте-

нии. Сейчас молодой человек ещё не мог однозначно сказать – насколько серьёзными были его слова. Возможно, они были сказаны сторяча, но всё же под ними был довольно прочный фундамент. Каррис давно уже подумывал уехать в Латвию и поступить в королевскую армию. Это был самый простой путь к Академии.

В общем, усевшись на любимом утёсе в четырёх футах от обрыва, он словно искал ответа у стихии. Ледяной ветер несколько остужал голову, словно предлагая всё обдумать, прежде чем пороть горячку. Правда, пока помогало не очень – ярость душила Карриса. Каладиус в последнее время всё чаще напоминал о своих благодеяниях, о том, сколько лет он содержал своего неблагодарного ученика, покупал ему книги и прочее. Причём, если он хотел, то мог подбирать весьма унижительные слова.

– Так вот где ты пропадаешь!.. – раздался голос позади, но Каррис даже не повернул головы. – Да, отсюда отличный вид!

Приободрённый тем, что Каррис не кричит и не гонит его прочь, Каладиус неспеша подошёл и сел неподалёку.

– Красиво, хотя и довольно холодно... – серьёзно проговорил Каладиус после некоторого молчания.

Он очень осторожно подбирал не только слова, но и выражение лица – сдержанное, спокойное. Он спрятал свою обычную маску легкомысленного насмешника, зная, как она раздражает Карриса. А Каладиус, по-видимому, пришёл сю-

да не раздражать, а мириться. Тем не менее, Каррис продолжал молчать, даже не поворачивая головы.

– Скоро начнётся навигация, – нарочито мечтательным тоном проговорил Каладиус. – Махнём в Найр, а, мессир Каррис? Что скажешь? Подальше от этой жары! Поживём в своё удовольствие – игорные дома, бордели, лучшие таверны! Останемся там до следующего года! К дьяволам всё – можно и передохнуть!

Каррис поморщился – раздражение вновь подступило к горлу. Мессир хорошо знал, как его ученик относится ко всем этим «удовольствиям», поэтому было ясно, что он тем самым провоцирует Карриса на взрыв. Ему важно было расшевелить замкнувшегося в себе собеседника, пусть даже для этого нужно было вновь его разозлить.

– Вы вольны отправляться куда вздумается, мессир, – процедил Каррис, стараясь говорить спокойно. – А я отправлюсь туда, куда нужно мне.

– В латионскую армию? – презрительно фыркнул Каладиус. – Глотать пыль из-под легионерских сапог? Кормить комаров в палатийских болотах?

– Хоть бы и так! – не выдержав, вспылил Каррис. – Уж это не более бесполезно, чем мотаться вокруг всей Паэтты год за годом, ожидая какого-то чуда! Я смогу поступить в Академию, и стану великим магом по праву, а не присвоив себе это звание!

– Что такое диплом Академии? – вспыхнул Каладиус. –

Бумажка! Главное – то, что ты можешь, а не то, есть ли у тебя эта писулька! Можно быть успешным и влиятельным и без неё.

– Однако себя вы, не задумываясь, вписали в её выпускники! – желчно произнёс Каррис.

– Потому что это открыло бы нам многие двери! – позабыв, что секунду назад он утверждал совсем иное, вскричал Каладиус.

– Похоже, это не слишком-то сработало, – едко парировал Каррис.

– Если бы ты не сидел сиднем целыми днями, то обзавёлся бы связями! Нечего пенять на меня, если сам ничего для этого не сделал!

– Если бы я не сидел сиднем, то не стал бы тем, кем я стал! Для вас важнее бордели и игорные дома – воля ваша! Я выбрал свой путь, и не намерен отступать!

– О да! – яростно вскричал Каладиус и, не удержавшись, вскочил на ноги. – Как я позабыл – у нас же тут величайший маг всех времён, а я, гуляка и фат, только мешаю ему занять место в истории!

– Вы научили меня многому, мессир, и за это я буду всегда вам благодарен, – Каррис изо всех сил старался сохранить спокойствие, хотя всё его тело уже мелко дрожало.

– Многого же стоит твоя благодарность! Ты поступил ко мне в ученики, а теперь хочешь уйти! Но я не отпускал тебя!

– При всём уважении, но вам уже больше нечему меня на-

учить, – молодой маг решил положить конец этой перепалке и встал, намереваясь уйти.

– Конечно! – глаза Каладиуса налились кровью. – Ты такой замечательный, что сам всему научился! Величайший маг Каррис, гений мира! Только похоже, мессир Каррис, что ты позабыл, кем ты был, и благодаря кому ты стал тем, кем стал! Ты забыл, что больше десяти лет ты жил, ел, спал за мой счёт! Что все те книги, которые так многому тебя научили, были куплены за мои деньги! Тогда ты не был таким привередливым, да?

– Клянусь, что однажды я возьму всё до последнего стега! – лицо Карриса побелело и покрылось красными пятнами. – Я помню, чем обязан вам, мессир, не беспокойтесь! Этого я никогда не забуду! Но должен сказать, что подобными упрёками вы унижаете не только меня, но и себя самого!

С этими словами Каррис решительно зашагал обратно к городу, боясь, что вот-вот будут произнесены слова, которые произносить не стоило.

– Надо же! – злобно крикнул вслед Каладиус. – Сколько благородства у шлюхиного сына!

То, что случилось дальше, Каррис запомнил на всю жизнь. Бешенство накрыло его с головой, словно в голову ударил горячий гейзер. Не успев понять даже, что он делает, молодой человек резко обернулся и ударил в Каладиуса воздушной волной. Мага швырнуло с обрыва вниз, и Каррис успел заметить полный изумления взгляд учителя. Всё это произо-

шло настолько неожиданно и как-то до того буднично, что в первое мгновение показалось какой-то шуткой. Ощущение того, что хохочущий Каладиус через секунду появится над краем пропасти было настолько сильным, что некоторое время Каррис просто стоял с глупым выжидательным выражением лица.

Наконец рациональность взяла верх, и юноша на внезапно ослабевших ногах медленно подошёл к краю и осторожно заглянул вниз, как делает ребёнок, который медленно заглядывает в тёмный шкаф, надеясь, что спрятавшееся там чудовище к тому времени уже улизнёт.

Каррис никогда не боялся высоты, но сейчас почувствовал столь сильное головокружение, что буквально отшатнулся назад. Но всё же он успел разглядеть мессира, нелепо, словно тряпичная кукла, раскинувшегося на гальке футов в двадцати внизу. Ирония судьбы – будь удар немного сильнее, и пролети тело лишних пять-шесть футов, он упал бы в воду. Но этого не произошло.

Необратимость содеянного обрушилась на Карриса, словно скала. Ужас от того, что всё уже свершилось и ничего нельзя изменить был так силён, что маг неожиданно заскулил. Одна секунда, даже одно мгновение, которые изменили всё, разделили жизнь на до и после. Точка невозврата, которую не пройти в обратную сторону.

Какое-то время он просто стоял, парализованный страхом, тихонько поскуливая, словно издыхающий пёс. Но это

не могло продолжаться вечно, нужно было что-то делать.

– Мессир... Мессир... – срывающимся на всхлипы голо-
сом позвал Каррис, заставив себя подойти к краю.

Но Каладиус не шевелился. Камни вокруг его лысой голо-
вы были окрашены красным, одна из рук, неестественно за-
ломленная, была накрыта туловищем, а ноги застыли в таком
положении, будто маг куда-то бежал, лёжа на гальке. Каррис
совершенно не знал, что делать. Он лишь продолжал окли-
кать Каладиуса, подхваченный этим заданным им же самим
ритмом.

– Мессир... Мессир... Мессир...

Наконец приступ паники отпустил его оцепеневший мозг,
и в него тут же прорвалась новая мысль – а вдруг кто-то
сейчас появится здесь? Вдруг рыбацкая лодка проплывёт ря-
дом? Каррис едва не бросился бежать, но осознал бессмыс-
ленность этого поступка. Тело всё равно найдут рано или
поздно, а тогда нетрудно будет свести концы с концами.

Значит от тела нужно избавиться – мелькнула новая
мысль, и от неё Карриса бросило в холодный пот. Всего пару
минут назад всё было так хорошо, так просто, так понятно,
и мессир был жив, а теперь вот он уже, словно преступник,
решает, как бы избавиться от трупа.

Однако страх быть пойманным неожиданно подстегнул
мозг, вернув ему способность рассуждать. Каррис, кажется,
даже слегка успокоился, взял себя в руки. Реальность тако-
ва, что содеянного уже не исправить. Прошлое неизменно,

но можно изменить будущее. И смерть мессира не должна привести ещё и к его смерти. А значит, тело мессира должно исчезнуть.

Первой мыслью Карриса было спуститься вниз и забросать труп камнями, чтобы он был не виден, или же бросить в море. Но эти мысли были столь нелепы, что он осознавал это даже в таком состоянии. Он – маг, и в его воле сделать куда большее. Он никогда ещё не делал этого с живыми организмами, но когда-то нужно было начинать. Кроме того, Каладиуса сейчас уже едва ли можно было назвать живым организмом.

Но для того, чтобы развоплотить материю, нужна была глубочайшая концентрация, и вряд ли Каррис сейчас был способен на это. Однако и уйти было нельзя – нечаянный убийца боялся, что не найдёт в себе сил ещё раз вернуться сюда.

– Что ж, это отличное испытание для тебя, мессир Каррис! – стуча зубами, проговорил он и издал нервный смешок, настолько это было похоже на мессира. – Если хочешь стать великим магом, тебе нужно научиться действовать в любых условиях.

Этот нехитрый приём неожиданно помог – звук собственного голоса и эта натужная бравада как будто придали ему сил. Нужно просто немного успокоиться, и он сможет это сделать! Каррис уселся почти на самом краю, скрестив ноги, и стал пристально глядеть на тело мессира внизу. Он глядел

долго, и постепенно то, что ещё совсем недавно было человеком, стало выглядеть какой-то нелепой кляксой на серых камнях. Он уже видел не Каладиуса, а лишь грудку тряпья, бесформенную и странную.

И вдруг Каррису почудилось, что мессир пошевелился. Это было столь неожиданно, что маг не сумел сдержать крик. Он до боли в глазах вглядывался лежащее внизу тело, но не мог заметить никаких признаков жизни. Хотя Каррис понимал, что убить мага сложнее, чем обычного человека и, вполне вероятно, что даже такое падение могло бы не оказаться фатальным.

Когда шок немного отступил, Каррис со всё нарастающим изумлением попытался проанализировать те чувства, которые охватили его в тот миг. Конечно, это была радость от того, что он всё-таки не совершил непоправимого. Но, с другой стороны, там был и страх разоблачения. Кто знает, как повёл бы себя мессир, останься он жив? Но главным открытием стало чувство горького разочарования, пронзившего его сознание словно игла в тот самый миг, когда ему почудилось шевеление, и тут же испарившееся. Но оно оставило след, послевкусие, и теперь Каррис ощущал его, словно горечь во рту.

Да, он действительно почувствовал разочарование, когда на мгновение решил, что мессир жив. Как ни страшно было то, что он сделал, но одно было несомненно – это даровало ему свободу, лишая мягкого диктата Каладиуса. И лишь

теперь Каррис вдруг понял, что всё это время с тех самых пор, как он осознал смерть мессира, он помимо всех других чувств испытывал ещё и некое скрытое облегчение.

Смерть Каладиуса обрывала все те болезненные связи, что существовали между ними. Она чётко и без возможности что-то изменить решала давнишнюю задачу, над которой Каррис бился уже больше десяти лет. Возможно, такие чувства испытывают дети или жёны после смерти мужа-тирана: страх, растерянность, боль утраты, но вместе с тем и облегчение.

Осознание этого привела к пониманию – смерть мессира была *нужна* ему. Нет, конечно же он не специально сделал то, что сделал; конечно же, если у него тогда была бы секунда, чтобы подумать, он сдержал бы свой гнев, или же, во всяком случае, не выплеснул его этим страшным ударом. Но теперь, когда уже всё свершилось, если задать себе честный вопрос – а если бы можно было всё повернуть вспять, сделал бы он это? – Каррис неожиданно ясно и холодно ответил себе «нет». Если бы сам Белый Арионн сейчас, вопреки всей логике мироздания, предложил воскресить Каладиуса лишь по одной искренней просьбе его ученика, он бы этого не сделал. Не попросил бы.

И это понимание внезапно придало Каррису силы. Страх ушёл, на его место явился какой-то удивительный нервный зуд, словно от предвкушения чего-то грандиозного и крайне интересного. Захотелось хохотать от счастья, прыгать и кри-

чать, однако молодой человек понимал, что это подкатывает истерика. Поэтому он мощным усилием воли заставил себя успокоиться.

Этот миг стал очередным поворотным моментом в судьбе будущего великого мага. Он очень чётко и ясно понял, что жизнь будет успешна лишь в том случае, если верно расставлять приоритеты, и что главным приоритетом всегда должна быть та польза, которую он извлечёт для себя. Все средства хороши для достижения цели, если ты умён и силён.

Великий маг Каладиус возродился не тогда, когда Каррис впервые назвал себя этим именем. Он родился именно в этот момент – внезапно, словно мотылёк, разорвавший тесный кокон. Теперь всё будет иначе – и это новый, возрождённый Каррис понимал совершенно ясно.

Разум легко подчинился обновлённой воле – вскоре маг погрузился в привычное состояние медитации. Он уже не раз упражнялся в развоплощении, поэтому теперь всё происходило быстрее и проще, чем в первый раз. Кроме того, на сей раз цель была куда ближе и к тому же неподвижна.

И всё же охватить сразу такой большой объём материи Каррис пока не мог. Когда он вышел из транса, то увидел, что на камнях внизу лежат ноги, обрезанные примерно по середине бедра, а также остатки одежды, кровь и фрагменты мяса. Это было всё, что осталось от Каладиуса.

Несмотря на слабость, Каррис понимал, что нужно уходить. Он сейчас создал столь сильный выброс в *возмущении*,

что все маги в окрестности мили, наверное, подскочили на месте. Вряд ли кто-то тотчас же побежит отыскивать место столь мощного воздействия, но рисковать не следовало. То, что осталось от мессира, уже не представляло угрозы. Вскоре прибрежные крабы и чайки окончательно решат проблему.

Правда, они не могли решить проблему с исчезновением Каладиуса. Он был слишком известен в Кинае, чтобы никто его не хватился. Совершенно ясно, что рано или поздно о нём забеспокоятся, его начнут искать, начнут задавать вопросы. И с этим нужно было что-то делать.

Решение пришло почти мгновенно. Оно было не идеальным, и в иных условиях Каррис вряд ли решился бы на подобное, но теперь выбирать уже не приходилось. Чтобы Каладиуса не хватились, нужно самому стать Каладиусом. По крайней мере, исчезновение нелюдимого и вечно пропадающего за книгами ученика никто и не заметит. Конечно, принимая имя Каладиуса, он вновь взваливал на себя то бремя, от которого едва успел избавиться. Но он – не мессир. У него есть цель и есть воля. Он справится!

– Каладиус – это давно уже я, а не вы, мессир, – проговорил он, в последний раз заглянув в пропасть, что стала ненадёжной могилой для его учителя. – Это будет справедливо.

И он зашагал прочь от обрывистого берега. Зашагал твёрдой, пружинящей походкой. Походкой великого мага Каладиуса.

Глава 16. Тяжкие хлопоты

Когда Каррис добрался до города, в его голове уже созрел план дальнейших действий. Он прекрасно понимал, что даже если сбреет свою шевелюру и брови, то всё равно вряд ли сумеет обмануть тех, кто лично знал Каладиуса. Конечно, столь радикальная смена причёски и, главное, отсутствие бровей сильно меняло лицо, но всё же не настолько, чтобы оно стало как две капли воды похоже на лицо мессира. Да и по комплекции худой долговязый Каррис не слишком напоминал более плотного Каладиуса, хотя и не сильно отличался от него в росте. Но эту разницу легко мог скрыть плащ и широкие одежды, так что основной проблемой по-прежнему оставалось лицо.

Идти к своей цели любыми средствами – такой девиз выбрал себе новоиспечённый мессир Каладиус, и это были не пустые слова. То, что он задумал, требовало немалого мужества, ведь он решил изуродовать своё лицо. Шрамы, достаточные, чтобы до неузнаваемости изменить человека. И Каррис решил, что лучше всего с этим справятся ожоги.

Это, кроме прочего, могло бы объяснить и отсутствие ученика. Несчастный случай во время очередной практики. Бедняга Каррис, за которым он, его наставник и старший товарищ, не доглядел – погиб. Сам же Каладиус получил ожоги. Это было вполне правдоподобно и могло бы снять целый

ряд вопросов, хотя и было несколько рискованно. Но всё же, поразмыслив на ходу, Каладиус счёл план неплохим. Осталось продумать детали.

Коль он решил разыграть карту с несчастным случаем, ему потребуется тело, которое он так преждевременно развоплотил. Впрочем, это не было серьёзной проблемой. За много лет проживания, пусть и эпизодического, в Кидуе, Каррис знал, что здесь есть место, которое называют Крабьим пляжем. Оно находилось на берегу залива Дракона вне городских стен.

Про это место знал каждый житель Киная. О нём ходило множество легенд, им пугали детей, да и взрослых тоже. Это было место, куда городская стража стаскивала трупы бездомных и бродяг, которые находили на улице. Их бросали в небольшую расщелину, уходящую почти к самой кромке воды, и там эти тела лежали, обгладываемые не только крабами, которых было великое множество, но и чайками, воронами, бездомными псами и прочими любителями падали. Всё, что было нужно – пойти туда и отыскать тело.

Однако подобные дела любят темноту. Попадись он кому-нибудь с трупом, это было бы крайне сложно объяснить. Так что пока Каррис решил заняться другими деталями плана. Он понимал, что лицо нужно будет ожечь по-настоящему, и понимал, что это будет весьма больно, а потому решил раздобыть немного настоя дурной травы. В больших дозах он вводил человека в долгое и глубокое забытьё, чем частень-

ко пользовались медикусы, если приходилось, например, отнять конечность у больного. Но в небольших дозах настой действовал как довольно сильный наркотик – куда сильнее, чем дым от курения дурной травы. Он мог притупить боль.

Купить настой было простым делом – во многих кварталах Киная продавцы дурной травы почти открыто предлагали её в разных видах. Стража лениво гоняла их изредка, но обычно лишь для того, чтобы положить в карман несколько серебряных монет. В отличие от торговцев кашаха, тех, кто торговал дурной травой, практически никак не наказывали.

Неподалёку от порта Каррис повстречал как раз такого человека. На вид он был похож на матроса, но при этом околачивался на одном месте, никуда не спеша. Рядом на корточках, прислонившись к стене, сидел плотный детина с закрытыми глазами, словно разморённый дрёмой. Но Каррис знал, что если у этого болтающегося без дела «матроса» возникнет хоть малейшая проблема, «соня» решит её молниеносно.

Накинув капюшон на лицо, маг подошёл к предполагаемому торговцу и спросил нужный ему настой. Хитрый паренёк не стал прикидываться озадаченным, и тут же кивнул в сторону грязного тёмного переуллка. Очевидно, продажа происходила именно там. Торговец, раскланявшись с Каррисом, словно прощаясь, неспеша направился в указанный проулок. Молодой человек, чуть замаявшись, последовал за ним, внутренне готовясь к худшему. Он был безоружен, но хорошему

магу не нужно оружие.

Войдя в переулочек, он заметил торговца, стоящего футах в пятнадцати у какого-то окошечка, прикрытого покосившимся ставнем, и направился к нему. Услышал слабый шаркающий звук и обернулся. Мужик, только что мирно дремавший у стеночки, стоял, чуть набычившись и сунув руки в карманы, загораживая выход из переулка. Каррис непроизвольно сжал кулаки, готовясь к возможным неприятностям.

Но всё обошлось. Торговец стукнул в ставень особым стуком, затем что-то буркнул сквозь закрытое окно, видимо, в ответ на заданный оттуда вопрос. Вскоре ставень приоткрылся, и дряблая, похожая на старушечью, рука подала ему небольшую склянку. Торговец, не опасаясь, тут же протянул её Каррису, зная, что если тот вздумает выкинуть какой-нибудь фортель, то ему придётся иметь дело с «соней».

Естественно, Каррис и не думал выкидывать фортели. Он сунул склянницу в карман, взамен вынул несколько мелких серебряных монеток, ссыпав их в ладонь торговца. Тот наугад выбрал одну из них и, попробовав на зуб, удовлетворённо кивнул. Каррис повернулся. Проход был свободен – «соня», судя по всему, вновь вернулся на привычную позицию. Молодой волшебник быстрым шагом вышел из переулка и зашагал по направлению к своим апартаментам.

К счастью, вход в комнаты, снимаемые магами, был отдельным, дабы постояльцы не мешали владельцам, а те в свою очередь не смущали постояльцев, так что Каррис во-

шёл к себе, никем не замеченный. Теперь ему нужно было обрить себе голову. Это было, мягко говоря, нетривиальной задачей. Юноша с тех самых пор, как у него начала расти борода, привык бриться сам, даже во время корабельной качки, но обрить голову было куда сложнее, а обращаться к брадобреям или слугам было нельзя.

Поставив два зеркала друг напротив друга (одно он принёс из комнаты мессира), Каррис без особого сожаления бритвой обкорнал свои длинные волосы, после чего густо намазал их мыльным раствором и принялся сбривать пряди. Волосы прилипали к черепу, и сбривать их было настоящим мучением, особенно в тех местах, куда было сложно дотянуться, или которые были плохо доступны для обозрения.

Молодой человек то и дело шипел сквозь плотно сжатые губы – уже несколько порезов кровоточили, превращая цвет мыльной пены в нежно-розовый. Однако сдаваться было нельзя, и Каррис мужественно продолжал экзекуцию.

Наконец всё было готово. Обтерев лысину полотенцем, которое тут же покрылась красными пятнами, маг взглянул на себя. Да, он уже был не похож на Карриса, но также не был похож и на мессира. Сбрить брови после бритья головы было сущим пустяком – всего несколько уверенных движений. Это ещё сильнее преобразило лицо, придав чуть больше сходства с покойным Каладиусом, но всё же юноша понимал, что подобная маскировка не обманет никого. Увы, но план надлежало выполнить до конца.

Остаток дня он провёл в комнате. По счастью, порядок тут был заведён таким образом, что слуги появлялись лишь по зову постояльцев, так что его никто не беспокоил. Есть не хотелось совершенно – в животе стоял тяжёлый ком. Против воли мысли постоянно возвращались на берег океана. Каррис то и дело вновь видел изумлённое лицо падающего в пропасть мессира. Что думал он в тот момент? Успел ли осознать, что происходит? Ожидал ли чего-то подобного.

Были ли эти вопросы угрызениями совести? Вне всякого сомнения, Каррис сожалел об участии учителя, можно даже сказать – скорбел о ней. Но всё же он оправдывал произошедшее некоей случайностью, за которую категорически отказывался брать на себя вину. В каком-то смысле куда больше был виноват сам Каладиус и его невоздержанный язык.

В любом случае Каррис как-то удивительно быстро принял произошедшее, обосновал его и, главное, определил все выгоды, которые можно было извлечь из данного положения. И ещё более удивительно было то, как нетрудно ему оказалось поставить некую стену в своём сердце, отгородившую его от боли воспоминаний. Смерть мессира, конечно же, огорчала его, но не как смерть близкого человека, а как смерть знакомого, с которым, встречаясь, редко перебрасываешься и десятком слов. Каррис и сам не предполагал подобного свойства своего характера, но теперь был чрезвычайно рад ему, ведь это освобождало от очень многих неприятных вещей.

В тяжких размышлениях день тянулся долго, но, благо, в это время года солнце садилось ещё довольно рано, так что в конце концов наступила темнота достаточная, чтобы исполнить задуманное. Каррис быстро собрался, на сей раз прихватив с собой на всякий случай кинжал и масляный фонарь со стёклами, которые предотвращали задувание слабого огонька.

Каррису пришлось идти чуть ли не через весь город, но он не стал брать возницу. Наконец он добрался до северной гавани Киная, расположенной на побережье залива. В отличие от главного порта, сюда не заходили большие корабли. В основном этой гаванью пользовались рыбаки и торговцы, ходящие исключительно по водам залива Дракона. Теперь осталось идти вдоль гавани, пока не закончится город. Увидев на одном из причалов палку, похожую на посох, маг прихватил её с собой – вполне возможно, что ему придётся отгонять собак.

Выбравшись из города, Каррис прошёл вдоль изрезанного побережья ещё около десяти минут. О том, что Крабий пляж уже близок, красноречиво и недвусмысленно предупреждал запах разлагающегося мяса, перемешанный с запахом моря и гниющих водорослей. Волшебник зажёг фонарь и покрепче перехватил свой посох, держа его уже как оружие.

Ему повезло – крупной живности поблизости не оказалось. Бродячие псы, должно быть, уже набили брюха мясом, и теперь где-то мирно спали, прячась от ночного холо-

да. Осторожно, стараясь не упасть, Каррис спустился вниз по каменистой тропинке, вытоптанной поколениями городской стражи. Вонь становилась всё нестерпимее. Маг остановился, чтобы замотать нижнюю часть лица тканью – не только из брезгливости, но и из опасения вдохнуть воздух, отравленный трупным ядом и, не исключено, миазмами болезней, которые наверняка были тут в великом множестве.

Скудного света фонаря было явно недостаточно – в расщелине было слишком темно, и один неверный шаг мог привести к самым непредсказуемым последствиям. Каррису сейчас очень не хватало заклинания, которое могло бы заставить светиться окружающие скалы или воздух. Пришлось ограничиться обычными небольшими огнешарами, которые он стал пускать в направлении моря, очень надеясь, что поблизости не окажется кого-то, кто заметит это.

Так, шаг за шагом, он спускался всё ниже, пока не оказался на самом пляже. И всего в нескольких шагах заметил то, что искал. Тело, которое, судя по всему, принесли сюда совсем недавно – скорее всего даже сегодня. Карриса искренне порадовало, что стража не позарилась на обноски этого несчастного, так что он был одет. Обуви на нём, правда, не было – не исключено, что её стянули даже и не стражники, а сотоварищи этого бедняги, справедливо полагая, что ему она больше не понадобится. Закоченевшее тело было несколько скрючено.

Ухватив мертвеца за ногу, Каррис потянул его обратно.

К счастью, бедолага был совсем тощим и весил довольно немного, однако вскоре молодой маг стал сильно уставать. Непослушное тело то и дело цеплялось за камни и кусты. Когда они выбрались наверх, на дорогу, стало проще. Каррис продолжал тащить труп за собой, держа его за холодную лодыжку.

Так он дотащил его почти до самого города. Впереди футах в пятистах начиналась Кинайская гавань. Каррис заметил то, что искал – небольшой покосившийся сарайчик, в каких рыбаки обычно сушат и хранят сети. Замка на двери не было – добро, что хранилось в сарайчике, было настолько скудным, что вряд ли на него кто-то мог позариться.

Пыхтя от натуги, маг втащил тело внутрь, задев деревянные конструкции, на которых висели воняющие рыбой сети. Подумав секунду, Каррис набросал на труп всё, что находилось в небольшом сарае. Затем он вышел, закрыв за собой дверь.

Поджечь сарай сейчас было нельзя – на огонь сбегутся люди, и к тому времени он уже должен быть готов. Значит, осталось самое страшное...

Дрожащими от усталости и от страха перед предстоящим пальцами Каррис достал склянку. Он не знал, как быстро подействует настой, и насколько эффективно он заглушит боль. Оставалось надеяться, что ушлый торговец не обманул, и не подсунул ему обычную морскую воду.

Днём Каррис обдумывал – каким образом лучше нанести

ожоги на лицо. Разумеется, совать голову в огонь не очень-то хотелось – его бросало в дрожь от одной мысли об открытом пламени. В принципе, он мог бы воздействовать на свою кожу магически, заставив вскипеть жидкости. Но и от этой мысли он быстро отказался – во-первых, это могло повредить глаза, а во-вторых он не знал, окажется ли способным на такое, находясь в наркотическом дурмане. Ведь ошибка всего в полдюйма стоила бы ему жизни.

Каррис огляделся в поисках какой-нибудь лохани, корыта или просто ведра. Рядом с сараем валялось прохудившееся кожаное ведро. Вода из него выходила, но недостаточно быстро, чтобы помешать плану. До берега было около ста футов. Каррис, ощущая вялость в ногах, дошёл до моря и зачерпнул полное ведро. Пока он вернулся обратно, больше половины воды уже вытекло, но это было, пожалуй, к лучшему.

Уже возвращаясь обратно к сараю с ведром в руке, Каррис ногтем отковырнул воск, которым была запечатана скляница, и влил в рот почти всё её содержимое. Его передёрнуло от горечи и неприятного вкуса, однако всего через несколько шагов он начал испытывать совершенно новые ощущения. Похоже, торговец не обманул.

Каррис редко пил вино, и не разу не напивался, так что это состояние было ему незнакомо. Правда, он уже однажды пробовал настой дурной травы, когда Клайдий Сарاماга отпаивал его, лежащего в деревянном сарае после порки, но он

уже успел позабыть те ощущения. Но то, что он чувствовал, ему определённо нравилось. Исчезла боль в уставших мышцах, исчезла тревога. Мир казался проще, лучше и ярче. Кажется, ему сейчас действительно всё было по плечу.

Поставив ведро в двадцати футах от сарая, Каррис с захватским уханьем метнул в его стену большой огнешар. Энергия удара была такова, что стена постройки закрипела, словно в неё стукнули бревном. Пламя расплескалось по гнилым доскам и соломенным снопам на крыше, мгновенно охватив развалюху.

Тратить время больше было нельзя, да Каррис больше и не испытывал сомнений. Наклонившись над ведром, из которого понемногу выбегала вода, он закрыл предплечьем глаза. Доля секунды – и из ведра, разрывая его на части, вырвался плотный столб горячего пара, ударив прямо в лицо магу. Даже несмотря на наркотическую эйфорию, боль оказалась такова, что Каррис буквально взревел и упал навзничь.

На какое-то время он даже потерял сознание и очнулся от того, что кто-то тащил его, держа за подмышки. Вместе с сознанием вернулась и боль, пусть и приглушённая дурной травой. Однако в этот момент маг совершенно не понимал – где он находится, и что с ним. Темнота вокруг плясала красными сполохами, какие-то силуэты мельтешили, издавая странные смешные звуки. События минувшего дня всплывали в памяти причудливыми кусками, и почему-то лишь два воспоминания назойливо преследовали одурманенного волшебника

– изумлённые глаза мессира и чья-то голая заскорузлая пятка в его руках.

Всё сильнее пылало лицо, и вместе с болью понемногу возвращались мысли, начиная осторожно складываться в общую картинку. Наконец Каррис припомнил всё, что предшествовало выбросу пара в лицо. Его не покидало ощущение, что всё происходящее сейчас происходит с кем-то другим. Он словно наблюдал за этим со стороны. Сознание его было раздвоено – одно, не одурманенное наркотиком, трезво и с явным изумлением следило за тем, что делало тело, которое отчего-то подчинялось другому сознанию, опьянённой дурной травой. Это было так нелепо и странно, что мага за-тошнило.

– Там... Мой ученик... – прохрипел он, с болью разлепляя обожжённые губы.

Голос его звучал будто откуда-то извне, и даже был совершенно не похож на обычный.

– В сарайке, что ль? – участливо поинтересовался волокущий его мужик. – Прости, барин, там уж угли одни... Благодарите Белого бога, что сам жив остался...

Владелец постройки, если это был он, даже не пытался поинтересоваться, что богатому на вид господину понадобилось в его «сарайке», и почему случился пожар. Сейчас важно было, чтобы этот странный барин не помер, потому что рыбак по горькому опыту знал, что в противном случае, как бы после не сложились обстоятельства, они неизбежно сло-

жаться не в его пользу.

– Отнеси к лекарю... Получишь марку... – просипел Каррис, чувствуя, как боль всё сильнее захватывает его лицо.

– Сделаю, барин! Сейчас только сына кликну... Эй, Бровко, кидай сарайку тушить! Аль не видишь, что здесь барину хворо совсем?.. Надобно его к лекарю доставить! Ногами-то иди сможешь, барин?

– Смогу, наверное...

Каррис кое-как поднялся на ноги, поддерживаемый сердобольным рыбаком, чьё участие стало ещё более рьяным, когда он услышал о серебряной марке. Спустя несколько секунд с другой стороны его подхватил запыхавшийся парень – видать, тот самый Бровко. Вдвоём они медленно повели едва передвигающего ноги Карриса к городу. Маг подметил, что оба избегают глядеть на его лицо, скудно освещённое ущербной луной. Кажется, там действительно было всё плохо. Ну или хорошо – это уж как поглядеть.

Лекарь жил в четырёх кварталах от пристани, так что к тому времени, как они добрались до неприметного домика, Каррис уже почти обвис на руках своих спасителей. Может быть, действие настоя заканчивалось, или же боль была слишком сильной.

Это был обычный лекарь из тех, что лечит простой люд – не слишком платёжеспособный, а потому и не слишком разборчивый. Средства, которые у него имелись, были дешёвы и часто их лечебное действие заключалось едва ли не исклю-

чительно в самовнушении больного. Всё, что он смог – это пообещать на своей коляске доставить барина к собрату побогаче, а также обезболить горящее лицо более радикальным методом – большой дозой настоя дурной травы, достаточной, чтобы Каррис уснул.

Перед тем, как принять снотворное, маг честно расплатился с рыбаком, сунув ему несколько полумарок – не только за помощь, но и в качестве компенсации за сгоревшее добро, а также назвал лекарю своё имя. Естественно, своё новое имя. После чего наконец погрузился в блаженное забытьё.

Глава 17. Болезнь

– Мэтр, кажется, он пришёл в себя, – где-то вдалеке раздался женский голос, пробивающийся словно толщу воды.

Вокруг была темнота, и Каррис не сразу понял, где он находится и что произошло. Однако память вернулась довольно быстро, а вместе с нею и странные и довольно неприятные ощущения на лице. Он попытался осторожно открыть глаза, но ничего не вышло – веки были словно приклеены.

– Благодарю, Чандри, – второй голос был низким и приятным баритоном. – Вы слышите меня, мессир? Подайте знак, если слышите.

Ни открыть глаз, ни разлепить губ Каррис не мог. Вместо этого он слегка мотнул головой в сторону, откуда слышался голос.

– Прекрасно! Не беспокойтесь, вскоре чувствительность вернётся. Вы находились под лошадиной дозой наркотика, когда вас привезли ко мне, так что придётся немного потерпеть. Через несколько минут контроль над телом вернётся. Я оставляю вас, но вскоре вернусь. С вами пока побудет Чандри.

Послышались удаляющиеся шаги, а затем мягко хлопнула дверь. Судя по всему, в комнате оставалась ещё некая Чандри, но ни один звук не выдавал её присутствия. И это было к лучшему. Каррису нужно было собраться с мыслями, собрать волю. Ему предстояло впервые выйти на сцену в те-

атре, в котором зритель, если не получится его убедить, не освистает и не покинет зал, а пожалуй что и убьёт незадачливого артиста.

Медикус с приятным голосом оказался прав – через некоторое время тело стало понемногу напоминать о себе. Онемение проходило, сменяясь лёгким покалыванием. Сколько же он пролежал так? Тело порядком затекло. Увы, но вместе с контролем возвращалась и боль, и не только в онемевших членах. То, что поначалу казалось неприятными ощущениями на лице, теперь понемногу превращалось в жжение.

Судя по всему, в какой-то момент он застонал, потому что тут же услышал участливый голос:

– Потерпите немного, мессир, мэтр Шабриан сейчас вернётся. Он облегчит вашу боль.

И действительно, через две-три минуты дверь вновь хлопнула.

– Ну как наш больной? – бодро поинтересовался тот, кого назвали мэтром Шабрианом.

– Страдает, мэтр.

– Ну это хорошо! Значит, он как минимум жив. Страдание – есть жизнь, не так ли, мессир?

Каррис предпочёл бы вместо подобных сентенций глоток-другой настоя дурной травы. Но для начала было бы неплохо открыть глаза. Он уже несколько раз пытался это сделать, но безуспешно.

– Вы, должно быть, пытаетесь открыть глаза? Это будет за-

труднительно. Боюсь, веки склеились из-за выделений. Подождите немного, мы постараемся исправить это досадное недоразумение. Чандри!

Помощница медикуса, похоже, была отлично вышколена, так что ему не требовалось даже пояснять, что ей надлежит делать.

– Сейчас я осторожно протру ваши глаза, мессир. К счастью, они совершенно не пострадали. У вас преотменнойшая реакция, мессир! Вы вовремя успели защитить глаза рукой, а не то дело было бы совсем плохо.

Каррис ощутил тёплые, мягкие и влажные прикосновения к глазницам. Мэтр Шабриан легчайшими прикосновениями мягкого тампона, смоченного, вероятно, в тёплой воде, проводил по векам. Наконец одно веко слегка приоткрылось, но маг почти ничего не успел разглядеть кроме комочка корпии, порхающего у глаз. Единственное, что он отметил – то, что комната была достаточно ярко освещена, но не солнечным светом, а свечами. Выходит, либо на дворе была ночь, либо окна были плотно зашторены. Вскоре поддалось и второе веко, а ещё через минуту глаза наконец-то смогли раскрыться.

– Ну вот, так уже гораздо лучше, не правда ли, мессир? – теперь Каррис видел смуглого крупного мужчину с широким пухлым лицом и короткой щетиной волос на голове. – Зрение – бесценнейший дар богов, я не устаю это повторять! И теперь, когда вы можете меня видеть, позвольте представить-

ся. Зовут меня мэтром Шабрианом. А вы, насколько я понял, небезызвестный мэтр Каладиус? Я наводил о вас справки, уж простите.

Боль становилась всё сильнее, поэтому Каррис был не расположен к беседе. Кроме того, губы его по-прежнему были сомкнуты, и любая попытка хоть немного разомкнуть их вызвала лишь новую боль.

– Вижу, вам хотелось бы что-то сказать, мессир? – улыбнулся лекарь. – Погодите, не всё сразу! Я наложил на ваше лицо повязку с особой мазью моего собственного приготовления, которая должна предотвратить заражение ожога. Позже, ближе к ночи, я обновлю повязку. Тогда и скажете то, что хотели, если будет желание. А пока вам лучше бы поспать. Полагаю, вам сейчас должно быть очень больно. Простите, я не могу дать вам больше настоя бикутис батхис, и не только потому, что ваши губы плотно закрыты тканью. Просто если я вновь дам вам настоя после той дозы, что влил в вас тот коновал, ваше сердце может этого не выдержать.

Вполне возможно, Шабриан напрасно костерил того лекаря, что привёз Карриса сюда. Он ведь не мог знать, что волшебник также употребил настой перед этим. Но в любом случае для больного это означало то, что с болью придётся справляться самостоятельно. И это сильно подпортило и без того неважное настроение Карриса.

– Чандри будет неподалёку, мессир. Я оставлю здесь колокольчик. Вот он, рядом с вашей рукой. Вам достаточно лишь

слегка позвонить. Отдыхайте. И постарайтесь уснуть. Сон – лучший помощник лекаря!

Уходя, Шабриан задул почти все свечи, оставив лишь одну. Оставшись в одиночестве и наедине со своими мыслями и болью, Каррис, кажется, меньше всего хотел спать. Будущее было неопределённым, и о нём, кажется, нужно было бы думать и думать, но именно эта громадность свершающегося отпугивала. Было совершенно неясно, с какой стороны подступать к этому кому, тем более, когда мысли путались от боли и наркотического дурмана.

Но этот невыветрившийся дурман, с другой стороны, замедляя бег мыслей, сводил их обратно в тяжёлую дрему, и Каррис совершенно не хотел противиться этому. Больше всего ему сейчас хотелось уснуть, чтобы на время избавиться от боли. Он надеялся, что потом мэтр Шабриан окажется всё же достаточно гуманным, чтобы использовать те или иные обезболивающие средства.

Сон долго не шёл к измученному магу, но в конце концов всё же смилостивился над ним.

Следующие несколько дней обернулись настоящим кошмаром. Каррис купался в море боли, которая бывала более или менее сильной, но никогда не исчезала совсем. Она отголосками доносилась даже в тяжёлых, бредовых снах. Самое обычное движение вроде моргания причиняло страда-

ние – всё лицо было покрыто какой-то коркой, так что малейшее движение лицевыми мышцами тревожило её и причиняло боль.

Самыми жуткими моментами были перевязки. Якобы чудодейственная мазь мэтра Шабриана смешивалась с сукровицей и гноем, и словно клеем прихватывала ткань к ране. Когда лекарь пришёл, как и обещал, для первой перевязки, то сразу объявил, что мессире потребуется всё его мужество. Кроме мужества он предложил ещё и какой-то обезболивающий эликсир, который, якобы, не содержал сока дурной травы и был более безопасен для пациента, но проблема была в том, что для того, чтобы влить его в рот, сперва нужно было освободить губы от повязки.

Кстати, Каррис с некоторым удивлением узнал, что Чандри, помощница Шабриана, оказалась вовсе не девушкой, а тщедушным пареньком лет двенадцати. Именно его несломавшийся ещё голос и ввёл мага в заблуждение. Удивительно, но в столь юном возрасте Чандри оказался весьма ловким и умелым помощником, незаменимым для лекаря. Он нисколько не боялся ни крови, ни гноя, ни разверстых ран, равно как и тяжёлой работы. Он проводил множество процедур вместо своего наставника, и по лицу мэра Шабриана было видно, насколько тот доволен умелостью ученика.

Однако, какой бы лёгкой рукой не обладал Чандри, но безболезненно снять повязку с лица он не мог. Каррис замычал от боли, едва только небольшой краешек материи с хрустом

оторвался от истерзанной кожи. А вскоре он уже орал, дёргаясь всем телом.

– Кричите, мессир, кричите! Это поможет, – приговаривал Шабриан, также понемногу срывая повязку. – Сейчас освобожу рот и тотчас дам питьё.

Но Каррису показалось, что прошла вечность, прежде чем ему в рот полилась спасительная жидкость. И ещё одна вечность прошла, прежде чем боль действительно стала отступать. Она по-прежнему была сильна, но теперь хотя бы не грозила его убить. Эта боль была на самой грани нестерпимости.

– Сорвите её одним махом, мясник!.. – прорыдал Каррис, когда Шабриан продолжил осторожно тянуть ткань.

– Простите, мессир, но этого никак нельзя сделать, – не прерываясь, прогудел медикус. – Ваши раны вообще не стоило бы тревожить, однако первые три дня это необходимо делать, чтобы менять повязку и мазь, потому что в противном случае ожоги скоро загноятся. После, когда мазь сделает своё дело, мы оставим повязку дней на десять – дадим вашей коже время подлатать себя. Потерпите, мессир, уже не так больно!

– Дайте мне настоя! – захлёбываясь слюной, перемешанной с кровью, кричал Каррис.

Что угодно, лишь бы забыться, и не чувствовать эту жуткую боль. Но лекарь был неумолим. Кажется, у него вообще было какое-то предубеждение относительно дурной травы.

Каррис с удовольствием ушёл бы обратно к портовому костоправу, который не был столь щепетилён в данном вопросе, но у него не было сил. Кроме того, какой-то уголок сознания, незамутнённый болью, осознавал, что здесь ему окажут лучшую помощь.

Когда пропитанная желтовато-красной дрянью ткань наконец целиком оказалась в руках Шабриана, Каррис уже сорвал голос. Сжалившись, медикус дал ему ещё пару глотков своего снадобья, но это не слишком-то помогло.

– Я дам вам четверть часа, чтобы немного прийти в себя, мессир, а затем вам нужно будет подкрепиться и потерпеть перевязку. Это будет далеко не так больно.

– Что у меня с лицом? – прохрипел задыхающийся маг.

– Всё плохо, – прямо ответил лекарь. – Очень сильный и глубокий ожог. Увы, такие быстро не заживают.

– Останутся шрамы?..

– А как же! Конечно, со временем они, возможно, станут не так заметны, но в ближайшие несколько месяцев вы вряд ли будете желанным кавалером для юных дам.

Наверное, такова была методика мэтра Шабриана – рубить правду-матку, да ещё и в такой насмешливой манере. Постоянное созерцание человеческих страданий очерствляло сердце. А может он просто пытался заговорить пациента, отвлечь его от боли и мрачных мыслей. Он наверняка очень удивился бы, сумеи прочесть мысли мессира Каладиуса и его мрачную удовлетворённость от известий о шрамах.

– Чандри сейчас принесёт вам бульон и протёртую рыбу. Вы должны съесть всё это безо всяких возражений, – предупреждаяще поднял палец медикус, видя, что Каррис хочет что-то сказать. – Увы, в ближайшие три дня вы будете есть лишь однажды в день, после перевязки. А еда вам необходима для подкрепления сил, и чтобы дать организму необходимые материалы для восстановления разрушенных тканей.

Появился помощник с небольшим подносом в руках. На нём была тарелка с золотистым бульоном, а также тарелка с очень жидкой кашницей. Также на подносе было странное приспособление – нечто вроде стеклянной воронки. Поскольку Каррису было почти невозможно не то что жевать, но и просто открывать рот, его собирались кормить таким несколько унижительным способом, будто он – беззубый старик.

Осторожно вставив горлышко воронки в рот пациенту, Чандри мелкими порциями стал вливать в неё бульон. Он оказался неожиданно вкусным, так что Каррис с удовольствием проглотил всё до последней капли. Юный помощник был настолько умен и осторожен, что маг ни разу не подавился и не закашлялся. С рыбным пюре всё было несколько хуже, начиная со вкуса. Это была варёная рыба, перетёртая и перемешанная с водой. Однако и её волшебник съел без остатка, понимая, что ему предстоит сутки провести без еды.

– Нельзя ли оставить прорезь для рта?.. – почти жалобно попросил Каррис, понимая, что куда страшнее будет про-

жить сутки без обезболивающих средств.

– Губы очень пострадали, мессир, – мягко покачал головой медикус. – Через три дня мы наложим постоянную повязку, и тогда сделаем прорезь для рта. Покамест придётся потерпеть.

– Пока вы не замотали рот, нельзя ли дать ещё эликсира?..

– Боюсь, что нет, мессир. В этой жизни ничем нельзя злоупотреблять. И в особенности – лекарствами. Вам придётся потерпеть.

Шабриан был прав – перевязка была не так болезненна, как снятие повязки. Сперва Чандри бережно нанёс на пылающую кожу Карриса жирную прохладную мазь, остро пахнущую какими-то сушёными травами, а потом осторожно стал накладывать длинное полотно вываренной ткани. Это было не слишком больно, однако из глаз Карриса текли огромные слёзы, обжигая повреждённую кожу.

– Могу я спросить одну вещь, мессир? Кое-что никак не укладывается у меня в голове. Насколько я знаю, там был пожар, в котором погиб ваш ученик. Но ваше лицо – оно не обожжено, оно словно ошпарено.

Каррис находился у мэтра Шабриана уже пятый день. Три дня адских мук, когда с него каждый вечер словно заживо сдирали кожу, наконец минули. Лекарь, оглядев рану, с удовлетворением отметил, что заражения нет. Остатки мёртвой

плоти, которые могли бы вызвать сепсис, были благополучно удалены, а ожоги обработаны мазью, изготовленной медикусом. Теперь пришла пора заживления.

На сей раз Чандри обмазал обожжённое лицо мага чем-то больше похожим на жидкую грязь с довольно неприятным запахом. Шабриан утверждал, что это чудодейственное средство его собственного изобретения значительно ускорит заживление. После того, как мазь была нанесена, голову Карриса вновь обмотали повязкой, но на сей раз её не нужно было снимать несколько дней – возможно, целую неделю, а то и больше. Теперь важно было не тревожить лишней раз рану, чтобы понемногу стали восстанавливаться кожные покровы.

Боль никуда не делась, хоть и стала не столь острой. Возможно, Каррис просто начал к ней привыкать. К тому же лекарь дважды в день давал ему своё обезболивающее средство. За это время доктор и пациент если и не сдружились, то, по крайней мере, охотно терпели общество друг друга. Хотя магу было больно и трудно говорить, он всё же то и дело просил Шабриана задержаться, чтобы немного поболтать. Ему было очень интересно, что происходит в городе, и насколько много шуму наделала его история.

Сказать по правде, шуму было не так уж и много. Каладиус, похоже, обзавёлся множеством «полезных связей», но не сумел или не потрудился найти друзей – за все эти дни никто не явился к мэтру Шабриану, чтобы справиться о здоровье больного. А потому и разговоры в городе стихли довольно

скоро. Смерть учеников магов была делом хотя и редким, но вполне обычным. В этом не было чего-то такого, что стоило бы обсуждать долго.

Власти тоже не особенно заинтересовались эпизодом. Сгоревший сарай они, понятное дело, не сочли ущербом, тем более что сам рыбак не предъявлял претензий, довольный полученной платой. Полагать случившееся убийством тоже не было никаких оснований. Ну а несчастные случаи происходят сплошь и рядом. В таких ситуациях нужно было бы сообщить плохую новость родным, но для ученика мага единственным «родственником» был его учитель, а тот, очевидно, и так был в курсе.

И вот, наконец, первый неудобный вопрос, которых Каррис так боялся и ждал.

– Вы наблюдательны, мэтр, – хрипловатым голосом медленно проговорил маг, обдумывая ответ.

– Я – лекарь, мессир, – усмехнулся Шабриан. – Если бы я не заметил этого – мне не стоило бы вообще браться за врачевание.

– Мы отрабатывали с мессиром Каррисом элементы стихийной магии, – пояснил Каладиус. – В какой-то момент что-то пошло не так. К сожалению, это закончилось трагедией...

Волшебник старался говорить максимально обтекаемо, а Шабриан тактично не стал разведывать подробности, понимая, что это будет выглядеть праздным любопытством, ведь сам он не был магом и, соответственно, ничего в этом не

понимал. Его врачебный интерес был удовлетворён, догадка подтверждена, а большее ему и не требовалось.

Со своими же обязанностями медику справлялся превосходно. Каррис не знал – есть ли у него сейчас другие пациенты кроме него, но Чандри почти неотлучно дежурил где-то неподалёку, приходя на любой зов, а сам Шабриан в случае надобности появлялся не позднее, чем через четверть часа. Надо сказать, что он уже получил неплохой задаток от мага. Без ложной скромности он назвал достаточно высокую цену за свои услуги, за которую вполне можно было бы нанять десяток лекарей вроде того, к которому Каррис попал вначале. Но волшебник не торговался. Денег у него было предостаточно.

Каррис остался у мэтра Шабриана на несколько недель. Несмотря на то, что он исправно оплачивал свои апартаменты, возвращаться в них совершенно не хотелось. Одно дело – присвоить себе имя Каладиуса, и совсем другое – присвоить всю его жизнь. Пока что Каррису было слишком плохо, и всё мужество уходило на войну с болью.

За это время он привязался к странноватому лекарю. Каррису нравилось общаться с этим человеком, который в силу выбранной профессии зачастую бывал излишне прямолинеен и даже резок, порою чуть ли не до грубости. Но при этом он обладал тонким насмешливым умом, своеобразным чув-

ством юмора, а кроме того он, как и Каррис, обожал книги.

Теперь маг знал, что у Шабриана кроме него есть и другие пациенты, но все они предпочитали собственные дома, так что каждое утро медикус отлучался на два, реже – на три часа, обходя больных. Почти всё остальное время он посвящал Каррису, охотно беседуя на самые разные темы.

Понравился волшебнику и Чандри. Мальчик хоть и был страшно застенчив и тих, обладал явными задатками отличного лекаря. Возможно, он чем-то неуловимо напоминал Каррису его первые шаги в ученичестве. Тогда, когда он ещё души не чаял в своём учителе, и когда каждый день приносил множество удивительных открытий.

– Это ваш сын? – спросил он однажды у Шабриана, хотя трудно было придумать двух более непохожих людей.

Однако Каррис знал, что медицина в Кидуе, как и во многих прочих государствах, обычно является семейным делом. Медикусы, подобные Шабриану, которые не обучались в Латсионской Академии или в нескольких иных заведениях, где обучали искусству врачевания, получали секреты мастерства от своих отцов, и обычно не слишком-то охотно спешили выдавать их посторонним.

– Пасынок, – ответил Шабриан, искоса взглянув на Чандри, словно там, в уголке, сидел сразу десяток мальчишек, и ему важно было убедиться, что они говорят об одном и том же парнишке. – Я женился на его матери вскоре после того, как она овдовела. Парню тогда было лет шесть или семь.

А через год она и сама умерла от синивицы. Но я заметил в мальчике несомненный талант, поэтому решил оставить у себя. И не прогадал.

– Теперь он ваш ученик?

– Ученик и помощник. До него у меня был один оболтус. Намучался я с ним, мессир, не поверите! Вот уж пару лет как выгнал этого проходимца взашей, и ничуть не жалею. Чандри в свои неполные двенадцать вполне заменил бы мне и полдюжины подобных болванов.

– Позвольте дать вам один совет, мэтр, – задумчиво проговорил Каррис. – Всегда уважайте своего ученика, обращайтесь с ним так, как он того заслуживает.

– Вы скучаете по нему?..

– Да, – ответил маг, и лишь после этого спохватился, что Шабриан спрашивал Каладиуса о его ученике Каррисе, а не наоборот. – Да... Мне его не хватает.

– Мне жаль, что так вышло, мессир. Но вы-то живы, а это значит, что однажды найдёте себе другого ученика.

– Может быть... – рассеянно ответил Каррис.

На этом разговор как-то сам собой затух. Маг погрузился в раздумья, а Шабриан, как всегда, оставив Чандри в распоряжении пациента, отправился по делам.

Когда кожа на лице стала заживать, внезапно сделалось ещё хуже. К привычной уже боли, к тому же ставшей замет-

но умереннее, добавился постоянный зуд. Поначалу он не казался проблемой, но вскоре ситуация стала катастрофически ухудшаться.

Каррис осторожно надавливал пальцами на повязку, надеясь унять этот жуткий зуд, но облегчения это не приносило. Хотелось чесать кожу изо всех сил, хотелось драть её ногтями. Глупо и смешно, но теперь маг иной раз мечтал о том, чтобы рвануть повязку с лица, как это делал Шабриан в первые дни. Рвануть, с хрустом отдирая розовую зудящую кожу. Наверное, лишь эта боль смогла бы утолить эту сводящую с ума чесотку. В своих мыслях он часто смаковал этот момент, когда зуд становился нестерпимым.

– Это добрый знак, мессир, – посмеивался лекарь. – Зуд означает, что началось восстановление тканей. Осталось потерпеть немного. Думаю, через пару дней мы в последний раз сменим повязку, а где-то дней через десять вы уже сможете обходиться без неё.

Каррис почти не слушал этих слов. Он рычал, словно цепной пёс, похлопывая себя по повязке. Он вновь и вновь требовал от доктора обезболивающих. Маг не признавался в этом даже самому себе, но, похоже, у него уже сформировалась зависимость от подобных снадобий. Он убеждал себя, что это лишь реакция на боль и зуд, и что в дальнейшем он вполне сможет обходиться без них, но втайне не мог не замечать, с каким вожделенным нетерпением он ждёт очередного приёма эликсира.

Сложно определить меру человеческого терпения. Люди привыкают и терпят практически всё. Но Каррису казалось, что его терпение на исходе. Он был измучен минувшими неделями и всё чаще задавался вопросом – а стоило ли оно того? Когда он подставлял своё лицо под столб пара, он даже близко не мог вообразить, чем это для него обернётся. Надо сказать, что об этом своём шаге он сожалел чаще и горше, чем об убийстве Каладиуса. Оставалось лишь уповать на то, что рано или поздно этот кошмар должен закончиться.

Глава 18. Бездна

– Позвольте дать вам на прощание совет, мессир? – прощаясь у порога, произнёс Шабриан.

Настал тот момент, когда у Карриса не осталось причин злоупотреблять гостеприимством лекаря. Заживление шло отлично, и он уже пару недель ходил без повязки. За это время они почти сдружились с циничным медикусом, и их прощание почти можно было назвать сердечным.

– Вы всё равно дадите его, вне зависимости от моего дозволения, – криво ухмыльнулся Каррис; широко улыбаться он по-прежнему не мог – молодая тонкая кожа болела от подобного напряжения.

– Да, потому что совет хорош, – не смущаясь, кивнул Шабриан. – Увы, мессир, я не мог не заметить, что у вас сформировалась некая зависимость от сильнодействующих веществ. Сейчас, когда я больше не смогу наблюдать за вами, у вас будет очень большой соблазн купировать боль настоем бикутис батхис или ещё чем-то подобным. И вот мой настоящий совет: не нужно этого делать. Потерпите, мессир. Зависимость пока ещё недостаточно сформирована, и, убеждён, двух-трёх недель будет достаточно, чтобы избавиться от неё окончательно. Молю вас, мессир, продержитесь эти недели!

– Заверяю, что ваши страхи преувеличены, мэтр, – как можно бесстрастнее ответил Каррис. – У меня нет никакой

зависимости, и уж подавно я не собираюсь пристраститься к дурной траве. Разве я похож на сутенёра или портового грузчика?

– Его светлость дюк Тенитис Второй был заядлым курильщиком дурной травы, – пожал плечами лекарь. – И, поговаривают, когда его подагра усилилась, он перешёл на кашах, который, якобы, его и сгубил. Увы, от этой дряни никто не застрахован. Мой родной брат, – лёгкая судорога пробежала по обычно насмешливому лицу медикуса. – Мой родной брат умер от злоупотребления кашахом. А начинал он с курения дурной травы.

– Я не стану этого делать, обещаю, – Каррис сочувственно тронул Шабриана за плечо.

– Поклянитесь, мессир, что если вам будет трудно сдерживать себя, то вы придёте ко мне.

– Клянусь Белым богом, – серьёзно произнёс Каррис.

– Хорошо, ступайте!

– Прощайте, мэтр Шабриан! И ты прощай, Чандри! Спасибо вам за всё!

– Берегите себя, мессир, – вздохнул лекарь.

В особняке возвращению Каладиуса обрадовались. Ну или, по крайней мере, вполне добротнo изобразили радость. С тяжёлым сердцем маг вошёл в комнату, которая отныне должна была стать *его* комнатой. Слуги, надо отдать им

должное, были вышколены преотменно – при том, что в комнате не было ни единой пылинки, все вещи лежали так, как их оставил мессир. Даже небрежно брошенный на кресло камзол так и остался сиротливо висеть на спинке, дожидаясь хозяина. Каррис не удивился бы, узнай, что служанки каждое утро аккуратно приподнимали его, чтобы смахнуть пылинки с кресла, и столь же аккуратно клали на то же место.

Здесь всё напоминало о мессире, и это оказалось очень тяжким испытанием для всё ещё болезненного молодого человека. С неожиданным для себя содроганием он лёг на постель Каладиуса, и воздушная перина показалась ему растревоженным муравейником. Казалось бы, за минувшие пять недель он примирился со случившимся и, вроде бы, не слишком-то переживал по этому поводу. И вот опять...

От всего этого неприятные ощущения на лице только усилились. Каррис, с тех пор как Шабриан снял повязку с его лица, несколько раз разглядывал себя в зеркало, пытаясь отыскать в искорёженном лице то черты Карриса, то черты Каладиуса. И, надо сказать, что пока что его образина была столь уродливой, что в ней, не сильно утруждаясь, можно было бы разглядеть лик самого Асса. Всё лицо было покрыто белесовато-розовой кожицей, какой-то неестественно гладкой, словно натянутой на барабан. И при этом сам рельеф лица был какой-то изрытый, словно изжёванный.

По просьбе Карриса Чандри осторожно брил ему голову раз в неделю, так что она сейчас куда больше напоминала

череп, покрытый гниющим мясом. Впрочем, это не имело значения. Новый Каладиус, в отличие от прежнего, не планировал становиться завсегдатаем салонов и ассамблей, так что внешность сейчас не имела значения. Даже наоборот – в своих простых чёрных одеяниях, лысый и изуродованный, он как нельзя больше походил на тех страшных колдунов, о которых в детстве он так любил слушать рассказы старухи Кенги.

Вот-вот должно было наступить лето, и Каррис планировал направиться в Латион. Однако сейчас путешествие было бы ему не под силу – сперва нужно было залечить раны. Как ни прискорбно, но ему предстояло задержаться в Кинае ещё на несколько недель. К счастью, бывшие знакомцы Каладиуса не спешили возобновлять знакомства – то ли уважали его скорбь по утраченному ученику, то ли, что вернее, просто позабыли об экстравагантном маге в водовороте светской жизни. Так или иначе, но Каррис был страшно благодарен им за такое непостоянство.

Молодой маг не решался признаться самому себе, но в глубине души осознавал, что Шабриан прав. Уже сейчас ему хотелось получить пусть даже ту невеликую дозу, которой снабжал его дважды в день лекарь. Ему был необходим этот лёгкий дурман в голове, который притупляет то, что нужно притупить, и обостряет то, что требует обострения. Каррису действительно казалось, что под воздействием снадобья Шабриана его мысли становились более ясными, поскольку

не вились более вокруг непреходящей боли.

И хотя медикус всячески подчёркивал, что в составе его средства нет дурной травы, или бикутис батхис, как он предпочитал именовать это растение, но всё же было совершенно очевидно, что там присутствовали наркотические вещества. И это было именно то, что нужно для Карриса, который так и не пристрастился к спиртному. Отвлечься от боли и подумать о будущем.

Однако же он обещал Шабриану, да и самому себе, что не прикоснётся к наркотику. Помнится, когда мессир давал ему настой дурной травы после порки, то сказал что-то вроде того, что это был первый и последний раз в жизни юного Олни. Мессир ошибся. Впрочем, это была не единственная, и уж точно не самая страшная из его ошибок.

И всё же Каррис твёрдо решил следовать разумному совету лекаря и больше не прибегать к услугам наркотиков. Увы, но с каждым часом решимость его становилась всё слабее, уступая место неуверенности и слабости. Уже на следующий день, лишённый не только спасительного болеутоляющего, но и благотворного общества Шабриана, волшебник начал понемногу сходить с ума от назойливого, словно зуд заживающей кожи, желания вернуться в благословенное состояние лёгкого дурмана.

Следующий день дался ещё тяжелее предыдущего. Каррис почти не притрагивался к еде, все его мысли сейчас, казалось, были сфокусированы в одну точку. Он лежал на кро-

вати – одетый и даже обутый, впад в какую-то прострацию, подтачивающую его волю. Лишь одна мысль билась сейчас в сжавшемся до размеров точки разуме.

Кажется, разум Карриса уже начал пытаться вступать в какие-то соглашения с его волей. Лицо, казалось, горело пуще прежнего, боль, перемешавшись с зудом, поглотила мага всего, без остатка. Может быть, это было следствием того, что окончательно прекратилось действие снадобья, которое он получал у Шабриана, но также это могли быть и фантомные боли. Возможно, именно таким образом организм Карриса пытался выклянчить новую дозу.

В эту ночь молодой человек не сомкнул глаз. Он то метался по широченной кровати, то замирал на долгое время, уставившись в одну точку, словно окоченевший труп. Постель была мокрой от его пота. Каррис то скидывал с себя одеяло, изнывая от внезапного жара, то в следующее мгновение уже тянул его на себя до самого подбородка, стуча зубами от неожиданного озноба.

Минувшие два дня казались ему бесконечными, и ужас сковывал сердце при одной мысли о том, сколько ещё впереди будет таких дней. Каррис бессильно хныкал без слёз, изнывая от жалости к самому себе. Едва лишь забрезжил рассвет, он кое-как поднялся, весь измученный, кряхтящий от ломоты во всём теле, и тихонько выскользнул на улицу. Он обещал Шабриану, что в подобном случае он сразу же направится к нему. Но он отправился к порту, в уже знакомый

ему переулок.

Торговца и его подручного на месте не было – вероятно, для подобных личностей было ещё слишком рано. Но Карриса это не слишком смутило. Он направился в переулок и что есть сил заколотил по ставню. Он очень рисковал в этот момент – за подобную вольность его могли бы и убить, но магу сейчас было наплевать на всё.

Через некоторое время ставень слегка приоткрылся и в нём мелькнуло заспанное лицо старухи, покрытое крупными бородавками. Видимо, здесь привыкли к нетерпеливым клиентам, потому что старуха хотя и заворчала, но всё же спросила, чего нужно.

– Настой... – прохрипел Каррис.

– Деньги вперёд, – чувствуя себя относительно защищённой ставнем, каркнула старая карга.

Трясушимися руками Каррис развязал кошель и высыпал несколько монет на ладонь, даже не заметив, что одна или две шлёпнулись в грязь переулка, чтобы в скором будущем ненадолго осчастливить какого-нибудь доходягу. Затем он неловко ссыпал серебро в покрытую пятнами ладонь старухи, уронив ещё одну монету. И вновь он даже не сделал движения, чтобы её поднять.

Торговка на некоторое время исчезла, но вскоре появилась, держа в руке заветный флакончик. Ехидно ухмыляясь редкозубым ртом, она протянула его Каррису и тут же полностью захлопнула ставень. Молодой маг, больше похожий

сейчас на последнего из бродяг, зубами выдернул кусочек скверного воска, которым была запечатана склянка, и прямо тут же, припав спиной к небелёной стене, сделал глоток.

Вскоре давящие границы мира стали понемногу отползать назад, возвращаясь к своим привычным горизонтам. Даже день будто бы посветлел и наполнился красками. Боль отступила, впуская другие чувства и ощущения. И это было настолько прекрасно, что слёзы навернулись на глаза.

Каррис взглянул на склянку. Там осталось не больше, чем на два-три глотка, а это значило, что завтра, или, в крайнем случае, послезавтра ему вновь придётся наведаться в этот воющий проулок. Осознав это, он вновь требовательно застучал в ставень. На этот раз старушечье лицо появилось быстрее. Не говоря ни слова, Каррис вытряхнул на ладонь всё содержимое своего кошелька.

Он понятия не имел, сколько там денег. Сейчас он не смог бы сосчитать номиналы монет, даже если бы очень этого захотел. Но ему этого и не хотелось. Он ссыпал всё в шершавую морщинистую ладонь и произнёс лишь:

– На все.

На мгновение глаза торговли сверкнули алчным светом, она торопливо втянула внутрь руку, полную серебра, и исчезла во мраке своей зловонной дыры. Через некоторое время она, приоткрыв ставень чуть больше, вытащила полупинтовую²⁹ бутылку. Увы, но жидкости в ней было едва ли на

²⁹ Пинта – мера измерения объёма жидкостей, равная приблизительно 0,6 лит-

треть, но и этого количества хватило бы на пару недель. Совершенно осчастливленный Каррис зашагал обратно, улыбаясь этому новому приветливому миру.

Каррис был наркоманом, и это отметил бы уже всякий, кто его увидел. От нюхальщиков кашаха он отличался лишь более адекватным поведением. Дурная трава вообще, в отличие от того же кашаха, обычно умиротворяла людей, делая их счастливее, пусть счастье это и было всего лишь наркотической иллюзией. Те, кто сидел на кашахе, обычно бывали очень агрессивны, или же тупели почти до скотского состояния.

Однако же пристрастие Карриса влияло на него весьма пагубно. Он очень осунулся, в том числе и оттого, что стал мало и нерегулярно есть. Большую часть дня он проводил в наркотическом дурмане, в мире эйфорических грёз. Это не значит, что он лежал в постели, уставившись в потолок. Напротив, он зачастую ощущал необычайный прилив энергии, хватался за книги. Однако через какое-то время неизменно был вынужден признать, что смысл написанного постоянно ускользает от него, а те немногие крохи, что проникали в сознание, вскоре забывались. Причём каждый раз мага не покидало ощущение, что он понял нечто важное, но не смог это удержать.

Дни превратились в одну сплошную череду, разделяемую лишь приёмами отвара. Каррис лишь приблизительно мог определить количество прошедших дней по объёму содержимого бутылки. Но это нисколько не беспокоило – напротив, юноша упорно затыкал все бреши в стене, воздвигнутой дурной травой. Иногда в нём начинали шевелиться мысли прежнего Карриса, призывающие что-то делать со сложившимся положением, но этот, новый Каррис давил из безжалостно, словно личинок. Падать было так легко, и так приятно!

Иной раз молодой маг говорил себе, что ему просто необходим отдых. Что сейчас ему важно справиться с болью физической и духовной, а потом он, отдохнувший и обновлённый, вновь вернётся к своей нелёгкой жизни, к своему пути. Он отмахивался подобными отговорками всякий раз, когда у него возникали проблески сознания. Он не ставил каких-то конкретных сроков, не проводил определённой черты, словно боясь поймать себя самого на лжи. Главное – убеждал он себя – однажды я остановлюсь.

Прошло несколько недель. Каррис уже дважды ходил, чтобы возобновить запас зелья. Он всё больше терял связь с реальностью, и это могло вскоре привести к серьёзным проблемам. Кажется, владельцы его апартаментов становились всё обеспокоенней в отношении своего жильца, хотя тот по-прежнему исправно платил за обе комнаты, несмотря на то, что одна из них пустовала. Его терпели, потому что он не дебоширил, да и вообще был практически незаметен. Однако

его образ жизни совершенно не соответствовал представлениям об образе жизни жильцов подобных апартаментов, так что то, когда его попросят на выход, оставалось лишь вопросом времени.

Каррис всё ещё не испытывал недостатка в средствах. Каладиус, привыкший жить на широкую ногу, хранил весьма приличный запас денег в квартире, да и сам бывший ученик мага накопил неплохой капитал. Увы, отныне доступ к кажущемуся неисчерпаемым счёту Каладиуса был закрыт, но в ближайшие месяцы это не должно было стать проблемой. Даже при таком образе жизни Каррис вполне безбедно мог бы существовать полгода, а то и больше.

Но вопрос денег совершенно не волновал молодого человека. Его уже хорошо знали в переулке, благо трудно было спутать его ошпаренное лицо с каким-то другим. И он был весьма желанным клиентом, поскольку никогда не считал деньги. Было совершенно очевидным, что и мерзкая старуха, и все её подельники неплохо наваривались на каждом визите Карриса.

Так прошла большая часть лета. Каррис медленно умирал, но находился в блаженном неведении относительно этого. Некому было схватить его за руку, некому было отхлестать его по щекам и окунуть в бочку с водой. Однажды, спустя примерно пару недель после расставания, к нему наведался мэтр Шабриан. Слуга доложил волшебнику о визите лекаря, но тот, ненадолго задумавшись, велел передать, что

его нет дома. Вероятно, медикус расспрашивал слугу о состоянии жильца, а потому обо всём догадался. Так или иначе, но больше он уже не возвращался.

Падение же Карриса всё ускорялось. Теперь бутылка, которой раньше хватило бы на пару недель, заканчивалась меньше чем за неделю. Маг всё больше терял связь с реальностью, погружаясь во всё новые глубины разверзающейся перед ним бездны. Кажется, ему уже никто не мог бы помочь...

Перина промялась под весом – кто-то бесцеремонно плюхнулся на кровать. Лежащий на ней Каррис нехотя открыл глаз – боль усиливалась, и нужно было бы уже принять новую порцию лекарства, но совершенно не хотелось шевелиться. Да, так и есть – на кровати кто-то сидел. В комнате было ещё достаточно светло – лучи заходящего солнца пробивались между небрежно задёрнутыми шторами, однако затуманенный наркотиком взгляд с трудом фокусировался на странном объекте.

– Очнулся? – насмешливо произнёс странный объект до боли знакомым голосом.

– Это вы? – Каррис довольно вяло попытался приподняться, но в нынешнем состоянии он столь же вяло отреагировал бы и на ушат кипятка.

– А кто же ещё? – всё с той же усмешкой отвечал гость.

– Что вы тут делаете?..

– Вообще-то это моя постель. Так что это мне следовало спросить тебя о том же.

– У меня галлюцинация... – Каррис плотно зажмурился, стиснув зубы, а затем вновь открыл глаза. Человек по-прежнему сидел на кровати на расстоянии чуть больше вытянутой руки.

– С чего вдруг такой вывод? – был ли гость галлюцинацией или нет, но он откровенно потешался над несчастным наркоманом.

– Вы мертвы...

– Похоже, ты слил остатки мозгов в нужник, мессир Каррис, коль позабыл главный закон Сферы – мёртвое не может воскреснуть. Я здесь, следовательно, я не мёртв.

– Это галлюцинация, – вновь повторил Каррис, пытаясь, главным образом, убедить себя самого. – Я просто перебрал с настоем. Вы не можете быть здесь, ведь я убил вас.

– А может быть, ты ошибся? – ухмыльнулся Каладиус. – А что если ты по ошибке убил себя, а не меня?

Каррис не понял, что произошло. Возможно, он моргнул, хотя ему казалось, что глаза его всё ещё расширены от удивления и беспокойства. Однако же тот, кто ещё мгновение назад был Каладиусом, вдруг словно превратился в его собственное отражение. Одежда не изменилась, но лицо теперь было определённо его собственным. От этого внезапно подступила тошнота.

– Так-то, мессир Каррис. Или лучше обращаться к тебе

«мессир Каладиус», а? И коль уж ты такой непревзойдённый логик, то ответь: кто же из нас умер, если Каладиус жив?

– Мне просто нужно проснуться... – жалобно пробормотал Каррис, чувствуя, что по лбу струится холодный пот. – Это галлюцинация.

– Что ты ухватился за это слово, как тонущий за ветку? – поморщился Каладиус. – Почему бы вместо этого не поболтать со своим учителем, не предложить ему вина? Хотя откуда у тебя взяться вину?.. – брезгливо выпятил губу маг, глядя на мутноватую бутылку, четверть которой была заполнена настоем. – И всё-таки я плохо учил тебя, мессир Каррис. Похоже, ты забыл, что ещё в нашу первую встречу я предостерегал тебя от дурной травы.

– Это моё обезболивающее средство, – в голосе Карриса внезапно прозвучали оправдывающиеся нотки.

– Тебе не кажется, что ты несколько злоупотребил им, если у тебя, по твоим же собственным словам, уже начались галлюцинации?

– Как только раны заживут, я прекращу. А пока же мне слишком больно без снадобья.

– Прошло уже больше трёх месяцев, – фыркнул Каладиус. – Ожоги давно затянулись. Вся твоя боль – лишь в твоей голове. Она лишь оправдание для этого, – и он небрежно кивнул на бутылку с настоем.

– Вам-то какое дело? – неловко огрызнулся Каррис.

– Ты – всё, что осталось от меня, сопляк, и ты ещё спра-

шиваешь, какое мне до всего этого дело? – всё насмешливое благодущие как ветром сдуло с потемневшего лица мессира. – Да мне хочется выдавить пальцами твои глаза, когда я вижу, во что ты превратился! Помнишь, мессир Каррис, как мы мечтали стать величайшими магами мира? Как хотели держать в своих руках нити судеб целых народов? Так вот, даже в тот день, когда тебя пороли розгами во дворе моего кузена за пару украденных куриц, ты не был так далёк от этого как теперь! Потому что тогда ты был всего лишь деревенским пастушком, а теперь ты – просто ничтожество!

Каррис не знал, что ему делать. Он лежал, закрыв глаза, и хотел утонуть в перине, раствориться в ней, лишь бы оказаться подальше от мессира. Часть его рассудка, кажется, понимала, что тот был лишь плодом его воспалённого воображения, но сейчас он казался таким реальным.

– Простите... – неожиданно для самого себя вдруг пискнул он, несмело открывая глаза. – Простите меня, мессир... За всё...

– Только если ты возьмёшь себя за шкуру и вытащишь из этого болота, парень. Ты давно уже вырос из Олни Стайка, и довольно давно перерос Карриса. Каладиус – это то, кем тебе суждено было стать. А мне было суждено стать тем, кто откроет тебе эту дорогу. Лишь так я могу войти в историю, и раздери меня все демоны преисподней, если я позволю тебе это испортить!

– Но взяв ваше имя, я взвалил на себя весь этот груз...

Что мне делать с ним? Мне кажется, я выбрал неверное решение...

– Выбери другое, – пожал плечами Каладиус. – Я, конечно, буду разочарован, но это пустяки в сравнении с падением со скалы.

Удивительно, но он сказал это как-то просто, без малейшего упрёка, словно о чём-то незначительном. Так, что Каррис почти не почувствовал укола совести.

– Но у меня есть бумаги только для Карриса и Каладиуса... А Каррис официально мёртв...

– Умоляю! – фыркнул мессир. – Да что это значит? Что это за официальность такая? Чем это зафиксировано? Одной из тысяч строчек в огромной книге магистрата Киная? Ты жив для всего мира, парень, кроме небольшой кучки людей с короткой памятью. Езжай в Латион, как собирался, и там никто никогда не узнает о том, что Каррис сгорел при пожаре. Да даже если ты через год вернёшься сюда, я думаю, никто не вспомнит эту историю!

– Вы думаете?..

– Я знаю. Коль у тебя кишка тонка для того, чтобы быть Каладиусом – оставайся Каррисом. С твоими талантами ты легко найдёшь наставника из Академии, а там уж недолго и до диплома.

– Спасибо, мессир... – просипел Каррис, чувствуя, что у него перехватывает горло.

– Ладно тебе! – махнул рукой Каладиус, вставая. – Быть

первым учителем легендарного волшебника тоже неплохо. Смотри, не забудь поминать моё имя при случае!

– Никогда! – с юношеским пылом воскликнул Каррис, чувствуя, что по изрубцованной щеке побежала слезинка. – Я всегда буду помнить вас, мессир!

– Ты употребил сразу два одновременно самых смешных и самых трагичных слова в человеческом языке, парень, – усмехнулся Каладиус. – Живым практически не дано целиком постичь смысл слов «никогда» и «всегда». Они употребляют их часто, и почти всегда не к месту. Но ты юн, и пока что тебе это простительно. Ладно, рад был с тобой поболтать, но мне, пожалуй, уже пора.

– Мессир! – окликнул его Каррис, когда маг уже стоял на пороге. Каладиус остановился и насмешливо поглядел на бывшего ученика, словно зная наперёд, что ему нужно. – Мессир, последний вопрос... Скажите, а умирать больно?..

– Что я могу знать об этом, парень, ведь я – всего лишь галлюцинация, – блеснув зубами, ухмыльнулся Каладиус и вышел. Через дверь, как делают все люди.

В густых сумерках, предвещавших безлунную ночь, в порту можно было разглядеть странную фигуру. Несчастливого необычайно трясло – то ли от тяжкой болезни, то ли, что вернее, от тяжкого похмелья. Он подходил к матросам, что-то спрашивая у них, но многие с явным отвращением отшаты-

вались, едва лишь видели его лицо. Наконец обессилевший бедолага сделал то, с чего, пожалуй, следовало бы начать – подозвал мальчишку, одного из тех, что всё ещё слонялись по порту, несмотря на быстро сгущающуюся тьму, и что-то пробормотал ему, сунув в руку монету.

Паренёк кивнул и стрелой помчался вдоль причалов, приставая к морякам с расспросами вместо своего нанимателя. Некоторые моряки гнали парня взашей, но тот не отчаивался. И через некоторое время нашёл то, что искал. Быстро вернувшись к трясущемуся человеку, который сидел на бухте старого каната и, похоже, чувствовал себя совсем скверно. Тем не менее он поковылял вслед за мальчишкой к небольшому кораблику, уже готовившемуся отплыть, пользуясь отливом.

Всего несколько слов и звон небольшого кошелька – и человек неуклюже взобрался по трапу, а менее чем через полчаса корабль, подняв паруса на своей единственной мачте, отошёл от причала, унося из Киная то ли мессира Карриса, то ли мессира Каладиуса.

Глава 19. Латион

«Кавел», небольшой и неказистый одномачтовый шлюп, направлялся в Шербан – довольно крупный город, лежащий на побережье Калуйского моря и известный на весь мир производством знаменитых саррассанских шелков. Естественно, пункт назначения был неслучаен – именно шёлк был основным товаром, который перевозило судно.

На судне была одна единственная каюта, предназначавшаяся для капитана, а остальной небольшой экипаж ютился прямо в трюме. Именно эту единственную каюту и занял странный пассажир, невесть откуда взявшийся. Шкипер не слишком-то хотел брать кого-либо на борт – «Кавел» не был предназначен для этого, но деньги, не просто обещанные, а тут же уплаченные типом с искорёженным лицом, изменили его взгляды. Похоже, этому человеку просто позарез было необходимо как можно скорее вырваться из Киная, так что он ухватился за первую же подвернувшуюся оказию.

Шкипер подозревал, что у незнакомца были нелады с законом, но эта была одна из тех вещей, что практически его не занимали. Деньги есть деньги, а хорошие деньги – это всегда хорошие деньги. Кроме того, находчивый капитан утешал себя мыслью, что в любом случае оказывает родине услугу, увозя возможного преступника в Саррассу, где тот, вполне вероятно, рано или поздно закончит свои дни в подвесной

клетке на городской площади.

Было заметно, что неожиданный пассажир не в себе. Он трясся так, будто находился среди тайтановых льдов. Капитан сперва решил, что тот очень болен, но затем понял, что это, скорее всего, то ли весьма жёсткое похмелье, то ли наркотическая ломка. Тем не менее, он без особых проблем согласился уступить свою каюту за дополнительную плату, и пообещал, что туда никто не войдёт без дозволения. Пассажир попросил высадить его в порту Шатра, и поскольку это было по пути, шкиперу было нечего возразить.

«Кавел» шёл почти порожняком – лишь несколько небольших тюков в трюме. Капитан полагал, что скорость, которую он приобретёт, компенсирует упущенную выгоду. Он уже очень давно ходил этим маршрутом, о чём свидетельствовала соль, выступившая на швах и сгибах его морской куртки, так что его опыту в данных делах вполне можно было доверять.

Что касается незнакомца, то весь его багаж составлял довольно небольшой свёрток. Капитан не знал, да и не интересовался тем, что находится в этом свёртке, но поскольку нам этот странный пассажир знаком куда лучше, мы вполне можем заглянуть туда. На самом деле, кроме внушительно-го мешка с серебром, бритвы и свёрнутого плаща там было лишь две книги – «Магия граней» и трактат по геометрии.

Как мы видим, Каррис оставил в Кинае практически все свои книги – свои главные сокровища, причём даже не на-

десять однажды вернуться. Это было продиктовано стремительностью его отъезда. Едва лишь придя в себя после своего видения, он, потратив на сборы не больше четверти часа, выбрался из особняка и направился напрямик в порт. Перед этим он предусмотрительно выбросил бутылку с остатками настоя в унитаз, словно опасаясь, что решимость может оставить его.

Как мы знаем, он нашёл первый же попавшийся корабль, уходящий в Саррасту. Для него главным было то, как скоро отчалит судно, опять же потому, что он не доверял более своей воле. Наконец-то он сумел честно признаться себе, что не может справиться со своим пристрастием, а потому единственным способом было бегство. Корабль представлялся для этого отличным средством.

Почему Каррис выбрал именно Саррасту, а не Палатий? Дело в том, что отношения между северным королевством и Латионом по-прежнему оставались весьма натянутыми, если так можно охарактеризовать вялотекущую войну. А вот по Великой имперской дороге, несмотря на вечную антилатионскую риторику империи, шёл нескончаемый поток торговцев, так что добраться до Латиона не представляло никакого труда.

Не доверяя больше самому себе, чем семи или восьми матросам шлюпа, Каррис просил капитана, чтобы без его личного дозволения никто не мог входить в каюту или общаться с пассажиром. Среди моряков было немало куриль-

щиков дурной травы, и волшебник боялся не справиться с соблазном. Поэтому матрос, который прислуживал ему во время плавания, обычно входил в каюту под надзором шкипера.

Дважды в день ему приносили непритязательную еду, однако в первые дни Каррис практически не ел. Более того, несчастному матросу то и дело приходилось трудиться шваброй – пассажира мучительно рвало, причём через некоторое время, когда скудное содержимое желудка было уже исторгнуто, рот мага то и дело заполняла горькая тягучая слюна, которую он спазматически отхаркивал на пол.

Кажется, никогда ещё Каррису не было так плохо, как теперь. Временами ему казалось, что он умирает, а временами хотелось бы, чтобы он умер. Он завывал так, что у привычных, казалось бы, ко всему матросов мороз продирает по коже, когда они слышали эти глухие звуки, доносящиеся из каюты во всякое время суток.

По особому распоряжению Карриса всякий раз, когда «Кавел» приставал к берегу, дабы пополнить запасы, матросы подпирали дверь каюты снаружи чем-нибудь тяжёлым, чтобы пассажир не мог выйти. Однако стоянок было не так много – шкипер спешил как можно скорее добраться до места.

Именно благодаря этой гонке, а также тому, что судно было куда проворнее, чем могло показаться по его внешнему виду, уже на тринадцатый день всё ещё не оправившийся

Каррис ступил на дощатый причал, залитый жгучим солнцем Саррассы. Перед ним лежал Золотой Шатёр – самый ненавистный из всех городов мира. Уже отсюда, с причала, чувствовалось его отвратительное зловоние.

Хотя его изломанное, измолотое, истёртое в мелкую труху тело молило лишь об одном – если уж не о дозе, так хотя бы о полноценном отдыхе в постели, которую не болтает во все стороны и от которой не пахнет сыростью – Каррис решил ни дня не задерживаться в Шатре. И дело было не только в том, что здесь дурную траву курили даже дети, поэтому достать её не составляло усилий, но ещё и потому, что это была своеобразная епитимья, наложенная магом на себя. Его слабость едва не стоила ему жизни, и теперь Каррис больше не собирался быть слабым.

Он нанял извозчика, так как ему нужно было попасть на Великую имперскую дорогу, особо оговорив, чтобы тот не вздумал ехать через город. Извозчика не нужно было долго упрашивать – окружной путь сулил большой барыш. Каррис, кряхтя, кое-как устроился в неудобной коляске, словно сплетённой из какого-то тростника, и понурая лошадь, всхрапывая от одуряющей жары, неспеша побрела по пыльной дороге.

Почти две недели пыток дорого стоили Каррису. Он превратился в ходячий скелет, что вкуче с обезображенным лицом делало его весьма зловещим. Сейчас неизбывная жажда настоя понемногу стала отступать, но тело по-прежнему

требовало этого сгущённого до жидкого состояния счастья. Ежедневная тошнота уже сделалась привычным его спутником, равно как и головная боль, терзающая мозг в районе лба и висков. Наверное, когда-то ему действительно было бы достаточно двух недель, чтобы излечиться от зависимости, но теперь на это требовалось значительно больше времени.

Золотой Шатёр – очень большой город, куда больше Киная. Повозка ехала почти три часа, а по левую сторону в некотором отдалении всё так же были плотно настроены многочисленные хибары, среди которых тут и там возвышались дома побогаче, а знаменитый Койфар всё также нависал над ними со всеми своими роскошными дворцами и храмами. Уже дважды Каррис просил остановить лошадь, и его мучительно, но необильно рвало на обочину. Даже дышать было тяжело этим спёкшимся до состояния песка воздухом.

Вскоре Каррису стало казаться, что ещё немного – и они таким образом вновь вернутся в Кидую, а ненавистный Шатёр всё никак не закончится, но богам наконец надоело испытывать его терпение. Прошло больше четырёх часов, когда скверно подкованные копыта лошади застучали по великолепной брусчатке Великой дороги.

Несмотря на довольно поздний час и быстро надвигающиеся сумерки, движение здесь было не менее, а может быть даже и более интенсивным, нежели днём. На самом деле довольно многие торговцы, особенно не из числа местных жителей, предпочитали в летнюю пору передвигаться в то вре-

мя, когда солнце не висит над горизонтом, сжигая всё дотла. Это было прекрасное зрелище – на многих повозках и экипажах зажигали фонари, и эта цепочка медленно бегущих огоньков уходила за горизонт.

Путешествовать по Великой имперской дороге – одно удовольствие, если не считать жаркого климата. Империя немало средств вкладывала в этот торговый путь, так что во всех местах дорога была в отличном состоянии, а вдоль неё едва ли не через каждые десять миль стояли уютные трактирчики, где путешественника всегда ждал стол и постель, а также почтовые станции, на которых можно было сменить лошадей, ежели имеющиеся были достаточно хороши, чтобы почтовый смотритель согласился обменять на них казённых животных.

Неподалёку расположился громадный постоялый двор – скорее небольшая деревенька. Несмотря на то, что уже почти стемнело, там гудела жизнь. Множество гостей либо останавливались на ночлег, либо, напротив, готовились выступить в путь. Здесь можно было в любое время нанять экипаж и извозчика, причём вполне недорого.

Маг, которому было очень плохо, отправил на поиски своего извозчика, сам оставшись в своей плетёной повозке, наслаждаясь намёком на прохладу, которую несло остывающее вечернее небо, и тем, что его хотя бы временно перестало болтать и укачивать. Минут через десять рядом остановился весьма приличный экипаж – достаточно большой, чтобы

можно было вполне комфортно лечь на диване внутри, хотя, конечно, вытянуться в полный рост такому долговязому человеку как Каррис было невозможно.

Щедро расплатившись со своим извозчиком, волшебник пересел в ожидавший его экипаж, который тут же пустился в путь. Увы, брусчатка дороги создавала весьма неприятную мелкую тряску, к которой нужно было ещё привыкнуть, поэтому Каррис попросил возницу ехать помедленнее. Впереди было ещё около двух недель пути до Сеала.

И всё же, несмотря на тряску, тысячи торговцев всех национальностей были благодарны правителям Саррассы за то, что они наконец завершили столь грандиозный проект как Великая имперская дорога. Всего каких-нибудь лет пятьдесят назад на этом месте был обычный тракт, хотя и весьма многолюдный. И лишь около тридцати лет назад дорога была полностью закончена. Богатая империя вложила в неё много денег, но не было и тени сомнений, что в скором времени все они вернутся сторицей.

Путешествие до Сеала было однообразным. Большую часть времени Каррис лежал на несколько потёртых подушках диванчика, стараясь не замечать мелкой дребезжащей тряски колёс по булыжникам брусчатки. Он понемногу приходил в себя, и не будь в экипаже так душно и жарко, наверное, сейчас ему было бы уже намного легче. Дурная трава всё ещё манила к себе, но теперь её зов был, по крайней мере, не столь повелительным как прежде.

Ел маг по-прежнему очень мало, довольствуясь на постоянных дворах той же пищей, которую ел и его возница. Он словно потерял вкус и обоняние – вся еда казалась ему однообразной и безвкусной. Наверное, сейчас он с одинаковым аппетитом жевал бы и изысканное жаркое из куропатки, и конский навоз. Поэтому не было особенного смысла раскошелиться на кулинарные изыски. То же самое касалось и постели – после многих часов, проведённых в скрюченном положении внутри экипажа, практически любая кровать, на которой можно было бы вытянуться в полный рост, казалась королевским ложем. Кроме того, в постоянных дворах вдоль Великой дороги было чисто и ухоженно, так что никаких клопов и прочих проклятий путешественников тут не наблюдалось.

Останавливались обычно раз в день часов на восемь, в самый солнцепёк. В это время лошадь отдыхала от палящего солнца под навесом очередного трактира, пережёвывая отличный овёс, а возница, поев, тут же отправлялся спать. Каррис же запирался в своей комнате и часто лежал без сна едва ли не всё отведённое время, просто глядя в потолок. За многие недели он ни разу так и не открыл ни одной книги. Сковывающая его апатия всё ещё не была преодолена окончательно, хоть он и прилагал к этому некоторые усилия. Так продолжалось до вечера. Потом возница, проснувшись и максимально плотно поужинав, выгонял экипаж, и они вновь катили на север.

Наконец добрались до Сеала – небольшого городка на берегу озера Прианон. Город гудел как потревоженный улей – он жил исключительно за счёт прибывавших сюда купцов, поэтому каждый старался выжать из них все соки. Торговцы всех мастей, менялы, шулеры и шлюхи – они облепляли приезжих словно комариный рой, и, так же как комары, пытались выпить всю кровь, хоть и в переносном смысле.

Это был город греха, и в этом он был чем-то похож на пунтский Найр. Однако если в Найре грех был, если можно так сказать, изысканным, изощрённым почти до возвышенности, то здесь всё было куда обыденнее и проще, дабы соответствовать карману и, главное, прижимистости клиента. Но, во всяком случае, несмотря на то, что это была уже территория Латиона, здесь безо всяких помех можно было приобрести любой наркотик, включая кашах.

Каррис уже тысячу раз давал себе зарок, что более никогда не прикаснётся к дурной траве или прочим одурманивающим веществам за исключением, разве что, вина. Однако почти всякий раз он тут же мысленно усмехался, вспоминая слова мессира (или свои собственные?) о смысле слов «всегда» и «никогда». Он уже не был столь самоуверен, как когда-то, и, сорвавшись единожды в пропасть, теперь хорошо понимал, как легко угодить туда вновь.

Именно поэтому он наглухо задрапировал окна своего экипажа, приказав вознице кнутом отгонять любого излишне назойливого желающего предложить ему какой бы то ни

было товар. Добравшись до причала, он, как обычно, послал своего кучера подыскать ему место на каком-нибудь судёнышке, что вот-вот готовилось отплыть в Латион. Главное, чтобы на нём было хоть какое-то подобие каюты.

И вновь ему не пришлось ждать слишком долго. Какой-то купец, который собирался отправляться на следующий день, готов был поднять паруса и сейчас ради возможности подзаработать. У него был неплохой ботик с настоящей каютой, надстроенной на палубе, которую купец без колебаний согласился уступить нечаянному пассажиру. Благо, ещё не кончился увиллий, так что можно было надеяться добраться до Латиона без дождей. В крайнем случае, всегда можно было бы переночевать в одной из множества деревень вдоль Труона.

В общем, не прошло и часа, как Каррис отплыл от берега через воды озера Прианон. Здесь измученный маг едва ли не впервые изменил своему принципу не высовываться из экипажа или каюты. Наслышанный, и много читавший о красотах Прианона, он не мог просто забиться в тесный деревянный ящик. Он остался на палубе во время отплытия и был награждён видом великолепнейшего заката, растворяющегося в хрустальных водах величественного озера.

В целом озеро Прианон произвело на молодого волшебника неизгладимое впечатление. Он уже много раз плавал по океанам, но всегда – в виду берега, и теперь он впервые оказался в настоящем царстве воды. Куда ни глянь – она была

езде, до самого горизонта. Прозрачность воды просто потрясала – в большинстве мест озеро было не глубже двадцати футов, и при ярком солнечном свете зачарованно склонившийся над низким бортом Каррис мог даже разглядеть дно и множество водных обитателей. Где-то, на куда больших глубинах бились многочисленные ключи, питающие всё это громадное великолепие, но их маг, конечно же, видеть не мог.

Многие называли озеро Прианон волшебным и исцеляющим. Может быть, в нём действительно было нечто – какая-то душа, но не такая недобрая, как в его сводном брате – озере Симмер, а душа возвышенная, склонная к созерцанию и созиданию. Испокон веков берега Прианона заселяли лирры, хотя теперь их уже было не так много, как в прежние времена. Быть может, именно их сущность древнего народа и передалась водам этого озера.

Так или иначе, но за те пару дней, что длился их переход к истоку Труона, Каррис значительно воспрял духом, словно подпитываясь этой энергией. Впервые с того дня, как он сел на корабль в Кинае, он чувствовал себя почти сносно. Тошнота прошла, исчезли изнуряющая слабость и головная боль, почти не беспокоило лицо. То и дело он ловил себя на щемящей мысли о том, как было бы славно навеки поселиться здесь, на одном из берегов благословенного озера, и прожить жизнь честным трудом рыболова, каждый день любясь красотами и впитывая порами кожи ту живительную силу, что

приостекала из этих светлых глубин.

Но всё это было лишь несбыточными мечтами. Честолюбие ли, или же некое призвание гнали будущего великого мага вперёд. Он чувствовал, он *знал*, что его судьба лежит там, впереди, вдали от этих прекрасных вод. Поэтому, как не очаровало его озеро Прианон, но сердце всё же сжалось в радостном предчувствии, когда вдали показались постройки, обозначавшие устье Труона.

Как все величайшие богатыри когда-то были маленькими детьми, так и могучий Труон когда-то был совсем небольшой речушкой в том месте, где он приостекал из вскормившего его озера. Когда-то, сотни лет назад, у самого устья его ширина составляла не более пятнадцати-двадцати футов. И лишь ниже по течению великая река постепенно прибавляла полноводности, впитывая в себя множество ручейков, текущих среди густых лесов, и превращалась в самую величественную из рек Паэтты.

Однако это было не по нраву людям, облюбовавшим этот путь как связующую ось между севером и югом. Когда-то купцам приходилось волоком тащить свои корабли по узкому и неглубокому месту, нанимая бурлаков. Но едва лишь Латион, оправившись от опустошающих Смутных дней, вновь возомнил себя величайшим королевством мира, он попытался приручить великую реку, подчинить её.

Торговые связи с Саррасой были слишком важны для молодого, набирающего силы королевства, поэтому много

средств и энергии было направлено на изменение истока Труона. Тысячи людей изнурительно трудились, расширяя и углубляя реку на протяжении более чем сорока миль. На это потребовалось время жизни нескольких поколений, но всё же работа была сделана, и теперь торговые судёнышки, пересекая Прианон, могли напрямик направляться сразу по реке, не останавливаясь и не тратя времени на перегрузку товаров. Даже здесь, в месте, где река встречалась с озером, её ширина составляла около двухсот пятидесяти футов, а глубина была не меньше семи футов, так что даже довольно крупные суда шли без риска сесть на мель.

Теперь впереди оставался последний этап путешествия. Не сходя с корабля, Каррис не более чем через две недели должен был оказаться в Латионе. Мимо него лениво проплывали пейзажи страны, в которую он так стремился. Они не слишком-то отличались от его родных мест, разве что деревушки были побогаче, да земля потучнее. Каждый вечер ботик приставал к одному из многих причалов, рядом с которым обязательно был неплохой постоялый двор, и там они ночевали до утра.

Похоже, Каррис действительно шёл на поправку. Его руки больше не дрожали, а взгляд перестал быть мутным и бессмысленным. Его уже не тошнило, а боль в обожжённом лице хоть и не исчезла до конца, но была не слишком-то заметной. Скорее это были некие неприятные ощущения, от которых легко можно было отвлечься. Каррис наконец вер-

нулся к «Магии граней», и мысли его уже не плясали как прежде. Теперь он вновь мог коротать время за чтением, а когда уставал – перед его взором в любой момент были виды берега, которые при всей своей кажущейся однообразности всегда могли одарить внимательного наблюдателя чем-то интересным.

И когда судно, мягко стукнувшись о сырые доски, пристало к причалу Латиона, Каррис был уже вполне готов к новой жизни. Он смотрел на город, который ему предстояло победить и которым предстояло править. Он сделал лишь первый шаг к цели, ступил на первую ступень высокой лестницы, но в эту секунду он очень собой гордился. Да, он оступился, но сумел не просто подняться, но и приблизиться к своему горизонту, который, как верил Каррис, со временем распахнётся, объяв собой и весь этот мир, и самые небеса.

Глава 20. Снова Каладиус

Город не впечатлил молодого мага. Район доков, где пристал его ботик, выглядел скорее как скопище складов – множество приземистых и длинных дощатых сооружений тянулось вдоль реки. И повсюду мельтешили люди – большей частью простые работники и грузчики. На вкус Карриса речные ворота в столицу одного из величайших королевств Паэтты можно было бы сделать и попрезентабельнее.

Совершенно не зная, куда идти, молодой человек отчего-то постеснялся выглядеть провинциалом и расспрашивать дорогу, и решил, что просто пойдёт куда глаза глядят. В конце концов, у него была уйма свободного времени. Так что Каррис, постаравшись придать всей своей фигуре как можно более независимый вид, зашагал вглубь этих шумных переулков, поминутно прижимаясь к дощатым стенам, чтобы пропустить очередного носильщика или телегу.

Вскоре он оказался в кварталах той части Латиона, которую жители упорно именовали Новым городом, несмотря на то что эти бывшие посады вошли в городскую черту несколько столетий назад. Это были, в основном, весьма небогатые кварталы, кое-где превращающиеся в откровенные трущобы. И всё же здесь было намного чище, чем в бедных кварталах Золотого Шатра, и эти улицы немногим отличались от окраин Киная.

Каррис довольно быстро сориентировался, да это и нетрудно было сделать – центр Латииона, именуемый, конечно же, Старым городом, найти было совсем несложно – его опоясывала старая крепостная стена, а над ней возвышались стрелы Арионновых храмов. Он тут же направился туда, ведь именно в стенах Старого города, как он знал, находится знаменитейшая Латиионская академия, где он, возможно, однажды станет полноправным студияюзусом.

Волшебник не спешил – он жадно смотрел по сторонам, впитывая виды незнакомого города, в который стремился так давно. Нельзя сказать, что он был потрясён или восхищён – пожалуй, Кинай всё же выглядел величественнее и монументальнее, однако же в груди Карриса трепетало какое-то необычное волнение, словно предвкушение чего-то особенного. Он словно предчувствовал, насколько тесно свяжется его судьба с судьбой этого города, и насколько великие дни ожидают его впереди.

Латиион был не так велик, как Кинай, но всё же достаточно велик, чтобы неокрепший ещё Каррис устал, дойдя до центра города. Возможно, он где-то заплутал, поскольку улицы были довольно извилисты и запутанны. Однако в конце концов он добрался до знаменитого Академического квартала.

Это было совершенно удивительное место, и уж точно другого такого не было ни в одном другом городе мира. Кварталы игорных домов – пожалуйста, кварталы борделей – сколько угодно, но так, чтобы отдать в центре города уча-

сток земли, который по периметру не обойдёшь, быть может, и за час, в полное и безраздельное властвование учёным и магам... Нечто подобное лишь однажды возникало в истории мира – город Шеар, великий город учёных Кидуанской империи. Но – увы! – этот город был мёртв уже давно, ещё со времён Смутных дней. Так что Латион в этом смысле был теперь единственным и неповторимым.

Это был один из самых малолюдных кварталов. Каррис брёл по отличной мостовой мимо величественных зданий, многие из которых насчитывали не одну сотню лет, и почти не встречал прохожих. Возможно, большинство обитателей Академического квартала корпели сейчас над своими пергаментами и фолиантами.

Собственно, это и была Латионская академия Высоких наук. Это было не одно здание, и даже не несколько. Весь Академический квартал и был самой Академией, где молодые студиозусы постигали вершины наук, а признанные мэтры трудились над расширением горизонтов. Каррису хотелось думать, что однажды и он станет одним из обитателей этого волшебного мира.

Однако для этого ему сперва нужно было заявить о себе. Никто не возьмёт в Академию парня с улицы, даже если он сможет доказать, что он – великий волшебник. Точнее говоря, никто не станет даже изучать его на предмет необычайных талантов. Подавляющее большинство воспитанников попадали сюда по протекции того, кто уже по праву но-

сил изменённое имя, заканчивающееся на «ус». Единственный знакомый Карриса с таким именем был уже мёртв, да и, говоря по правде, он и без этого мало чем мог пригодиться в этом деле.

А это значит, что пока молодому волшебнику нужно было покинуть это благословенное место и отправиться в места куда менее приятные. Каррис твёрдо решил записаться в армию, чтобы на полях сражений стяжать себе славу.

Надо сказать, что его нисколько не беспокоил тот факт, что армия Латииона вела войну с его родным Палатиём. Первую половину жизни он прожил в глухой деревушке, от которой Шинтан был едва ли не дальше, чем Латиион. Он никогда и ничего не видел от собственного государства, и, по сути, совсем никак не ассоциировал себя с ним. Что же касается второй половины жизни, то её он провёл в бесконечных странствованиях вокруг Паэтты, и в это время домом он называл одно единственное место – Кинай. Так что Каррис не считал нужным отказываться от перспектив ради некоего эфемерного патриотизма.

Однако сейчас он чувствовал, что ему необходимо отдохнуть несколько дней после утомительного путешествия и восстановить силы. Не обладая сибаритскими замашками своего учителя, он вполне довольствовался номером в весьма приличной гостинице «Гростав Великий», расположенной всего в нескольких минутах ходьбы от Академии. Познаний Карриса в истории королевства было недостаточно, что-

бы знать, кто этот Гростав, в честь которого назвали гостиницу, и был ли он действительно настолько велик, но сейчас его это и не беспокоило. Главное, чтобы номера были просторны, а постель – мягкая и чистая.

Два дня Каррис отлёживался, вознаграждая уставшее тело за недели жёстких подстилок и скверной еды. Но с некоторых пор он не мог уже доверять себе в полной мере, поэтому опасался, что каждый день праздности может дорого обернуться. Так что уже на третий день, когда ломота в мышцах более-менее прошла, он собрался и вышел из номера.

– Простите, мессир, но скоро конец летней кампании, и мы больше не набираем новобранцев, – почтительно, но твёрдо объявил центурион, стараясь не глядеть на покорёженное лицо соискателя.

– Но у вас перед входом висит приглашение, где указано, что набор осуществляется постоянно, – с явным огорчением проговорил сбитый с толку Каррис.

– Это касается лишь простых легионеров, мессир, – пояснил центурион. – Штат магов у нас укомплектован уже давно и практически не меняется. Может быть, в следующую кампанию откроется вакансия, – видя, что волшебник расстроен, поспешил добавить он. – Приходите весной, мессир... э... Каррис.

– Куда проще пойти на другой вербовочный пункт, – сухо

и с явным раздражением ответил маг. – Есть и другие легионы, которые не станут разбрасываться столь ценными соискателями.

– Воля ваша, мессир, да только вряд ли вы получите там иной ответ, – покачал головой центурион. – Скоро зима, часть легионов вернётся обратно, остальные будут расквартированы в Палатие. Боёв не будет, и никто не захочет платить жалование магу просто так. Я говорю это не затем, чтобы вас обидеть, мессир, – поспешно проговорил он, уловив гневный жест волшебника. – Напротив, мне очень хотелось бы помочь, и... избавить вас от бесполезной ходьбы по городу.

– Позвольте об этом мне беспокоиться самому, – резко бросил Каррис и, крутанувшись, вышел.

Однако, идя по улицам Нового города, он не мог не понимать, что центурион-вербовщик был прав. Кому нужен теперь, накануне осени, безвестный молодой маг? Да и после, когда наступит следующая весна, шансы, возможно, будут не так уж и высоки. Маги практически никогда не погибают на подобных войнах, ведущихся вполсилы. Разве что кому-то надоест романтика солдатской жизни, или найдётся местечко потеплее. Но какова вероятность того, что это произойдёт? Сколько месяцев или лет Каррису придётся ожидать?

Неожиданно нахлынула паника. Так резко и мощно, что он остановился как вкопанный, с трудом глотая воздух. Он почувствовал себя беззащитным. До этой минуты он был

уверен, что стоит ему только прибыть в Латион, и его тут же с распростёртыми объятями примут в первый же легион, куда он обратится. Подобного поворота он не ожидал. И теперь испугался перспективы оказаться в городе без работы. Причём пугало его не отсутствие источника доходов, поскольку недостатка в деньгах он пока не испытывал, а та самая праздность, которой он так опасался, поскольку уверенности в том, что тяга к настою окончательно побеждена, у него не было.

Нет, он должен, он *должен* попасть в армию во что бы то ни стало! Наверное, квартировать всю зиму в каком-нибудь забытом богами приграничном городке вроде Токкея тоже было удовольствием не из приятных, но всё же в представлении Карриса армейская служба в первую очередь ассоциировалась с дисциплиной. А это было именно то, что нужно.

Отдышавшись, Каррис побрёл дальше, не обращая внимания на настороженные взгляды прохожих, удивлённых странным поведением этого безобразного человека. Паника отступила, но страх остался. Он должен придумать выход! Будь на его месте сейчас мессир, он непременно придумал бы какую-нибудь нелепую и нахрапистую на первый взгляд аферу, но она наверняка сработала бы!

Мысли о Каладиусе внезапно натолкнули его на новую мысль. Он вновь остановился на мгновение, но не от нового приступа паники, а чтобы совладать с внезапным волнением. Он даже прижал к груди руку, пытаясь успокоить зако-

лотившееся сердце.

В тот день, когда он разговаривал с призраком мессира, он окончательно отказался от мысли присвоить себе его имя. Однако же он не сумел выбросить и бережно хранил бумагу, удостоверяющую личность Каладиуса – ту самую, которую ему выдал владелец «Прантона» много лет назад, ведь с тех пор ничего более весомого у них так и не появилось.

Каррис избавился от личности Каладиуса, как ныряльщик избавляется от тяжёлого камня, тянущего его ко дну, чтобы всплыть. Он избрал более простой путь ученика мага, поскольку это не сулило никаких проблем. Но сейчас он вдруг вновь подумал о имени великого мага, ведь двери, в которые безуспешно будет стучать ученик Каррис, вполне могут отвориться для мессира Каладиуса.

Быстрым шагом молодой человек направился в свою гостиницу. Ему нужно было крепко подумать над решением, которое без преувеличения должно было повлиять на всю его дальнейшую жизнь.

В номере он бережно достал из небольшого саквояжа сложенную вчетверо бумагу. Сургуч печати уже растрескался и кое-где обсыпался, чернила слегка выцвели, а в некоторых местах даже чуть расплылись, словно на них попала вода, да и сам пергамент порядком поистерся, но всё-таки в целом состояние её было вполне удовлетворительным.

Обхватив голову руками, Каррис долгое время сидел, вперив взгляд в имя Каладиуса, выведенное на пергаменте. Он

не шевелился, даже почти не моргал. Даже мысли его, казалось, замерли, превратившись в неподвижный сгусток в форме этих букв. Стоило ли ему взвалить вновь на себя этот страшный груз, взяв имя убитого им учителя, а вместе с ним – нераспутанный клубок небылиц, которых тот успел наплести?..

Он сидел так едва ли не час, впад в состояние, сходное с медитацией. Наконец громко треснула свеча – огарок почти оплыл и фитиль едва не упал, купаясь в лужице воска. Это вывело мага из глубокой задумчивости. Каррис тяжело вздохнул, словно на шею ему надели неподъёмное ярмо. Решение было принято. Он снова стал Каладиусом.

Запалив новую свечу от огарка старой, поскольку уже вечерело, и света в комнате не хватало, он стал бережно оправлять закатавшиеся и потрёпанные края бумаги, которая отныне должна была стать его удостоверением личности. Как ни пытался он уйти от этой судьбы – у него ничего не вышло.

– Добро пожаловать обратно, мессир, – с невесёлой усмешкой пробормотал он.

И вдруг лицо его на мгновение озарила лукавая насмешливая улыбка. Бредовая и безумная на первый взгляд идея смешливой искоркой промелькнула в глазах. Это было так, словно мессир Каладиус действительно вернулся, поскольку лишь его безграничный авантюризм способен был на подобные повороты.

Маг вглядывался в знаки, образующие число 901. Это был

тот самый год, который Каладиус выбрал для себя в качестве года рождения. Однако же знак, обозначающий цифру 9, был достаточно похож на знак, обозначающий цифру 7. Повозившись с пергаментом немного, Каррис мог бы без труда приписать к своему возрасту двести лет. И это одномоментно превратило бы его в птицу совсем иного полёта.

Конечно, даже для человеческих магов рубеж жизни в триста лет был не уникален, хотя большинство нечасто доживало и до двухсот. Тем не менее, история знала немало случаев, когда особо могущественные волшебники жили больше пятисот лет, так что возраст в триста лет вызывал необычайное почтение, но не удивление.

Надо сказать, что бесформенное лицо Карриса на долгое время утратило способность говорить о возрасте своего владельца – ему в равной мере можно было дать как тридцать, так и триста. Кроме того, после ожогов волосы, растущие на бороде, приобрели какой-то грязно-серый оттенок и стали редкими и тонкими. Поскольку скрести бритвой заживающую кожу он не мог, то обычно время от времени подрезал эти жалкие жидкие прядки. Но за время путешествия эта, с позволения сказать, борода заметно отросла. Тонкие безжизненные почти бесцветные волосы, редкими островками выбивающиеся из-под изрубцованной кожи, действительно очень старили Карриса.

В общем, всё играло ему на руку. Каррис усмехнулся.

– Если собираешься врать – ври со всего маху, – прогово-

рил он, подражая интонациям мессира. – Чем неправдоподобнее ложь, тем скорее в неё верят.

Действительно, проверить подлинность притязаний на окончание «ус» человека, которому не исполнилось ста лет, гораздо проще, чем у того, кому уже почти триста. Не так много живых свидетелей тех времён ходило по земле, и большей частью это были представители не людского племени, а это значит, что им было глубоко плевать на всё, что касалось людей. Да и подозрительные люди обычно подозревают ложь именно в том, что звучит как правда. Кроме того, не достигший ещё и тридцати лет Каррис всё равно в полной мере не мог бы сойти что за девяностолетнего, что за трёхсотлетнего.

Кликнув слугу, Каррис велел принести ему перо и чернила. Нужно было подделать знак, но так, чтобы это было незаметно. Недолго думая, маг достал другую бумагу – ту, что была выписана на имя Карриса, и принялся экспериментировать на ней. Он нещадно разбавлял чернила обычной водой из графина, что, наверное, вызвало бы ужас любого писаря, но в данной ситуации для него было чем хуже, тем лучше.

Ещё дважды он вызывал прислугу, требуя принести других чернил, потому что те, что были, никак не подходили по цвету, сколь не разбавляй их водой. Постепенно в Каррисе проснулся азарт, и он уже с интересом экспериментировал, вливая в чернила даже вино и смешивая их между собой. Удостоверение Карриса всё больше покрывалось чёрточка-

ми и крючками – словно горел последний мост, связывающий волшебника с прошлым.

Была уже глубокая ночь, но спать не хотелось совершенно. Было интересно, будто Каррис проводил научные опыты. В конце концов ему удалось достичь достаточно близкого эффекта – очередной росчерк на измаранной бумаге выглядел очень похоже на то, как выглядели символы, написанные много лет назад.

Теперь пришла очередь перочинного ножа. Каррис аккуратно соскоблил несколько лишних чёрточек, а затем уверенной рукой исправил 9 на 7. Получилось довольно похоже, но всё же было видно, что исправления вносились позже. Подождав, пока чернила высохнут, маг потёр бумагой о грубое шершавое сукно куртки, а затем, словно вдохновлённый художник, подчиняясь какому-то наитию, плеснул на многострадальный пергамент розового вина.

Быстро стряхнув капли, чтобы бумага не пропиталась, он стал махать ею в воздухе, просушивая. Когда он через несколько минут взглянул на результат, то остался вполне доволен. Пятна вина внесли в рисунок каллиграфически выведенных символов определённый хаос. Старинные чернила уже не могли расплыться от подобного, но сама текстура бумаги и её цвет изменились, скрадывая все следы вмешательства.

Конечно, въедливый сыщик довольно быстро разоблачил бы фальшивку, но Каррис, конечно, постарался бы сделать

всё, чтобы этого не допустить. А в обычной ситуации – в плохо освещённых комнатухах с подслеповатыми клерками или рекрутёрами всё должно было сработать безупречно. Немаловажным, естественно, был и психологический момент, которым так умело пользовался Каладиус и которому необходимо было обучиться его наследнику. Мало кто осмелится вглядываться в письма в присутствии столь древнего и могучего мага!

– Что ж, мессир Каладиус, ваш выход! – любясь результатом, проговорил молодой авантюрист.

– Вы оказали нам великую честь, мессир, – центурион даже привстал, благоговейно разглядывая лежащую перед ним бумагу и не рискуя поднять глаза на обожжённое лицо могущественного старика. – И должен сказать, что вы обратились по адресу. Спросите любого, и всякий скажет вам, что Второй легион – лучший легион королевства! И смею заверить, что вам не будет стыдно за нас – наши бойцы всегда смело идут в бой и всегда добиваются желаемого. А при поддержке вашей светлости, уверен, мы сможем свернуть горы!

– Значит ли это, что я зачислен в легион? – стараясь говорить степенно и даже несколько сурово, спросил Каррис, хотя сердце его встрепенулось от радости.

– Боюсь, в круг моих обязанностей входит лишь рекрутирование солдат, но я готов поставить полугодовое жалование

против десятки³⁰, что легат Понтс без раздумий примет вас на службу! Увы, сейчас его нет на месте – он инспектирует зимние квартиры, поскольку наш легион будет расквартирован в Белли. Это такой городок на юге Палатия, может быть, вы о нём слышали. Сообщите мне ваш адрес, и мы немедленно пошлём вам весть, едва лишь легат Понтс вернётся. Это случится не позже чем через неделю.

– Думаю, к тому времени я найду себе место в другом легионе, – Каладиус сделал вид, что собирается уходить.

– Прошу вас, мессир! – взмолился центурион. – Поверьте, если бы я мог, я бы уже подписал приказ о вашем зачислении, но это не входит в мои полномочия. Я не могу нарушить субординацию, вы же понимаете! Но я хорошо знаю легата Понтса, и клянусь вам, что ваша служба во Втором легионе – дело уже решённое! Наш легион всегда на передовой, и если вы действительно хотите воевать, а не просиживать в тылу, мы – именно то, что вам нужно!

– Вы убедили меня, центурион, – благосклонно кивнул Каладиус и слегка улыбнулся, насколько позволяли обожжённые щеки. – Я поселился в гостинице «Гростав Великий». Там вы найдёте меня. Но берегитесь, если моё ожидание окажется напрасным!

³⁰ Десятка – мелкая железная монета Латииона, составляющая десятую часть доррина. Имеет полуофициальное хождение – железными деньгами запрещено уплачивать налоги, платить пошлины государству, да и многие купцы гнушаются принимать эти деньги. Железные монеты имеют хождение лишь в среде неимущих слоёв населения королевства.

– Клянусь вам, мессир, что лично приду, чтобы сообщить вам решение, и если оно окажется вам не по вкусу – вы сможете испепелить меня молнией! – центурион вроде бы улыбнулся, но всё же улыбка получилась чуть кривоватой.

– Пожалуй, так я и поступлю, – усмехнулся Каладиус, поднимаясь. – Вы отлично служите своему легиону, центурион! И для меня это – лучшая рекомендация. Надеюсь, скоро увидимся!

– Скоро увидимся, мессир! – заверил рекрутёр. – И добро пожаловать во Второй легион!

Глава 21. Армия

Белли оказался небольшим городком, настолько похожим на Токкей, что у Каладиуса слегка защемило в груди от лёгкой ностальгии, и это удивляло – до сих пор он не испытывал какого-то особого трепета от воспоминаний о далёком прошлом. Кроме того, теперь, когда он повидал величайшие города мира, он явственно видел то провинциальное убожество, которые некоторые считают романтическим и даже милым. Теперь он вполне понимал чувства необузданного Клайдия Сарاماги, которому волею судьбы пришлось прозябать в подобной дыре, хотя сам, чуждый богемной жизни и развлечениям, не слишком-то разделял их.

Маг медленно ехал на порядком уставшей лошади по плохо мощёным улицам городка в сопровождении двух легионеров. С дорогами здесь было едва ли не хуже, чем в родных местах Каладиуса, а последние дни лета в этих краях уже мало чем отличались от осени, поэтому проехать на коляске было бы весьма проблематично. Привыкший за долгие годы к более тёплому и мягкому климату, волшебник уже заметно устал от этой мелкой холодной мороси.

Накинутый на лицо капюшон скрывал от глаз прохожих его лицо, и Каладиус отметил, что горожане лишь мельком оглядывают проезжавшего человека из вражеской армии, не выказывая при этом никаких чувств, словно факт оккупации

родного города нисколько их не беспокоил. Эти дразги между соседними королевствами, длящиеся многие десятилетия без особого энтузиазма, когда мир мало чем отличается от войны, а война – от мира, стёрли взаимную ненависть двух народов, если она вообще когда-либо существовала.

Кажется, Палатий вполне смирился со своей участью вечно побеждённого и вечно покорённого государства. Войны с Латионом, как правило, всегда заканчивались ничем – за бессмысленными сражениями следовали столь же бессмысленные перемирия, когда государство-победитель не выказывало ни территориальных притязаний, ни желания влиять на внутреннюю политику. Южный сосед довольствовался контрибуциями – и только. Кажется, согласись Палатий на добровольные ежегодные выплаты – и война останется в прошлом. Но пока, судя по всему, в Шинтане, до которого вражеская армия никогда не добиралась, считали, что такие мелкие приграничные стычки дешевле регулярной дани.

Поэтому-то палатийцы, живущие на юге страны, с таким равнодушием воспринимали очередные экспансии Латииона. Здесь давным-давно поняли, что это – такой же элемент их повседневной жизни, как и сбор урожая, или же празднование арионнитских праздников. Жители городков вроде Белли настолько свыклись с присутствием латионцев, что зачастую в случае каких-либо проблем первым делом обращались именно к ним, а не к тем, кто изображал из себя местную власть.

Каладиус знал, что так было не всегда. В конце концов, именно предки нынешних палатийцев вкупе с келлийскими варварами и даже жителями северного Пунта когда-то давным-давно обрушили великую Кидуанскую империю. Что же случилось с этими суровыми северянами? Неужели есть хоть что-то общее между тогдашними дикими воинами, растоптавшими в пыль вековые камни Кидуи, и нынешними торгашами, оценивающие серебром даже свободу своей родины?

У волшебника была теория на этот счёт. Он полагал, что гордых некогда северян развратило именно серебро. Это не относилось ко всем жителям королевства – он сам видел достаточно суровых и неприхотливых людей вокруг себя, когда был юн. Эти люди таили в себе частичку той дикости, что привела Паэтту к Смутным дням. Но элита давно уже пала. Кажется, кто-то когда-то сказал, что чтобы подобрать серебро, нужно либо склониться, либо встать на колени. Похоже, с правителями Палатия и их окружением произошло именно это.

Нельзя сказать, что это сильно огорчало Каладиуса. В принципе, он никогда не ощущал себя палатийцем. В те годы, когда он был ещё Олни Стайком, он был просто грабковским – по названию его деревушки Грабки, ну а после того, как стал Каррисом, он и вовсе не ассоциировал себя ни с одной страной, даже с герцогством Кидуа, в котором проводил большую часть времени. И тем не менее сейчас он чувствовал некую горечь разочарования, думая о земляках, ведь что

ни говори, но его родная деревня находилась в каких-нибудь семидесяти-восемидесяти лигах отсюда.

Каладиус понимал, что его совсем не тянет в родные края. Он не поехал бы туда, даже представься ему такая возможность. Он не хотел больше никогда видеть эти унылые постройки с не менее унылыми их обитателями, и уж тем более не хотел видеть ни свою покосившуюся лачугу, которая теперь, должно быть, уже совсем обветшала и развалилась, ни холмик с подмытой дождями, упавшей каменной пирамидкой в виде единорожьего рога...

Выйдя из меланхоличной задумчивости, Каладиус встряхнулся. Дьявольская морось – она не только проникала под одежду, заставляя тело дрожать, но и наводила тоску. Скорей бы уж добраться до места!..

К счастью, город был невелик, и уже вскоре они въехали во двор довольно крупной для данных мест гостиницы, которую командование Второго легиона превратило в штаб-квартиру. Вероятно, хозяину перепало что-то из латионской казны, но компенсировало ли это все его убытки в полной мере – неизвестно. Впрочем, Каладиус был сейчас не в том настроении, чтобы скорбеть о доходах беллийских буржуа. Ему хотелось наконец поесть, а прежде всего – согреться и переодеться в сухую одежду. Да и от бокала подогретого вина он бы тоже не отказался. А после – постель, и чтобы часов десять его никто не беспокоил.

Центурион-вербовщик не лукавил – Второй легион дей-

ствительно был одним из немногих, которые практически в полном составе оставались квартировать в Палатие. Большинство других сейчас уже готовились к возвращению в Латион, оставляя на территории не до конца поверженного врага лишь отдельные vexillarii. Несколько дней находясь в пути в компании двух сопровождавших его легионеров, Каладиус успел оценить, сколь сильно те гордились принадлежностью ко Второму, почитая себя чем-то вроде элиты. Вполне возможно, подобное самовосхваление было присуще и другим легионам, но нельзя было не отметить, что в данном случае оно было вполне заслуженным.

Как мы уже знаем, легат Понтс, командующий легионом, находился всё-таки в Латиионе. Здесь, в Белли, его заместителем и правой рукой был центурион третьего ранга³¹ Норн Башас. Именно он и принимал неожиданного гостя и формального подчинённого.

– Великая и неожиданная честь для меня принимать столь прославленного мага, мессир Каладиус, – Башас вышел из-за стола и поспешил навстречу волшебнику. – Никогда ещё великие маги не устраивались в наш легион! Признаюсь, у меня тысяча вопросов, мессир, но сейчас, я вижу, вы промокли

³¹ Центурион третьего ранга – административная должность в армии Латииона. В отличие от просто центурионов (командующих центуриями) и центурионов второго ранга (командующих когортами), центурионы третьего ранга не имеют в непосредственном подчинении отдельных подразделений, а являются заместителями легатов. Как правило, в военное время каждый легат имеет в подчинении двух центурионов третьего ранга. В мирное время зачастую бывает лишь один.

и, должно быть, здорово продрогли, и я был бы дурным хозяином и отвратительным командиром, если бы не позволил вам первым делом привести себя в порядок. Вас проведут в вашу комнату во втором этаже. Туда же вам принесут сейчас поесть. Отдыхайте, мессир, а завтра поутру я соберу штаб и остальных магов для официального представления.

– Благодарю, господин Башас, – поклонился в ответ Каладиус. – Признаюсь, вы угадали – я дьявольски голоден и очень замёрз. Путешествие было прескверным, особенно для такого дряхлого старика как я. С благодарностью принимаю ваше щедрое предложение, поскольку, признаться, сейчас от меня было бы немного толку. Завтра я буду в вашем распоряжении.

Официальная часть представления Каладиуса была достаточно формальной и даже сухой. Единственным казусом стала заминка с командованием магическим подразделением. Сейчас эту должность замещал маг по имени Традиус – наиболее старший и опытный из семи имеющихся волшебников. Однако теперь появился трёхсотлетний Каладиус, который, по слухам и его собственным утверждениям обладал совершенно фантастической силой и мог работать с *возмущением* на самых глубоких и тонких уровнях, и на его фоне пятидесятичетырёхлетний маг чуть выше средней руки выглядел довольно блекло.

Заминку разрешил сам Каладиус. Он довольно быстро прервал запинаящегося и краснеющего Башаса, который подыскивал слова для замены Традиуса, четвёртый год командовавшего боевыми магами Второго легиона.

– Я вижу, к чему вы клоните, господин центурион, – предупредительно подняв руку, заговорил Каладиус. – И прошу избавить меня от должности командующего магами хотя бы на время. Я почти всю свою жизнь провёл в глуши, лишь изредка встречая пастухов и коз, поэтому не возьмусь командовать столь опытными и уважаемыми магами.

Башас благодарно кивнул и выдохнул с явным облегчением. Боевые маги были сущей напастью для командиров легионов. Формально они тоже были легионерами, и, соответственно, обязаны были подчиняться своему непосредственному начальству, но на практике же это были довольно своевольные люди, не признававшие власти «солдафонов». В таких случаях связующим звеном был командир магического подразделения, поэтому даже легаты старались не ссориться с ним. Что уж говорить о более низших чинах, которые едва ли не раболепствовали перед командиром волшебников.

Вскоре с официальной частью было покончено, и теперь Каладиусу предстояло выдержать более ответственное испытание – знакомство с настоящими магами. Мессир Традиус, как уже понятно из его имени, был выпускником Академии, остальные же были заметно моложе и пока ещё не заслужили громких имён. Скорее всего, они, так же как и ученик вели-

кого мага Каррис, хотели использовать службу в армии как трамплин.

Вообще именитые маги нечасто вступали в ряды легионеров – после окончания Академии они, как правило, получали тёплые местечки рядом с богатыми вельможами, содержащими волшебников не столько ради собственной безопасности, сколько из соображений престижа, либо же поступали на государственную службу, что зачастую могло приносить большие барыши, но всё же было более беспокойным делом. В армию шли лишь пресытившиеся романтики, которым наскучило ничегонеделанье и хотелось испытать свои силы в реальных условиях.

Таковым как раз был и мессир Традиус. Около десяти лет назад он получил заветный диплом, и вскоре уже по знакомству был устроен на непыльную должность архивариуса при Латионской академии. Однако всего через год он буквально сбежал оттуда, ощущая потребность в чём-то большем, чем простое перекладывание манускриптов с одной полки на другую. Так он через некоторое время оказался во Втором легионе, и вскоре возглавил небольшое подразделение магов.

Традиус был довольно полным весельчаком, выглядящим иной раз нарочито неопрятно – почему-то он полагал, что это подчёркивает его чудаковатую гениальность, которую считал присущей себе. Несмотря на свой почтенный по человеческим меркам возраст, Традиус выглядел весьма хорошо,

и ему на вид нельзя было бы дать больше тридцати. Впрочем, это было вполне характерно для магов, которых разрушительные процессы старения вообще затрагивали значительно меньше, чем простых смертных. И если Каладиус был вынужден постоянно ходить в тонких облегающих перчатках, чтобы скрыть свои руки, не соответствующие названному им возрасту, то Традиус, напротив, старался всячески подчеркнуть свежесть кожи, почти лишённой морщин, и свой здоровый цветущий вид.

Каладиус отметил, что мессир Традиус был, похоже, единственным из присутствовавших на представлении, кто не впал в благоговейный ступор перед великим магом. Самозванец пока ещё не понял, что было причиной этому – то ли несколько легкомысленный и неунывающий склад его характера, то ли самоуверенность. В любом случае, сейчас Каладиусу особенно нужен был если и не друг, то, во всяком случае, хороший приятель, который поможет адаптироваться к новой среде. И, похоже, Традиус отлично подходил на эту должность.

Шестеро юных магов застенчиво мялись у стены, не смея заговорить со своим новым сослуживцем. Казалось, возраст и статус новичка пригвоздил их к брёвнам. Традиус же, напротив, с явным интересом рассматривал лицо Каладиуса, но, по счастью, этот интерес выглядел вполне доброжелательным.

– Что же сподвигло вас, мессир, поступить на военную

службу? – наконец заговорил Традиус, и хотя он не произнёс при этом «в вашем-то возрасте», это вполне читалось в интонациях.

– Потеря и скука.

Ещё по пути в Белли Каладиус размышлял – каким ему лучше будет предстать перед новыми сослуживцами, и решил, что для начала безопаснее и проще будет изобразить немногословную скорбь и флегматичность.

– Скука – наш великий враг, – закивал головой Традиус, который не понаслышке знал об этом. – Однако, как человек, который сам бежал от неё в своё время, могу сказать, что здесь укрыться от неё в полной мере не выйдет. Второй год его величество не уделяет должного внимания войне, и мы сидим тут, словно заключённые. Полагаю, в Латине сейчас было бы куда веселее.

Традиус ни слова ни спросил о той потере, что привела Каладиуса в армию, что говорило о том, что он, несмотря на кажущийся образ говорливого простачка, был всё-таки достаточно сведущим в приличиях.

– Я не сказал, что ищу веселья, мессир, – не выходя из образа, проговорил Каладиус. – Я сказал, что ищу средство от скуки.

– Это не одно и то же, – согласно кивнул Традиус. – Всею душой желаю вам отыскать это средство. Может быть, тогда вы поделитесь им со мной. Вижу, вы ещё не оправились с дороги, и поскольку мы все здесь сейчас занимаемся лишь

одним – бездельем, то я, как ваш командир, с лёгким сердцем могу дать вам время на то, чтобы прийти в себя. Поговорим позже, когда вы отдохнёте.

Кажется, Каладиус несколько переборщил с образом. Вообще он отлично выспался и сейчас чувствовал себя вполне бодро, но теперь уже выбранная им стратегия требовала удалиться, хотя он охотно поболтал бы с Традиусом – в последнее время он соскучился по подобному общению с образованными людьми. Хотя, с другой стороны, ему было бы комфортнее общаться с глазу на глаз, так что данная ситуация послужила отличным выходом. Каладиус за последнее время так вжился в роль трёхсотлетнего старца, что сейчас искренне почитал шестерых магов, которые были ненамного младше его, просто мальчишками, с которыми не о чем говорить.

В общем, Каладиус отправился в свою комнату и какое-то время действительно лежал, думая, что может уснуть. Затем он вновь принялся за чтение «Магии граней», но мысли его сейчас путались, и смысл прочитанного полностью ускользал от него. Отбросив книгу, маг встал и вышел. Он знал, что комната Традиуса находится неподалёку, и что маг наверняка будет там.

Он действительно застал своего командира в комнате – тот сидел у окна с бокалом вина в руке.

– Какая приятная неожиданность, мессир! – вскакивая, воскликнул Традиус. – Проходите, прошу вас! Позвольте налить вам вина?

– Пожалуй, – не стал отказываться Каладиус, опускаясь прямо на постель, потому что второго кресла в комнате не было.

– Можно сказать, что это – моё средство от скуки, – картинно взболтнув в руках бутылку тёмно-зелёного стекла, заговорил Традиус, словно желая разговорить собеседника. – Не подумайте только, что я – какой-нибудь пьяница. Скорее я – коллекционер. Куда важнее количества для меня качество. Вот это, например, вино прибыло сюда из Пунта. Это – тирейское вино, выращенное неподалёку от побережья. Посмотрите, какой у него цвет! Будто рубин расплавили и разлили по бутылкам! Впрочем, быть может, вы предпочитаете светлые сорта?..

– Я не знаток и не большой ценитель вин, мессир, – усмехнулся Каладиус. – Поэтому у меня нет никаких предпочтений.

– Что ж, рад это слышать! – Традиус протянул ему бокал с густой красной жидкостью. – Признаюсь, у меня есть какое-то предубеждение к людям, которые пьют светлые вина. Глупости, конечно, но надо же мне иметь какие-то странности!

Кажется, Традиусу действительно нравилось считать себя странноватым чудачком. Интересно, насколько это соответствовало действительности?

– Вы сказали, что это вино из Пунта, – отхлебнув из бокала, Каладиус решил, что пора и ему начать говорить. –

Неужели в такую глушь кто-то завозит подобные вина?

– Люди испытывают жажду не только в больших городах, мессир, – хмыкнул Традиус. – Вам, должно быть, это покажется странным, но вообще Белли – неплохой городишко. Конечно, ему далеко до блеска столиц, но и здесь есть свой шарм, и даже своё высшее общество.

– Я вырос неподалёку от одного из таких городов, мессир, так что немного знаком с ними, – Каладиусу вновь припомнился Токкей и то, каким великолепным он показался ему при первой встрече.

– Что за город? – скорее из вежливости, чем из любопытства спросил Традиус. – Быть может, я слышал о нём?

– Это было очень давно.

Каладиус вновь отхлебнул вина. Вопрос застал его врасплох, и ему вовсе не хотелось с первого же дня рассказывать о своём палатийском происхождении.

– Понимаю, – кивнул Традиус. – Ну как вам букет?

– Увы, но, повторюсь, я не ценитель. Неплохое вино.

– Ничего, вкус к вину можно развить, как и любой другой вкус! – рассмеялся Традиус. – Если позволите, я могу стать вашим наставником в этом нелёгком учении. Мне было бы приятно иметь столь выдающегося... собутыльника, уж простите за грубое слово, мессир!

– С удовольствием, – благодушно кивнул Каладиус. – Коль уж я решил перестать быть отшельником – мне нужно научиться жить в обществе.

- Вы долгое время были отшельником? – теперь Традиус заинтересовался уже по-настоящему.
- Судите сами: двести тридцать лет – это долго?
- Ого! – сейчас Традиус выглядел почти как ребёнок, разве что рот от изумления не открыл.
- Судя по вашей реакции, это довольно долго, – усмехнулся Каладиус.
- Но как так вышло? – довольно пожилой волшебник сейчас говорил как маленький мальчик, умоляющий кормилицу рассказать захватывающую сказку.
- Всё просто. Я закончил Академию в тридцать два года – довольно молодо по тем временам...
- Да и по нынешним тоже, – уважительно кивнул Традиус.
- У меня было очень высокое мнение о своих талантах, и совершенно никакой возможности их применить – в то время Латион ни с кем не воевал. Коротая время, я занимался исследованиями, и уже понемногу стал сходить с ума от скуки, как вдруг разразилась война с Саррассой. Если мне не изменяет память, это случилось в семьсот сороковом...
- Семьсот тридцать девятом! – восторженно воскликнул Традиус, в волнении позабыв даже свой бокал. – Знаменитая Война трёх королей³²! Так вы принимали в ней участие?

³² Война трёх королей (она же – шестая латионо-саррассанская война) – одна из наиболее кровопролитных войн между Латионом и Саррассой, длившаяся почти четыре года. В результате многие южные территории Латиона почти обезлюдели. Лишь поддержка Кидуи и Палатия тогда спасли Латион от полного поражения, отчего эта война и вошла в историю как Война трёх королей. По итогам войны

– Я поступил в армию, как только она началась, – кивнул Каладиус. – Для меня это было шансом заявить о себе. Лютая вышла война...

– Ещё бы!!! – вскричал Традиус, и тут же несколько сконфузился. – Простите, что я постоянно перебиваю вас, мессир, но я – страстный любитель ратной истории нашего королевства, и никогда не чаял, что однажды увижу живого свидетеля Войны трёх королей! Вот это была война – не чета нынешним!..

– Поверьте, мессир, в те времена люди не склонны были испытывать по этому поводу столько радости, – сухо ответил Каладиус, окончательно смутив собеседника.

– Простите меня, мессир, – покраснев, проговорил Традиус. – Кажется, я излишне эмоционален, но это от переполняющего меня волнения.

Надо сказать, что Каладиус всё последнее время был напряжён. С тех самых пор, как он впервые показал удостоверяющую бумагу на рекрутском пункте Второго легиона, он всё ждал, что ему вот-вот рассмеются в лицо. Да, он сделал всё необходимое, чтобы скрыть истинный возраст – глухая свободная одежда мрачно-коричневых тонов с высоким воротником, скрывающим шею, упомянутые уже выше перчатки, небольшая коррекция осанки и голоса. Но он всё равно

был заключён Товрский мир, по которому территории южнее озера Прианон отошли к Саррассанской империи. Лишь спустя более чем тридцать лет Латию удалось оспорить положения Товрского мирного договора и после очередной короткой войны вернуть территории южного Латииона.

опасался, что этого будет недостаточно.

Всё-таки прохвост Клайдий Сарамата был прав – врать надо «со всего маху», и, главное, при этом быть абсолютно уверенным в себе. Нужно поверить в то, что ты говоришь. Каладиусу это удалось. Он действительно сейчас ощущал себя тем самым участником Войны трёх королей, и глядел на мага с настоящим дипломом Академии, да ещё и почти вдвое старше него, как на нашкодившего школяра.

Внезапно Каладиус расслабился – впервые за долгие дни. Кажется, его обман остался нераспознанным. Более того, никто, похоже, даже и не ожидал какого-то подвоха, будто бы на военную службу каждый день записываются древние маги. Сила внушения была столь велика, что он почти уже убедил главного критика – самого себя.

– Не нужно извиняться, мессир, – снисходительно отвечал Каладиус. – Нелепо извиняться за молодость – мы все когда-то были такими.

Это был очень изящный, и вместе с тем поистине убойный удар. Наверняка в этот момент Традиус, проживший уже более полувека, почувствовал себя младенцем рядом с Каладиусом, и проникся к нему едва ли не религиозным трепетом.

– Итак, я воевал... – не давая возможности опомниться, продолжил волшебник. – Я был и под Сважками, и под Ивовкой, – при этих словах Традиус вновь истово закивал, давая понять, что ему хорошо известны данные сражения. – И чем дальше, тем всё более тошно становилось мне от того, что я

видел. Былые мысли о славе теперь казались мне нелепыми и даже отвратительными. Я понял, что слава одного человека не может покупаться жизнями тысяч. Однако я воевал до самого конца, до того самого момента, когда король Ивосет в Товре поставил свою подпись под унижительным трактатом. Это был горький миг для всего Латииона, а для меня он ещё наложился на собственные переживания и осмысления. Я вдруг понял, что устал от людей, что они мне омерзительны. И решил уйти туда, где вокруг не будет ни души.

Я выбрал южные отроги Анурских гор. Эти земли почти не заселены – лишь небольшие пастушеские деревеньки были разбросаны то там, то здесь. Там, неподалёку от океана я создал себе пещеру. Первое время я питался лишь козьим сыром и водой, надеясь постичь какую-то истину, – Каладиус усмехнулся. – Но истина была в том, что такая пища мне не подходит. Я нанял нескольких местных жителей, чтобы они выращивали для меня овощи и фрукты, а также пшеницу. Иной раз я посылал кого-то в портовую деревеньку, чтобы прикупить немного вина или рыбы.

Через какое-то время я превратился в настоящего помещика. Империя не уделяла этим землям должного внимания, так что вряд ли знала даже, что я там обитаю. Между тем, у меня уже были поля, виноградники, и на меня работало около трёх десятков человек, причём за сущие гроши и мелкие магические услуги, которые я им оказывал.

Жизнь моя была размеренна и приятна. Мне не было нуж-

ды куда-то спешить. Там, где другие отмеряли время минутами, я считал годами; где остальные отсчитывали часы, я отсчитывал десятилетия. Я с головой ушёл в познание магии, и, должен сказать, преуспел в этом. Я занимался учением ради учения, не полагая однажды применить его в деле, и от этого знание казалось стократ ценнее...

Каладиус замолчал, сделав вид, что погрузился в воспоминания. Некоторое время Традиус почтительно помалкивал, хотя и ёрзал на месте, сгорая от нетерпения. Наконец он не выдержал:

– Что же заставило вас покинуть эту обитель покоя и знаний?

– У меня появился ученик, – подпустив немного боли в голос, глухо ответил Каладиус. – Я до сих пор не понимаю – как это произошло. Он говорил мне, что услышал обо мне от одного из купцов, но я ума не приложу, как кто-то вообще узнал о моём существовании. Тем не менее, он явился ко мне и просил, чтобы я начал его учить. Я долго отказывался и отсылал его прочь. Каррис – так его звали – двенадцать недель просидел у входа в мою пещеру, добиваясь моей благосклонности. Первых четыре дня он ничего не ел и пил лишь из небольшого ручейка, что протекал рядом. Затем я всё-таки велел слугам давать ему пищу, потому что не хотел, чтобы бедолага умер, а кроме того меня заинтриговала такая настойчивость.

От просидел двенадцать недель – днём и ночью, в жару

и холод, в солнцепёк и дождь. Он вставал лишь затем, чтобы размять ноги, и спал прямо на камнях. Он просидел двенадцать недель, но, кажется, мог просидеть так двенадцать лет. Однако ровно через двенадцать недель – срок, который я мысленно ему отмерил – я позволил ему войти в пещеру и сделал своим учеником.

Традиус сидел, затаив дыхание, почти в религиозном экстазе. Он дошёл уже до той степени веры, когда Каладиус мог бы нести любую чушь, и она была бы воспринята как откровение. Но авантюрист тонко балансировал на грани абсурда, создавая удивительную мистерию, которая в другой ситуации вызвала бы у опытного мага вроде Традиуса лишь усмешку, а теперь он внимал ей, словно божьему гласу.

Тем не менее, Каладиус холодно и расчётливо отмерял дозу лжи, не желая переусердствовать. Он оказался великолепным лицедеем, отличным учеником своего наставника, и сейчас он растворился в собственном повествовании лишь до такой степени, чтобы самому почти верить в сказанное, но оставшийся краешек сознания продолжал бдительно следить, как бы вдохновение не унесло его слишком далеко.

– Каррис, несмотря на крайнюю молодость, оказался весьма способным учеником, он быстро постигал глубины магии и со временем должен был сделаться одним из величайших магов в истории. Но я не сумел уберечь его...

И вновь Каладиус умолк, словно не в силах совладать с нахлынувшими чувствами. На самом же деле он предоставил

возможность Традиусу переварить услышанное и дать возможность его воображению закрасить шероховатости и возможные слабые места в рассказе.

– Это и есть та потеря, о которой вы говорили? – сдавленным от волнения голосом спросил Традиус. Его бокал давно уже сиротливо стоял на столе, и маг даже думать забыл о вине.

– Да... – словно очнувшись от дум, подтвердил Каладиус. – В какой-то момент я решил покинуть свою обитель, и мы отправились в путешествие. Каррису хотелось попробовать свои силы на деле, и я решил, что будет неплохо устроиться на какое-нибудь торговое судно, чтобы защищать его грузы от пиратов и келлийцев. Каррис с восторгом принял эту идею – он обожал море. Да и мне, как оказалось, наскучило моё добровольное отшельничество.

Более десяти лет мы с ним наслаждались вольной жизнью наёмников. Не хвастая, могу смело утверждать, что на Пэатте нет ни одного портового города, который я бы не посетил, и не по одному разу. Иногда приходилось вступать в схватки с охотниками за чужим добром, и в них я и мой ученик сполна продемонстрировали свои способности. Иногда случались настоящие морские сражения, когда мне приходилось пускать в ход всё своё искусство. Несколько раз я использовал заклинание разъятия материи, чтобы потопить вражеские корабли...

Традиус был достаточно сведущ в магии, чтобы знать о

неимоверной сложности и запредельности подобных заклинаний, поэтому он едва не задохнулся от благоговения. Каладиус мог торжествовать – этот человек теперь, судя по всему, был в полной его власти. Что уж говорить о более молодых и неопытных магах – пожелай он, и они организовали бы какую-нибудь секту для поклонения ему! В очередной раз маг мысленно поблагодарил Каладиуса за преподанный урок.

– Но этой весной случилось несчастье, – Каладиус поник головой и, казалось, с трудом выдавливал из себя слова. – Каррис погиб во время отработки простейшей практики. Что-то пошло не так... Я должен был спасти его, я был обязан это сделать... Но я не справился... Сам я получил лишь это, – маг провёл облачённой в перчатку рукой возле своего изуродованного лица. – Но мой ученик погиб в огне...

– Я скорблю о вашей потере, мессир, – вздохнул Традиус так, будто ему действительно было не всё равно.

– Со временем боль отступает, – тяжело произнёс Каладиус. – Поэтому-то я и прибыл сюда. Мне нужно отвлечься, забыть. Мысль о возвращении в свою пещеру отвратительна мне, но и праздность обывательской жизни наводит тоску. Я хотел новых сильных ощущений, которые заглушат воспоминания. Поэтому-то и записался в армию.

– Увы, мессир, вы выбрали для этого не самое удачное время, – качнул головой Традиус. – Как я уже говорил, в последнее время король Тренгон как будто совсем потерял интерес к этой войне. Всё минувшее лето мы просидели в Бел-

ли, лишь пару раз дав ребятам возможность немного размять ноги. Оба раза это были мелкие стычки. Если ничего не изменится – в будущем году я ожидаю примерно того же. Кажется, дело идёт к перемирию. Асс бы задавил всех этих палатийцев!!! В жизни не встречал более бестолковых врагов – они в равной мере не желают ни воевать как подобает, ни заключать мир. Мы словно вязнем в патоке, клянусь богами!

– Кто ищет войну, тот непременно найдёт её, друг мой. Подождём следующего лета, а там поглядим. А пока налейте-ка мне ещё вашего чудного вина! Научите меня, сделайте ценителем! Может быть это немного развлечёт меня...

Глава 22. Да будет война!

Увы, Традиус как в воду глядел – не успели ещё сойти снега с крыш Белли, как до командования Второго легиона дошли слухи, что между Латионом и Палатием началась подготовка к заключению перемирия. Очевидно, что окончательно этот вопрос будет решён всего через несколько недель, когда крючокотворы и счетоводы с обеих сторон придут к соглашению относительно размера контрибуций.

В легионе эта новость была воспринята скорее с унынием, нежели с радостью. С одной стороны – легион возвращался в Латион, но старые служаки прекрасно понимали, что никто не даст им насладиться прелестями столицы. Есть масса мест, куда можно забросить ставшей ненужной армию, и большинство их куда менее приятны, нежели Белли. Не говоря уж о том, что об удвоенном в военное время жаловании можно будет позабыть до следующей войны.

В общем, весь штаб Второго ходил теперь с кислыми лицами, включая самого легата Понтса, который как раз и принёс с собой эту новость. Также мрачны были и маги. Молодёжь досадовала, что, проведя столько времени на казарменном положении, ни на йоту не приблизилась к славе, Традиус скорее сожалел о том, что не в этот раз ему суждено стать частью «ратной истории королевства», и кроме того, это был один из немногих в окружении Каладиуса, для кого война

была не просто ремеслом, но и увлечением.

Сам Каладиус, который провёл зиму в Белли в обществе Традиуса, испытывал смешанные чувства. С одной стороны, эта зимовка действительно пошла ему на пользу. Ужасы дурной травы, кажется, остались далеко позади. Тихая провинциальность Белли, подобно чистой воде, смыла всю грязь столичных искушений. К своему удивлению, маг пристрастился к вину, но не в том смысле, как это обычно случается с завсегдатаями кабаков. Традиус оказался хорошим учителем, и теперь Каладиус весьма тонко разбирался в купажах и букетах, цвете и вязкости благородного напитка.

Удивительное дело, но уникальные вина, чаще всего из Пунта, доставлялись магу-легионеру латионской армии палатийскими купцами, которые безо всякого зазрения совести вели бойкую торговлю с вражескими войсками, вынужденными зимовать на оккупированной территории. Кроме пунтийских, оба лакомки не гнушались и саррассанскими винами, а также куда более экзотическими латионским и даже кидуанским. Каладиус охотно принял правила своего наставника, и пил исключительно красные вина, тягу к которым после сохранил на всю жизнь.

В общем, в этом смысле всё у Каладиуса шло хорошо, и он в полной мере поправил за эту зиму как душевное, так и физическое здоровье. Иногда он даже думал, что ему, как северянину, не совсем впору были южные жаркие края, и что его организм, долгое время хиревший от жаркого солнца, ожил,

вновь оказавшись в привычных с детства местах.

Однако, Каладиус понимал, что его планы рушатся вместе с этой войной. Ждать новой можно было неопределённое время, а тем временем, например, иметь сомнительное удовольствие нести службу где-нибудь у границ Санна посреди комариных болот. Ему нужна была эта война, причём не просто какая-то вялая возня – ему нужны были крупные сражения, штурмы городов, масштабные магические атаки. В общем, ему нужна была вторая Война трёх королей, участником которой он якобы являлся.

С тех пор, как пошли разговоры о перемирии, и штаб стал нехотя и вяло собираться в скорый путь, Каладиус вынашивал идею. Она пришла к нему случайно, и сперва он отмахнулся от неё едва ли не со страхом. Но идея не исчезала, и через какое-то время он свикся с ней, а вскоре уже начал обдумывать, находя её вполне заслуживающей внимания.

Если о костре не заботиться – он рано или поздно погаснет. Но если вовремя подбросить сухого хвороста – он разгорится вновь, ещё ярче чем прежде. Другими словами, чтобы предотвратить перемирие, нужна провокация. Должно случиться нечто такое, что убедит даже самых ярых миротворцев в невозможности примириться. Причём провокация, направленная против Палатия, скорее всего не принесёт результатов – палатийцы просто сделают вид, что ничего не заметили. А это значит, что спровоцировать нужно Латион.

Вскоре Каладиус тратил уже почти всю массу имеющего-

ся у него свободного времени на то, чтобы разработать план этой провокации. Очевидно, что просто подкупить кучку палатийцев, чтобы они организовали нападение на легионеров, не получится – бедняг просто поубивают, но этот инцидент не будет иметь далеко идущих последствий. Здесь необходимо покушение на самого легата, а также, в идеале, и на всё руководство легиона.

Однако Каладиус не был чудовищем, и поэтому не рассматривал всерьёз убийство людей, с которыми у него были вполне приятельские отношения. Да и будь это просто стихийное народное восстание – делу оно не поможет. Шинтан открестится от подобных действий, осудит их и согласится с наказанием любой жестокости в отношении восставших.

Было бы неплохо организовать вылазку на территорию Латиона, сжечь там пару-другую деревень. Но, во-первых, до границы было порядка десяти лиг, а во-вторых никто бы не поверил в то, что палатийцы, да ещё и на пороге перемирия, способны на подобный шаг. Да и главное – где взять тех, кто пойдёт и будет жечь?

Всё-таки идея с покушением оставалась наиболее рабочей. Признаться, Каладиус всё больше задумывался о том, чтобы каким-либо образом организовать покушение на легата Понтса. Можно было, конечно, инсценировать его, но тогда пришлось бы посвятить в свои мысли слишком много людей, каждый из которых мог бы пресечь всё это простым доносом.

И тут на помощь пришёл случай, а может быть – воля самого Асса. Легат Понтс, собрав штаб, а также иных важных персон, в число которых, конечно же, входил и Каладиус, сообщил, что в Белли направляется сам великий князь Келдон – принц Латиона и наследник престола. Его величество король Тренгон отправил сына для заключения мира с Латией.

В этом была явная насмешка – принц Келдон был одним из самых воинственных людей в королевстве и не случайно замещал должность министра войны. Время от времени он буквально сбегал из Латиона и приезжал на передовую. И тогда его охране, а также командующим легионами и прочим ответственным лицам приходилось прилагать немало сил, чтобы не допустить наследника трона к участию в битве.

Естественно, что он не раз и не два наведывался во Второй легион, который, как мы знаем, обычно бывал на передовой. Принц Келдон хорошо знал не только легата Понтса, но и центурионов рангом ниже. Вообще принца любили в войсках – он был одним из немногих, кто действительно уважал ремесло воина и тех, кто этим ремеслом занимался. Тот же Понтс вполне мог бы похвастать тем, что их отношения с Келдоном можно назвать дружескими. Но, разумеется, он никогда не стал бы делать этого прилюдно.

Принц Келдон направлялся в городок Терренау, находящийся примерно на одинаковом удалении и от Шинтана, и от границы с Латией. Именно это место было выбрано пра-

вителем Палатия для переговоров. Но, тем не менее, великий князь сделал довольно большой крюк, чтобы проведать Второй легион, один из немногих, что сейчас всё ещё пребывали на территории Палатия.

Наверное, следует пояснить также и то, почему на эту миссию, которая, казалось бы, куда больше подходит дипломатам, был направлен именно принц Келдон. Причина тут крылась в взбалмошности характера короля Тренгона. Этот человек, обладая вполне очевидными достоинствами, при этом имел довольно существенный недостаток, делающий его не самым лучшим правителем. Он был самодуром, причём самодурство это отчасти проистекало из его весьма высокого мнения о своих достоинствах, а отчасти – из некоторой инфантильности, присущей многим деспотическим натурам.

Тренгон не терпел возражений, не терпел превосходства других и не терпел постоянства и рутины. Его голова буквально фонтанировала идеями, большинство из которых умирали, едва появившись на свет, но некоторые выживали и иногда давали плоды, правда, не всегда добрые. Однако же беда его величества была в том, что любой прожект, даже самый яркий, очень скоро наскучивал ему.

Именно так король потерял интерес и к очередной войне с Палатием, за которую сперва взялся довольно рьяно. Однако же, как мы уже знаем из жалоб Традиуса, с прошлого года внимание его величества привлекла затея сделать Латион крупнейшим поставщиком строевого леса на Паэте, а пото-

му все ресурсы королевства сейчас были брошены на запад страны.

Вполне возможно, из этого в ближайшей перспективе могли вырасти конфликты с Санном и Коррээм, а быть может даже и с самой Кидуей, поэтому король Тренгон, так ничего и не добившись от северного соседа, решил заключить перемирие, чтобы не пришлось сразу воевать на нескольких фронтах.

И вот именно эта взбалмошность короля привела к тому, что принц Келдон был направлен в качестве посла мира. Министр войны упорно возражал против заключения перемирия, что предсказуемо вывело Тренгона из себя. И как всякий тиран, не обладавший широтой души, он решил, что будет одновременно и забавно и поучительно, если именно его сын, принц Келдон, главный противник примирения, и будет тем, кто поставит свою подпись под текстом о перемирии.

Причём король Тренгон, совершенно не терпевший возражений, бывал непредсказуем и жесток в подобных случаях, и судьба принца-наследника могла бы измениться в один миг. Именно поэтому тот не стал оспаривать решения своего повелителя. Скрипя зубами от бессильной злобы, Келдон отправился в путь. Возможно, именно поэтому он решил провести денёк в компании таких же вояк как он сам.

Так или иначе, но принц Келдон ехал в Белли, и это дало Каладиусу столь необходимое ему решение. Вот он – идеальный объект для покушения! Уж если палатийцы посме-

ют посягнуть на жизнь наследника престола, обо всяком перемирии можно будет позабыть на долгое время. Во всяком случае, магу хотелось надеяться, что этого времени ему окажется достаточно, чтобы подняться на следующую ступень.

План покушения был в общих чертах уже готов – Каладиус вынашивал его некоторое время, как наиболее реальный и перспективный. Нужно было лишь внести коррективы, но они были незначительны. Легат Понтс объявил, что великий князь прибудет послезавтра, так что времени было в обрез. Однако суетиться было нельзя – любая, даже самая мелкая промашка грозила не только срывом всего плана, но и верной смертью для его организатора.

За чертой города жил знахарь-алхимик. Домик его почти прилипал к невысокой стене города, но стоял уединённо в силу особенности занятий хозяина. Вокруг домика был довольно большой пустырь, где вперемешку с бурьяном и крапивой росли, вероятно, какие-то ингредиенты для алхимических зелий.

Какое-то время тому назад Каладиус скрытно уже наведывался к старику. Никакая полумаска или капюшон не могли бы скрыть обожжённого лица, поэтому маг и не таился перед алхимиком. В тот раз он пробыл у него больше часа, о чём-то тихо разговаривая с хозяином дома, время от времени подливая ему дешёвого пива из кувшина, который он прикупил в небольшой таверне на окраине.

Каладиуса очень интересовали вещества, которые могли

бы имитировать действие ядов, но при этом, желательнее, не убивать человека. Надо сказать, алхимик привык ко всякого рода двусмысленным разговорам и неоднозначным заказам, поэтому без лишних вопросов и ненужных угрызений совести обстоятельно беседовал с потенциальным заказчиком, рассуждая о плюсах и минусах различных снадобий.

Уже тогда он рассказал странному волшебнику о весьма интересном растении, что в изобилии произрастало в здешних лесах. Растение это называлось волчьей травой, и его использовали не только алхимики и травники. Всякий знал, что если поджечь пучок этой травы и окурить дымом дом – комарье и мухи вскоре подохнут. Знахари знали и другие применения для травки, делая на её основе свои микстуры.

Однако ближе к концу месяца дистрития³³ на этой довольно невысокой травке появлялись маленькие янтарные бусинки с серыми прожилками. Ягодки действительно были похожи на волчьи глаза, оттого трава и получила своё название. Не было в лесу ни зверя, ни птицы, которые позарились бы на эти ягоды, и не только потому, что они обладали горьким, вяжущим вкусом. Они были ядовиты, и тому, кто рискнул бы съесть хотя бы небольшую горсть этих маленьких твёрдых ягодок, досталась бы незавидная участь медленной смерти от удушья.

³³ Дистритий – один из месяцев календаря Паэты. Первый месяц лета, соответствует нашему июню. Назван в честь правителя Кидуанской империи, императора Дистрита Златоглавого.

Сделав экстракт из этих ягод, можно было бы получить сильнейший яд, который способен убить человека за несколько минут. Однако же, поэкспериментировав с дозой, можно было бы получить весьма интересный эффект.

– Ягоды волчьей травы приводят к спазмам дыхательных путей, – спокойно и деловито пояснял алхимик внимательно слушающему Каладиусу. – То есть человек просто не сможет вдохнуть воздух и в конце концов задохнётся. Однако, если доза будет невелика, то дыхание вскоре восстановится. Если угадать правильно, то к этому времени жертва может лишиться сознания от недостатка воздуха, однако же её довольно легко будет вновь привести в чувство.

Каладиус был в восторге, хотя по его непроницаемому виду этого было не понять. Однако же он, судя по всему, нашёл столь необходимое ему средство. Оставалась проблема с выбором жертвы, ведь вряд ли неудачная попытка покушения даже на легата вызовет нужный резонанс.

Теперь эта проблема была решена и нужно было действовать. У мага было меньше двух дней, чтобы сделать всё чётко и аккуратно.

Тем же вечером он вновь наведался к алхимику. Тот не терял времени напрасно – похоже, ему и самому был интересен результат данного эксперимента.

– Я выяснил оптимальную дозу, – объявил он, едва лишь завидел странного клиента.

– И как вы сумели сделать это, милейший? – против воли

поинтересовался Каладиус. – Неужто ставили опыты на бездомных?

– Это было вовсе ни к чему, мессир. Для данных целей вполне достаточно обычных свинусек.

– Вы проводили опыты на свиньях?

– Их анатомия весьма сходна с анатомией человека, – самодовольно пояснил алхимик. – Вообще я частенько экспериментирую на них, и этот метод ни разу меня не подводил.

– Что ж, мне нужно зелье и, на всякий случай, противоядие к нему.

– Противоядия я не знаю, мессир, – развёл руками лекарь. – Вам придётся быть крайне осторожными. Впрочем, если скажете мне вес объекта, я отмерю вам точную дозу.

– Я не знаю веса, лишь приблизительно, – слегка растерялся Каладиус. – Насколько это может быть критично?

– Плюс-минус пять фунтов на каплю – не проблема. Если разница будет больше – всё будет зависеть от того, в какую сторону. Либо яд подействует недостаточно сильно, либо – слишком сильно.

Каладиус скрипнул зубами, столкнувшись с новым препятствием. Впрочем, оно казалось не из тех, что могут всё разрушить. Вес легата Понтса и прочих офицеров он мог выяснить достаточно просто, ну а что касается принца – там придётся действовать по обстоятельствам.

– Просто дайте мне зелье, а также проинструктируйте подробно о дозировке. Уверен, я сумею справиться.

В течение последующих нескольких минут алхимик нудно, повторяя по нескольку раз, объяснял, как правильно вычислить необходимое количество яда. Выходило так, что на человека вроде Каладиуса требовалось около двенадцати капель. В общем-то, ничего такого, с чем маг не смог бы справиться с его решимостью и умом.

Теперь оставалось последнее дело.

– Не проводите ли вы меня до калитки, милейший? – попросил Каладиус. – Время тёмное, и я боюсь переломать себе ноги.

– У меня тропинка ровная и мягкая, как простыня, милорд, вы же знаете, – ухмыльнувшись, возразил лекарь.

– И всё же теперь уж слишком темно, и даже луны нет, – стараясь говорить ровно и спокойно, настаивал маг. – Возьмите фонарь, да посветите мне. Мне не по себе в этих ваших зарослях полыни. И как вы только тут живёте?

Каладиус вполне натурально передёрнул плечами, изображая беспокойство. Алхимик, которому, похоже, совсем не хотелось выбираться наружу, где было зябко и темно, рассмеялся:

– Ладно уж, мессир. Как говорят торговцы – клиент всегда прав. Вы платите хорошие деньги, а потому правы вдвойне. В конце концов, ноги мои не отсохнут, если я прогуляюсь немного. Холодно, правда, сегодня... Где же мой плащ?..

Болтая таким образом, алхимик отыскал поношенный плащ, накинул его на плечи и зажёл от свечи массивный фо-

нарь. Затем он первым вышел за дверь, сопровождая мага до калитки, которая находилась футах в шестидесяти от хижины. Цепная псина, заворчав, было, где-то в темноте, тут же затихла, учуяв хозяина.

– А звёзд-то сегодня сколько, вы поглядите, милорд!

Ночь была безлунной, а фонарь был слишком тускл, чтобы затмить собой блеск множества мерцающих точек в небе.

– Одну секунду, милейший! – Каладиус резко остановился и стал шарить под полами плаща, будто что-то позабыл в хижине алхимика.

– Кабы не пришлось возвращаться, мессир, – покачал головой старик. – Плохая примета...

– Не придётся, – глухо ответил маг и резко шагнул к спутнику.

Алхимик вдруг охнул и выронил фонарь, который тут же погас. Каладиус почти по рукоять вогнал ему в живот нож. Затем, понимая, что удар может быть не смертелен, и уж во всяком случае, алхимик умрёт не быстро, маг нанёс ещё несколько ударов оседающему телу. Последний был сделан уже тогда, когда старик лежал на земле.

Необходимо отметить, что волшебник долго взвешивал все «за» и «против», но всё же пришёл к выводу, что алхимика нельзя было оставлять в живых. Слишком уж многое стояло на кону, и один единственный свидетель мог всё испортить. Рисковать было совершенно невозможно.

Это был уже второй человек, убитый Каладиусом, если не

считать нескольких пиратов, но то совсем другое дело. И это был первый человек, которого он убил вот так – намеренно, жестоко. И не прибегая к магии. Рукоять ножа была скользкой – вся рука была в крови. Теперь предстояло избавиться от тела.

Каладиус не мог использовать развоплощающую магию – это слишком сильно встряхнуло бы ткань *возмущения*, что незамедлительно почувствовали бы все маги в округе. Но и просто засыпать труп землёй было бы опасно. Однако у волшебника уже было решение.

Оттащив тело подальше от тропинки (тут же вспомнилось, как он волок труп бездомного бродяги в Кинае), Каладиус, отойдя на безопасное расстояние, просто заставил жидкость в теле бывшего алхимика вскипеть. Стихийная магия – простая и безотказная, она не требовала мощных манипуляций с *возмущением*, поэтому эхо от этой волшбы не могло быть сильным. При этом метод оказался весьма эффективным.

Раздалось жуткое шипение и следом – хлопок, будто вдруг прохудился, а затем лопнул гигантский мех. Каладиус вновь зажёл фонарь и подошёл к тому месту, где ещё минуту назад лежало тело. То, что он увидел, уже не напоминало человека. Вокруг сильно воняло чем-то, напоминающим запах варёного тухлого мяса. А сам труп был настолько искорёжен, что было даже трудно понять – где были руки, а где ноги. Его словно разорвало изнутри, да при этом ещё и как следу-

ет припекло.

Странное дело – Каладиус не испытывал особой жалости к этому человеку. Переживаний, подобных тем, что случились после убийства учителя, не было и в помине. Скорее это было просто дело, которое нужно было сделать. Он его сделал, и сейчас скорее ощущал удовлетворение от того, что работа была выполнена достаточно чисто.

Тело, из которого выпарилась почти вся жидкость, было на удивление лёгким и хрупким. Даже кости, казалось бы, сохранив свою твёрдость, сделались словно какими-то пористыми.

Два часа Каладиус трудился практически в полной тьме. Где-то неподалёку от хижины то и дело визгливо скулил пёс. Кажется, ему хотелось бы выбраться из конуры и облаять зловещего незнакомца, но он не смел, и теперь оплакивал свою судьбу, которая сделалась вдруг весьма мрачной.

Наконец волшебник покинул осиротевший двор. Ему хотелось думать, что он как следует убрал следы своего преступления. Теперь предстояло главное. Если всё пойдёт как нужно, то он заявит о себе так громко, как его прежний учитель не смел и надеяться.

Глава 23. Волчья трава

Принц Келдон появился в Белли безо всякой свиты, очевидно, просто улизнув по дороге, предоставив разномастным дипломатам и нотариусам медленно двигаться в сторону Терренау. Его сопровождали лишь шестеро телохранителей, и Каладиус, никогда прежде не видевший их формы, незамедлительно узнал её по многочисленным описаниям.

Паладины. Знаменитая на весь мир личная гвардия короля Латииона, лучшие из лучших, элита армии. Попасть в гвардию паладинов было необычайно почётно и столь же сложно. Численность этого подразделения не менялась уже сотни лет – двести сорок шесть человек, включая капитана гвардии.

Это число, конечно же, было не случайно. Каладиус знал, что история гвардии паладинов своими корнями уходила в Смутные дни, а точнее в ту феодальную раздробленность, что царила после них. В 3789 году руны Чини³⁴ король Увилл, по праву носивший титул Великого, разгромил на Гвидовом поле в тридцати милях от Киная войска так называемой Коалиции.

³⁴ Руна Чини – пятая Руна из числа двадцати четырёх, что по преданию запечатывают Сферу от Хаоса. Руна Чини предшествует в календаре Паэтты руне Кветь, в которую происходят события, описываемые в данной книге. Эпоха каждой Руны длится 4000 лет. Следовательно, битва на Гвидовом поле случилась почти ровно за 1200 лет до описываемых событий. Примерно столько же и существует королевство Латиион.

Однако победа далась нелегко. Был момент, когда небольшой отряд кавалерии, которым командовал сам Увилл, попал в окружение значительно превосходящих по численности сил Баронов. Казалось, ничто уже не могло спасти человека, дерзнувшего объявить себя королём, от неминуемой гибели, но внезапно ему на помощь пришла тяжёлая пехота.

Неся огромные потери, пехотинцы прорвали окружение и дали возможность кавалеристам отступить, а затем удерживали позиции до подхода резервных войск. Это событие, по сути, стало переломным во всей битве.

Позже, уже празднуя победу, король Увилл объявил, что то подразделение пехоты, благодаря которому он не только остался жив, но и выиграл сражение, станет его личной гвардией, его паладинами. Увы, но в живых из всего отряда осталось лишь двести сорок шесть человек. С тех пор это количество стало священным для паладинов, и оставалось неизменным на протяжении вот уже более тысячи лет.

Сам принц не производил такого уж сильного впечатления. Высокий, но грузноватый, пожалуй, несколько постарше Каладиуса (точнее – Карриса, ведь ему явно было меньше трёхсот лет) – он скорее был похож на торговца, чем на министра войны. Однако в нём чувствовалась какая-то внутренняя сила, какой обладают, наверное, лишь те, кто был рождён на ступенях трона.

Принц Келдон тепло поздоровался с встречавшими его легионерами и магами, и с огромным почтением поклонил-

ся подошедшему Каладиусу, о котором, вероятно, уже что-то слышал. С пристальностью, которая могла бы показаться вызывающей, исходи она от кого-то иного, он вглядывался в покрытое шрамами лицо, и в глазах его читалось искреннее любопытство.

– Я слышал о вас, мессир, – после обычных приветствий заговорил он. – И, признаюсь, что вы были одной из причин, почему я так здорово отклонился от своего маршрута. Рад познакомиться с вами лично!

– Для меня это огромная честь, ваше высочество, – с достоинством поклонился Каладиус в ответ. – Я тоже слышал о вас, и, признаюсь, мне очень льстит ваше внимание.

– Увы, мне очень жаль, что ваш великий талант пропадет втуне в этой дыре, а я... Гуррова дрань, а я вынужден буду подписать перемирие с этими счетоводами, вместо того, чтобы врезать им по самые гланды!

– Никакой мир не длится вечно, ваше высочество! – тонко улыбнулся Каладиус. – Уверен, что в скором будущем наши с вами таланты ещё пригодятся!

– Да уж... Разве что подерёмся с этими дровосеками из Коррэя за лишнюю пару сосен, которые мой папаша захочет спилить!..

При этих словах легат, а также другие офицеры смущённо кашлянули и отвели глаза, но всё же они, похоже, уже привыкли к общению с наследником трона. Да и кто мог бы донести эти дерзкие слова отсюда в уши его величества?

– Напомнить ли вам, ваше высочество, что формальным поводом для начала Войны трёх королей было желание саррассанцев самолично вылавливать прианонскую форель? Я воевал в той войне, а потому хочу сказать, что всякий повод стодится – было бы желание подраться.

Увы, принц был не так силён в истории, как мессир Традиус, поэтому упоминание о Войне трёх королей, похоже, не произвело на него должного впечатления. Вполне возможно, он ничего не слышал о ней и полагал, что она случилась всего несколько лет тому назад.

– Будем надеяться, мессир, будем надеяться... Легат, а тут у вас вообще кормят?

– Ещё как, ваше высочество! Заходите, стол уже накрыт!

Келдон в сопровождении паладинов вошёл в гостиницу.

– А неплохо вы тут устроились, легат! Должно быть, жалко будет покидать такое уютное гнёздышко!

– Да, видали мы убежища и похуже, ваше высочество, – хмыкнул Понтс.

– Ещё бы! Вот отправят вас в Коррэй, и будете мыкаться по крестьянским хатам с земляным полом и соломенными крышами!

– Ах, не бередите рану, ваше высочество... Прошу сюда.

Стол действительно уже был накрыт – большой стол, человек на двадцать. Принц, как хороший командир, в первую очередь позаботился о своих людях, указав им на лавки подле стола. Паладины не заставили себя упрашивать – пища на

столах была простой, но выглядела весьма соблазнительно, особенно после нескольких часов верхом.

Нашлось место за столом и для центурионов, и, разумеется, для Традиуса и Каладиуса. Принц безо всяких церемоний принялся за жаркое, и остальные старались не отставать. Зазвякали бутылки о глиняные кружки, и вскоре завязался разговор. Келдон имел одну неприятную с точки зрения Каладиуса особенность – он говорил очень громко, зычно, и имел довольно режущий тембр голоса. Принц с лёгкостью перекрывал гул голосов, стук ложек и чавканье.

Очень скоро стало ясно, что Келдон – типичный солдафон, или же очень старательно пытался таковым казаться. Он грубо шутил, отпускал всевозможные сальности, либо же говорил об армии и войне, причём говорил с явным знанием дела и удовольствием. Каладиусу стало скучно уже через две минуты, но он старательно улыбался и кивал в ответ на неуклюжие шутки великого князя.

В итоге за столом просидели едва ли не два часа, после чего принц наконец-то изъявил желание немного отдохнуть. Он собирался отправиться в путь на следующий день, а вечером планировал небольшую попойку в узком кругу. Как бы Каладиусу ни хотелось её пропустить, но он всё же изобразил радость от того, что попал в число приглашённых.

В итоге вечер спасла лишь внезапная заинтересованность Келдона личностью древнего мага. В какой-то момент ему надоело описывать прелести кинайских шлюх и вспоминать

сражения Второго легиона, ни в одном из которых он, к слову, не бывал, и его внимание переключилось на Каладиуса, скучающего в обществе бокала вина.

И вот тут волшебнику уже не было возможности поскушать. Сперва он пересказал историю Войны трёх королей, прочитанную в книгах, разбавив несколькими вдохновенными выдумками личного свойства, а затем ему пришлось поведать практически всю свою историю с самого начала. Благо, он уже отточил детали во время бесед с Традиусом, так что ложь его лилась гладко и выглядела правдоподобнее многих правд.

Вскоре Каладиуса внимательно слушали уже не только из уважения к принцу, но и из неподдельного интереса. А сам маг просто наслаждался этим. Казалось, он был рождён именно для этого. Наверное, сам Клайдий Сарاماга не мог бы быть сейчас более красноречивым, и он без сомнения гордился бы в эту минуту своим учеником.

В общем, остаток вечера оказался целиком и полностью посвящён Каладиусу. Принц Келдон настолько проникся личностью этого великого мага, что то и дело божился, что обязательно на обратном пути вернётся в Белли, чтобы забрать волшебника с собой ко двору.

– Возможно ли, чтобы человек, подобный вам, прозябал тут, в этой дыре? – восклицал он. – Ваше место при дворе! Я сделаю вас главным придворным магом!

И присутствующие тактично помалкивали о том, что на-

значение главным придворным магом подвластно лишь королю. Сам же Каладиус сейчас судорожно соображал – не стоит ли отказаться от своего рискованного плана, коль уж судьба, кажется, решила подарить ему шанс бесплатно?

И всё же беспокойный дух авантюризма, который словно бы перешёл к нему по наследству от мессира, нашёптывал, что слова великих мира сего зачастую не стоят даже дорожной пыли. Пусть принц Келдон и не был таким взбалмошным, как его отец, но тысяча причин могла бы помешать ему исполнить обещание, и тогда – Коррэй, болота, комары...

– В моём возрасте, ваше высочество, спать нужно ложиться рано и с ясной головой, – наконец произнёс Каладиус. – Прошу прощения, но вынужден откланяться. Впрочем, в знак вашего доброго ко мне расположения хотел бы предложить отзавтракать в тесном кругу перед вашим отъездом. Тогда и продолжим наши беседы.

– Не смею задерживать, мессир, – кивнул Келдон. – Мы, старые вояки, привыкли коротать ночи без сна, так что, с вашего дозволения продолжим нашу славную пирушку, если это не потревожит ваш сон.

– Прошу вас, не стесняйтесь, ваше высочество! – заверил Каладиус. – Когда я сплю – меня не разбудит и грохот камнепада! Всего доброго, и до завтра! Помните: утром мы будем завтракать вместе! Я прикажу нашему доброму трактирщику приготовить что-нибудь особенное!

Вопреки заверениям, этой ночью Каладиус практически не сомкнул глаз. Временами на него нападала настоящая нервная лихорадка – его трясло так, что, казалось, вместе с ним сотрясается вся тяжёлая дубовая кровать, а вместе с нею и вся гостиница. Однако же решимость мага от этого не ослабевала. Он лишь ещё и ещё раз в уме прокручивал шаг за шагом, секунда за секундой предстоящую операцию. В сотый раз мысленно пересчитывал вероятную массу тела Келдона и переводил её в капли. Всё должно получиться гладко, ведь на кону стояло слишком многое!

Наутро Каладиус встал раньше всех. Гостиница ещё спала – разве что прислуга тихонько шуршала по углам, да на кухне готовилось обещанное магом угощение. Принц и его собутыльники разошлись очень поздно – Каладиус то и дело ночью слышал взрывы хохота и развесёлые голоса. Однако же Келдон планировал выехать из Белли до полудня, так что стоило ожидать его скорого пробуждения.

И действительно, вскоре маг услышал раздражённый голос принца – тот велел подать ему в комнату воды для умывания. Всего через четверть часа он уже спустился вниз, в общую комнату, где Каладиус сидел, пытаясь собрать мысли и волю в кулак.

– Должно быть, вы отлично провели ночь, ваше высочество? – глядя на помятое, заметно отёкшее лицо великого князя, проговорил он.

– Клянусь Ассом, столичная жизнь превращает меня в неженку, мессир! – прорычал тот, пытаясь пригладить непослушно торчащие во все стороны волосы. – Меня перепили решительно все! И сейчас у меня не голова, а колокол, набитый пчёлами!

– Выпейте-ка это, – Каладиус протянул принцу дымящуюся чашу. – Нет такого похмелья, которое не победил бы этот настой!

Никакого рецепта подобного настоя Каладиус не знал – это был обычный имбирный чай с какими-то местными травами. Однако Келдон, отхлебнув из кружки, благодарно кивнул:

– Это чудесный настой, мессир! Вам нужно продавать его – клянусь, вы озолотитесь! Мигрень как рукой сняло!

– Кабы я гнался за золотом, ваше величество, то давно уж был бы богаче саррассанского императора! – скромно отмахнулся Каладиус.

– Я должен знать рецепт этого чудодейственного зелья! – воскликнул принц, едва ли не залпом осушив почти всю чашу. – Клянусь печёнкой – он бы мне очень пригодился!

– Простите, ваше высочество, но мастер, разбазаривающий свои рецепты, однажды окажется на паперти арионнитского храма с протянутой рукой, – усмехнулся Каладиус.

– Трудно с этим поспорить, мессир, – рассмеялся Келдон, который, похоже, действительно уже чувствовал себя куда лучше. – Надеюсь, что ещё одна чашка вашего божественно-

го эликсира не пустит вас по миру?

– О, вы можете пить его сколько угодно, ваше высочество! – заверил маг. – Я сейчас налью вам ещё. И чтобы искупить свою вынужденную скупость, я хотел бы напомнить о моём обещании угостить вас завтраком.

– Ещё пять минут назад я с отвращением думал о еде, но после вашего волшебного напитка, кажется, вскоре не прочь буду проглотить кусочек-другой перед отъездом.

– Счастлив это слышать, ваше высочество, потому что, судя по ароматам, завтрак уже почти готов!

К этому времени также уже спустились легат Понтс и центурион Башас, а вскоре к ним присоединился и мессир Традиус. Каладиус постарался сделать так, чтобы завтрак прошёл в максимально узком кругу, и ему это удалось. Он, как заправский хозяин, повёл принца в небольшую комнату, которая в прежние времена служила уютным кабинетом для тех, кто не желал ужинать в общей зале. Там уже был сервирован стол стараниями трактирщика и его слуг. Кастрюли и котелки с яствами стояли на отдельном столике и были накрыты металлическими колпаками, чтобы не дать им простыть раньше времени, но из-под этих колпаков доносились вполне соблазнительные ароматы.

– Позвольте мне сегодня быть распорядителем, господа, – произнёс Каладиус, жестом приглашая трёх своих спутников занимать места. – В протокреаторианстве существует концепция о том, что высшая сила – есть слабость, а истинное

возвышение – есть унижение. И поскольку я временами считаю себя протокреаторианцем, то хотел бы сегодня быть вашим слугой. Тем более, что быть слугой принца Латиона – великая честь для любого.

– Что ж, воля ваша, мессир, – кивнул польщённый принц Келдон.

Поклонившись, Каладиус взялся за бутылку, чтобы разлить вино, но его остановил больше похожий на стон возглас великого князя:

– Прошу вас, мессир, никакого вина! – буквально взмолился он. – Ваш чудесный эликсир, конечно, творит чудеса, но сейчас я даже глядеть на вино не могу!

На мгновение Каладиус изменился в лице, и в глазах его мелькнула явная досада. К счастью, никто этого не заметил. Но уже через секунду он улыбнулся.

– Что ж, ваше высочество, никакого вина! – проговорил он. – И коль вы даже глядеть на него не желаете...

И вдруг маг швырнул бутылку прямо в горящий камин, взметнув оттуда целую тучу пепла. Вино зашипело на раскалённых углях, вытекая из откупоренного горлышка. Традиус, который в отличие от принца не злоупотреблял вином минувшим вечером, не удержался от горестного возгласа. Однако Келдону эта выходка явно понравилась, и он расхохотался. Вслед за ним рассмеялись все, даже мессир Традиус.

– И чтобы ничто нам не напоминало о вине... – и четыре

глиняные кружки полетели вслед за вином в огонь.

– Вы – невероятный оригинал, мессир! – утирая глаза, воскликнул Келдон.

– Спасибо, ваше высочество. И коль уж я сегодня ваш распорядитель завтрака, то сделайте милость – обождите ещё десять минут. Я сейчас приду.

И Каладиус поспешно вышел. Он вернулся, как и обещал, примерно через десять минут, держа в руках поднос с пятью серебряными глубокими тарелками.

– Если уж мы хотим как следует позавтракать – зачем есть из этих дрянных глиняных плошек? – провозгласил он. – Ещё зимой я однажды наткнулся в одной лавке на чудесный серебряный сервиз, и решил прикупить. Вот он и пригодился!

На самом деле, Каладиус купил эти миски всего пару дней назад как раз на подобный случай и теперь был несказанно рад собственной предусмотрительности.

– Да вы просто балуете нас, мессир! – воскликнул принц.

– Пусть так, – не стал отрицать маг. – Я знаю, ваше высочество, что вы – не гастроном, но всё же мне хотелось показать вам особенности палатийской кухни. Я считаю, что если вы хотите постичь страну – отведайте её национальных блюд! А вам, ваше высочество, это необходимо, коль уж волею судьбы вы вынуждены выступить на дипломатическом поприще. Заверяю, блюда, что таятся под этими крышками, могут удивить не только вас, но и, пожалуй, остальных при-

сутствующих. Наш добрый хозяин и его поварята трудились всю ночь, не покладая рук!

– Ну прекратите же нас томить, мессир! – шутливо взмолился принц Келдон. – Признаюсь, что у меня уже не на шутку разыгрался аппетит!

– Тогда предлагаю начать с первого блюда, – улыбнулся Каладиус, хотя на его лысине проступили бисеринки пота. – Это весьма необычное блюдо, господа, и, ручаюсь, до сегодняшнего дня никто из вас его не пробовал. Между тем, в палатийской глубинке это блюдо пользуется большим почётом. Говорят, что оно дарует человеку здоровье, а мужчине – невиданную мужскую силу!

– Не думаю, что в ближайшие дни мне это потребуется, но вы меня заинтриговали, мессир! – рассмеялся принц. – Так что же это за чудесное кушанье?

– Это бульон из бычьих фаллосов, ваше высочество, – невозмутимо ответил маг.

– Вы должно быть шутите! – вскричал великий князь под дружный ропот присутствующих.

– Ничуть. Вот, судите сами, – и Каладиус поварёшкой выудил из кастрюльки скрученный, словно колбаса, кусок сизого хрящевидного мяса.

– Убей меня Асс, если я притронусь к нему! – воскликнул принц, причём уже вполне серьёзно.

– Местные жители почитают это отличным деликатесом! И должен заметить, это действительно очень вкусно и пита-

тельно!

– Вы пробовали это???

– Конечно, и не один раз! За триста лет жизни трудно вспомнить блюдо, которое бы ты ни разу не отведал. Кстати говоря, знаете, как называют этот бульон местные жители? «Проснись». Говорят, он здорово помогает при похмелье, именно поэтому я решил, что мы должны начать с него!

– Во имя богов, давайте приступим к следующему блюду, если, конечно, вы не припрятали там жареные коровьи лепёшки!

– Нет, ваше высочество, следующим блюдом будет паштет из жаворонков, но должен заметить, что вы позволили мне быть распорядителем этой трапезы, и я прошу довериться мне.

– Воля ваша, мессир, – задумавшись, кивнул Келдон и тут же расхохотался. – Клянусь, это будет забавно! Отличный анекдот, над которым будет смеяться весь Кинай. Но только лишь бульон! Ради всех богов, мессир, не заставляйте меня пробовать член!

– Пусть будет один бульон, хотя вы сами не знаете, чего лишаетесь! – засмеялся Каладиус.

Заметно трясущимися руками он наполнил тарелки дымящимся бульоном.

– Хочу отметить, ваше высочество, что ваши люди в соседней комнате также завтракают, так что за них можете не переживать.

– И тоже бычьим хреном?

– Нет, подобные деликатесы у нас исключительно для принцев! – несколько натужно посмеялся маг.

Центурион Башас, заметив дрожь в руках старика, поспешил вскочить и передать тарелки с золотистым наваристым бульоном своим сотрапезникам.

– Местные жители пьют этот бульон прямо из тарелки, а не едят ложкой, – предупредил Каладиус, усаживаясь на своё место.

– Хвала богам! – принц Келдон отложил ложку. – Одним махом будет проще!

Каладиус и впрямь наполнил тарелки лишь на треть, так что дородному мужчине вроде принца не составляло особого труда выпить содержимое за один присест.

– Вот увидите, ваше высочество, это блюдо ещё станет одним из ваших любимых! – посулил маг, видя, как брезгливо кривятся его товарищи, поглядывая на золотистую жидкость.

И, подавая пример остальным, он, прихлупывая, поскольку бульон был довольно горячим, втянул в себя почти половину содержимого своей тарелки. Следом, очертя голову, пригубил и великий князь.

– Во имя хаоса, – ополовинив тарелку, воскликнул принц. – Стыдно признать, но это действительно очень вкусно! Если бы ещё я не знал, из чего оно приготовлено!..

– А что я вам говорил, ваше высочество? – улыбнулся Ка-

ладиус, ставя тарелку с остатками бульона на стол. – Не только вкусно, но и весьма полезно! Ручаюсь, вскоре от вашего похмелья не останется и следа! Может быть, хотите добавки? Или решитесь попробовать... гм... мяса? – прибавил он, увидев, что миска принца уже пуста.

– Нет, благодарю, – не церемонясь, Келдон утёр безусые губы рукавом, который, судя по виду, частенько использовался по данному назначению. – Вы что-то говорили о паштете? Пожалуй, я лучше бы отведал его. Кроме того, я вижу и другие блюда, укрытые крышками, и мне страсть как хочется узнать – каковы они на вкус! Нужно оставить место и для них, если, конечно, среди них нет больше ничего излишне экзотичного.

– Нет, ваше высочество, другие блюда более традиционны, но и они сумеют вас удивить, ручаюсь! Наш хозяин просто волшебник! Мне доводилось пробовать такой бульон раньше, но никогда он не казался таким вкусным!

Остальные участники трапезы также были вынуждены признать, что суп из бычьих фаллосов действительно оказался весьма вкусным. Традиус, пожалуй, сожалел о столь бесславно погибшей в огне бутылке с хорошим вином, но остальные заметно повеселели и приободрились.

Паштет из жаворонков оказался выше всяких похвал. На сей раз в роли раздатчика пищи выступил Башас, дабы не утруждать лишний раз старого мага. Тот, впрочем, не особенно и возражал. Все пятеро уплетали паштет с кусками

ещё тёплого пшеничного хлеба, позабыв, что нужно оставить место и для других блюд.

Когда Традиус закашлялся в первый раз, это было похоже на то, что он просто подавился едой. Он и сам так решил, поэтому вновь с грустью подумал о вине и взялся за чашку с водой. Но почти вслед за ним закашлял Башас, а затем и великий князь.

Вскоре кашель стал надсаднее, в нём появились хрипы. Каладиус, который для правдоподобности также влил себе в тарелку три-четыре капли отравы, кашлял тоже, но чувствовал себя куда лучше, чем хотел показать. Поначалу четверо мужчин лишь удивлялись тому, что кашель так внезапно застиг их всех, но когда он стал нестерпимым, спазмами сдавливая гортань и не давая вдохнуть полной грудью, пришло осознание. Это было видно по их глазам и изменившимся лицам. Все повскакивали со своих мест, хватаясь за горло и надсадно хрипя, однако дыхания уже не хватало, чтобы проронить хоть звук.

– Это яд!.. – сквозь кашель выдавил из себя Каладиус. – Каналья-трактирщик!.. Мы отравлены...

Келдон сделал несколько неверных шагов к двери, чтобы позвать паладинов, но его скручивало в приступах нестерпимого кашля. Было видно, что он не может вдохнуть, и что с каждой секундой нехватка воздуха сказывается всё сильнее.

– Я... спасу нас... ваше высочество... – прохрипел Каладиус.

Он схватил принца за одежду якобы в приступе какой-то агонии, но на самом деле для того, чтобы не дать ему открыть дверь. Упал Традиус – его лицо приобретало какой-то фиолетово-синюшный оттенок, так же как и лица всех остальных за исключением самого Каладиуса. Великий маг тоже ощущал некоторый дискомфорт в горле, но не более того.

Почти сразу же за Традиусом повалился легат Понтс и Башас. Принц всё ещё стоял на ногах, но, кажется, уже не сообщал, что происходит. Каладиус слегка потянул его за камзол, и Келдон рухнул, теряя сознание.

Теперь нужно было действовать очень быстро. Достав из потайного кармана склянку с зельем, маг вылил его всё без остатка в кастрюлю с бульоном. Покойный алхимик не поспешил на яд – его вполне хватило бы, чтобы уложить добрую центурию.

Не теряя времени, Каладиус перешёл к следующему этапу своего плана. Ему нужно было создать мощное сотрясение в *возмущении*, которое почувствовали бы даже самые нерадивые из магов в окрестности мили. К счастью, годы тренировок не прошли напрасно. Быстро введя себя в состояние медитации, он сосредоточился на первом, что попало ему на глаза – большом глиняном блюде, стоящем на столе. Всего несколько секунд – и блюдо исчезло, словно растворившись в воздухе с привычным уже шипящим звуком, оставив после себя несколько осколков размером с ноготь младенца и немного глиняной пыли, словно этим блюдом тёрли о шер-

шавую каменную стену.

Теперь нужно было действовать необычайно быстро, чтобы привести в чувство четверых человек до того, как они умрут. Магу очень не хотелось бы, чтобы кто-то из тех, кого он считал друзьями, умерли бы от его руки, однако важнее всего был, конечно же, Келдон. Бросившись на колени перед принцем, Каладиус что было сил закричал:

– Сюда! Ко мне! Измена!..

Всего через несколько мгновений тяжёлая дверь с грохотом распахнулась и в проёме возникли вооружённые палатины.

Глава 24. Ветры Севера

Хвала богам – всех четверых жертв покушения удалось откачать. Принцем занялся лично Каладиус, с остальными помогли палadini. По приказу мага (поскольку великий князь пока что был не в том состоянии, чтобы приказывать) были схвачены хозяин гостиницы и все слуги. Все они, не до конца понимая, в чём дело, но чувствуя недоброе, тряслись и причитали, многие плакали не таясь.

– Так ты хотел отравить великого князя, паскуда? – всё ещё делано кашляя, воскликнул Каладиус, хватая насмерть перепуганного трактирщика за ворот.

– Да как же, ваша милость?.. – заканючил тот, захлёбываясь слезами и слюной. – Я тут совсем не при чём... Вы же знаете... Я же...

– Яд был в бульоне или паштете? – не слушая, рявкнул Каладиус.

– Какой яд?.. Я ничего не знаю... Не было никакого яда!.. Я сам пробовал каждое блюдо...

– Впрочем, это легко выяснить, – отмахнулся маг. – Эй, ну-ка, поди сюда!

Он жестом подозвал одного из слуг – первого попавшегося на глаза. Тот непонимающе глядел на него круглыми от ужаса глазами. Видя это, один из легионеров, которые стояли позади схваченных палатийцев, грубо толкнул его в спину,

так что тот едва не упал в объятия зловещего волшебника.

– Начнём с супа... На, ешь! – Каладиус зачерпнул бульон из кастрюли поварёшкой и протянул несчастному.

Тот машинально выпил, вероятно, даже до конца не осознавая – для чего. Каладиус ткнул пустой поварёшкой в другого слугу:

– Ты, иди сюда. Ешь!

Второй подошёл сам и покорно съел недоеденный кем-то кусок хлеба со щедрой порцией паштета на нём.

– Что ж, сейчас мы узнаем, куда ты добавил яд, каналья! – прорычал Каладиус, зверски глядя на хозяина гостиницы.

Произошла немая сцена. Даже паладины, возившиеся с пострадавшими, на какое-то время оторвались от дел и зачарованно смотрели на двух несчастных. Да и сами отравленные, которые уже больше не давились кашлем, повернули головы. Зависла почти полная тишина, нарушаемая лишь топотом множества кованых ботинок и грохотом мебели – это легионеры переворачивали гостиницу вверх дном, сами не зная, что они ищут. В этом ожидании чьей-то смерти, в этом своеобразном соревновании, в этой лотерее было нечто столь завораживающее, что даже сами двое жертв перестали хныкать и с каким-то испуганным благоговением смотрели друг на друга.

Примерно через четыре-пять минут тот, что пробовал бульон, начал покашливать, затем кашель усилился, и вскоре он в судорогах рухнул на пол, раздирая горло и страшно хри-

пя.

– Значит, отравлен был суп! – торжествующе объявил Каладиус, будто это что-то объясняло.

– Я ничего не делал! – опомнившись, вновь завыл хозяин.

– Конечно же, – ухмыльнулся маг. – Наверное, это сделал я, не так ли?

– Я ничего не делал!.. – несчастный трактирщик, обезумев от страха, только и мог, что раз за разом повторять одну и ту же фразу.

– Уведите и закройте их хорошенько, – так, словно он всю жизнь командовал легионерами, проговорил Каладиус. – Мы поговорим позже, а пока что здесь слишком много людей. Его высочеству требуется больше воздуха.

Безо всяких возражений легионеры вытолкали палатийцев из комнаты.

– Вы тоже выйдите, но оставайтесь у двери, – обратился Каладиус к паладинам.

Те, надо отметить, всё же молчаливо взглянули на принца, но, получив от него ответный кивок, удалились. Дверь, правда, оставили открытой и встали так, что маг видел их спины.

– Как вы себя чувствуете, ваше высочество?

– Лучше... – односложные ответы – это всё, что давалось сейчас великому князю. Он уже принял полусидячее положение, опершись спиной о стену.

– А вы, друзья?

– Мы в порядке, мессир, – кое-как выдавил легат Понтс.

– Я останусь безутешным до конца своих дней... – заговорил Каладиус. – Это ведь я организовал этот злосчастный завтрак...

– Вы ни в чём не виноваты, – выдавливая из перекошенного рта слово за словом, будто комки ветоши, проговорил Келдон. Действие яда уже закончилось, но горло всё ещё плохо слушалось своего хозяина.

– Но он использовал мой порыв для своих гнусных целей... Мерзавец! Похоже, он метил именно в вас, ваше высочество, ведь мы прожили здесь много месяцев, и он ни разу не выказывал свою враждебность.

– Но как вам удалось всех нас спасти? – спросил Понтс, который, кажется, приходил в себя быстрее остальных.

– Конечно же при помощи магии, легат, – охотно ответил Каладиус. – Как только я понял, что это – яд, то тут же создал заклинание, очищающее кровь от отравы. К счастью, в прошлом у меня уже был похожий опыт, и я потратил много времени и усилий, чтобы освоить эту магию. Кроме того, за столетия я приучил свой организм к ядам, так что на меня он не оказал столь разрушительного воздействия, как на вас.

– Кажется, сам Арионн послал вас мне, мессир, – просипел Келдон, пытаясь восстановить дыхание. – Я в неоплатном долгу перед вами, да и весь Латион тоже!

– Благодарю, ваше высочество, но уже тот факт, что я спас наследника латионского престола, сам по себе является для

меня достаточной наградой, – скромно проговорил маг.

– Но что это за магия, которая способна очистить кровь от яда? – наконец подал голос Традиус. – Никогда не слышал о подобном...

– Извольте, друг мой, позже я охотно объясню вам, если сумею.

– Мессир прав, – вновь заговорил принц. – Сейчас главное – это узнать, кто стоит за этим покушением, и есть ли у этого мерзавца сообщники.

– Если позволите, ваше высочество, – произнёс маг. – Я бы мог поговорить с трактирщиком. Поверьте, у меня есть способы развязать любой язык.

– Что ж, мессир, я сейчас всё равно не в том состоянии, чтобы вести допрос, да и не пристало это принцу. Если вы можете оказать мне ещё и эту услугу – вы обяжете меня ещё больше.

– Ручаюсь, ваше высочество, самое позднее через час я буду знать всё, – зловеще произнёс Каладиус.

Маг управился даже быстрее, чем обещал. Не позднее, чем через три четверти часа он вышел из комнатки, где допрашивал трактирщика.

– Вынесите его оттуда, – кивнул он двум легионерам, на всякий случай дежурящим у дверей.

Солдаты, переглянувшись, вошли в каморку и увидели те-

ло, лежащее на полу. Впрочем, они уже примерно представляли, чего им ждать, поскольку из-за запертой двери на протяжении долгого времени неслись мучительные вопли. Тело трактирщика было покорёжено, на нём виднелись кровоподтёки и даже подпалины. Шея несчастного была смята, а кадык буквально вдавлен внутрь. Впрочем, легионеры без особых церемоний подхватили труп подмышки и поволокли во двор.

– Что вы узнали, мессир? – воскликнул принц, едва завидел входящего в комнату заметно уставшего волшебника.

Надо сказать, что все четверо к этому времени уже вполне пришли в себя.

– Я узнал всё, ваше высочество, как и обещал. Должен признаться, что старый прохиндей не сможет ответить по закону, ибо он мёртв.

– Надеюсь, он умер не лёгкой смертью... – процедил Келдон.

– О, за это можете не беспокоиться, ваше высочество.

– И что же вы узнали?

– Позвольте сперва глоток вина – я совсем без сил...

Перед принцем действительно стояло блюдо с жарким и бутылка вина, которое, очевидно, после пережитого уже не казалось ему отвратительным. Надо отметить, что за вином и мясом посылали в казарму легиона, поскольку в штабе употреблять что-либо в пищу Келдон не решался.

– Разумеется, мессир! – принц собственноручно налил в

кружку вина.

Каладиус отхлебнул и тут же пожалел об этом – всё-таки солдатское вино было не чета тем, к которым уже привыкло его нёбо. Поморщившись, он оставил кружку.

– Вы слышали когда-нибудь, ваше высочество, о такой организации как Ветры Севера?

– Впервые слышу о ней, мессир, – пожал плечами принц.

– А вы, легат?

– Никогда о такой не слышал, мессир.

Собственно, это было и не мудрено, учитывая, что название, как и саму организацию, выдумал самолично Каладиус.

– Я и сам не слышал о ней до сего дня, – кивнул маг. – А между тем, оказывается, у палатийцев есть такая тайная организация, которая поставила перед собой задачу окончательно решить латионский вопрос. И, насколько я мог понять, она имеет покровителей на самом верху, среди правящей элиты. Не знаю, замешан ли сам король, но кто-то из Палаты Гильдий³⁵ замешан наверняка.

– Что за идиотское название! – презрительно фыркнул принц.

– Полагаю, они пытаются апеллировать к своей истории, ваше высочество, – пояснил Каладиус. – Ведь, если вы

³⁵ Палата Гильдий – представительный орган королевства Палатий, в который входят представители всех крупных торговых гильдий страны. По своей сути является расширенным правительством Палатия, но при этом отчасти выполняет и функции парламента. Также именно Палата Гильдий избирает нового короля Палатия, причём исключительно из своих членов.

помните, именно палатийцы обрушили Кидуанскую империю. Судя по всему, они решили сделать то же самое и с нашим благословенным королевством. Кажется, кому-то в Палатие тоже надоело быть счетоводами, как вы изволили выразиться, и захотелось на время снова стать теми легендарными северными варварами, какими они были когда-то.

– Эти времена давно прошли, мессир, можете мне поверить! – скривившись, прорычал Келдон. – Этот народец измелчал и помешался на серебре! Но оставим исторические диспуты учёным! Так что – эта организация столь многочисленна, что их люди есть повсюду?

– Отнюдь, – покачал головой маг. – Не думаю, что их очень много. Но здесь, в Белли, они, конечно, оказались не случайно, ведь именно тут квартировал всю зиму Второй легион. Наш любезный хозяин признался, что был завербован совсем недавно – всего несколько дней назад.

– А, наверное, когда они прознали, что я буду в этом вшивом городишке! – прошипел Келдон, сжимая кулаки.

– Я тоже так думаю, ваше высочество, – кивнул Каладиус. – Здесь находился агент организации, который и завербовал нашего несчастного дурачка.

– Кто он? Трактирщик назвал его? Нужно немедленно послать к нему легионеров!

– Не беспокойтесь, ваше высочество, я осмелился сам отдать такой приказ, уж извините, легат Понтс... – легат в ответ несколько кисло кивнул. – Этот человек – какой-то мест-

ный аптекарь, или что-то вроде того. Знахарь или учёный – этого я толком не понял. В общем, я думаю, что именно он и передал яд.

– Ублюдок!.. – злобно процедил принц. – Клянусь, он выкашляет свои лёгкие и съест суп, отваренный на его же собственном члене!

– Он живёт за городом, так что его доставят сюда не раньше, чем через час.

– Ничего, мы подождём... Так этот прохиндей утверждал, что за ними стоит кто-то из Палаты? – вновь вернулся к более важным вопросам Келдон.

– Ну ему намекнули, что это кто-то весьма влиятельный из Шинтана, – Каладиус был вынужден балансировать между желанием сгущать краски и правдоподобием своей версии, ведь очевидно же, что никто не станет отчитываться перед простым исполнителем о руководителях общества. – Я думаю, что столь дерзкую атаку могли осуществить лишь с ведома кого-то весьма и весьма влиятельного. Убийство наследника трона – это нешуточное дело.

– И они поплатятся за это, клянусь! Проклятые крысы! – рявкнул принц, вновь раздражаясь. – Сразу видно, что эти крючкотворы совсем разучились воевать и потеряли последние крохи достоинства! Яд – это самое презреннейшее из всех орудий, орудие труса! – и он машинально потёр саднящее до сих пор горло. – Кстати, мессир, за всей этой суматохой мы так и не отблагодарили вас как следует за спасение!

– Что вы, ваше высочество... – притворно потупился Каладиус.

– Нет, прошу! – великий князь порывисто вскочил на ноги и отвесил глубокий поклон. – Я от всего сердца благодарю вас, мессир, и прошу – распорядитесь мною как сочтёте нужным! Отныне я – вечный ваш должник!

– Как и я! – поднялся на ноги легат Понтс. – Надеюсь, мессир, однажды я сумею вернуть этот долг!

– Отныне я ваш преданный слуга, мессир! – поклонился центурион Башас. – Повелевайте мною как сочтёте нужным!

– А я говорю, что отныне я не просто ваш слуга, но и ваш подчинённый, ибо я прямо сейчас ходатайствую перед легатом Понтсом и его высочеством о том, чтобы вы стали командиром магического подразделения! Никто не достоин этого больше вас, мессир!

– Лыщу себя надеждой, что вы будете не моими слугами, но моими добрыми друзьями, господа! – растроганным голосом произнёс Каладиус. – Ибо дружба таких людей как вы – самая большая ценность в этом мире!

– Уж в этом вы можете быть спокойны, мессир! Говорю это от лица всех присутствующих! – заявил Келдон и протянул магу руку.

– Благодарю вас, – Каладиус по очереди пожал четыре руки, правда, так и не снимая своих тонких чёрных перчаток.

– Мы должны как-то отомстить этим торгашам! – заявил Понтс. – Такое преступление не может остаться безнаказан-

НЫМ!

– Уж не предлагаете ли вы сжечь Белли? – поинтересовался принц, причём в его тоне читалось не предосуждение, а простое любопытство.

– Почему бы нет? Мы не знаем, сколько ещё изменников находится здесь!

– Я думаю, есть способ лучше, – заговорил Каладиус. – Быть может, Второму легиону нанести удар по какому-нибудь из близлежащих городков? Показать им, на что способны легионы Латииона!

– Хорошая идея, мессир! – подхватил Келдон. – К Гурру это перемирие! Снесём ко всем дьяволам эту паршивую страну! Убьём их мужчин, сожжём дома, изнасилуем женщин! Именно так встарь поступили бы эти северяне! Покажем, что их ветер с севера – лишь газы из задницы болотной лягушки! Пришла пора показать, что такое южный ветер!

– Великолепная речь, ваше высочество! – похвалил Каладиус. – Именно такие речи нужно произносить перед войском накануне битвы! Но вы должны отправляться в Латиион. Вы должны рассказать его величеству о том, что произошло. Предоставьте нам делать свою работу!

– Я могу вернуться в Латиион через пару дней, – отвечал разочарованный Келдон. – В конце концов, это на меня было совершено покушение, и я имею право отомстить!

– Принцы, ваше высочество, мстят не как простые смертные. Ваш Второй легион станет мечом в вашей руке, и с ва-

шем именем воины войдут в поверженный город!

– Вы правы, мессир, – неохотно сдался принц. – Тогда, быть может, вы последуете за мной? Я представлю вас при дворе, и даю слово – вас ждёт там блистательная карьера!

– Это было бы чудесно, ваше величество, но меня, кажется, только что произвели в командиры, а командир не должен покидать свой отряд, – улыбнулся маг.

Конечно, у Каладиуса был великий соблазн бросить эту полукочевую солдатскую жизнь, к которой он до конца, наверное, так и не привык. Но он понимал, что пока не время показаться при дворе. Сейчас слишком большое внимание было бы приковано к его персоне. Кому-нибудь вполне могла бы прийти в голову мысль просмотреть архивы Академии, чтобы выяснить, пусть даже из чистого любопытства, когда там обучался легендарный волшебник. Кроме того, в Латиионе были маги более сильные и опытные, нежели Традиус, и для них нужно было придумать весьма убедительную версию того, как он волшебством сумел очистить кровь от яда. В общем, быстро поразмыслив, он решил, что для него будет пока ещё рано отправляться в столицу.

– Это прекрасные слова, мессир! – воскликнул принц.

Так во взаимных расшаркиваниях и комплиментах прошло время до момента, когда посланные за алхимиком легионеры вернулись и доложили, что тот исчез, причём, похоже, день или два назад, поскольку цепной пёс, судя по всему, не ел уже довольно давно.

– Должно быть, он сбежал сразу же, как передал яд, – скрипнул зубами принц. – Понимал, каналья, что наши легионы перетряхнут тут каждый камешек, чтобы отыскать убийц! Надеюсь, однажды он попадёт в мои руки! Понтс, отправьте дюжину ваших лучших ищеек по окрестностям – он не мог уйти далеко!

– Слушаюсь, ваше высочество! – отсалютовал легат.

– Что ж, думаю, что мессир прав, и мне нужно отправляться в Латион. А вы, легат, не теряйте времени! Уверен, что в ближайшие дни вы уже сможете нанести первый удар. Обещаю, самое позднее – через три недели у вас будет подкрепление для более глубокого проникновения. Может хоть в этот раз нам удастся дойти до клятого Шинтана!

– Но ваши люди, – напомнил Понтс. – Они всё ещё движутся к Терренау. Они попадут в ловушку, когда мы начнём наступление!

– Вы правы, легат. Я пошлю одного из своих людей предупредить их.

– Вот ведь палатийцы удивятся, когда не дождутся обещанной делегации, а вместо этого Латион начнёт боевые действия! – усмехнулся Каладиус.

– Не удивятся, – отрезал принц. – Уверен, что они поймут. Глядя вслед скачущему во весь опор принцу, Каладиус крайне сомневался, что палатийцы поймут, что же произошло. И это было ему чрезвычайно на руку.

Глава 25. Справедливое возмездие

Лишь оставшись наедине, Каладиус наконец выдохнул. Он до сих пор не мог ещё до конца поверить, что всё прошло настолько гладко. Сам он видел в своей истории такое количество мелких недочётов и нестыковок, что в совокупности они превращались в одну большую нестыковку и недочёт. Из этой истории торчало огромное количество хвостов, и потяни за любой – вытянешь злобную псину, которая вцепится в горло.

Но – и на это был расчёт мага, который в конечном итоге и оправдался – никто даже не стал не то что тащить за эти хвосты, но и искать их. Будь на месте Келдона более взвешенные и осторожные палатийцы – у них наверняка нашлись бы вопросы к Каладиусу. Очень и очень неудобные вопросы, ответить на которые было бы сложно. Но воинственным латионцам был нужен лишь повод, чтобы отказаться от ненавистного перемирия – и они за него с радостью ухватились.

Людам в большинстве случаев не нужна правда. Им нужны подтверждения их собственных взглядов и мыслей. Келдон хотел войны – он её получил. Он хотел видеть врага в любом палатийце – Каладиус предоставил ему такую возможность. Да, Каладиусу можно было бы задать много вопросов, на которые было бы непросто найти ответ. Но он точно знал, что никто даже *не захочет* этого делать.

Теперь, насколько он мог представить себе ситуацию, Латин был у него в кармане. Теперь нужно лишь подождать, пока немного утихнут лишние разговоры, покорив тем временем несколько захолустных городков. Восторженные голоса разнесут его подвиги, многократно преумножив их по дороге. Он сможет стать легендой ещё до того, как появится при дворе. И тогда уж никто не посмеет усомниться в нём. Главное – не упустить удачу. Но на этот счёт Каладиус в себе не сомневался.

Ощущал ли он угрызения совести, ведь по его вине уже погибли люди, а вскоре погибнут сотни, а то и тысячи? Каладиус, ещё будучи Олни Стайком, а позднее – Каррисом, всегда считал себя человеком скорее хорошим, нежели наоборот. Но вот выходило так, что он – настоящее чудовище, который своими собственными руками уже убил четверых человек (включая того бедолагу, на котором он испробовал отравленный бульон), рискнул жизнью ещё четырёх человек, из которых минимум одного вполне мог бы назвать если и не другом, то хорошим приятелем, а ещё он ради собственной выгоды разрушил мир, который вот-вот должен был воцариться на севере Паэтты.

И однако же, понимая всё это, Каладиус почему-то не ощущал себя чудовищем. Скорее уж чудовищными были обстоятельства, которые и заставляли его делать эти довольно неблагоприятные вещи. Если уж задуматься, то что важнее для мира – великий маг вроде него, или же какой-то бесталанный

трактирщик, который только и умеет хорошо, что варить супы из бычьих членов?

Каладиус хорошо осознавал свою ценность и уникальность, и был уверен, что даже гибель целых городов будет оправдана, если благодаря этому он займёт подобающее ему место в этом мире. Молодой человек был твёрдо убеждён, что он принесёт ещё немало добра, и не дать этому свершиться было бы как раз самой настоящей чудовищностью.

Стыдилась бы мама его поступков, или гордилась бы ими? И хотя сейчас, спустя полтора десятка лет, он уже не мог вспомнить черт её лица, но всё же был уверен, что мама очень гордилась бы им, и у неё не нашлось бы ни одного слова осуждения. Впрочем, положив руку на сердце, Каладиусу, похоже, было глубоко плевать на любые осуждения. Все эти люди вокруг него – не более чем трава у корней могучего дуба. Умрут они, их дети, внуки, и правнуки, а он будет жить. В легендах – так уж точно! Так стоит ли дубу переживать, что от его могучей сени хиреет внизу трава, коли она и так вскоре пожухнет, едва лишь наступит осень?

Как бы то ни было, но было ясно, что нужно двигаться дальше, чтобы страдания всех этих людей оказались не напрасными. Правда, это неизбежно вело к страданиям ещё большего количества людей, но что ж – в этом был залог того, что он никогда не остановится! В конце концов, сама жизнь становится бессмысленной, если не жить!

Легионеры всё же спалили гостиницу, не слишком заботясь о том, что пламя легко может перекинуться на соседние дома. Они не препятствовали несчастным беллийцам, суматошно носящим кожаные вёдра с водой, чтобы поливать стены ближайших построек и не давать им вспыхнуть, но и помогать не собирались. Жители города и раньше формально были врагами, но теперь от былой формальности не осталось и следа.

Гостиничных слуг бросили в подвал в здании гарнизона, не зная хорошенько, что же с ними делать. Было ясно, что они не принимали участия в заговоре, но отпустить их не поднималась рука. Был взят под стражу и бургомистр, которому было объявлено, что город Белли взят войсками Латина и находится в полной их власти, что порядком обескуражило достойного градоначальника, поскольку его город был оккупирован уже довольно давно.

На экстренном заседании штаба было принято решение выдвигать легион к городку Террсти, находящемуся милях в пятнадцати юго-восточнее от Белли. Однако этому воспротивился Каладиус.

– Не находите ли вы, господа, что довольно странно завоёвывать город, который формально и так уже завоёван, ведь он, если я не ошибаюсь, располагается на оккупированной территории?

– Но там нет наших войск, мессир, и к тому же Террсти

– достаточно зажиточный городок, – попытался объяснить Понтс. – Мы вновь установим контроль над этим городом, и это будет совсем не сложно.

– Не того хотел бы от нас его высочество, – скептически покачал головой маг. – Разве это будет удар возмездия, если мы направим его острие к нашим границам? Если мы будем разорять *наши* территории? Нет, господа, я полагаю, что нам единственный путь – на север! Только если мы вгрызёмся в незавоёванные области Палатия, как волк вгрызается в вымя корове, мы действительно осуществим возмездие и правосудие! Иди речь об обычной тактической операции – я бы не стал спорить с такими опытными полководцами как вы, но речь идёт о том, чтобы продемонстрировать Шинтану, что мы не позволим травить наших принцев!

– Но это будет уже полномасштабная война! – возразил центурион Башас.

– А разве не этого мы хотим? – хищно ухмыльнулся обожжёнными губами маг.

– Но у нас нет приказа, – неуверенно произнёс Понтс. – Только слова принца, брошенные сгоряча. А что если его величество откажется от продолжения войны? Вы понимаете, что будет с нами за то, что начали несанкционированные военные действия?

– Его величество не откажется, – мягко, но убедительно произнёс Каладиус. – Не в этой ситуации. Я ручаюсь вам в этом, легат. Кроме того, иногда нужно рисковать, особенно

если риск оправдан.

Было видно, что Понтс колеблется. Также колебались и центурионы. Все они понимали, каковы могут быть последствия этого решения. Конечно, сумасбродный и непредсказуемый характер латионского короля был знаком им куда лучше, нежели Каладиусу. Но та неведомая внутренняя сила, что проистекала сейчас от великого мага, воздействовала на этих бывалых вояк, заставляя их стыдиться своей нерешительности.

– Будем говорить прямо, господа, – обведя взглядом присутствующих, произнёс маг, понизив голос. – Его величество уже не молод. Рано или поздно принц Келдон станет королём. Ему нужны будут новые люди, которыми он окружит себя. Уверен, что он выберет тех, кто подтвердил, что в решающий момент он принимает верную сторону. Я хочу оказаться в круге этих людей. А вы?

– Что ж, если никто не против – выступаем на Клайтс, – ткнув пальцем в довольно крупную карту, расстеленную на столе, Понтс обвёл всех тяжёлым взглядом, в котором теперь светилась лишь решимость.

Никто не был против. Клайтс – городишко поменьше Террсти, но он был примерно на том же удалении к северу. То есть, на территориях, не оккупированных Латионом. По крайней мере, пока.

– Что ж, тогда легион – в боевую готовность. Выступаем завтра с рассветом. И да помогут нам боги!

С ночи, не переставая, сеял небольшой дождик – типичная погода для весны в этих местах. Он порядком подпортил настроение Каладиусу, который на правах командира магического взвода скакал на прекрасном белом скакуне по левую руку от легата Понтса. К счастью, весенние дожди, в отличие от осенних, редко превращают дороги в месиво, так что легион почти не терял в скорости.

До Клайтса было порядка одиннадцати-двенадцати миль по не очень хорошей дороге, петляющей между перелесками и зарослями кустарника. Жители немногих деревушек, что попадались на пути, сперва с изумлением глядели на громахющую металлическую реку, что текла мимо их домов, а затем бросались опроретью под защиту деревьев от греха подальше, хотя легионеры не чинили им никакого зла.

Понтс то и дело исподтишка поглядывал на волшебника, словно ища поддержки или мужества. Кажется, он до сих пор не мог до конца избавиться от мрачных мыслей по поводу столь вопиющего нарушения субординации. Лишь его величество король мог отдавать подобные приказы. Легат понимал, что в случае чего почти все шишки посыплются именно на него. Хитрый маг, что ворчливо натягивал поглубже на лоб широкополую шляпу, пытаясь спрятать лицо от мелких капель дождя, наверняка выйдет сухим из воды.

Но отступить, конечно, уже было поздно. Теперь лишь

оставалось надеяться на быструю и блистательную победу, ведь победителей, как известно, не судят. Увы, победа обещала быть быстрой, но отнюдь не блистательной, поскольку Клайтс вряд ли представлял из себя хоть сколько-нибудь укрепленный город.

Два двухчасовых перехода, плюс час на отдых – и впереди показались неказистые стены Клайтса. Нечастный городишко будто съёжился при виде надвигающейся на него беды. Невысокие серые стены не были рассчитаны на серьёзную осаду, да и вряд ли в городе набралось бы хотя бы полторы сотни солдат, чтобы его защищать. Были, конечно, сами горожане, но большинство из них вряд ли хоть раз в жизни стреляли из лука или держали в руках копьё.

Каладиус досадливо скривился. О таких штурмах после не слагают легенд. Вполне возможно, жители Клайтса вообще решат не оказывать сопротивления и оставят ворота открытыми. Это было бы вполне в духе современных палатийцев – с горечью подумал он.

Латионцы шли, не таясь. Более того, не дойдя до стен города ещё добрую милю, Понтс велел горнистам сигналить о приближении легиона. Бравурные звуки горнов, эхом отлетая от небольших берёзовых и осиновых перелесков, прозвучали словно похоронное карканье ворон. Это были звуки, не оставлявшие двусмысленности в намерениях легионеров. Теперь, если город собирался обороняться, он, наверняка, уже стоял на ушах.

– Клянусь Ассом, ворота заперты! – через некоторое время воскликнул Понтс.

В его голосе слышалось и удивление, и потаённая радость, и даже некое уважение к горожанам. Судя по всему, он, как и Каладиус, не ожидал слишком многого от палатийцев.

– Пошлём парламентёров? – подъехал ближе центурион Башас.

– Ни в коем случае! – поспешно возразил Каладиус, видя, что Понтс призадумался.

Это было уже чересчур – каким бы великим магом ни был Каладиус, как бы ни были ему обязаны жизнью оба командира, но он явно брал на себя слишком многое. Понтс недовольно нахмурился, взглянув на мага, тогда как Башас уставился на него с растерянным изумлением. Каладиус понял, что допустил промах, и поспешил оправдаться:

– Прошу извинить меня, легат, что влез в ваш разговор... Это случилось помимо моей воли – я вовсе не хотел указывать вам, что делать. Я задумался о своём, и слова центуриона Башаса просто перекликнулись с моими мыслями. Обещаю вам, господа, подобное больше не повторится.

– Не стоит извиняться, мессир, – проговорил Понтс, однако по его тону было ясно, что эти извинения были весьма кстати. – Всем нам безусловно следует внимать вашей мудрости при всяком удобном, и даже... неудобном случае. И потому я хотел бы узнать – почему нам не следует послать парламентёров? Это позволит избежать ненужных жертв...

Понтс не стал добавлять, что в случае чего это может стать смягчающим обстоятельством, если всё же его величество король будет возмущён подобной самодеятельностью.

– Вижу, что вы всё ещё пытаетесь усидеть сразу на двух лошадях, друг мой, – мягкостью тона Каладиус попытался задрапировать жёсткую поучительность и даже снисходительность фразы. – Этак у вас ничего не выйдет. Однажды лошади разбегутся, и вы окажетесь на земле. Мне казалось, мы уже выбрали сторону, разве нет? Его высочество ожидает от нас громких побед. Он ожидает, что мы вырвем их из оконеченных рук врагов, а не станем клянчить, подобно торговцам. Вы же помните, ради чего мы здесь? Возмездие. Возмездие не бывает мягким, легат. Мы либо наказываем, либо нет.

– Не нужно парламентёров, – неохотно кивнул Понтс. – Приготовиться к штурму.

– Понял, – Башас кивнул в ответ. – Стены невысоки, в один стык³⁶. Вряд ли у них много людей. Думаю, особых проблем не будет.

– Стоило ли брать с собой магов, чтобы после лезть на

³⁶ Здесь речь идёт о лёгких штурмовых лестницах, которыми снабжались легионы. Для удобства и мобильности они делались наборными – пара легионеров несла пролёт длиной десять футов, на концах которого имелись специальные пазы. При штурме из этих пролётов можно было собрать лестницы высотой в два, три, реже в четыре пролёта, или, соответственно, в один, два или три стыка. Правда, лестницы в три стыка старались не использовать в силу ненадёжности конструкции. Для высоких стен приходилось использовать обычные длинные штурмовые лестницы.

стены? – хмыкнул Каладиус. – Прикажите, легат, и мы откроем вам ворота.

– Ворота не выглядят крепкими, но всё же они выдержат огнешары, – с сомнением произнёс Башас. – Тем более, весь день идёт этот клятый дождь.

– Мы с вами не на сельской ярмарке, центурион, чтобы я жонглировал огнешарами. Я открою эти ворота, если прикажете.

– Ну разумеется, если вы это сделаете, мессир, то мы сэкономим время и сохраним людей, – благодарно кивнул Понтс. – Однако, хотелось бы поглядеть, как вы это сделаете!

– Скоро увидите, – посулил Каладиус и повернул свою лошадь к группке магов, скачущих особняком от легиона.

– Перед нами поставлена задача вскрыть эти ворота, мессир, – объявил он, подъезжая.

– Интересно, как бы нам это сделать? – ворчливо пробормотал Традиус, которого порядком измотали дождь и дорога. – Даже если мы ударим все вместе, вряд ли сумеем сломать их.

– Ворота открою я, – небрежно ответил Каладиус, будто речь шла о безделице. – Вам лишь нужно будет создать защитную сферу, чтобы меня не проткнула шальная стрела, когда я буду стоять там.

– Вы собираетесь подойти к воротам?

– Чем ближе, тем лучше. Вы будете попеременно держать сферу, чтобы мы могли подойти, сделать своё дело и уйти,

уступив дорогу солдатам.

– И что же вы сделаете? – с жадным интересом поинтересовался Традиус, да и остальные маги не скрывали своего любопытства.

– Уверен, что эти ворота держатся обычным поперечным запором, так же, как это делалось в Белли и других мелких городках. Я просто развоплющу часть ворот вместе с этим запором, и их больше ничто не будет удерживать.

– Наконец-то я увижу это воочию! – едва ли не пританцовывая в седле от возбуждения, воскликнул Традиус.

– Тогда не будем терять времени! Признаюсь, этот дождь меня просто доконал! Не терпится поскорее оказаться в сухости и тепле!

И Каладиус, пришпорив коня, вновь направился к Понтсу. Остальные волшебники, словно стая грифов, последовали за ним.

– Легат, пусть ваши войска следуют за нами, но покамест держатся на безопасном расстоянии от стен. Как только мы откроем ворота, немедля атакуйте!

– Будет сделано, мессир!

Каладиуса охватила эйфория. Впервые он вот так вот должен был нырнуть прямо под стрелы неприятеля, не имея вдобавок надёжной защиты от своего учителя, которому он в этом доверял безоговорочно. Впервые он должен был принять участие в настоящем сражении, а не в стычке с морскими пиратами. Ликование наполнило его вены и, кажется,

устроило силы. Ударив лошадь шпорами, он помчался вперёд, не заботясь – поспевают ли за ним другие, или нет.

Однако же в паре сотен ярдов от крепостных стен он всё же сдержал коня. Несмотря на серую хмарь дождливого дня, он разглядел движение на стенах. Там были защитники, а это значит – там были луки. Теперь следовало быть осторожным, ведь глупо будет погибнуть сейчас, когда всё, кажется стало складываться.

Маг обернулся. Его подчинённые уже почти догнали его, но влажно поблёскивающая змея легиона была ещё далеко. Не следовало отрываться от них, ведь это могло плохо кончиться. Пришлось остановить коня, чтобы дать время легионерам приблизиться.

– Мессир, кажется, они хотят переговоров! – воскликнул один из молодых магов, указывая на город.

Действительно, над воротами плескался белый флаг – какая-то тряпица, привязанная к древку копьё. Очевидно, что растерянные палатийцы, не понимая, что происходит, надеялись, что это какое-то недоразумение, которое можно разрешить. Каладиус стиснул зубы – если начнутся переговоры, Понтс снова может всё испортить. Кажется, он всё ещё трусил по поводу своего решения, и вполне мог попытаться избежать штурма.

– Переговоров не будет, – мрачно процедил маг.

Вновь прищпорив коня, он проскакал вперёд ещё сотню ярдов, а затем резко спешился, дабы не испугать животное, и

метнул большой огнешар в сторону ворот. Расстояние было больше сотни ярдов, и без подготовки преодолеть его Каладиус не мог. Огнешар пролетел футов двести и, шипя, шлёпнулся в грязь. Но сам жест был более чем красноречив. Белый флаг, словно испугавшись, тут же исчез, а следом в городе глухо забили барабаны.

Понтс не мог не видеть, что произошло, и вряд ли он был в восторге от самодеятельности великого мага, но сейчас это не имело значения. Слишком многое стояло на кону, слишком далеко уже всё зашло для того, чтобы теперь просто взять и повернуть назад. Каладиус, взобравшись в седло, вернулся к остальным магам. Его буквально трясло от желания поскорее начать, но легионеры приближались удручающе медленно. Ужасно тянуло грызть ногти, но они были закрыты перчатками, которые волшебник никогда не снимал в присутствии посторонних.

Наконец легион подошёл на достаточное расстояние. Оставшиеся ярды они уже преодолеют лёгкой трусцой. Каладиус крепко сжал поводья.

– Все готовы?

– Готовы, мессир.

– Тогда начали.

Восемь всадников – один чуть впереди – лёгким галопом поскакали к стенам. Позади послышался лязг – легионеры перешли на бег. Через несколько секунд всколыхнулась ткань *возмущения* – кто-то из волшебников создал за-

щитную сферу. Она была не слишком плотной, но зато достаточно большой, чтобы укрыть всех магов. Стрела, вполне могла просочиться внутрь этого невидимого купола, но была бы уже абсолютно безвредна.

Когда до ворот оставалось не более двухсот футов, со стен сорвалось жидкое облачко стрел. Судя по всему, там находилось не более полусотни лучников, либо же они были недостаточно хорошо обучены, чтобы дать плотный одновременный залп. Ещё один толчок в *возмущении* – кто-то из магов добавил свою сферу к уже имеющейся. Те из стрел, что не пролетели мимо, отскочили от невидимого щита, и ни одна не проникла под него.

Добравшись до ворот, маги спешили, не особенно беспокоясь о лошадях, которые легко могли стать жертвой стрел. Каладиус быстрым шагом преодолел последние футы и встал всего в двух ярдах от запертых створок. Семеро магов надёжно защищали его и себя – они сбились довольно плотной кучкой, так что теперь щит был меньше, зато гораздо прочнее. Заржала лошадь, а следом ещё одна – наверное, в них попали стрелы. Несчастные животные бросились бежать прочь, но волшебников это совершенно не заботило.

Ворота были очень похожи на те, что находились в Белли, поэтому Каладиус очень надеялся, что и запор будет находиться примерно на той же высоте. В Белли это был толстый дубовый брус в бедро взрослого человека толщиной, который вставлялся в металлические пазы вдоль створок. Па-

латийские города редко имели по-настоящему защищённые ворота и сложные запорные механизмы, равно как и редко какой город мог похвастаться рвом и откидным мостом.

Прикинув то место на воротах, где по ту сторону должен был бы находиться запор, Каладиус привычно погрузился в глубокое *сосредоточение*. Теперь для него не составляло особенного труда увидеть плетение *возмущения*, составляющее материю досок ворот и бруса. Он угадал с высотой, и теперь он ясно это видел.

Не более трети минуты прошло в реальном мире, как в центре ворот внезапно возникла вытянутая дыра. В ширину она была не более фута, зато в высоту в ней было не меньше трёх. Дерево, которое находилось на этом месте мгновение назад, словно растворилось с громким сосущим звуком. Судаорога по *возмущению* прокатилась такая, что маги скривились, словно от внезапной боли.

Каладиус очнулся от транса. Его, как обычно, трясло от слабости, во рту стоял привкус крови. Но теперь он достаточно твёрдо стоял на ногах, не боялся упасть или потерять сознание.

– А ну-ка, толкаем, господа! – воскликнул он и навалился телом на створку ворот.

Маги последовали его примеру. Ворота были тяжелы, но всё же недостаточно тяжелы, чтобы восемь мужчин, пусть и не слишком сильных или массивных, не могли их открыть. Легионеры, увидев, что ворота открываются, с ликующими

воплями бросились вперёд. Их встретил слабый залп защитников – не более десятка стрел взвились со стен. Вероятно, остальные либо бросились вниз, пытаясь защитить ворота, либо, что более вероятно, пытались укрыться, сбросить с себя форму и смешаться с горожанами.

Волшебники, не растворив ворота до конца, отпрянули к стенам, спасаясь одновременно и от возможных стрел, и, главным образом, от железной лавины легионеров. Теперь их работа была закончена. С остальным вполне могли справиться мечи и копья.

– Благодарю вас, мессир! Отличная работа! – Понтс, так же как и все, был пешим, дабы не привлекать излишнего внимания вражеских лучников. – Теперь город наш!

– Рад, что смог пригодиться, – Каладиус всё ещё тяжело дышал, но силы понемногу возвращались к нему.

– Никогда не видел ничего подобного! – легат не собирался врываться в город во главе войска, поэтому сейчас вполне мог позволить себе переброситься несколькими словами с великим магом. – А вы так же могли бы проделать брешь и в каменной стене?

– Абсолютно, – подтвердил маг. – Когда смотришь на материю в её изначальном виде, нет особой разницы между материалами. Другое дело – объёмы. Вряд ли мне удалось бы развоплотить кусок крепостной стены насквозь. Да и величина отверстия, как вы видите, недостаточна для ваших бойцов.

– Что ж, и так уже вполне достаточно! Надеюсь, вы задержитесь у нас подольше!

Каладиус как раз надеялся на обратное, поэтому он лишь вежливо улыбнулся в ответ. Он ловил на себе восхищённые взгляды других магов и чувствовал себя на вершине блаженства. Но всё же он понимал, что рождён для большего. Теперь оставалось уповать на то, что принц Келдон сдержит своё слово.

Штурм завершился быстро и практически без потерь. Город почти не оказал сопротивления, а уж после того, как ворота были открыты и на улицы хлынула волна легионеров, лишь считанные единицы осмелились попытаться противостоять ей. В результате лишь четверо латионцев были ранены, и из них только один достаточно тяжело – стрела угодила ему в незащищённую шею. Однако рана, хоть и была весьма неприятной, но не угрожала жизни. Так что можно было с полным основанием утверждать, что штурм прошёл идеально.

Улицы Клайтса были почти безлюдны – население попряталось по домам, не зная, чего ему ждать. Ещё вчера ходили слухи о мире, а сегодня тысячи врагов заполонили их город. Растерянный и испуганный бургомистр вручил легату бумагу о капитуляции города, не смея задать ни одного вопроса.

Спустя некоторое время Каладиус, чьи позиции ещё боль-

ше упрочились, отдыхал с Понтсом в крупной таверне, лакомясь недурно приготовленными овощами с птицей. Наученный горьким опытом, легат каждое блюдо заставлял пробовать лично хозяина таверны, и лишь затем, убедившись, что тот не корчится в судорогах, принимался за еду. Великий маг ел гораздо спокойнее, понимая, что кроме него тут некому травить пищу.

– И что нам делать теперь, мессир? – Понтс, кажется, уже воспринимал наставничество Каладиуса как должное. – Вернуться в Белли, или закрепиться здесь?

– Не то и не другое, друг мой, – неспешно обгладывая косточки утиного крылышка, проговорил маг. – Решать, конечно же, вам, но если хотите знать, что бы сделал я, будучи командующим легионом... Я бы сжёг этот город и двинулся дальше на север.

– Сжёг? – Понтс едва не поперхнулся. – Но город уже капитулировал. Если мы сожжём его, то прославим дикарями.

– Напомнить ли вам, что сказал его высочество? – Каладиус продолжал кушать, будто речь шла о чём-то совершенно несущественном. – Дословно, конечно, я не воспроизведу, но, помнится, там что-то говорилось про убийства, изнасилования и пожары... Согласитесь, в подобном контексте мы уже будем выглядеть заметно выигрышнее, ведь мы откажемся от убийств и насилия.

– Но стоит ли проявлять такую жестокость?.. – Понтс был старым воякой, он привык к разрушениям и смертям, но да-

же его пугало то безразличие, с которым маг говорил о подобных вещах, не говоря уж о самой бессмысленной жестокости его предложения.

– Повторюсь, легат, решать вам. Может быть, принца вполне удовлетворит, что мы захватили первый попавшийся городишко и распугали там всех кур и котов... Сильные мира сего частенько бывают снисходительны к тем, кто вольно трактует их желания, не так ли?..

– Знаете, мессир, – подумав, глухо проговорил легат Понтс. – Не хотел бы я однажды оказаться тем человеком, который вызовет ваш гнев... Я смотрю на вас, и вижу словно самого Асса, явившегося, чтобы покарать этот мир... Вы – страшный человек...

– Полноте, легат, – усмехнулся Каладиус, утирая рот свежей салфеткой. – Я – обычный старик, который за свои годы навиделся такого, что давно потерял способность бояться, сочувствовать или удивляться. Признаюсь, мне надоели пещеры, корабельные трюмы и дрянные трактиры. Я знаю, что достоин стоять у ступеней трона, быть советником или министром. И принц Келдон – это мой шанс. Чтобы не упустить его, я готов на очень многое. И, будучи вашим другом, хочу дать вам добрый совет – поступайте так же. Министр войны Понтс – не думаю, что это дурно звучит, не так ли? Или, может быть, вам больше по нраву «герцог Понтс»? Впрочем, разве одно другому мешает?

– Позовите центуриона Башаса, – поразмыслив немного,

возвысил голос Понтс так, чтобы его услышали часовые.

Ещё минуту он, словно оцепенев, глядел на плещущееся пламя свечи перед собой. Отблески света танцевали в его расширившихся зрачках, будто пара огненных демонов.

– Центурион, оповестите жителей, что легат Понтс велит им в течение трёх часов покинуть свои дома, взяв всё, что смогут унести. Через три часа Клайтс будет сожжён...

Глава 26. Новые обстоятельства

Ночевать пришлось в походном лагере, в палатке, где к полуночи было уже довольно холодно. Каладиус, ворочаясь на жёсткой подстилке, лежащей прямо на земле, запоздало клял себя за излишнюю поспешность и горячность. Следовало бы отложить экзекуцию до утра, чтобы переночевать в комфорте.

Город всё ещё пылал, озаряя небо. То и дело оттуда слышался какой-то треск и грохот – то обваливались остовы догорающих домов. Несчастные жители Клайтса, которым некуда было пойти, сбились в кучки неподалёку от стен, так и не сумевших защитить их от врага и от потери дома. В отличие от легионеров, они были лишены даже палаток, так что жались поближе к кострам, с тихой тоской глядя на сполохи огня, то и дело взвивающиеся над городскими стенами.

Утром легион двинулся дальше на север. В ближайшие две недели им были захвачены ещё два небольших городка – Пиллин и Хевин. Милях в шестидесяти восточнее лежал достаточно крупный город Гайдей, но Понтсу не хотелось отклоняться так далеко на восток. Рассказывать о штурме обоих городов не имело смысла – можно сказать, что если ты видел штурм одного палатийского городка, то считай, что видел их все.

Такая лёгкость, позволяющая всего лишь одному легиону

беспрепятственно продвигаться вперёд, объяснялась отсутствием палатийской армии. Вопреки всякой логике ведения войны, палатийцы с окончанием предыдущей летней кампании отвели армию к северу, вероятно, чтобы она своим присутствием не дразнила воинственных латионцев и не провоцировала их на атаки. И то, что Шинтан до сих пор не прислал войска, могло объясняться либо тем, что там до сих пор не знали о случившемся, либо тем, что, не понимая причины происходящего, они всё ещё надеялись предотвратить эскалацию.

За это время Каладиус уже бесповоротно занял доминирующее положение. Понтс окончательно признал его право командовать и собой, и всем легионом. Более того, легат, похоже, вошёл во вкус, понимая, что за семь бед всё равно один ответ держать. Пожалуй, предложи Каладиус сейчас отправляться напрямиком на Шинтан – Понтс и в этом случае не послушался бы его.

Однако великий маг не сделал этого. Более того, после взятия Хевина они с Понтсом решили, что дальнейшее углубление на территорию противника может быть опасно. Один единственный легион, без снабжения и поддержки был слишком уж уязвим, пусть даже и почитал себя элитой. Выбрав для постоя крупное селение милях в двух от выжженного Хевина, Второй легион наконец остановился.

Жителям селения не повезло. Их всех выгнали из своих домов, где разместились легионеры. Более того, едва ли не

половина изб и почти все сараи были разобраны для частоккола. Не прошло и недели, как вместо зажиточного села возник добротный латионский военный лагерь, который при необходимости мог выдержать не одну атаку.

Несколько хуже было с продовольствием. Была весна, так что новый урожай был ещё даже не высеян, а старый уже подходил к концу. Однако, поскольку Понтса и Каладиуса ни в малейшей мере не беспокоила судьба жителей, они без зазрения совести вычистили все амбары и погреба, вырезали столько кур и коз, сколько сочли необходимым.

Здесь легион и настиг наконец принц Келдон. Он объявился в самом конце весны, спустя почти пять недель после неудачного покушения в Белли. И теперь уже он прибыл не как неудавшийся дипломат, а как министр войны, чувствуя себя в этом амплу заметно увереннее.

И на сей раз Келдон был лишь в сопровождении охраны. Каладиус отметил, что это были те самые шестеро паладинов, однако сейчас с ними были ещё четверо. Всё-таки путешествовать вглубь вражеской территории принц считал не столь безопасным занятием.

– Клянусь Хаосом, я едва разыскал вас! – воскликнул он, спрыгивая с порядком уставшей лошади. – Какого Гурра вы забрались сюда, легат?

– По вашему приказу, ваше высочество, – заметно побледнев, отрапортовал Понтс.

– Когда это я велел вам подобное? – принц утёр потное

лицо рукавом, который, похоже, служил ему для самых разнообразных целей. – И ради всех богов, принесите мне вина!

– Ваше высочество, должно быть, запомнили, что велели нам наступать, да ещё и обещали прислать подмогу, – подоспел на помощь Каладиус, который теперь почти всегда находился рядом с Понтсом, словно его тень. – Мы лишь выполняли приказ.

– Когда я говорил о наступлении, то имел в виду, что вы пожжёте окрестности Белли, пощипите пёрышки местным оборванцам, а никак не отправитесь крушить города!

– Тогда простите нас, ваше высочество, что мы излишне рьяно служили вам, – Каладиус сразу увидел, что гнев принца напускной, потому и не стушевался перед ним. – В таком случае прошу всю вину целиком возложить на меня. Признаюсь, что это я, судя по всему, превратно понял ваши слова и убедил в них легата Понтса.

– Может я и говорил что-то подобное, – Келдон произвольно смягчил тон, обращаясь к великому магу. – Но всё же, признаюсь, ваши выкрутасы меня порядком удивили. И поставили в неловкое положение, не стану этого скрывать. Отец рвал и метал, когда прознал про ваши делишки. Видите ли, господа, пока я лакомился тут с вами бычьими хренами, мы умудрились ввязаться в ещё одну войну с Коррэем. Всё бы ничего, но за спиной этих лесорубов стоит Кидуа, так что в перспективе мы можем схлестнуться ещё и с ними. И на этом фоне ваша самодеятельность здорово ударила по пла-

нам отца, так как теперь мы, судя по всему, вынуждены будем драться сразу на двух фронтах.

Понтс стоял, бледный, покрытый испариной. Он не глядел на Каладиуса, но несложно было предугадать, что он о нём думал. Наверное, уже прощался со своими нашивками легата, а то, быть может, и со свободой или самой жизнью.

– Надеюсь, ваше высочество, вы объяснили его величеству причины наших действий? – в отличие от Понтса маг сохранил полное присутствие духа, чувствуя, что вся разыгранная им партия, похоже, удалась безупречно.

– Ещё бы! Я во всех красках описал то, что случилось в Белли. Более того, господа, я принял весь удар на себя. Я заверил отца, что вы выполняли мой личный приказ как министра войны, так что можете вздохнуть свободно, легат, король более не имеет к вам претензий.

– Благодарю, ваше высочество! – с глубоким облегчением проговорил Понтс, и на его лицо понемногу стали возвращаться краски.

– Значит ли это, ваше высочество, что мы – снова те, кто мы есть, то есть верные и усердные слуги вашего высочества и его величества? – победно улыбнулся Каладиус.

– Ну разумеется, мессир! – заверил его принц. – Вы доблестно выполнили возложенную на вас миссию! Палатий трепещет, его ужасает мощь нашей армии, а ведь покамест мы обходились силами одного легиона! Клянусь, мы надолго отобьём у них охоту травить чужих принцев!

– Именно этого мы и добивались, ваше высочество.

– Но теперь, прошу вас, остановитесь. Отцу важно заключить перемирие с Палатием, – Келдон поморщился. – Хвала богам, в этот раз не я отправлюсь подписывать договор! Хотя я советовал отцу не подписывать мира. Эти трусливые палатийцы ни за что не возобновят боевые действия. Я предложил оставить Второй легион здесь, усилив его ещё парочкой легионов, сохранить это доминирующее положение, тем более, что оно нас особенно ни к чему не обязывает. А когда разделаемся с дровосеками – всегда можно будет вернуться и продолжить наш разговор с палатийцами.

– Это было бы замечательно, ваше высочество, – наконец подал голос Понтс, к которому, похоже, вернулась жизнь. – Не хотелось бы тащиться в Коррэй!

– И не придётся! – заверил принц. – Покамест вы останетесь тут, чтобы ожидать результатов переговоров, если они состоятся. В таком случае, возможно, вам придётся уйти. Но я думаю, что такого не случится. Конечно, у отца что ни час, то новые мысли в голове, но я всё же надеюсь на лучший исход!

У Каладиуса были и свои причины не желать переговоров. Конечно, его величество король Тренгон ещё более упрямый и твердолобый, чем его отпрыск, но вот дипломаты – другое дело. Эти люди привыкли договариваться и слышать аргументы. И великий маг опасался, что кто-то из них может хотя бы гипотетически поверить в версию Палатия о том, что

не существует и не существовало никаких Ветров Севера. А это уже могло бы привести к нежелательным последствиям для самого волшебника.

– Так вы прибыли сюда, ваше высочество?..

– Чтобы не дать вам пойти войной на Шинтан, мессир. Кроме того, нужно провести рекогносцировку, оценить ваше положение, ведь в течение некоторого времени вы будете здесь одни. Может статься, что его величество решит бросить все силы на Коррэй, особенно если в Палатие будет тихо. Вам, легат, предстоит окопаться здесь как следует, потому что ваш нынешний лагерь годится лишь на то, чтоб отпугивать местных коз. Думаю, мы должны будем выбрать какой-нибудь приличный замок в здешних окрестностях и подготовить его к обороне.

– В здешних окрестностях сеньоры живут немногим богаче своих земледельцев, ваше высочество, – покачал головой Каладиус. – Здесь нет замков со рвами и стенами – все они находятся северо-западнее, в десятках, а то и сотнях лиг. – Нам нужно либо укрепиться в каком-нибудь городке, либо укрепить существующий лагерь, который не кажется мне столь уж плохим.

– Что ж, этот вопрос я оставляю на легата Понтса. Главное, чтобы вы могли, в случае чего, выдержать атаки небольших армий. Я сомневаюсь, что подобное случится, но нужно быть готовым ко всему.

– Так вы покидаете нас, ваше высочество? – спросил

Понтс.

– Да, завтра я возвращаюсь.

– То есть, вы лично прибыли сюда, только чтобы сообщить нам вещи, для которых вполне достаточно было бы простого гонца? – Каладиус ждал определённых слов принца, и сейчас подталкивал его к тому, чтобы сказать их.

– Вы правы, мессир, была и ещё одна причина, – рассмеялся Келдон. – Не зря вы – великий маг! От вас ничего не скроешь! В общем, я хотел лично поблагодарить вас – всех вас – за преданность мне и сказать, что это много для меня значит. Вы всегда можете рассчитывать не только на мою благодарность, но и на ответные услуги с моей стороны. Что касается вас, мессир, то я вновь приглашаю вас отправиться со мною в Латион, ко двору.

– Что ж, это уже второе приглашение, ваше высочество, но я, подобно героям древности, позволю себе ожидать третьего. А пока я бы хотел остаться в легионе, тем более, что пока неизвестно, что принесёт с собой лето. А по окончании летней кампании я, говоря без лукавства, ваше высочество, буду ждать от вас третьего приглашения. И тогда я приеду, не ощущая себя предателем по отношению к своим товарищам по оружию.

– Что ж, мессир, это слова, достойные такого человека как вы, – вновь засмеялся принц. – Признаюсь, двор уже бурлит в нетерпении, ожидая увидеть легендарного Каладиуса. Но они подождут, – небрежно махнул он рукой. – Это лишь по-

догреет их интерес.

Каладиусу было одновременно и приятно, и тревожно слышать о том, какой фурор при дворе вызвала его личность, если принц, конечно, не преувеличивал. Оставалось лишь надеяться, что все эти легкомысленные хлыщи не решат покопаться в его прошлом.

– Благодарю вас, ваше высочество, – склонился он. – Надеюсь, что и легата Понтса ждёт награда?

– Я велю удвоить жалование всех командиров Второго легиона, – пообещал Келдон. – Ну а в будущем... Однажды я стану королём, господа. И тогда мне понадобится мудрый советник и верный защитник. И, сдаётся мне, что я их уже нашёл. Не говоря уж о том, что когда я стану королём, кто-то должен будет стать министром войны. Право, не отдавать же мне эту должность своему непутёвому братцу!

Каладиус и Понтс перекинулись быстрыми взглядами. «Ну что я говорил?» – читалось во взгляде великого мага. Во взгляде же легата читались лишь счастье и бесконечная благодарность.

Принц Келдон оказался прав – король Тренгон счёл ниже своего достоинства вести переговоры с Шинтаном, считая, что те будут рады уже тому, что их оставили в покое. Так и вышло, что формально война с Палатием всё ещё продолжалась, хотя Латион целиком и полностью сосредоточился

на западных рубежах, где, вопреки ожиданию, всё складывалось не так удачно.

Коррэй – маленькое княжество, заметно уступающее Латииону во всём – не собирался вводить свои невеликие войска на территорию противника, тем более, что в этой войне он представлял жертвой агрессора. В открытом поле вся армия Коррэя была бы разгромлена в двух-трёх генеральных сражениях, однако же в дремучих лесах этого мини-государства стальной кулак восточного соседа порядком завяз и потерял свою убойную силу.

Немало помогала Коррэю и Кидуа, являющаяся главным потребителем мачтового леса. Дюк Кидуи прекрасно понимал, чего хочет король Латииона – прибрать к рукам эти леса и поставить великую морскую державу в жёсткую зависимость от своей доброй воли.

Чтобы не допустить подобного, Кидуа не только оказывала необходимую помощь Коррэю – она пошла дальше. Между герцогством и Палатием был заключён антилатионский договор. Северное королевство соглашалось на продолжение войны в обмен на войска и деньги. Кидуа отправила в южный Палатий до десяти тысяч своих бойцов, а на серебро, полученное от неё, король Палатия нанял несколько тысяч жителей северного Пунта.

Столкнувшись с войной на два фронта, Латиион внезапно оказался в весьма затруднительном положении...

– Не стоило пренебрегать разведкой... – мрачно проворчал Понтс, разглядывая палаточный городок, который вырос в полумиле от лагеря буквально за одну ночь.

Увы, Второй легион оказался в неведении относительно происходящего до тех самых пор, покуда это самое происходящее не свалилось им буквально на головы. Теперь уж нельзя было сказать – стало ли это результатом чьего-то разгильдяйства, или же такова была мелкая месть короля Тренгона. Важно было другое – внезапно лагерь латионцев оказался под угрозой штурма.

– Их там полным-полно... – проговорил центурион Башас, вглядываясь в рябящий от дыма костров горизонт. – Тысяч десять как минимум, а то и все пятнадцать.

– И всё же они не атакуют... Интересно, почему? – задумчиво произнёс Каладиус. – И не перекрывают нам путь к отступлению...

– Они дают нам возможность отойти, – догадался Понтс. – Не хотят вступать в сражение, надеясь, что мы сбежим. Палатийцы... – презрительно скривив губы, фыркнул он.

– Так почему бы нам не последовать столь любезному приглашению? – предложил Каладиус, которому вовсе не улыбалось погибнуть теперь, когда удача была так близка.

– Мы не можем отступить без приказа, мессир, – твёрдо ответил легат. – Латионский легионер может пойти в атаку без приказа, но он никогда не отступит.

– Насколько я помню, его высочество предлагал отступить ещё во время своего прошлого приезда, – теперь уже маг стал беспокоиться по-настоящему.

– И однако же было решено, что мы останемся здесь. И теперь мы не сможем оставить позиции, не выставив себя трусами.

– Но отход при значительном превосходстве сил противника не является бегством – это тактическое отступление.

– Именно так обычно рассуждают палатийцы, и поэтому мы сейчас здесь, мессир, – тон легата давал понять, что все возражения бесполезны. – Я не отступлю без приказа сверху.

Каладиусу было что сказать на это. И то, что обещанное Келдоном подкрепление так и не подошло, и что им никто не удосужился сообщить об активизировавшемся внезапно противнике. Кроме того, опытный глаз волшебника без труда различал лазорево-серебристые штандарты в лагере противника – штандарты кидуанской армии. А это значит, что приморское герцогство вступило в войну с Латионом, и об этом тоже никто не сообщил. Дело было из рук вон плохо. Легион, похоже, был оставлен на произвол судьбы даже самим принцем.

Однако также Каладиус осознавал, что в данном случае все его увещевания уйдут в песок дождевой водой. Его влияние на Понтса было велико, но всё же идиотские понятия офицерской чести находились где-то несоизмеримо выше, и до них великому магу, похоже, было не дотянуться. Осыпав

мысленно упрямого легата самыми грязными проклятиями, Каладиус сошёл со стрелковых мостков и направился в свой дом.

К нему явился Башас спустя несколько часов. Всё это время Каладиус мрачно сидел на топчане, который служил ему кроватью, и, почти не мигая, глядел на пламя свечи. Это были чудесные часы – ему удалось очистить разум от всяческих мыслей, так что он чувствовал себя отдохнувшим не хуже, чем после доброго сна.

– Они окружают нас, – уныло произнёс центурион. – Штурмовать они вряд ли станут – знают, что наши запасы на исходе. Будут брать измором.

– Легат по-прежнему отказывается покинуть лагерь? – скорее не спрашивая, а утверждая проговорил Каладиус.

– У него нет выбора, мессир. Но вы ещё можете уйти.

Это прозвучало так внезапно и странно, что поначалу Каладиус решил, что ослышался.

– Что вы хотите сказать, центурион? – изумлённо спросил он.

– Вы спасли наши жизни, мессир, – взволнованно заговорил Башас. – Вы – величайший человек из всех, кого я знаю. И вы можете принести ещё немало пользы нашей стране. Если останетесь в лагере – это может плохо кончиться.

– Послал ли легат гонца на юг? – не отвечая, сам, в свою очередь, спросил маг.

– Послал четверых с интервалом в полчаса. Но я уверен,

что вокруг полно лазутчиков. Я бы не стал слишком-то рассчитывать на помощь, мессир.

– Я благодарен вам, друг мой. Поверьте, ваша забота много значит для меня. Я вполне уверен, что вы говорите от своего лица, поскольку легат Понтс вряд ли даже додумался бы до подобного предложения. Я говорю не в укор ему, просто он – солдат до мозга костей. В общем, я крайне признателен и никогда не забуду этого разговора, но я откажусь. Я – член Второго легиона. Более того, я – командир. Если я сейчас брошу вас, то кем же я после этого буду?.. Поверьте, центурион, нас ещё рановато хоронить! Во всяком случае, не тогда, когда на вашей стороне сражается сам Каладиус!

– Что ж, тогда я спокоен, мессир, – улыбнулся Башас и вышел.

– Это – их ошибка, и мы должны ею воспользоваться! – увещевал Каладиус, разглядывая окружившие лагерь войска с башенки. – Им пришлось здорово растянуть фронт, и мы можем без особых проблем прорваться.

Вообще-то маг слегка преувеличивал. Палатийцы поступили вполне разумно, и основные войска, конечно же, прикрывали южное направление, где была сосредоточена едва ли не половина всего войска, а то и больше. Однако ожидание становилось проблемой. Прошло четыре дня, и продуктов оставалось едва ли на неделю. Даже если хотя бы один из

гонцов сумел добраться до Латиона – вряд ли можно было надеяться на то, что помощь поспеет вовремя.

Похоже, в лагере все уже понимали, что легиону необходимо прорываться на юг. Самое ужасное, что наверняка это же понимал и легат Понтс, но его превратное понимание чести и долга не давали ему признать очевидное.

– Урезав паёк, мы легко продержимся ещё две недели, – упрямо возражал легат. – К этому времени подойдёт подкрепление, и мы развеем этих бездельников по ветру.

– Солдаты и так питаются скудно, – скрипнув зубами от досады, ответил маг, не заботясь, что тон его был довольно раздражённым и явно нарушающим субординацию. – Если снизить паёк – они начнут голодать. Через две недели, если помощь не придёт, нас можно будет брать голыми руками.

На это Понтс ничего не ответил, сделав вид, что изучает вражеские позиции. Каладиусу как никогда хотелось сейчас схватить этого заносчивого индюка за кадык и как следует потрепать. Но он принудил себя говорить спокойно.

– Вы уже доверились мне однажды, легат. Вы повели свой легион сюда, хотя тоже очень не хотели этого. Вы поверили мне – и выиграли. Принц недвусмысленно обещал сделать вас министром войны. Вы поверили мне в прошлый раз – поверьте и теперь!

– Я не могу снова подвести его высочество, – Понтс упрямо закусил губу.

Каладиусу очень хотелось заорать прямо в лицо легата,

брызжа слюной, что Келдону абсолютно плевать, где будет находиться легион, лишь бы он был в целости и сохранности. Что если бы принц действительно денно и ночью думал о Втором легионе, то давно уже прислал бы подкрепление, ну или хотя бы гонца с чёткими указаниями. Но, совершив над собой титаническое усилие, он вновь заговорил ровным голосом:

– Здесь, в лагере, почти шесть тысяч бойцов. Их жизни зависят от вашего решения. Это вы привели их сюда, друг мой, и они – все до одного – ждут, что вы вернёте их обратно. Вы не хотите подвести принца, и я это понимаю. Но хотите ли вы подвести ваших людей, с которыми вы делите кров и пищу? Порядочный человек предпочтёт смерть нарушению данного слова, но порядочный командир не заставит шесть тысяч своих подчинённых собственной кровью оплатить его долг чести.

Маг видел, что Понтс колеблется. Он и сам понимал всё то, что услышал сейчас от Каладиуса, но, кажется, ему было нужно, чтобы кто-то «отпустил его грехи». Ему нужно было услышать, что он не подлец и не трус, что он не бежит, а спасает своих людей. И услышать это нужно было от кого-то важного. Такого как великий маг.

– Доверьтесь мне, легат, – вновь мягко надавил он. – Я прожил на свете не одну человеческую жизнь, и мне ли не знать, сколь мало она стоит. Но поверьте, друг мой, пустая гордость и высокопарные слова стоят ещё меньше. Если хо-

тите, то, сознательно пятная свою репутацию, вы совершаете гораздо более героический поступок. Поля сражений полны трупами трусов, а вот жизнь порой требует куда больше мужества, нежели смерть.

– Хорошо, мессир, – судорожно выдохнул Понтс, принимая решение. – Мы уходим сегодня ночью. Пойду отдам распоряжение накормить бойцов как следует. А вы, пожалуй, отдохните немного, мессир. Кто знает, когда придётся отдыхать в следующий раз?..

– Я рад, друг мой, что вы приняли верное решение.

– Думаю, я принял верное решение в тот самый миг, когда решил довериться вам, и это случилось не сегодня.

– Обещаю, что вы не раскаетесь в своём решении, легат.

Глава 27. Третье приглашение

Вопреки доброму совету Понтса, Каладиус так и не сумел успокоиться достаточно, чтобы уснуть. Сегодня он впервые сразится с настоящей армией – не сбродом из рыбаков, возомнивших себя пиратами, и не сбродом пьянчуг, вообразивших себя городским гарнизоном. Вопреки распространённому мнению, палатийцы при желании умели сражаться не хуже других. Кроме того, здесь явно было несколько тысяч кидуанцев, которых и вовсе не упрекнёшь в излишней изнеженности.

По прикидкам Башаса, шеститысячному легиону противостояло порядка восемнадцати тысяч бойцов, поэтому унынье великого мага было вполне извинительно. На их стороне была лишь внезапность, да испытанная боями отвага знаменитого Второго.

Атака была назначена на два часа после полуночи. Здесь, в этих широтах и в это время года полной темноты не наступало – она всё равно была чуть разбавлена слабыми отсветами зарниц то ли с запада, где потухало солнце минувшего дня, то ли с востока, где зарождалось солнце дня грядущего. Но всё же именно в это короткое время заря на западе уже исчезала, а на востоке ещё не успевала появиться.

Увы, узкие ворота лагеря, которые так хорошо позволяли сдерживать врага в случае прорыва, по той же самой причи-

не были плохо приспособлены для быстрого вывода шести тысяч человек. Да и противник, хорошо зная, какого опасного зверя он взял в капкан, оказался настороже. Ещё и половина когорты не успела выстроиться в боевой порядок за пределами лагеря, как в стане палатийцев забили тревогу, даже несмотря на довольно тёмную безлунную ночь. Вероятно, противник не обманулся видимым бездействием легиона и регулярно выставлял ночные дозоры, ожидая чего-то подобного.

Поскольку тайком выбраться не вышло, Понтс резко поменял тактику. Несколько сотен легионеров уже были снаружи, и он велел атаковать. Нужно было максимально использовать внезапность удара, и тогда, быть может, удастся прорвать кольцо прежде, чем оно станет непроницаемым.

Вражеские полки строились, но всё же внезапность сыграла свою роль, и в лагере палатийцев возникла небольшая сумятица, так что постепенно вытягивающийся клин латионцев врезался в ещё только формирующиеся построения. И с той, и с другой стороны к месту образовавшегося сражения стекались всё новые силы, но у палатийцев всё же было преимущество как в численности, так и в расстоянии.

Каладиус сам вызвался в первые ряды. Казалось бы, осторожность должна была подсказать ему находиться позади ударной группы, однако что-то толкало его вперёд. И дело было не только в желании лишний раз прославиться и дать возможность взрастить новые легенды о величии и непобе-

димости мага. Ему действительно хотелось помочь.

Участие в бою мага подобного уровня зачастую позволяло кардинально менять ход сражения. Конечно, в такой постоянно меняющейся и непредсказуемой ситуации Каладиус не смог бы использовать какие-то изошрённые заклинания, но грубая и мощная стихийная магия в данном случае была весьма действенна.

Боевое подразделение магов шло перед легионом небольшим клином – впереди более мощные, атакующие, позади – те, кто будут удерживать щит максимально долго. В идеале – достаточно долго для того, чтобы успеть расчистить путь от врага. Каладиус не знал, есть ли во вражеской армии маги, но стоило ожидать худшего. В любом случае, сейчас его просто переполняла энергия и казалось, что ничто в мире не может его убить.

Подойдя к колышущейся, более тёмной на фоне ночи массе примерно на триста футов, Каладиус ударил. Это была обычная волна песка и дёрна, шириной футов в пятьдесят. Отдаляясь от мага, она всё больше расширялась по расходящимся радиусам. Конечно, достигнув вражеских рядов, она потеряла свой убийственный заряд, но этот внезапный, вырвавшийся из ночи секущий шквал порядком ошеломил противника.

Следующий удар был куда более действенным, поскольку Каладиус нанёс его тогда, когда до врага оставалось не более тридцати шагов. И снова режущая песчаная плеть стегнула

по оторопевшим солдатам, буквально срезав не менее двух десятков. Послышались крики и стоны, и вскоре к ним присоединились ещё голоса, потому что теперь ударили и другие маги. Кто-то пустил обычные огнешары, обагрившие ночь своим зловещим светом, кто-то использовал самую простую магию воздуха, обрушив на противника воздушные струи, сжатые почти до плотности металла.

Растерянные палатийцы подались было назад, но резкие окрики командиров, а главное – осознание численного преимущества заставили их сплотить ряды. По поднятой тревоге к месту прорыва подходили всё новые и новые бойцы, с ходу вваливаясь в схватку, поскольку выстроиться в боевые порядки времени уже не было.

Началась настоящая свалка, где в темноте уже было не разобрать своих и чужих. Люди с молчаливой яростью бились и рубили друг друга невидимыми во тьме клинками. Теперь уже шестеро магов держали плотную сферу, и лишь Каладиус с Традиусом продолжали атаковать, хотя и более точечными ударами, опасаясь навредить своим. Великий маг краем сознания улавливал то и дело в окружающих выкриках кидуанский акцент – более тянущиеся, певучие гласные и смягчённые согласные. Видимо, именно так звучала речь Кидуанской империи, пока не смешалась на севере с каркающим говором варваров.

По мере того, как с обеих сторон подтягивались силы, ночная битва приобретала поистине трагические масштабы.

Великий маг не мог в полной мере оценить их, поскольку едва мог различать искажённые криками лица ближайших к нему людей, но по гулу, грохоту и звону оружия, окутавшим, кажется, весь мир, складывалось ощущение, что война идёт сейчас от горизонта и до горизонта.

Несколько раз Каладиус спотыкался о тела, однажды при этом лежащий даже схватил его за ногу – не для того, чтобы повалить, а как утопающий хватается за бревно. Бедолага не хотел умирать и отчаянно цеплялся за жизнь, которая в тот момент, очевидно, выглядела точно как нога великого мага. Но волшебник лишь с проклятьями пнул лежащего, даже не узнав толком, куда он попал и был ли бедолага своим или чужим. Главное, что хватка пальцев ослабла и он смог сделать ещё один шаг на юг – туда, где было избавление.

Всё-таки решимость латионцев перевесила численное превосходство врагов. Те сражались, скорее, лишь потому, что так было нужно. Большинство палатийских солдат лишь пробормотали бы благодарственную молитву Арионну, если бы эти проклятые легионеры убралась отсюда подальше. Латионцы же сражались за само своё существование, и потому делали это отчаянно и зло.

Наконец брешь в осадном кольце была прорвана, и теперь легионеры пытались удержать эту брешь. Горизонт на востоке уже начал окрашиваться золотом, хотя до восхода оставалось ещё больше часа. Летом, особенно в северных широтах, ночь довольно легко капитулирует перед светом, поэто-

му сейчас Каладиус уже вполне ясно видел всё на расстоянии двух-трёх десятков футов.

Командиры обеих армий пытались воспользоваться этим обстоятельством – младшие офицерские чины надсаживали глотки, пытаясь донести до своих подчинённых команды, поступающие от начальства. Но и тут латионцы проявили себя с более выгодной стороны. Легионеры гораздо лучше держали строй и очень умело действовали не разрозненными группками, но сплочёнными манипулами, отвоёвывая всё новые пространства для манёвра и успешно удерживая их.

Бой шёл прямо посреди лагеря палатийцев. Кругом были солдатские палатки, дымили последние догорающие головешки в кострах. Каладиус и его маги теперь внезапно из авангарда превратились в арьергард – главный бой кипел сейчас позади, где легионеры, медленно отступая, огрызались от нападков врага, который уже не проявлял столько рвения, как прежде. Наверное, лишь гордость не позволяла им сейчас отпустить вырвавшийся уже, по сути, легион восвояси.

Понтс был хорош. Он уже не принимал участия в сражении – между ним и врагом была уверенная прослойка его легионеров, но командиром он был прирождённым. Складывалось впечатление, что он будто видит всю картину боя с высоты птичьего полёта. Он точно знал, какой фланг нуждается в прикрытии, куда следует перебросить ту или иную ма-

нипулу, где следует нанести удар. Легион уже выстроился в привычные боевые порядки, и центурионы когорт, чётко исполняя приказы легата, сумели свести потери к минимуму.

Наконец палатийцы скомандовали отход. Было ясно, что легион вырвался из ловушки, и теперь не следовало понапрасну тратить людей. Да и наёмники-кидуанцы не слишком-то торопились расставаться с жизнью ради сомнительного удовольствия задержать противника хоть ненадолго. В полном боевом порядке – щит к щиту, оцетинившись копьями – Второй легион отступал на юг.

Это была победа. Она, безусловно, была омрачена потерями, которые сочтутся чуть позже, а также невозможностью вынести раненых, которых осталось немало на поле боя. Оставалось надеяться, что палатийцы поступят с ними гуманно – или излечат, или, в крайнем случае, прирежут тут же, не заставляя их мучительно умирать от загнивающих ран.

Два часа Понтс гнал легион к югу, опасаясь возможной погони. Хотя «опасаясь» – неверное слово в данном случае. Он понимал, что погони не будет, но ответственность командира не позволяла ему действовать, основываясь на этом понимании. Он не имел на это права.

Наконец темп был снижен – среди легионеров были раненые, и они уже обессилели, пытаясь угнаться за здоровыми соратниками. Теперь пришла пора считать потери. Центурионы довольно быстро отчитались центурионам второго

ранга, а те, в свою очередь, поспешили с докладами к легату. Кстати, потери были и среди командиров – четверо центурионов были убиты и ещё четверо – ранены, причём один из них был центурионом второго ранга, и раны его были довольно плачевны.

В итоге выяснилось, что легион не досчитался более четырёх сотен человек – едва ли не половины когорты. Вероятно, потери противника были более значительными, но они, по крайней мере, могли после боя позаботиться о тяжело раненых. К счастью, в подразделении Каладиуса потерь и даже небольших ранений не было.

Вырвавшись, Понтс был вынужден взять на себя принятие и ещё одного непростого решения – нужно ли было уводить легион в Латион, или же попытаться закрепиться в том же Белли. Конечно, будь у него уверенность в том, что они не оказались брошенными на вражеской земле, решение было бы очевидным. Но не зная, будут ли подкрепления, придут ли обозы с провиантом – это становилось сложной задачей.

Посоветовавшись с Каладиусом, без которого он, похоже, уже не мог принимать столь серьёзных решений, Понтс всё же отдал приказ двигаться в Белли. На всякий случай он отправил ещё двух гонцов в Латион, снабдив их одними из немногих оставшихся лошадей. Учитывая, что Второй легион, возможно, был едва ли не единственной армией Латиона в Палатие, уход за кордоны мог быть расценён как предательство. Во всяком случае, для него были нужны весьма

веские причины.

После довольно мучительных дней, превратившихся в один нескончаемо долгий переход, легион достиг-таки Белли. Теперь Каладиус как никогда был рад тому, что город пощадили и не сожгли. Он возвращался сюда словно домой. Оказавшись в здании гарнизона, которое беллийцы так и не осмелились занять даже после ухода легиона, маг впервые ощутил какое-то умиротворение и безопасность. Конечно, по комфортности эти казармы не могли соперничать со сгоревшей гостиницей, но после череды ночёвок прямо под открытым небом они казались настоящим дворцом.

Наконец пришло долгожданное подкрепление. Это был привет от Келдона, который сам прибыть не смог, поскольку, как узнал теперь Каладиус, дела на западе были довольно паршивыми. Дело было даже не в том, что легионы Латиона терпели поражение, просто эта война внезапно превратилась в ещё более тягучую и бесперспективную, чем даже война с Палатием. Латионские легионы месяцами кружили в плохопроходимых дебрях Коррэя, пытаясь разгромить врага, но всякий раз ловили лишь пустоту. Даже взятие столицы герцогства – города Корра, нисколько не способствовало победе. Невеликая коррэйская армия во главе со своим герцогом продолжала ускользать от неповоротливых латионцев, лишь изредка вступая в стычки с небольшими частями.

В общем, Понтсу были даны указания закрепиться в Белли, но ни коим образом не баламутить и без того растрево-

женное осиное гнездо. По иронии судьбы Келдон советовал ровно то, над чем совсем недавно насмеялся в палатийцах – имитировать войну, при этом всячески избегая эскалации. Должно быть, принцу было совсем непросто отдавать такие приказания, но, судя по всему, королю Тренгону теперь уж было не до шуток, и вряд ли он спустил бы сыну новые выходы.

Как уже известно читателю, Кидуа была заинтересована в продолжении войны между Палатием и Латионом. По счастью, намного больше, чем в этом были заинтересованы сами палатийцы. Так что всю летнюю кампанию продолжалась эта странная война. Палатийское войско (вероятно, то самое) неспешно подошло к Белли и даже сделало вид, что осадило его. Но, учитывая несколько тысяч мирных жителей, находящихся в городе, эта осада была настолько щадящей, что практически не чувствовалась.

За всё лето случилось лишь две или три стычки – вероятно, когда дюк Кидуи давал очередного пинка королю Палатия, напоминая о заключённом договоре. Но все эти стычки делались безо всякого вдохновения, словно отработка тяжкой повинности. За всё время с момента возвращения в Белли Второй легион вкуче с пришедшим на подмогу Одиннадцатым потеряли всего триста шестьдесят два человека, из которых безвозвратными потерями были лишь семьдесят четыре, а больше половины остальных попали в лазареты не из-за ранений, а по причине болезней.

Каладиус отчаянно скучал и развлекался лишь беседами с Традиусом. Теперь, когда из-за обострившейся войны и псевдоосады поток прекрасных вин иссяк, превратившись в едва заметный ручеёк, появление каждой бутылки с гербом Туано или Бирри³⁷ на сургуче превращалось в знаменательнейшее событие. И Каладиус очень полюбил такие вот посиделки, когда за пару часов выпивалась одна бутылка на двоих, но говорилось очень о многом.

Пару раз, забывшись, Каладиус даже делал небольшие промахи, вспоминая какие-то небольшие факты из своей настоящей биографии. Вообще он уже настолько хорошо влился в роль великого мага, что, кажется, не переставал им быть даже во время сна, однако же в такие вот минуты откровенности и доверительности всё ещё случались небольшие огрехи. К счастью, Традиус ничего не замечал, понимая, что у человека, прожившего триста лет, должен быть весьма богатый и разносторонний жизненный путь.

Одновременно великий маг готовился к тому, чтобы предстать при дворе. Он понимал, как много любопытных и не всегда дружелюбных взглядов привлечёт он к себе, и хотел быть готов к тому, чтобы при необходимости уметь ответить на самые сложные и неудобные вопросы. В частности,

³⁷ Туано – город в центральной части Пунта. Известен своими виноградниками и особым сортом красного вина, весьма ценным у знатоков. Бирри – небольшая область на юге Кидуи, неподалёку от границ с Саррассанской империей. Особый климат и почвы тех мест позволяют получать красное вино, которые многие называют эталоном.

на вопросы, касающиеся неудавшегося отравления и триумфально удавшегося спасения.

Большинство магов считало, что магия и алхимия имеют мало общего. Некоторые алхимические субстанции могли использоваться в волшбе, особенно в зачаровании, но всё же негласно считалось, что последствия алхимического вмешательства, например, отравления, вряд ли можно решить волшебством.

Была, конечно, целительная магия, которая обычно развивалась как отдельное направление, и вот здесь смешение волшебства и алхимии было делом обычным, но и это смешение было условным. Одно дополняло другое, но действовали они обычно порознь. Порошки и пилюли вкупе с заживляющими заклинаниями – чаще всего, лишь этим дело и ограничивалось. Найти в токе крови частицы яда и уничтожить их, не причинив вреда организму – большинство магов назвали бы это чушью. Поэтому Каладиусу нужно было найти достойное объяснение.

– Всё сущее вокруг нас – есть *возмущение*, – поигрывая кружкой со слегка подогретым вином, объяснял великий маг. – Большинство магов пользуются им, но не видят его и не понимают его природы, подобно тому, как пахарь сеет зерно и после ест хлеб, не имея ни малейшего понятия о природных процессах, превративших одно в другое. Мне же дан великий дар – я вижу *возмущение*.

Традиус взирал на Каладиуса с благоговением. Он даже

оставил свою кружку – признак величайшего волнения и величайшей сосредоточенности.

– На что это похоже?..

– Сложно объяснить... Это – как узор. Как ткань. Или сеть. Или как песчинки, из которых сложено всё вокруг... В общем, я даже не знаю, с чем это сравнить. Это так же сложно, как описать жестами глухому с рождения человеку птичьей трели. Но всё, что есть вокруг нас, сплетено из этих тончайших нитей. И если развязать нужный узелок – предмет или его часть просто исчезнут.

– Так же, как те городские ворота! – восторженно подтвердил Традиус.

Каладиус не стал уточнять, что исчезли не ворота, а лишь их малая часть. Пусть – быть может, через какое-то время люди действительно будут говорить о том, что он заставил исчезнуть целые ворота, а то и целые города. Ему это пойдёт лишь на пользу. Поэтому он лишь кивнул и продолжил:

– Я прекрасно понимаю, что если удастся завязать нужные нити в верный узел – можно создать новые вещи. Можно из ничего создавать камни, а быть может – и целые дворцы. Можно создавать громадные слитки золота, или же зерно, чтобы прокормить бедняков. Наверное, можно даже таким образом создать живое существо, а быть может – даже и существо мыслящее. Может быть, однажды я научусь делать и это...

– Надеюсь, что нет... – поёжившись, покачал головой Тра-

диус.

– Почему это? – удивился Каладиус, не ожидавший подобного.

– Представьте, как жутко будет жить в таком мире!.. В мире, в котором обесценится буквально всё. Если один сможет получить столько зерна, сколько ему захочется, а другой – неограниченное количество золота... Всё потеряет смысл. Во что превратится цивилизация, которой не нужно будет прилагать ни малейших усилий?

– Я не думал об этом раньше, – признался Каладиус. Он действительно об этом не думал, поскольку сама идея подобных возможностей почему-то пришла ему в голову только сейчас, в этом разговоре. – В любом случае, боюсь, что даже если проживу тысячу лет, этого не хватит, чтобы постичь подобные знания. Неведомый был мудр, создавая Сферу.

– Значит, Гурр настолько всемогущ, раз он может создавать гомункулов?

– Не думаю, что это то же самое. Он не создаёт их из *возмущения*, а лишь вкладывает в неживую материю нечто, что превращает её в подобие живой, – едва проговорив это, Каладиус чуть не поперхнулся. Его внезапно осенило, как можно сделать свою версию значительно более правдоподобной. – И именно об этом я и хотел рассказать. Представьте себе, друг мой, что есть два сорта *возмущения*. Нет, не так... *Возмущение* – оно и есть *возмущение*. Представьте, что есть два разных типа узелков, которые можно из них связывать.

Завяжешь так – получишь материю, завяжешь этак – получишь... Не знаю даже, как лучше это назвать. Получишь какую-то функцию, уж простите мне мой академизм – подобных исследований я не встречал прежде ни у кого, так что вынужден именовать понятия, как умею.

– Что вы имеете в виду под словом «функция»? – Традиус, охваченный неподдельным вниманием, наклонился вперёд, ловя каждое слово.

– Нечто нематериальное. Огонь испускает жар, солнце даёт свет, мозг порождает мысли... Вот лежит прекрасно зажаренная курица. Что отличает её от той, что бегает на заднем дворе? Жизнь. Но что это – жизнь? Я не могу ответить на этот вопрос, и поэтому просто придумал некое словечко для этого – функция. То есть курица как совокупность мяса, костей, перьев и крови – есть один тип плетения *возмущения*. Но жизнь, которая была в ней, и которая её покинула после того, как ей свернули шею – это нечто другое. Это – другой тип плетения.

– И вы можете их различать?

– До известной степени, – осторожно ответил маг, стараясь не ступать на слишком уж шаткий лёд.

– То есть вы можете убить человека, просто развязав узелок и прекратив одну из его функций?

– В теории – да. На практике это сделать чрезвычайно сложно. Если вы представляете себе всё это как узор, который деревенская баба вышивает на покрывале, то глубоко

заблуждаетесь. Скорее это похоже на ворох перепутавшихся нитей, где совершенно непонятно, какая из них куда ведёт. За долгие годы я научился видеть лишь некоторые типы этих нитей, и худо-бедно я могу заставить материю исчезнуть.

– Значит, именно так вы сумели уничтожить яд? Прекратив его существование как материи?

– Это было бы невероятно сложно, если вообще возможно, – покачал головой Каладиус, хотя ещё четверть часа собирался говорить нечто подобное. – Отрава, разошедшаяся по жилам, в некотором смысле осталась единой нитью, но всё же эта нить, с другой стороны, распалась на мириады ниточек – по количеству частичек яда. И пусть даже они сохранили некое единство во множестве, чтобы разорвать их, нужно было рвать каждую. У меня не было на это ни возможности, ни времени, ведь нас было пятеро, и все мы быстро умирали. Хотя я, как вам известно, приучил себя к действию очень многих ядов, но это была уже чистой воды алхимия.

– Вы сумели уничтожить функцию яда? – в полнейшем восторге догадался Традиус.

– Всё верно, – осторожно взвешивая каждое слово, подтвердил Каладиус. – Это было какое-то озарение, возможно, вызванное действием яда. Вы же знаете, что в минуту смертельной опасности мы иногда способны на совершенно невероятные вещи. Словом, я вдруг увидел, какие именно узелки нужно разрушить. Я уничтожил не яд, а его функцию. Частицы остались в крови, но совершенно безопасные.

– Возможно, это было вмешательство самого Арионна! – едва ли не в религиозном экстазе прошептал Традиус.

– Вполне возможно, – кивнул Каладиус. – Во всяком случае, я не уверен, что сумею повторить. По крайней мере, хочется надеяться, что не придётся проверять это на практике.

Весьма любопытно, но в будущем именно из этой речи вырастет весьма популярная в научно-магических кругах теория, которую не удастся до конца ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку станет ясно, что даже сил величайшей магини Дайтеллы вряд ли будет достаточно для этого. Каладиус много позже будет не раз посмеиваться, наблюдая, как ломаются копья сторонников и противников теории, которую он так вдохновенно выдумал за бокальчиком вина. Впрочем, теория была настолько хороша, что он и сам воспринимал её вполне серьёзно.

Каким бы долгим и нудным ни было это лето, оно в конце концов всё же подошло к концу. Дожди зарядили ещё в середине месяца увиллия, и стало ясно, что в этом году возобновления боевых действий можно не ожидать. Палатийцы сняли свою декоративную осаду и отошли к северу, понимая, что зимовка в полевом лагере вряд ли будет хорошей идеей.

Каладиус с некоторой тревогой ожидал осени. Он не без оснований опасался, что Келдон мог позабыть о своём обещании, а зимовать в унылом Белли даже в приятной компа-

нии Традиуса он не хотел.

Все понимали, что Каладиус не задержится в легионе. Отношение к нему уже некоторое время было таким, будто он уезжает буквально завтра. Каждый из его товарищей сожалел, конечно, о своём – кто-то о тёплых философских беседах у камина с кружкой красного вина, кто-то о могучем маге, гарантирующем благоприятный исход практически любого сражения. Но вместе с тем в каждом жила надежда, что в будущем Каладиус замолвит о них словечко. И уж точно все сходились в том, что великому магу тут не место, как дракону не место в курятнике.

К счастью, на сей раз принц Келдон не забыл о данном ранее слове. Конечно, самолично он не приехал, чтобы позвать великого мага в Латион (сказать по правде, Каладиус втайне на это надеялся), но прислал гонца с максимально лаконичной запиской, в которой было всего лишь два слова: «Третье приглашение». В тот же день Каладиус покинул Белли, чтобы начать восхождение к вершинам мира.

Глава 28. Двор

В самый разгар месяца жатвы³⁸ 982 года руны Кветь великий маг Каладиус прибыл к Латионскому двору. Принц Келдон и здесь был в своём репертуаре – его писулька, присланная в Белли, ни коим образом не могла бы послужить пропуском. Ни один охранник не пропустил бы его дальше ворот. Можно было бы, конечно, потратив уйму времени, убедить кого-то из охраны послать за Келдоном, но далеко не факт, что сам великий князь сейчас находился во дворце. Да и это было бы огромным ударом по самолюбию человека такой величины как Каладиус.

Год назад Каррис именно так и поступил бы, если бы ему, паче чаяния, выпал бы такой шанс. Он направился бы во дворец, провёл бы там несколько часов, пытаясь найти достаточно сердобольного стражника, который бы согласился сообщить о нём принцу. Впрочем, может быть, всё было бы куда проще, и его провели бы и приняли сразу же.

Но это годилось для волшебника вроде Карриса, однако никак не подобало великому магу Каладиусу. Поэтому, как бы ни хотелось ему поскорее оказаться там, где ему было самое место, волшебник всё-таки приказал извозчику везти его в Старый город в гостиницу «Гростав Великий», которая

³⁸ Месяц жатвы – первый осенний месяц календаря Паэтты, соответствует нашему сентябрю.

была ему уже хорошо знакома. Заняв там самый фешенебельный и дорогой из номеров, он приказал портье прислать к нему посыльного с письменными принадлежностями.

На дорогой бумаге, источавшей слабый аромат каких-то благовоний, он начертил несколько строк:

«Его высочеству великому князю принцу Келдону.

Как и обещал, я принял ваше третье приглашение. Сообщаю Вам, что я нахожусь в Латиионе, в гостинице «Гростав Великий» Старого города. В случае надобности Вы отыщите меня здесь.

С уважением, Ваш преданный друг»

Самоуверенный маг даже не поставил свою подпись. Именно так, по его представлению, он должен предстать пред двором – не ищущий этого представления, а приглашённый наследником трона. И сам тон письма – спокойный и уверенный, должен был сообщить Келдону, что Каладиус не станет заискивать и выпрашивать.

У Каладиуса до сих пор не было собственной печати, да и нужды скрывать содержимое письма тоже не было. Поэтому он лишь сложил вдвое приятно хрустящий лист и передал его юноше-посыльному.

– Сделайте так, мой друг, чтобы это письмо попало лично в руки принцу Келдону. Не имеет значения, как скоро это случится, гораздо важнее, чтобы это непременно произошло. В случае чего вы можете даже заплатить за доставку. Вот, держите, – с этими словами он протянул пареньку це-

лый серебряный дор³⁹. – А это – его брат-близнец, который вы сможете оставить себе, чтобы у вас не было соблазна поскупиться в ущерб всему делу. Впрочем, мне совершенно безразлично, кому достанутся эти деньги. Если найдёте способ доставить письмо даром – ваше право!

Паренёк, хоть и прислуживал в весьма недешёвой и престижной гостинице, никогда в жизни не держал в руках таких денег, поэтому он буквально оторопел на мгновение. Он глядел на два серебряных кругляка с таким вожделением, что Каладиусу показалось, что бедняга вот-вот начнёт истекать слюной. Но всё же посыльный взял себя в руки.

– Благодарю, мессир! – конечно, в гостинице уже знали, что их постоялец – великий маг, ведь сам Каладиус приложил для этого максимум усилий. – Клянусь, ваше письмо сегодня же попадёт к его высочеству! Ежели пожелаете – я могу остаться там, чтобы дожидаться ответа.

– Не нужно, – махнул рукой маг. – Просто отдайте и убедитесь, что его доставят рано или поздно. Ждать ни нужно. Сразу же возвращайтесь обратно.

– Будет сделано, мессир! – окрылённый двумя серебряными крылами, юноша буквально выпорхнул из номера.

Теперь оставалось лишь надеяться, что Келдон в этот момент не прозябает где-то в лесах Коррэя...

³⁹ Дор – крупная серебряная монета Латиона. Составляет одну десятую часть золотого латора. В свою очередь, в одном доре – сто медных дорринов.

Шушуканье, похожее на шелест листьев в лесу, сопровождало великого мага, шествующего по проходу, по обеим сторонам от которого толпились придворные. Вот он, момент его триумфа! Всё случилось ровно так, как и предполагал Каладиус. Расторопный посыльный, воодушевлённый почти царской наградой, добросовестно выполнил поручение.

На следующее же утро к «Гроставу Великому» прибыл блистательный кортеж – великолепная карета, воистину достойная принцев, а также дюжина паладинов в качестве почётного эскорта. Келдон, судя по всему, хотел того же, чего и сам Каладиус – чтобы появление при дворе великого мага превратилось в знаменательное событие. Может быть, он тем самым преследовал какие-то собственные цели, или же просто хотел сделать приятное тому, кто называл себя его преданным другом – сейчас для волшебника это не имело значения. Он попал ко двору так, как и мечтал – не тайком и с чёрного хода, а с величайшей помпой, заставив в один миг даже последнюю из прачек выучить его имя.

Дворец, конечно же, располагался в Заречном квартале, поэтому Каладиус сумел испытать удовольствие от славы ещё до того, как прибыл туда. Многочисленные горожане с большим интересом провожали глазами раззолоченную карету, понимая, что в ней едет очень большой и влиятельный человек, а великий маг великодушно позволял взирать им на свой лик, сидя в экипаже так, чтобы его было хорошо видно.

Большая тронная зала также как нельзя лучше подходила для представления великого мага королю, ибо могла вместить сотни людей. Принц Келдон, похоже, не преувеличивал – действительно, за минувшее лето придворные были настолько заинтригованы личностью Каладиуса, и с такой жадностью ждали его приезда, что сейчас здесь буквально яблоку было негде упасть.

Каладиус не изменил своему наряду – тёмные, почти чёрные свободные одежды, скрывающие фигуру, высокий, наглухо застёгнутый воротник, подпирающий подбородок, плащ с широким капюшоном, который, правда, сейчас был по вполне понятным причинам отброшен на спину, ну и, конечно – неизменные чёрные перчатки, без которых волшебника не видел никто и никогда с тех самых пор, как он стал Каладиусом.

За минувший год с лишним, что прошёл с момента получения ожога, рубцы уменьшились и посветлели. Кожа всё равно казалось тонкой и неестественно натянутой, словно лишённой морщинок и даже пор, и была на лице заметно светлее, чем на лысой голове. Всё те же редкие длинные волоски цвета остывшего пепла, торчавшие из подбородка, и всё тот же гладко выбритый череп. Наверное, через десятилетия следы ожогов смогут вообще изгладиться, явив миру истинное лицо великого мага, но пока же оно всё так же напоминало гротескную маску.

В общем, от всей фигуры Каладиуса так и веяло таин-

ственностью и даже, можно сказать, легендарностью. Вероятно, Келдон очень красочно передал все те небылицы, которые услышал ранее от великого мага, а также, вполне возможно, приукрасил многие из них. И теперь придворные взирали на идущего мимо них человека, словно на какого-то героя древнего эпоса, внезапно сошедшего на землю.

Его величество король Тренгон, пожилой мужчина с довольно неопрятной внешностью и подраспывшейся с годами фигурой, нетерпеливо подждал неспешно идущего волшебника, так сильно накренившись вперёд на своём троне, что, казалось, он вот-вот клюнет носом вниз и упадёт на ведущие к престолу ступени. Он буквально пожирал глазами чёрную долговязую фигуру.

Рядом с тронем стояло несколько человек. Одного из них Каладиус знал, поскольку это был принц Келдон собственной персоной. Его высочество радушно улыбался, и на мгновение великому магу показалось, что принц торжествует, словно купаясь в лучах славы древнего волшебника. Лишь протокол и этикет не давали великому князю сбежать со ступеней навстречу этому человеку-легенде.

Физиономии остальных были не в пример кислее. Особенно скуксился седовласый старик с длинными сальными волосами, схваченными в небрежный пучок. По нескольким мангиловым украшениям на его груди и пальцах было несложно догадаться, кто он. Но даже будь он совершенно нагим и безо всяких украшений, Каладиус сразу понял бы,

что этот старец – главный придворный маг Анцидиус. Слишком уж красноречивыми были та высокомерная неприязнь пополам с глубоко запрятанным страхом, что он прочёл на его лице.

Ещё одним хмурым человеком у трона был, судя по всему, первый министр королевства Тишон. Но этот, похоже, просто всегда был в дурном настроении, словно каждое утро завтракал битыми бутылками. Он, по крайней мере, в отличие от Анцидиуса, не видел в приближающемся волшебнике угрозу своему положению.

Третьим из этой компании был, судя по всему, младший сын короля, принц Дейвон. Он был разительно похож на старшего брата, и если бы не густая каштановая борода, достоящая едва ли не до груди, их, наверное, вполне можно было бы перепутать, хотя Келдон был на несколько лет старше. Принц Дейвон единственный из всех выглядел едва ли не равнодушным к происходящему. Впрочем, как позднее узнает Каладиус, младший брат Келдона обычно бывал равнодушным вообще ко всему.

Ну и четвертым был человек в арионнитских одеждах, стоящий чуть особняком. Не нужно было иметь много ума, чтобы понять, что это – верховный жрец Арионна Каихи. Эти странные служители культа, достигая определённых высот в своей иерархии, имели привычку принимать какие-то совершенно непроизносимые имена. Несмотря на то, что в Латлоне официально были разрешены все три конфессии,

на практике арионнитство всё равно оставалось доминирующим – ассианство по-прежнему было узкой, едва ли не профессиональной религией и не имело столь грандиозной структуры, а от протокреаторианства, хоть и признанного на государственном уровне, большая часть населения по-прежнему старалась держаться подальше.

Каладиус приблизился к престолу без какого-либо подбострастия. Он подошёл спокойно – так, словно делал это ежедневно. Поклонился королю – опять же, не выказывая излишнего раболепия, со сдержанным достоинством. После этого он дружески улыбнулся принцу Келдону. Что же касается прочих – они удостоились лишь небольшого поклона, глубокого ровно настолько, чтобы не казаться простым кивком и не выглядеть пренебрежительно. Маг заметил, как при этом нервно дёрнулась щека мессира Анцидиуса.

– Я счастлив наконец видеть вас, мессир Каладиус! – провозгласил король, благодушным кивком отвечая на поклон. – Клянусь, мой сын уже прожужжал мне вами все уши!

– Его высочество был бесконечно добр ко мне, ваше величество, – в голосе Каладиуса едва слышалась лёгкая усмешка, так что никто из присутствующих не счёл эти слова самоуничижительными. – Я тоже, в свою очередь, счастлив предстать перед вами.

– Отдельно хочу поблагодарить за то, что спасли моего сына, мессир. Тем самым вы избавили королевство от множества ненужных хлопот и проблем.

Келдон усмехнулся, услышав подобную реплику, но, похоже, совершенно не обиделся. Видимо, подобные высказывания были вполне в характере короля.

– Я счастлив, что оказал вашему величеству эту услугу! – вновь поклонился Каладиус. – И счастлив, что сохранил жизнь наследника трона.

– Однако же мессир Анцидиус утверждает, что подобное невозможно, – с какой-то змеиной улыбкой вдруг произнёс Тренгон.

Каладиус понятия не имел, что тут творилось до его появления, но вполне предполагал, что давно уже превратился в большую мозоль придворного мага, и что король, не обладавший особенным великодушием, похоже, не упускал случая лишний раз задеть старика. Вот и сейчас эта фраза была сказана не от наивности – кажется, Тренгон собирался свравить двух великих магов. Он заметил, как блеснули от гнева глаза Анцидиуса, и как он побледнел от досады.

Каладиус воспринял это как своеобразную проверку. Он мечтал о главных ролях при дворе. Он мечтал быть верховным магом. И он понимал, что одного желания здесь мало. Подобно матёрому одинокому волку, забравшемуся на территорию другой стаи, ему нужно было показать свои клыки и доказать, что он способен стать вожаком.

– Полагаю, ваше величество, что многие могут сказать, что управлять в одиночку таким великим королевством как Латиион тоже невозможно, однако же вот вы тут, и вполне

успешно с этим справляетесь, – Каладиусу произнёс эти слова, граничащие с дерзостью, совершенно спокойно и доброжелательно, глядя прямо в лицо короля.

Придворный маг дёрнулся, словно от пощёчины. Он не вспыхнул от гнева, как это сделало бы большинство людей. Вместо этого он смертельно побледнел и что-то тихо прошипел, оскалив довольно неплохие для его возраста зубы. Король же, взглянув на Анцидиуса и оценив его реакцию, добродушно захохотал.

– Клянусь честью, отлично сказано, мессир! Вижу, вы за словом в карман не лезете! Не каждый в подобной ситуации поведёт себя столь самоуверенно. Поверьте, мессир Анцидиус – страшный враг! Иногда он даже меня так буравит своими чёрными глазищами, что я потом велю слугам внимательно оглядеть кафтан – не появилась ли на нём пара новых дыр!

– Ваше величество, я прожил на свете достаточно долго, чтобы перестать бояться сильных мира сего, – спокойно проговорил Каладиус, понимая, что сейчас он ступает по лезвию ножа. – Однажды, когда я был в Саррассе, я наблюдал торжественный выезд императора. Собралось множество людей, улицы были заполнены так, что солдатам приходилось отталкивать людей щитами и древками копий. Император ехал верхом на великолепнейшем сарраассанском скакуне, который один стоил как целый корабль. Богатейшая сбруя, великолепный наряд самого монарха... И рядом шёл человек,

который осторожно придерживал императора, чтобы тот не свалился с седла. Потому что правителю Саррассы едва исполнилось два года, и хотя стремяна укоротили под его ножки, он всё равно держался неуверенно на крупе рослого скакуна. Знаете, ваше величество, как звали этого юного монарха? Синтилла, отец прадеда нынешнего императора Саррассы.

Это был очень сильный ход, и Каладиус давно к нему готовился. И сейчас он радовался, что ему так быстро представилась возможность вернуть эту историю. Он прочитал когда-то давно о мальчике-принце, которому пришлось стать императором после того, как оба его родителя внезапно умерли, и вот теперь эта история пригодилась. Каладиус уже не боялся, что его поймают на лжи. Он понял, что если врать вдохновенно и не скупиться на мелкие детали – люди будут верить в это безоговорочно.

Этот рассказ произвёл впечатление. Большинство из тех, кто находился в тронной зале, похоже, только сейчас осознали, насколько древним был этот человек. В этом была проблема больших чисел – их трудно понять. Скажите небогатому человеку, что кто-то владеет тысячами латоров⁴⁰ – и они удивятся этому, но совершенно абстрактно. Но скажите, что у него столько денег, что он может в течение месяца скупать за раз все товары на городском рынке – и вы увидите благо-

⁴⁰ Латор – крупная золотая монета Латииона. Один латор равен десяти серебряным дорам или тысяче серебряных дорринов.

говение в его взоре.

То же самое и здесь. Все присутствующие знали, что Каладиусу около трёхсот лет, однако лишь теперь, осознав, что он видел своими глазами прапрадеда саррассанского императора, который был почти ровесником короля Тренгона, ощутили глубочайшее почтение, хотя здесь речь шла о промежутке лет едва ли в столетие.

– Мессир Каладиус участвовал в Войне трёх королей, – в наступившей тишине проговорил Келдон, наслаждаясь эффектом не меньше самого великого мага. – Я рассказывал вам об этом, ваше величество.

– Да уж, думаю, вы повидали на своём веку грозных правителей, мессир, – с явным уважением в голосе проговорил король. – В былые времена короли были куда величественнее нынешних! Я помню своего отца – я лишь бледная тень его, так же, как этот малый – лишь бледная тень меня.

Келдон, на которого при этих словах кивнул Тренгон, лишь блеснул зубами в ухмылке. Судя по всему, подобные выпады отца его нисколько не задевали, либо же он тщательно это скрывал.

– Правители примерно одинаковы во все времена, ваше величество, – возразил Каладиус. – И именно поэтому они более не вызывают у меня страха.

Тренгон обладал непредсказуемым характером, поэтому столь дерзко и вызывающе с ним не говорил никто и никогда. Сложно было предсказать, что последует за столь неосто-

рожными словами, и вполне вероятно это могла быть тюрьма. В казематах была даже специально оборудованная камера для таких вот придворных, случайно попавших под горячую руку. Там было сухо, стояла вполне удобная кровать, и даже был сложен небольшой очаг, чтобы в зимнее время было не слишком холодно.

Именно в эту камеру отправляли тех, кто неудачно пошутил, или недостаточно расторопно встал, или даже слишком глупо (или того хуже – подозрительно) стоял в оконном проёме. Все знали, что через день или два король отойдёт, и тогда, если ему осторожно напомнить о бедолаге, то тот будет немедленно освобождён.

Даже Келдон насупился, услышав реплику великого мага, а придворные и вовсе словно позабыли дышать. Однако же король расхохотался.

– Вот чего мне не хватало в этом унылом месте, клянусь честью! Меня тошнит от всех этих подлиз и трусов, которые словно стараются сперва прочесть мои мысли, а затем озвучить их. Ох, как бы я хотел прожить хотя бы половину вашего возраста, мессир! Представляю, каким бы я стал тогда! А покамест я рад и тому, что мой бестолковый сын в кои-то веки сделал мне действительно ценный подарок! Вы один стоите всех этих оборотов, что стоят подле меня!

Теперь настал черёд нахмуриться (точнее, нахмуриться больше обычного) министру Тишону, на что верховный маг не преминул откликнуться злорадной усмешкой, хотя и его

лицо вытянулось ещё больше. Лишь Каихи сохранил своё видимое благодушие – ему-то точно нечего было опасаться со стороны этого внезапно появившегося выскочки.

Каладиус быстро разгадал игру Тренгона. Как и многие правители с неуравновешенной психикой, он, похоже, опасался возможных покушений либо на его жизнь, либо на его суверенитет. Именно поэтому он поддерживал раздрай среди своих приближённых, не давая им создать достаточно мощную коалицию. Что ж, для великого мага это было, скорее, на руку – можно было не опасаться, что все самые влиятельные люди королевства ополчатся против него.

– Позвольте мне усомниться в ваших словах, ваше величество, – Каладиус решил использовать этот шанс проявить великодушие. – Уверен, что все эти господа более чем достойны занимаемых должностей! Ведь главный талант великого правителя состоит именно в умении подобрать хорошую команду.

Это был очень тонкий ход – Каладиус умудрился сделать реверанс сразу в обе стороны. И если первая сторона этого, наверное, не очень-то оценила, то Тренгон выглядел явно польщённым, именно потому, что заслужил лестный отзыв от человека, который, кажется, не очень-то стремился льстить. Он, похоже, не уловил двусмысленность и поверил в искренность этих слов, потому что они были сказаны всё в той же манере и с тем же гордым и независимым видом.

– Я прошу вас, мессир, отныне неотлучно находиться в

моём дворце. Покамест у меня нет подходящей вам должности, так что вы станете... пожалуй, назовём это главным советником короля. А там поглядим, может со временем подвернётся более официальная должность.

Тренгон не отказал себе в удовольствии стрельнуть глазами в сторону Анцидиуса, а затем сладко улыбнуться Тишону. Сохраняя внешнее спокойствие, в глубине души Каладиус скрипнул зубами – старик явно решил сравить его со своими министрами. Оставалось надеяться, что события не примут слишком уж стремительный оборот. Чтобы победить таких людей, понадобится чертовски хороший план.

Глава 29. Придворные

Торжественный приём предсказуемо закончился застольем. Здесь уже не было столько народу – остались лишь избранные. Каждый из этих людей спешил подластиться к новому фавориту. Все эти люди, которые сейчас казались Каладиусу одинаковыми, подходили с льстивыми улыбками, произносили какие-то банальные фразы. Было видно, что каждый из них надеется запасть в память великому магу, интуицией придворного ощущая, что он теперь станет одним из главных центров силы.

Во время пира Каладиус сидел рядом с королём и вновь пересказывал наиболее яркие фрагменты своей «биографии». А уж после, когда объевшиеся люди встали, чтобы размять ноги, к нему началось настоящее паломничество. Первым его оккупировал принц Келдон, который даже взял великого мага под руку и завёл разговор о минувшей кампании.

Другие придворные подходили, глубоко кланяясь обоим, и что-то неловко лепетали, чувствуя, что мешают разговору. Однако же придворный инстинкт гнал их к Каладиусу несмотря ни на что. Главное правило двора – быть заметным, пусть даже и быть при этом раздражающим.

Из четвёрки стоявших у трона, если не считать Келдона, первым подошёл его брат. При всём внешнем сходстве

Каладиус обратил внимание, как они непохожи внутренне. Принц Дейвон говорил вялым безжизненным голосом человека, пресыщенного жизнью, которому наскучило решительно всё. Был ли он таким с детства, или же так на него действовала тень старшего брата – великому магу лишь предстояло это выяснить. Дейвон задал пару вопросов по Войне трёх королей, и, несмотря на то, что тон его был таков, словно ему совсем не интересны ответы, Каладиус всё же мысленно поблагодарил своего старого приятеля Традиуса за то, что, благодаря ему, он смог подтянуть свои знания по этому вопросу. Судя по всему, младший сын короля весьма неплохо знал историю.

Следующим, конечно, был верховный жрец. Со своей извечной миной благодушия, которая, казалось, никогда не сходила с этого чуть пухловатого лица, он произнёс несколько совершенно дежурных фраз, причём умудрился произнести имя Арионна шесть раз. Однако же Каладиус не обманулся этим юродивым образом. Он заметил, что глаза Каихи очень внимательно и цепко разглядывали его во время этого краткого разговора. Верховный жрец словно пытался заглянуть под маску обожжённой плоти.

Из оставшихся двух помощников короля первым подошёл министр Тишон.

– Насколько мне известно, вы много времени прожили в империи? – даже голос его звучал так, словно министр мучился запором.

– Достаточно много, милорд, – кивнул Каладиус.

– И давно ли вы вернулись?

– Лет пятнадцать назад, или около того, – небрежно пожал плечами Каладиус, однако внутренне напрягся. В этих, казалось бы, ничего не значащих вопросах мог скрываться какой-то тайный смысл.

– Что же заставило вас оставить отшельничество?

Тишон говорил сухо, словно не вёл светскую беседу, а допрашивал. Каладиусу это определённо не нравилось. Кроме того, он подметил, что первый министр ни разу не назвал его мессиром.

– У меня появился ученик, – подхватывая тон Тишона, ответил он.

– И вы отправились в Кидуу?

Вот оно что! Уж не решил ли этот бледный лысоватый человек каким-то образом связать его с текущей войной? Вот это будет совсем уж глупо! Не хватало ещё, чтобы его стали подозревать в каких-то мнимых заговорах, ведь это могло потянуть совсем за другие ниточки.

– Кидуа – крупнейшая морская держава. Вполне логично было отправиться туда, если мы хотели служить в торговом флоте!

– Несомненно, – поджав губы, кивнул министр.

– Бросьте, Тишон! – рассмеялся Келдон, который закончил беседу с каким-то придворным и вновь обратил внимание на мага. – Уж не считаете ли вы мессира Каладиуса ки-

дуанским шпионом?

– Избави меня от этого боги, ваше высочество! – заверил министр всё тем же унылым тоном, так что было совершенно непонятно, насколько искренна его божба.

– Вам надо бы отдохнуть, Тишон! – отхлебнув из бокала, усмехнулся принц. – Выпейте вина, приударьте за секретаршей, съездите к озеру Прианон на недельку. Клянусь, вы свихнётесь скоро с этой войной! На всякий случай ещё раз напомню, что министр войны у нас – я.

– Вы правы, ваше высочество, в последнее время я действительно стал об этом забывать, – коротко кивнув, первый министр отошёл.

Последние слова отразились гневной вспышкой на лице великого князя, но он тут же вернул невозмутимый вид, словно ничего не случилось.

– Стервятники, – несколько натужно ухмыльнулся Келдон. – Почувствовали в вас соперника. Не беспокойтесь на их счёт, мессир. Они – уже прошлое, и до них, похоже, это стало доходить.

– Даже прошлое иногда способно ранить, – нахмурившись, покачал головой Каладиус. – Я без году неделю нахожусь при дворе, и уже умудрился нажать себе двух могущественных врагов.

– Всего только двух? – легкомысленно возразил Келдон. – Тогда вы – счастливчик. Привыкайте к придворной жизни, мессир! Здесь иметь могущественных врагов – признак хо-

рошего тона. Мы тут все – словно пауки в кувшине. Дайте только волю – каждый, кого вы тут видите, охотно вцепится в глотку десятку других. Не беспокойтесь, мессир, медведь волкам не по зубам!

– Если только они не нападут всей стаей... – процедил великий маг.

– Для того, чтобы напасть стаей, им сперва нужно поладить между собой.

– Ничто так не сплачивает, как общий враг.

– Полноте, мессир! Вот, лучше выпейте этого вина. Оцените иронию – оно кидуанское.

Каладиус спохватился – его мрачность могла стать заметной окружающим. Нельзя было дать понять кому бы то ни было, что он чего-то боится. Нет, он будет медведем, и горе тем волкам, что оскалят на него свои пасти. Поэтому он последовал совету принца и подхватил с подноса проходящего мимо слуги великолепный бокал с ещё более великолепным содержимым. И вновь с некоторой тоской вспомнил о Традиусе. Всё-таки в тех временах была своя прелесть, и он был тогда самой крупной рыбой в пруду. Другое дело, что тот пруд стал ему слишком мал, и для последующего роста требовалось, наверное, уже целое море.

Через некоторое время Келдон вновь отлучился, оставив Каладиуса. Великий маг был уже порядком утомлён тем, что внезапно превратился в какую-то чудную зверюшку, прикоснуться к которой хотел каждый. Ему захотелось какого-то

уединения. Оглянувшись, он заметил довольно укромную оконную нишу, где можно было бы перевести дух.

Из окна открывался довольно унылый вид на какие-то постройки, так что Каладиус просто задумчиво стоял, притулившись к холодному камню. Очень хотелось уйти, но куда король был здесь, об этом можно было и не мечтать.

– Похоже, вы – очень самоуверенный человек, мессир? – послышался рядом голос, в котором сквозила явная неприязнь.

– А я всё гадал – подойдёте ли вы, – нацепив спокойно-надменную мину, Каладиус повернулся к верховному магу. – Я не самоуверенный человек, мессир Анцидиус, но я – человек, уверенный в себе. Полагаю, вы почувствуете разницу.

– Так же хорошо, как я чувствую разницу между настоящим магом и шарлатаном, – лицо мага было спокойно, но глаза просто источали яд.

– О, я вижу, вы не тратите время на сантименты, – усмехнулся Каладиус.

– Не вижу смысла притворяться, когда мы одни. Вы одурачили многих, мессир, но не думайте, что вам удастся одурачить и меня.

– Это довольно громкое заявление, мессир, хотя вы и произносите его тихим голосом, – теперь Каладиус говорил ледяным тоном, в котором слышалась угроза. – И нужны веские основания, чтобы бросаться подобными словами.

– О, на этот счёт не беспокойтесь, – зловеще улыбнулся Анцидиус. – Я без труда докажу, что вы – обычный шарлатан.

– В самом деле? И как же?

– Я могу убедить его величество потребовать повторить ваше чудо. Я уверен, что невозможно удалить яд из крови, и предполагаю, что случившееся там, в том варварском городишке, было чем-то иным, нежели то, как это преподносит с ваших слов принц Келдон.

– Полезно ли будет для репутации главного придворного мага выставить себя глупцом прилюдно? Ибо только глупцы слепо отрицают то, что не в силах постичь их скудный разум.

– Дело не в разуме, – скрипнул зубами Анцидиус. – Я разговаривал со многими причастными к этому людьми, и все они в один голос подтверждают, что палатийцы полностью отрицают существование той организации, что, якобы, отравила принца.

– Что ж, это – веский довод, – не скрывая злобы, ухмыльнулся Каладиус. – Конечно, истинный убийца никогда не станет отрицать, что убил именно он, а истинный вор при первом же подозрении сам вывернет свои карманы с награбленным.

– Смейтесь, но я знаю, что тут дело нечисто. Впрочем, вы можете подтвердить свою правоту, повторив это чудесное заклинание.

– Я похож на ярморочного фокусника? – надменно осве-

домился Каладиус. – Я не творю заклинаний по заказу, и уж во всяком случае, не по вашему. Впрочем, если хотите – выпейте яд. В таком случае я готов попытаться.

– Что ж... Сейчас его величество заинтересован вами, и принц вам покровительствует. Но поверьте человеку, который не один год находится при дворе – так будет не всегда. Вскоре вы наскучите королю, как наскучили ему болонки, которых прислали на прошлой неделе. И тогда ваши усмешки вам не помогут. Я вижу вас насквозь, *мессир*...

Придворный маг буквально выплюнул последнее слово, после чего резко повернулся на каблуках и отошёл. Каладиус припал вспотевшим лбом к холодному камню, чувствуя, как колотится сердце. Война началась, и враг сам предупредил, что будет беспощаден. Великий маг был наслышан о непостоянстве латионского короля, и опасался, что вскоре действительно может остаться один на один с могущественными недругами. Он должен нанести удар первым!

– Неприятный разговор? – услышал он насмешливый голос, который, однако же, не принадлежал принцу Келдону.

Великий маг обернулся, даже не пытаясь придать лицу приятное выражение. Перед ним стоял франтоватый мужчина лет тридцати пяти-сорока пяти, но выглядевший просто отменно. Даже на расстоянии трёх-четырёх шагов ощущался аромат духов, исходящий от его превосходного камзола. Очередной хлыщ, жаждущий прикоснуться к легенде.

– Я думал, ко мне подошли уже все придворные шаркуны, – процедил Каладиус, решив сразу отшить этого щёголя.

– Так и есть, мессир, – сверкнул белозубой улыбкой придворный. – Они закончились ещё до того, как вы пообщались с верховным магом.

– То есть, вы себя к таковым не причисляете? – скривившись, поинтересовался Каладиус.

– Сомневаюсь, что вам интересно моё мнение, мессир, поэтому скажу так: другие меня к таковым не причисляют.

– Вот как? А на первый взгляд вы – типичный представитель фауны.

– Я не скажу, что первый взгляд всегда ошибочен, потому что это – несусветная чушь, но на сей раз он действительно вас подвёл, мессир.

– Правда? И кто же вы, милостивый государь, позвольте полюбопытствовать? – с неприкрытым сарказмом спросил Каладиус.

– Позвольте представиться, мессир, – хлыщ неожиданно выпрямился и щёлкнул каблуками. – Барон Трувиль, капитан гвардии паладинов его величества.

– Вы шутите? – фыркнул великий маг. – Из вас такой же капитан паладинов, как из меня – послушница-арионнитка.

– И между тем, я не шучу.

– Что ж, это лишнее подтверждение тому, что его величество не слишком-то разборчив в выборе своих приближённых, – раздражённо выпятил губу Каладиус. – А я-то думал,

что после знакомства с Анцидиусом меня уже ничем не удивишь.

– Сочту ваши слова за комплимент, мессир, – улыбнулся барон без намёка на обиду.

– Не стоит, поверьте. Должен сказать вам, что ваши подчинённые вызывали у меня куда большее уважение, *капитан*, – маг постарался с особенной издёвкой произнести последнее слово. Похоже, он только что нажил себе ещё одного могущественного врага, но вряд ли это сильно меняло положение.

– Надеюсь, мессир, что это усталость и раздражение так сказались на вашей прозорливости, потому что в противном случае вам не выжить при дворе, – на этот раз Трувиль говорил совершенно серьёзно. – Похоже, вы – весьма увлечённый коллекционер врагов, но поверьте, вам стоит задуматься также и о приобретении друзей.

– Сегодня весь вечер толпы ряженных кукол с льстивыми глазами набиваются мне в друзья. Не понимаю, почему я должен отдать предпочтение именно вам.

– Потому что они – не капитаны королевской гвардии. И потому что они не являются друзьями принца Келдона. Но главным образом потому, что они – просто ряженные куклы с льстивыми глазами. До новой встречи, мессир.

Кивнув, капитан паладинов отошёл, оставив Каладиуса в одиночестве.

– А, вот вы где! – послышался голос Келдона. – Вижу, вы уже успели познакомиться с Трувилем?

– Что он за человек? – поинтересовался маг.

– Один из лучших, кого я знаю, – принц уже был навеселе и держал в руке очередной бокал.

– А по виду и не скажешь, – возразил Каладиус, хотя уже не столь уверенно.

– Не обращайтесь внимания на эту мишуру, – забывшись, Келдон махнул той рукой, в которой держал бокал, и большая часть вина выплеснулась на пол. Досадливо поморщившись, принц отбросил дорогой хрустальный бокал в сторону, но тот, к счастью, не разбился. – Этот человек – как котомка иллюзиониста. С виду прост, но никогда не знаешь, что у него внутри. Когда вы узнаете его поближе, то поймёте, что он совсем не такой. Если и есть при дворе человек, дружбу с которым я мог бы вам рекомендовать, так это он.

– Что ж, если вы так говорите... Может быть, я действительно ошибся. Наверное, всё дело в недостатке опыта. До сих пор мне не приходилось иметь дело с придворными.

– Он не простой придворный, мессир. Он – капитан паладинов. И этим всё сказано. Дьяволы, где мой стакан?.. – Келдон озадаченно поглядел на пустую руку, видимо, позабыв недавний инцидент. Но затем он заметил лужу на полу. – Ах, да! Пожалуй, мне не стоит больше пить сегодня...

– Это мудрое решение, ваше высочество, – улыбнулся Каладиус.

– Тем более, что приём всё равно вот-вот закончится. Папаша, вроде, уже собрался уходить.

Король действительно поднялся с трона и теперь обводил взглядом залу, выискивая кого-то. Заметив Каладиуса, он махнул ему рукой, подзывая к себе.

– Надеюсь, вам понравился приём, мессир, – проговорил король. – Однако время уже позднее, и я собираюсь удалиться. Наверное, вы бы тоже хотели отдохнуть.

– Спасибо, ваше величество, приём был великолепен, – покривил душой маг. – И да, я действительно хотел бы отдохнуть.

– Вас проводят в ваши новые покои. Надеюсь, вы останетесь ими довольны. Также в вашем распоряжении будут две дюжины слуг.

– Вы невероятно щедры, ваше величество, – поклонился Каладиус.

– Каждый день в четверть десятого утра я принимаю отчёты своих министров – таков протокол. Коль скоро вы теперь мой советник, вам нужно присутствовать при этих докладах.

– Я непременно буду, ваше величество.

Король кивнул в ответ, одновременно отпуская мага этим жестом. Но через несколько секунд он вновь окликнул волшебника:

– Ну как, ужеладили с мессиром Анцидиусом?

– Он – милейший человек, – улыбнулся Каладиус, вызвав ехидный смешок короля.

– Да, это точно про него! – и Тренгон залился каким-то лающим, будто задыхающимся смехом. – Что ж, мессир, уви-

димся завтра утром!

Городские часы пробили девять, затем где-то в глубине дворца звякнули другие часы, отсчитав четверть, а у приёмной короля никого не было. Если бы Каладиус не прибыл сюда за полчаса до назначенного срока, то решил бы, что уже опоздал. А так он даже не знал, что и думать. Дворец был погружён в тишину, лишь слуги время от времени деловито пробегали, занятые своими делами.

Наконец примерно в половину десятого послышались шаги. Каладиус обернулся и заметил человека в форме палатиннов. Приглядевшись, он узнал своего вчерашнего знакомца, барона Трувиля, капитана гвардии.

– Доброе утро, мессир, – приветливо склонился Трувиль, едва завидев волшебника. – Что это вы так рано?

– Что значит – рано? – удивился Каладиус. – Его величество назначил встречу на девять с четвертью.

– Ох, простите, это моя вина! – издал смешок капитан. – Пожалуй, я должен был вас предупредить.

– Предупредить о чём? Доклады отложены?

– Вовсе нет. Но они будут позже. Все при дворе знают, что его величество не встанёт раньше десяти часов после застолий вроде вчерашнего.

– Зачем же он велел мне прийти к этому сроку? – нахмурился маг.

– О, не вините его, мессир! – рассмеялся Трувиль. – Арионн свидетель – его величество искренне пытается. По заведённому протоколу король встаёт в девять часов, и, одевшись, ещё до завтрака принимает доклады. Иногда именно так и случается, хотя его величество любит понежиться в кровати. Однако же после пира он обычно спит часов до десяти, хотя будят его, как обычно, в девять. Он с этим ничего не может поделать – возраст, знаете ли... Хотя я только что понял, что, вероятно, рассмешил вас, упомянув о возрасте...

– Мне не до смеха, знаете ли... – проворчал Каладиус. – Я не привык, чтобы со мной обращались подобным образом.

– Вероятно, в суматохе все просто забыли оповестить вас о такой особенности его величества. Ещё раз прошу простить меня. Если хотите – возвращайтесь к себе. Я пошлю лакея, когда придёт время. Я всегда так делаю.

– А вы для чего пришли? – Каладиус всё ещё был не в духе, поэтому голос его звучал довольно резко.

– Я – капитан личной гвардии его величества. Это моя работа.

– Вы отправитесь к королю?

– Я уже был там. Проверил посты, так что теперь буду ожидать здесь.

– Тогда, пожалуй, составлю вам компанию, – Каладиус вновь опустился на вычурную кушетку, одну из нескольких, стоящих вдоль стен. – Я ещё не так хорошо ориентируюсь во дворце.

– О, я весьма польщён этим, мессир, – усаживаясь неподдельно, проговорил Трувиль. – И если моё общество, вам, похоже, не слишком-то приятно, то ваше меня весьма радует.

– Ну сегодня вы, по крайней мере, не выглядите дешёвым повесой.

– Звучит почти как предложение дружбы, – засмеялся палладин.

– Рад, что вы заметили, – усмехнулся волшебник. – После моих вчерашних слов мне было бы крайне затруднительно называть вещи своими именами.

– Значит, вы ищите союзников в войне? – прямо спросил Трувиль.

– Ну, поскольку все вакантные места врагов, похоже, уже заняты...

– Принц посоветовал вам меня?

– Главным образом – да. Но кроме того, чем больше я с вами общаюсь, тем больше замечаю в вас что-то такое, что очень мне нравится. Кажется, вы вполне сгодитесь в союзники.

– Учитывая, что вы, вроде бы, не собираетесь меня подсадить, у меня действительно маловато причин для вражды. Кроме того, насколько я понимаю, вы – человек принца.

– Я второй день при дворе, поэтому пока не слишком хорошо понимаю, чей я человек. На данный момент для меня действует простое правило: нападают – защищайся. Но да, мы с принцем Келдоном друзья.

– Не говоря уж о том, что вы спасли ему жизнь.

– Кажется, не все в это верят.

– Я верю. Там были мои люди, поэтому я видел всё практически собственными глазами.

– Вы настолько доверяете своим подчинённым?

– Я лично подбирал каждого из них. Это люди, которым я доверяю как себе. Знаете ли вы, мессир, как трудно подобрать достойного кандидата в нашу гвардию? К нам приходят очень хорошие солдаты – лучшие в своих легионах, и мы через некоторое время отправляем их обратно. Знаете, почему?

– Они недостаточно хороши для вас?

– Да, но знаете – почему? Потому что они – слишком хорошие солдаты. Они – идеальные механизмы для убийства, остро отточенные клинки. Но нам нужны не такие. Нам нужны не просто идеальные исполнители, но люди инициативные, способные сами принимать решения, иногда даже своевольные.

– Что-то я не заметил особенного своеволия в тех бойцах, что сопровождали принца Келдона... – проворчал Каладиус.

– Потому что важно быть не просто своевольным, но своевольным тогда, когда этого требует ситуация. Мы – телохранители. Чтобы быть эффективными, нужно сделать так, чтобы враг нас недооценивал, что непросто в свете репутации нашей гвардии. Поэтому, когда это надо, мы можем выглядеть тупыми солдафонами, или же легкомысленными фран-

тами, или глубокомысленными философами... Это – настоящее лицедейство, мессир. Именно поэтому у нас в Латионе около ста восьмидесяти тысяч солдат, но среди них едва набирается двести сорок шесть человек, достойных называться паладинами его величества.

– А вы, стало быть, лучший из лучших. Самый талантливый лицедей...

– Я понимаю, о чём вы, мессир. Но принц Келдон может подтвердить, что я – человек честный и верный. Надеюсь, подобная рекомендация для вас кое-чего стоит.

– Вы сами отрекомендовали себя наилучшим образом, капитан! – Каладиус не поленился встать, чтобы подойти к Трувилю.

Капитан паладинов, польщённый, вскочил на ноги и мгновенно оказался рядом с великим магом. Они обменялись крепким рукопожатием, скрепив созданный союз.

– Я рад, что в моей войне мне достались элитные войска, – улыбнулся волшебник.

– И это тем более кстати, что война началась ещё до вашего прибытия сюда, – серьёзно кивнул Трувиль. – Уже пару месяцев как двор расколот на две партии. То и дело возникают шепотки, что никакого покушения на принца не было, и что всё это – крупная политическая афера. Никто не осмеливается произнести это слово вслух, но, очевидно, они подразумевают заговор. По счастью, таких – меньшинство, но шепотки не прекращаются.

– Полагаю, я знаю, откуда они доносятся, – Каладиус хрустнул костяшками пальцев, не сумев сдержать раздражения.

– У придворного мага длинные руки, мессир. Он – опасный враг. А благодаря неуместным шуткам короля, у него теперь вполне может появиться не менее могущественный союзник. Вы должны быть начеку. Положение принца Келдона в последнее время довольно шатко, и вас могут использовать как невольное орудие против него. Естественно, если что-то случится с принцем, вас тут же сожрут. Во имя богов, не поддавайтесь на улыбки и благодушие короля! Многие могли бы свидетельствовать вам, сколь мало они стоят, если бы были здесь. Не расслабляйтесь, мессир! Боюсь, что Война трёх королей покажется вам детской забавой в сравнении с тем, что может ожидать вас здесь.

– Спасибо, что хорошенько запугали меня, капитан, – усмехнулся великий маг. – Я твёрдо усвоил, что попал в логово волков. Вот только они, кажется, ещё не поняли, что к ним свалился не олень, а медведь.

Глава 30. Коты и псы

Каладиус не мог позволить себе промедления. Если верить Трувилю, война против него началась задолго до его приезда в Латион, а это значит, что у врага была фора. Лишь несколько дней маг позволил потратить себе на изучение обстановки, и результаты его не слишком-то обрадовали.

Во-первых, он лишний раз убедился во вздорности характера короля Тренгона. Его поступки часто напоминали поступки ребёнка, и это создавало в них хаос и непредсказуемость, весьма раздражающие и тревожащие, ибо в них не было системы. Это означало, что рассматривать короля в качестве союзника было бы, по меньшей степени, глупостью – всё равно, что положить тлеющий уголёк в карман, чтобы позже с его помощью развести огонь.

Во-вторых, стало очевидно, что его главный покровитель принц Келдон находится в не самом лучшем положении. Судя по всему, неудачи на западе король во многом приписывал именно ему. Более того, скорее всего и самодеятельность Второго легиона также не прошла бесследно.

Все понимали, что великий князь – наследник трона, и это заставляло его недругов действовать весьма осторожно. Однако же Тренгон был весьма крепким стариком, никогда не жаловавшимся на здоровье, так что вполне мог прожить ещё десять-пятнадцать лет. И этих лет было бы вполне до-

статочно, чтобы избавиться от строптивного принца.

В значительной мере карты путал младший принц Дейвон. Не будь он таким рохлей, все недовольные Келдоном давно сплотились бы вокруг него. В конце концов, он был таким же сыном короля Тренгона, и вполне мог бы стать наследником.

Тем более, что Тренгон частенько бывал недоволен старшим сыном, возможно потому, что в том было довольно много от отца. Его характер был если и не столь непредсказуемым, то уж точно куда более острым и резким, так что молодой князь уже успел испортить отношения со многими весьма могущественными людьми. Но главное, что вспыльчивый король уже несколько раз был на грани того, чтобы бросить своего сына в темницу за излишне дерзкие речи или поступки.

В-третьих, Анцидиус, похоже, провёл неплохую работу. Если подавляющее большинство придворных, не знакомых с магией, были склонны воспринимать Каладиуса как некое чудо, то вот волшебники и учёные, похоже, были полны скепсиса. Придворный маг, судя по всему, сумел убедить их в невозможности подобных заклинаний.

По счастью, даже старый верховный маг оказался не столь изощён в своих рассуждениях, чтобы докопаться до истины. Он уцепился за куда более простую версию – никакого отравления не было вовсе, и всё это было выдуманно принцем Келдоном и самим Каладиусом с целью притащить послед-

него ко двору и со временем назначить его главным придворным магом, устранив тем самым могущественного недруга в лице Анцидиуса.

Осторожно и полунамёками верховный маг обозначал и ещё одну возможную цель этой аферы – переворот. Естественно, об этом даже не говорилось – в крайнем случае лишь кивалось, слегка подмигивалось, улыбалось самым уголком рта. Сказать такое даже в виде намёка было слишком опасно – это было бы обвинением против великого князя, и последствия даже для такого человека как Анцидиус могли бы оказаться весьма сокрушительными.

Однако придворная жизнь была весьма благоприятной питательной средой именно для таких вот намёков на намёки – они расцветали здесь куда пышнее, чем даже обвинения, сделанные напрямик. Поэтому неважно было – озвучит ли кто-то данную версию или нет – общественное мнение постепенно сформировалось бы в нужную сторону.

Ну а при столь подозрительном короле как Тренгон даже такое поветрие могло однажды вызвать великую бурю. Поэтому Каладиус прекрасно понимал, по краю какого страшного обрыва шли сейчас они с принцем Келдоном.

Значит, нельзя было медлить. Эти слухи необходимо прекратить как можно скорее, покуда они не дошли до короля и не угнездились в его мозгу. Это и станет первым ударом по мессире Анцидиусу – он вырвет у него из рук этот отравленный клинок, которым тот машет слепо и жестоко. Кала-

диус решил собрать виднейших представителей Академии – главных теоретиков и практиков магии, чтобы объяснить им произошедшее.

Конечно же, в данном случае ему придётся быть куда более убедительным, чем в случае с Традиусом, ведь теперь его слушателями будут куда более сильные маги и, что важнее, куда более подкованные в теории. Но чем больше Каладиус обдумывал свои объяснения, тем больше приходил к выводу, что они вполне могут оказаться верными. Во всяком случае, его теория была внутренне непротиворечива, косвенно подтверждалась имеющимися знаниями, и главное – похоже, пока что не было никого, кто мог бы авторитетно её опровергнуть.

Быть может, старая затворница Дайтелла знала гораздо больше него. Быть может, ей давно были известны те вещи, которые он почитал откровением. Вполне возможно, что она могла бы одним словом разрушить его теорию, на практике доказав, что подобное невозможно. Но всё это было неважно до тех пор, пока древняя карга добровольно изолировала себя от мира. Наверное, лишь единицы знали, где располагается тайное убежище отшельницы, и она уже очень давно не подавала о себе никаких вестей.

В общем, при очередной встрече с Анцидиусом (а встречались они прискорбно часто) Каладиус, придав лицу самый благодушный и сладкий вид, попросил придворного мага передать руководству Академии его просьбу о личной встрече.

че для всех необходимых разъяснений. Анцидиус не сумел скрыть лёгкой растерянности во взгляде – он явно не ожидал, что прохиндей, которым он почитал Каладиуса, решится на такой серьёзный шаг.

Но вскоре верховный маг совладал с собой и, ядовито улыбнувшись, пообещал, что он не только передаст просьбу, но и сам лично будет присутствовать на столь занимательной лекции. После чего оба волшебника с вежливостью, граничащей с издёвкой, поклонились друг другу и разошлись.

Каладиус, пожалуй, не был бы столь самоуверен, если бы не одно обстоятельство, о котором он узнал лишь недавно, и которое выглядело не иначе как подарок богов. Дело в том, что он всё это время весьма опасался разоблачения. Действительно, если бы кому-нибудь пришла в голову мысль покопаться в архивах Академии, то он без труда заметил бы странность, а именно – отсутствие в её анналах человека по имени Каладиус. И уж конечно придворный маг наверняка не преминул бы этого сделать.

Но, как уже было сказано раньше, тут вмешались сами высшие силы. Каладиус исподволь попросил Трувиля разузнать о возможности поработать в древних архивах Академии времён его обучения. Конечно, капитан паладинов не слишком-то подходил для подобных поручений, однако же пока великий маг при дворе больше никому не доверял. И, надо отметить, Трувиль прекрасно справился с возложенной на него задачей. То, что капитан паладинов сообщил Каладиу-

су, едва ли не заставило последнего вскочить, радостно вопя и размахивая руками. Только нечеловеческим усилием воли он сумел сохранить бесстрастное, и даже слегка разочарованное выражение лица.

А сообщил Трувиль достаточно печальное, казалось бы, известие – оказывается, архивы Академии начинались лишь с 868 года Руны Кветь. Это был год одной из самых страшных эпидемий синивицы за всю историю королевства. И тогда в Латионе, откуда спешно эвакуировался королевский двор, случился самый настоящий мятеж. Десятки тысяч людей, запертые в городе, охваченном смертельной болезнью, просто сошли с ума. Они громили и жгли всё подряд.

И особо досталось именно Академическому кварталу. Сперва магов обвиняли в бездействии, что было правдой, ведь заклинаний, способных победить болезнь, не существовало, да и большинство волшебников покинули заражённый город. В какой-то момент дошло до того, что именно магов и учёных и обвинили в эпидемии – якобы, в стенах Академии проводили эксперименты с заражёнными синивицей людьми.

В общем, несколько зданий квартала были сожжены едва ли не дотла. Но хуже всего, что разъярённые и обезумевшие от смертного ужаса люди жгли все бесценные книги и свитки, попадающиеся под руку – целую библиотеку редких книг. Одни палили прямо в помещении Архива, другие выбрасывали на улицу и жгли на площади в громадных кострах.

Те немногие маги, что остались в городе, были убиты, а некоторые и вовсе сожжены в том же огне.

Так и вышло, что сгорело почти всё, до чего смогли добраться горожане. В том числе как раз сгорел и реестр выпускников Академии за очень долгий период. Так что Каладиус теперь мог ничего не бояться – при всём желании Анцидиус не сумел бы докопаться до правды. В очередной раз ловкий мошенник мысленно поблагодарил богов за то, что они надумали его приписать те лишние двести лет возраста.

Итак, не опасаясь теперь удара по крайней мере с этой стороны, Каладиус со спокойной душой прибыл в Академию. Он не преминул отметить, покачивая головой с ностальгической улыбкой, что в его годы тут всё было иначе, и учёные мужи горестно кивали в ответ – мол, да, страшно представить, сколько всего погибло в пожарах 868 года.

Выступление великого мага обернулось подлинным триумфом. Около трёх десятков профессоров Академии – весьма крупных магов и учёных – в течение почти двух часов забрасывали его вопросами. И на каждый у него был ответ, причём ответ, который полностью удовлетворял эту взыскательную публику.

В самом начале он продемонстрировал свои способности, заставив исчезнуть принесённое кем-то чучело совы. Несмотря на то, что в момент волшбы находящиеся в аудитории маги скривились, словно от сильной боли – такова была судорога в ткани *возмущения*, они тут же на все голоса

восславили столь могущественного волшебника.

Прямо тут же, к вящему неудовольствию присутствовавшего Анцидиуса, Каладиус был назначен почётным профессором Академии, и специально под него была организована кафедра, задачей которой было обучение магов взаимодействию со структурой *возмущения*, а также исследования в этой области.

Каладиус сразу же предупредил, что считает обучение этому невозможным:

– Я многие годы потратил, пытаясь обучить этому своего ученика, – заявил он. – И пришёл к неутешительному выводу: по моему мнению, научить этому нельзя, как человека без магических способностей нельзя научить чувствовать *возмущение*. Это одна из тех вещей, которые либо есть, либо их нет. Этому нельзя научить, этому можно лишь научиться, если к тому имеются способности.

И действительно, Каладиус, неоднократно задумываясь о природе своего дара, пришёл к выводу, что, вполне возможно, он – единственный волшебник во всём мире, кто способен на такое. Ну, во всяком случае, единственный человеческий волшебник. Возможно, и даже наверняка на нечто подобное, и даже превосходящее были способны Гурр и Дайтелла, но их брать в расчёт не стоило.

Но также он понимал, что его уникальность, вполне вероятно, была вызвана не тем, что он обладал особенностями, недоступными другим магам. Нет, скорее всего всё было го-

раздо прозаичнее – просто до сих пор никто даже не пытался делать нечто подобное. Точно так же, как его предки-палатийцы когда-то давным-давно, во времена Империи и даже раньше, строили свои жилища исключительно из дерева, и им даже в голову не приходило попробовать для этих целей камень. Правда, в конце концов варвары-палатийцы увидели каменные дома у имперцев, и со временем переняли их, а вот он додумался до всего сам, по какому-то наитию.

Каладиус не имел ни малейшего понятия о том, как он мог бы научить кого-то своему дару. Впрочем, он честно предупредил об этом собравшихся магов, но им, похоже, было всё равно – даже малейший шанс на то, чтобы получить подобные знания уже приводил их в восторг. Руководство Академии было готово на любые уступки и любые условия, лишь бы заполучить столь уникального преподавателя.

Судя по тому, что Анцидиус не досидел до конца этой лекции, с досадой покинув зал, едва лишь восторги присутствующих вышли за рамки разумного, он уже понял, что это сражение обернулось для него разгромным поражением. Очевидно, он был абсолютно уверен в том, что этот внезапно объявившийся маг – обычный проходимец, и именно на этом строилась вся его стратегия. Теперь же авторитет Каладиуса взлетел до высот, тогда как его собственный заметно пошатнулся.

Придворные очень чувствительны к переменам настроений при дворе. Уже на следующий день вокруг Каладиуса

вились целые рои льстецов и подхалимов всех мастей, а вот придворный маг внезапно оказался в унылом одиночестве. Не прошло и четверти часа, как Анцидиус, сказавшись больным, поспешно покинул дворец, отправившись в свой особняк.

Однако старый лис не перестал быть опасен. Зализав раны, он вполне мог ударить вновь. Об этом Каладиусу не преминул напомнить капитан Трувиль.

– Анцидиус похож на старого гада, который хочет выбраться из щели меж камнями и укусить буйвола, но боится, что его яд уже утратил часть силы, и что если буйвол не умрёт мгновенно, то растопчет его словно червя. У него давняя вражда с принцем Келдоном, и вы – лишь новый этап этой схватки. Однако можно быть уверенным в одном – если верховный маг получит возможность нанести смертельный удар без риска для себя, он это сделает.

– Я больше опасаясь того, что, загнанный в угол, он может попытаться нанести смертельный удар даже несмотря на риск, – проворчал великий маг. – Я здорово сбил с него спесь накануне, но тем самым вынудил искать другие уязвимые места, в которые можно ударить. Если старому гаду наступить на хвост – он извернётся и укусит.

– Было бы неплохо вырвать у него жало...

– За что вы так не любите Анцидиуса? – взглянув прямо в глаза Трувиля, спросил Каладиус. – Я интересуюсь не из праздного любопытства. Просто ваше поведение нетипично

для придворного. Вместо того, чтобы юлить и выжидать, кто победит в схватке, вы, очертя голову, бросаетесь на подмогу тому, кого нельзя с полной уверенностью назвать фаворитом. И чтобы не подозревать во всём этом искусной ловушке, я должен понимать ваши мотивы.

– Это вполне справедливо, мессир, – не смутившись, кивнул капитан. – Однако мне довольно сложно будет объяснить вам свои мотивы, потому что как таковых их у меня нет. Я считаюсь другом принца Келдона и дорожу этой дружбой. При всех неисчислимых недостатках великого князя в нём есть что-то, что выгодно отличает его от всех остальных. Анцидиус с давних пор исподтишка, но последовательно ведёт борьбу с принцем – старикашка, похоже, планирует жить вечно и столько же влиять на латионских правителей. А я, мессир, хочу, чтобы у меня был настоящий король – тот, который будет принимать решения самостоятельно, а не менять их, едва услышав чьё-то иное мнение.

– Вы очень рискуете, говоря об этом с незнакомцем, – покачал головой маг. – То, что вы произносите, тянет лет на десять казематов.

– Я уже говорил, что чувствую нечто в принце Келдоне, что мне очень нравится. То же самое я чувствую и в вас, мессир. Стержень. Целеустремлённость. Самоуверенность. Вы были правы – я не похож на придворного, да я и не придворный. Они – жирные коты, которые готовы тереться о чью угодно ногу, если получают взамен карасика. Я – злой цепной

пёс, который постарается укусить любого прохожего, до которого сумеет дотянуться, но издохнет, защищая хозяина.

– Ваши речи так разительно отличаются от того образа, что вы создаёте! – произнёс Каладиус, но без ноток недоверия в голосе. Скорее, в нём слышалось уважение и даже восхищение. – Вы называете себя цепным псом, но зачастую больше похожи на хозяйскую болонку с голубым бантиком на шее. И я понимаю, что этот образ отлично работает на вас. Я не чувствую фальши в ваших словах, и они восхищают меня. И я вижу, что могу доверять вам. Вы же, в свою очередь, можете смело доверять мне.

Каладиус действительно видел в Трувиле своего рода родственную душу. Оба они были лицедеями, оба носили маски. И если за изнеженной маской придворного повесы скрывался оскал воина, то вот за блистательной маской великого мага иной раз прятался испуганный юноша. И капитан паладинов вызывал у волшебника неподдельное уважение.

– Как бы то ни было, но сейчас у нас с вами, мессир, общая цель. Мы должны защитить принца, потому что положение у него шаткое.

Действительно, дела на западе шли настолько скверно, что принц Келдон, несмотря на наступившую осень, отбыл туда. Если на севере, в Палатие, теперь уж начинался сезон дождей, так что всяческие боевые действия вскоре должны были прекратиться полностью, то в здешних широтах время на то, чтобы убивать друг друга, всё ещё оставалось. И пока

хвалёные латионские легионы не могли похвастать особенными достижениями.

Великий князь всячески бодрился и делал вид, что всё в порядке, но при этом всем, кто был посвящён в дела трона, было ясно, что это – лишь хорошая мина при плохой игре. Ссоры между королём и наследником сделались делом регулярным, и опаснее всего было то, что оба были одинаково упрямы и вздорны. В те моменты, когда умному человеку следовало бы промолчать, Келдон зачастую лез в бутылку, не желая уступать. Рано или поздно это могло кончиться для него не слишком-то хорошо.

А теперь по дворцу расползались пораженческие слухи. Тайком поговаривали, что дела Латиона на коррэйском фронте совсем плохи, и что будущей весной можно ожидать широкомасштабного наступления объединёнными силами Кидуи, Коррэя и Палатия. Виноватых предпочитали не называть, но и так было ясно, что мишенью этих слухов является министр войны, он же наследник трона принц Келдон. Не менее ясно было, откуда распространялись эти слухи, а уж теперь, когда при дворе появился Каладиус, эти шептания лишь набирали силу.

– Слишком многим было бы выгодно лишение принца Келдона наследства, – продолжал Трувиль. – Анцидиус спит и видит в этой роли Дейвона, который станет марионеткой в его руках. Но и он – не самая крупная фигура. Именно Тишон сейчас представляет наибольшую опасность. Он под-

мял под себя разум короля. Пока ещё его величество немного сопротивляется, но это скорее из упрямства. Вскоре первый министр обретёт над ним полную власть, и что будет тогда – никому не известно. Он не карьерист как Анцидиус, и искренне действует в интересах государства. Другое дело, что представления об этих интересах у него довольно своеобразные. Сомневаюсь, что в его представлении об идеальном Латигоне есть место для принца Келдона.

– Вероятно, до сих пор у короля были неудачные советники, господин Трувиль, но теперь-то с ним рядом я. Поверьте, я отличный союзник.

– Я очень надеюсь на это, но не стоит чересчур рассчитывать на вашу должность – она в достаточной степени формальна.

– Должность – лишь звук, оболочка. Наполняет её, делает осязаемой человек. Может быть, должность советника не столь весома, как должность первого министра, но вот Каладиус, уж поверьте, ничем не уступает ни Тишону, ни Анцидиусу. Осталось лишь продемонстрировать эту очевидную истину его величеству.

Вскоре такая возможность Каладиусу представилась. Всего через несколько дней после этого разговора состоялся внеочередной совет при короле, поводом для которого стали весьма неприятные новости с запада. Каладиуса никто

специально не приглашал, но тот, памятуя о том, что он является официально назначенным советником короля, явился сам, без приглашения, с удовольствием отметив скисшие вмиг лица своих недругов.

Каладиус уже знал о том, что произошло. Коррэйцы внезапно, когда уже вот-вот кампания должна была завершиться до следующей весны, изменили тактику. Сразу несколько небольших отрядов этих лесных жителей атаковали приграничные деревушки. Жертв было немного – бородачи щадили мирное население, если те не лезли на рожон, но сами деревни были сожжены дотла. Это было особенно неприятно с учётом того, что вместе с избами и амбарами сгорело большое количество зерна, которое предполагалось для нужд остающихся квартировать в приграничье войск.

В это же самое время принц Келдон и его легионы гонялись за теньями, лешими и кикиморами по едва проходимым дебрям. Конечно же, этот факт вполне объяснял расплывшееся от радости лицо придворного мага. Приятно, что при виде Каладиуса эта радость слегка померкла. В отличие от придворного мага и первого министра, остальные члены этого небольшого совета выказали явное удовольствие от появления волшебника. Его величество приветливо махнул рукой, одновременно делая знак слугам поднести ещё одно кресло и поставить рядом с собой.

В целом же король был весьма раздражён. Его резкий крикливый голос доминировал над тихим гулом других го-

лосов. Естественно, он обвинял всех присутствующих, а также и отсутствующих (имея в виду Келдона) в произошедшем. Тишон, оставив своё кресло, практически навис над его величеством, что-то тихо говоря ему. Судя по всему, Тренгону его слова были не слишком-то по вкусу. Он буквально кромсал свою перчатку из дорогой тонкой кожи.

– А вот и мой советник, – нарочито радостно воскликнул король, несомненно желая задеть этим первого министра. – Мессир, собираетесь ли вы наконец приступить к своим обязанностям?

– Я приступил к ним с того самого дня, как вы оказали мне столь великую честь, – слегка поклонился Каладиус, подходя, и садясь в поставленное для него кресло. – Не вина советника, что в его советах не нуждаются.

Он подметил, что королю нравится подобный грубоватый тон – вероятно, Тренгон считал это признаком искренности. Правда, он понимал также и то, что подобный тон позволен лишь немногим, да и сам он, возможно, однажды потеряет право говорить подобным образом. Однако Каладиус надеялся приложить все силы для того, чтобы этого не произошло.

– Положительно, сегодня, кажется, все вздумали напасть на меня, – с деланой сварливостью воскликнул король. – Сперва эти дровосеки, после – мой первый министр, а теперь вот даже и мой советник!

– Напротив, ваше величество, я как раз поспешил к вам

на помощь, хотя меня даже не позвали.

Тишон и Анцидиус поморщились, словно раскусили гнилой лимон. Каладиус же одарил их самой сладкой из своих улыбок, хотя из-за обожжённого лица она выглядела всё равно довольно жутковато.

– Ну так помогите же мне тогда! Тишон буквально вытягивает из меня кишки и наматывает на свою руку!

– Тогда введите меня в курс дела, ваше величество, потому что пока что для королевского советника я знаю при-
скорбно мало.

Каладиус уютно устроился в кресле так, будто собирался оставаться в нём навечно. Он совершенно игнорировал обоих недругов. Остальные участники Совета, включая нескольких военных, а также принца Дейвона замолчали, с любопытством наблюдая разворачивающуюся картину. Своим безошибочным чутьём они уже предвкушали скорую схватку гигантов.

– Да дела-то достаточно плачевны, мессир, – заговорил король, вновь раздражаясь, едва вспомнив о неудачах. – Лесорубы разоряют мои земли, жгут деревни и угоняют скот, пользуясь тем, что мой бестолковый сын загнал легионы в комариные топи. Мои агенты в Кинае сообщают, что там заметны все признаки подготовки к полноценной войне. А если ещё вспомнить о неразрешённых делах с Палатием, то я и вовсе готов уже впасть в уныние. Латион, наследник великой Кидуанской империи, вот-вот окажется на пороге краха. И

вот скажите мне, мессир, что это – глупость, или измена?

Последние слова монарх уже прокричал визгливым, срывающимся на фальцет, голосом.

– Не то, и не другое, ваше величество, – Каладиус говорил спокойно и тихо, так что на контрасте с криками короля это вообще походило на шёпот. – Это всего лишь временные неудачи. Впрочем, и без глупости тут не обошлось, но виновен в этом вовсе не ваш сын.

– Что вы хотите этим сказать, мессир? – унылое лицо Тишона вытянулось и побледнело. – На что вы намекаете?

– Покамест решительно ни на что, – улыбнулся Каладиус. – Вот когда у меня будет больше информации, тогда, пожалуй, я озвучу свои мысли. Но в этом случае, уж поверьте, милорд, это будут не намёки.

Первый министр уже открыл было рот, чтобы ответить, но жест короля заставил его губы сомкнуться. Тренгону, похоже, нравилась эта перепалка, он будто бы черпал в ней силы. Сейчас он даже успокоился немного, так, будто бы к нему действительно в разгар почти проигранного боя вдруг подошла помощь.

– Первый министр Тишон убеждает меня бросить все силы в Коррэй, – заговорил Тренгон, пытаясь сохранять спокойный деловой тон. – Отозвать легионы из Палатия, собрать все боеспособные части по всему королевству. Нанести решающий удар прямо сейчас, в ближайшие недели, до начала дождей. Он предлагает оккупацию всего Коррэя и

присоединение его к Латиону.

– О, весьма воинственно, – снисходительно ухмыльнулся Каладиус, словно речь только что шла не о первом министре королевства, а о поварёнке, впервые дерзнувшем подать собственноручно приготовленное блюдо. – Такие речи привычнее слышать от министра войны, а не от первого министра, который должен был бы лучше понимать хозяйственную и экономическую часть.

– Как прикажете понимать ваши слова? – тут же набычился Тишон.

– Насколько я слышал, приграничные области могут быть существенно разорены. Если мы отправим сейчас туда десятки тысяч солдат – их нужно будет кормить. Это значит, что теперь, накануне сезона дождей, нам нужно будет организовать беспрецедентную кампанию по переброске продовольствия на запад. Затем вы предлагаете оккупацию. А кто, позвольте полюбопытствовать, будет кормить нашу армию зимой, когда они, допустим даже, возьмут Кор и другие города? Коррэй – не самая сельскохозяйственная страна, они с трудом справляются с тем, чтобы прокормить самих себя. Вы предлагаете легионерам набивать желудки белками и шишками?

– В королевстве отменные дороги, и снабжение не станет серьёзной проблемой, – надменно возразил Тишон. – Вы верно отметили, мессир, что я – первый министр Латиона. Это значит, что я лучше большинства прочих знаю, на что

способно это государство.

– И однако же вы упустили несколько существенных пробелов в вашем плане. Я говорю «пробелов» исключительно из врождённой тактичности, хотя мог бы сказать «ошибок». Ошибок, которые стоили нам победы над Палатием, которые стоили репутации великого князя Келдона, которые стоили жизней множеству легионеров.

– И что же это за ошибки? – прошипел Тишон с таким видом, что трудно было предугадать – то ли его в следующий миг хватит удар, то ли он набросится на великого мага с кулаками.

– Позвольте, ваше величество, я изложу собственные соображения по данному вопросу? – игнорируя явную угрозу в голосе первого министра, попросил Каладиус.

Конечно же, Тренгон, как всегда совершенно довольный столь яростной конфронтацией среди могущественных придворных, милостиво кивнул в ответ на эти слова. Присутствующие и без того молчали в последние минуты, наблюдая за пикировкой Тишона и Каладиуса, теперь же в комнате зависла почти абсолютная тишина, нарушаемая лишь яростным пыхтением первого министра.

Глава 31. Труон начинается в Латионе

– Милорд Тишон обмолвился, что он, как первый министр, отлично понимает, как устроено это королевство, – начал Каладиус. – Возможно, он действительно знает ответ на вопрос «как?», хотя и в этом у меня есть сомнения, но почему-то он не ответил на самый простой вопрос – зачем? Скажите, милорд, зачем нам война с Коррэем? Ведь это был ваш прожект, не так ли?

– Ответ на этот вопрос очевиден, мессир, – презрительно выпятив губу, ответил министр. – Полагаю, королевский советник должен быть достаточно умён, чтобы понимать подобные вещи.

– И всё-таки не сочтите за труд, поведайте мне об этом. Представьте на минутку, что я совершенно ничего в этом не смыслю.

– Охотно, мессир, – усмехнулся Тишон, не уточняя, что именно он сделает охотно – разъяснит ли очевидную вещь, или же представит, что великий маг ничего не смыслит буквально во всём. – Коррэй обладает целыми лесами уникальных корабельных сосен. Получив их в наше распоряжение, мы сможем диктовать свои условия таким морским державам как Кидуа, Саррасса или Палатий. Мы сумеем добить-

ся существенных предпочтений в торговле с этими государствами и получить двойную выгоду.

– Всё это как раз вполне понятно, – отмахнулся Каладиус. – Но лишь до тех пор, пока не попытаешься подумать на один шаг дальше. Вполне возможно, первый министр королевства за всеми тяжкими государственными заботами не нашёл для этого свободной минуты, но у такого бездельника как я времени предостаточно, так что я как-то задумался об этом.

– Что вы имеете в виду, мессир? – поинтересовался король.

– А вы посудите сами, ваше величество. Представим на минутку, что Коррэй пал, и герцог Коррэйский преподносит нам свои мачтовые леса на золотом блюде. Что мы станем делать с ними дальше? Когда я в последний раз глядел на карту Паэтты, то не заметил, чтобы Латион омывали какие-либо моря. Сбывать лес Кидуе мы не сможем по вполне банальной причине – мы находимся с ней в состоянии войны. Да и было бы по меньшей мере непатриотично продавать врагу ресурсы, которые послужат могуществу его флота. Кстати говоря, ровно по тем же самым причинам мы не сможем сбывать лес в Палатий. Остаются Пунт и Саррасса. Но как доставить сотни длинных брёвен в такие дали? Даже если мы сплавим их вверх по Труону, император вряд ли обрадуется, если мы запрудим его главный торговый путь бесчисленными подводами. Сплавить лес вниз по Труону, чтобы потом доставить его

в Пунт, тоже не выйдет, ведь палатийцы просто реквизируют его по дороге, и будут правы. Так что же мы будем делать с завоёванным лесом?

– А ведь это и правда очень хороший вопрос... – задумчиво протянул король, повернувшись к первому министру, бледная кожа которого внезапно пошла красными пятнами. – Только не говорите мне, Тишон, что вы не подумали об этом.

– Ваше величество, когда мы начинали войну, Кидуа являлась нейтральным государством...

– И по совместительству – торговым партнёром Коррэя, получающим дерево едва ли не даром, – подхватил Каладиус. – Действительно, как можно было догадаться, что дюк не захочет терять свою выгоду?

– Отношения с Кидуей можно будет наладить, как только мы закончим дела в Коррэе...

– Их *пока ещё* можно наладить сейчас, когда дела не зашли слишком далеко, но вряд ли позже они смирятся с потерей герцогства. У Кидуи, между прочим, хватает и собственных лесов. Да и что помешает им заниматься грабежом? К каждому дереву не приставишь легионера. Дюк понимает, что это мы, а не он находимся в уязвимом положении. Это мы потратили уйму средств, чтобы захватить ценный ресурс, тогда как по факту нам достанутся лишь непроходимые комаринные дебри.

– Нужно смотреть дальше, чем сиюминутная ситуация, –

продолжал оправдываться Тишон. – Отношения с Кидуей неизбежно наладятся, и мы получим богатый рынок сбыта в недалёком будущем. В данном случае это – не вопрос тактики, это вопрос стратегии.

– О, вы вновь щеголяете военными терминами, милорд? – едко усмехнулся Каладиус. – Что-то слишком уж часто вы пытаетесь примерять на себя камзол министра войны... Как тогда, когда вы, не поставив в известность принца Келдона, организовали эту авантюру с Коррэем, что поставило под удар всю его операцию на севере.

Каладиус говорил дерзко, но он знал, что делает. Симпатии короля и общественное мнение сейчас явно были на его стороне, и это нужно было использовать. Тишона нужно было поставить на место, а вместе с ним – и Анцидиуса. Нужно было расчистить себе плацдарм для будущих действий.

– То есть просиживание штанов в палатийских кабаках у нас теперь именуют операцией на севере? – попытался укусьить в ответ Тишон.

– Иногда, – отрезал маг. – Однако же именно из-за вашего вмешательства в ход этой войны мой легион едва унёс ноги, потеряв множество людей. Возможно, я излишне резок, ваше величество, но я считаю, что во всём произошедшем виноват лишь ваш первый министр, а никак не принц Келдон, который сделал всё возможное, чтобы избежать катастрофы. Лишь бесталанный стратег может обрекать свою страну на войну на два фронта!

– В Палатие война была уже практически прекращена! – уже не сдерживаясь, воскликнул Тишон. – Принцу Келдону нужно было лишь приехать и поставить свою подпись на бумаге! Вместо чего он послал своих головорезов жечь города!

– Палатий плюнул и подтёрся вашим договором, милорд, что показывает, что вы столь же великий дипломат, как и военачальник. Мы с принцем Келдоном едва избежали гибели после покушения. Я знаю, вы повсюду распространяете слухи, что никакого покушения не было, но несколько весьма уважаемых людей могут свидетельствовать об этом. Хотя я и не понимаю, какие ещё требуются свидетельства помимо слова принца крови?

– Так или иначе, но планируя войну против Коррэя, я предполагал, что с Палатием к тому времени уже будет заключён мир, – скрипнув зубами, проговорил Тишон.

– Уж простите, милорд, что ради ваших грандиозных планов не позволили отравить себя, а затем отомстили за покушение на наследника королевского трона! – съязвил Каладиус.

– Должен отметить, что последнее было крайне недальновидным шагом.

– Может быть. Но тогда я был скорее солдатом, а не политиком.

– А теперь вы, стало быть, политик?..

– Едва ли. И, быть может, именно поэтому могу предложить достойный выход из ситуации.

– И каков он? – вмешался Тренгон, сполна насладившись схваткой.

– Позиции королевства заметно пошатнулись в последнее время. Чтобы восстановить их, нужна блистательная победа. Те войны, что мы в последнее время ведём с Палатием, являются жалкой пародией на войну. Они бессмысленны, а жертвы – напрасны. Все эти нелепые стычки – не более чем насмешка над нашими легионерами, которые, несмотря на этот фарс, погибают по-настоящему. Мы твердим о наследии Кидуанской империи, но сами больше похожи на дорийцев, что совершают набеги на Пунт лишь с целью грабежа.

Каладиус оглядел присутствующих, оценивая впечатление, которое он на них произвёл. Пока он видел в их лицах скорее недоумение.

– Будь я на месте вашего величества, я немедленно послал бы в Кинай своих лучших переговорщиков, чтобы они добились мира. Важно, чтобы княжество отказалось от поддержки Коррэя, для чего мы пообещаем оставить несчастных дровосеков в покое. Но куда важнее, чтобы Кидуа отказалась от союза с Палатием. Этого я постарался бы достичь любыми способами, любой ценой.

При этих словах Тишон заметно нахмурился, а при упоминании о способах и цене насупился и король. Но Каладиус продолжал, несмотря ни на что.

– Будущей весной я бы нанёс сокрушительный удар по Палатию. Это не должна быть одна из тех кукольных войн,

которые Латинон ведёт обычно. Это должна быть настоящая жёсткая война, подобная Войне трёх королей. Палатий станет просить о мире, после – умолять, но во имя всех жителей королевства, во имя всех легионеров я не внял бы этим мольбам и не остановился бы, пока не дошёл до Тавера. Лишь там, омочив свои ботфорты в водах Серого моря, я принял бы капитуляцию Палатия. И я сделал бы Палатий вассальным государством. Труон – весь целиком – принадлежал бы теперь только нам. И вот тогда можно было бы думать о других завоеваниях, имея гарантированный выход к морю.

– К чему подобная жестокость? – брезгливо скривился первый министр. – Вы, разумеется, правы, что Палатий сдастся быстро, потеряв поддержку Кидуи. К чему же пинать уже бесчувственное тело?

– Это – гуманная жестокость, милорд. Лучше один раз пролить много крови, чем десятилетиями проливать её пусть в меньших количествах, но впустую. В противостоянии с Палатием нужно поставить точку, и эта точка должна быть такой, чтобы никому не хотелось вновь превратить её в многоточие. Убив десятки тысяч, мы предотвратим смерть сотен тысяч людей. Вот почему эта жестокость необходима.

Каладиус перевёл дух и продолжил:

– Имея возможность сравнивать две войны, в которых я участвовал, ваше величество, я со всей уверенностью заявляю, что нынешняя война много хуже Войны трёх королей, хотя, казалось бы, они несопоставимы по уровню жестоко-

сти. Знаете, господа, что я наблюдал на протяжении всей предыдущей зимы, когда со Вторым легионом квартировал в Белли? Я видел, как свободные от дежурства офицеры, не говоря уж о простых легионерах, дружески распивали эль в компании местных горожан. Для них размылось само понятие врага. Каждый ли из них поднял бы меч на вчерашнего собутыльника в случае чего? Армия разлагается, потому что знает, что за короткой бесцельной кампанией последует столь же бесцельный мир. Это превращается в игру, и она была бы даже забавна, если бы за неё не нужно было платить кровью. Так быть не должно, потому что это – неправильно.

– Клянусь честью, вы правы, мессир! – хлопнул ладонью по столу король. – Мы превратили древнее благородное ремесло в балаган. Я правлю нашим королевством почти двадцать лет, и за это время прошло уже не меньше полдюжины... как вы там сказали?.. кукольных? Да, именно так – кукольных войн. А ведь я уже думал об этом раньше, клянусь вам! Мне кажется, что Палатий уже давным-давно нас не уважает. Они уверены, что нас можно купить пригоршней серебра. Когда наши легионы переступают границу, эти ментялы, посмеиваясь, отсчитывают столбики монет, прикидывая, как бы не прогадать с контрибуцией и не дать слишком много!

– Всё именно так, ваше величество! – подтвердил маг. – Более того, многие торговцы и кабатчики ещё и подсчитывают в уме грядущие барыши, потирая руки от радости, если

Латион пришлёт дополнительные легионы.

– Что ж, мессир, должен признать, вы отлично справля-
етесь с ролью советчика! – от бывшего раздражения короля
Тренгона не осталось и следа. – Мы поступим именно так,
как говорит мессир Каладиус, господа!

– Но... – начал было Тишон.

– Вы воспользовались вашей возможностью советовать, и
вот что из этого вышло, Тишон! – строго оборвал его ко-
роль. – Давайте дадим возможность мессире Каладиусу. Это
будет, по крайней мере, справедливо!

– Ещё я бы попросил ваше величество предоставить пла-
нирование будущей кампании министру войны, – вновь
вклинился Каладиус. – Если вы доверяете мне, то доверьтесь
и в этом. Ваш сын – способный полководец, и в войсках его
любят. Он справится лучше кого бы то ни было.

– Вы больше не человек Келдона, мессир, – с неожидан-
ной досадой бросил монарх. – Вы – мой человек.

– И именно поэтому я даю вам такой совет, – поклонился
маг. – Более того, я приложу все усилия, чтобы примирить
вас с сыном, ибо от ваших личных дразг может пострадать
всё государство.

– Что ж, – задумавшись на мгновение, рассмеялся вдруг
Тренгон. – Быть может, мой отпрыск не такой уж и остолоп,
коль уж за него ручаетесь вы. Кроме того, именно ему я обя-
зан таким советником. Что ж, пусть будет так! Кампанию
возглавит принц Келдон.

– Вы не будете разочарованы в своём решении, ваше величество! – заверил Каладиус. – А теперь поскорее высылайте переговорщиков в Кинай. Важно успеть до того, как всё зашло слишком далеко. И отзывайте из Коррэя принца Келдона. Хорошие дипломаты там сейчас будут более уместны, чем министр войны.

Видеть лицо Тишона в этот момент было для великого мага величайшим наслаждением. Всем присутствующим в комнате было очевидно, что власть при дворе меняется, и что этот странный древний старик с обожжённым лицом по крайней мере в ближайшем будущем будет тем, чьими устами станет сам король. Наверное, пока ещё никто всерьёз не верил, что Каладиус вскоре займёт место первого министра, но, с другой стороны, как показала недавняя стычка, это было и не нужно.

В чьих глазах действительно читался страх, смешанный с отчаяньем, так это в глазах Анцидиуса. Каладиус вот-вот должен был стать достаточно силён, чтобы отнять должность верховного мага, на что он имел полное право и по старшинству и, главное, по могуществу. И если Тишон пока ещё мог не переживать всерьёз за своё кресло, то диадема верховного мага, так приятно холодящая лоб, вот-вот могла покинуть голову Анцидиуса.

Каладиус наслаждался моментом, хотя и не мог отогнать от себя мысли о том, на что теперь могут решиться эти двое. Дойдут ли они до той степени отчаяния, когда решат, что

единственным вариантом будет физическое устранение соперника? Трувиль предупреждал, что ему нужно быть очень осторожным и осмотрительным. Возможно, он, сам того не ведая, уже стоял, защемив хвост двух ядовитых змей подошвой своего сапога. Так или иначе, теперь ему всегда нужно быть начеку.

– Мессир, возможно ли, чтобы осенью было столько комарья? – едва пожав Каладиусу руку, воскликнул принц Келдон. – Клянусь печёнкой, я всерьёз опасался, что из меня высосут всю кровь!

Действительно на лице и тыльной стороне ладоней принца виднелось множество красноватых припухлых отметин и даже несколько струпьев в тех местах, где он расчесал кожу до крови, и это несмотря на то, что он покинул Коррэй несколько дней назад.

– Тем, кто живёт в этих богами проклятых лесах, нечего бояться наших легионов! Их уже ничем не испугать! Клянусь, я предпочёл бы жить на заднем дворе у Гурра, нежели там! Иной раз, особенно вечерами, я мечтал, чтобы милосердная стрела какого-нибудь коррэйца прекратила бы мои мучения!

– Полноте, ваше высочество, – усмехнулся Каладиус. – Вы слишком много времени и внимания уделили комарам, тогда как у нас есть дела поважнее. Я провёл всё детство в краях, в

которых хватало и комаров, и мошек, и прочей мелкой дрянни. Мы их даже не замечали.

– Легко вам говорить, мессир, – проворчал принц, слегка пристыженный. – А я вот, кажется, содрал с себя уже дюжину кож, словно какой-нибудь змей!

– Кстати, о змеях...

И Каладиус вкратце обрисовал ситуацию, которая сложилась при дворе за время отсутствия принца. Келдон был в полном восторге.

– Стало быть, вы всё-таки прижали их к стенке! – воскликнул он, машинально почёсывая старый комариный укус на щеке. – Воистину, мессир, я встретил вас под счастливой звездой! Эти двое положительно сговорились сжить меня со свету, и кабы не вы, я кончил бы свои дни где-нибудь в подвале под королевским замком, словно герой из дешёвой поэмки, или, того хуже – в том же Коррэе.

– Прижатые к стенке звери особенно агрессивны и опасны, – хмуро напомнил маг. – И господин Трувиль недвусмысленно намекнул мне, чтобы я тщательнее оберегал свою жизнь.

– Они не посмеют! – небрежно отмахнулся Келдон. – Подковёрные интриги – это их предел.

– Поверьте мне, друг мой, никто не знает истинных пределов необходимости...

– Полно, мессир, можно подумать, что вы боитесь!

– Страх – одно из главных благословений богов, ваше вы-

сочество. Он – наше главное оружие в борьбе за выживание. Не бояться лишь глупцы.

– Уверен, Трувиль проследит, чтобы всё было в порядке. Хотите, я поговорю с отцом, чтобы он выделил вам охрану из числа паладинов? Впрочем, лучше вам поговорить с ним самому – из нас двоих он прислушается к вам скорее.

– Я подумаю, – кивнул маг. – Что ж, довольно об этом. Я пенял вам, что вы слишком много говорите о комарах, но сам оказался не лучше. Вы уже знаете, для чего вы приехали?

– Да, и дьяволы меня разорви, если я понимаю, как вы этого добились! – воскликнул Келдон. – Я талдычил всё то же самое отцу полгода.

– Каждому – своё, ваше высочество, – улыбнулся Каладиус. – Зато вас больше любят комары.

– Это правда, – почёсываясь, ухмыльнулся принц. – Итак, нас ждёт война?

– Да, старая добрая война, а не те игры в гляделки, к которым вы привыкли. Палатий привык спесиво морщиться при нашем появлении, теперь же он содрогнётся.

– Не думал, что вы столь кровожадны, мессир, – усмехнулся Келдон.

– Дело не в жажде крови, ваше высочество. Дело в том, что когда война превращается в фарс, она теряет всякий смысл. Вам не хуже меня известно, каковы настроения в войсках. Часть идёт на войну как на прогулку – сменить обстановку и попробовать палатийских шлюх вместо латионских. Другая

часть, уходя, обещает своим подружкам, что они вернуться к зиме. И никто не верит в то, что всё это – всерьёз. Разве только погибшие – вот для них всё по-настоящему. Если мы хотим вернуть людям имперское сознание – нужно приучить их к настоящей войне.

– Вы вознамерились возродить империю?

– Почему нет? Что удалось однажды – может удастся вновь. Но это – не вопрос ближайшего будущего. Создать империю – это лишь полдела. Опыт Древнейшей империи показал, что если нет имперского сознания, то империи рушатся столь же быстро, как и возводятся. Для начала научим жителей Латии относиться к окружающим государствам как к вассалам, а там уж можно будет подумать об объединении.

– Мне кажется, для пущего успеха неплохо бы ещё научить жителей окружающих государств относиться к Латии как к сеньору.

– Уж за этим дело не станет, если вы сделаете всё как должно, – глаза мага хищно сверкнули в глубоких глазницах.

– Хотел бы я знать, чем Палатий заслужил такое ваше отношение к нему... – задумчиво произнёс принц.

– О, дело вовсе не в этом! – отмахнулся Каладиус. – У меня нет никакого предубеждения в отношении Палатия! Я раньше не говорил этого, ваше высочество, но я и сам родился на юге Палатия. Впрочем, это было уже так давно, что перестало быть важным. Сейчас я считаю, что для противо-

стояния Саррассе северным королевствам необходимо объединиться, и что сделать это может лишь Латион. Поэтому цена не столь важна, ведь цель оправдывает любую цену.

– То есть мы должны предстать перед палатийцами благодетелями, которые заботятся об их благе? – рассмеялся Келдон. – Эткими хирургами, отсекающими обе ноги ради того, чтобы сохранить жизнь?

– На данном этапе это необязательно. Важно убедить в этом наших граждан. Дети, что будут рождены в будущем году, с молоком матери должны впитать мысль о том, что все земли от Прианона до Серого моря, от Загадочного океана до Анурских гор – это *наши* земли. Но для начала мы соберём земли вдоль Труона, возьмём реку под полный контроль. Труон – это та нить, на которую мы нанижем наши жемчуга. Я даже придумал лозунг, который вскоре должен повторять даже последний крепостной, прозябающий у Симмерских болот. «Труон начинается в Латионе».

– Что это означает? – поморщился принц.

– Что Труон – это *наша* река, – твёрдо ответил Каладиус.

– Довольно странный лозунг... – с сомнением произнёс Келдон. – Так с первого раза и не поймёшь... Почему бы тогда не сказать просто: «Труон – наша река»?

– Потому что, уж извините, ваше высочество, но это – глупый лозунг.

– Не глупее тех людей, для которых он предназначен! – возразил принц. – А ваш, мессир, вышел больно мудрёным.

– Лозунг – это как знамя, ваше высочество. Он должен быть прекрасен и поэтичен. Вы же не вывесите вместо знамени кухонную скатерть или собственные портки? Лозунг должен завораживать. И кроме того, он не обязан быть понятным. Как правило, именно неясные лозунги вызывают меньше всего вопросов и больше всего восторгов. Напомните, каков девиз вашего рода?

– «Все вершины окажутся внизу».

– Почему бы не сказать просто: «Мы хотим быть выше всех»?

– Я понял, что вы имеете в виду, мессир, – улыбнулся Келдон. – Всякий раз я наступаю на одни и те же грабли! Давно уж пора понять, что один ваш ноготь на мизинце умнее меня, и перестать спорить с вами!

– О, не прибедняйтесь, ваше высочество! – растянул в ответ обожжённые губы маг. – Вы вполне стоите всех моих ногтей!

Всего каких-нибудь двадцать лет назад мальчик Олни лежал на чердаке своего дома, зарывшись в прелую солому и стараясь не слышать маминых стонов, доносящихся снизу, и вот теперь он говорил наследному принцу такие слова, за какие кого-либо другого угостили бы полусотней плетей. Но это ещё не предел! Пусть королевский род Тионитов⁴¹

⁴¹ Тиониты – династия правителей Латиона, основателем которой являлся король Увилл Великий. Просуществовала до 1346 года руны Кветь, когда в результате переворота к власти пришла династия Пантатегов в лице короля Вилиодия, который, подобно родоначальнику предыдущей династии, также получил про-

выбрал себе самоуверенный девиз «Все вершины окажутся внизу»! Настанет день, когда их вершина для него покажется лишь точкой с той высоты, где окажется он!

Глава 32. Мангиловый меч

Летнюю кампанию 983 года руны Кветь трудно было назвать иначе, чем ошеломляющей. Палатийцы ещё долгие десятилетия будут с болью вспоминать это лето, когда по их землям словно бы пронёсся огненно-стальной шторм, снося всё на своём пути.

Как и полагал Каладиус, Кидуа довольно быстро согласилась на предложенные ей условия. Война с Коррээем, это досадное недоразумение, была прекращена. Вместе с тем дюк Кидуи разорвал союзнические отношения с Палатием, оставив последний в полнейшем недоумении, граничащем с паникой. В ответ латионские дипломаты пообещали значительно расширить морскую торговлю с княжеством, когда Труон окажется в руках завоевателей.

Спохватившись, король Палатия направил большую делегацию в Латион. Несмотря на подступающую зиму, десятки экипажей и саней, гружёные подарками и переговорщиками, прибыли в город, надеясь предстать перед королём Тренгоном и выпросить мир. Очевидно, в Шинтане почувствовали эту тревожную перемену, и, вопреки обычаям, готовы были на любые контрибуции, лишь бы не дать случиться той буре, что, по-видимому, созревала на юге.

Всё было тщетно. Дипломатов развернули, сообщив, что его величество слишком занят, чтобы их принять. В отчая-

нии палатийцы почти три недели прожили в Латионе, ежедневно по многу часов проводя у дворцового крыльца на всё набирающем холода воздухе. Однако же в итоге были вынуждены вернуться ни с чем к своему королю, заставив его очень серьёзно задуматься.

А к середине месяца арионна, когда даже в Палатие уже сошёл последний снег, началось вторжение. Принц Келдон хорошо продумал стратегию всей кампании. Поскольку он исходил из того, что Палатий не станет оказывать серьёзного сопротивления, не было нужды в проведении нескольких ударов с целью оккупировать территории или отсекать и уничтожать армии. Один мощный удар вдоль Труона, и никаких остановок.

Вся мощь латионских легионов должна уничтожить ту невнятную оборону, которую палатийцы всё-таки выставят, и, сметая всё на своём пути, будет двигаться на север, к Таверу. Именно Тавер, а не Шинтан был избран финальной точкой, поскольку Каладиус вполне доходчиво объяснил принцу, что данная война не должна зависеть от каких-либо формальных правил. Шинтан будет разорён так же, как и все города до него, как и впоследствии будет разорён Тавер. Это будет такая демонстрация силы, после которой любые признаки воли Палатия будут смяты, скомканы, и разодраны в клочья.

К своему счастью Белли располагался довольно далеко от реки, так что удар прошёлся мимо него. Так город, явно

основанный под счастливой звездой, вторично избежал печальной участи, которая постигла его менее удачливых собратьев. Латионская армия не щадила ничего. Нет, они, как правило, не убивали мирное население, но города, сёла, деревни – всё шло в огонь.

В этом по-прежнему не было какой-то озверелости или ненависти, но была неумолимость. В этом легионы были похожи на бушующее пламя, уничтожающее всё на своём пути и равно безучастное ко всему. Иногда ещё можно было даже видеть слёзы на глазах легионеров постарше, которые смотрели на принесённое ими опустошение. Однако же приказ министра войны, или скорее даже приказ Каладиуса выполнялся беспрекословно.

После всех отчаянных попыток заключить мир, Палатий, к тому же лишённый поддержки Кидуи, сумел дать лишь пару сражений. Беда этого богатого купеческого государства была в укоренившемся мнении о том, что деньги решают всё. Именно поэтому Палата Гильдий, которая, по сути, управляла Палатием, неохотно тратилась на армию. И до сих пор это худо-бедно работало.

Оба сражения палатийцы предсказуемо проиграли, причём значительная часть их армии просто сдалась в плен, даже не дожидаясь исхода битвы. Потери среди латионцев были минимальными.

Поначалу Каладиус планировал отбыть в Палатий вместе с Келдоном. Он знал, что эта война – его детище, и делал всё

для того, чтобы это поняли и все остальные. Ему хотелось быть там, несмотря на дискомфорт военных лагерей и утомительность маршей. Принц исполнял бы любые его указания, и это видели бы все.

Однако у короля Тренгона было своё мнение на сей счёт.

– Вы постоянно забываете о том, что вы теперь – мой советник, мессир, – сварливо проворчал он, когда Каладиус обратился к нему с прошением. – Можно подумать, что мой сын нуждается в вас больше, чем я!

– Дело вовсе не в этом, ваше величество! Принц Келдон тут совсем не при чём. Просто я, как вам известно, во время предыдущей кампании использовал весьма эффективный метод взятия городов, который позволял значительно сократить потери среди легионеров. Моё присутствие там могло бы спасти многие жизни.

– Умирать – это их ремесло, мессир, – не терпящих возражений тоном ответил король. – Тогда как ваша работа, и ваша прямая обязанность – помогать мне советами. Полагаю, будет лучше, если каждый будет заниматься своим непосредственным делом.

Влияние Каладиуса было пока ещё не столь велико, чтобы перечить монарху, поэтому он остался в Латионе со странной смесью горечи и облегчения от того, что не придётся вновь переносить тяготы военных походов.

Через некоторое время настроения на фронте несколько изменились. Убедившись, что Латион не пойдёт на мировую,

палатийцы словно бы несколько собрались и стали пытаться дать отпор. Конечно, после потери основных сил это было практически нереально, но несколько замедлить продвижение армии захватчиков всё же получилось.

Каладиус вторично обратился к королю с просьбой отправить его в Палатий, чтобы помочь со штурмом Шинтана, и вновь получил отказ. В итоге для того, чтобы овладеть городом, потребовалось около двух недель. Жители Шинтана проявили неожиданную жесточённость, понимая, что договориться всё равно не получится. В Латион ежедневно летели голуби с известиями, и, хотя исход всё равно был всем совершенно понятен, король с большой досадой встречал каждый новый день этой необъяснимой задержки.

Великий маг теперь вновь был вынужден защищать принца Келдона, поскольку его величество довольно быстро нашёл виновника этой заминки. Впрочем, слегка остыв, король не мог не признавать, что сын ведёт кампанию безупречно.

Действительно, к Келдону нельзя было придраться. До сих пор войска маршировали споро и непреклонно, и, тем не менее, обозы вполне поспевали за армией, поэтому всегда была еда для людей и фураж для лошадей. Множество небольших отрядов латионцев обшаривали окрестности и реквизировали продовольствие у населения. Наученный великим магом, принц Келдон не особенно беспокоился о том, чем будут питаться местные жители.

Такая задержка при взятии Шинтана была вызвана, в

первую очередь, отличной магической защитой города. Надо полагать, что даже если бы Каладиус лично отправился под стены осаждённого города, то и он не обязательно добился бы успеха. Столицу Палатия защищали лучшие маги, многие из которых заканчивали Латионскую академию, и даже если они проигрывали великому магу в мощи, то зачастую многократно выигрывали в опыте. Да и взломать привычным образом ворота Шинтана у него тоже не вышло бы, поскольку они имели куда более сложный запорный механизм.

И однако же Палатий проигрывал. Долгое время их главной силой было серебро, и это сказывалось на всём, в том числе и умении выдерживать осады. В какой-то момент оборона Шинтана была взломана. Совместными усилиями магов, учёных, инженеров, солдат удалось уничтожить крепкие ворота, ну а дальше всё оставалось лишь вопросом времени.

Доблестно сражавшиеся защитники, как могли, пытались удерживать пролом, и, надо сказать, сделали почти невозможное – город сопротивлялся ещё двое суток. Но после наступила развязка – неумолимая и беспощадная. Многие тысячи латионских воинов влились в улицы Шинтана подобно тому, как река в половодье затапливает все окрестности.

Однако принц Келдон, захваченный идеями Каладиуса, дал воинам лишь сутки на разграбление богатейшего города. Уже на следующий день разорённый и дымящийся во многих местах Шинтан был оставлен вражескими войсками, которые двинулись вниз по течению Труона к побережью Се-

рого моря.

Это окончательно обескуражило несчастного короля Палатия, которого пленили в его собственном дворце, и которому Келдон так толком ничего и не объяснил. С монархом обращались вежливо и даже с некоторым почтением, но на все его мольбы, просьбы и вопросы было отвечено лишь ледяным молчанием. И вот теперь палатийский король следовал за армией завоевателей на север, вынужденный испить чашу унижений до конца. Он не был связан, к нему даже не была приставлена отдельная охрана, но он был пленником, и это было ясно даже несмотря на отсутствие оков. Да и бежать ему было некуда – его собственная страна теперь больше ему не принадлежала.

Тавер продержался меньше, но лишь только потому, что не имел столь мощных укреплений, как Шинтан. Вообще же жители «северной столицы», как именовали свой город сами таверцы, неплохо поднаторели в обороне против келлийцев, которые в последнее время всё чаще беспокоили палатийское побережье. Здесь очень серьёзно подходили не только к толщине и высоте крепостных стен, но и к весьма продуманной системе обороны со стороны порта, ведь северяне-берсерки как раз атаковали обычно с воды. Однако же, конечно, оказать серьёзное сопротивление могучей армии Латиона Тавер не мог.

И вот наконец долгожданный голубь прилетел в Латион. Кампания продлилась дольше запланированного срока – ме-

саяц увиллий уже почти достиг своей середины, однако это уже не имело значения. Теперь, когда Палатий покорён, возвращение армии не будет делом сложным. Келдон планировал переправить войска обратно по реке. А уж недостатка в судах быть не должно – помимо собственных у них теперь в распоряжении был весь немалый речной палатийский флот.

Король Тренгон тут же засобирался в путь – он хотел лично принять капитуляцию поверженного королевства, дабы кто-нибудь ненароком не решил, будто бы вся заслуга этой войны принадлежала исключительно принцу Келдону. Каладиус тут же изъявил желание сопровождать монарха, причём ровно по тем же самым причинам. На сей раз у его величества не было оснований для отказа, так что спустя всего два дня великий маг погрузился на ту же роскошную ладью, что и король Латигона. Вскоре многочисленная флотилия празднично убранных судов направилась вниз по течению, к устью Труона.

Не останавливаясь, миновали Шинтан, который представлял сейчас довольно жалкое зрелище. Каладиус так и не увидел столицу своей родины в период её былого расцвета – как мы помним, убегая из Токкея, они с Клайдием Сарамогой миновали город, так что юный Олни мог полюбоваться разве что на его величественные стены. Теперь он получил возможность лицезреть город изнутри, несомый могучими волнами Труона мимо прекрасных набережных, грандиозных дворцов и удивительных мостов.

Увы, но сейчас следы разорения были повсюду – великолепные белоснежные или розоватые фасады зданий были в подпалинах, словно белолицые красавицы с оспинами на щеках. Как мы знаем, король Палатия был пленён, и хотя торговые Гильдии пытались восстановить порядок в столице, толпы голодных и отчаявшихся людей то и дело обрушивались на богатые особняки в надежде найти что-нибудь съестное.

Король Тренгон всё время, покуда они проплывали захваченный город, гордо стоял на верхней палубе, надменно глядя на покорённое сердце Палатия. По его приказу оставленные в Шинтане легионеры сгоняли простой люд к набережным, дабы они приветствовали своего нового властелина, благо в этом месте Труон был уже настолько широк, что ни камень, ни даже простая стрела из охотничьего лука не достигли бы августейшей особы, не говоря уж о том, что цепь вооружённых до зубов латионцев отбивала у столичных жителей охоту даже злословить.

Каладиус, хотя и чувствовал себя несколько нелепо, неизменно находился рядом с королём. Возможно, тому это не слишком-то нравилось, но он не мог возразить. Мрачная, затянутая в чёрное фигура великого мага весьма контрастировала с пышным рыцарским нарядом его величества и вызывала безотчётный трепет даже в сердцах тех людей, которые не ведали, что именно этот человек в чёрном и обрёл их на страдания.

Когда королевская эскадра добралась наконец до Таве-

ра, там собралась уже весьма внушительная делегация. Были многочисленные представители Палаты Гильдий, множество латионской знати, и даже посланцы Кидуи. Король в сопровождении неотлучно следующего за ним Каладиуса прошествовал в один из самых комфортабельных особняков города, в котором прежде жил бургомистр. Он объявил, что сегодня ему нужно будет отдохнуть, и назначил подписание капитуляции на следующее утро.

Как это и водится у Тренгона, церемония началась почти на два часа позже запланированного. Если бы Каладиус не знал хорошо привычки его величества, то решил бы, что он этим ожиданием хотел ещё больше усугубить унижение Палатия, но, скорее всего, король, как обычно, просто проспал.

В Палатие довольно странный порядок престолонаследия – короля там избирает Палата Гильдий, и чаще всего выбор свой они останавливают исходя не из личных волевых качеств человека, а из той покорности, которую он готов проявлять. Поэтому Каладиус многого и не ожидал, когда впервые взглянул на правителя Палатия, и именно поэтому не был разочарован.

Бледный полный человек с покрытой испариной лысиной, обвисшей нижней губой какого-то фиолетово-лилового оттенка. Россыпь мелких прыщей по всему лицу теперь, без отсутствия пудры, добавляла эффекта разрушения. Но более всего, конечно, корёжил этот образ страх. В облике короля не было ничего королевского; этот человек походил на

галантерейщика, к которому в лавку ворвались грабители.

Его величество Тренгон, выступив с полной важности и себялюбия речью перед собравшимися, внезапно отошёл от плана, который наметил для него Каладиус. Кроме безоговорочной и полной капитуляции Палатия и признания протектората Латииона со всеми вытекающими последствиями, Тренгон потребовал от палатийского короля подписать ещё одну бумагу – акт об отречении от престола.

Это был совершенно бессмысленный шаг – как уже было сказано ранее, в Палатие король довольно редко представлял собой нечто большее, чем просто человека на троне. Естественно, это ни коим образом не могло вызвать династический кризис – Палата Гильдий в один миг нашла бы замену этому нелепому трясущемуся человечку. Не было в этом и какой-либо стратегической цели. Судя по всему, Тренгон хотел просто самоутвердиться таким образом и войти в историю таким низвергателем королей.

Впрочем, Каладиусу было всё равно. Он не играл какой-либо официальной роли в церемонии – акт о капитуляции поднёс палатийскому монарху принц Келдон на правах завоевателя, а принял уже подписанную бумагу первый министр Тишон, да и то лишь затем, чтобы отнести её своему правителю. Великий маг стоял позади тяжёлого блистательного кресла, на котором восседал король Тренгон, и словно олицетворял собою демона Бастеда⁴². И он замечал множе-

⁴² Бастед – один из высших демонов в вероучении ассианцев. Верный раб и

ство взглядов, прикованных к нему.

После того, как бумага об отречении легла в руки латионского короля, человек с прыщами уже больше не интересовал никого из присутствующих. Все дальнейшие переговоры велись исключительно с представителями Палаты Гильдий. Они касались вопросов репараций, статуса Труона, повинностей, которые должны быть возложены на Палатий. Всё это было совершенно не интересно великому магу. Его цель была достигнута – первая из множества целей, которые он поставил перед собой. Он взирал на происходящее оценивающим взглядом художника, любующегося только что законченной работой.

После подписания всех необходимых бумаг, как обычно, был объявлен банкет на две с лишним сотни гостей. Повара постарались угодить его величеству Тренгону, приготовив множество палатийских блюд, состоящих здесь, на побережье, главным образом из морепродуктов. Король воспринял этот жест благосклонно:

– Полагаю, мне пора привыкать к палатийской пище, – с ухмылкой произнёс он, заставив тайком нахмуриться многих из здесь присутствующих.

В кои-то веки счастливый Келдон, смеясь, припомнил Ка-

слуга Чёрного бога Асса. Обычно Асс посылает Бастеда, чтобы тот искушал людей, толкая их на тёмные дела.

ладиясу те блюда, коими маг потчевал его в беллийской гостинице, после чего, ухватив за полу кафтана одного из поваров, стал допытываться, приготовили ли сегодня бульон из бычьих фаллосов. Бедолага, побледнев словно полотно, клялся и божился, что ничего подобного они не посмели бы подать сиятельным господам.

– Жаль, – всё ещё хохоча, принц отпустил наконец несчастного малого. – Хотел бы я поглядеть, как мой папаша будет уписывать бычий хрен!

– У вас нет и не будет врага страшнее, чем ваш язык, ваше высочество, – неодобрительно покачал головой волшебник, оглядывая лица гостей. Те тут же старательно притворились глухонемыми, всем своим видом показывая, что ничего не слышали.

Во время пира было много здравниц и поздравлений в адрес короля, а также, хоть и поменьше – в адрес принца. Но никто ни разу не упомянул великого мага. И хотя он понимал, что иначе и быть не могло, но всё же был несколько раздосадован. Поэтому при первой же возможности он постарался уединиться в одном из укромных уголков, куда меньше достигал свет множества свечей, и теперь сидел там, мрачно потягивая дорогое кидуанское вино, которое теперь, когда война с морским княжеством была позади, перестало быть контрабандным, и словно сделалось от этого чуть менее вкусным.

– Значит, вы и есть тот самый легендарный мессир Кала-

диус? – к пребывавшему в задумчивости магу подошёл смуглый мужчина в дорогом, но достаточно строгом наряде.

– Не знаю, отвечать ли мне, поскольку сложно понять – это вопрос или утверждение, – проворчал волшебник, всем своим видом показывая нежелание продолжать разговор.

– Вы правы, я и так знаю, кто вы, – на фоне смуглого лица сверкнувшие в улыбке зубы казались ещё белее. – И чтобы соблюсти приличия, позвольте представиться. Граф Рессилио, полномочный посол княжества Кидуа в Латионе.

– Что ж, тогда мы в равных условиях, поскольку я тоже знал, кто вы, милорд, – недружелюбно ответил Каладиус. – Поверьте, я весьма рад нашему знакомству.

– Я знал, что внешность бывает обманчива, но не думал, что настолько, – вновь улыбнулся кидуанец. – Но коль скоро вы мне рады, можете оказать мне честь и уделить несколько минут вашего времени для беседы?

– Пожалуй, мой отказ может быть чреват дипломатическими последствиями? – буркнул маг, но всё же указал графу место подле себя.

– О, сейчас никто не захочет ссориться с Латионом, – заверил посол, охотно присаживаясь. – Предпочитаете кидуанское? Сенневуар девятьсот семьдесят шестого?

– Биррийское семьдесят первого, – покачал головой Каладиус. – Моё любимое.

– О, и где же наливают сие чудо?

– За королевским столом, пожалуй, ещё осталось несколь-

ко бутылок.

– Увы, я живу в Кидуе, и у меня даже есть поместье в Бирри, но мне не под силу достать такое... А не перебраться ли мне на службу к его величеству Тренгону, что скажете, мессир? У меня складывается ощущение, что все наши лучшие вина утекают к вам.

– Издержки нации торговцев, – пожал плечами Каладиус. – Зачем употреблять то, что можно продать?

– Да, это вы верно подметили, – Рессилио рассмеялся, ничуть не обидевшись. – В этом мы схожи с бедными палатийцами, не так ли?

– Да, но только у вас пока ещё выпали не все зубы.

– Это правда, мы вполне в силах постоять за себя.

– Весьма ценное качество для государства.

– Я слышал о вас и раньше, мессир, – внезапно поменял тему посол. – Ведь вы какое-то время жили в Кидуе.

– В Кидуе, в Саррасе, в Палатие... Проще перечислить места, где я не жил, милорд.

– Да, но в Кидуе вы прожили достаточно долго, не так ли? Одно время в Кинае все только о вас и говорили. Вы ведь пережили трагедию, не так ли?

– Когда живёшь три сотни лет, то и дело переживаешь трагедии, милорд, – волшебник говорил небрежно и отстранённо, но внутренне напрягся.

– Ну одна из них случилась не так давно. Ведь вы потеряли ученика несколько лет назад, не так ли?

– Всё верно, – нехотя кивнул Каладиус. – Но ваши соболезнования уже запоздали, так что можете не трудиться.

Пользуясь полумраком, маг вперил в лицо посланника пристальный взгляд, пытаясь прочесть подоплёку этого разговора. Неужели что-то всплыло из его прошлого?

– И всё же я их выражу, – слегка поклонился кидуанец. – И вы решили перебраться в Латион? Чем же вам не угодило наше государство?

– Я прожил в Кидуе больше десяти лет, и всё это время перебивался случайными заработками, сопровождая торговые корабли. В Латионе я всего пару лет – и уже советник короля. Думаю, это вполне наглядное объяснение.

– Более чем, мессир. Увы, мой кузен оказался не столь проницателен в выборе советников, как его величество...

– Ваш кузен – дюк Кидуи?

– Один из кузенов, – усмехнулся граф. – У меня их несколько.

– Вас можно поздравить, милорд, – шутливо склонил голову маг.

– И как кузен своего кузена, я хотел бы спросить вас об одной вещи, милорд. Не тоскуете ли вы по морскому пейзажу, по деловой суете Киная, по наисвежайшим устрицам из залива Дракона, в конце-то концов?

– Вы предлагаете мне вернуться в Кидую?

– А что же ещё? – воскликнул Рессилио. – И поверьте, правитель Кидуи будет сдувать с вас пылинки, он сделает

вас верховным министром раньше, чем вы успеете скинуть дорожный плащ! У вас будет всё, что пожелаете!

– Почему вы делаете мне подобное предложение, да ещё и на таких условиях? – против воли, глаза великого мага зажглись гордым огнём. То, что говорил этот человек, было весьма приятно и лестно.

– Потому что все знают, что всё это – ваших рук дело, – посл окинул широким жестом зал, но подразумевал под этим, очевидно, весь Палатий целиком. – Целое лето в Кинае только и разговоров, что о великом маге Каладиусе. Что король Латиона шагу не может ступить без вашего совета, что именно вы прекратили войну в Коррэе и надоумили его величество заключить торговый союз с Кидуей. И эта грандиозная война – также ваших рук дело. Неплохой послужной список для человека, меньше года исполняющего роль советника!

Граф Рессилио, похоже, неплохо подготовился к беседе с великим магом. Например, он разузнал, что тот большой любитель вин. Очевидно, заговорив о вине, он надеялся расположить к себе собеседника. Но совершенно нечаянно он совершил единственно верный ход – дал Каладиусу то, чего он так ждал сегодня, а именно – признания. Он дал понять, что хотя все и чествуют Тренгона и Келдона, но хорошо знают истинного виновника торжества.

Волшебник постарался этого не выдать, но он явно теперь чувствовал к кидуанцу куда больше симпатии. Однако же усилием воли он сумел сохранить мрачность лица, надеясь,

что зажѣгшиеся радостью глаза не будут заметны в тусклом свете.

– Что ж, я не стану проявлять ложную скромность, – заговорил он. – Да, это всё сделал я. И поэтому, думаю, вам вполне ясно, что у меня нет никакого желания покидать латионский двор. Думаю, здесь мои способности будут востребованы в полной мере.

– Поговаривают, что у вас есть весьма могущественные враги, – с лёгкой досадой в голосе проговорил граф. – Не опасаетесь ли вы за собственную безопасность.

– Если вы не заметили, милорд, то я сам – весьма могущественный враг, – хищно улыбнувшись обожжёнными губами, ответил Каладиус. – Полагаю, опасаться должен не я. Скажу прямо – вам нечем меня заинтересовать. Всё, что вы хотите мне предложить, у меня уже есть. И даже больше – у меня есть королевство, которое готово своими копьями вершить мои планы, а не только гоняться за барышами. Можете ли вы обещать мне то же?

Кидуанец промолчал, понимая, что волшебник прав.

– Кидуа ради сиюминутной выгоды, не моргнув, предала союзника, тем самым допустив весьма существенное усиление соседнего, и будем говорить прямо, довольно агрессивного государства. Было ли это мудро? Едва ли. Но было ли это предсказуемо? Увы... – Каладиус вновь поднял бокал с вином, разглядывая рубиновую влагу сквозь играющий хрусталь. – Вы весьма точно подметили, милорд, что не пьёте

сами доброго вина, поскольку выгоднее его продать. У меня другие представления о мироустройстве. И потому я не смог достичь своих целей в Кидуе.

– Это ваш окончательный ответ? – вздохнув, спросил граф. – Боюсь, он покажется достаточно обидным моему кузену.

– Тогда просто передайте вашему кузену, что я слишком люблю хорошее кидуанское вино, чтобы ехать в Кидую, – усмехнулся маг.

– Что ж, спасибо, что уделили мне время, – посланник явно сник, огорчённый отказом. Он поднялся, но вдруг вновь сел. – Могу я попросить вас об откровенности, мессир? Это очень важно. Скажите, вы планируете восстановить империю? Однажды и Кидуа разделит судьбу Палатия, ведь так? Эта война – ведь это же была показательная порка, не правда ли?..

– Латион и Кидуа – хорошие друзья и союзники, – бесцветным голосом с непроницаемым лицом проговорил Каладиус. – Покуда у нас общие цели, так оно и будет. Вы можете ни о чём не беспокоиться, милорд.

– Я, конечно, плохо знаю вас, мессир, но у меня стойкое ощущение, что теперь, когда у Латииона есть вы, мы больше не можем позволить себе такую роскошь... – чопорно поклонившись, кидуанский посол удалился.

– А сейчас, господа, попрошу внимания! – король Тренгон, слегка хмельной, внезапно поднялся с полным бокалом вина.

Шёл второй из трёх дней празднований. Была та же зала, те же люди, вновь столы, ломящиеся от блюд, и снова – те же хвалебные речи в адрес короля и принца. Конечно, вчерашний разговор с кидуанцем пролил бальзам на раны великого мага, но сейчас он вновь был не духе, да к тому его раздражали духота и гул голосов. К счастью, после слов короля хоть на время наступила тишина...

– Я услышал много здравниц и поздравлений за последние дни, – заговорил его величество, когда голоса стихли. – И в мой адрес, и в адрес моего сына, который, без сомнения, также этого достоин. Но все вы забываете ещё об одном человеке, который достоин этого не менее, а может быть даже и более, чем мы. Человеке, без которого ничего этого не случилось бы. Да-да, господа из Палаты, взгляните хорошенько в этого человека, ибо это благодаря ему вы обязаны теперь закатывать такой пир, – едко усмехнулся Тренгон и широким жестом указал на сидящего рядом Каладиуса.

Впрочем, этот жест был не нужен. Едва лишь король заговорил, все уже всё поняли, и на великого мага и без того были устремлены сотни глаз. Сам же он моментально позабыл о мрачных мыслях и, несмотря на усилия, не сумел сдержать торжествующей улыбки.

– Итак, вот он, наш герой! Мессир Каладиус, встаньте! У

меня ещё не было случая поблагодарить вас за всё, что вы сделали для короны и государства, и вот сейчас я хочу это исправить.

Король сделал кому-то знак, и спустя несколько секунд к нему подошёл слуга, неся в руках меч в богатых ножнах.

– Вы уже дважды воевали за Латиион, причём в первый раз это было ещё при моём далёком предке, благословенной памяти короле Арадале, а также вы помогли своими бесценными советами. Вы – великий защитник королевства, и в знак этого я хочу вручить вам этот меч.

Его величество ловким движением освободил меч от ножен, и все ахнули. Клинок был сделан из металла с явным фиолетовым отливом, который невозможно спутать ни с каким другим. Это был мангиловый меч, который стоил целого состояния. Но главное – такое оружие было большой редкостью, поскольку обычно этот металл использовался исключительно для нужд магов. Не каждый правитель Паэтты мог бы похвастать мангиловым клинком.

Это был поистине царский подарок, и даже если бы Каладиусу предложили самостоятельно выбрать для себя награду, то он вряд ли даже подумал бы о подобном. И сейчас, слушая шум оваций и приветственных криков, который был совсем не так раздражающ, как недавний гомон, великий маг чувствовал себя поистине счастливым. Это был момент, к которому он шёл как минимум с той минуты, когда впервые назвал себя Каладиусом, а скорее всего даже с той самой ми-

нуты, как стал учеником мессира.

Приняв приятно тяжелящий руки меч от самого короля, он с трепетом поцеловал холодный металл с прекрасными аметистовыми разводами, а затем смог лишь произнести несколько благодарственных слов королю и присутствующим. Едва ли не впервые в жизни великому магу Каладусу было нечего сказать.

Глава 33. Мятеж

– К вам господин первый министр, ваше величество, – распахивая дверь перед Каладиусом, объявил дворецкий.

Прошло четырнадцать лет с того памятного пира, когда великому магу был вручён мангиловый клинок, и за это время в королевстве случилось много перемен.

Во-первых, сам Каладиус, как мы уже поняли, сделался первым министром. Причём случилось это совершенно буднично, безо всяких схваток и интриг. Спустя несколько месяцев после победы над Палатием Тишон внезапно сильно заболел. Сперва думали, что это обычная зимняя простуда, но вскоре министр стал харкать кровью и окончательно слёг.

Он буквально сгорел, всего за каких-нибудь три-четыре недели. Уже после вскрытия выяснилось, что в его лёгких была громадная опухоль со множеством метастаз. Все тут же припомнили, как часто покашливал этот бледный, вечно потеющий человек, и стало ясно, что болезнь съедала его уже давно. Подозревал ли об этом сам Тишон – так и осталось неизвестным.

Как только стало ясно, что первому министру уже не выкарабкаться, король снял с него эту должность и, конечно же, вручил её Каладиусу. Получилось довольно неожиданно – все были убеждены в том, что советник короля сперва получит должность главного придворного мага, а уж затем –

первого министра, но вышло всё наоборот. Более того, Каладиус словно бы отказался пока от притязаний на место Анцидиуса, что несколько сбавило градус напряжённости при дворе.

Но это была не единственная значимая перемена за четырнадцать лет. Король Тренгон пережил своего первого министра всего на два года. Казавшийся таким крепким и здоровым монарх умер во время очередной охоты. Когда его величество внезапно упал с лошади, все решили, что он по каким-то причинам не сумел удержаться в седле, поскольку в тот момент охотники летели вскачь, преследуя семейство косуль. Однако подскочившие мгновенно придворные и егеря увидели, что король лежит недвижим и с посинелым лицом.

У его королевского величества Тренгона Четвёртого случился апоплексический удар. Он умер мгновенно. Лекарь, который подбежал к королю спустя всего пару минут после падения, смог лишь констатировать смерть. Так совершенно внезапно для всех королём Латииона и лордом-протектором Палатия стал Келдон Первый. Далеко не все с воодушевлением восприняли это. Особенно скис, конечно же, Анцидиус, ведь все помнили о его постоянных стычках с наследником.

Предчувствие не подвело верховного мага – не прошло и месяца, как он был освобождён от своей должности и назначен почётным деканом и профессором Латиионской Академии. А Каладиус стал, вероятно, первым в истории государ-

ства первым министром, совмещающим должность верховного мага, или же первым верховным магом, одновременно являющимся ещё и главным министром королевства.

Теперь, прежде чем вернуться в кабинет его величества, где король Келдон ожидал своего министра, необходимо вкратце рассказать о том, что происходило между Латионом и Палатием в опущенный нами период времени.

По названному выше титулу правителя Латиона читатель, должно быть, уже понял, что королевство установило официальный протекторат над северным соседом. На практике это означало, во-первых, то, что король Латиона утверждал кандидатуру короля Палатия, предложенную Палатой Гильдий. Он же мог в случае чего единолично отлучить короля от власти.

Также Латион весьма нескромно вмешивался во внутреннюю политику патронируемого государства, и, что особенно больно било по интересам Гильдий – в его торговлю. Палатийские купцы, по сути, превратились в службу Латиона. Именно Латион устанавливал торговые наценки, пошлины, налоги. Иногда он действовал ещё грубее, например, ограничивая торговлю палатийцев в тех сферах, где они могли теснить латионских купцов.

Палатийцы, едва ли не в убыток себе, перевозили товары из Латиона в Тавер, а оттуда – по всему миру. Не менее широким был и обратный поток – множество товаров стекалось в столицу королевства, при этом сами торговцы за это по-

лучали сущие гроши, поскольку наценки жёстко регулировались, особенно в отношении так называемой «внутренней торговли», то есть торговли между Палатием и Латионом.

Немного можно было наверстать упущенное на «внешней торговле», то есть торговле с другими государствами, но и здесь вмешивались вездесущие чиновники лорда-протектора, устанавливающие весьма жёсткие квоты, буквально душащие торговлю.

Палатийцы понимали, что превращаются, по сути, в колонию Латиона – именно колонию, а даже и не провинцию, поскольку, будь они провинцией, то имели бы надежды на хотя бы какое-то подобие равноправия. И всё больше было людей, которым всё это очень не нравилось.

Гильдии Палатия некоторое время пытались приспособиться к новым реалиям, но уже через несколько лет были вынуждены признать, что такой вот мир стоит им гораздо дороже любой из тех войн, которыми они обменивались с Латионом, за исключением, разве что, последней. Именно этот страх повторения подобного жестокого вторжения и удерживал пока ещё Палату Гильдий от радикальных шагов.

Однако около года назад Латион заключил с Кидуей соглашение, по которому позволил княжеству на льготных условиях вырубать мачтовые леса на северо-западе Палатия. Кидуа с радостью ухватилась за это предложение – доставлять лес морем было куда проще, чем тащить его из Коррэя. При этом даже те невеликие доходы, которые мог бы получить

Палатий, переходили в казну Латииона, оставляя северное королевство ни с чем.

Именно это стало рубежом терпения Палаты Гильдий. Мало того, что кидуанцы взялись за дело с большим рвением, так что прибрежные леса полуострова Лионкай стали стремительно исчезать. Главная проблема была в том, что это был очередной шаг в сторону ограничения суверенитета Палатия. Королевство и так уже находилось по грудь в зыбком болоте, а вот теперь его окунули туда по самый подбородок. Направление, в котором двигалась политика Латииона в отношении Палатия было слишком понятно, чтобы ожидать каких-то позитивных перемен.

Так или иначе, но Гильдии наконец взбунтовались. Палата низвергла марионеточного короля, который, не глядя, подмахивал любые бумаги, что подавал ему специальный представитель латиионского двора. Этому предшествовала довольно долгая подготовка, так что в нужный момент в Шинтане оказалось достаточно сил, чтобы противостоять расположенному там Второму легиону. Палатийцы, уставшие от несправедливого гнёта, вспомнили времена юности своего народа, когда им удалось разрушить Кидуанскую империю. Потеряв около сотни человек, легион был вынужден выбираться из города.

Годы кажущегося безграничным терпения палатийцев не пропали даром – Латиион слишком привык к этой покорности, поэтому не держал слишком большие силы на террито-

рии, которую считал безвозвратно своей. Второй легион, не имея поддержки, с боями отступил к югу. Шинтан оказался во власти мятежников.

Сразу же Палата Гильдий объявила выборы нового короля. Все понимали, что на сей раз им нужен весьма харизматичный лидер, за которым пойдут тысячи жаждущих справедливости людей. Таковой нашёлся. Впервые за всю историю королевства Палатий, минувшую со времён Смутных дней, королевство возглавил не один из членов Палаты Гильдий, ибо там было много талантливых торговцев, но маловажно великих полководцев.

Королём Палатия стал племянник одного из мятежных глав Гильдии горнодобытчиков по имени Акров. Это был немолодой уже человек лет сорока пяти. До оккупации он служил в палатийской армии и, благодаря удачному происхождению и личным талантам, дослужился уже до командира полка. После поражения он оставил военную службу, не желая служить завоевателям, и занялся торговлей, однако же в ней не преуспел.

Несмотря на это, личного состояния Акрова было достаточно, чтобы жить вполне безбедно. Более того, он, тоскуя по армии, организовал нечто вроде приюта для ветеранов. Любой солдат, потерявший в боях за королевство здоровье, мог рассчитывать на стол и нары. Это создало ему определённую репутацию в армейской среде, да и в простонародье его любили, почитая благодетелем. Известен он был и своей

нелюбовью к Латиону, и если это поначалу скорее делало его персоной нон-грата, то с некоторых пор дружбы с ним стали искать и люди с довольно высоким положением.

И вот теперь под знамёна непризнанного короля Акрова стекались десятки тысяч недовольных политикой Латиона людей. Члены Гильдий вытрясли остатки монет из оскудевших за последние четырнадцать лет сундуков, что позволило мятежному Палатию вновь закупить достаточное количество наёмников. Все прекрасно понимали, что независимо придется добиваться, её придется вырывать из железных пальцев оккупантов.

Кажется теперь, после всех необходимых пояснений, мы вновь можем вернуться в небольшой кабинет дворца, в котором король Келдон часто устраивал совещания в узком кругу.

Каладиус вошёл в комнату прямо следом за дворецким, едва ли не наступая ему на пятки. Иной раз он вообще входил к монарху безо всякого доклада, поэтому не видел смысла особенно церемониться и теперь. Погрузневший и слегка обрюзгший Келдон, в плохо уложенных волосах которого уже было порядочно серебряных нитей, сидел за столом, уткнувшись локтями в карту и положив голову на ладони. Множество свечей, горящих в небольшом кабинетике, заметно нагревали воздух, так что не было нужды даже в камине, который едва тлел. Король любил, чтобы было много света.

С великим магом время обошлось не в пример лучше. Он по-прежнему был сухопар, и даже тощ, хотя это вполне успешно скрывалось широким кроєм его одежд, но главное – ожоги на его лице побледнели и даже понемногу стали изглаживаться. Цвет лица был уже почти естественным и лишь сетка более светлых линий да небольшие шрамы пока ещё придавали ему сходство со смятым листом пергамента. Однако было ясно, что со временем эти шрамы исчезнут. Возможно, такого не случилось бы с простым смертным, но Каладиус был одним из самых выдающихся волшебников, поэтому его организм гораздо проще поддавался восстановлению.

– Киллим? – не спрашивая, а почти утверждая, произнёс маг.

Киллим – это было название деревушки в шести или семи милях южнее Шинтана. Именно там Второй легион пытался укрепиться до подхода основных сил. Уже пару дней название этого селения в латионском дворе произносилось чаще, чем название любого другого населённого пункта на Паэтте.

– Они отступили, – мрачно кивнул Келдон, не поднимая головы. – Плист сообщает, что у них потери до полутора тысяч человек с учётом того, что все раненые остались на поле боя.

Великий маг хорошо знал легата Плиста, преемника Понтса, который, как и было ему обещано, стал министром войны после воцарения Келдона, а теперь уже пару лет как

пребывал на пенсии, счастливый и довольный жизнью. Легат Плист был во многом похож на своего предшественника – Второй легион был в фаворе у нового короля, так что во главе него не могло быть случайных людей. И поэтому Каладиус понимал, что легионеры сделали всё, что было в их силах. В конце концов, пять тысяч солдат не смогут противостоять пятидесятитысячной армии, будь они даже прославленными легионерами Второго.

– Когда Шестой и Тринадцатый будут на месте? – спросил Каладиус, имея в виду ещё два легиона, расквартированных на территории Палатия, хотя оба они располагались северо-западнее.

– Они на марше, и с ними сейчас сложно будет связаться. Что проку, если они будут продолжать двигаться к Киллиму? Второму они всё равно не помогут, но могут сами попасть в переделку.

– Мы отправили на север четыре легиона. Сейчас готовятся ещё три. К сожалению, мы испытываем нехватку судов. По реке удастся переправить от силы две-три когорты. Остальным придётся двигаться пешком.

– Три когорты уже могут стать отличной помощью для Второго. Плист сообщает, что его пытаются отсечь. Не менее двадцати тысяч идут ему наперерез. Надеюсь, у него хватит ума позабыть про гордость и драпать как можно скорее!

– Легат Плист однозначно не дурак, ваше величество. Однако же, нам необходимо предпринять решительные меры.

На кону стоит слишком многое. Мы должны собрать все силы, что только доступны нам, и нанести ответный удар.

– Я отдал уже все соответствующие указания, мессир. Через десять дней у нас будет ещё шесть легионов. Кроме того, я отозвал три легиона от южных границ и ещё два легиона – от западных. До конца месяца мы сможем собрать до ста тысяч солдат.

– Надеюсь, до этого времени от наших легионов в Палатие ещё что-то останется... – проворчал маг. – Как я мог проглядеть подобное? Похоже, я превращаюсь в старого дурня...

– Полноте, мессир, здесь не только ваша вина! – поморщился Келдон. – Мы все слишком расслабились. Думали, что сможем бесконечно трясти Палатий за шкуру, выбивая из него серебро, а он станет покорно терпеть. И всё же как-вы хитрецы! Такое ведь не провернёшь ни за день, ни даже за неделю. А все наши агенты даже ничего не заметили!

– И это я тоже отношу на свой счёт. Но скоро эти торгошники горько пожалеют о случившемся!

– Так вы жаждете мести, мессир? – вяло усмехнулся король.

– Я жажду возмездия, ваше величество. И на сей раз они не отделаются так просто. Мы должны сделать так, чтобы палатийцы навсегда потеряли интерес к мятежу.

– Вы предлагаете полномасштабное вторжение?

– Я предлагаю карательную операцию. На сей раз будет недостаточно только разгромить их армию и арестовать это-

го самозванного королька. Весь корень проблемы в том, что Гильдии никак не могут смириться со своей второстепенной ролью. Мы должны покарать всех – и тех, кто начал это, и тех, кто поддержал, и даже тех, кто не воспротивился.

– Не слишком ли это жестоко, мессир? – с явным сомнением в голосе спросил Келдон. – Вы же не предлагаете превратить Палатий в пустыню?

– Вовсе нет. Но, во всяком случае, каждый член Палаты должен понести персональную ответственность за случившееся. Мы сравняем с землёй их замки, сожжём деревни, казним представителей знати... Палатий должен понять, что мы не потерпим ни единого семени измены на этой земле. Нужно сделать так, чтобы народ сам выдавал нам бунтовщиков, чтобы учинял над ними самосуд. Чтобы из героев-освободителей они превратились в глазах черни в буревестников и бедоносцев.

– Но это же означает, что мы должны оккупировать всю страну! Для этого понадобятся сотни тысяч солдат!

– Все легионы, которые у нас есть, все, что числятся в резерве, мы отправим на север. По необходимости сформируем ещё несколько из добровольцев. Хороших солдат найти сложно, но хороших карателей – совсем нетрудно. В случае чего можно заключить договор с Кидуей – они с удовольствием оккупируют западное побережье.

– Хватит ли у нас средств на такое?.. – слегка ошеломлённый яростью великого мага, проговорил король.

– В конечном итоге всё оплатит Палатий, – отмахнулся Каладиус. – В случае чего – введём какой-нибудь новый налог. Никто и не обещал, что будет легко, но империя стоит любых затрат.

С какого-то момента идея восстановления империи стала для Каладиуса основополагающей. Он понимал, что до этого пока ещё далеко – даже Палатий всё ещё мнил себя независимым, а ведь кроме него был ещё и до сих пор непокорный запад. Однако он понимал также, что любой шаг, каким бы маленьким он не казался поначалу, в конце концов станет началом великого пути. Да, возможно, и даже весьма вероятно, что король Келдон не доживёт до возникновения Латинской империи; возможно, до этого не доживёт и его сын. Но Каладиус собирался жить долго, и мыслил на далёкую перспективу.

– Иногда ваша одержимость пугает, мессир, – покачав головой, произнёс Келдон. – Вы готовы потратить колоссальные средства, вы готовы бросить в бой сотни тысяч людей, вы готовы, наконец, потопить в крови целое королевство – и всё это ради идеи, которую многие вообще сочли бы несбыточной.

– Эта идея не была бы несбыточной, ваше величество, если бы хотя бы десятая часть жителей Латииона желала бы этого пусть даже вдесятеро меньше, чем я! Но куда же правитель отмахивается от неё...

– Разве я отмахиваюсь? – тут же возразил Келдон. – Я

лишь сказал, что это пугает меня. Но ещё и завораживает. Я много лет назад решил, что во всём буду слушать вашего совета – не отступлю от этого и теперь. Действуйте, мессир, я заранее одобряю любые ваши шаги!

– Я не злоупотреблю вашим доверием, обещаю, – поклонился великий маг. – Завтра же я приготовлю план действий вам на утверждение. Думаю, мы изыщем средства для столь важного дела! Запомните этот день, ваше величество – он войдёт в историю как день, с которого начнётся Латионская империя!

На сей раз у Каладиуса не было ни желания, ни нужды мчаться на северный фронт – ему уже давно ничего и никому не нужно было доказывать. Он по-прежнему был самым сильным магом в Латионе – за минувшие четырнадцать лет так и не нашёлся никто, кто мог бы глядеть вглубь *возмущения*. Более того, обладая теперь неограниченными ресурсами, Каладиус сумел наконец постичь так долго сопротивляющуюся ему «Магию граней». Для этого пришлось подрядить в помощь сразу трёх профессоров Академии, весьма сведущих в геометрии, каждый из которых по-своему пытался втолковать могущественному ученику трудные места этой великой книги.

Но результат того стоил. Теперь Каладиус теоретически мог создать весьма мощные артефакты, которые преумножи-

ли бы его мощь многократно. Для этого не хватало пока ещё умения, но у великого мага были впереди годы, и даже, как ему хотелось надеяться, столетия, чтобы постичь это искусство.

В общем, несмотря на то, что его помощь на сей раз действительно была бы весьма уместна, и несмотря на то, что в этот раз вряд ли кто-то сумел бы удержать его в случае чего, Каладиус остался в Латионе. Он больше не был всего лишь советником короля. Теперь он был первым министром, и это накладывало на него определённые обязанности, тем более что замысел вторжения был просто грандиозен.

Каладиус не стал ожидать согласия Кидуи на совместную оккупацию – он был убеждён, что это случится. А пока он сделал всё возможное, чтобы как можно скорее собрать максимальное количество сил и нанести сокрушительный удар. На сей раз вместо одного направления удара их было сразу три.

Главные силы по-прежнему шли вдоль Труона, поскольку именно там предполагалось самое ожесточённое сопротивление. Отдельно были сформированы так называемые Западный и Восточный фронты. Восточный, самый малочисленный из всех, должен был наносить удары восточнее реки, постепенно продвигаясь к Анурским горам и серебряным рудникам, без которых Палатий вмиг лишился бы всех своих сил. Западный фронт должен был выходить к побережью Загадочного океана, где, как надеялся великий маг, он

в какой-то момент сомкнётся с кидуанцами.

И на сей раз на всём протяжении фронта латионские легионы должны будут сеять смерть, потому что такова была цена империи – в этом у великого мага Каладиуса не было ни малейших сомнений.

Глава 34. Губитель народов

Латионцы были беспощадны. Казалось, они озверели и утратили человеческий облик. И они были бессмысленны в своей беспощадности. Ни одна, даже самая захудалая деревушка, встававшая у них на пути, не избежала участи быть сожжённой и разграбленной. Даже те из них, где до сих пор и слыхом не слыхивали ни о новом короле Акрове, ни о попытке сбросить ярмо Латиона. Более того, далеко на востоке встречались люди, которые и об этом самом ярме Латиона ничего не знали. Железные легионы с юга никогда ещё не забирались так далеко.

Если насилия над простолюдинами было не слишком много, и носило оно чаще всего обычный характер мародёрства, изнасилований да бытовых стычек, когда хозяин опрометчиво бросался защищать своё добро, то знать ждал совсем другой разговор. По прямому приказу Каладиуса, распространяемому в войсках, можно было казнить по формальным поводам любого лендлорда, помещика, и особенно – представителя одной из Гильдий.

Помещиков казнили, если они пытались защищать свои усадьбы. Их казнили, если они сдавались сразу, причём легаты и центурионы, которые обычно исполняли роль судей, даже не трудились с поиском более или менее подходящего повода и вешали всех с одной и той же формулировкой:

«За измену родине», совершенно не задумываясь о том, насколько нелепо это звучало.

Всё имущество торговцев реквизировалось, а сами они также частенько оказывались в петле. Причём иной раз распалённые латионцы не щадили и домочадцев. Дороги Палатия, ведущие к северу, были забиты беженцами, в лицах которых отчётливо читались ужас и обречённость. И едва ли не впервые среди множества беженцев достаточно часто можно было встретить более богатые и крепко слаженные фургоны и даже кареты – знать и богачи рвались к Серому морю едва ли не быстрее плеебеев.

Всё, что происходило сейчас в Палатие, легче всего можно было описать одним словом – хаос. Король Акроев со своей армией не мог поспеть повсюду – он по-прежнему находился неподалёку от Шинтана и не имел возможности посылать армии ни к востоку, ни к западу, поскольку понимал, что здесь ему придётся выдержать самый мощный удар. На сей раз палатийцы были настроены даже решительнее, чем в последнюю войну. Никто не думал о сдаче, понимая, что и латионцы не склонны к милосердию. Это была война на выживание. Как раз такая, какую когда-то воспевал сам Каладиус.

Кстати, по распоряжению великого мага оккупационные силы постоянно втолковывали покорённым, что это – расплата за грехи Палаты Гильдий. Для Каладиуса было важно, чтобы обычное население, далёкое от политических игр,

воспринимало бы Палату и Акрова как авантюристов, оплачивающих кровью своего народа собственные амбиции.

Где-то это имело отклик, особенно в тех краях, которые до сих пор избегали войн. Латионское командование устраивало показательные казни знати, собирая на них местное население, и далеко не всегда настроения толпы были сочувственными к казнённым. Каладиус хотел бы, чтобы эти несчастные обездоленные толпы и сами ринулись жечь усадьбы своих бар, громить лавки членов Гильдий, но до этого не доходило. Народ не хотел воевать ни со своими, ни с чужими. Все ждали лишь одного – поскорее бы всё закончилось.

Эта война действительно велась на уничтожение палатийской элиты.

– Чтобы посадить добрый сад, который будет приносить плоды, сперва нужно выкорчевать гнилой лес, что стоит там, – говаривал Каладиус королю Келдону перед вторжением. – Палата Гильдий всегда останется гнездом мятежа, поэтому нужно уничтожить её, чтобы искоренить зло. Мы истребим всю родовую знать, которая обязана родовитостью предкам, а также купечество, которое обязано своими богатствами самим себе. И на их месте взрастим новую элиту Палатия, которая всем будет обязана *нам*. Лишь тогда Палатий будет покорён окончательно.

Это был столь же амбициозный, сколь и чудовищный план. Полагаем, что читатель, имеющий возможность наблю-

дать за трансформацией личности и взглядов великого мага, давно уже заметил ту безжалостность, с какой он шёл к намеченной цели. В этом человеке уже не было ни грана Олни Стайка, да и от Карриса в нём было всего ничего. То, во что превращался Каладиус, наверняка напугало бы мессира Клайдия и ужаснуло бы Дарфу Стайк. Да что говорить – лет двадцать назад и сам наш главный герой сошёл бы с ума от ужаса, загляни он в будущее хоть на мгновение. Но теперь всё это не имело никакого значения – призраки прошлого не могут судить живущих ныне. Каладиус стал тем, кем стал, и самый кровавый свой поступок он объяснил бы благой и великой целью.

Сражение при Погребях стало, пожалуй, крупнейшим из всех, в которых участвовали латионские легионы за последние десятилетия. Больше шестидесяти тысяч воинов собрал под своих знамёна мятежный король Акров, и почти сто тысяч солдат пришли с юга, чтобы их уничтожить.

В палатийской армии резко сказывались как непрофессионализм большинства её рядовых, так и отсутствие командного опыта у военачальников. Акров, который достаточно долгое время был военным, считал себя неплохим тактиком, но при этом допустил целый ряд серьёзных просчётов, начиная с самого выбора местности.

Палатийцы недостаточно укрепили фланги, что тут же

использовали более искушённые латионские командующие. Покуда хорошо вооружённые и обученные легионеры обрушили свой неистовый удар на основные силы противника, кавалерия, обойдя широкой дугой и саму армию, и деревушку Погребы, обрушилась на левый фланг палатийцев, вызвав немалое смятение.

Акров попытался перегруппировать войска, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу, но лишь ещё больше усугубил положение, обнажив другой фланг, за что незамедлительно поплатился. Латионцы без излишнего рыцарского благородства тут же ударили в спину.

Началась ожесточённая резня, во время которой палатийцы думали лишь о том, чтобы выжить, тогда как находящиеся в более выигрышном положении войска Латиона, к тому же имеющие численное превосходство, начали постепенно окружать отчаянно дерущуюся армию. Надо отдать должное защищающимся – даже поняв своё безнадёжное положение, они не дрогнули и продолжали сражаться.

Соппротивление было столь сильно, что сделай король Акрров всё правильно – неизвестно, каков был бы результат этой битвы. Всё-таки палатийцы понимали, сколь многое стоит на кону, и воевали самоотверженно, компенсируя этим отсутствие опыта. Но всё закончилось именно так, как и предполагал Каладиус.

Уже будучи полностью окружёнными, палатийцы бились насмерть, не собираясь просить пощады. Вся ярость и вся

доблесть древних обитателей этих мест словно бы всколыхнулась в их крови, придавая обречённым потомкам новых сил. Сам Акрров, понимая, что всё кончено, обнажив меч, повёл в атаку свой штаб.

Легионерам под страхом смерти было запрещено убивать самозваного короля. Его во что бы то ни стало нужно было взять живым – таков был приказ первого министра, и в войсках не нашлось бы солдата, который рискнул бы его оспорить. По счастью, Акрров был столь же посредственным бойцом, как и полководцем. Пленить его не составило никакого труда.

– Прошу, передайте моим людям последний мой приказ, – тяжело дыша и истекая потом, попросил низвергнутый король офицера, забравшего его меч. – Пусть сдаются. На сегодня уже достаточно крови...

Центурион счёл, что последний приказ короля совсем неплох, кивнул и велел легионерам донести его до палатийцев.

– Сдавайтесь! Сдавайтесь! Ваш король схвачен, и он велел вам сдаваться! Сдавайтесь! – понеслось над бранным полем.

Сперва эти крики тонули в лязге железа и криках боли и ярости, но постепенно они становились слышнее по мере того, как всё больше палатийских воинов слышали их, и до них доходил смысл услышанного. Вскоре крики «Сдавайтесь!» стали перекрывать другие: «Сдаёмся!», а шум битвы почти совсем стих.

Сражение дорого обошлось обеим сторонам. Латион потерял только убитыми более восьми тысяч человек, а раненых было втрое больше, причём некоторая часть их неизбежно вскоре должна была пополнить списки мёртвых. Это были потери, ужаснувшие королевство. Никогда ещё на памяти ныне живущих Латион не терял в одной битве такое количество людей.

Потери Палатия выглядели ещё ужаснее. После того, как тяжелораненых отделили от общего числа и тут же, на месте прикончили, число умерших составило почти двадцать тысяч человек. Почти столько же были ранены менее тяжело, и, похоже, им никто не собирался оказывать помощь, так что несчастным оставалось уповать разве что на милость Арионна.

Короля Акрова по заранее данному приказу Каладиуса отправили в Латион – ему было отказано даже в праве быть осуждённым и (все понимали, каков будет исход) казнённым на родной земле. Там, возможно, сочувственные взгляды пришедших на казнь людей придали бы ему дополнительно мужества перед лицом смерти, но теперь он был обречён видеть лишь глумливые, злорадствующие лица латионской черни.

Великий маг мог бы праздновать победу, но он понимал, что до неё ещё далеко. Палатий покорился силе, но подчинился ли и смирился ли – это был большой вопрос, ответ на который могло дать лишь время. Несмотря на то, что Кала-

диус прожил на свете намного меньше, чем полагали окружающие, он был достаточно умён, чтобы не ждать чудес. Осталось лишь уповать на то, что теперь у северного королевства сломан хребет, и оно не способно будет ни на какое сопротивление.

Приговор самопровозглашённому королю Акрову был предсказуемым. Сам он, а также все представители Палаты Гильдий, поддержавшие мятеж (а это были тридцать шесть человек) были объявлены изменниками и приговорены к смертной казни. Самих членов Палаты судили заочно, поскольку они пребывали в шинтанской тюрьме, а вот над Акровом был произведён публичный процесс.

К нему были применены также и пытки, хотя это распоряжение исходило уже не от Каладиуса. Однако Келдон хотел знать всех сообщников и союзников мятежного короля, а также степень виновности каждого. Впрочем, пытали Акрова весьма осторожно, чтобы в целости и сохранности передать его площадным палачам.

Бывший палатийский король вёл себя с большим достоинством – несмотря ни на что он не оговорил никого и даже напротив – пытался откреститься от многих близких людей, наивно надеясь, что это поможет им избежать кары. Увы, но судьба палатийской политической элиты была решена задолго до первого заседания суда...

Как мы уже говорили, приговор был предсказуем. Члены Палаты Гильдий должны были быть казнены в Шинтане, а Акроев – в Латиионе, и казнь эта должна будет состояться в самое ближайшее время. Заканчивался месяц жатвы, заметно более тёплый, чем на родине низвергнутого монарха. Это было весьма символично – голова Акроева должна была упасть одной из последних в страшной кровавой жатве, устроенной Латиионом, увенчать этот жуткий урожай.

Метафора о голове не была случайной. Действительно, Келдон, который сперва грозился «повесить самозванца как лишайную дворнягу», всё же поддался давлению общественности и заменил повешенье на более благородное «усекновение главы». Всё же Акроев был дворянином, а также носил, пусть и незаконно, королевский титул, и нельзя было подвергнуть его унижительной казни для простонародья на глазах у всей черни Латииона.

День казни выдался на загляденье ясным и почти полетнему тёплым. Каладиус прибыл на площадь вместе с королём и, разумеется, занял соседнее место на специально выстроенной трибуне. Келдон пытался напускать на себя равнодушный вид, но маг видел, как хищно раздуваются его ноздри, и как торжествующе сверкают глаза. Его отцу, королю Тренгону, выпала сомнительная честь отлучить от трона марионеточного правителя, он же сейчас лишит не только короны, но и головы того, кого действительно по праву можно было бы назвать настоящим королём.

Когда появилась карета, в которой везли приговорённого, Келдон не сумел скрыть истинных чувств. Он впился руками в перила с такой силой, что, казалось, сейчас раскрошит дерево в труху. Верхняя губа, скрытая седеющей бородой, приподнялась то ли в улыбке, то ли в оскале.

В насмешку над узником перед смертью ему оказали поистине королевские почести. Его везла роскошная позолоченная карета, а вместо обычных стражников экипаж сопровождал настоящий кортеж из дворцовой стражи. Первоначально Келдон хотел выделить для этого нескольких палладинов, но Трувиль, по-прежнему являющийся капитаном гвардии, категорично заявил, что его люди – не шуты. Келдон и сам понял, что перегнул палку, поэтому отказался от этой идеи немедленно.

Горнисты, присутствующие на площади, сыграли бравый и совершенно не соответствующий моменту марш – что-то среднее между торжественным приветствием и сигналом к атаке. Это усиливало впечатление, будто бы один монарх прибыл с визитом к другому. По мнению Каладиуса, чувство юмора Келдона было довольно своеобразным, но в этих вопросах он совершенно не мешал королю проявлять собственную волю. Признаться, великому магу было совершенно безразлично, как именно свершится казнь. Не будь это политически вредным, он вполне согласился бы и на то, чтобы Акрова просто удушили в собственной камере.

Карета тем временем остановилась напротив королевской

трибуны. Лакей, стоящий на запятках, проворно соскочил и церемонно отворил дверцу, как сделал бы это для настоящего короля. Через несколько секунд показался Акрров. Очевидно, что его тоже пытались обрядить в роскошный наряд, но палатиец сделал всё, чтобы помешать представлению. На нём была лишь тонкая батистовая рубаша и довольно нелепые, небесно-голубого цвета штаны. Длинные волосы были распущены и небрежно лежали на плечах. Выйдя из кареты, осуждённый демонстративно швырнул на землю богато расшитый камзол в цвет штанов и с вызовом посмотрел на трибуну. Это был единственный акт неповиновения, который он мог сейчас себе позволить.

Было заметно, что пытки не прошли для Акрова бесследно. Король ступал неловко, заметно прихрамывая, и, как не пытался он выглядеть спокойно, его лицо то и дело искажалось от боли. Но, по крайней мере, он мог идти сам. Однако шёл он не к эшафоту, а по направлению к трибуне, щурясь от яркого солнца после темноты экипажа.

Сумев наконец сфокусировать взгляд, Акрров взгляделся в лица сидящих на трибуне, ища кого-то глазами. И довольно быстро он увидел того, кого искал, потому что лицо его исказилось от ненависти.

– Я знал, что увижу тебя здесь, убийца! – воскликнул он. – Ты ни за что бы не упустил случая поглядеть ещё на одну смерть!

– Быть здесь – не только моё право, но и моя обязан-

ность! – величественно ответил Келдон.

– А, ты решил, что я говорю с тобой, ничтожный король? – зло рассмеялся Акрв. – Зачем говорить с тенью, когда рядом находится тот, кто её отбрасывает?

Лицо Келдона потемнело от гнева. Казалось, он сейчас бросится на своего врага, слетит на него прямо с трибуны, подобно коршуну, и разобьёт череп о камни площади.

– Заткнись! – один из стражников подбежал к Акрву, чтобы ударить его и оттащить от трибуны.

– Пойдите! – властно приказал Каладиус, вставая. – Дайте ему сказать. Он имеет на это право.

Келдон вскинул голову, прожигая мага взглядом, полным злости и обиды, но тот спокойно выдержал этот взгляд.

– Простите, ваше величество, но право последнего слова приговорённого – священо, – проговорил он. – Выслушаем то, что он скажет – это лишь жалкие попытки укунить теми обломками зубов, что у него ещё остались. Слова не убивают, в отличие от топора палача. Будьте же великодушны как истинный король.

Закусив губу, Келдон нервно махнул рукой, и гвардеец отошёл. Лицо Акрва искривила ядовитая улыбка.

– Ты вновь подтвердил, что я прав, – стараясь говорить как можно громче, проговорил узник. – Ты здесь – настоящий король, а этот – лишь ярморочная кукла, которую ты надеваешь на руку, чтобы потешить толпу.

Келдон едва сдерживался. Видя это, командир стражи

сделал какое-то указание своим людям. По толпе побежал ропот, который становился всё громче благодаря усилиям стражников. Не имея возможности заткнуть приговорённого, они решили заглушить его слова.

– Я знаю, что лишь ты один виновен в произошедшем! – теперь Акров уже кричал, пытаясь перекрыть всё возрастающий гул. – Вся кровь моих подданных, все их слёзы, весь пепел городов и деревень Палатия – они на твоей совести! Зачем тебе это было нужно, старик? Ты стал настолько дряхл, и настолько пресытился жизнью, что лишь чужая смерть ещё может дать тебе ощущение того, что ты жив? Ты настолько низок, что готов на любые подлости ради своих мелочных желаний? Ты упиваешься властью, как портовая шлюха глотает дешёвое пойло прямо из кувшина, но также как и она, ты после будешь блевать в сточной канаве, не сумев удержать это внутри себя! Я вижу тебя насквозь, старик! Твои глаза – глаза убийцы. Твоё уродливое лицо красно от крови, которую ты уже пролил. Но я знаю, что ты не остановишься! Ты будешь убивать и дальше, подобно мерзкой мухе будешь пить чужие слёзы. Лишь смерть остановит тебя, и потому я молю всех богов, чтобы они поскорее стёрли тебя с лица земли, потому что лишь так они защитят сотни тысяч ни в чём не повинных детей, женщин и стариков! Я проклинаяю тебя, губитель народов, слышишь? Я проклинаяю тебя!!!

Каладиус, пусть не без труда, но всё же слышал каждое слово, пробивающееся сквозь рокот толпы. И речь эта име-

ла для него эффект совершенно обратный, нежели тот, которого ожидал Акрров. Великий маг испытывал гордость. Он понимал, что Келдон затаил на него обиду, но это несколько не беспокоило первого министра. В конце концов, этот несчастный сказал всё верно, хотя и несколько преувеличенно. Конечно, король Латииона не был лишь тенью своего верховного мага, но в этой паре он и не был главным.

– Что ж, теперь мы можем обезглавить его с чистой совестью, – желчно улыбнулся Каладиус, вновь садясь на уготованное для него место.

От недавнего настроения короля Келдона не осталось и следа. Он мрачно кивнул распорядителю казни, разрешая начинать. Тут же к Акррову подошли двое стражей, которые повели его на высокий эшафот. Там уже находился палач, машинально поглаживающий отполированное топориче огромного остро наточенного топора. Рядом с ним, сооротив скорбное лицо, находился и жрец Арионна.

Для приговорённого наступил тот момент жизни, когда он уже не принадлежал этому миру. Акрров словно ушёл в себя, пытаясь, возможно, закрыться таким образом от ужаса происходящего. Он уже послал свои проклятия заклятому врагу, а все, кто был ему близок, либо погибли, либо находились слишком далеко. Поэтому он словно отрешился от действительности, впав в какое-то сомнамбулическое состояние.

Он рассеянно кивнул на благостное лепетание арионни-та, едва ли даже услышав, что тот ему говорил, а затем ма-

шинально приложился губами к протянутому белому рогу. Палач протянул ему шнурок, чтобы перевязать волосы, но Акров растерянно взглянул, явно не понимая, что ему делать. Тогда один из помощников палача подошёл и достаточно уважительно сделал всё сам – стянул спутавшиеся волосы в хвост и связал их таким образом, чтобы они больше не закрывали шею.

С Акровом обращались почти как с куклой. Слегка надавив ему на плечи, палач заставил его встать на колени перед огромной плахой, на которой, казалось, можно разделить небольшого поросёнка. Затем палач что-то сказал, но несчастный его уже не слышал, поэтому на сей раз осуждённому мягко надавили на затылок.

Акров покорно опустил голову на плаху и застыл, словно уснул с открытыми глазами. Дважды по его лицу пробежала тень от топора – сперва тогда, когда он подымался, и затем во второй раз. А мгновение спустя раздался характерный звук перерубаемой плоти и голова, окропляя всё вокруг кровью, глухо стукнула по деревянному помосту.

Взяв голову за волосы, палач показал её сперва королевской трибуне, а затем и ревущей от восторга толпе. Всё было кончено.

Однако король Келдон был мрачен и хранил молчание. Он ни разу не взглянул на придворного мага. Порывисто встав, он зашагал к ступеням. Каладиус же позволил себе лёгкую мимолётную улыбку. Он торжествовал, и при этом совер-

шенно не боялся королевского гнева. И он точно знал, что все присутствующие на трибуне, все, кто слышал речь Акрова, прекрасно осознавали, что сейчас был момент именно его триумфа.

Что же касается «губителя народов», как назвал его обезглавленный король, то это оскорбление неожиданно понравилось Каладиусу. Оно создавало необходимый ореол вокруг его имени, и явно играло на пользу тому образу, что он хотел создать. В будущем, когда он станет воссоздавать империю, его враги содрогнутся, узнав, что против них выступает Губитель народов. Поэтому Каладиус решил сделать всё возможное, чтобы слова Акрова, заглушённые для большинства рёвом толпы, не пропали втуне и стали известны как можно большему числу людей.

Глава 35. Да здравствует король!

Читателю этой книги придётся привыкнуть к мысли, что все герои, за исключением главного, будут мелькать на этих страницах, ненадолго появляясь, и навеки исчезая. Это неизбежно при жизнеописании человека, который вместил в себя множество эпох, являясь активным созидателем многих из них. На фоне долгой жизни Каладиуса жизни других героев столь малы, как мала жизнь травы в сравнении с дубом.

Вот и теперь нам придётся попрощаться с королём Келдоном, поскольку мы вновь должны будем совершить прыжок сквозь время. Однако же, поскольку этот человек сыграл довольно важную роль в нашем романе, и поскольку долгое время он считался другом Каладиуса, мы уделим ему последние несколько строк.

Увы, король, похоже, так и не простил своего первого министра за сцену во время казни. После этого дня их отношения разладились. Келдон не мог отправить Каладиуса в отставку – он прекрасно понимал, что великий маг не допустит этого, и что его могущество достаточно велико, чтобы противостоять даже правителю Латиона. Он не мог даже вырваться из-под навязчивой опеки этого старика, поскольку Каладиус за долгие годы устроил всё так, что нити управления королевством каким-то неведомым образом в итоге оказывались в его руках.

Постаревший Келдон боялся и ненавидел Каладиуса, как ненавидят строгого учителя, или как ребёнок ненавидит няньку, которая запрещает ему выбираться из колыбели. В страхе своём он старался не выказывать эту ненависть чересчур явно, но всё же каждый видел её невооружённым взглядом.

Знал об этом и Каладиус. И ему было всё равно. Он добрался уже до тех вершин, когда ему была не нужна даже дружба монархов, коль уж они всё равно были вынуждены уступать его мягкой силе. Сказать по правде, великий маг и не расстроился тому, что их дружбе с Келдоном пришёл конец. Похоже, он не обладал для этого достаточной сентиментальностью. Он лишь сделал себе пометку на память, что за королём нужно лучше присматривать, чтобы у него не возникло соблазна избавиться от постылого министра.

Теперь мы перенесёмся сразу на несколько десятилетий вперёд. Мы не увидим ни сына Келдона, ни даже его внука. И застанем лишь последние дни жизни его правнука, короля Тредда Бездетного.

При латионском дворе давным-давно уже знали, что понастоящему неизменно лишь одно – существование первого министра. Казалось, он был всегда. Легенды о нём придворные слышали ещё от своих дедов. Он казался столь же древним, как сам дворец, и это выглядело естественным хо-

дом вещей. Во всём Латионе не было ни одного человека, включая короля, кто посмел бы перечить этому вечно одетому в чёрное худощавому старику со странным, словно покрытым шрамами лицом.

И действительно, кожа на лице Каладиуса уже почти исцелилась, но это было и неважно, ведь ему (настоящему ему) было уже больше девяноста лет, так что он теперь и безо всяких шрамов походил на немолодого человека неопределённого возраста. Будь он простым смертным, то, пожалуй, ему можно было бы дать лет сорок пять – пятьдесят, но с каждым годом время будто бы всё больше теряло власть над ним, а полное отсутствие растительности на голове и вовсе усложняло любую попытку определить его возраст.

Он уже сейчас был человеком-легендой, к тому же одной из тех легенд, которые предпочитают рассказывать шёпотом. Его уважали, но уважение это было густо замешано на почти мистическом страхе. Порой это становилось проблемой – на заседаниях королевского Совета докладчики то и дело терялись и замолкали под гипнотическим взглядом колдуна, если им вдруг на мгновение казалось, что тот чем-то недоволен. Иногда это досадно парализовало работу.

К счастью для всех, политика в последнее время всё меньше интересовала Каладиуса, ведь он достиг в ней максимальных высот. Хотя была одна мысль, которая время от времени посещала великого мага. Иногда он задумывался, что по праву мог бы стать императором, и это было бы не так уж

сложно сделать, имея его влияние. Правда, империи до сих пор так и не существовало – даже Палатий, вроде бы остающийся формально под протекторатом Латииона, существовал сейчас вполне независимо.

Дело, скорее, было в другом. Каладиус не был уверен до конца, что хотел бы быть императором. Да, это подняло бы его на новые высоты, это правда, но, сказать по правде, то, чем он был сейчас, не очень отличалось от этого. Он был могущественен – самый могущественный человек в королевстве, и при этом связанный гораздо меньшими условностями, чем король. Он мог бы править, сидя на троне, но гораздо удобнее было править, находясь где угодно.

Поэтому великий маг иногда позволял себе развлечься мыслями о возможности будущего получения короны, но никогда не думал об этом всерьёз. Возможно, однажды ему станет совсем скучно в этой жизни, и вот тогда...

Пока же Каладиус, на время оставив политические игры, вплотную занялся наукой. Он достиг уже больших успехов в области создания артефактов на основе драгоценных камней, а также металлов. Заполучив когда-то давно мангиловый меч, который и по сей день горделиво висел в великолепных ножнах над его ложем, он задумался над возможностями этого волшебного металла.

Люди издавна использовали мангил для магии. Было известно, что он многократно превосходит любой из металлов по возможностям зачарования. Однако же мангил был неве-

роятно дорог – его привозили с риском для жизни из копей, находящихся на восточном побережье Эллора.

Мастера кузнечного дела давно пытались получить сплавы на основе мангила, и достигли в этом некоторых успехов, но результат неизменно оказывался гораздо хуже ожидаемого. Магический металл словно отторгал другие, менее благородные материалы. И вот уже много лет Каладиус работал над этой проблемой, понимая, какие перспективы откроются человечеству, если его изыскания увенчаются успехом.

Но гораздо сильнее его сейчас интересовали пределы собственных возможностей. Пока выходило так, что он, похоже, был единственным из известных ему магов, умеющих видеть структуру *возмущения*. Он уже хорошо поднаторел использовать это для разрушения, но великого мага всё больше интересовало – а можно ли созидать с помощью этого дара?

В теории всё выглядело достаточно просто – вместо того, чтобы разрывать условные нити, их нужно сплести. Но на практике всё оказалось куда как сложнее. Само плетение было совершенно новым для него видом деятельности, поэтому долгое время Каладиус никак не мог совладать с этой задачей. Он буквально изводил себя долгими медитациями, подолгу проводя в этом «мире *возмущения*», после чего иной раз отлёживался два-три дня, но всё же в течение нескольких лет никаких результатов это не давало.

И вот, наконец, великому магу удалось то, о чём он мечтал. Две нити, видимые лишь ему, соединились в единое це-

лое, подчиняясь его воле. Однако ликование было недолгим – вернувшись сознанием в реальный мир, Каладиус не увидел ровным счётом ничего. Очевидно, что он что-то создал, но либо это что-то оказалось слишком нестабильным, либо же оно существовало и теперь, но было невидимо и неосязуемо в материальном мире.

Стало совершенно ясно, что волшебник замыслил поистине невозможное. Ему нужно было понять, чем является каждая из сплетаемых нитей, а затем сплести их верным образом. Наверное, вновь сплести платье, распущенное на нити и разбросанное по всему дворцу, так, чтобы каждая нитка вновь нашла своё место, было бы куда проще, чем то, что задумал Каладиус. Однако не в характере великого мага было отступать.

Освоив технику плетения двух нитей, которая, увы, не давала каких бы то ни было значимых результатов, Каладиус стал пытаться сплести три и более нитей возмущения, благо, что это, в общем-то, не отличалось особенной сложностью. Вскоре он уже сплетал какие-то конструкции из полудюжины, а после и из дюжины нитей. Увы, до сих пор он так и не сумел узреть плоды своих трудов. Кажется, даже самые простые вещи этого мира, вроде пылинки или дождевой капли, состояли из десятков, если не сотен таких нитей.

Когда Каладиус уничтожал предметы, разрывая узелки, это не было так заметно. По сути, он словно перерезал узел ножом, и тогда уж было совершенно неважно – сколько ни-

тей здесь связаны. Поэтому теперь данное открытие стало для него настоящим разочарованием.

Однако в течение нескольких лет великий маг продолжал попытки. Хотя он и действовал вслепую, но всё же пытался каким-то образом классифицировать и систематизировать полученные знания. Однако это было столь же трудно, как попытаться научиться различать песчинки в пустыне, да ещё и понимать, какая песчинка для чего нужна.

Наконец Каладиус довёл количество связываемых нитей до трёх-четырёх десятков. Теперь он иногда получал на выходе нечто, чему не мог дать определение. Это была какая-то субстанция, которая чем-то напоминала слизь, но слизью не была. Она выглядела как нечто не из этого мира, и, как ни пытался великий маг найти ей какое-то применение, у него ничего не выходило.

Однако эта слизь дала ему некоторое понимание назначения определённых нитей, и он стал работать более целенаправленно. Наконец в один прекрасный день он получил нечто, чему было определение в материальном мире, а именно – взрыв.

По счастью, Каладиус почти машинально успел выставить магический щит, так что взрыв не нанёс ему никакого вреда, чего нельзя было сказать о его личных покоях. После этого почти две недели волшебник был вынужден проживать во временных комнатах, покуда слуги приводили в порядок его собственные апартаменты.

С этих пор великий маг никогда не проводил свои эксперименты без ассистента – волшебника, который постоянно удерживал магическую защиту. Кроме того, он велел выделить ему огромные комнаты в подвале для занятий. Это оказалось нелишней предосторожностью, поскольку инциденты время от времени имели склонность повторяться.

Вскоре Каладиус понял, что ему вполне по силам создавать простейшие стихии вроде огня. Казалось бы, это был отличный повод для радости, ведь теперь изысканиям великого мага могло найтись практическое применение, однако он не спешил торжествовать. Стихийная магия – самая простая и доступная даже для новичков. Чтобы управлять стихиями, не требовалось каких-то сложных манипуляций, и уж давно не нужно было проникать в самую суть *возмущения*. Однако Каладиус не отчаивался. Сами по себе эти открытия, быть может, были и не столь важны, но в качестве основы для дальнейших изысканий были совершенно бесценны.

Так и вышло, что в последние годы Каладиус почти позабыл о том, что он являлся первым министром, полностью сосредоточившись на магических науках. Однако же события, произошедшие в описываемое нами время, заставили его вспомнить об этом.

В отношении его величества Тредда Бездетного, правнука короля Келдона, вполне можно было бы говорить о неком

страшном проклятии, преследующем его всю жизнь. Из четверых детей короля Тредда никто не дожил даже до совершеннолетия. Единственный наследник трона умер от алой лихорадки, будучи ребёнком четырёх лет от роду, а дочери погибли от причин, которые мы назовём роковыми, чтобы не называть нелепыми.

Две старшие принцессы утонули, когда лошадь, впряжённая в карету, внезапно понесла и, пробив деревянные перила хлипкого мостика, обрушилась вместе с экипажем в реку. Девочки не сумели даже выбраться из кареты. Младшая же дочь, в которой многие видели, несмотря на отсутствие подобной традиции, наследницу латионского престола, умная и ласковая девушка, в двенадцать лет выпала из окна, пытаюсь поймать листы с её рисунками, которые подхватил ветер.

Окно было во втором этаже, но, во-первых, потолки во дворце имели высоту почти в двадцать футов, а во-вторых принцесса упала весьма неудачно, мгновенно сломав шею. К тому времени жена короля была уже несколько лет как мертва.

Понимая, что королевство нельзя оставить без наследника, Каладиус спешно подобрал его величеству новую жену, которая была моложе него на добрых двадцать пять лет и по всем признакам легко могла родить немолодому королю ребёнка. Но тут, похоже, мужское естество подвело монарха – время шло, а королева всё никак не могла понести.

До цинизма прагматичный маг, тщетно прождав почти

два года и понимая, что время уходит, решился на аферу, которую большинство сочло бы аморальной, а многие – просто ужасной. Для королевы нашли молодого и полного сил мужчину, который не смел возразить людям, говорившим с ним от имени первого министра. Да и её величество, удостоившаяся разговора лично с Каладиусом, не устояла перед смесью посулов и угроз.

Как только придворный медикус доложил, что королева беременна, великий маг приказал устранить истинного отца ребёнка, в последствии ни разу даже не поинтересовавшись его судьбой – убили ли его, или же забросили в какой-нибудь каменный мешок. Цель была достигнута, и всё остальное было неважно, а оставлять такого свидетеля было крайне неразумно и даже опасно.

Как на заказ у королевы родился мальчик. Король Тредд, судя по всему, подозревал о неверности жены, однако разговор с первым министром, кажется, вернул покой его душе. Увы, подчиняясь всё тому же проклятию, маленький наследник не дожил даже до пяти лет, подавившись куском отварного мяса, которое не сумел разжевать.

После этого случая все уже, включая и самого Каладиуса, похоже, смирились с тем, что прозвище короля Тредда так и останется справедливым до конца его дней. У короля был брат, который был младше его на пару лет. За неимением другого наследника трона, он уже много лет носил титул великого князя и, похоже, мысленно уже примерял себе коро-

ну. Звали его Бердоном, и у него почему-то совершенно не складывались отношения с первым министром.

Конечно же, открыто конфликтовать с Каладиусом не посмел бы никто, но всё же Бердон, вероятно, позволял себе нечто такое, что внушило стойкую неприязнь к нему у великого мага.

Вообще надо отметить, что Каладиус, которому на тот момент времени было около ста лет, давно уже избавился от привычки заводить друзей. Он и в юности не отличался чрезмерной сентиментальностью, а теперь, похоронив уже несколько поколений людей, которым боги отмерили куда более короткий, чем у него, срок, он и вовсе отучился привязываться к кому бы то ни было.

Для Каладиуса важны были не люди, а идеи. Его идея построения великой империи оправдывала в его глазах всё. Нельзя сказать, что великий маг был одержим ею, иначе, наверное, он давно бы уже добился цели. Но он словно оттягивал её реализацию, будто бы боясь достигнуть вершины слишком рано. Он как будто предчувствовал долгую жизнь, что ждала его впереди, и, похоже, боялся остаться наедине с этим океаном времени, лишённый смысла жизни.

Однако, если у Каладиуса впереди был ещё целый океан времени, то у короля Тредда его оставалась лишь малая лужица. Престарелый монарх тяжело заболел, как обычно болеют старики – безо всякой надежды на выздоровление. Стало ясно, что ему уже осталось недолго, поэтому необходимо

было решать вопрос с наследником.

Вообще-то это казалось пустой формальностью. Принц Бердон, конечно, официально не был объявлен наследником, однако же, имея титул великого князя, по сути, негласно признавался таковым. Беда была лишь в том, что сам Бердон был уже стар и тоже не отличался крепким здоровьем. Было очевидно, что он ненадолго переживёт старшего брата, а для Каладиуса этот промежуток и вовсе казался досадно малым. И, по его мнению, это не шло на пользу королевству.

В то самое утро, когда придворный медикус сообщил великому магу, что не ручается за то, что его величество переживёт этот день, Каладиус объявил о собрании Королевского совета. Туда явились самые влиятельные люди, имён которых мы даже не станем называть, дабы не засорять память читателя, и среди них, конечно же, был принц Бердон. Он явился при полном параде, увешанный орденскими лентами, которые получил за свою жизнь более или менее заслуженно. Его худое морщинистое лицо выражало несколько неуместные случаю торжество и радость.

Бердона сопровождал старший сын Тиен. Вообще-то он не должен был участвовать в Совете, но гонец от самого Каладиуса доставил ему бумагу с просьбой присутствовать. Впрочем, этому никто не придавал должного значения, полагая, что всё это – подготовка к коронации принца Бердона.

– Я думаю, все присутствующие понимают, для чего мы здесь собрались? – сухо начал Каладиус, усаживаясь в крес-

ло, которое уже на протяжении десятилетий занимал лишь он один. Вышеозначенные присутствующие скорбно закивали головой, также рассаживаясь по своим местам. – Его величество уже у подножия Белого Моста, и, если придворный медикус не ошибается, может ступить на него уже сегодня. Полагаю, господа, мы должны официально объявить наследника престола.

Бердон невольно приосанился так, будто уже восседал на троне. Все присутствующие дружно поглядели на него с той смесью раболепия и подхалимства, какую можно встретить лишь при королевских дворах.

– Я подготовлю необходимые бумаги к полудню, мессир, – всем своим видом показывая готовность служить, проговорил канцлер. – Если вы опасаетесь, что его величество может не успеть их подписать, то я всё ускорю, и бумаги будут у вас через час.

– Не думаю, что есть необходимость в такой спешке, милорд. Но на чье имя вы собираетесь написать акт передачи?

– Как?.. – растерялся канцлер, да и все остальные уставились на великого мага с изумлением. – Разумеется, на великого князя Бердона...

– Но мы ведь ещё не обсудили это.

– При всём уважении, мессир, но разве это нуждается в обсуждении? – звенящим от негодования голосом возразил принц. – Уже много лет я являюсь великим князем. Я – самый прямой наследник по старшинству. Полноте, мессир, да

я вообще – единственный возможный наследник!

– Разве? – невозмутимо парировал Каладиус. – Полагаю, вы – не единственный прямой потомок Тионитов, ваше высочество.

– О ком вы говорите? – Бердон вперил в волшебника горящий взгляд, словно пытаясь проникнуть в самые тёмные глубины его души.

Члены Совета растерянно переглядывались. Неужели старый маг припас какой-то сюрприз? О ком он говорил? Какой-нибудь незаконнорождённый брат Тредда, или, быть может, его бастард?

– Я говорю о вашем сыне, принце Тиене, ваше высочество.

Потрясённая тишина повисла в кабинете, словно смысл сказанного не доходил до присутствующих. Что же касается самого Тиена, то он побледнел как полотно и с ужасом взирал то на отца, то на великого мага.

– Но это же полный бред! – задохнулся от возмущения Бердон. – Как может сын царствовать прежде отца?

– Это противоречит всем обычаям, мессир, – робко заметил канцлер. – Мы не можем так поступить.

– Обычаи создаются для того, чтобы вести безмолвные, безвольные массы, – отрезал Каладиус. – Они не властны над теми, у кого есть собственная воля. Если нужно – мы изменим обычаи, отменим их и создадим новые! Я прошу Совет понять, что так будет гораздо лучше для нашего государства.

– Ваша неприязнь ко мне так велика, что вы готовы по-

прать священные обычаи? – прошипел Бердон, прожигая взглядом великого мага.

– Моя неприязнь не имеет никакого значения, милорд. Для меня важно лишь благо государства. И я исхожу из того, что король должен приносить пользу королевству. Он должен править, ваше высочество, а не просто занимать трон. Простите, но вы уже стары и немощны, и из вас выйдет плохой король.

– Кто говорит мне о старости? – не выдержав, закричал Бердон, брызжа слюной. – Четырёхсотлетний старик?

– Да, мне почти четыреста, – спокойно ответил Каладиус. – Но я знаю, что проживу ещё столько же. Можете ли вы сказать то же самое о себе, милорд?

– Никто не может знать этого! Быть может, вы умрёте уже завтра!

– Ого, по-моему, здесь уже начались угрозы... – нехорошо прищурившись, произнёс маг. – Осторожнее, милорд, вы ступаете по тонкому льду.

Каладиус, похоже, намеренно величал Бердона милордом вместо обращения «ваше высочество», более подходящего его титулу принца и великого князя. Сейчас он походил на укротителя хищников, который нарочно провоцирует зверя, чтобы затем подавить его волю и подчинить себе.

– Я не собирался угрожать вам, мессир, – даже гнев принца, казалось, угасал под ледяным взглядом волшебника. – Но я должен сказать, что считаю ваше предложение абсурдным,

а потому полагаю, что в этом заседании нет нужды. Как великий князь Латиона, я объявляю себя наследником своего брата!

– Но это также не по обычаям, милорд, – усмехнулся Каладиус. – У вас нет на это права.

– Да? А почему же одни обычаи можно нарушать, а другие – нет? – Бердон понимал, что это – его последний бой, и что он либо победит, либо проиграет, а потому готов был стоять до конца.

– Это зависит от того, *кто* их нарушает, – жёстко ответил Каладиус, на сей раз не взяв на себя труд именовать оппонента даже милордом.

– Объясните, мессир! – дрожа одновременно от гнева и от страха, проговорил принц Бердон, тогда как остальные усталились на мага с выражением священного ужаса, окончательно поняв его затею.

– Охотно. Я предлагаю членам Совета выбрать сторону. Вы можете поддержать принца Бердона и те пресловутые обычаи, которые, на мой взгляд, не стоят выеденного яйца, или же принять мою сторону, то есть сторону человека, который покровительствовал ещё прадеду короля Тредда. Человека, который помогал укрепить наше королевство, который десятилетиями стоял на его защите. Я говорю вам: нам не нужен король Бердон, так как он не принесёт пользы Латиону. Выберем молодого короля, чьи силы ещё не подорваны приближающейся смертью. Делайте выбор, господа, се-

годня вам не удастся отсидеться!

Подкошенный ужасом, Бердон почти рухнул в кресло. Та прямота, с какой выступил Каладиус, значила лишь одно – он тоже пойдёт до конца. Принц понимал, что никто за этим столом не дерзнёт выступить против древнего мага. Во всём Латионе не было такой силы. А это значило лишь одно...

– Мессир, мне кажется, вы позабыли спросить моего мнения, – раздался тихий, надорванный голос.

Это был Тиен. Было видно, что он собрал всё своё мужество в кулак, но и его едва достаёт, чтобы произнести эти слова.

– Ваше мнение не имеет значения, ваше высочество, – спокойно, но твёрдо ответил маг. – В истории бывают моменты, которые должны свершаться помимо, и даже против воли её участников. Если вы хотите блага своей стране – вы согласитесь вне зависимости от своего мнения.

– Я не готов быть королём, мессир...

– Это никогда не узнаешь, пока не попробуешь, ваше высочество. А попробовав, возможно, вы войдёте во вкус. К власти быстро привыкаешь, уж поверьте мне на слово...

– Это переворот!.. – побелевшими губами, прошептал Бердон.

– Не драматизируйте, милорд, вы покамест ещё не король! – поморщился Каладиус. – Господа, сделайте выбор! Что вы предпочтёте – личные амбиции одного человека, или же благо всей страны?

– Но, кажется, принц Тиен ещё не дал согласия... – робко заметил канцлер.

– Можете считать, что уже дал, – отмахнулся маг. – Итак, господин канцлер, вы являетесь воплощением порядка и закона в нашем королевстве. Ваш голос по праву должен быть первым.

– Я выбираю благо королевства, мессир, – тихо, но решительно ответил тот, стараясь не глядеть на Бердона.

Тот же предсказуемый ответ был получен и от остальных членов Совета, за исключением, конечно же, опально-го принца. Бердон, поняв, что проиграл, вскочил и, яростно шипя, вышел, или скорее даже выскочил за дверь.

– Что ж, ваше высочество, – обратился Каладиус к Тиену, бессильно спрятавшему лицо в ладонях. – Поздравляю, теперь вы – официальный наследник латионского престола. У вас есть немного времени, чтобы привыкнуть к этому, но будьте готовы, что в любой момент вы станете нашим королём!

Подавленный, растерянный Тиен, неловко поднялся на ноги, нервно кивнул присутствующим и вышел. Следом поспешили удалиться и другие члены Совета, тоже едва держась на ногах от перенесённого потрясения. Вскоре в кабинете остались лишь Каладиус и канцлер.

– Разве из его высочества получится хороший король?.. – с сомнением произнёс канцлер.

– Не хуже, чем из прочих! – отмахнулся Каладиус.

– Но вы же понимаете, что принц Бердон может стать проблемой?

– Не думаю. Во всяком случае, эта проблема очень просто решается.

Побледнев ещё больше, канцлер склонился перед великим магом и поспешил выйти. Каладиус же, звякнув в колокольчик, велел принести ему кидуанского вина и таз с тёплой водой для ног в комнату, смежную с королевскими покоем. Он намеревался ожидать кончины Тредда, чтобы всё последующее наверняка прошло гладко. Вряд ли Бердон решится выкинуть какой-то трюк, но всё же лучше было бы быть поблизости.

Старый принц по сути был прав – это действительно был переворот, и то, насколько просто он произошёл, красноречивее любых слов свидетельствовало о том могуществе и влиянии, какими обладал великий маг при латионском дворе. Кажется, он уже превзошёл даже самих королей, и ему впору было давать некий особенный титул, подчёркивающий его положение. Впрочем, он был Каладиусом, и это само по себе уже звучало веселее любого титула.

Глава 36. Страх божий

– Что говорят медикусы? – несмотря на почтенный возраст, Каладиус каждое утро взбирался на эту крепостную башню дворца, чтобы лично взглянуть на лежащий за рекой город.

Сегодня было ненастно, несмотря на середину лета. Низкие тучи, похожие на клоки плохо сваляной шерсти, стремительно мчались, подгоняемые холодным северным ветром, словно штурмуя столицу королевства. Порывы ветра то и дело швыряли в лицо мелкую морось, куда более неприятную, чем обычный дождь. И очертания Старого города терялись в этой хмари, становясь похожими на те же тучи, упавшие на землю под тяжестью вод. Но великий маг, не одно столетие проживший в этом городе, без труда узнавал в этих мутных пятнах знакомые очертания.

– Похоже, что эпидемия пошла на спад, мессир, – ответил человек, стоящий рядом. В отличие от Каладиуса он, похоже, пробыл здесь дольше – с пол его шляпы капала вода.

Летом 1344 года руны Кветь в Латион пришла синивица. В четвёртый раз за последние десять лет. Такого раньше не бывало. Эпидемии случались всегда, но, как правило, не более одного раза в десять, а то и двадцать лет. Каладиус знал, что виной тому были грязь и нечистоплотность города, а также невероятная скученность людей, особенно в Новом

городе.

В последнее время в королевстве было неспокойно. Лето выдалось неурожайным (как, впрочем, и многие другие лета до него), поэтому в провинции свирепствовали банды, большей частью состоящие из разорившихся колонов и беглых крепостных. Спасаясь от них, в столицу каждый день прибывали всё новые и новые люди. До недавнего времени, пока город не был закрыт на карантин.

Хвала богам, относительная изолированность Заречного квартала и Старого города не позволили болезни распространиться и там. Заболевшие были, но их было немного – не настолько много, чтобы вызвать пандемию. А это значило, что двор может не выезжать из города и сохранить хотя бы видимость власти и порядка.

Увы, но порядок этот, в основном, распространялся именно на Заречный район. Все мосты, ведущие на этот берег, были заблокированы армией. Людей, пытающихся попасть в Заречье, ещё издали предостерегали от перехода, а тех, кто отказывался подчиниться, просто расстреливали с безопасного расстояния, после чего специальные команды, приняв меры предосторожности, сбрасывали трупы в реку. Это было не лучшим решением, ведь вода Труона так или иначе могла попадать в колодцы, но тащить возможную заразу в дворцовый квартал тоже не хотелось.

Что же творилось по ту сторону реки, во дворце знали лишь по отчётам медикусов, которые, несмотря на опас-

ность, самоотверженно боролись с заразой, пытаясь помочь тем, кому ещё было возможно. Хуже всего дела обстояли в Новом городе – там болезнь ежедневно выкашивала десятки людей. Жители Старого города забаррикадировали ворота, и тем самым в значительной мере предотвратили повальное заражение.

В городе то и дело вспыхивали стычки и погромы. Несмотря на опасность, Каладиус велел посылать туда отряды легионеров, чтобы предотвратить полномасштабные бунты. Легионеры действовали крайне жестоко – опасаясь подцепить заразу, они не церемонились ни с кем, максимально эффективно и быстро убивая всех, кто вставал у них на пути.

Действовали и гуманитарные отряды, ежедневно доставлявшие на противоположный берег продовольствие и кое-какие снадобья. Но это, конечно же, и на десятую часть не покрывало потребностей города.

Синивица свирепствовала уже почти две недели. Оставалось недолго – через неделю новые случаи заражения прекратятся, а все безнадежно больные умрут. Через две недели карантин можно будет снимать. Через месяц жизнь в городе вернётся в почти привычное русло.

Однако с уходом синивицы проблемы Латиона никуда не денутся. Голод, банды, повальная нищета – всё это сделалось уже приметой времени. Королевство агонизировало, причём агония эта продолжалась уже много лет. И, похоже, едва ли ни единственным человеком, которому было плевать на это,

был король Конотор Второй Тионит, правитель Латиона.

Внимательный читатель не мог не заметить, что мы вновь перенеслись вперёд, оставив в далёком прошлом и вновь избранного короля Тиена, и его незадачливого отца, даже не удосужившись узнать, чем закончилась эта история. Что ж, принц Бердон прожил свои оставшиеся недолгие годы на берегу озера Прианон в одном из своих имений. При отъезде мессир Каладиус настоятельно рекомендовал ему никуда не уезжать с побережья, полагая, что воздух столицы может оказаться вреден для пошатнувшегося здоровья. И хотя великий маг не был общепризнанным светилом медицины, Бердон решил прислушаться к его рекомендациям.

Что же касается Тиена, то из него получился весьма посредственный король, однако он правил больше двадцати лет и оставил после себя наследника, а это всё, что требовалось от него Каладиусу.

Мы перенеслись более чем на двести лет вперёд. Много воды в Труоне утекло за это время. Каладиусу исполнилось уже триста с лишним лет, что было невероятно много даже для человеческих магов, а ведь окружающие и вовсе были убеждены, что великий маг перешагнул уже шестисотлетний рубеж. Однако же внешне он почти никак не изменился за минувшие два века, разве что шрамы его практически окончательно исчезли с лица. Внимательно приглядевшись,

их ещё можно было разглядеть, но в мире не было человека, который не утратил бы так долго глядеть в лицо легендарного волшебника.

Единственное, что поддавалось времени – это волосы. К вящей радости Каладиуса они теперь практически не росли уже больше ни на голове, ни на лице, так что больше не было нужды в изнурительной, едва ли не ежедневной процедуре бритья.

Что же касается событий, то их за минувшие столетия произошло весьма много, и далеко не все они были позитивными. За это время Латион, наверное, с дюжину раз воевал с Палатием, провёл три довольно крупные кампании против Кидуи и два относительно значимых военных конфликта с Саррассой. Была даже одна неудачная попытка вторжения в Пунт. Далеко не для всех этих войн Каладиус был инициатором, но он однозначно был важным участником каждой из них.

Мы пропустили всё это по причине того, что ни один из этих конфликтов ни коим образом не отразился на личности самого великого мага, а поскольку мы занимаемся не созданием исторического труда, а жизнеописанием конкретного человека, то ради экономии времени читателя упомянем о них лишь вскользь.

Войны с Палатием, в принципе, вернулись в своё прежнее русло. Обе стороны, похоже, не хотели больше той жестокости и крови, какую мы видели прежде на страницах этой

книги. Можно сказать и конкретнее – этого больше не хотел сам Каладиус. Не то чтобы он окончательно отказался от идеи воссоздания империи, просто столь долгая жизнь, похоже, пресытила его. Нельзя сказать, что характер его стал мягче, но, вне всякого сомнения, некоторая радикальность и острота исчезли из его суждений. Он словно понемногу перерастал собственные амбиции, и они казались ему уже не столь важными.

Однако не стоит заблуждаться в отношении великого мага. Та мягкость, о которой мы говорим, не имела ничего общего с тем понятием, которое обычно вкладывается в это слово. Скорее он с каждым прожитым десятилетием, с каждым погребённым монархом, с каждой впустую закончившейся войной понемногу отдалялся от суеты жизни, становился, если можно так выразиться, более иномировым или, говоря проще – непрошибаемым циником. Всё происходящее вокруг понемногу теряло вкус. Каладиус дошёл до той степени отчуждения, когда окружающие люди стали казаться ему бессмысленными насекомыми, которые в своей удручающе короткой жизни совершают множество мелких нелепостей.

Каладиус достиг всех возможных вершин. Он был настоящей легендой. Даже в глухих лесных деревушках Санна вряд ли сыскался бы ребёнок, которому мама или бабушка не рассказывали вечерами немного пугающие сказки-истории о бессмертном маге из Латииона. Иностранные послы и полити-

ческие деятели почитали за честь получить приглашение на аудиенцию к королю, но лишь избранные могли похвастать аудиенцией у его первого министра, и всякий раз они становились объектами для зависти менее удачливых коллег.

В такой ситуации чего ещё мог желать этот человек? Ему не требовалось ни богатств, ни признания, а что же касается любви, то сделавшись в тридцать лет трёхсотлетним старцем, он добровольно лишил себя столь привычных простым людям любовных треволнений. Впрочем, Каладиус никогда особенно не жалел об этой утрате.

Всё, что требовалось великому магу, это лекарство от скуки – болезни, которая неизбежно поражает тех, кому дарован долгий век. Любые перемены, пусть даже и потрясения – это был способ хоть на время развлечься. Именно поэтому Каладиус так охотно поддерживал любые воинственные начинания латионских монархов. Хотя, признаться, со временем наскучивала и война...

Особенно хорош был один из королей по имени Тьеньян, правивший около восьмидесяти лет тому назад. Став королём в семь лет, он не знал другого наставника кроме Каладиуса. В детстве он называл великого мага дедушкой, а повзрослев – отцом. Кажется, он был готов на всё, лишь бы порадовать своего покровителя.

Именно Тьеньян отличился тем, что решил атаковать Загорье, до которого прежде никому из правителей Латиона не было дела. План был столь же грандиозный, сколь и глупый.

Восток Латиона представлял собой глухие места, покрытые болотами и лесами, а Анурские горы, хоть и были невелики, но всё же вполне неплохо служили естественными укреплениями. Переброска войск сквозь эту глухомань была чистой воды авантюрой, да и Делианский перевал, худо-бедно подходящий для торговых воев, был малопригоден для крупных военных соединений.

Каладиус прекрасно понимал это, но даже не подумал препятствовать своему юному протеже. Для него важен был не результат, а процесс. Подчинить Пунт было абсурдной идеей, несмотря даже на то, что в военном отношении это королевство не представляло из себя ничего особенного. Пунт являлся кормильцем всей Паэтты, снабжая соседей зерном, овощами, вином. В качестве торгового партнёра он был ничем не хуже, чем если бы являлся доминионом, но великому магу было скучно.

Война предсказуемо закончилась ничем. Мало того, что пунтийцы вполне успешно обороняли свои земли, так они ещё и ввели эмбарго на торговлю с Латионом, поставив последний в довольно невыгодное положение. Однако же Пунт не хотел терять богатого покупателя, поэтому охотно согласился на подписание мира. Более того, зная, что мессир Каладиус является тонким ценителем вин, специально для него в Латион были доставлены корзины с бутылками из лучших погребов Загорья.

Позже тот же король Тьеньян попытался атаковать Ки-

дую, а также дважды нападал на Палатий. За подобную воинственность он вошёл в историю Латииона как Тъеньян Завоеватель, хотя, говоря по правде, он за свою жизнь не завоевал ни пяди чужой земли.

Каладиус всячески поощрял короля, но не стоит думать, будто бы он всерьёз был заинтересован происходящим. Великий маг уже настолько отделял себя от прочих людей, что глядел за всеми этими войнами примерно с тем же интересом, с каким деревенский мальчишка наблюдает бой между двумя колониями муравьёв. Ему было абсолютно наплевать как на одну, так и, по большому счёту, на другую сторону. Его столь же мало трогали страдания раненых легионеров, латионских вдов и сирот, как и страдания противной стороны.

В этой отчуждённости было нечто пугающее. Было совершенно ясно, что человеческие жизни – не более чем пылинки под ногами волшебника, причём немногим больше он ценил жизни сильных мира сего, понимая, насколько мимолётна и быстротечна их мнимая сила.

Неудивительно, что при всём этом прозвище Губитель Народов прочно закрепилось за Каладиусом, хотя мало кто дерзнул бы произнести его в присутствии великого мага. Молва приписывала ему едва ли не любые события, что происходили в жизни королевства, и зачастую это вполне соответствовало действительности. Но много было и откровенно мифических легенд, будто нарочно созданных затем, чтобы

леденить кровь долгими зимними ночами, когда в волоковое оконце врывается снежная пыль, а ветер воет, словно изглодавшийся зверь.

Всё чаще люди связывали имя Каладиуса с Чёрным Ассом, богом-разрушителем, отцом смерти и ужаса. Кто-то и вовсе считал, что великий маг – не кто иной, как сам Чёрный бог, воплотившийся на земле, чтобы покарать погрязшие в грехе народы. Сам волшебник не спешил развенчивать нелепый миф – напротив, он делал всё, чтобы эти рассказы росли и множились. Сделаться живым воплощением бога – это было весьма заманчиво.

Люди говорили, что все беды, случившиеся с Латием в последние годы, ниспосланы богами как расплата за нечестивость их короля. И хотя вряд ли боги способны карать целые народы за грехи одного, но если это так, то в случае с королём Конотором они действительно не колебались бы не секунды.

С детства Конотор рос буйным и невоздержанным. Няньки и прислуга то и дело убегали в слезах из покоев юного принца, а иной раз слезами дело не ограничивалось. Сломанные пальцы, выбитые зубы, расцарапанное лицо – подобными отметинами могли похвастать многие из числа дворцовой челяди. Отец Конотора пытался по мере сил сдерживать отпрыска, да вот только сил у него для этого было яв-

но недостаточно. Не вмешивался в воспитание наследника и Каладиус, совершенно равнодушный к тому, что происходило при дворе.

Многие тогда молили о том, чтобы боги послали королевству избавление от такого правителя. У Конотора был младший брат, Келдон, совершенно не походящий на него. Латин бы только выиграл, если бы старший из двух братьев внезапно умер от любой из множества болезней, какими обычно болеют дети. Увы, но юнец отличался отменным здоровьем, и вполне успешно дожил до смерти своего родителя.

И вот тут-то он припомнил невысказанные чаяния своих будущих подданных. Понимая, насколько младший брат популярнее его самого, Конотор с первых же минут царствования вообразил, что тот только и мечтает, чтобы свергнуть своего законного повелителя и узурпировать трон. Сперва он отослал принца Келдона в Саррассу главой дипломатической миссии, но уже через несколько месяцев спохватился, что там брат может снюхаться с имперцами, и столь же спешно велел ему возвращаться обратно.

Многочисленные друзья отговаривали Келдона от возвращения, предчувствуя его дальнейшую судьбу, но тот всё же вернулся. Несколько лет он ходил по тонкому льду, но итог был предсказуем. То ли ложный донос, то ли домыслы самого государя привели к тому, что принц Келдон был арестован якобы за попытку переворота. Не решившись казнить собственного брата, король Конотор повелел заточить его в

один из удалённых замков неподалёку от границ с Шеаром.

С тех пор паранойя короля лишь набирала обороты. Сразу несколько родовитых дворян лишились голов за якобы поддержку принца Келдона и участие в заговоре. Затем самого принца перевели из камеры, похожей на комнату, в камеру, похожую на каменный мешок. Теперь он был самым настоящим узником, причём узником опасным, к которому применялись строжайшие меры содержания.

Например, тюремщики, которые приносили принцу еду и выносили судно, были сплошь глухонемые и неграмотные, и им всё равно было строжайше запрещено входить к заключённому поодиночке. В камере, в которой находился принц, не было ни единого окошка, а свет свечи он видел лишь тогда, когда к нему входили надзиратели. Сам замок охранял целый гарнизон – двести легионеров, которые были убеждены, что стерегут какие-то то ли богатства, то ли архивы.

Очевидно, что снисхождения от Конотора ожидать было бессмысленно. Природная жестокость вкупе с болезненным страхом за свою жизнь и власть полностью изводили любые ростки милосердия, которые могли бы укорениться в этом сердце.

Конечно, условия, в которых существовал принц Келдон, не могли не сказаться на его здоровье. Спустя всего двадцать шесть месяцев этот некогда сильный и здоровый мужчина угас, словно огарок свечи. Впрочем, смерть его, по свидетельствам тюремщиков, была довольно скоропалительна, так

что нельзя полностью исключать и версию с отравлением.

Ведь если узник мучился в своём узилище, то и его заточитель страдал в королевских покоях. Для Конотора младший брат был грозным призраком, который в любой момент мог появиться из-за портьеры, чтобы осуществить справедливое возмездие, поэтому всё то время, что Келдон был жив, Конотор всякий раз вздрагивал, когда ему докладывали о гонце с запада. А уж ночных кошмаров, от которых король вскакивал с кровати с шевелящимися на затылке волосами, было и вовсе не перечесть.

Однако же при всей чудовищности этих преступлений не они вменялись в вину королю его собственным народом, и не в них видел народ корень всех бед, обрушившихся на страну. Конотор был жесток и при этом буен, он злоупотреблял всем и во всём, будучи одинаково невоздержанным и в еде, и в питии, и в насилии.

Молодая королева то и дело появлялась на публике с покрасневшими от слёз глазами. То, что творилось в личных покоях её величества, когда там появлялся король, было тайной за семью печатями – никто из слуг, сколь бы пьян он ни был, ни за что не проговорился бы о том, что он слышал или, быть может, видел. Все понимали, что его величество будет беспощаден. Во всяком случае, синяки на запястьях королевы, тщательно забелённые пудрой, свидетельствовали об этом весьма красноречиво.

Конотор, вроде бы, немного унялся после того, как ко-

ролева родила долгожданного наследника. Король, кажется, был вне себя от счастья и даже повелел назвать сына в свою честь. Но радость эта не продлилась долго. Не прошло и месяца, как чело монарха вновь омрачилось, а черты лица приняли привычное злобно-спесивое выражение.

Увы, Каладиус словно целиком и полностью отдалился от происходящего. Он редко появлялся при дворе, а когда появлялся, то словно бы не замечал всё более испитой физиономии короля, затравленного взгляда слуг, неизбывной тоски в глазах редко появляющейся на людях королевы. Ещё меньше дела ему было до состояния финансов королевства, а оно, говоря откровенно, было далеко от совершенства.

Конотор не слишком-то вникал в государственные дела, в которых разбирался откровенно плохо. Причём он словно даже кичился своей дремучестью. Поэтому несколько советников короля, по сути, вели всю внутреннюю политику вместо него. К сожалению, все они не отличались талантами Каладиуса, хотя вполне могли бы соперничать с ним в презрении к людям.

Король же подмахивал любые бумаги, практически не читая. Подати росли, хотя это никак не сказывалось на государственной казне. Законы – один нелепее другого – издавались, превращая правовую систему в мешанину абсурда. Всё это создавало ощущение упадка, и на данном фоне эпидемия синивицы выглядела логичным продолжением череды бед. Так же, как и все последующие.

В этой ситуации людям оставалось лишь молиться Арионну, чтобы тот смилостивился и прекратил бедствия. Но, кажется, на сей раз Белый бог был глух к мольбам смертных.

Глава 37. Наследник

– Ваше высочество...

– Ти, я много раз просил не называть меня так.

– Простите, ваше высочество, но я много раз говорила, что всё равно буду так делать.

– Ты разбиваешь мне сердце.

– О, не преувеличивайте, ваше высочество! Всем известно, что ваше сердце сделано из очень крепкого камня.

– Милая Ти, благодарю тебя за эти слова!

– У вас очень странная реакция на них, мой принц. Я не собиралась сказать вам что-либо приятное.

– Но всё же неволью сделала это. Потому что твои слова очень похожи на ревность.

– Как может простая фрейлина ревновать принца крови, ваше высочество?

– О, да тебя просто распирает от ревности!

Молодой человек счастливо рассмеялся и попытался приобнять миниатюрную блондинку, стоящую подле него, но та легко и изящно увернулась от этого проявления фамильярности. Конечно, читатель уже угадал в этом девятнадцатилетнем юноше принца Конотора, чьё рождение мы видели в предыдущей главе. Миловидную девушку звали Тианой, ей было около двадцати двух лет, и она была одной из фрейлин принцессы Силии, младшей сестры нашего ловеласа.

Оба они находились в так называемом крыле принцессы – той части дворца, которая была отведена для восемнадцатилетней Силии, дабы ничто не стесняло юную принцессу в её повседневной жизни. Здесь почти не бывал король, довольно редко посещала эти комнаты королева-мать, но зато с завидной регулярностью навещался сюда любящий брат. Впрочем, сказать по правде, далеко не братские чувства тянули Конотора в эти покои. Юноша, как и многие люди его возраста, был переполнен любвеобильностью, и милые юные фрейлины принцессы заставляли его сердце трепетать с удвоенной силой.

Надо сказать, что принцесса Силия без особой досады относилась к проделкам брата, хотя уже две её фрейлины забеременели только за последний год, да и родители относились к этим похождениям снисходительно. Король Конотор, тоже охочий до женских прелестей, лишь похихатывал, когда до него доходила очередная история, а королева, увы, была слишком замкнута в себе и почти не уделяла воспитанию детей никакого внимания.

Принц Конотор наследовал кое-что от своего отца. Он также бывал необуздан в желаниях, порывист, упрям. Но, по счастью, в нём не было той звериной свирепости, животной жестокости, что была так характерна для Конотора-старшего. Если король был похож на старую, разжиревшую, но всё ещё невероятно злобную росомаху, то принц больше походил на глупого весёлого щенка, заливающегося лаем и сби-

вающего с ног прохожих. Вероятно, это было следствием того, что отец совершенно не занимался воспитанием сына, предоставив это нянькам и наставникам, так что, передав свои природные склонности, он всё же не развратил его и не превратил в продолжение самого себя.

Вот уже пару недель у юного принца была новая пассия. Представительница древнего рода, будущая владелица крупных земельных наделов и весьма приличного состояния, но всё же юношу в Тиане куда больше волновали милое личико, огромные глаза и изящная фигурка. Несмотря на то, что она была на несколько лет старше Конотора, её миниатюрность вкупе с белокурыми локонами и чуть наивным выражением лица придавали её внешности обаятельную детскость.

Фрейлины по-разному отвечали на ухаживания принца. Одни сразу сдавались на милость победителя, пытаясь урвать максимум из мимолётного романа, другие разыгрывали недотрог либо из хитрости, либо из воспитанности. Но по-настоящему отвергнуть Конотора не смогла ни одна. И не потому, что он был блистательным красавчиком – тут как раз похвастать ему было особенно нечем. Конечно, главной причиной был высокий статус ухажёра, но, кроме того, непосредственность принца была столь очаровательна, что на неё рано или поздно ловились и самые искушённые юные сердца.

Сами романы в итоге имели разную продолжительность – от нескольких недель до нескольких месяцев. Однако итог всегда был один – пылкое сердце принца не могло долго со-

средотачиваться на одном объекте обожания. При этом хочется заступиться за юного Конотора: он не был охотником, собирающим трофеи. Он действительно увлекался, как увлекается щенок погоней за пронсящей мимо каретой... до появления следующей кареты, мчащейся навстречу.

Тиана стала для молодого принца настоящей отдушиной – в последнее время отношения с отцом были хуже некуда, и если бы не это новое увлечение, вполне можно было бы взвыть от тоски. Она появилась при дворе всего несколько недель назад и достаточно быстро расположила к себе принцессу. Да и принц Конотор довольно скоро охладел к текущей любовнице, попав под очарование белокурой красавицы.

Иногда казалось, что Тиана себе на уме, и что за этой простодушной внешностью скрывается умная и хитрая интриганка. Так, во всяком случае, считали все без исключения товарки юной фрейлины, скрежещущие зубами при появлении соперницы. Она действительно внушала опасение – до того момента фрейлины принцессы по какому-то негласному правилу не ревновали Конотора друг к другу, словно ожидая своей очереди. Все они понимали, что любовь принца не имеет обязательств, да и больших выгод обычно она тоже не несла, так что не было особой нужды плести интриги друг против друга.

Тут было другое дело – все как-то сразу почувствовали, что в случае с Тианой всё может быть совсем по-другому.

Она чем-то неуловимо отличалась от других придворных дам, и Конотор, похоже, был заинтересован ею не на шутку. Надо сказать, что родовитость семейства Тианы вполне давала право на надежду будущего возможного союза, и это не могло не злить придворных девиц.

Правда, пока даже о возможности такой женитьбы никто не заговаривал. При дворе сейчас царило полнейшее уныние, густо замешанное на страхе. Король Конотор постепенно превращался в грубое и жестокое животное, чуждое всяких понятий о приличиях. Собрав вокруг себя кучку подхалимов и лизоблюдов, он всячески предавался пороку, начисто позабыв обо всём.

Практически ежедневно устраивались попойки, переходящие едва ли не в оргии. Сразу несколько придворных дам имели сомнительную честь жить на положении королевских наложниц. Увы, зачастую это приносило им скорее минусы, нежели плюсы. Поговаривали, что в пьяном состоянии Конотор окончательно терял человеческий облик и находил особое удовольствие в истязании любовниц. И несмотря на то, что это носило характер игр, после них несчастные женщины зачастую вынуждены были маскировать синяки и ссадины, прикрывать грустные улыбки, которым недоставало зубов, а то и вовсе отлёживаться в постели.

Каладиус, который время от времени появлялся во дворце, замечал эти признаки разрушения личности и полагал, что король просто сходит с ума. Но, признаться, его это ни-

сколько не заботило. Сейчас великий маг был полностью сосредоточен на науке, тратя колоссальные средства, зачастую взятые из казны, на различные эзотерические изыскания, покупку уникальных книг, чаще всего привозимых из Саррассы и Кидуи, а также на мангил, которого ему требовалось всё больше с каждым разом.

Иногда ему казалось, что стоило бы вмешаться в ту возню, что творилась сейчас возле трона, поскольку было совершенно ясно, что там происходит что-то нехорошее, но всякий раз волшебник просто отмахивался от этого. По большому счёту, его всё устраивало – король, поглощённый своими делами, не обращал внимания на первого министра и те махинации, которые тот время от времени проворачивал, а уж в том, что ему самому ничего не угрожало, Каладиус несколько не сомневался.

Хотя другие наперсники короля не были столь уверены в своей судьбе, поскольку не обладали ни могуществом, ни влиянием великого мага. Король Конотор был ужасно подозрительным человеком, причём с самого детства. Всю пищу, которую он принимал, пробовал целый штат дегустаторов, причём первая проба бралась ещё за несколько часов до того, как блюдо подавалось на стол, а последняя снималась прямо в присутствии монарха. Конечно, таким образом Конотор не мог ощутить удовольствие от свежеприготовленной пищи, но он легко мирился с этой неприятностью, будучи уверенным, что это – единственный способ выжить.

Конотор маниакально собирал исторические факты о случаях отравления монарших особ по всему миру и был настоящим знатоком в этой области. Он, в числе прочего, знал и покушении на принца Келдона в палатийском городке Белли, и не раз расспрашивал у Каладиуса подробности этих событий. С ещё большим интересом он пытался выяснить способности великого мага в очищении крови от отравы.

В этом Каладиус был весьма осторожен. Он не мог признать, что не может сделать этого, поскольку понимал, что данная способность ставит его в глазах короля превыше всех людей. Поэтому он весьма туманно говорил о сложности, о стечении обстоятельств, о особых условиях. Конотор настаивал, чтобы маг практиковался в своём столь нужном искусстве. Одно время он даже велел доставлять в лаборатории Каладиуса узников, осуждённых на смерть, которым давали медленно действующий яд.

Каладиус, надо сказать, с воодушевлением ухватился за данную возможность. Мы уже знаем, сколь мало ценил он человеческую жизнь, поэтому угрызения совести по этому поводу он не испытывал совершенно. Для него проведение опытов на людях ничем не отличалось от проведения опыта на мышах или лягушках.

Увы, все усилия великого мага, равно как и мучительные смерти несчастных подопытных были напрасны. Как ни пытался Каладиус вычленив из этого бесконечного сплетения нитей те, что отделяли жизнь от смерти, у него ничего не

выходило. Приговорённые умирали один за другим, а он всё никак не мог приблизиться к разгадке. Он чувствовал, что был прав в своих суждениях, но отыскать нужные нити никак не получалось.

Конотор, конечно же, был порядком разочарован, хотя и не посмел высказать великому магу претензии. Каладиус объяснял всё необходимостью дополнительных теоретических исследований, так что опыты были на время прекращены. Великий маг не лукавил – он действительно продолжал изыскания в этой области. Поиск так называемых «нитей-функций» мог бы открыть ему невиданные прежде горизонты могущества.

Но вернёмся к королю Конотору. Боязнь отравлений была не единственной из тех, что ежедневно сносили его душу. Он боялся покушений во всех проявлениях, и во всём дворце не было, наверное, ни одного человека, к которому он в той или иной степени не испытывал бы подозрения. Для него каждый был потенциальным убийцей. Исключением был разве что один Каладиус, который столь долго служил латионским королям, что заслужил некое право на доверие.

Подозрительностью короля пользовались его приближенные. Они без усталы плели интриги, пытаясь подсадить более удачливых соперников. В специально созданную при дворе личную службу безопасности без конца поступали доносы на одних придворных, написанные другими придворными. Конечно, львиную долю этих бумаг просто выбрасывали в ка-

мин, ибо в противном случае вскоре у короля не осталось бы подданных. Но время от времени, дабы потешить короля и показать ему, что работа ведётся полным ходом, проводились показательные аресты, процессы и казни.

Это была своеобразная лотерея. Никто не мог предугадать, кто следующий окажется на эшафоте. Хотя, разумеется, вероятность этого возрастала по мере того, как придворный всё больше приближался к королю. Однако же, подобно мотылькам, сгорающим в пламени фонаря, эти люди продолжали тянуться к Конотору, повинувшись удивительным инстинктам, выработанным поколениями их предков.

К сожалению, от подозрительности короля страдали не только придворные. Тучи постепенно сгущались над его сыном, принцем Конотором. В последнее время они часто ссорились с отцом, который неизменно пенял юноше, что тот, якобы, только и мечтает о смерти папаши, чтобы занять трон. Мы уже имели возможность убедиться, что трон и власть были последними вещами, о которых помышлял молодой любовник, однако же для Конотора-старшего это не имело никакого значения. Его реальность уже давно состояла из собственных выдуманных кошмаров, часто не имеющих ничего общего с действительностью.

Принц Конотор же тем временем тратил всю свою энергию, пытаясь добиться расположения Тианы, однако девушка по-прежнему держала его на расстоянии. В отличие от предыдущих пассий юноши, тоже зачастую разыгрывающих

невинность, но сдававшихся, как правило, через три-четыре дня, опасаясь, как бы принц не переключился на новую добычу, Тиана держала оборону более двух недель, и по прошествии этого времени выглядела так же неприступно, как и в первый день их знакомства.

И, конечно же, из-за этого юный принц мечтал заполучить её ещё сильнее. Он чаще обычного бывал в гостях у сестры, а та, желая помочь брату, то и дело давала новой фрейлине поручения, которые приводили к встречам вроде той, что была описана в начале этой главы. Теперь, пожалуй, мы можем вернуться к ней. Как мы помним, Конотор пытался приобнять девушку, но та ловко увернулась от этих объятий.

– По-моему, ваше высочество, я не давала повода так обращаться со мной, – строго произнесла она, давая понять, что это уже не шутка. – Вы, конечно, принц, но это не освобождает вас от правил приличий. Что же касается ревности, то, боюсь, ваше самомнение слишком уж раздуто.

Тон этой тирады озадачил юношу. Он действительно полагал, что Тиана к нему благосклонна и уже готова уступить позиции, и вот теперь он был явно растерян.

– Так я не нравлюсь тебе, Ти? – он даже как-то неуверенно произнёс «тебе», будто против воли хотел обратиться к девушке на «вы».

– Этот вопрос некорректен со стороны сюзерена, ваше высочество.

– Ти, прошу, забудь на минуту, что я – принц!

– Это будет не так сложно, ваше высочество.

– Что ты хочешь сказать? – вспыхнул Конотор.

– Простите, ваше высочество, но вы и сами не ведёте себя так, как должен вести принц, – серьёзно, будто наставница, ответила Тиана. – Ваши выходки достойны разве что какого-нибудь мелкопоместного баронета. Вы тратите жизнь совсем не на то, чем должен заниматься наследник трона. Впрочем... Это и не удивительно, учитывая, как обращается с вами ваш отец.

– При чём тут отец? – Конотор был разозлён и сбит с толку. Он совершенно не ожидал столь жёстких речей от миниатюрной миловидной девушки, выглядящей едва ли не девочкой. И уж подавно ему не хотелось бы слушать всё это вместо любовного воркования.

– Для короля вы – не более чем домашняя зверушка. К тому же довольно надоедливая, насколько я понимаю. В этом дворце повсюду глаза и уши, и поэтому все в курсе ваших ссор с отцом, мой принц. Впрочем... Наверное, оно и к лучшему, что вы проводите дни, волочась за юбками. Вздумай вы заняться политикой, и очень скоро вы разделили бы судьбу своего дяди.

– Ты говоришь странные вещи... – Конотор тяжело дышал, а лоб его покрылся испариной. – У меня складывается ощущение, что я говорю с пожилым мужчиной, а не с юной девушкой.

– О, простите, ваше высочество! – Тиана сделала издева-

тельский реверанс. – Конечно же, мне пристало говорить о кружевах, о пудре для волос и придворных хлыщах. Увы, к несчастью для вас я получила иное воспитание. Мне противно всё здесь, при этом пропитанном ложью и развратом дворе. Вы, конечно, думали, что я – одна из тех дурочек, которые изображают из себя недотрог, а сами только и ждут, когда вы запустите пальцы им за корсаж. Так вот, ваше высокочество, я – не одна из них. Найдите себе другую цель, я вам не по зубам.

Даже не прощаясь, Тиана резко повернулась и, шурша юбками, вышла, оставив юного принца в крайнем смятении.

Принц Конотор был подавлен и взбешён. Никто до этого времени не смел говорить с ним так, ну разве что отец, но это было совсем другое дело. Да и отец обычно лишь попрекал его или просто кричал, вымещая злость, а вот Тиана позволила себе говорить с ним пренебрежительно, и это оказалось стократ болезненнее. Кроме того, одно дело получать нагоняи от отца-тирана, и совсем другое – от своей подданной, да ещё и совсем юной девушки. Принц постоянно забывал, что Тиана была на три года старше него самого.

Лёжа в постели, Конотор ярился, кусал губы и стискивал кулаки. Он метался так, что простыня скомкалась у его ног. Сон никак не шёл к принцу, а вместо этого в голове продолжал звучать холодный презрительный голос Ти. И более

всего убивало то, что она во многом была права. Юноша неустанно пытался отыскать оправдание на каждый её выпад, но понимал, что все они звучат довольно жалко, и сама Тиана легко высмеяла бы и каждый из них по отдельности, и все разом.

Сложно описать чувства, клокотавшие в груди молодого принца. Обида и злость, переплетаясь, порождали нечто похожее на ненависть, но ненависть эта, смешиваясь с той глубокой заинтересованностью, какую Конотор питал к Тиане, понемногу переплавлялась в совершенно новое чувство. Наверное, это чувство можно было бы назвать любовью. Оно причиняло сильные страдания, но страдания эти были сладки какой-то странной, горьковато-терпкой сладостью.

Сам Конотор ещё не осознавал силы зарождающегося чувства. В своей порывистости он считал каждое своё предыдущее увлечение любовью, особенно если оно длилось дольше месяца. И уж подавно в данный момент его чувства так сильно застила злость на девушку, что ни о какой любви он ещё и не помышлял. Понимание приходило постепенно, благо, впереди у него была вся бессонная ночь.

И всё же стыд и неостывшая обида заставляли его несколько дней не появляться в покоях принцессы, поскольку он боялся поймать презрительный взгляд Тианы. И лишь когда Конотор осознал, что разлука с девушкой ранит его сильнее чем страх, он осознал наконец свои истинные чувства к ней. И понял, что, ни смотря ни на что, он хочет уви-

деть её и объясниться с ней. Собравшись с духом, принц отправился нанести визит вежливости сестре.

– Вас не было видно несколько дней, ваше высочество, – проговорила Тиана с едва заметной усмешкой.

Вновь, как обычно, принцесса Силия, завидев брата, вскоре нашла предлог, чтобы отослать одну из своих фрейлин в более уединённое место. Тиану отправили за жемчужным колье, которое внезапно очень понадобилось принцессе. Остальные фрейлины понимающе усмехнулись – некоторые с явной досадой. Да и сама Ти прекрасно понимала, для чего её отправляют в ту часть дворца, где сейчас никого не было за исключением разве что пары слуг. Тем не менее, она, сделав лёгкий книксен, вышла из комнаты.

Обычно Конотор, пренебрегая приличиями, тут же отправлялся вслед за своей жертвой и та, отправленная в соседнюю комнату на минутку, возвращалась значительно позже, на ходу поправляя причёску. Однако в этот раз принц нерешительно топтался, растерянно глядя вслед вышедшей фрейлине, своим глуповатым видом смеша остальных дам. Даже принцесса, вопреки правилам этикета, насмешливо изогнула губу, удивлённо глядя на брата.

Наконец юноша решился. Словно бросаясь в горящую комнату, он быстрым шагом пересёк залу и неприлично громко хлопнул дверью, не справившись с волнением. Есте-

ственно, Тиана не дожидалась его в соседней комнате, поэтому он, едва ли не бегом, бросился на поиски девушки. Наконец он увидел её – она уже отпирала полученным от Силии ключиком ларчик, в котором находилось кольцо. Она обернулась, услышав нервные шаги, и понимающе усмехнулась, заведя Конотора. Но тот нерешительно застыл в дверях, не смея произнести ни слова. Поэтому Тиана спокойно достала украшение, заперла ларчик, и лишь затем обратилась к принцу со словами, которые мы уже слышали:

– Вас не было видно несколько дней, ваше высочество.

– У меня... были дела... – выдавил Конотор плохо слушающимися губами.

Ещё никогда юный принц не был так растерян и сбит с толку как теперь. Кажется, оставаться наедине с хмельным и рассерженным отцом было для него не так страшно, как стоять перед этой хрупкой девушкой.

– У вас какое-то дело ко мне? – подняв голову, чтобы заглянуть ему в лицо, спросила Тиана, поскольку она подошла к дверям, а проход загораживал стоящий остолопом юноша.

– А?.. Нет, простите... – пролепетал Конотор, покраснев и сдвинувшись в сторону, уступая дорогу.

Тиана, как ни в чём не бывало, прошла мимо, словно ей каждый день загораживают дорогу принцы крови. Тот же, растерянно поглядев вслед уходящей девушке, нерешительно двинулся следом.

– Простите, я действительно хотел поговорить с вами, –

наконец пробормотал он, не замечая, что теперь обращается к Ти на «вы».

– И о чём же? – резко остановившись, Тиана обернулась к нему. Она понимала, что принцесса не ждёт с нетерпением её возвращения, поэтому и не было нужды торопиться.

– О... о моём дяде... – выпалил Конотор, понимая, насколько глупо это звучит. Но для начала и это подойдёт, тем более, что принцу действительно запали в память слова девушки. – Почему вы заговорили о нём, и что вам известно о его судьбе?

Действительно, принц практически ничего не знал о своём дяде Келдоне – при дворе эта тема находилась под строжайшим запретом, а сам он был совсем младенцем, когда тот был арестован. В общих чертах юноша знал, что его дядя – страшный изменник, замысливший убийство собственного брата, но, признаться, до сего времени он не слишком-то интересовался этой историей.

– Простите, ваше высочество, но в наше время людей вешают и за более безобидные разговоры, поэтому мне не хотелось бы говорить на эту тему.

– Пожалуй... – рассеянно пробормотал Келдон. – Простите... Простите за моё недостойное поведение, сударыня, – наконец решился он. – Я не должен был вести себя так по отношению к вам.

– Сказать по правде, вы не должны были вести себя так по отношению ко всем, – строго поправила его Тиана. – Это

недостойно порядочного человека, не говоря уже о наследном принце. Впрочем, это не моё дело.

– Вы презираете меня? – неожиданно для самого себя вдруг спросил Конотор.

– Я – подданная вашего высочества. Мне ли презирать своего господина?

– Прошу, Тиана, не нужно такого тона! – взмолился юноша. – Вы что-то изменили во мне, поверьте! Если вы презирали прежнего Конотора – узнайте нового прежде, чем презирать также и его.

– Ваши перемены заметны, ваше высочество, – тон девушки действительно сделался мягче. – И они радуют меня. Надеюсь, прежний принц уже не вернётся, а что же касается нового... Я бы хотела поговорить с ним подольше. Но не здесь и не сейчас, потому что у этих стен наверняка есть уши.

– Где и когда? – Конотор едва не воспарил к потолку от внезапного счастья.

– Её высочество частенько пеняет вам, что вы перестали приглашать её на совместные выезды за город. Сельский воздух так сладок теперь, когда всё цветёт! А один садовник говорил, что в прудах неподалёку от города поселилась целая стая лебедей. Её высочество так мечтала поглядеть на них!

– О, я понял! – воскликнул принц. – Благодарю вас, госпожа Тиана!

Глава 38. Лебеди

Уже на следующий день состоялся столь долгожданный принцессой Силией выезд за город, который поспешно организовал Конотор. Выезд был пышный – принцессу сопровождал полный штат фрейлин, а принц, дабы прекрасные дамы не скучали, прихватил с собой пару десятков кавалеров из числа своих пажей и друзей.

По нынешним временам подобный выезд был столь необычным, что горожане, разве что не разинув рот от удивления, взирали на вереницу раззолоченных карет. Королевство настолько погрязло в бедах и унынии, что звонкий смех дам и задорные голоса кавалеров казались чем-то чужеродным и неестественным.

В одном Тиана была права – погода действительно стояла расчудесная. Вовсю цвёл месяц арионн, и вместе с ним распускалось множество цветов, наполняющих воздух благоуханием. Даже придорожные травы, казалось, источали едва уловимый терпкий аромат, круживший головы юношам и девушкам, заставляя их ещё громче смеяться и ещё фривольнее болтать.

До пруда с лебедями было около лиги, но процессия двигалась неспеша, то и дело останавливаясь, когда принцесса просила сплести ей венок, или купить парного молока, или просто полюбоваться пейзажами. Таким образом, даже столь

скромное путешествие заняло у кортежа больше часа. Увы, королевские дети были едва ли не пленниками дворца, весьма редко выбираясь из него. Правда, грозным стражем для них был даже не отец, а то самое уныние, опутавшее всех своими пыльными тенетами.

Всё это время Конотор держался поодаль от карет с фрейлинами. Он жадно оглядывал их, не зная наверняка, в которой из них едет Тиана. Вокруг каждой из карет, словно мухи, вились всадники. Молодые хлыщи, склоняясь к шее лошади, заглядывали в оконца и что-то говорили, получая в ответ порции хрустального смеха. Это зрелище заставляло сердце Конотора сжиматься от ревности. Он непроизвольно натягивал узду, причиняя своему скакуну страдания, но даже не замечал этого.

Во время остановок большинство фрейлин чинно выходили из карет, дабы размять ноги. Впрочем, эта чинность вскоре исчезала, уступая место той юношеской непосредственности, которая старшему поколению кажется безрассудностью. Однако же Тиана, похоже, оставалась в карете – Конотор так и не сумел разглядеть её.

Наконец показалась та самая деревня, возле которой был пруд, являвшийся целью путешествия. Пруд был невелик, но весьма живописен, поэтому на его берегу было решено соорудить импровизированный лагерь. Слуги тут же принялись устанавливать шатры, где прекрасные дамы могли бы укрыться от солнца, а также жаровни, поскольку ничто так

не возбуждало аппетит, как густой деревенский воздух. Но пока ещё было не жарко, так что большинство фрейлин, расстелив покрывала, расположились прямо на лугу.

По зеленоватой глади пруда действительно плыли с полдюжины великолепных белых лебедей. Некоторые из кавалеров, пытаясь выглядеть в глазах дам особенно мужественными, тут же заговорили о том, как славно было бы подстрелить их, чтобы приготовить дамам жаркое прямо на берегу, но фрейлины тут же загалдели с возмущением столь же деланым, как и охотничьи инстинкты молодых людей.

Сердце Конотора забилося так, что зашумело в ушах – он наконец увидел Тиану. Она находилась подле самой принцессы и, похоже, гадала ей на ромашке, отрывая лепесток за лепестком. Несколько фрейлин, столпившись, ожидали результата этой процедуры. Наконец они разразились восторженными криками и захолопали в ладоши – видимо, результат гадания был самым благоприятным для юной принцессы.

Увы, несмотря на обещания ромашки, судьба Силии вряд ли должна была сложиться слишком уж удачно. В отличие от братца, она не могла ухлёстывать за придворными кавалерами, поэтому ей оставалось лишь ждать, что какой-нибудь король решит взять её в жёны своему сыну. А когда это случится – не могла предсказать ни одна ромашка. Похоже, другие монархи сейчас чурались латионского двора, не спеша связываться узами с королём вроде Конотора.

Но, признаться, сейчас судьба Силии беспокоила принца

Конотора гораздо меньше собственной. Он пожирал глазами Тиану, но не приближался, оставаясь в компании нескольких приятелей, которые беззлобно посмеивались над его рассеянностью. Юноша же думал о том, как бы оказаться с Ти наедине вдали от возможных шпионов.

Сперва он подумал о конной прогулке по близлежащей роще, но это было невозможно, поскольку никто из фрейлин, включая Тиану, не был одет для конной езды. Уединиться здесь, на берегу, было просто невозможно – повсюду прохаживались парочки, сновали слуги. Вдруг Конотора осенило.

– Бритон, – обратился он к одному из своих приятелей. – Пошли-ка в деревню человека, чтобы он разыскал лодку.

– Да тут пруд весь в сто шагов шириной, откуда здесь лодки, ваше высочество?

– А это уже твоя забота. Я дал тебе поручение. Теперь поглядим, насколько ты ловок!

Пруд действительно был невелик, конечно, не сто шагов, но точно меньше ста ярдов, однако, отплыв подальше, вполне можно было бы, говоря негромко, быть уверенными, что разговор не будет подслушан. Бритон, один из немногих спутников Конотора, кто не оставил его, чтобы поувиваться за фрейлинами, досадливо поморщился, но кивнул и, вскочив на коня, хотя до деревни было каких-нибудь двести шагов, отправился выполнять приказ своего принца.

Его не было довольно долго, но в конце концов он объявился в сопровождении четырёх колонов, несущих неболь-

шую рыбацкую лодку. Она выглядела столь утлой, что, казалось, утонет, едва коснувшись воды. Но, говоря по правде, Конотор не слишком-то рассчитывал даже на такую удачу. И, тем не менее, он состроил недовольное лицо.

– Похоже, эта лодка помнит ещё рождение мессира Каладиуса, – проворчал он, едва Бритон с видом победителя соскочил с лошади рядом с ним.

– Это всё, что есть в окрестности нескольких миль, ваше высочество, – с лёгкой обидой ответил паж. – Если хотите чего получше – нужно посылать в Латион. Я и так оббегал все дворы.

– Ладно, сойдёт и эта. Ты славно потрудился, друг Бритон, благодарю тебя.

Теперь, глядя поближе, принц видел, что лодка не так плоха, как ему казалось. Видно было, что хозяин тщательно за ней ухаживал – дно недавно просмолено, щели тщательно законопачены. Конечно, она неизбежно будет набирать воду, но всё же продержаться на плаву пару часов было ей совершенно под силу. Несколько смушал тот факт, что Конотор никогда прежде не работал вёслами. Здесь, правда, было лишь одно весло, которым нужно было грести попеременно. Но на данный момент молодого человека не могло смутить ничего. Он велел спустить лодку на воду и привязать к вбитому в берег колышку, а сам наконец отправился к принцессе.

– Вижу, ты велел достать лодку? – издали приветствовала

его Силия. – Уж не решил ли ты также поохотиться за лебедями, как это недавно предлагали твои мужланы?

– Нет, сестрёнка, я просто захотел немного размяться и попробовать поработать веслом. Не скучно ли тебе? Я могу покатать тебя на лодке.

– Благодарю покорно! – фыркнула принцесса. – На такой лодке, да с таким лодочником я непременно окажусь в пруду!

– Тогда может быть вы, госпожа Тиана, составите мне компанию? – с замиранием сердца спросил Конотор.

– Охотно, ваше высочество, – изящно склонившись, ответила девушка. – В нашем имении был чудесный пруд, чем-то похожий на этот, и я частенько каталась на лодке с отцом или братом.

– Отчаянная ты, Ти, – покачала головой Силия, будто и не понимая, для чего всё это было устроено. – Ты знаешь, что мой братец никогда раньше не держал в руках весло?

– Уверена, что он справится, ваше высочество, – с лукавой улыбкой отвечала Тиана.

– Что ж, воля твоя. Но учти, что эта зелёная вода безнадёжно испортит твоё чудесное платье!

– Я всё же рискну, ваше высочество.

И взяв под руку принца, чьё сердце пело от восторга, она направилась к пруду. Ловко вскочила в лодку, которую придерживали двое колонов, стоя по колено в воде, причём сумев не замочить даже краешка платья. Конотор не был столь грациозен – когда он неловко шагнул в лодку, та покачнулась

так, что колонны еле сумели её удержать. Взяв единственное весло, принц неумело принялся грести.

Со стороны это было презабавное зрелище, но многочисленные зрители старались не выдавать своего веселья. Понемногу лодка удалялась от берега, хотя её заметно вело влево. Надо отдать должное Тиане – она ни единым знаком не дала понять принцу, что он неловок. Опустив тонкую, словно полупрозрачную ладонь в воду, она любовалась струйками зеленоватой воды, пробегающими по её длинным изящным пальцам.

Прошло не меньше получаса, пока лодка наконец не отплыла ярдов на сорок от берега. Здесь уже можно было поговорить – негромко, потому что водная гладь хорошо разносит звуки. К счастью, весёлый гвалт на берегу давал довольно неплохую гарантию того, что двое в лодке не будут услышаны.

Конотор и сам до конца не понимал – для чего ему нужна такая секретность. Вроде бы он собирался говорить с любимой девушкой о любви, но... Необычность упрёков, которые Тиана бросила ему в тот день, а также упоминание дяди... И она так недвусмысленно намекнула, что в её речах был явный политический подтекст. Это одновременно и пугало, и интриговало. За этой девушкой чувствовалась какая-то тайна, что-то необыкновенное, чуждое всем другим благородным девицам её возраста.

Лебеди, озадаченные медленнодвигающейся в их направ-

лении лодкой, недоверчиво озираясь, отплыли подалее к другому берегу. Конотор наконец оставил весло, сильно натёршее непривычные к этому ладони, и сел на небольшую поперечную дощечку, служившую чем-то вроде скамейки. На другой такой же сидела Тиана, словно не замечая, как подтекающая в лодку вода намочила её сафьяновые туфельки.

– Какая странность, – задумчиво произнесла Тиана. – Казалось бы, лебеди – обычные птицы, почти такие же как гуси. Глупые и неуклюжие, как и все водоплавающие. Но всего несколько небольших деталей – изогнутая шея, белоснежные перья – и мы уже наделяем их какими-то особенными достоинствами. Иногда я думаю, что то же самое происходит и с людьми. По какой-то причине мы полагаем, что одни люди лучше и выше прочих...

– Какие странные мысли... Мне подобное никогда не приходило в голову...

– Это – моя беда, – улыбнулась девушка. – Мне приходят в голову мысли, которые не пристали благородной девице. У моего отца довольно обширная библиотека, и в детстве я прочла все его книги. Некоторые – по нескольку раз. Уже позже он спохватился, и даже пытался запретить мне читать, да только было уже поздно. Меня и ко двору-то направили, чтобы излечить от этого недуга, – теперь Тиана улыбалась какой-то кривоватой, горькой улыбкой. – В надежде, что однажды я стану образцовой придворной дамой.

– Вы не похожи ни на одну из придворных дам, Тиана.

– Мама была бы безутешна, услышь она эти слова.

– О, вы не похожи на других фрейлин, как лилия не похожа на репей!

– И всё же я – скорее репей, потому что, не пробыв при дворе и месяца, уже умудрилась больно уколоть принца.

– Нет, тогда вы – прекрасная роза! – пылко воскликнул Конотор. – Вы – королева цветов!

– Пожалуй, я не хотела бы, чтобы ваша сестра однажды узнала об этих словах! – слегка усмехнулась Тиана.

– Не беспокойтесь на этот счёт. Я прекрасно знаю нрав Силии. И всё же она весьма расположена к вам, как я погляжу.

– Да, эта правда. Её высочество, похоже, увидела во мне родственную душу.

– Родственную душу? – теперь усмехнулся Конотор. – Полноте, вы льстите моей сестрице.

– А по-моему это вы недооцениваете её, ваше высочество. Полагаю, с моей стороны довольно бестактно делать какие-либо оценки, но мне кажется, что принцесса Силия очень умна.

– Что ж, возможно, я недостаточно времени уделял общению с ней, – пожал плечами принц.

– И это естественно, ведь вас всегда больше интересовали её фрейлины!

– Вот, вы снова пытаетесь смутить меня, Тиана! – покрас-

нел Конотор. – Я ведь уже говорил вам, что изменился. И что это именно вы изменили меня.

– Кое-что изменить невозможно, ваше величество... Вы спрашивали меня о вашем дяде. Неужели вы ничего не знаете о нём?

– Очень мало... – признал Конотор. – Я был совсем младенцем, когда он умер. Я знаю лишь то, что его заточили в крепость за подготовку покушения на моего отца...

– Конечно же... – скривила губки Тиана. – Что ещё могли сказать вам?..

– А вам известно больше?

– У меня тоже был дядя... – глаза девушки затуманила грусть. – Честный и благородный человек, настоящий дворянин. Он частенько приезжал к отцу, и всегда привозил в подарок книги. Он был необычайно умен.

– Что с ним случилось?

– Почти то же, что и с вашим. Только он не был принцем, поэтому ему просто отрубили голову после многих дней жестоких пыток... Это случилось шесть лет тому назад...

– Он тоже был изменником? – громче, чем следовало бы, вскричал Конотор.

– Он *тоже* им не был! – отрезала Тиана. Её лицо приняло вдруг какое-то суровое, даже жёсткое выражение. – Он пал жертвой доноса, чьего-то оговора. Он преданно служил стране и короне, но это оказалось неважно. Ему вменили подготовку заговора. Как и всем прочим. Как и вашему дяде, ко-

торый был виновен лишь в том, что был более достойным правителем, чем ваш отец!

– Я не понимаю, о чём вы говорите... – побледнел принц.

– Я слышала об этом от дяди, когда он говорил с отцом, – вновь тихо и печально проговорила девушка. – Принц Келдон был очень популярным человеком, значительно популярнее вашего отца. Но он был младшим братом, и потому принял власть короля Конотора, как и подобало преданному брату и верному вассалу. Но ваш отец продолжал видеть в нём угрозу, и однажды велел заточить его в крепость, а позже – отравить.

– Отравить? – вскричал потрясённый Конотор и тут же, спохватившись, бросил взгляд на берег, где гуляли придворные.

– Мой дядя разговаривал с одним из тех, кто отвечал за содержание принца Конотора под стражей. Тот рассказал, что узник скончался внезапно, в страшных судорогах. Хотя вашего дядю и содержали в жутком каменном мешке без окон, в голоде, холоде и сырости, но ни одна из болезней не убивает так. Король так боялся собственного брата, что не мог даже дожидаться, пока тот умрёт от какой-нибудь чахотки!

– Вы уверены в том, что говорите? – принц выглядел потрясённым до глубины души.

– В это верил мой дядя, поэтому в это верю и я, – ответила девушка, и лицо её озарила решимость.

– Тогда, возможно, ваш дядя действительно пытался устроить заговор? Его речи весьма похожи на речи изменника...

– Не смейте говорить о нём такое, слышите? – теперь глаза Тианы пылали гневом, и две крупные слезы покатались по бледным щекам. – Вы не знали его, и не знаете, каким он был!

– Простите меня, Тиана... – испугавшись не на шутку, проговорил Конотор. – Я не должен был подумать так о человеке, который столь дорог для вас! Ваша любовь к нему служит лучшей рекомендацией этому благородному человеку!

– Вас растили в неведении, ваше высочество, потому что даже те, кто знают правду, слишком запуганы, чтобы говорить. Простите, что говорю такое о вашем отце, но он – чудовище. Сотни людей были казнены по ложным доносам только за последние шесть лет! Наверняка их казнили сотнями и прежде!

– Но откуда моему отцу знать, что они ложные? Он доверяет своей полиции! Уверен, что он действительно верил в их виновность!

– Да, потому что ваш отец болен. Ему повсюду мерещатся заговоры. Именно поэтому в королевстве стало так страшно жить. Да, он действительно верит, что его окружают предатели, и именно в этом его вина. И именно поэтому казни продолжатся и дальше.

– В прошлый раз вы намекнули, что мне грозит судьба моего дяди. Неужели вы правда в это верите?

– А разве не попрекал вас отец, что вы хотите его смерти? Разве не видит он угрозу прежде всего в вас, законном наследнике? Вас спасало лишь ваше легкомыслие – до тех пор, пока у вас на уме были лишь фрейлины принцессы, вы были ему не опасны. Поэтому-то для вас будет лучше, если так останется и впредь.

– Отец не причинит мне вреда... – однако же, голос Конотора был не слишком-то уверенным.

– Может быть, не завтра, и даже не через год. Но с каждым днём король всё больше становится похож на безумца, и однажды, когда ему вновь что-то померещится, или вас оговорит один из его наушников, вы будете брошены в темницу. Прислушайтесь к голосу своего сердца и решите – ошибаюсь ли я?

Принц во время этой речи чувствовал, как липкие пальцы страха холодят его душу. Он гнал от себя эти мысли долгое время, но на самом деле страх за свою жизнь давно поселился в нём, хотя и свил гнездо где-то в глубине сознания. И сейчас слова Тианы звучали для него как пророчества, и ему становилось страшно по-настоящему.

Когда Конотор организовывал этот приватный разговор, он даже не ожидал, что тот получится таким тяжёлым. Он хотел объясняться в любви, заверять в преданности и в том, что он никогда не будет прежним избалованным ребёнком.

Да, призрак его дяди, внезапно возникший при последнем разговоре, а также странные упрёки Тианы подразумевали какую-то политическую подоплёку этой беседы, но теперь у принца было стойкое ощущение, будто бы он на самом деле участвует в каком-то заговоре.

Неужели эта странная девушка – заговорщица, решившая мстить за казнённого дядю? Может ли быть так, что, полагая, будто бы он попал в сети любовные, на самом деле он угодил в страшную паутину политического мятежа? Быть может, Тиана была лишь приманкой для него? От всех этих мыслей холодный пот выступал на лбу юного принца.

– Вы изначально планировали этот разговор, не так ли? – тихо спросил он.

– Нет, лишь когда перестала считать вас никчёмным мальчишкой.

– Для чего вы сказали мне всё это? Вы хотите организовать заговор против моего отца? Для этого вы и приехали ко двору?

– Я приехала сюда не по своей воле. Меня отправили родители, как я уже говорила вам. И у меня не было и нет мятежных мыслей. Просто здесь... Я словно в паутине, грязной и липкой. Здесь всё так неправильно... Я бы хотела уехать обратно в родительское имение и позабыть королевский двор как страшный сон. Мне душно и плохо здесь...

– Но моя сестра осыпает вас ласками...

– Да, как странного и необычного питомца. Принцессе

скучно и тесно во дворце, поэтому она рада любой забаве. Ей, как и мне, смешны и противны все эти фарфоровые куклы в кружевных платьях, что окружают её. Но она пытается принять это, приспособиться, притерпеться. А я не могу. И боюсь, что не смогу...

– Есть выход! – пылко воскликнул Конотор. – Если вы станете моей женой, вам не потребуется проводить время среди фрейлин!

– Вы каждой девушке предлагаете женитьбу после пары недель знакомства?

– Ну разумеется нет!.. – щёки принца пылали, и его всего трясло не только от предыдущего разговора, но и от собственной внезапной смелости или же безрассудства. – Но вы, Тиана, не такая как все!

– Увы, ваше высочество, но я не питаю к вам тех же чувств, о каких говорите вы, – покачала головой Ти. – Конечно, это не будет иметь значения, если вы официально испросите моей руки у родителей. Разумеется, они не откажут принцу Латюна. Но коль уж вы спрашиваете у меня... Я не хочу быть вашей женой. Не так уж страшно провести жизнь с нелюбимым человеком – рано или поздно родители всё равно отдадут меня замуж, и вы, конечно, не худшая из кандидатур. Но прожить всю жизнь в этом жутком дворце, назвать отцом человека, который убил моего дядю... Для меня это будет хуже смерти. Поэтому если вы действительно любите меня так, как говорите, ваше высочество, забудьте о вашем

предложении, прошу вас!

Конотор был раздавлен. Вода в лодке уже достигла щиколоток, но он этого не замечал. Лебеди давно перестали обращать внимание на странную пару и вновь плавали где им вздумается. Люди на берегу продолжали шуметь и смеяться, как будто не замечая одинокую лодку и двух её пассажиров. Кажется, всё было таким же как раньше, но для принца словно захлопнулась тяжёлая железная дверь, погрузив его в непроглядный леденящий мрак.

– Благодарю вас за честность, сударыня, – глухо сказал он. – Даю слово, что больше не заговорю об этом.

– Простите меня, ваше высочество, – с печалью в голосе ответила Тиана. – Я не хотела причинить вам боль. И в свою очередь благодарю вас за чуткость.

– О, ваше платье уже совсем промокло, Тиана, – пытаюсь совладать с чувствами, принц наконец обратил внимание на воду внутри лодки. – Пожалуй, нам пора возвращаться...

Взяв весло негнушимися пальцами, он, разбрызгивая воду, медленно стал править к берегу. Встревоженные лебеди, недовольно гогоча, вновь поспешили в противоположную сторону.

Глава 39. Отец и сын

Несколько дней Конотор ходил как в воду опущенный. Он словно пропустил два сокрушительных удара мечом по шлему. Или, скорее, один удар пришёлся в сердце, оставив там истекающую кровью рану, а второй удар привнёс полный сумбур в голову. Конечно, как и любой юноша девятнадцати лет, он больше страдал от сердечной раны, но воспоминания о дяде жутко охладили его душу, заставляя вздрагивать, словно от пронзительного ветра.

И всё же отказ Тианы подкосил юношу гораздо больше. Он прекрасно понимал, что, заговори он о помолвке с родителями, и всё могло бы решиться очень быстро – если отец поддержит этот союз (а причин для обратного не было), то родители Тианы, конечно же, не посмеют ответить отказом. Но он, привыкший к обожанию (хотя бы на словах) всех своих прошлых пассий, приходил в отчаяние от того, что Ти прямо сказала, что не любит его. Это больно задевало его самолюбие. Обратиться к родителям в данной ситуации было равносильно тому, что во время поединка попросить оруженосцев держать соперника за руки, пока он будет наносить удары.

И поскольку отказ Тианы больно терзал его, то, чтобы отвлечься, Конотор попытался сосредоточиться на судьбе дяди. Признаться, он уже поверил девушке, поскольку знал

своего отца и вполне отдавал себе отчёт в том, на что тот способен. Точнее, до прогулки с лебедями он старательно отгонял от себя подобные мысли, стараясь жить в спасительном неведении, но теперь, когда в плотине была пробита брешь, множество мыслей и воспоминаний устремилось туда.

Действительно, хотя сам принц никогда не присутствовал на казнях, временами он слышал о них. Один или два раза бывало даже так, что кто-то из его пажей внезапно исчезал, и остальные старались делать вид, что даже не помнят о его существовании. Наиболее смелые тогда объясняли принцу, что родители пропавших оказались замешанными в антигосударственные заговоры. Какова была судьба самих пажей, Конотор старался даже не представлять. В ту пору он просто забывал о них уже на следующий день.

Теперь, обдумывая и припоминая, он очень ясно ощутил ту атмосферу постоянного страха, которая никогда не выветривалась из дворцовых коридоров. В своём легкомыслии он обычно не замечал этого, но теперь в глазах каждого слуги, каждого придворного он видел испуг и какую-то обречённость. Все словно смирились с тем, что однажды окажутся на эшафоте и надеялись лишь оттянуть этот миг как можно дальше.

Степень запуганности людей стала очень хорошо заметна, когда Конотор всё-таки обратился к нескольким старым слугам с расспросами о своём дяде. В этот момент такой ужас вспыхивал в их глазах, словно они уже стояли перед пала-

чом. Поскольку прямо отказать принцу никто из них не мог, они находили самые разные, часто довольно нелепые предлоги, чтобы избежать страшного разговора.

Собственно, это ровным счётом ничего не значило – тема была слишком скользкая даже если принц Келдон был виновен во вменяемых ему преступлениях, однако же эта завеса молчания почему-то всё больше укрепляла Конотора в мысли, что Тиана была права. Нужно было лишь найти человека, который не испугается.

Юноша подумал о маме, но тут же выбросил эту мысль из головы. Наверное, во всём дворце не было существа более запуганного, чем королева-мать. Был ли этот испуг следствием каких-то страшных воздействий на неё со стороны короля, или же такова была черта её характера, Конотор старался не задумываться, потому что представить себе те издевательства, что могли так надломить маму, было просто невыносимо для него. Ясно было одно – она скорее откусит себе язык, чем скажет хоть что-то, могущее вызвать гнев отца.

Наверное, единственный, кто не побоялся бы сказать правду, был мессир Каладиус, но первый министр крайне редко сейчас удостоивал своими посещениями дворец, а кроме того Конотор настолько робел перед великим магом, что скорее обратился бы с вопросами к отцу. Тем не менее, если бы старый волшебник нечаянно встретился бы ему, он, вероятно, решился бы расспросить его.

У сестры всё это время Конотор не появлялся. Отказ Ти-

аны глубоко уязвил его, а чувства из-за этого отказа словно разгорелись ещё сильнее. Он просто не мог найти в себе силы вновь увидеть девушку. Вместо этого он вдруг решил узнать что-нибудь о её дяде, раз уж ничего не вышло разузнать о собственном.

Здесь всё было несколько проще. Хотя про дядю Тианы сведений было мало – то ли он не был так известен, то ли опасались говорить об опальном дворянине, но в целом о семье девушки говорили довольно охотно, поскольку все уже знали об интересе, который юный наследник выказывал к новенькой фрейлине, да к тому же речь шла об уважаемом и достаточно влиятельном семействе.

А семейство Сарантионов действительно было из таких. Некогда оно даже пару раз пересекалось древами с Тионитами, пусть и с его боковыми ветвями. Тиомею Сарантиону, отцу Тианы, принадлежали обширные земли севернее Латиона, неподалёку от границ с Палатием. Правда, сам он вёл достаточно непубличную жизнь, редко бывая при дворе, а в последние шесть лет по вполне понятным причинам и вовсе ни разу не появился в Латиионе.

Поговаривали, что граф Тиомей весьма богат, и что значительную часть своих доходов он имеет от полулегальной торговли с Палатием. Впрочем, статус нынешних отношений с северным королевством был загадкой для всех, поэтому, несмотря на вспыхивающие время от времени конфликты, между двумя соседями шла весьма бойкая торговля, не гово-

ря уж о транзитных поставках пунтских и кидуанских товаров по Труону, который хоть и «начинался в Латионе», вспоминая древний лозунг, придуманный Каладиусом, но заканчивался по-прежнему в Палатие, и именно палатийцы всё так же фактически контролировали эту реку.

В общем, каждый, с кем разговаривал Конотор, считал своим долгом отметить высокое положение потенциального тестя принца, весьма лестно и даже льстиво превознося и его самого, и добродетели его дочери, но все эти подхалимы неизменно замолкали, едва лишь речь заходила о старшем брате графа Тиомея.

Теперь, спустя несколько дней после лодочной прогулки, тоска и отчаяние немного отпустили юного принца, и на их смену пришло горячее желание завоевать Тиану, добиться её расположения. Она ясно дала понять, что главным препятствием, стоящим между ними, является его отец. Конечно, у Конотора и в мыслях не было свергнуть его, но он не мог не думать о том, насколько проще стала бы его жизнь, не стань отца.

Он против собственной воли то и дело думал о том, что сказала Тиана. Действительно, жизнь его, или, по крайней мере, свобода действительно не могли быть в полной безопасности. Болезненная подозрительность отца была очевидна даже ему. Эта навязчивая боязнь отравления, эта бесчисленная дворцовая охрана, а также таинственная служба безопасности, шпионы которой, как говорили, были повсюду.

ду.

Конотор припомнил, что как-то в детстве они всем августейшим семейством отправились на охоту. Пока взрослые гонялись за косулями, королева-мать и дети, которым было по шесть-семь лет, расположились в шатре на прекрасной поляне. И кормилица Силии отыскала неподалёку кустики земляники – целую россыпь спелых душистых ягод.

Восторженные дети бросились собирать ягоды и есть их. Затем Силия набрала целую горсть земляники и отнесла её матери. Королева, в те времена уже столь же печальная, как и теперь, вопреки своему обычному состоянию улыбнулась и с удовольствием съела чуть помятые, истекающие соком ягоды прямо с детской ладошки.

Смеясь от восторга, маленькая принцесса набрала ещё ягод в блюдце, которое ей подали слуги. Когда с охоты вернулся отец, она протянула ему это блюдце, едва он слез с лошади. Но король Конотор даже не прикоснулся к ягодам. Он велел своему конюшему взять блюдце, но так и не решился съесть оттуда хотя бы одну ягодку. Семилетний мальчик тогда едва не заплакал, увидев лицо сестры. Силию словно ударили, и хотя она не сказала ни слова упрёка, было видно, как сильно её задела выходка отца, тем более, что она вряд ли понимала её смысл.

Да, принц Конотор вырос в этой атмосфере постоянного страха и подозрений. В каком-то смысле она стала для него нормой, и он не замечал её, как не замечают запаха заста-

релого пота солдаты в казарме. И лишь благодаря Тиане он внезапно осознал весь ужас и всё уродство положения, в котором оказался королевский двор.

После позднего ужина принц Конотор уже сбросил камзол и ботинки, и теперь возился со шнуровкой штанов, когда в комнату, тихонько постучав, вошёл Санли – его личный дворецкий, единственный из слуг, кто мог позволить себе войти вот так, не дожидаясь приглашения. И коль уж старик позволил себе подобное, можно было сделать вывод, что повод у него для этого был весьма значимый. И действительно, даже в полумраке спальни юноша углядел, что лицо старого слуги как-то слишком уж вытянулось.

– Чего тебе, Санли? – стараясь, чтобы голос не задрожал, спросил принц. – Я уже ложусь, не обождёт ли это до завтра?

– Простите, ваше высочество, но только что явился гвардеец. Вас вызывает его величество.

На мгновение Конотора словно парализовало. Даже дыхание как будто остановилось. В последний раз они разговаривали с отцом... три недели назад, или уже четыре?.. Причём это случилось, когда они ненароком встретились в фехтовальном зале. Жирный король иногда приходил туда, чтобы «привести себя в форму», как он сам говаривал. За всю свою жизнь он считанное количество раз ходил к отцу потому, что тот его вызывал. Конотор-старший был неважным

отцом, и не любил тратить время на пестование потомства.

А это значило лишь одно... Кто-то донёс на принца за то, что тот бегал по дворцу с неуместными вопросами. Все внутренности юноши были холодными как кровь мертвеца. Именно теперь, поздним вечером, встречаться с отцом хотелось меньше всего, потому что сейчас он, разумеется, уже пьян и зол. Король был не из тех людей, что, захмелев, становятся добродушными – напротив, он чаще всего становился зол как чёрт, и стремился выплеснуть эту злость либо на слуг, либо на одну из своих наложниц. Ну а теперь, стало быть, вся эта порция достанется ему...

Однако не пойти было нельзя. Ни сказать больным, ни спать. Конотор знал, что бесполезно пытаться укрыться где-то, чтобы потом сказать, что его, якобы, не нашли. Во дворце было такое количество охраны и шпионов, что полное уединение нельзя было гарантировать даже в собственном отхожем месте. Да и воля принца была слишком парализована страхом, чтобы он посмел нарушить приказ отца.

Трясущимися руками он стал пытаться одеться вновь, но вскоре понял, что это бесполезно.

– Санли, помоги мне с этим чёртовым камзолом, – безвольно опуская руки, попросил он.

Встревоженный слуга мягко и осторожно застегнул все крючки. Он словно пытался вселить немного уверенности в юношу своими ласковыми, почти отческими движениями. Затем он, несмотря на артрит, встал на колени и собствен-

норучно зашнуровал ботинки принца.

– Мне сопроводить вас в покои его величества?

– Нет, благодарю, Санли, тебе лучше остаться здесь. Тот гвардеец ещё не ушёл? – Конотор с усилием поднялся на ноги, ставшие будто ватными.

– Он ожидает у лестницы.

– Тогда он сопроводит меня. Отдыхай, добрый мой Санли...

– Я буду ждать вашего возвращения, мой принц.

Король сидел в замызганной сорочке. Причём она была замызгана не от долгого ношения – вероятно, он уже пролил на неё вино, или какой-то соус. Он почти спал в глубоком кресле, обмякнув в нём, словно куль с мукой. Несколько лоснящихся подбородков затекли прямо на жирную грудь. Осоловелые глаза глядели в никуда, и поначалу юноше показалось, что отец даже не заметил его появления.

– Пришёл?.. – проворчал король и заворочался, пытаясь поудобнее сесть.

– Вы звали меня, ваше величество? – за всю свою сознательную жизнь принц Конотор ни разу не осмелился обратиться к отцу на «ты».

– С чего это ты вдруг заинтересовался моим братом? – не тратя времени и слов, сразу же спросил король.

– Я... – у юноши буквально отнялся язык и оцепенели

мысли. Он не мог вымолвить ни звука.

– И что это за странные вопросы: за что он был арестован? – Конотор-старший подался было вперёд, но не совладал с хмельным головокружением, и вновь откинулся назад. – Почему это тебя интересует?

Принц понимал, что нужно что-то сказать, но был словно парализован. Он лишь дрожал и чувствовал острую потребность опорожниться.

– Подойди-ка сюда, – вяло махнул рукой король, делая новую успешную попытку сесть в кресле ровно.

По-прежнему оцепеневший, молодой человек, словно под гипнозом, приблизился к отцу, остановившись в двух шагах, но тот вновь махнул рукой, призывая сына подойти ещё ближе. В конце концов юный принц остановился буквально в полушаге. Не говоря ни слова, Конотор-старший помянул его пальцем, приглашая склониться, будто желая что-то шепнуть сыну. Юноша медленно склонился, и в какой-то момент мощная рука короля взметнулась и ухватила сына за шею. Конотор резким и сильным движением притянул голову принца к своей так, что тот стукнулся о неё лбом.

– Послушай меня, гадёныш, – зашипел король, и юношу окутало зловоние из его рта. – Если ты думаешь, что твой папашка пропил последние мозги, и не видит, как ты под него копаешь, то ты здорово заблуждаешься.

Из горла юного принца вырывался лишь какой-то писк вперемешку с рыданиями. У него не хватало силы воли да-

же попытаться отпрянуть от этого жирного испитого лица, поэтому он так и продолжал стоять, упираясь лбом в лоснящиеся от пота волосы отца, закрыв глаза и крупно дрожа.

– Если ты думаешь, что я не могу придавить тебя прямо здесь, как вонючего клопа, то ты здорово заблуждаешься! – король всё сильнее прижимал к себе голову сына, не чувствуя боли, тогда как юноше казалось, что его череп сейчас треснет.

– Отец!.. Прошу вас!.. – теперь Конотор уже рыдал от боли и ужаса.

Король отбросил от себя сына, и тот едва не упал.

– О чём ты просишь меня, а? Чтобы я поскорее сдох? Тебе надоел уже твой старик, а? Захотелось самому примерить корону?

– Вовсе нет!.. – прорыдал принц, в изнеможении падая на колени. – У меня никогда не возникало таких мыслей, отец! Клянусь вам!..

Вид рыдающего у его ног сына, должно быть, шевельнул что-то в окутанной винными парами душе Конотора.

– Ладно, вставай... Вставай, кому говорю! Вот так... И сопли утри. А теперь слушай меня, сын. Если однажды я узнаю, что ты злоумышляешь против меня... Клянусь, ты кончишь свои дни на эшафоте! Брата я казнить не посмел, но теперь уж не стану колебаться! Лучше бы тебе и дальше задира́ть юбки придворным девкам, и не соваться в те дела, которые тебя не касаются! Ты хорошо понял то, что я сказал?

– Я понял, отец... Простите меня...

– Тогда проваливай! – король вновь откинулся на кресло, потому что долго удерживать туловище самостоятельно он, по-видимому, был не в состоянии. – И помни: за тобой следят! Будь добрым сыном и послушным подданным – и всё будет хорошо.

Неловко поклонившись, юноша вышел. Он едва добрался до ближайшей уборной – ещё немного, и он изгадил бы штаны. Затем принц поплёлся в свои покои, понимая, что этой ночью ему не уснуть.

На следующий день Конотор чувствовал себя больным и даже не вставал с постели. Он лежал, безучастно глядя в потолок, и раз за разом переживая тот же кошмар. Он никогда не думал, что отец сможет так прямо угрожать ему. Он частенько бросался неосторожными словами, но впервые позволил себе говорить так прямо. Возможно, виною тому был хмель, но, как ни пытался юноша убедить себя в этом, он всё яснее понимал – отец убьёт его, едва лишь сочтёт угрозой для себя. И судьба дяди Келдона была теперь совершенно ясной. Вчерашний вечер был лучшим подтверждением того, что сказала Тиана.

Кстати говоря, судьба девушки тревожила принца едва ли не больше его собственной. Он понимал, насколько опрометчив был в последние дни, когда бросился расспрашивать слу-

чайных людей о столь опасных вещах сразу после их разговора в лодке. Ему было страшно оттого, что шпионы отца вполне могли связать воедино оба этих события. И если сам он отделался лишь угрозами, то с девушкой никто церемониться бы не стал.

В конце концов, пережив вторую бессонную ночь, которая нисколько не исцелила его душу, а разве что растравила её ещё больше, Конотор решил, что должен справиться о Тиане. Кое-как поднявшись, он отправился к сестре.

Первое, что бросилось ему в глаза – бледность Силии и фиолетовые круги под глазами. Сами же глаза были красными, заплаканными. Сердце его сжалось от тревоги, тем более, что Тианы не было видно рядом с принцессой. Та же, заметив брата, скривилась, будто от боли, хотя обычно она радостно приветствовала его и звала к себе.

– Ты нездорова, Си? – неуклюже раскланявшись с дамами, тихо спросил Конотор. – Ты так бледна, и будто бы плакала.

– С чего бы мне плакать? – нервно пожала плечами принцесса, бросив тревожный взгляд на присутствующих девушек. – Я вполне здорова, Конотор.

Обычно Силия звала его братцем либо Коном, и теперешнее обращение полным именем стало для него главным предвестником беды. Что-то случилось, и у него не было сейчас сил вести светские беседы. Мысли юноши путались от страха.

– Я не вижу Тианы, – проговорил он и сжался, увидев, как на секунду исказилось лицо сестры. – Где она?

– Её здесь больше нет, – стараясь говорить спокойно, ответила Силия.

– Где же она? – сердце принца обмерло. – Уехала домой?

– Не знаю, – принцесса закусила губу. – Впрочем, может быть. Я не видела её со вчерашнего вечера.

Обычно в такой ситуации присутствующие фрейлины наперебой начали бы галдеть, чтобы сообщить принцу или принцессе интересующую их информацию, но сейчас в комнате повисла тишина. Девушки сидели, потупив глаза, на лицах многих читался испуг.

– Си, она арестована? – едва не срываясь на крик, спросил Конотор.

– Я ничего не знаю! – внезапно взорвалась и Силия. – Я не обязана следить за каждой своей фрейлиной. Оставь меня в покое, брат! Ты, как всегда, задаёшь слишком много вопросов!

Чувствуя, что он сейчас расплечется, Конотор стрелой вылетел из комнаты.

Гвардейцы пришли за принцем Конотором ночью, когда тот уже спал. Прошло почти три недели со дня ареста Тианы. Всё это время юноша ничего не знал о её судьбе – всё, что было связано с нею, было покрыто мраком и тишиной,

нарушать которые он боялся. Однако же нам, автору и читателю, дана возможность видеть больше, чем нашим героям, поэтому мы можем более или менее точно восстановить всю цепочку событий.

Тиана действительно была арестована – слишком многие видели их эмоциональный разговор в лодке с наследником трона. Вероятно, среди присутствующих у пруда были и агенты службы безопасности, и, вполне возможно, они уловили какие-то обрывки разговора. Если и нет – то их легко додумали, благо, сам Конотор по своей детской наивности дал им все возможные улики.

В тот же день, когда была схвачена Тиана, был направлен отряд легионеров в поместье Сарантионов с приказом арестовать и графа Тиомея, и, на всякий случай, его супругу. Предполагалось, что они являются частью крупного заговора против его королевского величества, и что именно с данной целью они направили ко двору свою дочь.

Вероятно, имя самого принца Конотора всплыло довольно быстро. Очень просто было предположить, что задачей Тианы было соблазнение и вербовка наследника престола. Конечно, до поры до времени эти смелые рассуждения придерживались, дабы не попасть впросак. Однако, как это обычно бывает в подобного рода делах, количество арестованных по подозрению в заговоре стало быстро пополняться благодаря доносам и оговорам, а также показаниям уже схваченных участников, данным под пытками.

Король ежевечерне выслушивал доклады о ходе дела, и всякий раз спрашивал, найдено ли какое-то доказательство участия наследника в заговоре. В какой-то момент кто-то из следователей решил, что таков негласный посыл от его величества, и участь принца Конотора была решена.

Уже на следующий день сразу несколько допрашиваемых упомянули о том, что имели сношения с принцем, и это весьма заинтересовало короля. Тогда через некоторое время в одном из протоколов допроса с пристрастием появилась информация о том, что принц, якобы, передавал какие-то указания через третьих лиц непосредственно Тиане, и никого даже не смутило, что ещё недавно именно её подозревали в манипулировании наследником, а не наоборот.

В конечном итоге всё было предсказуемо. Кто-то показал на одного из поваров, который, якобы, получил от принца пузырёк с ядом, чтобы при удобном случае отравить короля. Карта с ядом была разыграна не случайно – все знали, насколько иррационален страх его величества перед отравлениями. Несчастный повар, проведя несколько часов в застенках, всё подтвердил, а вечером того же дня Конотору уже принесли пресловутый пузырёк.

– Я так и думал... – прошептал король, с опаской глядя на небольшую склянку из тёмного стекла, лежащую перед ним. – Я знал это с самого начала...

За всё время следствия он ни разу не повидался с сыном. Также он остался глух к мольбам жены и дочери, припомнив

последней, в чьём штате состояла коварная изменница. После этого Силия, задыхаясь от слёз, сочла за лучшее замолчать. Обе понимали, что теперь их сына и брата может спасти лишь чудо.

Очевидно, что этим чудом мог стать лишь мессир Каладиус. Обе женщины, презрев неписанные запреты, в тот же день, когда был арестован принц Конотор, ринулись во дворец верховного мага. Увы, но словно сами боги ополчились против несчастного семейства.

Выяснилось, что Каладиус отбыл то ли в Варс, то ли и вовсе куда-то в Санн, где находились мёртвые города Кидуанской империи, пытаясь отыскать там некие материалы для своих исследований. Один из секретарей великого мага, впечатлённый тем, что перед ним едва не падали на колени королева и принцесса Латина, пообещал попытаться дать знать первому министру о происходящем, но сразу предупредил, что надежды на это мало, поскольку тот мог быть где угодно.

Впоследствии мессир Каладиус, каким бы мизантропом он ни был, часто сожалел, что его не оказалось в столице в эти роковые месяцы. Но судьба распорядилась именно так...

Глава 40. Мать и дочь

– Не сегодняшний день для меня – день скорби, – король был заметно пьян, поэтому говорил довольно невнятно, однако же его речь тут же повторял глашатай, выкрикивающий слова в специальную медную трубу. – Ибо не сегодня я теряю сына, но потерял его ещё в тот день, когда он замыслил убить собственного отца. Сегодня – день справедливости и возмездия! Посмотрите туда, этот человек когда-то был мне сыном...

Толпа в этот раз молчала. Не было обычных криков зазывал и торговцев, не было смешков и ругани, не было обычной житейской болтовни, что сливается в один гул. Лица собравшихся были печальны, в глазах многих женщин стояли слёзы. Это был страшный день для королевства и его жителей. Там, на высоком помосте эшафота, стоял изувеченный юноша с оплывшим от побоев лицом. Принца пытали наравне с другими подозреваемыми, а может даже и сильнее, словно надеялись, что он умрёт под пытками и не доживёт до этого дня.

Двое подручных палача держали несчастного под руки, потому что самостоятельно стоять он не мог – у него были раздроблены ступни. Осуждённый уже давно ничего не говорил и не пытался оправдаться – похоже, он ждал лишь, чтобы всё поскорее закончилось. Тем не менее, растерянные люди,

с ужасом взирающие на происходящее, прекрасно понимали, что он ни в чём не виновен. Жители столицы были искушёнными зрителями – они частенько собирались на этой площади, чтобы поглядеть на казнь очередного мятежника, и поэтому давно уже поняли, что ни в одном королевстве не может быть такого количества заговорщиков.

То, что король так поступил с собственным сыном, ужасало больше всего. До того времени многим казалось, что под этими нелепыми предложениями Конотор просто избавляется от неугодных, но теперь всем было видно, как глубоко он пал в своём безумии. Вот и сейчас лицо его, слегка искажённое скорбью, всё же было полно решимости и веры.

Рядом с Конотором присутствовала и королева-мать. Она была на грани обморока, но всё же не посмела послушаться мужа. В отличие от дочери – Силия уже много дней не выходила из своих комнат и не желала разговаривать ни с отцом, ни даже с мамой. Она упорно игнорировала тех посланников, что несколько раз присылал к ней король, а насильно тащить принцессу для разговора с отцом никто не решался.

– Он был кровью от крови и плотью от плоти моей, – продолжал Конотор. – Но он преступил священные законы общества и богов. Пред богами он ответит в свой черед, а теперь настало время ответить перед людьми! – голос короля внезапно окреп, так что его теперь стало слышно и без глашатая. – Конотор Тионит! Я лишаю тебя титулов, земель и наград, и предаю твоё имя позорному забвению за то пре-

ступление, что ты совершил!

Это была стандартная в таких случаях формулировка, и её произносили вне зависимости от наличия тех самых титулов, земель и наград. Впрочем, титул у приговорённого был.

– Также я лишаю тебя фамильного имени! – этого уже не было в общепринятой форме; здесь король говорил лично от себя. – Твой род отрекается от тебя, как ты отрёкся от своего рода! Я нарекаю тебя Конотором Презренным, и с этим именем ты ступишь на Белый Мост!

Глухо зарыдала королева, уткнув лицо в платок. Горестный вздох пронёсся над площадью, кое-где заголосили бабы, лишённые необходимости соблюдать этикет. Глухо забил барабан – это был сигнал к началу казни.

К принцу подошёл арионнитский священник, что-то наскоро пробормотал и отошёл, будто боялся, что и его также заподозрят в заговоре. Конотора подтащили к плахе и опустили на колени. Собственно, подручные просто перестали поддерживать его, и он рухнул, не имея сил стоять на разможжённых ногах.

Подошёл палач, держа в руках топор. Это было ещё одно свидетельство того, что казнённый больше уже не был принцем, поскольку членов королевской семьи положено было казнить мечом. Королева, не имея уже сил одновременно и скорбеть, и бояться супруга, зарыдала в полный голос, и этот надорванный плач донёсся до подсудимого. Однако юноша был слишком измучен, и оставался безучастным ко всему –

он даже не поднял головы. Но зато августейшую скорбь поддержали простолюдинки – площадь огласилась причитаниями и рыданиями.

И вдруг всё стихло, потрясённая тишина накрыла город. Это начал своё падение топор. Мгновение – и раздался глухой стук, которым многим показался громче самого страшного грома. Королева лишилась сознания, но никто не спешил приводить её в чувство, желая дать несчастной матери хоть несколько минут блаженного неведения.

Рент Бабер был единственным пунтийцем среди ближайшего окружения короля Конотора. На несколько лет старше своего повелителя, он выглядел заметно лучше. Высокий и слегка грузноватый, он имел вполне приятную внешность, которая многих вводила в заблуждение. Неряшливо обрзанные седеющие волосы, торчащие во все стороны, большие тёмные глаза и какое-то рассеяннo-добродушное выражение лица придавали ему сходство то ли с аптекарем, то ли с трактирщиком. В любом случае он выглядел таким простаком, не прячущим камня за пазухой, располагающим к себе с первого взгляда. Рент частенько пользовался этим и считал это отличным подспорьем в своём ремесле. Умение расположить к себе – бесценное качество для убийцы.

Рент Бабер появился при дворе года четыре назад. Безвестный дворянчик из Загорья – вот кем он был. А теперь он

– приближённый латионского короля, а в делах некоторого рода – его правая рука и главный поверенный.

Прибыв в Латион, Рент Бабер довольно быстро разобрался в том, какие ветры дуют в этом городе, и, будучи человеком предприимчивым, быстро оседлал один из таких потоков, который свёл его с нужными людьми, вхожими во дворец. Поскольку пунтиец охотно брался за любые поручения, делал их аккуратно и чисто, но при этом проявлял интеллект, отличающий его от простых исполнителей, вскоре он свёл знакомства с весьма высокопоставленными людьми.

Казалось бы, с такими талантами Баберу была прямая дорога в Гильдию Теней, где он снискал бы себе и своеобразную славу, и несомненное богатство, но честолюбивый пунтиец, похоже, изначально метил значительно выше. Он хотел стать одним из тех, кто может запросто входить к королю, скакать рядом с ним во время охоты, пить вино из одной и той же бутылки. Казалось бы, для человека с подобным происхождением и видом деятельности это было несбыточной мечтой, но только не во времена короля Конотора.

Вечно боящийся покушений монарх делал всё, чтобы сохранить свою жизнь. Поговаривали, будто он ежегодно выплачивал Гильдии Теней огромные суммы, дабы быть уверенным, что она никогда не возьмётся за заказ, направленный против него. Поэтому, когда он узнал о Ренте Бабере и о той репутации, что он заслужил, он незамедлительно приказал представить ему пунтийца.

Бабер произвёл впечатление на короля Конотора. Они говорили больше двух часов о способах покушений, причём пунтиец, понимая, что поставлено на кон, не таясь, рассказал о некоторых случаях из личного опыта. Конотор был впечатлён. Он был уверен, что если завербует Бабера, то убьёт сразу двух зайцев – не только получит опытного охранника, но и избавится от потенциальной угрозы. Так что в тот же день Рент Бабер сделался начальником созданной специально для него службы безопасности дворца.

Теперь в его задачу входил подбор ловких ребят, сведущих в своём деле, а также вербовка многочисленных шпионов среди челяди и придворных. Он хотел опутать дворец такой частой сетью, чтобы в её ячейки не просочилась бы и мышь без того, чтобы кто-то её не увидел и не зафиксировал. Как мы уже знаем, в целом ему это удалось.

Рент Бабер был авантюристом до мозга костей. Он не строил иллюзий на свой счёт и прекрасно понимал, что однажды сам окажется на эшафоте, поскольку ясно видел, во что превратился его хозяин. Но это нисколько не огорчало предприимчивого пунтийца – он воспринимал это как неизбежную плату за своё нынешнее положение. И эта плата казалась ему вполне соразмерной.

По крайней мере, ему выпала возможность пережить многих из тех, с кем он собутыльничал и смеялся за королевским столом, и которых обычно называл «дружище». Некоторые из них умерли благодаря ему или даже вовсе от его рук. Иногда

его величество давал Баберу деликатные поручения вполне определённого свойства. Окажись пунтиец в Гильдии Теней, он несомненно примкнул бы к цеху Наёмных Убийц. У Рента Бабера был талант обставлять убийства как несчастные случаи.

К своей профессии Бабер относился философски. Она приносила ему немалый доход, высокое положение в обществе, страх и заискивание окружающих – значит, она была ничем не хуже прочих. Открой он винодельню в Пунте, или займись он торговлей, или же завербуйся в латионскую армию – при любом из этих раскладов у него не было бы и десятой доли того, что он имел сейчас. А это значит – он всё делал правильно.

Ренту Баберу очень нравился собственный характер, который он сам называл лёгким. Это означало то, что он никогда не привязывался ни к людям, ни к месту, ни даже к обстоятельствам. Его никогда не мучали раскаяние, угрызения совести; он никогда не жалел ни одну из своих жертв, или же ни одну из жертв вообще. Даже в тех исключительных случаях, когда он мог заглянуть в глаза убитого им человека перед смертью, ничто не вздрагивало в его душе, даже если в течение последнего года они едва ли не каждую субботу вместе играли в карты.

Сам себя Бабер считал механизмом для убийства. Этаким диковинкой из зубцов и колёсиков, подобную тем, что иногда демонстрировали гномы. И поэтому ему жилось легко и

приятно, что позволяло открыто и искренне улыбаться людям. И это тоже было частью профессии.

Теленя с детства была запуганным ребёнком. Отец всегда был суров к дочери, и не потому, что был жестоким человеком, а просто считал, что именно так нужно воспитывать детей. Он был суров ко всем своим шестерым детям, но к старшей дочери – более всего. В будущем он самодовольно скажет, что именно благодаря его воспитанию она возвысится до королевы Латииона.

Вполне возможно. Может быть, молодой король Конотор и приветил её именно благодаря этому затравленному взгляду в пол – взгляду жертвы. О юноше ходили дурные слухи – поговаривали, что он жесток и полон страстей. Наверное, его садистской натуре нужна была именно такая жена, что безропотно снесёт все истязания и любое насилие. Так или иначе, но за всю свою жизнь Теленее ни разу не пришлось в голову мысленно поблагодарить отца за то, что тот сосватал её за Конотора.

Похоже, как женщина молодая жена мало интересовала короля. Он был груб в постели, скорее насилуя её. Ему нравилось, когда она стонала и кричала от боли. Но вот ласк от мужа она не видела. Возможно, именно поэтому Теленя так долго не могла понести. Говорят, за это время у короля родилось с полдесятка ублютков.

Наконец наследник родился, и какое-то время Конотор был почти счастлив и почти добр к ней. Но младенец родился слабым, и медикусы не давали гарантии, что он проживёт долго, рекомендуя заранее озаботиться запасным вариантом. Так через год родилась Силия.

Хотя Конотор был раздосадован тем, что родилась девочка, но вскоре, кажется, полюбил её больше старшего сына. Тот, кстати, вполне окреп и его жизнь уже не вызывала опасений. Именно поэтому король больше никогда не делил ложа с женой, предпочитая ей более распущенных и развратных любовниц, а иногда даже и городских шлюх, которых ему доставляли во дворец.

Для Теленеи это было скорее спасением – теперь она гораздо реже видела супруга, и почти никогда – вечерами, когда он, как правило, уже был пьян и тёмные страсти охватывали его с головой. Нечасто виделась она и с детьми, отданными на попечение кормилиц. Потянулись бесконечно длинные дни и ночи в нескольких комнатах, именуемых покоями королевы, которые она проводила в чтении духовных книг и молитвах.

После ареста и последующей казни сына Теленея была опустошена и раздавлена. Дочь не выходила из собственных покоев и никого не принимала, видеть мужа она не могла. Иногда казалось, что проще всего – броситься вниз с балкона на вымощенный внутренний двор, но на это несчастная королева не решалась.

Неожиданным просветом в этом кошмаре стал преподобный Гурд – арионнитский священник, появившийся в покоях королевы вместо прежнего. Что случилось с тем, её прошлым духовником, Теленея не знала, да и не спрашивала. Признаться, она едва заметила этого нового человека, что явился в вечно сумрачную комнату.

Ему было около тридцати пяти, и он был хорош собой. А ещё он оказался совсем не таким, какими представляла себе арионнитских жрецов Теленея, а она повидала их достаточно. Преподобный Гурд не бляял благостные сказки, он не глядел на королеву как на грешницу, которая заслужила всё, что с нею произошло. Он, едва ли не первый в её жизни, увидел в ней человека. Не королеву, не жену, не мать. Он говорил с нею так, как говорят близкие друзья, как говорят родные люди, искренне желающие помочь.

А ещё он увидел в Теленее женщину. Королеве было чуть за сорок, и она давно уже не могла считаться несравненной красавицей, да и в юности её сложно было назвать эталоном красоты. Годы угнетения и тревог, наверное, ещё больше состарили и иссушили её. Но Гурд что-то увидел в ней.

Священники-арионниты дают обет безбрачия. Давал такой обет и преподобный Гурд. И нарушил его ради Теленеи. Нарушил не только его, но и не менее священные обеты нерушимости брачных уз. Он так и не сказал королеве – был ли это первый в его жизни порыв, или же он и раньше грешил интрижками с прихожанками.

Теленее это было неважно. Она почти двадцать лет не была с мужчиной, и внезапно поняла, что именно это ей сейчас было нужно больше всего – больше сочувствия, больше религиозных утешений. Впервые она почувствовала себя по-настоящему нужной кому-то. И это спасло её от отчаяния, исцелило её, насколько может быть исцелена мать, потерявшая сына.

Преподобный Гурд приходил нечасто – два или три раза в неделю. Изредка он приходил не один, и тогда их встреча была заполнена разговорами о Белом боге и о том, какие силы он даёт для преодоления испытаний Асса. Все остальные же встречи принадлежали лишь им двоим, и никогда ещё помощь Арионна не была столь целительной.

Рент Бабер сидел и, не мигая, глядел на короля. В этом разговоре он предпочитал лишь слушать, потому что любое неверно трактованное слово Конотора могло иметь самые трагические последствия. В том числе, и для него, Бабера. Стоило быть предельно внимательным и немногословным. Словом, как обычно, идти по лезвию ножа.

– Твои тараканы подтверждают, что встреча повторилась? – мрачно переспросил король. Сегодня он был трезв, и от этого ещё более пугающ.

Тараканами Рент Бабер называл сеть своих шпионов. Он сам точно не знал число завербованных службой безопасно-

сти, но полагал, что их не меньше сотни человек. В основном, конечно, прислуга, но также и люди рангом повыше. Сравнение было довольно точным – люди Бабера были повсюду, незаметные, и оттого ещё более опасные. К этой сотне, кстати, можно было добавить ещё порядка трёх десятков человек, которые официально состояли в службе безопасности дворца. В общем, смело можно было утверждать, что при дворе не происходило ничего, что рано или поздно не стало бы известно Ренту Баберу. Кое-что из этого затем узнавал и король, но кое-что хитрый пунтиец приберегал до случая.

– Да, он снова приходил, ваше величество.

– Служанке удалось подслушать, о чём они говорили?

– К сожалению, она не слишком ловкая. Кроме того, принцесса очень осторожна.

– Но ты уверен, что речь идёт о заговоре?

Рент Бабер ещё ни разу не употребил слово «заговор» за все те несколько дней, что они обсуждали визитёра принцессы Силии, однако король, как обычно, уже всё для себя решил, и теперь ему нужно было лишь подтверждение. Однако глава службы безопасности был очень осторожным человеком.

– Я думаю, не нужно делать поспешных выводов, ваше величество. Эти свидания могут быть совершенно иного свойства.

– Такие же, как у моей благоверной супруги? – злобно хмыкнул Конотор. – Нашли взаимосвязь между этими дву-

мя ходоками?

– Арионнит, что бывает у королевы, прибыл из монастыря, находящегося в трёх милях от Полтаста, из которого...

– Из которого родом и наш родственничек, – закончил за него король.

– Совершенно верно, ваше величество.

– И это доказывает...

– Ровным счётом ничего, – покачал головой Бабер. – У нас нет доказательств, что они знакомы между собой.

– Не слишком ли невероятное совпадение? Сразу после раскрытия заговора и казни заговорщиков ко двору прибывают двое человек из одного и того же города, причём один из них – дальний родственник одного из главарей мятежников, и втираются в доверие к королеве и принцессе, причём даже чересчур близко... – при этих словах король оскалился словно пёс, на которого замахнулись палкой.

– Похоже, что интимная связь есть только у королевы, – возразил Рент Бабер. – Родственничек, полагаю, староват для принцессы.

– У меня бывали девки и помоложе! – отмахнулся король. – Но дело сейчас не в этом. Похоже, готовится новый заговор.

– Да, похоже, – кивнул Бабер совершенно серьёзно. В этот раз он в кои-то веки был полностью согласен с его величеством, и это действительно выглядело как заговор.

– Не пойму, почему ты не схватишь их, Бабер? Уверен, у

них не останется тайн от твоих ребят!

– Простите, ваше величество, но если вы согласитесь послушать меня, то я бы ещё подождал. Возможно, вскоре объявятся и другие.

– Ты дождёшься до того, что в один прекрасный день меня отравят или проткнут брюхо!

– Уверяю вас, ваше величество, до этого не дойдёт! Мы не выпускаем их из виду ни на минуту.

– А если они смажут губы королевы ядом? – Конотор вновь возвращался к любимому кошмару.

– Когда в последний раз вы целовали королеву, ваше величество? – усмехнулся Рент Бабер. – Не беспокойтесь, я отвечаю за всё!

– Хорошо, Бабер, я доверюсь твоему чутью. Но после...

– Уверяю, ваше величество, *все* виновные будут наказаны!

– На этот раз надо избежать шума! – в очередной раз напомнил Конотор. – Хорош король, все родственники которого пытаются его укокошить!

– Такое случается с великими монархами, ваше величество.

– И всё же на этот раз никаких казней! Всех, кого отыщем, уничтожим тихо в застенках. Что же касается жены и дочери... Ни у кого не должно возникнуть сомнений!

– Я что-нибудь придумаю, ваше величество! Можете полностью довериться мне!

– Ты – бесценный человек, Рент Бабер!

– Надеюсь, вы не будете забывать об этом как можно дольше, ваше величество! – вставая, поклонился пунтиец.

На этот раз, в отличие от казни принца Конотора, весь двор оделся в траур. То, что случилось, не укладывалось в головах – в один миг Латион лишился сразу и своей королевы, и своей принцессы, которая оставалась последним формальным наследником трона. Трагедия произошла ровно через два месяца после казни принца, и многие увидели в этом определённую символичность, тем более, учитывая обстоятельства их смерти.

Судя по всему, несмотря на строжайший запрет короля каким бы то ни было способом поминать покойного принца и служить о нём заупокойные службы, убитые горем мать и сестра всё-таки решились на это. В одной из небольших комнаток дворца – маленькой кладовке без окон, по их приказу соорудили нечто вроде часовенки, в которой арионнитский священник и провёл обряд вспоможения и поддержки на Белом Пути.

Увы, комнатка для этого была совершенно непригодна – в ней не было притока свежего воздуха, а для обряда требовались воскурения. Кроме того, там же находилась небольшая жаровенка, также необходимая для обряда. Будь хотя бы открыта дверь... Но она была плотно закрыта для соблюдения секретности.

Итог был очевиден – королева, принцесса, а также арионнитский священник, проводивший обряд, задохлись насмерть. Их нашли несколько часов спустя, когда помочь несчастным было уже невозможно. Некоторые придворные подозревали, что это могло быть самоубийство двух несчастных женщин, не сумевших справиться с утратой, но вслух этого, конечно, никто произнести не посмел.

Король, враз потерявший остатки семьи, был безутешен. Это выражалось в том, что теперь он напивался чаще и сильнее прежнего. Короля и раньше боялись, теперь же он внушал нестерпимый ужас. И придворные, и слуги с трепетом готовились к худшему...

Сейчас, в этот миг королева Теленея казалась даже красивой. То ли её так красила смерть, то ли она стала следить и ухаживать за собой после начала этой нелепой интрижки. Принцесса Силия, напротив, сейчас выглядела довольно неприглядно – выпученные глаза, искажённый рот, уродливая синева вокруг носа и губ. Фиолетовыми кругляшами на её тонкой белой шее обозначились отпечатки его пальцев.

Было так приятно душить её, такую молодую, красивую. Он овладел бы ею перед смертью, если бы посмел. Уже после смерти он не смог отказать себе в удовольствии и сдавил в ладони ещё тёплую и упругую грудь. Она ему всегда нравилась, жаль, что её больше нет... С королевой он особенно не

церемонился и просто свернул ей шею. Прикасаюсь к этой дряблой, уже покрывающейся едва заметными рябыми пятнами коже лишний раз не хотелось.

Затем уже их тела принесли в комнатку, в которой действительно было не продохнуть от угарного воздуха. Здесь их должны были найти чуть позже. Тащить сюда же тело священника не стали – к тому времени это была просто окровавленная куча мяса и переломанных костей. Его люди всё сделают как надо и сообщат в точности то, что он им велит. Это – надёжные люди, они не станут болтать. Ну а если что – он знает тысячу средств от излишней болтливости.

– А теперь закройте дверь и проследите, чтобы их не обнаружили случайные люди, – скомандовал Рент Бабер, бросая последний взгляд на лежащее тело Силии.

Находившемся здесь людям не нужно было напоминать о конфиденциальности. Всех троих пунтиец знал уже несколько лет, и они полностью выдержали все испытания на верность. Они были надёжнее камней, из которых был сложен дворец. Можно было быть уверенным, что они будут держать язык за зубами. Но сейчас был особенный случай. И даже этим людям он не имел права доверять столь страшную тайну. Ему будет их не хватать, но, в конце концов, они всего лишь люди. Рано или поздно их можно будет заменить.

Что будет с ним самим, Рент Бабер сейчас даже не думал. Избавится ли король от него самого, или не решится на это – какая разница? Пунтиец чувствовал удовлетворение и ду-

шевный подъём, как будто он наконец сделал то, для чего был рождён. Даже если завтра ему проломают голову в тёмном коридоре – он не будет ни о чём сожалеть. В конце концов, он с первого дня знал, чем всё это закончится...

Глава 41. Брат и сестра

– Взгляни, Пелли, какой прекрасный город!

– Ничего особенного, город как город...

– Ты говоришь так, будто бы видела какие-то другие города кроме Торрона!

– По мне они все одинаковы... И куда хуже нашего милого дома...

– Нашего дома скоро может и не стать. Поэтому нам нужно было ехать, ты же знаешь. Если ты станешь придворной дамой и, если даст Арионн, выйдешь замуж за богатого придворного вельможу, нам будет куда проще выиграть все эти тяжбы.

В карете сидели двое – юноша, которому на вид едва ли исполнилось двадцать, и девушка, почти девочка, не старше пятнадцати лет. Судя по всему, этот разговор они заводили уже в тысячный раз, но чем ещё было занять себя в дороге длиной в одиннадцать дней, в этом шатком экипаже, который был настолько плох, что на него не позарились даже кредиторы? Во всяком случае, было очевидно, что в дорогу они отправились не от хорошей жизни.

Юноша и девушка эти были братом и сестрой, причём это было понятно всякому, кто взглянул бы на них – настолько они были похожи. Брата звали Вилиодиём, а сестру – Пеллионорой, и это были два последних представителя древнего и

некогда весьма могущественного рода Пантатегов, чьи земли когда-то простирались почти вдоль всей восточной границы Санна.

Увы, в последнее время звезда рода Пантатегов, кажется, безнадежно закатывалась за горизонт. Всё началось с того, что сразу двое дядей Вилиодия и Пеллионоры были арестованы лет двенадцать назад. Один из них позже умер в тюрьме, а судьба второго была неизвестна до сих пор. Вероятно, он всё так же гнил заживо в каком-нибудь сыром каземате, если смерть ещё не сжалилась над ним.

По счастью, злая судьба миновала третьего, старшего брата, который, в отличие от двух младших, отправившихся искать счастья в столицу, остался в родовом гнезде, чтобы присматривать за ним. Во всяком случае, герцог Гериорд Пантатег не был арестован, хотя вполне могло бы случиться и так.

Однако же по приказу короля земли «мятежных» братьев были отчуждены в пользу короны, причём при межевании королевские чиновники не слишком-то аккуратничали, а герцог Гериорд находился не в том положении, чтобы одергивать их. В результате едва ли не лучшие пахотные земли и строевые леса были потеряны. То, что осталось, на две трети было покрыто древними чащобами, глухими и непроходимыми.

С тех пор благосостояние древнего рода пошатнулось. Доходы от оброка сократились более чем вдвое. Герцог Гериорд пробовал заняться торговлей лесом, но и здесь не пре-

успел – затраты были слишком высоки, а барыш оказался ничтожен. Всё-таки потомственный аристократ был не слишком-то хорошим торговцем, и в конце концов он просто бросил всё, пока ещё не успел загнать семью в долговую яму.

Но все прошлые неудачи померкли перед ужасом, накрывшим род Пантатегов семь месяцев назад. Ни Вилиодий, ни Пеллионора так и не поняли – что же произошло. Стояла середина лета, и семейство жило в летнем особняке на берегу живописного лесного озера – мрачноватого, но обладающего своеобразным шармом. И однажды ночью случился страшный пожар. Что загорелось – так и осталось неясным, но правое крыло имения выгорело просто до углей. Крыло, в котором находилась спальня родителей.

Брат и сестра успели выбраться из задымленного дома. Успели выбраться и большинство слуг, поскольку их комнаты, в основном, находились как раз в левом крыле, так же как и спальни господских детей. В пожаре погибло всего восемь человек, но двое из этих восьмерых были герцог и герцогиня Пантатеги.

И вскоре на осиротевших детей, внезапно унаследовавших громкий титул и огромные долги, накинулись кредиторы. Не обладая достаточным опытом, Вилиодий допустил несколько промахов, поставивших их на грань существования. Пытаясь отсрочить выплаты кредитов, он выдал несколько залладных, в том числе и на родовой замок Пантатегов. Увы, но отсрочка дала им лишь несколько лишних

месяцев. Она не могла сотворить чуда и отыскать те средства, что требовались, чтобы успокоить кредиторов.

Вскоре стало ясно, что юный герцог допустил роковую ошибку. Считанные месяцы оставались до того, чтобы замок перешёл в руки новых владельцев. И тогда новые герцог и герцогиня Пантатеги наконец решились.

Они оба боялись ехать ко двору, помня, что случилось там с их дядями. Но Вилиодий понимал, что если им удастся занять место, подходящее их происхождению, те мелкие дворянчики и ростовщики, что сейчас выжимали из них последние соки, враз потеряют весь свой пыл. Пеллионоре едва исполнилось пятнадцать, но в те времена даже благородные девицы иногда выходили замуж в эти годы, а среди простолюдинок вполне можно было встретить и двенадцатилетних невест. Брак с богатым и родовитым придворным мог бы спасти финансовое положение их семьи.

Брат честно поговорил обо всём этом с сестрой, и та, хотя и пролила немало слёз, но согласилась, что другого выхода нет. Собрав остатки денег и взяв с собой единственного слугу, который одновременно должен был служить и кучером, герцог и герцогиня выехали из родового гнезда, надеясь, что однажды они ещё смогут вернуться сюда.

Зимняя дорога была сурова и довольно опасна, поскольку западные провинции всё ещё переживали последствия минувшего неурожая и эпидемии синивицы. Потомки одного из древнейших родов Латиона ночевали в постоянных дво-

рах, зачастую засыпая прямо в общих комнатах на лавках у стола, чтобы сэкономить и без того скудные средства. По счастью, они выглядели столь бедно, что никто не позарился на их жалкие гроши, и путешествие обошлось без неприятных приключений, хотя они затратили вдвое больше времени против того, сколько требуется для этого хорошим лошадям и по хорошей дороге.

И вот в двенадцатый день месяца слидия⁴³ 1345 года руны Кветь герцог Вилиодий и его сестра въехали в так называемые Кидуанские ворота Латиона.

Говоря о том, как прекрасен Латион, Вилиодий, конечно, лукавил, дабы хоть немного поднять настроение сестры. Заметённые снегами дома в этот предсумеречный час выглядели довольно хмуро, да и кварталы Нового города явно не могли похвастаться архитектурными шедеврами. Ни сам герцог Пантатег, ни его старый слуга, зябнувший на козлах, никогда не бывали в столице, и совершенно не знали, куда податься. Было ясно одно – явиться ко двору в таком виде было совершенно неприемлемо.

– Найди какую-нибудь недорогую гостиницу, мой добрый Курро, чтобы нам переночевать, – приоткрыв дверцу кареты, обратился юноша к своему кучеру-слуге.

– Хорошо, ваша светлость, – откликнулся тот.

⁴³ Слипий – последний зимний месяц календаря Паэтты, соответствует нашему февралю, но, как и все прочие месяцы, имеет в составе 30 дней. Месяц назван в честь древнего человеческого мага Слипидия, считающегося одним из родоначальников людской магии.

Вскоре экипаж остановился. Выглянув, Вилиодий заметил припорошённую снегом вывеску «Старый сапожник». Гостиница была явно не из дорогих, это было сразу понятно по её внешнему виду. Это было как раз то, что нужно, поскольку дорожный кошель брата и сестры заметно отощал за время путешествия. Курро, кряхтя, слез с козел, пытаясь разогнуть замёрзшие и онемевшие члены, и вошёл внутрь. Через минуту он вышел и, отворив дверцу кареты, церемонно до комизма произнёс:

– Ваши светлости, попрошу следовать за мной.

Несмотря даже на грусть, Пеллионора не выдержала и прыснула:

– Тебе бы быть мажордомом, Курро! Только ливреи не хватает.

– Позвольте ваш багаж, моя госпожа, – не поведя бровью, поклонился старик.

– Весь мой багаж – это узелок, который я могу нести и сама, и тебе это прекрасно известно. Возьми лучше саквояж.

Курро вновь поклонился, а затем отправился отвязывать большой саквояж, притороченный на запятках кареты. Брат и сестра тем временем вошли в гостиницу. Несмотря на бедный вид экипажа и небогатую одежду, опытный глаз трактирщика тут же распознал благородных людей, поэтому он был весьма вежлив с молодыми людьми. Им выделили небольшую одиночную комнатку, поскольку Вилиодий уже приноровился спать на полу, а старый слуга вполне неплохо

устанавливался и в общей комнате.

– Завтра мы отправимся ко двору, – дрожа не только от холода, но и от волнения, произнёс молодой человек, едва они остались одни.

– Ты собираешься показаться при дворе в таком виде? – воскликнула Пеллионора, разглядывая брата в тусклом свете масляной лампы. – Я не хочу, чтобы над нами потешались как над нищими провинциалами! Завтра мы отправимся, чтобы найти себе достойные наряды.

– У нас не так много денег, сестрёнка, чтобы разбрасываться ими!

– Продадим карету! Продадим лошадь! Теперь они нам уж ни к чему! Но мы должны произвести впечатление, разве нет? Хороши будут герцог и герцогиня Пантатеги, которые заявятся к королю, одетые как площадные замарашки!

Вилиодий знал, что сестру не переубедить, и уж тем более – в данном вопросе. Кроме того, он до сих пор чувствовал перед ней глубочайшую вину за происходящее – ему казалось, что он продаёт Пелли ради того, чтобы сохранить родовой замок. Поэтому больше он не спорил. Если сестра хотела принарядиться – он сделает всё для этого. Если надо будет, он продаст и отцовскую шпагу, которая сейчас лежала в том самом саквояже под грудой одежды.

На следующий же день оба они направились в лавку готового платья, которую посоветовала им жена трактирщика. Услыхав, что молодые люди собираются предстать ко двору,

она направила их в Старый город, дав в провожатые своего десятилетнего сына. Отправились пешком, потому что Вилиодию очень хотелось посмотреть город.

В платяной лавке Пелли оживилась и даже заулыбалась. Девушки всегда остаются девушками, и отрезки тканей, ленты и кружева неизменно оказывают на них своё магическое действие. Хозяин лавки был также и портным, и он, восхищаясь стройностью фигур и красотой молодых людей, обещал им сшить великолепные наряды, достойные королевского дворца, всего за неделю. Но Вилиодий не хотел ждать так долго, поэтому ограничились покупкой готового платья, которое всё равно сидело на них весьма прилично.

Пеллионора была в восхищении. Все те наряды, что она носила в своём замке, выглядели теперь такими старомодными и такими непохожими на всё это великолепие. Увы, и плата за одежду оказалась весьма немалой. Как ни хотелось бы герцогу Пантатегу сохранить свой экипаж, но он понимал, что необходимо расплатиться с лавочником. Поэтому он отдал в качестве задатка все деньги, а на остаток написал расписку, обязуясь вернуть оставшуюся сумму в течение трёх дней. А вернувшись в гостиницу, он договорился с хозяином о продаже кареты и лошади.

Трактирщик, кстати, оказался вполне порядочным человеком и заплатил за всё это честную цену, так что в тот же вечер сын хозяина отнёс лавочнику оставшуюся сумму, а, вернувшись, передал юной госпоже коробку с какими-то лен-

точками и булавками – подарок от торговца.

Теперь, придирчиво оглядев с ног до головы брата, а также, с грехом пополам разглядев себя через мутное медное зеркало, Пеллионора сочла, что они готовы для появления при дворе.

Несмотря на то, что брат и сестра принадлежали к древнему и влиятельному некогда роду, их появление не произвело особенного фурора. Когда они обратились к охране, те вызвали королевского камергера, и он, бесстрастно выслушав чуть сбивчивую речь юного герцога, сказал, что король вряд ли сможет принять их раньше, чем через неделю, или же им придётся довольствоваться общей аудиенцией, где кроме них могут быть десятки других просителей.

Переглянувшись с сестрой, Вилиодий согласился на общую аудиенцию. Признаться, они явно боялись личной аудиенции короля, ведь о нём шептались, и то, что слышали молодые люди, леденило кровь.

– Тогда приходите послезавтра к двум часам, – равнодушно кивнул камергер. – Обычно его величество принимает посетителей в это время дня.

– Вы запишите наши имена? – спросил Вилиодий, видя, что придворный уже собирается уходить.

– Что?.. А, ну да, конечно... Я запишу их позже. Не извольте беспокоиться.

У юного герцога были большие сомнения относительно того, что камергер сделает это, но ему пришлось раскланяться, и они с сестрой отправились обратно в гостиницу.

Когда пришло означенное время, они вновь вернулись во дворец. Стража беспрепятственно пропустила их, а какой-то слуга сопровождал их в большую залу, где собралось уже порядка двух дюжин человек, в основном мужчин. Большинство из них, похоже, были незнакомы друг с другом, либо просто робели, поэтому разговоров почти не было. Так же как и стульев – все должны были дожидаться короля стоя.

Здесь обычно не бывало важных просителей, поэтому в этот день король так и не пришёл. Тот же камергер, даже не извинившись, объявил, что его величество сможет принять посетителей лишь завтра. Возможно, у него действительно появились какие-то важные дела, а может быть – он к этому времени был уже пьян, или же сильно не в духе.

Больше трёх лет прошло со времени казни принца и гибели жены и дочери короля. Это было время, покрытое мраком не только для Конотора, но и для всего королевства. Прошлый год запомнился всем, как год жестокой эпидемии синивицы. Конечно, болезнь лютовала в многолюдных городах, не затронув одинокий замок Пантатегов – прошлым летом у них никто даже не заболел. Герцогиня тогда не уставала восхвалять Арионна за его милость. А затем случился пожар...

На следующий день король всё же предстал перед просителями, которых в этот раз было ещё больше. Со времени,

когда мы видели его в последний раз, он сильно разжирел и обрюзг. Из-за начавшихся проблем со здоровьем он теперь пил не так часто, как прежде, но вид его навсегда сделался каким-то испитым. Конотор ходил, тяжело опираясь на посох и страдая одышкой.

Буквально рухнув в обширное кресло, он некоторое время переводил дух, исподлобья оглядывая присутствующих. Согласно протоколу таких вот общих аудиенций, король сам вызывал просителя. Обычно за отведённый час он успевал пообщаться с полудюжиной, реже – с десятком человек. Остальным приходилось раз за разом возвращаться, уповая на удачу и милость его величества.

Было видно, что король сильно не в духе, возможно, он неважно себя чувствовал. Впрочем, для Конотора это мрачное состояние было обычным делом. Придворные к нему уже привыкли, насколько это было возможно, но среди просителей придворных практически не было, поэтому сейчас несчастные люди ёжились под этим тяжёлым взглядом и, против воли, опускали глаза.

Внезапно взгляд короля остановился. Он стал напряжённо вглядываться, пытаясь разглядеть кого-то. Пеллионора затрепетала – взгляд короля остановился именно на ней. Она едва поборола желание зажмуриться, и ещё ниже склонила головку. Удивительно, но лицо Конотора словно даже слегка прояснилось – с него исчезла эта брюзгливость и тихая ненависть. А в глазах зажглось другое чувство, весьма похожее

на похоть. По счастью, ни Пелли, ни её брат этого не видели.

– Сударыня, – хриплым голосом позвал король. – Сударыня! Да, вы. Подойдите.

Убедившись, что его величество зовёт именно их, молодые люди несмело направились к нему. Они остановились в пяти шагах от кресла и почтительно склонились в глубоком поклоне.

– Кто вы и какое у вас ко мне дело? – спросил король.

– Я – герцог Пантатег, а это – моя сестра, – на правах старшего заговорил Вилиодий. – И мы пришли просить милости у вашего величества.

– Давно под этими сводами не звучала эта славная фамилия, – слегка покачав головой, проговорил Конотор. – Я рад приветствовать вас, герцог, и вас, герцогиня. Но я вижу на вас траурные ленты, а вы слишком молоды для герцога Пантатага, о котором я слыхал. Ваш отец умер?

– Увы, ваше величество, – горестно склонился Вилиодий. – И он, и наша матушка умерли прошлым летом.

– Проклятая синивица?

– Хвала богам, синивица обошла наши края стороной. Они погибли при пожаре в нашем летнем имении.

– Ах да!.. – Конотор действительно вспомнил, что ему докладывали об этом когда-то давно. – Припоминаю... Это очень печальная весть для всех нас. Жаль, когда так нелепо уходят от нас лучшие представители... Примите мои соболезнования, герцог. И вы, госпожа... Как зовут вас, дитя?

– Пеллионора, ваше величество, – ответила девушка, поскольку король обратился напрямую к ней.

– Прекрасное имя. Такое же прекрасное, как та, что его носит... Так, стало быть, вы теперь – единственные представители рода, герцог, или есть и другие?

– Мы остались вдвоём, ваше величество, и больше нет никого.

– Что ж, хорошо, что вы наконец почтили своим присутствием двор. Надеюсь, вы задержитесь здесь на какое-то время. Скажите, с какой просьбой вы пришли сюда, герцог?

– Мне тяжело говорить об этом, ваше величество... – действительно, Вилиудий залился краской стыда. Говорить о своём нищенском положении в присутствии такого количества людей было очень трудно.

– Я понимаю вас, – кивнул король. – Что ж, сейчас вас проведут в мой кабинет, и вы обождёте там. Через час я приду, и мы сможем поговорить наедине.

– О, это великая честь, ваше величество! – от этой неожиданной милости лицо юноши озарила радость. – Благодарю вас от всего сердца!

И вновь подоспел тот самый камергер, который так пренебрежительно говорил с ними в прошлый раз. Теперь, впрочем, он был сама предупредительность, видимо, случай этот действительно был неординарным, и старый придворный это отлично почувствовал. Он не только сопровождал юную пару в кабинет, но и, несмотря на их возражения, вызвал прислу-

гу, которые принесли фрукты, бисквит и вино, чтобы герцог и герцогиня не слишком скучали в ожидании.

Страх и надежда – эти два, казалось бы, несовместимых чувства сейчас владели сердцами молодых людей. Они так и не посмели взять что-либо со стола, Вилиодий даже не присел. Время тянулось мучительно медленно, а часы, находящиеся в кабинете, отчего-то не шли, поэтому было сложно сориентироваться – сколько времени брат и сестра уже находятся тут.

Наконец за дверью послышались характерные шаги тяжело ступающего человека, опирающегося на посох. Вошёл король. Его лицо покрывали бисерины пота – видимо, даже это не слишком-то большое расстояние, далось ему с трудом. С помощью слуги он опустился на кресло и первым делом взялся за бокал так, словно умирал от жажды. Ему тут же налили полный бокал, однако Конотор отпил лишь пару глотков, а затем с видимым сожалением поставил его на стол.

– Простите, сударыня, но у меня был тяжёлый день, – произнёс он, утирая лоб ладонью. Затем он брезгливо поглядел на мокрые пальцы и, недолго думая, вытер их об камзол. – Итак, герцог, что вы хотели сообщить мне?

– Ваше величество, с болью должен признать, что мы переживаем сейчас тяжёлые финансовые времена. Наш замок, наше родовое гнездо, которое уже семь столетий служило представителям рода Пантатегов, теперь заложено, и в скором времени, ежели мы не сумеем расплатиться, то потеряем

его. Также нас втянули сразу в несколько тяжб, и кредиторы более не хотят дать отсрочки. Не позднее лета мы с сестрой будем полностью разорены, и лишены всего – замка, земель, каких бы то ни было средств к существованию...

– Это моя вина, герцог! – внезапно перебил юношу король. – Да-да, моя, раз в моём королевстве такое может происходить с благороднейшими и родовитейшими дворянами. Пантатеги – древний и уважаемый род, опора короны. Ежели он вот-вот рухнет – это пошатнёт и трон, и даже самые устои государства. Я не могу допустить этого!

Конотор говорил с Вилиодием, как с законным представителем рода, но смотрел всё больше на Пеллионору, которая, заметив подобное внимание, сидела, потупясь и не смея поднять глаз. Внимание этого человека страшило её, как страшили бы проявления приязни от старого дикого вепря, который даже ненароком может вспороть живот своими длинными клыками. Но вместе с тем она также понимала, что от этого внимания сейчас, вполне возможно, зависит их с братом будущее.

– Я немедленно распоряжусь выдать вам средства на выкуп закладной, – продолжал меж тем король. – Что же касается тяжб – поглядим, дерзнут ли эти сутяжники досадить вам ещё раз! Впрочем, позже мы решим и эти вопросы.

– О, благодарю, ваше величество! – горячо воскликнул герцог. Пеллионора, соблюдая приличия и этикет, молчала, но лицо её озарилось радостью и благодарностью. – Вы про-

явили неслыханную доброту! Это стократ больше того, о чём я хотел просить!

– Чего же вы хотели просить, милорд?

– Я надеялся, что при дворе найдётся место для моей сестры, Пеллионоры, ваше величество. Что-то, что вернуло бы нам некоторый достаток и, главное, поправило бы пошатнувшееся положение в обществе.

– Поверьте, положение герцога и герцогини Пантатегов в обществе не пошатнулось бы, явись вы сюда даже в нищенских обносках! Это стало бы лишь несмываемым пятном позора для меня, но не для вас! Так что то, что я предлагаю, я делаю не только для вас, но и для спасения достоинства короны. Что же касается должности при дворе... Вы, должно быть, знаете, что три года назад у меня трагически погибли жена и дочь... Теперь при дворе нет должности фрейлины, и это создаёт некоторые проблемы... Вот если бы должность для вас, герцог...

– Простите, ваше величество, но я хотел бы вернуться домой и попытаться возродить домен, по праву принадлежащий мне и Пеллионоре, – склонился Вилиодий, боясь, что навлечёт отказом гнев вспыльчивого монарха. Однако ничего подобного не случилось.

– Это хороший ответ, милорд! – кивнул король. – И вы совершенно правы. Что ж... Давайте поступим так. Я приглашаю вас с сестрой покамест быть моими гостями при дворе. Побудьте здесь какое-то время, а мы придумаем, как быть

дальше.

– О, благодарю, ваше величество! – вновь воссиял Вилиодий. – Вы ослепляете нас своей щедростью! И это подтверждает, что я был прав, когда решил обратиться к вам за помощью.

– Конечно же прав! – улыбнулся Конотор. – Так вы согласны принять приглашение?

– Мы с радостью принимаем его, ваше величество! Говорю это и от себя, и от имени моей сестры!

– Я счастлив! Вы станете украшением двора, я в этом уверен!

И король бросил долгий взгляд на Пелли, заставив её задретаться.

Глава 42. Знакомство

То, что у короля появились новые фавориты (а скорее даже фаворитка), стало совершенно ясно после того, как он объявил о приёме в честь герцога и герцогини Пантатег. Причём это был не просто приём, а масштабное помпезное мероприятие с большим количеством званых гостей и грандиозным пиршеством в конце.

Оба виновника торжества были явно сконфужены подобным приёмом и обескуражены тем вниманием, которое обрушилось на них. Не было при дворе ни одного человека, который ни стремился бы сейчас сказать хоть слово герцогу Пантатегу или же сделать комплимент герцогине. История с пожаром, которую минувшим летом в столице практически не заметили на фоне эпидемии, теперь передавалась из уст в уста и неизменно сопровождалась множеством вздохов.

Король, который, как отмечали придворные, как будто впервые за долгое время постарался немного привести себя в порядок, неустанно вещал об обязанности государства не допускать хирения древних родов. Учитывая, сколько представителей знатных семейств закончили свою жизнь на плахе, и как часто это приводило к едва ли не полному угасанию рода, все эти сентенции выглядели довольно неуместно, однако же окружающие его величество льстецы не уставали кивать и поддакивать.

Здесь же, во время приёма, Конотор объявил о том, что исконные земли Пантатегов возвращаются их законным владельцам. Речь, конечно же, шла о территориях, отчуждённых после ареста двух братьев. Кому теперь принадлежали эти земли, и как их удалось заставить расстаться с ними – король умолчал. Равно как и о судьбе самого младшего из трёх братьев Пантатегов, о котором давно уже было ничего неизвестно – умер ли он, или же томится в какой-то из тюрем.

Также прямо во время церемонии министр финансов торжественно передал королю стопку бумаг. Это были символические закладные на замок Пантатегов. Конечно же, настоящие долговые бумаги продолжали благополучно пребывать у их хозяев, а сами они даже ещё и не знали, в какую передрагу попали, но когда его величество вручил Вилиодию эту пачку, все присутствующие разразились громкими овациями.

Кстати говоря, на этом самом приёме присутствовал и мессир Каладиус, которого мы в последнее время как-то потеряли из виду. Старый волшебник по-прежнему презирал подобные мероприятия и избегал их, но на сей раз решил почтить его своим посещением, повинувшись какому-то внутреннему чутью. Ему было очень интересно взглянуть на юную парочку, которая, едва появившись, наделала столько шуму.

Надо сказать, что первое впечатление было приятным. И юноша, и девушка, несмотря на то, что на них свалилась внезапная слава, вели себя очень скромно и скорее стеснялись этой неожиданной популярности, нежели наслаждались

ею. Каладиус навидался на своём веку много других людей, тех, которые едва почувствовав малейшее благоволение к себе, пытались присосаться к нему и испытать досуха. Особенно много таких как раз бывало при правителях, подобных Контотуру.

Понравилась великому магу и реакция герцога Пантатега, когда они наконец встретились воочию. Было видно, что юноша очень оробел от присутствия этого легендарного, и даже страшного человека, но в его глазах был замечен также и интерес. Он был похож на учёного, который вдруг увидел редкую и весьма ценную книгу.

– Для меня великая честь, мессир, пожать руку, которая вершила историю королевства на протяжении столетий, – сказал он. – Глядя на вас, я благоговею от одной мысли, что когда-то на вас так же взирали величайшие люди прошлых эпох. Я словно стал сейчас ближе ко всему тому, о чём раньше лишь читал.

– А вы много читали, молодой человек? – с лёгкой иронией поинтересовался волшебник.

– Увы, мессир, напротив – прискорбно мало. У отца было всего полторы-две сотни книг, но я прочёл их все.

– Должно быть, там были одни романы и поэзия? – Каладиусу нравился этот чистый юношеский пыл, незапятнанный и неосквернённый ещё долгой придворной жизнью, и ему хотелось продолжать этот лёгкий, ни к чему не обязывающий диалог.

– В нашей библиотеке куда больше военных мемуаров, мессир. Есть и исторические труды, где ваше имя фигурирует чаще, чем имена иных королей. Никогда бы не подумал, что смогу увидеть вас.

– Да уж... Многие скажут, что я в своей жизни сотворил немало ужасного, – усмехнулся маг.

– Мне кажется, что многое из того, что современники называют ужасным, потомки назовут великим, мессир. И наша история вполне доказывает это.

– О, замечательная мысль, молодой человек! – похвалил Каладиус. – И я говорю так не потому, что падок на лесть, ибо в моём возрасте лесть мне давно приелась. Но это действительно зрелые рассуждения, которые несколько удивительно слышать от такого юного человека как вы.

– Увы, вы правы, мессир. Я – всего лишь домашний книгочей, и вся моя так называемая мудрость – лишь мудрость других людей, которую я жадно черпал из книг. И я прекрасно понимаю, что весь мой опыт – лишь жалкая песчинка в сравнении с вашим.

Что ж, вы не только умны, но ещё и учтивы. Эти два качества весьма похвальны для человека вашего возраста, милорд. Вижу, мне будет приятно перекинуться с вами словечком.

– Ваши слова весьма лестны для меня, мессир! Я не могу поверить, что мои скромные способности столь высоко оценены человеком, который уже давно сделался легендой!

– Ну полноте, молодой человек, ещё немного, и я начну подозревать вас в том, что вы пытаете меня обольстить! А льстецов здесь, при дворе, и так через край. Так что мой вам совет – не дайте этой своре поглотить вас. Если вы лишь дадите им повод – они или сожрут вас, или сделают частью своей стаи. Будьте собой, и помните, что здесь есть как минимум один человек, который это оценит.

– Благодарю за добрые слова, мессир, – поклонился Вилиодий. – Я приму их как ценный урок!

Раскланявшись, они на время расстались. В отличие от всех прочих обитателей дворца, Каладиус не направился расточать комплименты госпоже Пеллионоре, лишь вежливо поклонился ей издали. Кажется, девушка, порядком ошалевшая от такого внимания, почувствовала лишь облегчение от того, что ей не пришлось разговаривать с великим магом.

Позже, во время ужина, на котором присутствовало не менее двухсот человек, король вновь обратился с речью к герцогу и герцогине. И в конце он вновь предложил Вилиодию остаться при дворе и получить какую-нибудь лакомую должность.

– Благодарю вас, ваше величество, – скромно, но твёрдо ответил тот. – Но я всё же хотел бы вернуться обратно. Мне предстоит большая работа по возрождению моего надела. К тому же, признаться, я соскучился по родным местам.

Невольная слеза блеснула при этих словах у Пеллионоры – она-то понимала, что, в отличие от брата, она вряд ли смо-

жет вернуться обратно.

– Полноте, герцог! – король позволил себе уже сегодня два полных бокала вина, и сейчас пока находился в довольно благодушном настроении. – Вы что – скучаете по вашим дебрям и комариным топям? Или вас там ждёт молодая и смазливая дочка мельника, а?

Дружный хохот двух сотен подхалимов раскатился по залу. Не смеялись лишь брат и сестра, да ещё Каладиус. Он с пристальным интересом наблюдал за юным герцогом, как учитель наблюдает за учеником.

– То, что вы называете дебрями, ваше величество, на самом деле – прекрасные леса, произрастающие с самой заре времён, – спокойно и с достоинством ответил Вилиодий, проигнорировав последнюю фразу. – Видели ли вы, ваше величество, деревья с такими стволами, что дюжина взрослых мужчин, взявшись за руки, не сможет обхватить их? Неподальёку от нашего замка есть арионнитская часовня. Знаете, чем она необычна? Её соорудили прямо в стволе высохшего дерева. Громадный лесной великан с диаметром ствола в двадцать четыре фута. Когда-то, десятилетия назад, в нём появилось дупло, и со временем сердцевина сгнила, но само дерево стоит и теперь. Крестьяне выдолбили ствол изнутри, ободрали кору, срубили ветви, и теперь часовня выглядит невероятно. Она так высока, что немногие храмы сравнятся с нею. Думаю, в ней не менее двухсот футов высоты.

– И что же, в этой часовне проводятся службы? – неверо-

ятно, но король, кажется, был на самом деле заинтересован.

– Каждый день, – кивнул юноша.

– Это удивительно! – воскликнул Конотор и по столам пробежал гул поддакивания.

– Вот видите, ваше величество, вы уже прониклись! А ведь вы даже не видели всей той красоты, что окружает наш замок. Всего в какой-нибудь тысяче футов от стен начинается древний лес. Он с детства волновал меня. Это настоящая древняя сила, ваше величество, такая же, как океан или горы. Я никогда не был на побережье, но иной раз, выходя вечером на балкон нашей Сторожевой башенки, я представляю себе, что стою на берегу безбрежного зелёного океана. Когда разыгрывается ветер, по верхушкам леса будто бы прокатываются волны, и они шумят, словно прибой. Мне стоит лишь закрыть глаза – и вот я уже словно на палубе корабля! А заходящее солнце багрянит верхушки деревьев, превращая их настоящую сказку.

– Вы так рассказываете, герцог, что мне уже самому хочется увидеть все эти чудеса!

Действительно, король сейчас выглядел необычно. Все привыкли к его вечно хмурому, раздражённому выражению лица, потухшим глазам и обвисшей нижней губе. Сейчас же глаза Конотора блестели каким-то азартом – казалось, он действительно прямо сейчас подскочит и отправится в имение Пантатегов, чтобы любоваться зелёным прибоем.

– Для меня будет величайшей честью принять вас в своём

доме, ваше величество! Если прикажете, мы можем отправиться туда в любой момент!

– Право же, милорд, – вдруг поник Конотор. – Вы едва не заставили меня поверить в эту возможность! Но нет... Время моих путешествий уже позади... Но спасибо вам за этот рассказ!

Сейчас король выглядел таким, каким его ещё не видели приближенные. Какая-то светлая грусть изгладила его вечно сварливое лицо, придала ему какие-то совершенно человеческие черты. Теперь это был не извращённый тиран, снедаемый демонами подозрительности и жестокости, а уставший и опустошённый человек, на одно мгновение ощутивший тепло жизни.

Каладиус был поражён этим. Неужели эта пара явилась в столицу как благословение самого Арионна? Неужели они смогут обуздать демонов, ярящихся в душе этого, казалось бы, давно пропавшего монарха? С неподдельным уважением волшебник глядел на этого совсем ещё молодого человека, который своей простотой и искренностью, столь редкими теперь при дворе, за несколько минут достиг большего, нежели он, такой многомудрый и изощрённый, за последние двадцать лет.

Теперь великий маг окончательно решил, что ему во что бы то ни стало нужно сблизиться с юношей. Конечно, дело было не только в этой проникновенной речи. Он что-то видел в нём – нечто такое, что способен увидеть, наверное,

лишь человек с многовековым опытом пребывания при дворе. Так талантливый плотник с одного взгляда определяет идеальное дерево, которое лучше всего подойдёт для его целей. Вот и теперь чутьё Каладиуса подсказывало, что у этого молодого человека может быть великое будущее. Конечно, если рядом будет кто-то, кто направит его.

По счастью, король Конотор этого, похоже, не ощущал. У него никогда не хватало проницательности, которую с лихвой заменял страх покушений. Сейчас он видел лишь двух молодых людей – почти детей, причём, похоже, он куда больше внимания сейчас уделял не герцогу Пантатегу, а его весьма симпатичной сестре. Для Каладиуса это было огромной удачей – это означало, что ему не нужно, по крайней мере – пока, тратить много сил на защиту Вилиодия.

– Значит, вы любите читать? – вторая встреча с герцогом Пантатегом проходила в неформальной обстановке. Каладиус просто заявился в покои, которые были выделены для молодых людей, с непосредственностью, которая свойственна лишь глубоким старикам. Он пояснил, что ему стало очень скучно, и этого было достаточно.

На самом деле, Вилиодий был очень рад приходу великого мага. Он всё ещё робел немного в его присутствии, но желание «прикоснуться к истории» было сильнее. В отличие от брата, Пелли, похоже, весьма настороженно относилась

к старику, который, судя по тем сказкам, что слышала она в детстве от кормилицы, за свою жизнь сотворил зла больше, чем король Конотор мог себе даже вообразить. Поэтому юная герцогиня, сославшись на усталость и недомогание, поспешила удалиться в свою спальню. Мужчины же, удобно устроившись на диванах с бутылочкой старого биррийского, повели этот приятный для обоих разговор.

– У меня просто нет другого выхода, – пожал плечами Вилюдий. – Если бы я мог добыть те же знания практически, например, совершив путешествия, я бы, конечно, предпочёл этот вариант.

– Но путешествия можно совершать лишь в пространстве. Вам не вернуться в прошлое и не добыть знания о минувших событиях практически. Так что книги всегда останутся необходимостью.

– Ну разумеется! Хотя вот передо мною человек, который не только наблюдал многие великие события древности, но и был их участником, а то и инициатором! Полагаю, что беседы с вами и станут для меня тем практикумом, ведь я, по сути, совершаю путешествие во времени, коль говорю о некоем давно минувшем событии с его современником!

– О, я бы не стал уже полагаться на свою память, – усмехнулся маг. – За эти столетия я позабыл больше, чем иные учёные узнают за жизнь.

– Каково это – жить так долго? – внезапно спросил юноша.

– Не знаю... – признался Каладиус. За все эти долгие века

ещё никто не спрашивал его о подобном. – Иногда это кажется чрезмерно сложным. Иногда – простым и приятным. Но, судя по всему, к этому постепенно привыкаешь.

– Вы помните своих родителей?

– Маму я не помню – она умерла при родах. Отца я тоже никогда не видел – в момент, когда я родился, он был на войне, поэтому меня забрал тот, кто извлёк меня из безжизненного чрева матери. Это был весьма могучий маг, и он воспитывал меня.

– Как его звали?

– Его имя ничего не скажет вам, молодой человек, – покачал головой волшебник. – Он был отшельником, не вмешивающимся в людские дела. То, что он оказался в нашем замке в ночь моего рождения – настоящий промысел богов, ибо ему было видение. Несколько дней он шёл пешком, чтобы успеть к означенному сроку.

– И это он обучил вас магии?

– Он обучил меня магическим техникам. Что же касается способностей – они были даны мне от рождения. Вероятно, я стал бы волшебником и самостоятельно, однако нужно отдать должное моему учителю – он передал мне всё, что знал, и это были весьма ценные знания.

– А как узнать – есть ли у человека магические способности? – было видно, что юноша спрашивает не из праздного интереса.

– Вы хотели спросить – могу ли я проверить вас на пред-

мет их наличия? – усмехнулся Каладиус.

– Если честно, то – да... – покраснел Вилиодий. – При-
знаюсь, я был бы счастливейшим из людей, если бы мог сде-
латься учеником самого мессира Каладиуса!

– Определить способности можно, хотя это и трудно. Од-
нако, должен сказать, что если бы вы, друг мой, обладали до-
статочно выдающимся даром, он за эти годы уже сумел бы
как-то проявить себя. Если этого не произошло, то либо та-
ких способностей у вас нет, либо они имеют слабый потен-
циал. И в том, и в другом случае обучение магии не будет
эффективным для вас. Вы можете, конечно, заниматься, но
не достигните особенных успехов. Поэтому куда более пра-
вильным будет бросить все свои силы на то, чтобы из вас
вышел, например, выдающийся политик, ежели быть выда-
ющимся волшебником не суждено.

– Политик? – переспросил Вилиодий. – С чего бы мне ста-
новиться политиком?

– Ну это я просто для примера, – пожал плечами маг. –
Однако, должен заметить, из вас получился бы отменный по-
литик!

– Говоря откровенно, мессир, я не думаю, что теперь са-
мое удачное время для занятий политикой... – осторожно
проговорил молодой человек. – Я хочу сказать, что его вели-
чество, конечно, весьма добр к нам, но...

– Не надо, не продолжайте, мой юный друг, – кивнул в
ответ Каладиус. – Я понимаю, что вы хотите сказать, и не

всякие слова уместны здесь, в этом дворце. Давайте лучше говорить о науке.

И они говорили больше двух часов. Каладиус был в восторге от живого ума юноши. Недостаток жизненного опыта он с лихвой компенсировал остротой своего разума. Глядя на юного герцога, волшебник всё больше думал о том, каким отличным правителем он мог бы стать. Именно рядом с таким монархом и было его место, именно такому королю был бы нужен первый министр вроде него.

Нельзя сказать, что Каладиус испытывал жестокие угрызения совести из-за произошедшего с семьёй Конотора, но всё же изредка он думал о том, что было бы, не отлучись он в ту поездку. Конечно, казнённый принц не был бы образцом великого правителя, окажись он на троне, но, с другой стороны, он был бы явно лучше отца – бесполезный, но и безвредный. Королеву и принцессу великому магу было даже немного жаль – настолько, насколько он вообще не утратил ещё способность кого-то жалеть.

Сейчас верховным магом всё чаще владела мизантропия. Иногда он и вовсе подумывал о том, чтобы оставить двор и отправиться куда-нибудь – да хоть действительно в саррасанскую пустыню! Король Конотор не только сам был животным – он словно понемногу убивал всё человеческое в окружающих его людях. Останавливало лишь одно – потеря ресурсов, которые маг тратил на свои изыскания. Сидя в пустыне, заниматься наукой было бы куда как сложнее.

И вот внезапное появление герцога Вилиодия словно открыло небольшое окошко в тёмном затхлом подвале. Небольшой лучик света, небольшое дуновение свежего воздуха, но этого хватило, чтобы что-то изменилось. Нет, презрение Каладиуса к людям и их извечной возне никуда не делось, но вдруг появилось ощущение того, что он мог бы и даже хотел бы что-то изменить.

Не нужно было быть великим мыслителем, чтобы понять, что Конотор довёл Латион до краха. Великий маг за свою жизнь видел много королей, но мало кто из них был хуже этого жирного злобного чудовища. Наверное, можно было просто ждать, пока он умрёт сам, при этом наблюдая, как умирает королевство, которому лично он, Каладиус, некогда отдал столько сил. Наверное, в этом не было бы ничего страшного – по меркам волшебника оставшийся Конотору срок был просто ничтожным. Да к тому же в последнее время сам он так мало интересовался государственными делами...

Но мысль, едва зародившись, тут же накрепко вцепилась в мозг. Латиону нужен новый король. Король, достойный носить корону.

Глава 43. Помолвка

В следующий раз Каладиус пригласил Вилиодия в свой особняк – так он мог быть уверен, что их не подслушают. Конечно же, нельзя было прямо так вот взять и предложить молодому человеку совершить государственный переворот. Нужно было готовить его к этому, а значит, что требовалась ещё не одна встреча.

Вилиодий охотно посещал великого мага – он получал удовольствие от учёных бесед с ним, а кроме того, особняк волшебника был просто набит всевозможными редкостями и уникальными вещами. Таким образом, он едва ли не каждый день находил время, чтобы приехать хотя бы на час. С горящими глазами юноша взирал на могущественные магические артефакты, произведения искусства минувших веков, ценнейшие книги, некоторые из которых были писаны ещё во времена империи. Всё-таки он действительно мечтал стать учёным, коль уж стезя мага оказалась для него недоступной.

В какой-то момент Каладиус даже забеспокоился – жажда знаний так поглотила юного герцога, что он вполне серьёзно заговорил о поступлении в Академию, дабы посвятить себя науке. Это шло вразрез с планами великого мага, поэтому он попытался ограничить любопытство молодого человека. Он стал реже демонстрировать ему диковины, вести меньше

учёных разговоров.

Теперь они всё больше говорили о государственном устройстве, экономике, политике. Здесь, во дворце верховного мага, можно было не опасаться, что неосторожные слова будут донесены королю. Вся прислуга Каладиуса была тщательно отобрана и боялась своего господина пуще любой службы безопасности, самого короля, а также всех пыток и казней. Кроме того, великий маг был невероятно щедр, так что многие из его слуг жили не хуже иных государственных чиновников. Таким образом Каладиус мог быть почти абсолютно уверен в каждом из них. Кроме того, он уж точно был абсолютно уверен в том, что король никогда не посмеет поднять на него руку.

Каладиус в разговорах с Вилиодием не пытался чрезмерно очернять короля. Однако он часто упоминал те или иные факты, выставляющие Конотора не в лучшем свете. Даже живя в глубокой провинции, юный герцог не мог не знать, что происходило в стране, но эти знания были поверхностны и обрывочны. Сейчас волшебник методично дополнял и углублял их, пытаясь в итоге создать целостную и мрачную картину.

Следует отметить, что молодой человек был осторожен не по годам. Он никогда не позволял себе лишнего слова, которое могло бы быть неоднозначно трактовано. Возможно, он не доверял до конца великому магу, или же просто осторожность была одной из черт его характера. Впрочем, осторож-

ность и ум, по наблюдениям Каладиуса, всегда шли рука об руку.

Когда волшебник после изложения очередного исторического факта предлагал Вилиодию прокомментировать тот или иной поступок короля Конотора или предложить собственное решение, тот довольно искусно увиливал от скользкой темы. Конечно, человек вроде Каладиуса при желании легко добился бы требуемого, но великий маг предпочитал не давить на своего «ученика». В конце концов, умение увиливать от прямых ответов – одно из ценнейших качеств любого политика.

Пока что Каладиус не мог прочесть, что творилось в сердце юноши, что было достаточно странно для такого мудрого и проницательного человека. Иногда ему казалось, что глаза Вилиодия на мгновение вспыхивают, когда маг предлагал представить себя на месте короля, но затем молодой человек вновь отгораживался непроницаемой маской вежливости. Он не оспаривал слова волшебника, когда тот всё более резко критиковал Конотора, но и не спешил поддакивать.

Единственный раз, когда великому магу действительно удалось расшевелить юношу, случился в момент разговора о судьбе королевской семьи. Каладиус рассказал всё, что узнал, вернувшись три года назад в столицу. Он достаточно подробно выяснил, что произошло тем роковым летом, и пусть подробности остались ему неизвестны, но в целом картина была совершенно ясна. В частности, он знал, что обви-

нения против принца были ложны, и что королева и принцесса были задушены. Он знал даже имя исполнителя – Рент Бабер. И он позаботился о том, чтобы этот человек не слишком задержался на этой стороне Белого Моста, будучи абсолютно уверенным, что его душе не сделать и шага по Белому Пути – он оскользнётся и исчезнет в пучине Хаоса.

Обо всём этом Каладиус рассказал Вилиодию, не тая ничего. Почему-то он был твёрдо уверен, что молодой человек не выдаст его, не помчится с доносом к Конотору. И порукой тому была не только репутация самого верховного мага, но и ощущение порядочности юного герцога. Молодой человек с нескрываемым ужасом и отвращением выслушал эту страшную историю. Пока что он не имел возможности столкнуться с низменными проявлениями короля, но вполне осознавал, на что тот способен.

– Ну и что вы об этом думаете, милорд? – поинтересовался волшебник у хранящего потрясённое молчание Вилиодия.

– Что я об этом думаю? – эхом повторил тот, но затем немного пришёл в себя и сосредоточился. – Я думаю, мессир, что нам с Пелли нужно как можно скорее уезжать. Ей может грозить чудовищная опасность.

– Вы полагаете, что в Латионе есть место, где вы сможете укрыться от его правителя? – картинно поднял бровь маг. – Вы полагаете, что ваш замок станет достаточной защитой для вас?

– Всё лучше, чем быть здесь и ждать, когда придёт беда, – буркнул Вилиодий, но по его виду было понятно, что он не питает иллюзий.

– Но пусть даже и так, – не сдавался Каладиус. – Разве бегство – это достойный ответ? Может быть, вы и сбежите, хотя я в этом очень сомневаюсь. Но множество других? Они останутся здесь и рано или поздно разделят судьбу несчастных домочадцев короля.

– Почему вы пытаетесь на меня взвалить такую ответственность? – воскликнул юноша. – Вы-то сами почему не прекратите всё это? Вы, самый могущественный человек в королевстве! Стоит вам лишь пошевелить пальцем – и всё закончится! Причём здесь я?

– Да, вы правы, – смиренно кивнул маг. – Смерть этих несчастных... да и, говоря по совести, смерть сотен и сотен других подозреваемых в измене, действительно во многом – моя вина. И я мог бы остановить это, но... Мой юный друг, вам двадцать один год, и вы прожили уже довольно долгую жизнь, которая многому вас научила, многое сделала привычным. Представьте каково мне, старику, прожившему больше половины тысячелетия! Людские жизни уже давно ничего не значат для меня. Я видел столько смертей, что этими мертвецами можно было бы заселить целое королевство. Люди для меня – как листья на дереве. Одни осыпаются, появляются другие, чтобы вскоре также опасть на землю. Я давно устал вмешиваться в суетные дела людей, потому что

это всё равно, что пытаться построить дом из сухого песка – покуда ты пытаешься сформировать одну стену, три другие уже рассыпаются бесформенными кучами.

Вилиодий за то время, что он провёл с Каладиусом, по-немногу привык к нему, и уже относился к волшебнику почти как к обычному человеку. Теперь же он вновь смотрел на старика со страхом и благоговением, не имея сил даже попытаться постичь те бесконечные годы, что тот прожил на свете, и то бессчётное количество людей и событий, что произошло перед ним.

– Я мог бы избавить королевство от этого тирана, – продолжал меж тем маг. – От этого, и от многих прочих, поскольку Конотор, быть может, один из худших, но всё же далеко не единственный. Но кем бы тогда я стал? Тайным правителем? Уж не проще было бы тогда самому надеть себе на голову корону? Признаться, когда-то у меня были такие мысли. Но это было слишком давно, и теперь уж подобным меня не заинтересуешь. Но даже если я и решусь нарушить свой принцип и устранить Конотора – кто придёт ему на смену? Если уж затевать подобное, то нужно быть уверенным, что в результате станет лучше. Для всех. Поэтому-то мне и нужен человек, способный стать тем правителем, которого достоин Латсион.

Говоря это, Каладиус пристально глядел на Вилиодия. Он уже почти целиком открыл все карты – более чем достаточно, чтобы умный юноша всё прекрасно понял.

– Вы понимаете, что предлагаете мне... измену? – слегка дрожащим голосом произнёс герцог.

– Измену – кому? – возразил Каладиус. – Измену этому жирному борову, пожирающему собственных детей? Ведь не измену же королевству, которое наконец-то вздохнёт свободнее? Посмотрите на меня, молодой человек. Я почти четырёста лет служу этому государству. Не кажется ли вам, что в каком-то смысле именно я, а не Конотор представляет Латсион в гораздо большей степени?

– Но это ведь будет смена династии. Знать этого не потерпит.

– Династия и так умрёт вместе с королём. Он уничтожил всех прямых наследников династии и большую часть побочных. Так или иначе, но династия Тионитов в том виде, в каком мы её знаем, прекратится очень скоро.

– Но с чего вы взяли, что они примут меня в качестве короля? Меня, никому не известного провинциала, у которого и молоко-то на губах ещё не обсохло? Даже если вы посадите меня на трон, доживу ли я хотя бы до собственной коронации?

– На этот счёт вы можете быть абсолютно спокойны, милорд. Если рядом с вами буду я, никто не посмеет даже косо на вас поглядеть.

– Вам просто нужна марионетка на троне, не так ли? Ведь вы сами сказали, что считаете себя главным представителем Латциона. Значит, и я буду лишь читать с листа то, что вы мне

напишете. А в случае чего – просто найдёте мне замену.

– Мне нужна марионетка на троне? – усмехнулся Каладиус. – Ежели хотите знать, молодой человек, то уже несколько столетий на троне Латииона сидят мои марионетки. В том смысле, что я легко мог управлять, а иногда даже и приказывать любому из королей, начиная с короля Келдона Первого. Иногда я так и делал, не скрою. Но напомним вам о том, что я говорил ранее – я давно уже пресытился всем этим. Настолько, что если вы и откажетесь, мне, по большому счёту, это будет безразлично. Простите, но скале не вредит возня мышей в норах под нею. Хотите, мы сейчас же закончим этот разговор и никогда более не вернёмся к нему?

– Да, мессир, вы оказали бы мне огромную услугу, если бы впредь не ставили меня в подобное положение и не заставляли вести беседы о том, что может стоить жизни мне и моей сестре, – негромко, но твёрдо ответил Вилиодий.

– Что ж, – с явной досадой бросил Каладиус. – Воля ваша. О чём тогда изволите говорить, молодой человек?

– Пожалуй, мне пора вернуться к Пелли, мессир. Она, должно быть, уже заждалась меня.

Слух о том, что король, похоже, надумал жениться, облетел двор со скоростью молнии. Конечно, официально об этом не было сказано ещё ни слова, но у придворных обычно нюх на такие вещи. Действительно, его величество уже по-

что четыре года как был вдов и, что гораздо хуже, остался без наследника. Никто не говорил на эту смертельно опасную тему, но все думали о том, что же будет, если Конотор вдруг умрёт.

У короля было огромное количество бастардов. Всю свою жизнь он был невоздержан и наплодил множество детей. Какие-то из них имели достаточно высокое положение в обществе, поскольку матери их принадлежали к знатным фамилиям и были приближены ко двору. Гораздо большее количество их было неизвестными отпрысками шлюх, дворцовой прислуги, мещанок или мелких дворянок. Конечно, с точки зрения закона и обычаев ни один из них не имел права на трон, однако некоторые наиболее дальновидные придворные уже приглядывались к одному-двум из наиболее приемлемых вариантов.

Вероятно, думал на эту тему и сам король, потому что за последнее десятилетие было обезглавлено с полдесятка «мятежников», которым молва приписывала близкое родство с его величеством. И двое из них были казнены в последние два-три года. Вероятно, Конотор боялся, что даже такие наследники могут привлечь к себе сторонников и попытаться оспорить права на престол.

Однако же, преуспев в делах по устранению возможных кандидатов на трон, король оказался в непростой ситуации, грозящей угасанием древней и славной царственной династии, родоначальником которой был сам Увилл Великий.

Конотору неоднократно уже предлагали найти себе жену, способную зачать наследника, но тот всякий раз отмахивался. Возможно, он всё-таки чувствовал какое-то раскаяние за смерть жены и детей, и подобные разговоры были для него болезненны.

Многие из числа приближённых к королю отмечали, что в последнее время он и вовсе охладил к женскому полу. Те несколько придворных дам, которых двор втихомолку величал наложницами короля, были удалены от двора вместе с их непутёвыми мужьями. Все они отправились в свои провинциальные имения, причём даже не потому, что надеялись скрыть там свой позор, а по прямому указанию его величества.

Всё более редкие теперь попойки уже не напоминали былые оргии. Изредка король, перебрав с вином, мог позволить себе облапать одну из служанок, или даже поиметь её где-нибудь прямо в полутёмном коридоре. В некоторые минуты особой тоски, которая время от времени охватывала Конотора, он, в компании двух-трёх своих миньонов, отправлялся в бордель, где мог выпустить наружу затаившихся демонов. После несчастных девушек, на теле которых оставались ссадины, кровоподтёки и ушибы, буквально осыпали серебром, а пару раз, когда дело заканчивалось сломанной рукой или ребром, из кошелёй извлекалось и золото.

Но всё это было теперь редким случаем, так что многие из тех подонков, которыми обычно окружал себя король, с

тоской вспоминали о былых деньках. Однако сам Конотор словно испытывал боль от подобного общения с женщинами, и это очевидно было последствиями тех убийств.

И вот с появлением Пеллионоры что-то изменилось в короле. Он словно смягчился, хоть это и казалось невозможным. Наиболее глупые из придворных решили было, что приехавшие брат и сестра напоминают Конотору его собственных детей, но, на самом деле, не нужно было быть великим прозорливцем, чтобы заметить, что интересуется его величество главным образом лишь одна герцогиня, и интерес этот трудно назвать отческим.

Что было такого в Пелли, чего не было в прочих придворных красавицах? Каладиус считал, что это была та провинциальная невинность, которую не встретить при дворе, какая-то чистота и простота. Это был своеобразный парадокс – развратное и злобное животное вроде Конотора тянулось к чистому невинному цветку. И тяга эта была, по счастью, совершенно нетипична для короля.

В прежние времена Конотор, скорее всего, просто надругался бы над юной девушкой и забыл бы об этом, либо откупившись от её брата, либо сгноив его в тюрьме. Но совершенно внезапно в короле проснулось что-то человеческое, что, казалось бы, навеки уснуло под гнётом страстей. Вряд ли кто-то поверил бы, что он способен измениться, но всё же эти метаморфозы порядком взволновали двор.

То, что в планах юного герцога Пантатега было удачно

выдать сестру замуж, с самого начала знали почему-то все при дворе, хотя сам Вилиодий никогда об этом не упоминал. Приличная девушка из благородного рода, да ещё и красавица, да ещё и находящаяся в той поре волнующей юности, что так быстротечна и оттого желанна вдвойне – естественно, что от желающих просить руки прекрасной Пеллионоры не было отбоя. А то, что паре благоволил сам король, делало потенциальный союз ещё более привлекательным.

Всё изменилось, как только распространились слухи об излишней увлечённости девушкой самого монарха. Иметь такого соперника не желал никто, и поэтому поток воздыхателей иссяк так же внезапно, как и появился. Вокруг молодых людей образовалась пустота, которую оба они, уставшие от излишнего внимания, восприняли с облегчением.

Прошло уже более трёх недель с тех пор, как они прибыли в Латион. С одной стороны, жизнь их круто изменилась в лучшую сторону – все тяжбы против них были прекращены, исконные владения, потерянные после ареста дядей, вернулись. С другой стороны, их положение при дворе до сих пор оставалось неясным – ни Пелли, ни Вилиодий так и не получили никаких должностей, продолжая пребывать в статусе гостей его величества.

Они так и не обзавелись друзьями, поскольку вокруг них были лишь подхалимы. Исключение составлял лишь Каладиус, но Вилиодий не встречался с ним уже несколько дней – с того самого разговора. Кроме того, юноша был порядком

напуган тем, что узнал от великого мага, и, понимая, что это бессмысленно, всё же подумывал об отъезде.

Однако теперь, когда даже до них с сестрой дошли слухи о возможном сватовстве короля, отъезд стал тем более невозможен. Конотор то и дело приглашал их обоих то на представления, устраиваемые королевской труппой, то на обеды, то на светские приёмы. И всякий раз он пытался быть галантным с юной герцогиней, хотя это давалось ему с трудом. Он осыпал её знаками внимания, но при этом не обмолвился ни словом о возможной помолвке.

Эта неопределённость действовала на нервы. Вилиодий очень опасался, как бы всё это не сказалось на репутации Пелли. В конце концов её могли бы счесть простой содержанкой, ведь придворные весьма падки на скабрёзные истории, и при их отсутствии легко способны выдумывать их сами. Но положение его, конечно же, было весьма незавидным – не мог же он заявиться к королю и потребовать объяснений!

В такой ситуации молодым людям просто необходим был покровитель, а на эту роль подходил только лишь один Каладиус. Спустя более чем неделю, Вилиодий вновь отправил к великому магу записку с просьбой о встрече. И на сей раз он приехал не один, а вместе с сестрой, которая хоть и заметно побаивалась волшебника, но всё же понимала, что его участие в их судьбе сейчас просто необходимо.

К чести Каладиуса, он ни разу не заговорил с Вилиодиём

на запретные темы. Разговоры чаще всего велись об истории, магии или других странах. Гораздо менее начитанной, нежели брат, Пеллионоре было заметно скучно при этих беседах, но она вежливо сидела, улыбалась, и изредка отвечала великому магу. Постепенно она привыкла к нему, но, в отличие от брата, кажется, так и не прониклась приязнью.

Такая неопределённость продолжалась ещё некоторое время. Наступил уже месяц весны, когда король впервые стал заговаривать о своём желании жениться. Он до сих пор не называл имя избранницы, но всем оно было известно и без того. Всё шло к тому, что в самом скором будущем герцогиня Пеллионора Пантатег должна была сделаться новой королевой Латиона. То, что пятнадцатилетняя провинциалка или её почти столь же юный брат могут отказать его величеству, никому даже не приходило в голову.

Глава 44. Большая игра

То, что Каладиус вёл себя с Вилиодиём так, будто бы ничего и не случилось, совсем не означало, что он отказался от своей идеи. Но он, кажется, разгадал характер юноши и понимал, что если грубо на него давить, то вряд ли получится добиться желаемого. Поэтому на некоторое время великий маг позволил себе говорить с герцогом на любые темы, кроме самой главной.

Когда вокруг все заговорили о предстоящей свадьбе, волшебник понял, что приходит пора решительных действий. Если эта свадьба состоится, многое может усложниться. После смерти Конотора останется королева, которая формально может стать правительницей. А ежели родится ещё и наследник, то идея сделать королём Вилиодия и вовсе станет неосуществимой. Каладиус же был убеждён, что именно такой король нужен сейчас королевству.

И тогда великий маг осознал, что пришло время для опасной, но куда более эффективной политической игры. Ведь, в конце концов, к любой проблеме можно подойти с двух сторон. Если строптивый герцог упирается и не хочет выполнять своё предназначение, то можно попытаться подтолкнуть весь процесс со стороны короля. Вилиодий в своём юношеском максимализме возмущался против так называемой «измены» королю. Интересно, как он поступит, если король

будет угрожать его жизни?

Каладиус достаточно хорошо знал Конотора чтобы понимать, что зверь внутри него никуда не делся. Да, самые алчные и злые из его демонов, такие как подозрительность и жестокость пока дремали, убаюканные нежным голосом и очаровательным личиком его будущей невесты, но великий маг прекрасно осознавал, как просто будет пробудить их ото сна.

Разумеется, это было чрезвычайно рискованно. Реакцию Конотора нельзя было предсказать наверняка, как нельзя предсказать реакцию бешеной собаки. Но Каладиус всё-таки надеялся, что сумеет справиться с ситуацией, если та начнёт выходить из-под контроля. В конце концов, этот риск имел и положительную особенность – он в кои-то веки хоть немного заставил кровь великого мага бежать быстрее. Он придавал вкус опресневшей жизни, превращал её в игру.

Была, кстати, ещё одна игра, которая чрезвычайно нравилась Каладиусу. Он очень давно полюбил шахматы, и зачастую годы уходили у него на то, чтобы отыскать достойного соперника. И вот тут ему несказанно повезло с Конотором – не будучи блестящим стратегом в жизни, он великолепно играл в шахматы. Да так, что Каладиус, играющий в них уже пару столетий, и, казалось бы, ставший непревзойдённым игроком, выигрывал у короля едва ли одну партию из восьми, да ещё пару раз удавалось свести игру к ничьей.

Пожалуй, в последние годы это было едва ли не единственным поводом, заставляющим волшебника временами

навещать короля. В те редкие случаи, когда тот не напивался, он, бывало, отправлял своему первому министру приглашение. Такие партии иногда длились по нескольку часов. Это были те немногие моменты, когда Каладиус мог поговорить с Конотором без чувства отвращения.

Теперь король пил гораздо реже, но шахматные вечера у них по-прежнему проходили не чаще одного раза в два-три месяца. Однако для задуманного великим магом именно такая встреча подошла бы более всего. Подождав несколько дней, Каладиус, понимая, что время работает не в его пользу, сам отправил во дворец слугу с предложением королю провести вечер за шахматами.

За всё время подобное случалось лишь два-три раза, поэтому Конотор, конечно же, не отказал верховному магу. Правда, грядущий вечер он собирался провести, наслаждаясь новым представлением королевской труппы в компании невесты и нескольких приближённых, поэтому предложил перенести партию на следующий вечер. Каладиус счёл, что подобная задержка никак не может повредить делу, а потому согласился.

– Ваше предложение стало для меня приятной неожиданностью, мессир, – король жестом пригласил мага за стол, где уже были расставлены фигуры. – Ещё раз прошу простить, что не принял вас вчера.

– Ничего страшного, ваше величество, – ответил Каладиус, отметив новую странность Конотора: раньше тот не спешил извиняться. – Это была лишь прихоть скупающего старика, тогда как у вас были куда более важные дела с вашей невестой.

Волшебник нарочно употребил это слово, пытаясь спровоцировать реакцию короля.

– Да, когда ты так стар и безобразен, требуется куда больше усилий, чтобы завоевать даму, – усмехнулся Конотор.

– Я не узнаю вас, ваше величество, – маг был искренне удивлён. – Что с вами случилось?

– Вы будете смеяться, старый циник, но, похоже, это любовь, – пытаюсь скрыть столь нехарактерное для него смущение, Конотор грузно уселся за стол. – Я влюбился, как малолетний олух!

– Что ж, можно лишь порадоваться за вас, ваше величество, – серьёзно ответил волшебник. – Любовь – это роскошь, доступная не каждому. И отраднее видеть, что она так благотворно на вас влияет.

– Я сам не перестаю удивляться, – кивнул Конотор, передвигая первую фигуру (он всегда ходил первым). – У меня впечатление, что раньше внутри меня вечно пылало пламя преисподней, сжигая меня, а теперь оно словно погасло.

– Герцогиня Пеллионора может гордиться тем, что приручила такого зверя как вы, – усмехнулся Каладиус, делая ответный ход.

– Она чудесна, не правда ли?

– О да! – разговор, прямо как по заказу, с первых же минут пошёл в нужное для великого мага русло. – Полностью разделяю ваше мнение, ваше величество. Да и не только я один! Кажется, от нашей юной гостьи без ума уже решительно все, начиная от придворных, заканчивая торговками рыбой на рыночной площади!

– И она этого достойна, мессир! – с гордостью кивнул король. – Никогда прежде не видел я столь чистого создания!

– Полностью согласен, ваше величество! Это так прекрасно, что у Латиона будет всенародно любимая королева!

– Вы частенько выражаетесь так, что у меня возникает ощущение двусмысленности сказанного, – криво ухмыльнулся Конотор. – Вот и сейчас вы словно бы говорите, что всенародно любимого короля у Латиона нет.

– Ну вы же – не юная дева, чтобы все вас любили! – тонко усмехнулся Каладиус.

Великий маг обрадовался этой невольной досаде. Он уже начал опасаться, что новое благостное состояние Конотора гораздо глубже, чем казалось вначале, и, пожалуй, не позволит подозрительности овладеть им.

– Пожалуй, – кивнул король и словно бы задумался над очередным ходом.

– Вы словно обиделись на меня, ваше величество, – через некоторое время прервал молчание Каладиус. Игра развивалась для него достаточно скверно – несмотря на раздраже-

ние, король блестяще разыгрывал партию. – Но, право же, не стоит ревновать к будущей королеве! Вы – король, и вам – почтение и покорность. Она – королева, и ей – любовь и почитание.

– Помилуйте, мессир, разве меня могут задевать подобные пустяки, – отмахнулся Конотор. – Я очень рад, что госпожа Пеллионора популярна среди моего народа. Тем лучше для неё.

– И ещё как популярна! – словно для того, чтобы подластиться, закивал Каладиус. – Знаете, что рассказывала служанка, что приносит мне свежие овощи с рынка? Простолюдины уже окрестили юную герцогиню «наша Пелли», можете себе представить? Повсюду только и судачат о её красоте и её добродетели. А кое-кто уже называет её королевой. Мой кучер рассказывал, что сам слышал, как в одной из таверн народ поднимал тост за прекрасную королеву Пелли и её брата.

– И за брата? – нахмурился король. – А при чём тут брат?

– Кто же разберёт это отребье, ваше величество? – небрежно пожал плечами волшебник и поморщился – король захватил ещё одну из его фигур. – Народ – как малое дитя. Ему нужны сказки о прекрасных принцессах и благородных принцах. А герцог и герцогиня Пантатег отлично подходят на эту роль. Полагаю, они кажутся людям такими идеалами. Но особенно, конечно, госпожа Пеллионора.

– Интересно, когда в последний раз в тавернах Латиона

поднимали кружку за своего короля? – проворчал Конотор, чьё настроение, похоже, портилось всё больше.

– Уверен, что такое тоже случается, ваше величество.

И вновь маг очень точно подобрал слово «случается».

– Ну его к дьяволам, этот народ! – буркнул король, окончательно приходя в дурное расположение духа. – Все эти горлопаны заслуживают розг, коль вместо своего короля славят провинциального дворянчика-юнца.

– Полноте, ваше величество! Вы, право же, слишком много внимания уделяете этим ничего не значащим эпизодам! Что вам до этих забулдыг? Похоже, я напрасно заговорил об этом и испортил вам настроение...

– Да уж, вы столь же неважный рассказчик, как и игрок, месье, – с досадой ответил Конотор.

И действительно – теперь уже было очевидно, что волшебник безнадёжно проигрывал эту партию. Впрочем, это было неважно, поскольку в своей главной игре он, похоже, добился определённых успехов. Поэтому, проиграв всего через четверть часа после этого разговора, Каладиус, прикинувшись расстроенным, поспешил откланяться. Впрочем, мрачный и неразговорчивый король даже и не подумал просить его остаться.

Теперь Каладиус должен был бывать во дворце каждый день. Это было утомительно, но необходимо, поскольку сей-

час он был похож на трудолюбивого фермера, посадившего нежное и капризное растение, за которым требовался постоянный уход. И с радостным удовлетворением творца он вскоре отметил, что его вчерашний труд не пропал напрасно. Король весь день был хмур, а главное, волшебник заметил тот взгляд, которым его величество одарил вошедшего Вилиодия. Он очень хорошо знал этот взгляд, свидетельствующий, что в короле просыпаются какие-то подозрения.

Обождая для верности два дня, великий маг вновь явился на личную аудиенцию к королю – как первый министр, он имел на это право практически в любое время. Формальным поводом стало хлебное снабжение города – прошлое лето выдалось неурожайным, и королевские закрома были почти пусты. Сейчас Латион закупал большое количество хлеба у Пунта, и его доставляли Труоном из Палатия. Однако зерна всё равно не хватало, поэтому положение в городе было довольно безрадостным.

Каладиус начал разговор с предложения обратиться к Саррасе. Действительно, империя могла продать немало хлеба, который несложно было доставить в город, и это могло бы стать решением проблемы. Однако, в свою очередь вставал финансовый вопрос – из-за разорения множества хозяйств налоги, собранные в предыдущем году, были на треть меньше запланированных. В казне заканчивались деньги так же, как в амбарах заканчивалось зерно.

Вообще, несмотря на должность первого министра, кото-

рую Каладиус замещал уже несколько столетий, он обычно не занимался подобными делами, оставляя их на долю советников и министров короля. Однако сейчас он вполне мог сослаться на то, что положение становилось чрезвычайным и требовало внимания даже такого человека как он.

Как обычно при такого рода разговорах, король довольно быстро впал в мрачность. Он раздражённо говорил о плохо собираемых налогах, о неэффективной работе своих министров, роптал на Асса, посылающего королевству одно испытание за другим. Он видел виноватых в каждом, кроме самого себя. Каладиус со скрытым удовлетворением наблюдал, как Конотор всё больше раздражается, и в какой-то момент решил, что тот уже готов для очередного хода в задуманной магом игре.

– Довольно о делах, ваше величество! – словно пытаюсь успокоить короля, улыбнулся Каладиус. – Для того, чтобы говорить об этом предметно, нам всё равно надобно будет собрать Королевский совет, а пока мы лишь злимся да зарабатываем себе изжогу. Давайте лучше поговорим о чём-нибудь приятном. Я так понимаю, вы уже сделали официальное предложение госпоже Пеллионоре? Мои поздравления!

– О чём вы? – удивлённо взглянул на него Конотор. – Я не делал никакого предложения. С чего вы взяли?

– Да?.. – великий маг очень натурально изобразил сконфуженность. – Простите, я полагал... Просто утром я слышал, как одна из горничных, говоря о герцогине, назвала её

«её величеством». Вот я и решил...

– Которая из них? – волшебник услышал, как скрипнули зубы короля.

– Помилуйте, ваше величество, почём я знаю? – всплеснул руками Каладиус. – Для меня они все одинаковы. Да к тому же она, похоже, не единственная. Один из стражников отправил другого в крыло герцогини, именовав его «покоюми королевы».

– Да что тут вообще происходит? – Конотор в ярости сжал кулаки. – Кажется, теперь последняя кухарка у нас может провозглашать королей и королев! Что дальше? Может быть, они также запросто и меня лишат этого звания? Объявят королём этого сопляка Вилиодия?

– Почему бы и нет? – маг сделал вид, что счёл слова короля шуткой и решил ему подыграть. – Герцог Вилиодий весьма популярен при дворе. Вся молодёжь вьётся вокруг него, словно мухи. А нам с вами остались лишь старики. Так что собственная свита у него уж точно есть!

Каладиус говорил это нарочито насмешливым тоном, чтобы это выглядело лишь как шутка, но он прекрасно знал, что Конотор – последний человек на земле, который способен оценить такие шутки по достоинству. Он тыкал палкой в осиное гнездо, но точно знал – что и для чего делает.

– Послушать вас, мессир, так он уже – почти король! – глухо проворчал Конотор, что означало, что он уже взбешён до крайности.

– Увы, ваше величество, молодость не признаёт старость, – философски пожал плечами маг. – Мы с вами для всех этих фанфаронов – лишь пыльные экспонаты, объекты для насмешек. Мы, по их мнению, всё делаем нескладно. Другое дело изящный молодой человек, обладающий несомненными достоинствами. Для них он – король почище нас с вами.

– Вы несёте вздор, мессир! – рявкнул Конотор, уже не владея собой.

Мало кто в последние лет триста смел так разговаривать с верховным магом, но Каладиус спустил королю его тон, ведь то, насколько забылся Конотор, было лучшим доказательством того, что волшебник всё делает правильно.

– Простите, ваше величество, – с покаянным видом поклонился маг. – Пожалуй, я слишком редко бываю при дворе, и отвык от придворных манер. Я стал слишком часто портить вам настроение. Думаю, мне будет лучше удалиться сейчас.

И не дожидаясь ответа короля, волшебник вышел.

Каладиус знал, что король непременно обратится к главе службы безопасности дворца, которую после скоропостижной смерти Рента Бабера возглавил некто Стеннель. Это уже был, если можно так выразиться, человек Каладиуса. Именно великий маг рекомендовал его Конотору, и этот самый

Стеннель, будучи довольно мерзким типом, был, во всяком случае, безгранично предан первому министру. Он был одним из немногих, кто знал истинную судьбу Рента Бабера, и потому весьма не хотел огорчать легендарного волшебника.

Ещё накануне Каладиус встретился со Стеннелем и дал ему некоторые указания. И тот их блестяще исполнил, когда, спустя четверть часа после ухода верховного мага от короля, последний потребовал срочно вызвать к нему главу службы безопасности.

– Верно ли, что дворцовая челядь уже называет герцогиню Пантатег королевой? – без обвиняков и предисловий начал Конотор. В том же стиле он обычно общался с Рентом Бабером, и не видел причин что-то менять после смены главы своей шпионской службы.

– Да, ваше величество, такие случаи имели место, – Стеннель действительно во многом был похож на Бабера за исключением самого главного – он служил в первую очередь Каладиусу, затем – себе, а уж после – королю. У Бабера король был на втором месте.

– Много?

– Между собой у многих это уже вошло в обиход, ваше величество.

– Так какого дьявола вы бездействуете? – взревел Конотор. – Или вы тоже уже считаете её своей королевой?

– Если ваше величество прикажет, я подготовлю списки...

– К свиньям собачьим ваши списки, Стеннель! Просто

прекратите это! А что сама герцогиня? Как она относится к этому?

– В обращении к герцогине её обычно титулуют «ваша светлость». Впрочем, раз или два горничные случайно употребляли обращение «ваше величество».

– И что же герцогиня?

– Посмеялась. Поправила служанок.

– Посмеялась!.. – с побагровевшим лицом повторил король. – Конечно, это ведь так смешно!.. А что герцог? Поговаривают, что вокруг него уже образовалась целая коалиция молодых дворян?

– Герцог очень популярен при дворе, – подтвердил Стеннель. – У него много друзей.

– Друзей, или *сторонников*? – с нажимом спросил Конотор. – Его там, случайно, ещё не называют «ваше величество»?

– Конечно же нет! – заверил главный шпион.

– И о чём они шепчутся, эти его *друзья*?

– Они не шепчутся, ваше величество. Обычные разговоры – лошади, девушки, карты...

– Среди них есть ваши люди?

– Конечно, ваше величество. Но они не в ближнем круге.

– Что ещё за ближний круг? – насторожился Конотор.

– Четверо молодых людей, с которыми герцог Пантатег сошёлся наиболее коротко. Они частенько уединяются впятером. Простите, ваше величество, я не думал, что мне нужно

внедрять людей к герцогу...

– Вот поэтому ты и не Рент Бабер! Ему никогда не нужно было ничего разьяснять.

– Я могу поговорить с кем-нибудь из этой четвёрки. Если вы полагаете, что они могут делать что-то противозаконное...

– Ничего подобного я не полагаю! Я полагаю лишь, что и герцог, и герцогиня чересчур вольготно стали чувствовать себя при дворе, как будто бы они здесь уже полновластные хозяева! Я полагаю, что им стоило бы вести себя поскромнее!

Однако, несмотря на то, что Стеннелю, по мнению короля, было далеко до Рента Бабера, он всё же был умным человеком. Он много раз видел короля в подобном состоянии и понимал, что тому вновь мерещится заговор. Впрочем, он и так это знал из беседы с Каладиусом.

– Ещё одно, ваше величество...

– Что такое?

– Один из моих агентов сообщил, что с некоторого времени герцог Вилиодий наводит справки о Терионе Пантатеге, своём дяде. В своё время тот был арестован по обвинению в измене.

– И что с ним сейчас? – желваки пробежали под жирными щеками короля, когда он вдруг осознал, что эти двое могли явиться в столицу не просто так.

– Он умер в тюрьме лет пять назад.

– Герцог Вилиодий выяснил эту информацию?

– Вряд ли, ваше величество. Мне пришлось потратить время и покопаться в арестантских книгах, прежде чем я нашёл о нём хоть какие-то сведения.

– И с какой целью герцог наводил справки? – недобро прищурившись, осведомился Конотор.

– Полагаю, хотел узнать о судьбе своего родственника.

– Ты идиот, Стеннель! – заорал король. – Почему ты вечно что-то *полагаешь*, тогда как твоя профессия обязывает тебя *знать*? Два совершенно непонятных человека два месяца живут во дворце, одна из них вовсе уже готовится стать королевой Латииона, а ты до сих пор толком ничего про них не знаешь?

– К вечеру я предоставлю вам всю информацию, ваше величество! – Стеннель заметно побелел. Он хоть и полагался на протекцию Каладиуса, но всё же не понаслышке знал, каким импульсивным и опасным может быть король.

– Уж ты постарайся! – рывкнул Конотор и потянулся за графином с вином.

Глава 45. Ложь во спасение

Скорее всего, счёт теперь шёл на дни. Каладиус видел, что произошло с королём и знал, что это – лишь начало бури. Конотор обладал свойством убеждать самого себя. Он словно закапывался в собственные домыслы, причём, когда он вкапывал себя до колена, то вскоре начинал углублять яму, пока та не становилась ему по пояс, затем – по грудь, и так до тех пор, пока страшные мысли не покрывали его целиком, с головой. Наверное, даже после этого он продолжал копать и копать до тех пор, пока причина его беспокойства не устранялась физически. Да, счёт наверняка шёл на дни. Каладиусу хотелось надеяться, что не на часы.

Через некоторое время с ним связался Стеннель. Он передал разговор с королём, и маг удовлетворённо кивнул. Теперь Конотора было уже не остановить. Герцога Вилиодия не удалось прижать к стене – что ж, теперь стена сама прижмётся к нему. Главное – успеть, пока юноша не будет расплющен ею.

Волшебник пытался обезопасить брата и сестру, насколько это было возможно. Он дал самые строгие указания Стеннелю, чтобы тот не вздумал исполнять приказ короля, если мстительный монарх вдруг велит просто отравить обоих, или тайком упрятать их в тюрьму. В таком случае предводителю шпионов было приказано срочно доложить обо всём само-

му Каладиусу. Стеннель, кстати, кажется, уже довольно ясно понимал, во что он ввязался, но, слепо преданный верховному магу, должен был исполнить всё в лучшем виде. Во всяком случае, Каладиус очень хотел верить в это.

Теперь нужно было ждать хода короля. Великий маг очень надеялся, что этот ход будет вполне свойственным для Конотора, то есть грубым, мощным и ужасающим.

Те сведения, что должен был предоставить вечером Стеннель, были составлены под чутким руководством Каладиуса. Великий маг понимал, что здесь важно не переборщить, чтобы Конотор не счёл угрозу чрезмерной. Волшебник мог более или менее гарантировать, что Вилиодия не изведёт служба безопасности, но король мог действовать и более открыто. Например, арестовать обоих и подвергнуть их допросу и пыткам. Впрочем, слегка успокаивало то, что в подобных случаях это было несвойственно для Конотора.

По счастью, Каладиус довольно точно рассчитал реакцию короля. После доклада Стеннеля тот остался в полнейшем убеждении, что с парочкой явно что-то нечисто, но наличие заговора, по словам главы службы безопасности, на данный момент было маловероятно из-за недостаточного влияния герцога и герцогини при дворе. Впрочем, добавил Стеннель, всё может измениться после свадьбы, когда положение герцогини легитимируется.

И вот уже на следующий день двор был ошарашен известием – свадьбы не будет. Сам король не делал никакого за-

явления, но все как-то вдруг узнали об этом, и дворец тут же наполнился слухами. Конечно, люди старались помалкивать из страха, ведь подобные разговоры были горячее угля, и могли позже сжечь не одну судьбу, но всё же иной раз жажда сплетен оказывалась сильнее. Под каждой лестницей, в каждом коридоре, в саду и на кухнях говорили лишь об одном – «наша Пелли» и её брат впали в немилость.

Осторожно выдвигались самые разные версии, но по сложившейся за долгие годы привычке люди в первую очередь думали о заговоре. Точнее, о том, что его величество по каким-то причинам счёл брата и сестру подозрительными. Впрочем, называли и иные варианты. Кто-то заверял, что достоверно знает о любовной связи юной герцогини с одним из придворных, причём в разных вариантах озвучивались три или четыре различных имени. Кто-то говорил о неких физиологических дефектах, которые внезапно обнаружилось у молодой девушки. Некоторые романтики и вовсе делали предположение, будто бы сама Пеллионора отказала королю в праве на её сердце.

Но так или иначе очень многие были взволнованы и даже встревожены. Юные герцог и герцогиня пришли по сердцу почти всем обитателям дворца – от прислуги до знатных дворян. И теперь все опасались повторения недавних событий – очевидно, что Вилиодия и Пеллионору оплакивали бы так же, как принца Конотора и принцессу Силию. До сегодняшнего дня люди могли питать надежду, что тёмные времена

остались позади благодаря благотворному влиянию Пелли. Теперь же придворные оказались в полной растерянности, не зная, чего ожидать дальше.

Вилиодий узнал новость от заплаканной служанки, подававшей ему утром завтрак. Как ни пытался встревоженный юноша выяснить подробности или хотя бы понять, откуда распространяются эти вести, он ничего не добился. Женщина лишь всхлипывала и вздыхала, а затем вздыхала и всхлипывала. Почти не притронувшись к завтраку, молодой герцог направился к сестре.

Они едва ли не столкнулись в дверях – бледная как мел Пелли сама спешила к брату, будучи уже в курсе происходящего.

– Что случилось? – едва ли не одновременно воскликнули оба, увидев друг друга.

– Король разрывает помолвку? – спросил Вилиодий, пропуская сестру в комнату и приглашая сесть.

– Не знаю, но об этом говорит весь дворец... – едва не плача, ответила Пеллионора.

И брат, и сестра, когда пошли разговоры о замужестве, казалось, не были в особом восторге от перспективы породниться с Конотором. И их можно было понять – сам король не внушал ничего, кроме отвращения и страха, не говоря уж о всём том, что о нём говорили. Да и арест младших братьев

их отца не очень-то способствовал усилению симпатии к этому тирану. Совсем ещё юная Пелли, лишь недавно покинувшая счастливую страну детства, и вовсе была полна мечтами о прекрасном юноше, столь же добродетельном, сколь и родовитом, так же, как мечтали об этом все девушки её возраста, и уж конечно в этом смысле Конотор был бесконечно далёк от её идеала.

С другой стороны, оба они понимали, что это было бы лучшим решением, ведь, в конце концов, они именно за этим ехали в столицу – как можно выгоднее выдать Пеллионору замуж. Совершенно очевидно, что более выгодной партии, нежели правитель королевства, придумать было сложно. Это сулило безбедное существование Пелли и отличные перспективы для Вилиодия.

Когда все вокруг заговорили о брачном союзе между королём и Пеллионорой, брат и сестра довольно быстро свыклись с этой мыслью. Несмотря на все ужасы, что рассказывал Каладиус Вилиодию, тот изо всех сил пытался убедить и себя, и сестру, что на сей раз всё будет иначе. Все говорили о том, как изменился король с появлением Пелли, и молодые люди тешили себя надеждой, что так будет и впредь. Можно сказать, что оба они, и даже Пеллионора, смирились с предстоящим.

И вот, словно гром среди ясного неба, это неожиданное известие. Оно стало грозным предзнаменованием, предвестником страшной беды. Было совершенно очевидно, что че-

ловек вроде Конотора мог так быстро и кардинально изменить решение лишь по одной причине.

– Я знаю, в чём может быть дело! – спазм страха сдавил горло Вилиодию. – Кто-то донёс королю о нашем разговоре с Каладиусом.

– Но разве есть что-то предосудительное в разговорах с ним? – не поняла Пелли, полагая, что брат говорит об их совместных визитах. – Да и мы не говорили ни о чём таком...

– Был один разговор... – выдавил из себя юноша.

Ему было так страшно, как не бывало никогда раньше. Он понимал, что если тот разговор дошёл до короля, то и его судьба, и судьба сестры уже предрешена. Не имея возможности покарать великого мага, король вдвойне поквитается с теми, до кого дотянутся его руки.

Однако же разговор этот случился больше двух недель тому назад, а импульсивный монарх не стал бы ждать так долго. Неужели донос добирался до него столько времени?..

– Может быть, это какое-то недоразумение? – произнёс он, и от одного этого слова узел его внутренностей как будто расслабился. – Мало ли, о чём болтает челядь! К тебе не обращался никто от имени короля?

– Нет, – пролепетала Пелли, но и в её глазах зажглись искорки надежды. – Мне сказала об этом Нанна, когда пришла утром, чтобы помочь одеться.

– Она сообщила, откуда ей это известно?

– Она слыхала от дворни... Сказала, что все об этом толь-

ко и судачат с самого утра...

– Но если бы король действительно вздумал отказаться от помолвки – наверняка, он первым делом послал бы за нами, чтобы объявить об этом?

– Наверное... Но если дело в том разговоре, о котором ты говоришь...

– Сомневаюсь, что дело в нём, – пытаюсь убедить не только сестру, но и себя самого, покачал головой Вилиодий. – Тот разговор был довольно давно. Кроме того, мессир заверил меня, что нас никто не может подслушать.

– Может быть, он сам и донёс? – как мы знаем, Пелли с самого начала питала к Каладиусу стойкую неприязнь.

– Поверь мне, ему это не надо, сестрёнка! – убеждённо возразил герцог. – Для этого человека все прочие – всего лишь насекомые, что ползают вокруг и изредка попадают ему под ноги. Вряд ли он интересуется нами настолько, чтобы строить козни. Да и зачем ему это?

– Так что же нам делать?

– Полагаю, мне нужно сходить к королю. Надеюсь, всё тут же разрешится самым наилучшим образом. Почти наверняка это – просто глупая сплетня или чья-то злая шутка. Его величество, возможно, ни о чём таком и не догадывается.

– Но тогда ты выставишь себя глупцом, – спохватилась Пелли. – Может быть, стоит подождать?

– Пусть лучше так, чем смотреть, как ты умираешь от беспокойства, – возразил Вилиодий, умолчав, что он и сам жут-

ко напуган.

– Что ж, тогда иди, и да охранит нас Арионн!

Юноша обнял бледную дрожащую сестру, но кратко, чтобы она не почувствовала его собственную дрожь. Ничего в жизни он не боялся так, как этого визита к королю. Какая-то часть его безумно хотела, чтобы его величество был бы сейчас болен и не принимал, или же вдруг уехал куда-нибудь на охоту, на которой он, правда, не бывал уже лет пятнадцать. Это был чисто детский страх встречи с чем-то ужасным, также как некогда он старался как можно дольше терпеть зубную боль, лишь бы не обращаться к цирюльнику. Но также, как и тогда, Вилиодий понимал, что чем скорее случится эта встреча, тем скорее всё закончится. Так или иначе.

Молодой герцог вернулся в свою комнату не позднее чем через четверть часа, бледный как смерть. Ожидавшая его сестра, заметив брата в дверном проёме, вскрикнула так, словно увидела призрака. Она прижала обе ладони ко рту, видимо, опасаясь, что может закричать в приступе паники.

– Его величество отказался меня принять... – посиневшими губами прошелестел юноша, бессильно падая на ближайшее кресло.

– Что происходит, Вилиодий?.. – слёзы брызнули из глаз Пелли. – Чем мы прогневили его? И что теперь с нами будет?

– Я не знаю... – потерянно покачал головой молодой человек. – Едва королю доложили обо мне, он велел передать, что ему не о чем со мной говорить. Я умолял дворецкого по-

пробовать снова или же пропустить меня, но тот ни за что не соглашался. Я не виню его, потому что ему тоже страшно...

– Нас арестуют, да? – пытаюсь подавить рыдания, спросила девушка.

– Я ничего не понимаю... Случилось какое-то недоразумение... Если бы только узнать причину...

Внезапно лицо Вилиодия озарилось надеждой.

– Я немедленно еду к мессире Каладиусу! – вскакивая с кресла, заявил он сестре. – Он – единственный, кто может нам помочь.

Обретя какую-то почву под ногами, юноша стал заметно увереннее. Когда он застёгивал распушенные крючки на камзоле, его руки уже почти не дрожали. Конечно, ему предстояло отправиться к верховному магу без приглашения и предварительного уведомления, но Вилиодий был уверен, что волшебник примет его несмотря ни на что.

Уже выйдя за дверь, герцог вдруг вернулся обратно.

– Пелли, собирайся, мы едем вместе. Я не оставляю тебя здесь одну. Во дворце Каладиуса ты будешь в безопасности, по крайней мере до тех пор, пока всё не прояснится.

Пеллионора не потратила много времени на сборы. Не прошло и десяти минут, как молодые люди вышли, стараясь меньше попадаться на глаза, и, сев в карету, велели как можно быстрее мчаться к особняку великого мага.

Конечно же, Каладиус уже знал о случившемся и, конечно же, он ждал приезда несчастных молодых людей. Однако же он предпочёл разыграть неосведомлённость.

– Во имя богов, мессир, вы знаете, что произошло? – прямо с порога взмолился Вилиодий.

– Простите, мой юный друг, но я не понимаю, о чём вы... О, здравствуйте, сударыня! Право же, я не ждал гостей так рано, но всё равно несказанно рад. Пройдёмте в гостиную, я как раз собирался завтракать.

Каладиус специально говорил так, будто не замечал побелевших лиц и трясущихся губ своих гостей.

– Простите, мессир, но нам сейчас не до завтрака...

– Что случилось, милорд? Помилуйте, да на вас лица нет!.. Что стряслось?

– Вы правда ничего не знаете, мессир?

– Стал бы я обманывать вас, дорогие друзья? – воскликнул маг. – Я вижу по вам, что случилось что-то плохое, но не могу догадаться, в чём дело. Неужели... Неужели его величество скончался?.. Но нет, тогда мне сообщили бы об этом не вы... Прошу, расскажите скорее, я умираю от беспокойства! Да садитесь же вы, сударыня, вы едва держитесь на ногах! Давайте присядем все – сейчас нам принесут вина.

– Король отменил помолвку, – выдохнул Вилиодий, без сил падая на диван. Рядом присела его сестра, сумевшая сохранить приличия.

– Что вы говорите? – потрясённо вскричал Каладиус. – Но

почему?

– Этого я не знаю, мессир. Я отправился к его величеству, но он отказался меня принять...

– Отказался принять?.. – помрачнел волшебник, словно разглядев в этом какие-то ужасные знаки. – Он именно отказался, или просто не смог по каким-то причинам?

– Как мне передали – именно отказался... – пролепетал герцог, по лицу мага видя, что дела плохи.

– Этого я и боялся... – озабоченно покачал головой Каладиус.

Он произнёс эти слова таким тоном, что у Пеллионоры потекли слёзы.

– Вы знаете, в чём дело, мессир? Во имя богов, если вы что-то знаете, то скажите, иначе мы просто умрём сейчас от беспокойства! – взмолился Вилиодий.

– Я не знаю ничего наверняка, друзья мои, но могу предполагать с высокой степенью вероятности, – глухо произнёс Каладиус. Двери приоткрылись и в них показался слуга с подносом, на котором стоял графин и бокалы, но великий маг жестом отослал его прочь. – Боюсь, король собирается арестовать вас, а после – казнить.

– Но за что? – вскричал Вилиодий, тогда как Пелли лишь вскрикнула и едва не лишилась чувств.

– Признаюсь, что в этом может быть и моя вина... – Каладиус опустил голову, словно в смущении, но затем вновь поднял глаза и посмотрел прямо на герцога.

– Вы рассказали ему о нашем разговоре?.. – пролепетал юноша, чувствуя слабость и головокружение.

– Как вы могли подумать такое, молодой человек? – строго спросил маг, но тут же смягчился. – Впрочем, это вполне понятно ввиду вашего нынешнего состояния. Разумеется, я ни словом не обмолвился о нашем разговоре. Но, признаюсь, я решил навести кое-какие справки... Кое-что казалось мне странным во всей этой истории – то, как столь подозрительный и озлобленный человек вроде Конотора радушно принял вас. То, как он сразу же осыпал милостями вас, госпожа Пеллионора. Это внезапное желание жениться, которое почему-то не возникало у него в течение трёх лет после убийства супруги. О, простите, сударыня, и я забыл, что вы не в курсе этой истории... Впрочем, об этом можно поговорить в другой раз.

Молодые люди, находясь в предобморочном состоянии, слушали волшебника, не мигая и почти не дыша. Пеллионора едва ли даже обратила внимание на слова об убийстве королевы – она вся была сосредоточена сейчас лишь на случившемся с ними.

– Я переговорил с человеком по имени Стеннель, – продолжал Каладиус. – Он рассказал, что с того самого момента, как вы появились во дворце, король приказал взять вас на особый контроль. С первого же дня, как только он узнал, кто вы, он решил, что вы прибыли в столицу, чтобы его убить.

– Убить короля? – в ужасе вскричал Вилиодий. – Но по-

чему? Неужели всё дело в наших дядях?

– Отчасти, – кивнул маг. – Но всё гораздо серьёзнее. – Ваш отец... Он ведь был весьма влиятельным вельможей, не так ли?

– Он пользовался уважением соседей, – дрожащим голосом отвечал юноша, пока не понимая, к чему этот вопрос. – Но после нашего разорения он уже не имел того влияния, какое было у нашей семьи прежде.

– Но его уважали? К нему прислушивались? За ним могли последовать другие?

– Куда последовать?.. – совершенно растерялся Вилиодий.

– Ваш отец не смирился с исчезновением братьев. Он знал, что один из них уже умер, но судьба младшего брата была неизвестна, не так ли? Ваш отец втайне от семьи расследовал это дело. Он платил большие деньги людям здесь, в Латионе, чтобы они раздобыли сведения о герцоге Терионе, вашем дяде. Увы, ему ничего не удалось узнать – подобные сведения почти невозможно добыть. Даже для меня. Но я всё же выяснил это. Увы, мои дорогие, у меня для вас печальная весть – ваш дядя Терион умер в тюрьме около пяти лет тому назад...

Это известие не произвёл на молодых людей слишком уж большого впечатления – во-первых, они давно уже подозревали это и, следовательно, смирились с этой утратой, а во-вторых, их сейчас куда больше пугало то, что происходило

именно с ними.

– Но ваш отец, к сожалению, не был осторожен... – сокрушённо покачал головою Каладиус, продолжая свой рассказ. – Его интерес был замечен кем-то из многочисленных шпионов, и об этом было доложено королю. Вы сами знаете, насколько болезненно подозрителен Конотор – он тут же решил, что один из влиятельнейших лиц запада замыслил покушение на него. Больше всего король боялся именно того влияния, что герцог Пантатег имел в ваших краях. Он боялся крупного заговора, а может быть даже и бунта, тем более, что в провинции и без того было беспокойно из-за болезней и неурожая.

Брат и сестра слушали Каладиуса, не замечая, сколь нелеп и неправдоподобен его рассказ. И действительно, всё, что говорил волшебник, было настолько надуманно, что будь молодые люди в более вменяемом состоянии, у них тут же возникли бы вопросы. Но сейчас они слушали великого мага с замиранием сердца, понимая, что над ними нависла тяжёлая и непоправимая беда.

– Стеннель сказал мне, что король велел ему избавиться от этой проблемы, но так, чтобы никто ничего не заподозрил...

– Пожар?.. – помертвевшими губами прошептал Вилиодий, а Пелли лишь спрятала лицо в ладонях и тихонько заплакала.

– Да, шпионы Стеннеля, пробравшись в ваше имение, но-

чью... Прошу прощения, сударыня, быть может, вам лучше оставить нас на время? То, что я скажу, слишком тяжело, тем более, для столь юной девушки.

– Я не уйду, – заставив себя отнять руки от заплаканного, белого как мел лица, решительно ответила Пелли.

– Вы – храбрая и благородная девушка, истинная дочь своих родителей! – кивнул Каладиус. – Итак, шпионы Стеннеля ночью пробрались в дом и... Они зарезали ваших спящих родителей, а затем подожгли дом, чтобы скрыть следы преступления.

Пеллионора вновь плакала, но не произносила ни звука. Вилиодий сидел, больше похожий на мраморную статую, чем на живого человека, и лишь катящиеся по щекам слёзы и горящие глаза выдавали в нём жизнь. На мгновение Каладиусу даже стало жаль этих, по сути ещё детей, ведь им предстояло теперь прожить жизнь в убеждении, что их родители были жестоко убиты. Но великий маг уже давно определил правила своей игры, и в них не было места жалости. Сейчас партия приближалась к своей кульминации, и каждый ход должен был быть максимально эффективным и сокрушительным. Отступить, отказаться от дальнейшей игры Каладиус уже не мог.

– Когда вы появились в Латионе, Конотор счёл, что вы всё узнали и хотите отомстить, – продолжал маг. – Он затеял игру, пытаясь проверить вас. Вся эта история с помолвкой – фарс, разыгранный для того, чтобы лучше изучить вас

вблизи. Он был уверен, что вы ничего не заподозрите, поэтому не торопился. Возможно, он и в самом деле собирался жениться на вас, сударыня, но поверьте, что нет ничего хуже, чем быть женой такого чудовища! Для вас это стали бы годы пытки, а для вашего брата... Это была бы верная смерть. Который не терпит конкурентов. Он убил собственного брата, сына, жену и дочь. Он убил бы и вас.

Каладиус взглянул на этих испуганных, раздавленных людей, словно всё ещё опасался того, что они разглядят обман в этой довольно неловко составленной лжи. Но он напрасно беспокоился – сейчас они верили каждому его слову.

– Я разворошил осиное гнездо, когда решил разузнать всё получше после наших разговоров. Я подозреваю, что кто-то донёс об этом королю, и он понял, что его афера раскрыта. Думаю, что именно поэтому он отменил помолвку. Он не посмеет тронуть меня, но, полагаю, постарается избавиться от вас тем или иным способом. Возможно, вас и не арестуют, если я встану на вашу сторону. Но совершенно точно однажды к вам подошлют убийц.

Сказав это, Каладиус замолчал, по очереди вглядываясь в лица своих собеседников. Те же, похоже, полностью лишились дара речи от услышанного. Но волшебник не спешил нарушать тишину. Ему нужна была обратная реакция Вилиодия.

– И что же делать?.. – наконец произнёс юноша, с мольбой глядя на великого мага.

– Есть лишь два способа, – медленно и веско заговорил маг, словно следя за тем, чтобы каждое сказанное слово достигло своих адресатов. – Первый – вы тотчас же бежите из Латиона, желательно не только из города, но и из королевства. Вы можете поселиться где-нибудь в Кидуе или Пунте, и до конца жизни вздрагивать, завидев тень за окном.

Брат с сестрой испуганно переглянулись. Уехать в другую страну без средств к существованию, жить, ежедневно ожидая удара ножом...

– И второй, – Каладиус пристально взглянул прямо в глаза юноше, и тот поспешно опустил взгляд, не в силах выдержать блеска этих непотускневших, несмотря на возраст, глаз. – Нужно избавиться от Конотора. Решить проблему раз и навсегда. Но в этом случае мы возвращаемся к нашему давешнему разговору. Смерть короля может повлечь тяжёлый политический кризис, который полностью убьёт и без того ослабевшее королевство. Я могу пойти на такое лишь в одном случае – если буду уверен в том, что место этого животного займёт человек, достойный иметь корону на челе. И я уже говорил вам, милорд, что вижу вас в этой роли.

– Но я не справлюсь... Я совершенно не знаю, как быть королём... – Вилиодий чувствовал себя маленьким мальчиком, и сейчас ему больше всего хотелось вскочить и убежать.

– Я буду рядом, чтобы помочь вам. Бремя власти тяжело, оно куда тяжелее бремени нищеты, рабства или угнетения. Но подумайте – не сто́ит ли того ваша жизнь и жизнь вашей

сестры? Не сто́ит ли того отмщение за ваших родителей? Если скажете «нет» – я пойму вас. Я даже дам вам денег, чтобы вы могли обустроиться где-нибудь на побережье Великого океана. Но если скажете «да»... Вы сделаете то, о чём мечтали всю жизнь – вы создадите историю!

Вилиодий Пантатег, последний представитель древнего славного рода, дрожа, сидел на диване в сумраке гостиной великого мага. Он был оглушён всем, что судьба под личной Каладиуса вывалила на его голову. Ему казалось, что всё вокруг заполнено гулом – он чувствовал себя мошкой, оказавшейся внутри проснувшегося колокола. Меньше всего на свете он сейчас походил на короля. Но последние слова волшебника прорвались сквозь эту пелену. Он не может рисковать жизнью Пелли! Он не может оставить гибель родителей неотмщённой! И, наверняка, позже он очень захочет быть творцом истории...

– Да... – едва слышно шепнул юноша, и ему почудилось, что тем самым он подписал себе смертный приговор.

– Хвала богам! – облегчённо выдохнул Каладиус.

Глава 46. Династический кризис

Велев Вилиодию и Пеллионоре никуда не выходить из своего особняка, где они были в полной безопасности, сам Каладиус отправился во дворец. По дороге он думал – стоит ли встречаться с королём? С одной стороны, это могло бы отвести подозрения от тех действий, которые ему необходимо было предпринять. С другой – Конотор, который никогда, похоже, не подозревал великого мага, мог бы насторожиться, вздумай тот защищать опальных брата и сестру. Поразмыслив, волшебник приказал кучеру остановить карету в квартале от дворца, и остаток пути прошёл пешком, зайдя во дворец через чёрный ход.

Здесь он схватил за рукав первого же слугу, пробежавшего мимо, и велел отвести его в какую-нибудь укромную комнатку, куда затем пригласить главу службы безопасности Стеннеля.

– Мне всё равно, милейший, как вы его отыщете, – ледяным тоном заявил он. – Но Стеннель должен быть здесь, и ни одна живая душа не должна об этом узнать. В случае чего я спрошу лично с вас, и, боюсь, вам это не понравится.

Вспотевший от страха лакей опрометью помчался на поиски Стеннеля, оставив великого мага в небольшой комнатке, служившей, вероятно, для отдыха прислуги. Каладиус запер дверь на засов изнутри, так что теперь никто не мог слу-

чайно заглянуть и увидеть первого министра королевства в столь неподходящем для него месте.

Ожидание затянулось, и Каладиус запоздало пожалел, что не догадался сперва заказать себе бутылочку вина – она скрасила бы ожидание и привела в порядок мысли. Впрочем, мысли великого мага и не нуждались в особенном приведении в порядок – он довольно чётко предполагал весь последующий ход действий.

Наконец в дверь постучали особым стуком. У Каладиуса не было особой договорённости со Стеннелем о том, как стучать в таких ситуациях, но великий маг сразу понял, что это именно главный шпион. Он отодвинул засов и приоткрыл дверь, а затем распахнул её полностью, заметив белобрысую рожу своего соглядатая.

– Где вас дьяволы таскали, Стеннель? – обрушился на шпиона волшебник. – Я ждал больше трёх четвертей часа!

– Виноват, мессир, – улыбнулся Стеннель без тени раскаяния. – его величество поднял всех на уши. Разбираемся, куда исчезли герцог и герцогиня Пантатеги.

– Они...

– У вас, я знаю, – бледные губы главы службы безопасности растянулись ещё шире. – Но я сомневался – хотите ли вы, чтобы об это узнал и король.

– Вот в такие моменты вы мне нравитесь, Стеннель! Пожалуй, раз уж его величество в неведении, пусть так оно и останется. А откуда он вообще узнал, что они исчезли? Он

посылал за ними?

– Нет, но он велел нам установить слежку. Впрочем, его величество слегка опоздал с приказом.

– Что ж, Стеннель, вы просто умница! И сегодня у вас будет возможность доказать это ещё раз.

– Намечается что-то из ряда вон выходящее, не так ли, мессир?

– Об этом нетрудно было догадаться, Стеннель, учитывая, что первый министр королевства пролезает во дворец через крысиные щели и встречается с вами в какой-то кладовой! Впрочем, мне интересно знать – каковы ваши предположения?

– Вы хотите убрать короля Конотора и заменить его герцогом Вилиодием, – с деланным спокойствием проговорил Стеннель, нервно поправляя свою неряшливую причёску.

– Весьма неплохо, – одобрительно кивнул великий маг, а затем пристально взгляделся в веснушчатое улыбающееся лицо. – И ваша совесть не восстаёт против этого?

– Полноте, мессир, не вы ли как-то сказали мне, что я, должно быть, однажды по ошибке подтёрся своей совестью в нужнике? – ухмыльнулся Стеннель.

– Что за вздор! – поморщился Каладиус. – Вы считаете, что мне свойственны подобные площадные обороты?

– Да, должно быть, это слова его величества, – театрально почесав подбородок, задумчиво выдал Стеннель. – На него это больше похоже.

– Так значит, вы готовы участвовать?

– Я готов делать всё, что вы прикажете мне, мессир!

– Но ведь это заговор! Самый настоящий, Стеннель, а не те, что вы привыкли раскрывать!

– Тем лучше! Как по мне, то давненько у нас не было настоящих заговоров!

– Прошу, бросьте ваш шутовской тон, Стеннель! Мне нужно поговорить с вами серьёзно.

– Простите, мессир, должно быть, это нервное, – лицо Стеннеля сделалось серьёзным. – Не каждый день приходится участвовать в заговоре!

– Когда проживёшь на свете достаточно долго, к этому понемногу привыкаешь.

– Долгая жизнь не положена мне по роду службы, мессир, – усмехнулся Стеннель.

– Как знать, Стеннель. При умении выбирать правильную сторону можно прожить достаточно долго. Надо сказать, до сих пор у вас это получалось.

– Благодарю, мессир. Я запомню на всю жизнь, что правильная сторона – всегда ваша.

– Значит, вы в деле?

– Ежели выбирать между королём и вами, мессир, я выбираю вас. Для меня это вы – Латин, а не та жирная свинья... Простите, я уже могу называть его величество жирной свиньёй? – хитро прищурился Стеннель.

– Уже можете, – против воли улыбнулся Каладиус.

– Отлично! Итак, что от меня требуется?

– Для начала подумайте и скажите, есть ли среди приближённых короля те, кто могут представлять для нас проблему? Я крайне редко бываю при дворе, а эти люди так часто меняются, что я, пожалуй, не знаю никого из них.

– Насчёт этих прихлебателей можете не беспокоиться, мессир. Все они – не более чем кучка лизоблюдов, и им, по большому счёту, всё равно – чьи сапоги целовать.

– А что Совет и министры?

– О, поверьте, мессир, они настолько привыкли повиноваться, и настолько отвыкли думать, что у них уже давно нет собственного мнения. Они способны лишь кивать в такт словам.

– То есть, по-вашему, никто из придворных не станет для нас проблемой?

– Помилуйте, мессир, если вы возглавите заговор – никто не посмеет даже пикнуть. Вам нужно лишь не таиться. Если вы хотите оставаться в тени – возможно, проблем полностью избежать не удастся.

– Я не собирался оставаться в тени, Стеннель. Козыряйте моим именем столько, сколько потребуется. Отныне вы – моё доверенное лицо во всём этом деле. Подберите несколько человек на свой вкус. Это должны быть вполне представительные и уважаемые при дворе люди. Но проследите, чтобы среди них оказалась парочка ваших дуболомов.

– Так наша задача – физическое устранение? – лицо Стен-

неля вновь приняло предельно серьёзное выражение лица, поскольку ему было важно уловить все нюансы речи великого мага.

– Скажем так, – столь же серьёзно проговорил Каладиус. – Наша задача – отречение короля. Но если он вдруг вздумает артачиться, что вполне возможно при его отвратительном характере... Вы понимаете, что будет гораздо проще в дальнейшем не принимать в расчёт существование этого ничтожества, которое, однако, однажды может спутать все карты.

– Тогда не проще ли организовать несчастный случай? – предложил Стеннель. – Сердечный приступ – это так просто при комплекции короля. Ну или можно придумать что-то ещё.

– Нет, никаких несчастных случаев! – тут же возразил волшебник. – Для нас сейчас предельно важна легитимность происходящего! Конотор непременно должен собственноручно подписать акт отречения. Его убийство возможно лишь в том случае, если он сам спровоцирует его, и тогда это должно случиться при авторитетных свидетелях, которые готовы будут подтвердить всё это.

– Я же говорил, что все наши министры и члены Совета – не более чем болванчики, умеющие только ладно кивать. Поверьте, они авторитетно кивнут в подтверждение любой версии, какую мы предложим.

– Нет, Стеннель, повторяю: всё будет так, как я сказал. Эту игру следует сыграть тонко и безошибочно, иначе однажды

что-то может всплыть и испортить всё.

– Я понял вас, мессир, – Стеннель чётко кивнул словно легионер, получивший приказ центуриона. – Всё будет сделано в точности! Когда?

– Ночью. До этих пор подыщите подходящих людей и позаботьтесь о мелочах. Один непонятливый стражник может всё испортить. Сегодня короля охраняют палadiniы?

– Палadiniы никогда не стоят на часах у спальни его величества, мессир, – поправил Стеннель. – Там стоит обычная дворцовая гвардия. С ними проблем не возникнет. Уверен, что с палadiniнами – тоже.

– Пожалуй, мне стоит встретиться с капитаном Глинье, – проговорил Каладиус задумчиво. – Если кто и может помешать нам, так только лишь палadiniны.

– Да, Глинье явно недолюбливает меня, – ухмыльнулся Стеннель. – Поэтому с ним лучше бы поговорить вам. Уверен, что к вам он прислушается.

– Хорошо, Стеннель, – поразмыслив несколько секунд, кивнул маг. – Идите и начинайте подготовку. Ближе к вечеру пришлите ко мне своего человека – я подготовлю акт отречения. Смотрите, чтобы король ничего не заподозрил! Будьте рядом с ним столько времени, сколько это возможно, постарайтесь максимально усыпить его бдительность. Что касается герцога и герцогини – ищите их дальше. Вечером, пожалуй, объявите Конотору, что отыскиали их лигах этак в пятнадцати от города, а то он ещё, чего доброго, не ляжет спать,

опасаясь, что эти дети проберутся к нему и убьют.

– Я всё понял, мессир, – просто ответил шпион.

– Что ж, Стеннель, сегодняшней день станет для вас экзаменом. Выдержите его – и уже завтра для вас начнётся новая жизнь.

– Благодарю, мессир, – чуть кривовато улыбнулся Стеннель, словно у него были большие сомнения на этот счёт.

Заговорщики шли, не таясь. Их было всего шестеро, но шумели они так, словно по коридору маршировала целая манипула. Грохот тяжёлых ботинок был так непривычен здесь, в этих обычно тихих залах и коридорах, и уж особенно ночью, когда слуги, боясь потревожить сон вздорного властелина, предпочитали ходить без обуви даже зимой. Удивительнее всего, что этот грохот производили всего два человека – те самые «дуболомы», как их назвал Каладиус.

Кроме этих двоих и Стеннеля здесь присутствовал также главный королевский советник Клент, министр финансов Тернек и советник Больер – очевидно, наиболее смелые из всех. Впрочем, если бы Каладиус решил, что требуется большее представительство, то их, очевидно, было бы больше. Что касается капитана паладинов Глинье, то он в приватном разговоре с верховным магом в конечном итоге принял сторону заговорщиков, однако же его ущемлённая гордость телохранителя, чей наниматель неизбежно должен пострадать,

не позволила ему примкнуть к этим шестерым.

Коридоры дворца были пусты – об этом Стеннель позаботился заранее. Слуги, предчувствуя что-то нехорошее, забились в самые потаённые щели и самые дальние комнаты, дворцовая стража была снята и распущена на всю ночь, причём распоряжение об этом сделал сам командующий дворцовой гвардией. Естественно, всё это было сделано уже почти полночь, когда его величество направился в кровать.

Стеннель справился на отлично – Конотор ничего не заподозрил. Почти весь день он очень переживал из-за пропавших Вилиодия и Пелли. Зная о том, что молодые люди часто бывают в доме Каладиуса, он склонен был подозревать худшее – будь он трижды король, но как поступить, ежели великий маг вздумает покрывать этих изменников, Конотор не знал. Однако глава службы безопасности заверил его в том, что брат и сестра не появлялись рядом с дворцом первого министра, а ближе к вечеру беглецы и вовсе отыскались на постоялом дворе в селении, расположенном более чем в тридцати милях западнее. Похоже, от страха они просто решили удрать обратно в свой замок.

В общем-то, Конотор лёг спать во вполне приподнятом настроении – завтра утром неудавшихся заговорщиков вернут обратно, и тогда можно будет подумать о том, что делать с ними дальше. Королю хотелось надеяться, что именно брат был тем смутьяном и мятежником, что заварил всю эту кашу. Юная Пелли действительно нравилась ему гораздо силь-

нее, чем он полагал, и Конотор думал, что если избавиться от щенка, то она, пожалуй, станет достаточно покладистой.

И вот, когда его величество наконец задремал уже пугливым сном немолодого бездельника, его разбудили эти самые шаги, звучащие как поступь самого Асса. В первое же мгновение пробуждения Конотор понял, что это. Обливаясь потом, он словно прирос к своей необъятной постели, вглядываясь в тьму, слегка разгоняемую лишь свечой на прикроватном столике.

– Охрана!.. Охрана! – позвал он, но голос прозвучал слабо.

Никто не отозвался – неужели стража, что дежурила снаружи, отлучилась? Или эти болваны просто уснули? Нет, вряд ли. Сон солдата куда крепче сна короля, но даже он был бы потревожен грохотом этих демонических кованых сапог. Тогда что же?.. Ледяная волна пробежала по внутренностям Конотора. Неужели стража заодно?..

Собравшись с духом, король выскочил из постели. Увы, вечный страх нападений сыграл с ним злую шутку – в спальне был лишь один выход, если не считать окна, защищённого прочной решёткой. Да даже если бы решётки и не было – вряд ли Конотор сумел бы за минуту обратиться птицей и упорхнуть, ведь иначе выбраться через окно, находящееся в третьем этаже, было бы весьма проблематично.

Король в своё время был весьма неплохим фехтовальщиком, да и стены спальни были украшены вполне боевым ору-

жем – прямо в изголовье висела шпага совсем не парадного вида, а на стене у окна на фоне щита Тионитов висели два бастарда⁴⁴. Однако сейчас Конотор даже не подумал о том, чтобы схватить оружие. Вместо этого он лёг на пол так, чтобы кровать закрывала его от взора тех, кто войдёт в дверь. Никогда ещё обжора-король так не сожалел о своём громадном брюхе – пожалуй, человек с комплекцией Каладиуса вполне смог бы забраться и под кровать.

Дрожа от страха, Конотор всё ещё надеялся, что услышит резкие окрики стражников и звон оружия, но ничего такого не было. Вместо этого грохот тяжёлых ботинок, заглушающий более мягкую поступь ещё нескольких пар ног, приближался к закрытой двери.

Наконец дверь резко отворилась, и в комнату хлынул поток света – каждый из заговорщиков нёс в руках подсвечник, а у подручных Стеннеля в руках и вовсе были фонари вроде тех, которые вешают на экипажи. У этих фонарей была вогнутая металлическая поверхность, надраянная до зеркального блеска, поэтому они испускали луч, освещавший всё на расстоянии до двадцати футов.

– Кажись, его нет, – раздался озадаченный голос, незнакомый королю.

– Он где-то здесь, Тог, – заслышав этот голос, Конотор задрожал. – Он был в постели и никуда не отлучался. Наверняка спрятался где-то.

⁴⁴ Бастард – полторный меч

– Да он за кроватью, мастер Стеннель! – раздался удивлённый голос, и по скорченному королю полоснул луч фонаря.

– Точно, это он, – Стеннель, в отличие от своих подчинённых, ступал мягко в своих полусапожках. – Доброй ночи, ваше величество. Что вы делаете на полу?

– Стеннель? – короля трясло так, что он едва мог говорить. – Мой добрый Стеннель, зачем вы явились сюда?

– Мы, ваше величество, решили, что пришла пора поговорить, – не скрывая издёвки, ответил шпион. – Да выберите же вы оттуда во имя всех богов! Король Латиона не должен обращаться к подданным из-под кровати!

– О, это вы, Тернек! Хвала Арионну!.. – подслеповато щурясь, воскликнул Конотор, тяжело подымаясь обратно на кровать. – И вы, Клент? Господа... Я... Ах, простите, я не узнал вас сразу, Больер, ваше лицо было в тени... Для чего вы здесь? И кто эти двое, Стеннель? Я не узнаю их...

Король не сводил взгляда с двух подручных Стеннеля, с первого взгляда распознав в них убийц. Он понимал, что его пришли убивать, и что из всех шестерых именно эти двое в итоге будут главными действующими лицами. Приди Стеннель лишь в компании троих придворных – тогда, пожалуй, была бы ещё надежда, а так... Конотор знал, что перед ним стоят два воплощения его смерти.

– Это моя личная охрана, ваше величество, не берите в голову, – усмехнулся Стеннель. – Зная ваш крутой нрав, мы

побоялись прийти без них.

– Чего же вам нужно от меня, господа? Для чего вы пришли? – никогда ещё король не старался говорить так сладко и заискивающе. Всё-таки страх быстро пересилил и гордость, и монаршую спесь.

– Конотор Тионит, – дрожащим от волнения, да, пожалуй, ещё и от страха голосом проговорил главный советник Клент. – Вы обвиняетесь в жесточайших преступлениях, в числе которых убийства, среди которых особо вопиющими являются убийства принца Конотора Тионита, принцессы Силии Тионит и королевы Теленеи Тионит. Королевский совет сегодня, на специально созванном заседании постановил, что ваши преступления переполнили чашу терпения людей и богов, и принял решение отлучить вас от короны. Иными словами, вы арестованы, милорд!

– Но я никого не убивал!.. – со слезами в голосе залебезил Конотор. – Мои жена и дочь умерли в результате несчастного случая! Что же касается принца Конотора, то он был казнён за участие в государственной измене по решению суда. Вам ли не знать этого, милорд, ведь вы в числе прочих подписывали этот документ!

По перекосившемуся лицу главного советника король понял, что последнюю фразу ему было бы лучше не произносить.

– О да, – с ненавистью в голосе прошипел Клент. – Я подписал... И за это я буду вечно проклинять тебя, ублюдок!

– Прошу вас, советник Клент, – вмешался министр Тернек, словно опасаясь, что тот не сможет держать себя в руках. Тернеку было проще – его подписи под смертными приговорами не требовалось. – Не нужно оскорблений. Мы находимся здесь как официальные представители королевства.

– Но это *моё* королевство! – в отчаянии воскликнул Конотор. – Пожалуйста, Тернек, скажите мне, что это – лишь фарс! Прошу, оставьте меня, господа, и я клянусь, что мы никогда больше не вспомним этой ужасной ночи!

– Это точно, – хмыкнул Стеннель. – У мертвецов ведь не бывает воспоминаний, не так ли, ваше величество?

– Клянусь всем, что для меня свято, Стеннель, что никогда не причиню никому из вас зла! – взмолился король.

– Да я и не знаю уж, что для вас свято, – рассмеялся шпион. – Раньше, помнится, это были бутылки с вином, а вот теперь... Не могу даже представить...

– Довольно, господа, – строго одёрнул министр Тернек. – Мы действительно превращаем всё в фарс. Прошу, продолжайте, советник Клент, но, во имя Арионна, держите себя в руках!

– Хорошо, – кивнул Клент, пытаясь придать лицу спокойное деловое выражение. – Итак, Конотор Тионит, как я уже имел честь сообщить вам, с этого момента вы находитесь под арестом и будете препровождены в тюрьму. Уведомляю вас, что с завтрашнего дня работу по вашему делу начнёт королевский суд, который уже и выдвинет против вас конкретные

обвинения.

– Но ведь я сам являюсь председателем королевского суда! – вскричал Конотор. – И последнее слово в любом случае будет за мною! Вы же понимаете, Клент, что я никогда не подпишу себе смертный приговор!

– Председателем суда является король, – сухо заметил Тернек. – А вы, милорд, уже больше не король.

– Но вы не можете лишить меня титула! – слёзы брызнули из глаз Конотора. – Королевский совет не имеет таких полномочий!

– Вы правы, милорд, и поэтому вам придётся подписать вот это, – советник Клент протянул низвергнутому королю сложенный вдвое лист пергамента.

– Моё отречение? – Конотор отпрянул так, словно ему протягивали ядовитую змею. – Я никогда не подпишу этого!

– Никогда не говорите никогда, ваше величество, – в зыбком свете свечей улыбка Стеннеля вышла особенно жуткой.

По его знаку оба подручных неспешно, но неумолимо придвинулись к кровати. Король задрожал так, что завибрировала сама кровать.

– Но отречение, подписанное под давлением, не будет считаться действительным! – Конотор уже плакал, не таясь.

– Поэтому ваше величество сейчас успокоится, утрёт свои августейшие слёзы, а затем добровольно и от всего сердца поставит свою подпись на этой бумаге, – вкрадчиво предложил Стеннель. – Здесь находятся трое благородных и уважа-

емых господ – себя я к этой категории, понятное дело, не причисляю, – которые под присягой подтвердят, что это было вашим искренним желанием.

– Но эта бумага станет для меня смертным приговором... – прошептал Конотор, судорожно всхлипывая.

– Может статься так, что приговор станет для вас непозволительной роскошью, ваше величество, – недобро проговорил Стеннель, и оба его дуболома буквально нависли над сотрясающимся королём.

– Я подпишу, если вы гарантируете мне жизнь! – просто-нак Конотор. – Тернек, поклянитесь, что меня не казнят!

– Я не судья, милорд, – покачал головой министр.

– Вот перо, государь, – один из подручных Стеннеля, кажется, тот самый Тог, протянул королю перо, почти утопающее в его здоровенной ручище.

Конотор развернул бумагу и, хотя его глаза застилала слёзы, пробежался взглядом по написанному, благо, света от свечей и фонарей было предостаточно.

– Я назначаю своим преемником герцога Вилиодия Пантатага? – потрясённо воскликнул он. – Значит, этот гадёныш меня всё-таки переиграл?

– Потише, сударь, вы всё-таки говорите о нашем короле! – одёрнул его Стеннель.

– Он купил вас, Стеннель? Как же так вышло? Что он вам наобещал?..

– Он пообещал избавить королевство от вас. Этого оказа-

лось достаточно.

– Ах, почему я не распознал этого раньше!.. – сокрушённо прошептал Конотор.

Трясущейся рукою он неловко поставил свой росчерк на бумаге, едва не проткнув её пером.

– Отведите арестованного в камеру, – пряча драгоценный лист, сухо скомандовал советник Клент.

Два громилы, кряхтя, подхватили безвольное тело, слишком тяжёлое даже для них, и буквально поволокли его по коридору, потому что сам Конотор оцепенел настолько, что едва передвигал босыми ногами. Всё это время он лишь подвывал от ужаса, и этот вой жутким эхом отдавался в тёмных и пустых коридорах дворца, который покидал последний из Тионитов.

Глава 47. Решение проблем

– Всё прошло хорошо? – спросил маг, едва завидев Стеннеля.

– Без единого сучка, – ответил тот. – Если не считать того, что меня до сих пор трясёт.

– Жаль... – несколько задумчиво протянул Каладиус, с какой-то странной печалью разглядывая вино в своём бокале. – Признаться, я надеялся, что у него хватит смелости хотя бы в этот раз... Как повели себя остальные?

– Вполне достойно. Они отправились по домам, но просили передать, что завтра утром в полном составе будут при дворе. Вот, – Стеннель протянул волшебнику сложенный вдвое лист с отречением.

– Что ж, и это тоже победа, – кивнул Каладиус, разворачивая бумагу.

Убедившись, что подпись настоящая и поставлена как полагается, он удовлетворённо кивнул и осторожно поместил пергамент в специально приготовленный для этого ларец.

– Куда его отправили? – всё ещё хмурясь, поинтересовался маг.

– До утра он побудет в нижних казематах дворца, а там... Как прикажете, мессир. Или как прикажет новый король.

– Его охраняют?

– Мои люди, мессир.

– Те самые, что были с вами?

– Они самые.

– Хорошо, Стеннель. Позже они мне понадобятся. Пусть остаются там, и никого не подпускают к Конотору даже близко. Кроме меня, естественно.

– Вы собираетесь навестить его, мессир? – Стеннель вперил в волшебника свой острый взгляд. – Быть может, вам составить компанию?

– Не в этот раз, Стеннель, – мрачно покачал головой Каладиус. – Помнитесь, вы мечтали подольше пожить. Поэтому лучше вам сегодня остаться дома, или в борделе, или где вы там проводите свои ночи. Ваших дуболомов будет вполне достаточно.

– Жаль, они были толковыми ребятами... – Стеннель прекрасно понял, что хочет сказать великий маг. – Туповатыми, но исполнительными.

– Такие мне и нужны. Поймите, Стеннель, новые династии – они как древние боги, требуют кровавых жертв. Приход Тионитов к власти обошёлся в тысячи и тысячи жизней. Надеюсь, что воцарение Пантатегов вполне ограничится тремя. Согласитесь, это вполне разумная плата.

– Я, мессир, как никто надеюсь на это! Было бы просто замечательно, если бы жертв было всего три, а не, скажем, четыре...

– Я уже говорил вам, Стеннель, и снова повторяю: вы – хозяин своей судьбы.

– Ну коли так, мессир, то мы *оба* можем спать абсолютно спокойно, – шпион бросил на волшебника выразительный взгляд, дающий понять, что он, едва выйдя за порог, напроць позабудет этот разговор, и не вспомнит его даже на предсмертной исповеди.

– В моём возрасте это особенно радует, Стеннель. Ну всё, ступайте! Завтра нас ждёт трудный день.

Члены Королевского совета, который Каладиус собрал тайно накануне покушения, буквально оторопели, едва лишь он начал свою речь. Волшебник, не растекаясь мыслью по древу, сразу же открыл свой план по свержению короля. Более того, он сразу же назвал кандидатуру преемника.

Именно с последним возникло больше всего вопросов. Относительно Конотора всё решилось предельно быстро – во всём так называемом Большом совете, то есть совете, в который входило в некоторых случаях до трёх десятков людей, не нашлось ни одного защитника нынешнего короля, ну или хотя бы сочувствующего ему. Каждому было видно, что страна находится в глубочайшем кризисе, и что в этом есть немалая вина её правителя. Да и сам Конотор не внушал симпатии никому из подданных.

Решительности придавал и тот факт, что возглавляет заговор сам Каладиус, то есть самая влиятельная сила в королевстве. Король явно выглядел бледно на фоне собственно-

го первого министра, и в данном случае смельчаком был бы тот, кто осмелился бы выступить против верховного мага. Тем более, что сам волшебник с ходу объявил, что его заговор поддержан как службой безопасности в лице присутствующего здесь Стеннеля, так и гвардией паладинов в лице присутствующего здесь капитана Глинье.

Довольно быстро определились с участниками самого переворота. Главный советник Клент, о тайной нелюбви которого к царствующему монарху догадывались многие, вызвался сам, а ещё двое были назначены Советом.

Также без долгих проволочек была решена судьба короля. Предполагалось отправить его в ту самую крепость, в которой он сгноил собственного брата. Все понимали, что покуда он жив, существует угроза реваншизма, хотя трудно было бы представить себе столь фанатичных сторонников Конотора. Однако же, были и другие члены династии Тионитов, хотя они и являлись побочными ветвями, но вполне могли, апеллируя к святости традиций, а может быть и к личности самого Увилла Великого, попытаться вернуть трон этой некогда славной фамилии. Впрочем, горький опыт говорил о том, что новое жилище Конотора было достаточно неудобно для того, чтобы толстый болезненный узник не слишком-то зажился на этой стороне Белого Моста.

Предсказуемо больше всего достаточно робких возражений вызвала именно кандидатура преемника. По тщательно скрываемой досаде на лицах некоторых членов Совета Кала-

диус прекрасно понимал, что многие здесь и сами не прочь были бы примерить королевскую корону. Оппоненты указывали на юность и неопытность Вилиодия, на его неизвестность, упирали на то, что в королевстве есть рода как минимум не менее, а даже и более знатные, нежели род Пантатегов.

– Я всё это понимаю, – выслушав несмелые возражения, твёрдо произнёс Каладиус. – И, тем не менее, я настаиваю именно на кандидатуре герцога Вилиодия. Скажу больше – всё это затеяно было исключительно ради него. Поверьте, господа, за свою жизнь я повидал не один десяток королей, и научился разбираться в них. Так вот, хочу заявить вам, что из этого юноши получится отличный правитель! Быть может, лучший из всех, которых я знал! Вот увидите, в истории он займёт то же место, что и Увилл Великий!

– Верно ли я понимаю, мессир, что вы даже не станете рассматривать какие-то иные кандидатуры? – спросил советник Савильнит, представитель весьма древнего и знатного рода, и один из главных охотников примерить под себя латионский трон.

– Всё верно, милорд, – подтвердил Каладиус, не моргнув глазом.

– Но разве утверждение кандидатуры находится в полномочии первого министра? – было видно, что Савильнит собрал в кулак всю свою смелость, чтобы продолжать возражать. – Мне казалось, что это право принадлежит Совету.

– Именно поэтому я и собрал вас тут, господа, – кивнул маг, словно издеваясь. – Я прошу Совет утвердить кандидатуру герцога Пантатега.

– Но, может быть, стоило хотя бы для порядка обсудить и другие кандидатуры? – всё больше краснея то ли от страха, то ли от гнева, продолжал Савильнит.

– Прошу, господа, вы можете обсуждать что угодно, но помните, что через несколько часов нам предстоит важное мероприятие, к которому не грех было бы как следует подготовиться.

– Простите, мессир, но ваш тон кажется мне оскорбительным! Не могу говорить за других членов Совета, но лично я не намерен участвовать в этом балагане! – вконец побагровевший советник вскочил, намереваясь уйти.

– Для легитимности решений Совета вполне хватит его председателя, то есть меня, главного советника и ещё нескольких человек. Лично я, милорд, совершенно не возражаю против вашего ухода, если это позволит мне сэкономить время, – ледяной огонь, пылающий в глазах Каладиуса, буквально пригвоздил Савильнита к месту. – К вашему счастью завтра новый король сформирует новый Совет, и вам больше не придётся испытывать такие душевные терзания.

Собрав остатки своей гордости, Савильнит решительно направился к выходу.

– И помните, милорд, – остановил его у порога голос волшебника. – Король уже обречён. За ним нет ни армии, ни

его шпионов, ни гвардии, ни Совета. Он – один. Если вы попытаетесь его предупредить, ему это уже никак не поможет, а вот вам может навредить. Мой вам совет – отправляйтесь в свои имения к озеру Прианон. Там, любуясь видами, вы быстро восстановите душевный покой.

Это зловещее предупреждение было воспринято не только тем, кому оно адресовалось – все прочие члены Совета поёжились, чувствуя себя крайне неудобно. Они понимали, что Савильнит попытался противостоять неумолимой стихии – всё равно, что пытаться велеть океанским волнам замереть на месте. Можно было уважать его смелость, но сейчас остальные присутствующие скорее сокрушались его глупости, или же опасались за его дальнейшую судьбу.

По лицам сидевших рядом с Каладиусом Стеннеля и Глинье, а также маршала Тоболя, исполняющего обязанности министра войны, было понятно, что все они уже безоговорочно приняли сторону великого мага, а это значило, что остальные члены Совета могли либо последовать примеру Савильнита и обречь себя на опалу, либо же проявить мудрость и подчиниться многократно превосходящей их силе.

– Есть ли ещё возражения у членов Совета? – как ни в чём не бывало осведомился Каладиус.

Кто-то понуро промолчал, кто-то поспешил замотать головой, но ни у кого больше не хватило духу перечить великому магу.

– Прошу поднять руку тех, кто считает герцога Вилио-

дия Пантатега достойным стать королём Латиона, – поднимая свою руку вверх, проговорил Каладиус.

Находящийся в кромешной тьме Конотор, слышал теперь, кажется, каждый шорох, причём большинство из них он предпочёл бы не слышать никогда. Крысы возились в гнилой соломе на полу, и поэтому король сидел, подтянув под себя ноги, на грубой деревянной лежанке. Впрочем, грызунам это было нипочём – время от времени он чувствовал, как по нему пробегают эти наглые животные, занятые своей крысиной жизнью.

Эти стены наверняка уже сбились со счёта, какое количество людей, осуждённых по приказу Конотора, перебывало здесь. Каждый из этих несчастных, наверное, умер бы с улыбкой на устах, сумеет он предугадать, что их гонитель будет однажды сидеть на том же топчане, на котором они коротали свои последние дни. В одной из таких камер в своё время пребывал и его сын, и лишь теперь Конотор хоть примерно мог представить, что тот мог испытывать. И это ещё притом, что короля даже не пытали. По крайней мере, пока.

Сейчас несчастный узник настолько устал бояться, что его охватило какое-то оупение. То и дело короля охватывало чувство нереальности происходящего, ведь во всё это было практически невозможно поверить. Столько лет он боялся покушений, но никогда не думал, что оно будет таким. Он

боялся яда, боялся кинжала, на худой конец – верёвки, наброшенной на шею. Но то, что его могут заточить в казематы, не могло привидеться ему и в горячечном бреду.

Король совершенно потерял ощущение времени. Ему казалось, что прошло уже несколько часов, и что там, где-то далеко вверху уже вовсю светит солнце. На самом деле с момента, когда его бросили в эту камеру, прошло чуть больше часа.

Вновь послышался знакомый уже грохот сапог – Конотор узнал бы этот звук теперь где угодно. Это были те самые громы, что приволокли его сюда. Короля вновь забила крупная дрожь, он даже прикусил до крови губу – настолько ходила ходуном его нижняя челюсть. Единственные, кто остались безмятежными, так это крысы – они продолжали деловито сновать в соломе, абсолютно безразличные ко всем звукам.

Конотор сидел в камере, которая отделялась от коридора лишь толстой решёткой без стен. Здешние казематы не использовались для долгого содержания узников – чаще их помещали сюда либо до того, как перевести в обычную тюрьму, либо уже после, накануне казни. И вот он заметил отсвет на противоположной стене – слабый, но сейчас, после времени, проведённого в кромешной тьме, он казался почти ослепительным.

Именно поэтому, когда к его камере подошли люди, он некоторое время не мог разглядеть их, шурясь и моргая сле-

зрящимися глазами. Два огромных силуэта он определил сразу, а вот третий, небольшой и щуплый, был в тени. Но король сразу же узнал голос, едва человек заговорил.

– Отоприте дверь и дайте мне фонарь, – повелительно обратился верховный маг к громилам.

– Мессир! Слава богам! – воскликнул Конотор, и слёзы благодарности хлынули из его глаз. Он действительно в первый момент подумал, что волшебник пришёл сюда, чтобы его освободить. – Наконец вы нашли меня!

– Ну найти вас было нетрудно, ваше величество, учитывая, что это я приказал доставить вас сюда, – войдя в камеру, Каладиус брезгливо пнул крысу, что прошмыгнула у его ног.

– Что? – в ужасе вскричал Конотор, внезапно осознав всю глубину своей трагедии. – Так это вы?

– Вы были плохим королём, милорд, – прислонившись спиной к решётке, проговорил великий маг. – Латион нуждается в лучшем.

– Я уже подписал отречение, мессир, – Конотор не до конца понимал, для чего Калдаиус взял на себя труд спуститься в эти вонючие подземелья, и от этого ему делалось ещё страшнее. – Зачем же вы пришли? Чего вы ещё хотите?..

– Ну уж точно не затем, чтобы поглумиться или позлорадствовать, – ответил маг. – Я давно уже пережил те времена, когда хочется ставить ногу на грудь поверженного врага.

– Но разве я был вам врагом, мессир?.. Я всегда почитал вас, я любил вас как родного отца!.. – залез безил низвергну-

тый король.

– Да, пожалуй, во всём королевстве я был единственным, чьим врагом быть вы не смели. Но это ничего не меняет. Я столетиями жил, не вмешиваясь в государственные дела, потому что они меня не заботили. Но вы довели страну до того предела, когда я больше не мог не вмешиваться.

– Почему все винят меня во всех бедах? – воскликнул Контотор. – Разве я виноват в неурожае, или в синивице?

– Люди говорят, что это – гнев божий, и я, несмотря на весь свой скептицизм, считаю, что так оно и есть. На ваших руках – кровь жены и детей. Я знаю всё, я разговаривал с Рентом Бабером незадолго до его смерти. От этого не отмыться, милорд.

– Что ж, я отрёкся, – король побоялся спорить с магом, опасаясь его разозлить. – Я уже наказан! Прошу, мессир, проявите милосердие! Разрешите мне уехать! Куда угодно, хоть в самые глухие места! Я буду жить там тихо, вы никогда более не услышите обо мне, клянусь! Или поселите меня в одном из моих замков на севере. Пусть меня охраняют как преступника, но я хотя бы буду видеть небо и солнце! Прошу, смилуйтесь! Не бросайте меня в каменный мешок вроде этого!

– О, сколь мало вы знаете о каменных мешках, милорд! – горько рассмеялся Каладиус. – Поверьте, в сравнении с той ямой, в которой умер ваш брат, здесь – почти что королевские покои! Но не беспокойтесь – такая участь вам не грозит.

– Благодарю вас, мессир! Я знал, что вы не потерпите бессмысленной жестокости!.. – Конотор даже сделал странное движение, будто хотел броситься к магу и целовать ему руки.

– Всё верно, ваше величество, – мрачно кивнул Каладиус. – Я не могу допустить бессмысленной жестокости. Я не могу допустить, чтобы Латион разорвала надвое гражданская война.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Конотор, уловив в тоне великого мага странные пугающие нотки.

– Как бы ни был хорош новый король, и как бы ни был плох прошлый, всё равно найдётся кучка фанатиков или авантюристов, которые захотят из личных ли интересов, из корысти или же политических амбиций реставрировать рухнувшую династию. Простите, милорд, но ваше существование ставит под угрозу не только жизнь очень многих людей, но и благополучие королевства в целом.

– Что вы хотите сказать, мессир?.. – Конотор почувствовал, как по его ногам потекла тёплая жидкость. – Вы пришли, чтобы убить меня?..

– Если вас это успокоит, милорд, то я не испытываю большой радости от этого. Но такова необходимость.

Сказав это, Каладиус шагнул в сторону, позволяя двум бугаям войти в небольшую камеру. В руках одного из них Конотор заметил что-то, похожее на верёвку. На самом деле это был длинный шёлковый пояс, какой часто носили кавалеристские офицеры.

– Прошу!.. Пощады!.. – завопил король, отпрянув к стене и закрываясь руками. – Пожалуйста, мессир!..

Каладиус бесстрастно смотрел на происходящее. Его работа была закончена, и он вполне мог уйти, но он чувствовал, что обязан быть здесь до конца. И не потому, что ему хотелось увидеть, как умрёт этот ненавистный человек. Это был своего рода его последний долг угасающей династии. И великий маг был полон решимости отдать его сполна.

– Фу, да он обоссался!.. – брезгливо отдёргивая руку, воскликнул один из убийц.

– Да он всё равно обоссался бы, когда станем душить, – возразил другой. – Поглядишь, он ещё и в штаны навалит!

– Побольше уважения, милейшие! – одёрнул обоих Каладиус, морщась от отвращения к этим двум «способным ребятам», как охарактеризовал их Стеннель. – Вы – не грабители в подворотне, а палачи своего государя!

Король отчаянно бился за свою жизнь. При весе в триста восемьдесят фунтов он доставил немало проблем даже этим двум здоровякам. Но в конце концов один из них сумел обхватить торс Конотора, заблокировав руки, и второй, воспользовавшись моментом, набросил на толстую шею жертвы шарф. Кое-как короля повалили на живот, и тогда тот, что держал шарф, упёршись коленом между лопаток Конотора, принялся что было сил натягивать удавку.

Король захрипел, потом задёргался в конвульсиях, и наконец затих. Обождав для верности ещё какое-то время, бу-

гаи, тяжело дыша, отпустили свою жертву. Судя по запаху, дуболом был прав, и Конотор действительно опростался перед смертью. Впрочем, здесь и до этого пахло не менее мерзко.

– Вы знаете, что делать дальше, – бросил Каладиус запыхавшимся убийцам, и те коротко кивнули в ответ.

В стену напротив камеры был вделан железный подсвечник, в который был вставлен огарок сальной свечи. Запалив его от пламени фонаря, чтобы не оставлять эту парочку в темноте, маг поспешил наверх, к свежему воздуху и свету звёзд.

Глава 48. Вилиодий Великий

Восхождение на трон короля Вилиодия, который станет известен истории под прозвищем Великого, нельзя было назвать триумфальным. Весь день, предшествующий свержению Конотора, он провёл в особняке Каладиуса, не имея никакой информации о том, что происходит. Каладиус обещал ему всё устроить и, несмотря на просьбы и мольбы юноши, отказал ему в личном участии.

– Хорош же будущий король, за которого всё решают другие, – горько улыбнулся Вилиодий.

– Вы ещё не король, друг мой, – возразил Каладиус. – Когда вы им станете – последнее слово всегда будет за вами, клянусь вам в этом. Завтра будет присяга Совета, затем – коронация. Поверьте, вы ещё успеете устать от ответственности.

– Дело не в этом, мессир, – покачал головой молодой герцог. – Просто я ощущаю себя ребёнком, которого кормят с ложечки.

– Так насладитесь же этим ощущением, милорд. Вскоре вы навсегда забудете его! – усмехнулся маг и вышел.

Он вернулся обратно уже под утро. Вилиодий тревожно дремал прямо в гостиной на диване. Пеллионора удалилась в отведённую для неё комнату, но спала ли она – известно лишь Арионну. Каладиус вошёл с осунувшимся лицом, но с

улыбкой. В его руках был ларец, который он торжественно поставил перед вскочившим на ноги юношей.

– Откройте его, друг мой, – усталым голосом произнёс Каладиус.

Дрожащими от волнения руками Вилиодий поднял крышку ларца и вынул лежащую там бумагу. Пробежав глазами по строчкам, он перевёл взгляд на волшебника.

– Значит, всё кончено? – словно не веря написанному, спросил он.

– Напротив, ваше величество, всё только начинается, – улыбнулся Каладиус. – Завтра утром мы отправляемся в *ваш* дворец. А пока мне нужно поспать – бессонные ночи буквально убивают меня в моём-то возрасте! Поспите и вы, друг мой, круги под глазами не красят молодость.

– А где король? – с тревогой поинтересовался юноша.

– Не беспокойтесь, он в надёжном месте. В любом случае, больше он уже не причинит вреда ни вам, ни вашей сестре.

– Благодарю вас, мессир, – молодой герцог внезапно опустился на одно колено перед магом. – За всё.

– Полноте, ваше величество, – Каладиус мягко потянул его за плечи, принуждая подняться. – Я делаю это не только ради вас, но и ради себя самого. И во благо государства.

Весть о самоубийстве Конотора застала волшебника в постели, где он всё ещё спал после тяжёлой бессонной ночи.

Принёс её лично Стеннель, который, несмотря на самоотверженную оборону слуги, вломился прямо в спальню.

– Какого дьявола, Стеннель? – проворчал Каладиус, продирая глаза. – Что такого могло случиться, что вы...

– Король мёртв, – выпалил глава службы безопасности, утирая пот со лба.

– Как – мёртв? – великий маг вскочил на кровати, будто подброшенный пружиной.

– Его нашли сегодня утром в той камере, куда я его определил, мессир. Он удавился на поясе, который привязал прямо к решётке.

– Не могу в это поверить... – потрясённо прошептал волшебник. – А впрочем... Он был так подавлен случившимся, и так боялся... Полагаю, он настолько боялся, что его бросят в каменный мешок вроде того, в котором сгнил его брат, что решил наложить на себя руки... Ах, мне всё-таки следовало навестить его ночью, как я вначале собирался!.. Возможно, я сумел бы удержать его от необдуманного шага!..

– Полагаю, на то была воля Арионна, мессир, – философски пожал плечами Стеннель. – Возможно, это он не дал вам отправиться в тюрьму и нарушить его план. Во всяком случае, теперь молодой король будет спать спокойнее.

– Вы правы, Стеннель. Кроме того, я, как ни стараюсь, не могу отыскать в своём сердце хотя бы крупицу скорби по Конотору. Что ж, пожалуй, этот несносный толстяк, да будет торным его Белый Путь, действительно невольно оказал

нам услугу! Ступайте, Стеннель. Через два часа новый король прибудет во дворец. Проверьте, всё ли готово для этого.

Почтительно поклонившись, главный шпион исчез. Он ни словом, ни жестом, ни единым знаком не дал понять, что что-то в этом разговоре было не так. Пожалуй, он играл убедительнее самого Каладиуса. Что ж, кажется, тут великий маг мог быть уверенным, что тайна смерти короля Конотора точно не просочится наружу. Стеннель знал, что теперь во всём свете её знали лишь два человека, и в случае чего один из них без колебаний уничтожит другого.

Двор встретил смену власти с глубочайшим, но достаточно радостным изумлением. Пока ещё официальной причины никто не называл, а те немногие, которые что-то слышали минувшей ночью, благоразумно предпочитали делать вид, будто ничего не произошло. И, тем не менее, дворец буквально гудел. Особенно ликовала прислуга, хотя, конечно, старалась демонстрировать радость лишь в своём кругу, сохраняя при благородных господах торжественный и немного скорбный вид – на всякий случай.

В мгновение ока новость разнеслась по столице, как пожар распространяется по полю созревшей ржи. На улицах народ не слишком-то церемонился с памятью о прошлом монархе (о его смерти пока ещё не знали даже во дворце) – незнакомые люди смеялись и обнимались прямо на улицах,

то там, то тут возникали стихийные праздники. Везде, где удавалось отыскать уличных музыкантов, начинались массовые пляски и шум. Вино и пиво текло рекой – некоторые трактирщики выкатывали на улицы бочки и собственноручно черпали из них, наливая всем желающим. И повсюду слышались здравницы и благословения нового короля Вилиодия и его прекрасной сестры Пелли.

– Полюбуйтесь, ваше величество, – слегка отодвигая краешек шторы в карете, проговорил Каладиус. – Поглядите, как они ликуют! Поверьте моему опыту – такое я видел нечасто.

– Они радуются освобождению от короля Конотора, а не королю Вилиодию, – недоверчиво помотал головой юноша.

– Они одинаково рады и тому, и другому! – возразил маг. – На их глазах будто бы ожила одна из сказок о добрых и благородных принце и принцессе, и злобном короле. Вы и ваша сестра сейчас – самые популярные люди в королевстве! Ах, как жаль, что мы не живём в эпоху варварских королевств, что существовали до первой империи! В те времена, если верить историкам, короли так пеклись о чистоте крови, что брали в жёны собственных сестёр. Если бы госпожа Пеллионора могла стать королевой – вы вдвоём могли бы вить любые верёвки из этого народа!

– Право, ваши речи слишком смущают меня, мессир. Хвала богам, что эпоха варварства осталась далеко позади! Пелли может остаться при дворе и будучи сестрой короля.

– Но сестра короля – всё-таки не королева! Впрочем, нельзя требовать от богов слишком многого – они и так здорово постарались для нас!

Карета въехала во внутренний двор королевского дворца. Официальное представление Вилиодия придворным должно было состояться лишь после присяги Совета, поэтому сейчас молодой король и его министр безо всякой помпы прошли по коридорам, хотя все встречные разве что не стелились перед ними в глубочайших поклонах и реверансах.

Сама присяга Королевскому совету была пустой формальностью, ведь, как мы уже знаем, всё было решено ещё вчера. Члены Совета с большей или меньшей степенью искренности поздравили короля Вилиодия и поклялись в преданности ему и новой династии, которой желали многие и многие лета. Было решено, что рабочее заседание будет проведено позже, когда новоиспечённый государь немного освоится на чересчур просторном для него пока троне.

Сейчас задача Совета была в том, чтобы подготовить юного монарха к официальному представлению. Вилиодий вместе с Каладиусом выслушали краткие донесения о настроениях при дворе и в городе. Впрочем, оба они уже имели возможность воочию наблюдать эту воцарившуюся эйфорию. Хотелось лишь надеяться, что она не пройдёт так же быстро, как началась...

Коснулся разговор и смерти Конотора. По лицам многих членов Совета было видно, что они подозревают об истин-

ных причинах столь внезапной кончины, но на словах все единодушно приняли версию самоубийства. Некоторые даже отметили, насколько кстати оно пришлось, сняв с многострадальной шеи королевства целый пласт проблем.

Тем не менее, заседание Совета получилось недолгим, после чего все направились в большую коронационную залу, где нужно было впервые явить нового короля его подданным. Сама коронация случится не раньше, чем через месяц, но царствовать Вилиодий должен был начать уже сегодня.

Зала была переполнена придворными и столичной знатью. Громовые овации встретили юного государя. Он уселся на трон, и словно растворился в нём, поскольку все ещё помнили, как лишь недавно его заполняла необъятная туша Конотора. Кажется, ликование было вполне искренним.

Каладиус, давным-давно не выступавший перед людьми, встал рядом с тронном и поднял руку, желая говорить. Тишина установилась как по волшебству – каждый боялся упустить хотя бы слово великого мага, понимая, что тот сейчас объяснит столь чудесную смену власти.

Прежде всего первый министр торжественно представил нового короля, не скупясь на похвалы. Эта часть его речи несколько раз прерывалась овациями и восторженными здравницами. Но затем он перешёл к главному, и мёртвая тишина повисла над многосотенной толпой.

– Каждый из здесь присутствующих, я полагаю, сейчас задаётся одним и тем же вопросом – что же случилось, и как

так вышло, что на смену королю Конотору Тиониту пришёл Вилиодий Пантатег. Поскольку я в немалой степени приложил к этому руку, то, пожалуй, именно я и объясню вам всё.

Каладиус сделал эффектную паузу, во время которой было слышно лишь напряжённое дыхание сотен глоток.

– Вчера мне стало достоверно известно, что королева Теленя и принцесса Силия были убиты по приказу короля Конотора.

Потрясённый вздох и перешёптывания прокатились по толпе придворных. Люди, переглядываясь, словно пытались удостовериться, что они не ослышались.

– И узнал я об этом совершенно случайно. Вчера господин Стеннель тайно встретился со мной и, рискуя жизнью, сообщил, что король Конотор потребовал от него избавиться от герцога Вилиодия и герцогини Пеллионоры, – новая порция вздохов раскатилась по залу. – Также король указал на одного человека из службы безопасности, которого он рекомендовал в качестве исполнителя. Человек этот работал ещё с Рентом Бабером. Господин Стеннель, которому претило убийство двух невинных людей, пришёл ко мне. И мы решили, что должны помешать злодеянию.

Стеннель, стоящий среди членов Совета, казался сейчас олицетворением скромности и самоотверженности. Его белёсое веснушчатое лицо, с которого обычно не сходила сардоническая ухмылка, сейчас покрылось румянцем ложного смущения. Всё-таки глава службы безопасности дворца был

весьма неплохим актёром!

– Господин Стеннель с моего согласия арестовал названного королём человека. На всякий случай мы учинили над ним допрос, и он довольно быстро признался, что ему не впервой заниматься подобными делишками для короля Конотора. Он рассказал, как они с Рентом Бабером задушили королеву и принцессу, представив затем это как несчастный случай!

Каладиус вновь замолчал, предоставляя возможность слушателям представить себе услышанное. Придворные были шокированы – они хотя и подозревали, что Конотор способен на многое, но всё же не думали, что он может дойти до таких злодеяний.

– Такая же судьба ожидала бы и нашего нового государя, и его прекрасную добрую сестру. Все вы знаете, господа, что в нашем королевстве закон – превыше всего. Он превыше любых богатств и титулов. Скажите, мог ли я стерпеть, узнав о подобных преступлениях? Должен ли я был смолчать, предоставив королю возможность и дальше безнаказанно убивать невинных? Конечно же, я не стал этого делать! Я срочно собрал Королевский совет, и мы решили, что король Конотор должен ответить за свои злодеяния!

Одобрительный и одновременно раболепствующий гул поддержал великого мага. Каждый старался как можно более заметно выказать своё одобрение, и особенно преуспели в этом ближайšie друзья и бывшие собутыльники короля. Зная

за собой немалое количество грешков, пусть и не связанных с убийствами, они очень боялись сейчас за свою свободу и жизнь.

– Королевский совет принял решение арестовать короля Конотора и судить его. Но поскольку этот злодей собственноручно убил всех, кто мог бы наследовать ему, мы встали перед сложным вопросом – кто достоин сейчас возглавить наше многострадальное королевство? Мы долго обсуждали этот вопрос, спорили, выдвигали самые разные кандидатуры. Поверьте, это было одним из самых непростых решений в моей жизни. Но в конце концов члены Совета проголосовали именно за герцога Вилиодия Пантатега, как человека, чьи великие достоинства я уже расписал ранее.

Вновь раздались здравницы и благословения в честь нового короля, вынуждая Каладиуса сделать паузу.

– Вчера вечером по приказу Королевского совета Конотор Тионит был арестован по обвинению в убийствах членов своей семьи, однако мы не сомневались, что вскоре к этому списку добавится ещё очень много имён. Признав свою вину, король подписал отречение от престола в пользу герцога Вилиодия, – говоря это, Каладиус поднял над собой лист с отречением. – После чего он был отправлен в казематы дворца, где должен был ожидать решения суда. Однако же сегодня утром тюремщики нашли его повесившимся в собственной камере.

Толпа потрясённо затихла, не зная – то ли ликовать, то ли

скорбеть. Поскольку и сам Каладиус, и члены Совета сохраняли серьёзный вид, даже самые ярые ненавистники сверженного короля сочли за благо сохранить свои восторги при себе.

– Король Конотор избежал возмездия со стороны людей, но он наверняка получит его на той стороне Белого Моста! – провозгласил великий маг. – С нашей стороны будет лучше, если мы как можно скорее постараемся забыть ужасы минувшего царствования, сохранив их в уголках нашей памяти лишь в качестве предостережений, и направим свои взоры в будущее, которое, благодаря милости богов, будет лучше прошлого стараниями нашего нового повелителя!

Придворные поняли, что это был финал речи первого министра и верховного мага, и теперь, уже не сдерживаясь, разразились овациями. Наверное, это было не совсем правильно – славить министра в присутствии короля, тем более, что само мероприятие посвящалось именно Вилиодию, но Каладиус не был простым министром. Сейчас в глазах всех этих людей он был скорее воплощением самого Латиона.

После Каладиуса пришлось говорить Вилиодию. Это спустя годы он превратится в настоящего златоуста, умеющего одним словом зажигать сердца, а пока этот напуганный, ещё не пришедший в себя юноша, запинаясь, сумел выдать лишь несколько фраз. Впрочем, ему попалась весьма благосклонная публика. Жители Латиона были словно опьянены случившимся – так человек, долгое время задыхавший-

ся в смраде душного подземелья вдруг выходит на благоухающую лесную поляну. В эти дни всем казалось, что испытания, долгое время преследующие их королевство, наконец-то остались в прошлом.

Правление Вилиодия, которого уже современники назовут Великим, вполне заслуживает отдельной книги. Однако же на этих страницах мы говорим о другом человеке, и потому можем лишь вскользь упомянуть правление этого славного короля, обязанного короной исключительно Каладиусу. И, надо сказать, что в будущем великий маг ни разу не жалел о своём выборе. Можно даже сказать, что он ни разу не пожалел о той политической аванюре, которую затеял.

Однажды Каладиус пообещал тогда ещё герцогу Вилиодию, что последнее слово всегда будет за ним, и что сам первый министр никогда не станет навязывать ему свою волю. В целом можно сказать, что волшебник сдержал данное слово – он был постоянным советчиком и опорой для юного короля в первые годы, но даже тогда никогда не настаивал на собственной точке зрения. Великий маг понимал, что его главная задача – взрастить настоящего государя, обладающего в полной мере чувством ответственности.

Каладиус не ошибся в своём протезе – отсутствие опыта тот легко компенсировал жадной знаний и невероятно работоспособным разумом. Казалось, его мозг впитывает знания,

словно губка. При всём этом король никогда не брезговал мнением окружающих и охотно выслушивал своих советников, в числе которых великий маг, особенно поначалу, был на ведущих ролях. В общем, даже если бы Каладиус мог каким-то чудесным образом взрастить идеального короля Латииона в какой-нибудь алхимической реторте – тот вряд ли мог быть много лучше Вилиодия.

Каждый в королевстве в то время понимал, что главное сейчас было – наладить хозяйство, поднять экономику, которая несколько не соответствовала тому статусу сверхдержавы, который всегда подчёркивал за собою Латиион. Руководствуясь предложениями значительно обновлённого Королевского совета, Вилиодий провёл весьма грамотную налоговую реформу, которая в значительной степени облегчила положение земледельцев. Это дало эффект уже через несколько лет – запущенные прежде поля вновь заколосились хлебами, а житницы чуть ли не до крыш наполнились зерном.

Каладиус всегда сомневался в том, что последовательная череда неурожайных лет была божьим наказанием за грехи Конотора, поскольку был глубоко убеждён в том, что Перво-создатель слишком глобален, чтобы обращать внимания на подобные мелочи. Однако же, словно пытаясь пошатнуть его веру, с воцарением Вилиодия наступили благодатные годы, когда летом было вдоволь и солнца, и дождя, а зимой – снега. Однако, осознавая, что вечно так продолжаться не может, король повелел делать запасы зерна на случай повторения

новых неурожаев.

Если Увилл Великий был королём-воином, который мечом отвоевал своё право на корону, и мечом же удерживал его всю жизнь, доказывая соседним правителям право на суверенитет своего королевства, то Вилиодий Великий остался в памяти народа как король-миротворец. Не желая понапрасну тратить людей и ресурсы, он отказался от нелепых нападков на Палатий, подписал торговые договоры с Саррассой и Кидуей. Именно он начал строительство Танийского торгового тракта, чтобы сделать торговлю с Пунтом удобнее и проще.

Апофеозом мирной политики Вилиодия стал брак между его сестрой Пелли, которой к тому времени уже исполнилось двадцать шесть, и новым королём Палатия, который по палатийским монархическим меркам был вполне ещё молод⁴⁵ (ему едва исполнилось сорок) и уже несколько лет как вдов. Латион долго пытался привязать к себе северное королевство мечом и цепями, и лишь теперь появился кто-то кто решил сделать это при помощи пары брачных венцов.

С подачи Каладиуса, который, похоже, считал это делом чести, в первый же год царствования Вилиодий реабилитировал принца Конотора, а вслед за ним – и сотни других невинно казнённых или заточённых в тюрьмы. Для послед-

⁴⁵ Здесь имеется в виду, что в Палатие, в отличие от большинства других королевств, правитель определяется не по принципу кровного родства, а избирается Палатой Гильдий из числа членов самой Палаты, поэтому, как правило, королями Палатия становятся люди в летах.

них это было особенно важно, ведь если Белый Мост невозможно перейти обратно, то порог тюремной камеры – вполне. Эти бледные, истощённые, зачастую полоумные люди, многие из которых сидели годами, если не десятилетиями, выходя впервые под открытое небо, ощущая кожей свежий ветерок, благословляли в первую очередь милосердного государя, и лишь затем – Белого Арионна.

Любое государство переживает взлёты и падения. Латин он не был исключением – за свою многовековую историю он также и падал, и взлетал. Но смело можно сказать, что возрождение, которое он пережил в эпоху короля Вилиодия, по праву может считаться одним из самых чудесных и выдающихся. Не случайно уже позже, после смерти великого короля, он превратился в героя многочисленных легенд, сказаний и баллад.

В этих сказаниях не так часто упоминалось имя Каладиуса – народ словно не хотел пачкать белоснежный облик своего любимого государя упоминанием этого мрачного колдуна, Ассова посланца. Было даже несколько сказок, в которых благородный Вилиодий сражался с коварным и жестоким Каладиусом, и, конечно, всякий раз побеждал, хотя полностью извести с лица земли и не мог.

Древний волшебник не раз слышал эти сказки, и всякий раз лишь философски усмехался. Ему было совершенно безразлично, что о нём думали простые смертные. Он не чувствовал никакой досады от того, что они неверно понимали

его роль в правлении Вилиодия. Каладиус оставался всё тем же мизантропом, презирающим весь человеческий род. Но всё же иной раз в груди его становилось тепло при воспоминании о том, что именно ему мир оказался обязан появлением Вилиодия Великого.

Глава 49. Орден чернокнижников

Ровно тридцать лет минуло со смерти короля Вилиодия, а правил Латионом он сорок один год. Уже четыре года на престоле восседал его внук, Селедор. Как это часто бывает, боги, одаривая родителей полными пригоршнями, скупаются с их детьми. Ни сын, ни внук и близко не походили на своего предка, хотя король Гериорд, сын Вилиодия, всячески пытался подражать своему блистательному родителю. Увы, зачастую это больше напоминало карикатуру.

Впрочем, Вилиодию удалось создать такой мощный толчок для роста, что и теперь, спустя три десятилетия с тех пор как его не стало, королевство чуть ли не самотёком продолжало крепнуть. Мудрые законы короля, привычка подданных исполнять их – всё это в значительной степени предопределило дальнейшую судьбу государства, так что даже довольно-таки бездарные правители не могли всё это испортить. Во всяком случае, им достаточно было лишь не вмешиваться.

Если что и оставалось неизменным во всём королевстве, так это – Каладиус. Кажется, он застыл во времени – люди, которых он видел ещё в колыбели, старились и умирали, а у него, казалось, не прибавлялось ни единой морщинки. Сейчас, спустя полтысячи лет, на лице великого мага не осталось и намёка на уродливые шрамы от ожогов. Крепкий су-

хопарый старик с лысой, будто шар, головой, в неизменных тёмных одеждах, которые, казалось, сохранились ещё с тех далёких времён, когда он впервые прибыл в Латион – таков был Каладиус на пороге своего пятисотлетия.

И по веками неизменной традиции он продолжал сохранять за собою два поста – пост верховного мага, и пост первого министра. Что касается первого, то, наверное, во всей Паэтте до сих пор не родился человек, способный его оспорить. Ну а звание первого министра в Латионе давным-давно уже стало чем-то сакрально-декоративным, и функции этого важного чиновника столетиями исполняли другие министры. Ведь – и это тоже казалось почти неизменным – Каладиус почти не проявлял никакого интереса к государственным делам.

Великий маг, словно разочаровавшись в потомках своего короля и едва ли не единственного друга за минувшие несколько сотен лет, начисто игнорировал двор. В последний раз он был в королевском дворце во время коронации Селедора, и с тех пор больше там не появлялся. Более того – и его шикарный особняк в столице пустовал уже около четверти века, а его хозяин перебрался в поместье, находящееся примерно в шести милях от города.

Мрачный нелюдим теперь всё своё время посвящал магии. Если чёрную с красным карету верховного мага и видели в Латионе, так только лишь в Академическом квартале. Его обитатели, многие из которых выглядели куда стар-

ше Каладиуса, хотя по возрасту были вчетверо моложе него, были едва ли ни единственными представителями человеческого рода, общение с которыми верховный маг мог ещё выносить.

Каладиусу было тесно в рамках той магической парадигмы, которая в значительной мере уже устоялась среди выпускников Латионской академии. Конечно, сам он во многом выходил за эти рамки, но всё же ощущал, что для перехода на качественно новый уровень ему требуются принципиально другие знания.

Довольно много времени великий маг потратил, пытаясь войти в контакт с лиррами. Конечно же, больше всего ему хотелось бы встретиться с Дайтеллой, ибо не было, наверное, в мире смертного существа могущественнее неё. Однако древняя магиня исчезла столетия назад, и никто не знал – куда. Несколько лет Каладиус занимался её поисками, но нисколько не преуспел в этом. И он отступился, по крайней мере, на время. Великий маг понял, что покуда сама Дайтелла не соизволит подать ему какой-то знак, искать её бессмысленно – он либо вовсе не найдёт её, либо же найдёт, но великая затворница едва ли захочет с ним говорить.

Надо сказать, что подобная покорность не была в характере Каладиуса, но он прекрасно понимал, что в данном случае столкнулся с силой, ещё более могущественной и древней, чем он сам. И он уважал эту силу.

В Латионе хватало и других достаточно сильных магинь,

и именно Каладиус настоял на том, чтобы некоторые из них могли получить придворные должности. Далекое не все представительницы древнейшего народа стремились стать активной частью королевства людей – в большинстве своём лирры жили довольно обособленно на юго-западе Латиона. Но в конечном итоге некоторые из них соблазнились обещанным влиянием и роскошью, и так при латионском дворе появились первые магини.

Но и здесь Каладиуса ждало разочарование. Лиррийские волшебницы ни в какую не хотели делиться своими секретами. Они готовы были принести свою магию на службу королю, но вот посвящать людей в тонкости лиррийской волшебства не хотели ни при каких обстоятельствах. Также никто из них не соглашался сделаться преподавателями в Академии. У лирр существовала собственная академия неподалёку от Варса, которая называлась Наэлирро – в переводе с лиррийского, «школа лиррийской магии». Там они готовили магинь, и человеческим профессорам даже не снились те сложности, которые вынуждены были преодолевать лиррийские наставники.

Впрочем, лиррийская магия, насколько сумел понять Каладиус, не являлась универсальной и строилась на природной предрасположенности к волшебству некоторых лирр. В этом смысле она уступала человеческой магии, хотя в целом была куда более могучей. Хотя у лирр всё же было чему поучиться – несмотря на то, что процесс манипуляции *возму-*

щением у них и людей был различным, но вот в создании артефактов древний народ мог соперничать с самими гномами.

Нам известно, какой интерес Каладиус питал к магическим артефактам и их созданию. Он в совершенстве овладел работой с драгоценными камнями и кристаллами, умел точно рассчитывать количество и размеры граней, их взаимное расположение, углы плоскостей. Всё это позволяло как бы запирать *возмущение* внутри камня, и при этом не давать ему ни вырваться наружу, ни разрушить своё узилище.

У лиррийских магинь было довольно много артефактов, вызывавших неподдельный интерес Каладиуса, но лирры весьма неохотно давали их в руки людям даже на время, крайне редко соглашались продать или обменять, и совсем никогда – объяснить принцип работы.

В общем, в какой-то момент времени великий маг осознал, что данное направление деятельности пока что не является перспективным. Возможно, когда-то люди и лирры отбросят предрассудки, копившиеся тысячелетиями, и между народами не останется ни вражды, ни тайн, но даже отличающийся легендарным долголетием Каладиус понимал, что вряд ли ему суждено дожить до тех времён.

Оставалось лишь развивать магическое искусство в том русле, которое было ему доступно. Каладиус не был столь самонадеян, чтобы полагать, что он достиг в этом предельных вершин. Понимание глубин и структуры *возмущения* могло бы дать ему ещё очень много. И вот во время одного из по-

добных озарений великий маг велел спешно заложить карету, хотя на дворе была ночь, и отправился в Академию. Он знал, что даже несмотря на столь поздний час, найдёт там нужного ему человека.

Возможно, читатель помнит, что когда-то очень давно, когда Каладиус только начал своё восхождение при дворе, в Академии была создана кафедра по изучению структуры *возмущения*, почётным профессором которой сделался сам великий маг. Поскольку Латионская академия высоких наук была глубоко консервативна, как и все подобные научные заведения, эта кафедра существовала до сих пор. За всё это время она так и не выпустила ни одного студиязуса, но штат её неизменно составлял несколько человек.

Как правило, это были чудаки, считавшиеся отщепенцами среди «уважаемых» членов Академии. По мнению большинства, они занимались совершенно нелепыми вещами, недостойными именоваться научными трудами. Авторитетные учёные маги полагали, что Каладиус – некая неповторяющаяся аномалия, и что подобные умения недоступны ни для кого, кроме него, а потому все те чисто теоретические изыскания, которые проводили на его кафедре, были сродни вычислениям возможностей полёта дождевыми червями.

Сам великий маг десятилетиями до этого не бывал на собственной кафедре, уже и позабыв о её существовании. Каково же было его удивление, когда пару лет назад к нему пришёл вдруг странного вида старик с целым мешком каких-то

свитков и бумаг, и начал расспрашивать что-то о «сетчатой или канатной структуре *возмущения*».

Каладиус сперва едва не прогнал этого чудака, но, пообещавшись с ним из любопытства каких-нибудь десять минут, предложил ему старого кидуанского. Это был вернейший признак симпатии и уважения, хотя мессир Ликатиус, как звали посетителя, об этом, вероятно, даже не догадывался.

С изумлением великий маг узнал, что где-то в недрах Академии есть люди, которые по-прежнему пытаются постичь его возможности. Более того, они не теряли надежды получить из своих чисто теоретических рассуждений практический результат. В частности, в данный момент Ликатиус бился над вопросом, который он сам довольно поэтично называл «как оседлать *возмущение*». Однако для этого ему нужно было понять, что представляет собой ткань *возмущения* – переплетённые нити, похожие на рыбацкую сеть, или же некий струящийся поток, подобный бесконечному канату.

По гипотезе Ликатиуса, которую он подтверждал двумя страницами каких-то вычислений, совершенно непонятных Каладиусу, хоть тот и изучил курс математики и геометрии, если *возмущение* обладало свойствами пространственной перераспределённости (что бы это не значило), то вполне можно было бы почти мгновенно перемещаться на значительные расстояния, создав некую волну в поле *возмущения*, и «оседлав» её.

Ликатиус утверждал, что если поле *возмущения* имеет

структуру решётки или сети, то при определённых условиях возможен перенос любой энергии от одной ячейки к другой. Математически это было, кажется, вполне реально, но получить данный эффект на практике не удавалось, ведь для этого необходимо было углубиться в структуру *возмущения*, что мог только Каладиус.

Великий маг, который давно уже маялся от скуки, пришёл в восторг от подобных исследований, ведь они обещали ему, в худшем случае, хоть какие-то развлечения, а в лучшем же могли значительно расширить его возможности. Действительно, если он сможет мгновенно перемещаться в пространстве – насколько могущественнее он станет! Внезапно появиться в осаждённом вражеском городе, или не тратить время на очередную поездку в Варс или Шеар... Правда, исходя из вычислений, выходило, что на это потребуется почти немыслимое количество энергии, но эту проблему и Каладиус, и Ликатиус планировали решить в своё время.

И вот сейчас, на протяжении уже более полутора лет, Каладиус был занят тем, что пытался проверить какие-нибудь теоретические выкладки, которые предлагал ему Ликатиус. Конечно, с этим были огромные сложности, ведь великий маг по-прежнему слабо разбирался в той силе, что была ему дана. Он мог пользоваться ею, но не всегда мог управлять, подобно тому, как человек не может контролировать температуру собственного тела или скорость роста волос.

И всё же это было чертовски увлекательно, и великий маг

с упоением занимался данной проблемой. И вот, как мы уже говорили ранее, прямо посреди ночи, едва лишь очередная идея проблеснула в его мозгу, Каладиус тут же помчался к Ликатиусу, зная, что тот живёт прямо в своём рабочем кабинете. Ликатиусу было восемьдесят четыре года, и, как у всех стариков, сон его был довольно капризным гостем, так что он частенько мучился от бессонницы, поэтому Каладиус почти не боялся разбудить коллегу, сделавшегося уже приятелем.

Ликатиус действительно был в постели, если можно такой назвать кушетку, на которой Каладиус не решился бы провести ночь даже под угрозой казни, но он то ли всё ещё не спал, то ли уже проснулся, услышав шаги великого мага.

– Я привёз две бутылки биррийского, друг мой, – с порога объявил Каладиус, демонстрируя бутылки, которые он держал в руках. – Вставайте, у меня родилась отличная идея!

– Которая не могла подождать до утра? – по ворчливому тону Ликатиуса стало ясно, что он всё-таки в кои-то веки сумел уснуть, и теперь был не слишком-то доволен, что его столь желанный сон был так бесцеремонно спугнут.

– Конечно могла, – сдвинув стопку бумаг, Каладиус поставил бутылки на стол и уселся в кресло, которое он когда-то специально приказал доставить сюда, поскольку аскетичный Ликатиус вполне обходился простыми жёсткими стульями. – Так же, как и это превосходное вино могло бы подождать до утра, но тогда мы не смогли бы насладиться им сейчас.

– Ваши слова лишены логики, мессир... – проворчал Ли-

катиус, но выполз из-под стёганого одеяла и направился к столу, благо, что он спал одетым.

– Так же, как и это вино, – усмехнулся маг, откровенно потешаясь над раздражением учёного. – Оно туманит разум, приучает нас к сладострастию, да и вообще – оно чертовски дорого для скисшего виноградного сока. Но именно за это мы его и любим!

– Простите, мессир, но я не в том расположении духа, чтобы по достоинству оценить ваши остроты... – буркнул Ликатиус. – Мне с таким трудом удалось наконец уснуть...

– Я не знаю лучшего снотворного, чем бутылка биррийского, урожая тысяча триста восемьдесят шестого! Славный был год для вина, хотя в этот же год почил король Вилиодий... – Каладиус ловким движением, говорившем об огромном опыте, срезал сургуч и извлёк пробку, а затем разлил густое бордовое вино по бокалам.

– Так что же за идея пригнала вас ко мне посреди ночи? – отхлебнув вина, Ликатиус избавился наконец от ворчливого тона.

– Зачарованные животные! – провозгласил Каладиус, поднимая бокал, словно говорил тост. – Вы никогда не задумывались, почему они такие быстрые? Ведь дело не только в том, что заклинанием мы заставляем их мышцы сокращаться быстрее. Они сами явно начинают двигаться быстрее в пространстве...

– Словно они оседлали *возмущение*! – просияв и момен-

тально забыв про сон, воскликнул Ликатиус.

– Скорее их просто посадили на гребень волны, – с деланным равнодушием поправил его великий маг. – Но в нашем случае это и неважно. Если мы поймём механизм зачарования животных, то значительно продвинемся и в нашем деле.

– Зачарование – вполне стандартная процедура, она практически неизменно применяется ко всем животным, – учёного мага уже охватил азарт, и теперь он уже, похоже, готов был не спать сутками. – Если мы сумеем распутать это заклинание на составляющие части, то, возможно, найдём тот элемент, который позволяет воспользоваться волной.

– Боюсь, что это будет сложно даже для нас... – покачал головой Каладиус. – Вполне вероятно, что основная часть этого заклинания – не более чем мусор, огромный стог сена, в котором нам нужно будет отыскать иглу. Один мой знакомый алхимик признавался, что бросает в свои отвары три десятка трав в надежде, что среди них найдётся одна, которая будет иметь реальный эффект. При этом он иногда даже не знает – которая именно. Просто такой рецепт он получил от бабки, а она – от своей бабки, и так далее. То же самое и с формулами заклинаний. Напомню, друг мой, их создавали люди, которые неспособны проникнуть в ткань *возмущения*!

– А если они были способны?.. – подслеповатые глазки Ликатиуса вдруг распахнулись от очередного озарения. – Откуда к нам пришла методика зачарования, мессир? Из Саррассы, от чернокнижников, не так ли?

– Дьяволы, а ведь вы правы, друг мой! – вскричал Каладиус и, забыв, что у него в руках бокал с вином, расплескал добрую половину. – Все эти штуки пришли от чернокнижников, а многие полагают, что в основе их магии лежат знания Эллора! Если это так, то заклинание зачарования может иметь корни именно там! Всем известно, что Гурр может создавать гомункулов, а это значит, что он проникает в ткань *возмущения* гораздо глубже меня! Значит, если как следует покопаться в библиотеках чернокнижников – возможно, удастся найти что-то важное!

– Вот только есть одно «но», – заметно погрузстнел Ликатиус. – Чтобы покопаться в библиотеках чернокнижников, нужно самому быть чернокнижником, причём не из низших.

– Да уж, эти гробокопатели берегут свои тайны пуще лирр!.. – с явной досадой проворчал Каладиус. – Лицемеры...

У великого мага были все основания досадовать на чернокнижников. Действительно, анналы этого древнего ордена были закрыты для непосвящённых, что объяснялось опасностью этих знаний для неподготовленного человечества. Ни для кого не являлось секретом, что в некоторых вещах они достигли куда больших результатов, нежели выпускники классических школ магии вроде той же Латионской Академии. Особенно это касалось боевой магии, а также такой довольно специфической сферы волхвования как некромантия.

Действительно, испокон веков чернокнижники пытались

докопаться до самых основ мироздания, и, конечно, одними из главных предметов их исследований были жизнь и смерть. Похоже, что Каладиус был прав, и истоки знаний Ордена чернокнижников действительно могли иметь эллорское происхождение – слишком уж похожи были результаты их практик с тем, что делали Двенадцать Герцогов Эллора.

Некоторые из чернокнижников пошли дальше, перешагнув одну за другой все грани человеческой морали. Они стали работать с мертвецами, пытаясь вернуть их к жизни. Со временем стало очевидно, что законы Сферы непреложны для всех, даже для самых дерзких из магов, и любая душа, ступившая на Белый Путь по ту сторону Белого Моста, уже никогда не вернётся обратно. Однако же маги-ренегаты добились определённых успехов – они научились заклинать демонов и помещать их в мёртвые тела.

Официальный Орден чернокнижников поспешил отречься от этих заклинателей демонов, или некромантов, как вскоре стали их называть. Какое-то время их ещё терпели, понимая, что результаты их исследований могут быть весьма полезны, но в какой-то момент стало известно, что некроманты скупают рабов и отлавливают нищих для своих нужд, и после этого произошёл окончательный разрыв.

Орден некромантов, как иногда их называли, хотя на самом деле у этих колдунов-изгоев не было чёткой организации, откололся от чернокнижников. Наиболее одиозные из его представителей ушли в подполье, не связанные более ни-

какими ограничениями. Другие продолжали жить в Золотом Шатре, формально удалившись от дел, но не порывая до конца с чернокнижниками. Были и такие, что всё также посещали башню Кантакалла, словно ничего и не произошло, хотя таких были единицы.

Магистры Ордена чернокнижников словно бы провели некую красную черту, переступать которую, не опасаясь лишиться членства в Ордене, не должен был ни один адепт. Это не значит, что неприкосновенность черты никогда не нарушалась – все понимали, что и сами чернокнижники во многом ходили по самой грани. Однако же правовой статус кво был восстановлен, Орден вновь мог претендовать на официальное существование, и в конечном итоге все были довольны, в том числе и император Саррассы, могущество которого в значительной мере опиралось на мощь его магов.

Конечно, наиболее тёмные и запрещённые из книг, вероятно, теперь принадлежали самым влиятельным и могущественным из некромантов, но для Каладиуса сейчас были важны именно истоки, корни магии чернокнижников, ведь где-то в них, вероятно, крылись ответы на интересующие его вопросы. Эти первоосновы хранились в книгах, которые были у Ордена ещё до раскола и, наверняка, продолжали пребывать в его библиотеках.

– Впрочем, есть выход, – задумавшись на мгновение, проговорил Каладиус. – Если для того, чтобы покопаться в этих книгах, нужно быть чернокнижником – станем чернокниж-

ником!

– Вы, должно быть, забыли, мессир, что чернокнижником может быть лишь сарраассанский подданный.

– Я ничего не забыл, мой любезный друг, но, думаю, что у меня есть решение данной ситуации, – улыбнулся великий маг. – В крайнем случае, им придётся сделать исключение для меня.

Это было сказано с такой потрясающей самоуверенностью, что учёный ни на секунду не засомневался, что именно так всё и будет. Ну а сам Каладиус, слова которого обычно не расходились с делом, уже через неделю отбыл в Сарраассанскую империю, прихватив с собой ещё и Ликатиуса.

Глава 50. Ультиматум

Саррасса встретила легендарного мага соответственно его статусу. Несмотря на то, что в империи существовал собственный культ, он признавал существование Арионна и Асса, и среди имперцев особенно почиталось как раз ассианство. Поэтому совершенно неудивительно, что когда Каладиус в роскошном паланкине направлялся во дворец императора, многие жители Шатра, уже прознавшие, что за важный гость посетил их, падали ниц перед тем, кто считался живым воплощением Асса.

Великий маг принимал это спокойно, как должное. Он встречался с подобным даже в Латионе, хотя и гораздо реже. Здесь же, особенно среди простонародья, почитание Каладиуса превратилось едва ли не культ. Позже ему показали пару ассианских храмов в Шатре, где неподалёку от алтаря стояла грубо вырезанная из дерева статуя, изображающая Асшиани, или, в переводе с саррассанского, «Асса-гостя», как называли знаменитого волшебника здесь, в империи.

Несмотря на то, что сам Каладиус напускал на себя величественный и равнодушный вид, словно он действительно был аватаром Чёрного бога, он всё же отчасти был шокирован такой популярностью здесь, где он не бывал уже многие столетия. Но ещё больше он был неприятно поражён контрастом между подобным обожествлением черни и достаточно

холодным приёмом со стороны императора и его окружения.

Здесь на Каладиуса смотрели скорее как на первого министра достаточно недружественного королевства, и ожидали в его приезде какого-то подвоха. И то, что он самолично приехал в империю, вызывало скорее беспокойство, нежели восторг. И уж подавно ни сам монарх, ни его советники не спешили видеть в великом маге бога. Именно поэтому император Кисиана был безупречно вежлив, но холоден и насторожен.

– Какой счастливой звезде обязан я визитом столь distinguished и великого человека как вы, мессир? – тон этих слов и близко не соответствовал их значению.

В Саррассе, конечно же, имелся собственный язык, но среди знати знание так называемого имперского языка, то есть языка Кидуанской империи, на котором теперь говорила вся Паэтта севернее саррассанских границ, считалось хорошим тоном. Поэтому Кисиана вполне хорошо изъяснялся на нём, и даже акцент его не мешал Каладиусу свободно понимать сказанное.

– Я посчитал трагическим упущением, ваше величество, что за последние пять столетий ни разу не побывал в вашей великой империи, с которой у меня связано столько добрых воспоминаний, – тон великого мага, напротив, был весьма тёплым и дружеским, хотя цена этой теплоте была и невелика. – И я поспешил исправить этот досадный промах.

– Для меня – величайшая честь принимать вас в моих чер-

тогах, мессир, но всё же не могу не признать, что испытываю беспокойство по этому поводу. Надеюсь, вы не привезли дурные вести, мессир?

Саррасанцы славились своим умением плести многочасовые разговоры из вязи ничего не значащих слов, и то, что император Кисиана сразу же перешёл к делу, означало лишь степень его озабоченности и то, что он видит в этом визите какую-то политическую подоплёку. Можно было подумать, что опасается того, что латионские легионы уже стоят на границе.

– Никогда бы не подумал, что у меня здесь репутация буревестника, – придав лицу скорбное выражение, воскликнул Каладиус. – Прошу, ваше величество, поверьте, что я прибыл с исключительно мирными и дружескими намерениями. Более того, моя миссия заключается в том, чтобы ещё больше сблизить наши государства!

– И какова же ваша миссия, мессир? – поинтересовался император.

– Не думал я, ваше величество, что законы гостеприимства при саррасанском дворе настолько изменились за последнее время, – проговорил Каладиус. – И что гостя, утомлённого путешествием, станут подвергать допросам прежде, чем дадут ему отдых и пищу!

Хитрый маг, видя неприветливый приём, надеялся выиграть время. Он хотел, чтобы саррасанцы перестали относиться к нему с подозрительностью. Каладиус верил в свою

харизматичность и надеялся очаровать императора. Судя по всему, для этого ему придётся провести при саррассанском дворе чуть больше времени, но это его не смущало.

– Простите, мессир, – спохватился Кисиана. – Я действительно повёл себя недостойно гостеприимного хозяина. Прошу, располагайте мною и моим домом! Сейчас же вас и ваших спутников накормят и проводят в ваши покои, а вечером мы устроим пир в вашу честь! Клянусь, таких яств, которые подают при моём дворе, вы не испробуете больше нигде!

Действительно, тут же слуги провели Каладиуса и его небольшую свиту в небольшой зал, где уже был накрыт стол, причём количество разнообразных блюд было таким, словно обещанный пир уже начался. Вероятно, его всё же накрыли заранее, когда ещё только стало известно о прибытии великого мага, потому что в противном случае Каладиусу пришлось бы поверить в джиннов из саррассанских сказок, что в мгновение ока исполняют любые желания.

Гости действительно были довольно голодны, поэтому тут же приступили к еде. Каладиус всегда любил хорошее вино, и здесь его было в изобилии, хотя саррассанские вина казались ему излишне терпкими. Но вот к гастрономии великий маг до сих пор был довольно равнодушен. Он, конечно, любил вкусно поесть, но никогда не думал, что кушанья способны доставлять столько же наслаждения, как и вино.

Здесь и сейчас для него словно открылся новый мир. На

какой-то миг Каладиус позабыл обо всём кроме этих яств, названий которых он даже не знал. Вероятно, здесь всё-таки не обошлось без джиннов, ибо, по убеждению волшебника, не в силах человеческих было приготовить подобное. Впервые за очень и очень долгие годы, великий маг позавидовал кому-то. Счастлив тот монарх, у которого есть такой повар!

По блаженным лицам Ликатиуса и остальных было видно, что они испытывают сходные чувства. Неслыханное дело – Каладиус опасался пить вино, чтобы не смыть с нёба и языка восхитительное послевкусие. Именно в этот день он дал себе молчаливую клятву, что отныне сделает всё возможное, чтобы питаться не хуже императора Саррассы.

После почти божественного ужина, который, судя по всему, позиционировался Кисианой лишь как перекус перед пиром, слуги сопроводили гостей в их покои. И вновь унылые, мрачноватые интерьеры королевского дворца в Латионе были посрамлены этой почти вопящей роскошью, которая была бы омерзительно безвкусной, если бы не оказалась столь приятной при ближайшем рассмотрении. Эти перины, в которых можно было утонуть, словно в нежной нуге, эти ковры, которые, будто южные наложницы, ласкали стопы. Тончайшие полотнища занавесей пропускали дуновения ветерка, бродящего по вершине Койфара, но при этом приятно приглушали яркие солнечные лучи и не допускали внутрь насекомых.

Покои были шикарны во всех отношениях. На столике

стояли небольшие серебряные колокольчики, и стоило лишь тронуть их, как на пороге вырастали слуги, готовые исполнить любое пожелание. Самые экзотические фрукты в каких-то неразумных количествах были разложены на многочисленных вазах и блюдах по всем комнатам, но при этом среди них не было ни одного, хотя бы даже слегка тронутого гниением или червём. Не говоря уж о вине – сердце такого знатока как Каладиус таяло при взгляде на шеренги бутылок, стоящие на мраморных полках. Все вина были сплошь саррассанские, но великий маг ни на секунду не сомневался, что стоит ему лишь попросить биррийского или клеанского – они будут доставлены ему незамедлительно.

– Да уж... – не скрывая восхищения, проговорил Каладиус. – Похоже, Арионну придётся здорово постараться, чтобы чем-то поразить душу императора в Белых Чертогах! Клянусь, в своё время я выбрал не то королевство!

– По мне тут чрезмерно жарко, – обмахивая лицо сложенным вдвое листом, пропыхтел Ликатиус.

– А по мне – в самый раз!

Действительно, на лысой голове волшебника не было заметно ни единой капельки пота. Ему нравилась такая температура – не опаляющий и одуряющий зной улиц, но сдержанная, словно обузданная жара этих комнат. Впрочем, в случае чего, стоило ему лишь коснуться колокольчика – и специальные слуги создали бы ему прохладу опахалами.

Даже пир здесь, в императорском дворце понравился Ка-

Каладиусу больше тех, на которых он привык бывать. В Латиионе во время пиров царил гомон, множество людей говорили одновременно, перекрикивали друг друга. Во дворце императора играла приятная музыка, а говорить мог лишь сам Кисиана или тот, кому он это позволял. Закрыв глаза, можно было бы и вовсе забыть, что находишься в зале, полной людей.

Надо сказать, что с юности у Каладиуса остались не самые приятные впечатления от Саррассы. Она представлялась ему диким грязным местом, где царствуют жара и мухи. Конечно, там, у подножия Койфара так оно и было, но здесь, на самой вершине, во дворце императора, он словно находился в другом мире. Это была великолепная иллюстрация полюсов Сферы – чертоги Асса там, внизу, и царствие Арионна здесь.

Император Кисиана больше не повторил своей ошибки – словно извиняясь за свою первоначальную несдержанность, он теперь и вовсе не заводил разговора о мотивах, побудивших Каладиуса отправиться в столь дальнее путешествие. Волшебник, в свою очередь, пустил в ход всё своё обаяние, чтобы развеять тревоги саррассанского правителя относительно своего появления, и ему это, вроде бы, вполне удалось.

В Латиионе привыкли считать саррассанцев этакими утончёнными дикарями, склонными к коварству и жестокости, и при этом не слишком-то образованными. Насколько Каладиус мог судить, это не вполне соответствовало действительности.

сти. Начать хотя бы с того, что редкий житель Латиона, если не считать торговцев, знал хотя бы десяток сарраассанских слов, не говоря уж о возможности худо-бедно изъясняться на этом языке. Среди сарраассанской знати, как мы уже говорили, подавляющее большинство достаточно хорошо владели обоими языками.

Да и сам император Кисиана был вполне начитанным человеком, общение с которым было как минимум не противно. При этом государь увлекался ещё и гончарным искусством, а также ткачеством, что казалось ещё удивительнее. Конечно, по меркам Латиона нравы в южной империи были куда более жёсткими, но всё же Каладиуса приятно удивили суждения императора о государственном управлении.

В общем, через несколько дней великий маг вполне уже освоился в Саррасе и получал истинное удовольствие от своего нахождения здесь. Более всего его, конечно, покорила императорская кухня, но и всё прочее тоже весьма радовало. Пожалуй, он вполне смог бы прожить тут целые десятилетия – по крайней мере до тех пор, пока не помрёт главный дворцовый повар.

Но всё же Каладиус не забывал и о главной цели своего визита. Ему не терпелось получить доступ к архивам чернокнижников, и знаний этих он алкал даже больше, чем великолепных кушаний. Он уже успел познакомиться с магистром Ордена чернокнижников Саувалом. В отличие от выпускников Академии, чернокнижники, даже достигшие вы-

сокого ранга, не коверкали свои имена, прибавляя какие-то окончания или иные части. Это всегда был достаточно закрытый орден, члены которого не всегда спешили афишировать свою принадлежность к нему, в отличие от тщеславных северных магов.

Магистр Саувал был заинтригован знакомством с легендарным магом, но, несмотря на это, всегда держался немного настороженно, словно предугадывал, для чего Каладиус появился в Саррасе. Впрочем, возможно, это была просто черта его характера. Так или иначе, он старался максимально выведать у великого мага всю возможную информацию о его умениях работать с *возмущением*, при этом сам, прикрываясь ложной скромностью, рассказывал мало и неохотно.

Сам Каладиус до поры не показывал свой характер – он разыгрывал из себя этого старичка-добрячка, делая вид, будто совсем не замечает игры Саувала. Он с великим удовольствием рассказывал всё, что от него ждали, понимая, что не слишком-то рискует, ведь эти знания без его умений были практически бесполезны. Сложно сказать – купился ли на это многомудрый магистр, но, во всяком случае, он вполне охотно принимал великого мага в башне Кантакалла.

И вот наконец Каладиус решил, что время пришло. Это было на шестой день его пребывания в Шатре. На этот вечер Саувал пригласил его к себе, чтобы устроить небольшой ужин на двоих, так что лучшего времени придумать было бы сложно. Поболтав какое-то время о ничего не значащих пу-

стяхах и обсудив несколько сугубо научных вопросов, великий маг начал наступление.

– Знания вашего Ордена столь обширны, милый друг, что, признаться, меня немного терзает зависть, – с шутливой улыбкой заговорил он после каких-то очередных скупых пояснений Саувала. – Вы – словно мифический дракон, укывший своим бронированным телом гору золота, чтобы никто не мог взять даже одной монетки.

– Что поделать, мессир, – в тон Каладиусу ответил магистр. – Многие из этих знаний слишком опасны, чтобы делать их всеобщим достоянием. Если они попадут в руки слабым духом магам, то могут принести много зла. Вы же знаете.

– Но не все же маги таковы, – возразил Каладиус, понимая, что речь идёт о некромантах. – Вы же понимаете, что меня нельзя назвать слабым духом.

– Это правда, мессир, – видя, какой оборот принимает разговор, магистр заметно занервничал. – Но, к сожалению, существует многовековая традиция, нарушить которую не властен даже я. Вы прекрасно знаете об этом, мессир.

– Забавно, потому что я сам – многовековое нарушение традиции, – усмехнулся маг. – Меня называют аномалией, а что есть аномалия, как не нарушение нормы? Я – не такой как все, мессир, и правила написаны не для меня.

– Вы так полагаете, мессир?

– Посудите сами, друг мой, если даже боги сделали для

меня исключение, то почему бы так же не поступить и людям?

– Думаю, для каждого из нас боги в чём-то делают исключение, мессир. А если все – исключительные, то значит, что не исключителен никто.

– Полагаю, достаточно с нас упражнений в софистике, – холодно усмехнулся Каладиус. – Давайте поговорим прямо, мессир. Мне очень нужны сведения, которые, как я думаю, хранятся где-то в анналах вашего Ордена. Эти сведения нужны не только мне – возможно, благодаря им я смогу принести пользу человечеству. Если вы утверждаете, что я не могу воспользоваться вашими источниками, не будучи членом Ордена, тогда примите меня к себе! Согласитесь, что таких adeptов у вас ещё не бывало!

– Это также невозможно, мессир, я сожалею, – покачал головой Саувал. – По нашим канонам стать членом Ордена может лишь саррассанский подданный. И за всю историю Ордена исключений не бывало, – поспешно добавил он, видя, что Каладиус вновь собирается напирать на свою исключительность. – А я не хочу быть тем, кто нарушит это незыблемое правило.

– Хорошо, – ни один мускул не дрогнул на лице Каладиуса, хотя лишь боги знают, каких сил ему это стоило. – Я уважаю вашу позицию, друг мой. И поэтому хочу обрадовать вас – вам не придётся ничего нарушать. Возможно, вам известно, что когда-то очень давно я около двух сотен лет про-

жил в Саррасе отшельником. Сомневаюсь, что среди ныне живущих подданных императора найдётся хотя бы десяток тех, кто могли бы заявить о том же. Неужели это не делает меня подданным империи?

– Подданство может даровать вам лишь его величество. Обратитесь к нему. Наверняка он не откажет вам, мессир.

– Наверняка, так оно и будет, – кивнул Каладиус, хотя у него были довольно серьёзные сомнения на сей счёт.

Естественно, этот разговор испортил остаток вечера, так что вскоре великий маг, распрощавшись, ушёл. На лице Саувала читалось вполне явное облегчение.

– Лишь один вопрос, мессир. Если вы примете подданство империи – останетесь ли вы здесь, дабы приносить пользу нашей стране? – император Кисиана строго и внимательно глядел на великого мага, не испытывая перед ним никакого суеверного страха.

– Я – первый министр и верховный маг Латиона, ваше величество. Посудите сами, могу ли я остаться?

– Но тогда для чего нам удовлетворять ваше ходатайство, мессир? Полагаю, вы, как государственный человек, должны понимать, что данный обмен будет неравноценным. Вы получите от нас столь желанные для вас знания нашего Ордена. Что же получим мы?

– Вы получите лояльного к империи человека, находяще-

гося у власти в стране, с которой гораздо выгоднее сотрудничать, нежели ссориться, ваше величество. Орден получит доступ ко всем исследованиям, которые я провожу. Мы расширим квоты для имперских подданных в Академии.

– Всё это хорошо, но всё же нам представляется, что подданство должно подразумевать под собой нечто большее. Нетрудно предположить, чью сторону вы выберете в случае конфликта между нашими государствами, и тогда вы будете обладать рядом преимуществ, начиная от шпионажа, заканчивая применением тех знаний, что вы добудете в Ордене.

– Я не стану скрывать, ваше величество, что саррассанское подданство нужно мне лишь для вступления в Орден чернокнижников. И это всё не потребовалось бы, если бы не упрямство мессира Саувала. Однако же, я принимаю правила игры. Я обещаю вам, что у империи никогда не возникнут проблемы из-за того, что я стану её подданным. Скорее наоборот, я приложу все усилия для того, чтобы между нашими государствами всегда было взаимопонимание и мир. Более того, согласно указу императора Ликама, каждый, кто проживёт на территории империи больше пятнадцати лет, имеет право быть её подданным. Я прожил вдесятеро больше, ваше величество, а это значит, что могу претендовать на это.

– Указ императора Ликама был написан больше тысячи лет назад, вскоре после Смутных дней!

– Он так и не был отменён, ваше величество, я проверял!

– Но с момента, как вы покинули Саррассу, прошло уже около пятисот лет!

– Там ничего не было сказано о давности, ваше величество, – твёрдо возразил Каладиус. – Указ предельно краток и прост – каждый свободный человек, который прожил на территории Саррассанской империи более пятнадцати лет подряд, может претендовать на её подданство.

Лицо императора Кисианы покраснело – он не привык, чтобы с ним разговаривали подобным образом. Очевидно, что будь на месте Каладиуса кто-то другой, он давно уже испытал бы силу императорского гнева. Но перед этим человеком немного робел даже Кисиана. Он ощущал себя жуком-древоточцем на каменной плите, понимая, что ничего не может сделать с великим магом.

– Что ж, свободный человек вправе претендовать на это, – слегка дрожащим от гнева голосом заговорил он. – Но лишь император может даровать подданство, и последнее слово всегда остаётся за ним.

– Без сомнения, ваше величество, – теперь и Каладиус сбросил маску любезности и в голосе его зазвучал металл. – Но пусть император, прежде чем принять решение, взвесит все его возможные последствия.

– О каких последствиях вы говорите, мессир?

– Полное прекращение торговых отношений между нашими странами, – сухо перечислил маг. – Запрет для имперских подданных перевозить товары по Труону. Влияние на

Кидую, Палатий, Пунт с целью присоединения к экономической блокаде. Да, Латион понесёт огромные убытки, но я без колебаний пойду на это! Ну а в крайнем случае – война. Пятьсот шестьдесят тысяч отборных легионеров плюс полсотни тысяч наёмников, которые Латион отправит на юг. Я знаю, что ваша армия не меньше нашей, и что она так же хорошо обучена. Что ж – наконец-то мы получим возможность как следует помериться силами!

– Вы готовы обречь на гибель десятки тысяч людей? – потрясённо воскликнул император.

– Что для меня их жизни, ваше величество? – презрительно ответил Каладиус. – За время, которое я живу на этой земле, умерли миллионы, а быть может – миллионы миллионов. Поверьте, их жизни для меня не значат ровным счётом ничего. У меня есть цель, и чтобы достичь её, сгодятся любые средства. Готов ли я обречь на гибель сотни тысяч людей? Готов! Весь вопрос в том – готовы ли вы, ваше величество?

– Но есть ли у вас вообще полномочия делать подобные заявления? Согласится ли с вашими словами король Латиона?

– Если вы думаете, ваше величество, что король Селедор сможет опротестовать какое-то из моих решений, то вы плохо разбираетесь в устройстве власти в Латионе, – произнёс Каладиус, и было совершенно ясно, что это – не пустая бравада.

Едва ли не впервые в жизни император Кисиана был при-

жат к стенке. Он ясно видел, что проклятый колдун не блефует – восьмисотлетний старик наверняка давно уже научился уважать чужую жизнь. Несмотря на то, что многие на севере представляли саррасанцев безрассудными дикарями, с презрением относящимися к смерти и боли, император был не таким. Он понимал, что противостояние с Латинном может обойтись ему слишком дорого, даже если дело и не дойдёт до войны. Прекращение торговли означало бы разорение многих людей в империи, не говоря уж о том, что это больно ударило бы по бюджету.

– Что ж, мессир, вы не оставляете мне выбора, – со внезапной усталостью произнёс Кисиана. – К добру, или к худу, но я признаю за вами право подданства империи. Можете сообщить об этом мессире Саувалу...

– Мне действительно жаль, государь, что я был вынужден сказать всё это. Клянусь вам, у вас не будет проблем из-за вашего решения. Напротив – я сделаю всё, что обещал, а может даже и больше.

Поклонившись, Каладиус направился к выходу.

– Я благословляю богов, мессир, что вы в своё время избрали Латинон, – тихо произнёс ему вслед император. – Быть правителем рядом с вами – всё равно что не быть правителем вовсе...

Каладиус лишь усмехнулся в ответ, поклонился ещё раз и вышел.

Глава 51. Тайные знания

Каладиус был обрадован и разочарован одновременно. С одной стороны – он добился своего, получил доступ в святая святых Ордена чернокнижников, его архивы, доступные лишь немногим. С другой – значительная часть этих архивов составляли всё те же набившие оскомину списки с трудов древних магов, которые можно было бы отыскать и в его собственной библиотеке. Кроме того, количество книг было столь велико, что те ценные крупницы, необходимые ему, были погребены под завалами неинтересных книг, подобно тому, как небольшие самоцветы теряются в необъятной массе пустой породы.

Тем не менее, великий маг с большим энтузиазмом принялся за работу. Он жалел лишь об отсутствии Ликатиуса – тот, привычный к архивной работе, мог бы здорово облегчить его труд. Однако присутствие латионского мага было совершенно неприемлемо – магистр Саувал и так был не в восторге от случившегося, ощущая себя комендантом осаждённой крепости, в которую почему-то вдруг впустили лучшего вражеского воина только потому, что тот нацепил цвета защитников.

Каладиус долго думал, как ему поступать дальше – игнорировать ли эту неприязнь со стороны новых соратников по Ордену, ведь, по большому счёту, ему было всё равно, как

к нему относятся эти люди, впрочем, как и все остальные. Но также великий маг понимал и то, что в данной ситуации лишь они могут стать его помощниками, потому что в противном случае могут уйти месяцы, а то и годы, прежде чем он сумеет раскопать свою золотую жилу.

В итоге он всё же решил попытаться навести мосты в первую очередь с магистром Саувалом, а также и с другими высокопоставленными членами Ордена. На их хмурые лица он отвечал располагающими улыбками, на недовольное молчание – дружескими словами. Он охотно отвечал на любые вопросы, не ожидая ответов на собственные. Каладиус хорошо разбирался в работе с артефактами, и с готовностью выдавал свои секреты. Кроме того, он не забывал и о самом чудодейственном средстве – вине.

Саррассанцы не особенно жаловали северные вина, поэтому великому магу пришлось приложить некоторое старание, чтобы раздобыть лучшие и любимые сорта кидуанских и пунтских вин. И теперь он не появлялся в башне Кантакалла без двух-трёх экзотических бутылок. И это имело успех – многим его новым коллегам пришлось по вкусу более сдержанные и тонкие нотки этих незнакомых прежде вин. Не прошло и двух недель, как тот же мессир Саувал сделался страстным поклонником биррийского.

Мало что сближает двух гурманов лучше, чем общий любимый сорт вина. Постепенно Каладиус растопил лёд недоверия. Когда было нужно – он умел быть невероятно обая-

тельным. Кроме того, как бы то ни было, а ореол легендарности, которым был овеян древний волшебник, явно льстил самолюбию тех, кого он почитал своим общением.

При этом к своей главной цели великий маг пока ещё не приблизился ни на йоту. Все эти бесконечные стеллажи с книгами, свитками, стопками листов мало чем отличались по содержанию от библиотеки Академии. Значительная часть их была написана на саррассанском, но главный библиотекарь, весьма благоволяющий к Каладиусу, охотно переводил ему наименования, а иногда, если требовалось, и целые выдержки из них.

Но всё это было не то. Каладиус точно знал, что где-то здесь должен быть ещё один архив, куда более секретный. Однако же было ясно, что пока что его туда не пустят. Нужно было продолжать пускать корни в Орден, обзаводиться знакомыми, приятелями и почитателями, ну а параллельно с этим работать в библиотеке.

Иногда великий маг делал записи, чтобы позже дать их на обработку Ликатиусу. Надо сказать, что чернокнижники не слишком-то одобрительно смотрели на это, но помалкивали. Несмотря на то, что Калдаиус был только принят в Орден, по своей силе и своей легендарности он вполне уже мог претендовать на высшие ступени в иерархии. Это понимали все, а потому без нужды не спешили ссориться с человеком, чьё могущество было подтверждено множеством легенд и хроник.

К сожалению, среди чернокнижников было мало экзальтированных фанатиков, и никто здесь не считал Каладиуса Ассиани. Это несколько огорчало, ведь в противном случае всё могло бы пройти намного проще. Но и разыгрывание из себя добродушного и открытого человека понемногу начало приносить плоды. Теперь уже сразу несколько адептов то и дело увивались в библиотеке, с готовностью выполняя любую просьбу великого мага. Они отыскивали, сортировали, переводили. Увы, но пока что всё это не приносило результатов.

Прошло больше месяца, когда Каладиус наконец решил, что главный библиотекарь Ордена Мулисиал готов к откровенному разговору. Естественно, по замыслу великого мага, этот разговор был невозможен без двух-трёх бутылок старого биррийского.

– Вы понимаете, друг мой, что я приехал сюда из Латиина совсем не для того, чтобы сдувать пыль с ваших фолиантов? – заговорил он после того, как одна из бутылок была опустошена, а половина содержимого другой переместилась в бокалы. – Всем известно, что Орден чернокнижников обладает уникальными знаниями, и я уверен, что они содержатся не в этой библиотеке.

– Всё это так, мессир, но, боюсь, мне не стоит распространяться на эту тему, – осторожно ответил Мулисиал. – Я – всего лишь библиотекарь, и подобные разговоры вам нужно вести не со мной.

– Хорошо, тогда я сам вам расскажу то, что я думаю. Тогда получится, что вы ничего мне не рассказывали, и ваша совесть будет спокойна.

Мулисиал лукаво улыбнулся и кивнул.

– Полагаю, что некогда один маг, а может быть – целая группа магов, отправились в Тондрон и каким-то непонятным мне образом получили возможность обучиться либо у самого Чёрного императора, либо, что вероятнее, у кого-то из Двенадцати Герцогов. Вернувшись, эти маги начали собственные исследования в направлении, которое было недоступно для тогдашней магической школы ранее. И эти знания вскоре монополизировал узкий круг лиц, назвавший себя Орденом чернокнижников.

– В целом вы вполне верно всё рассказали, мессир.

– И у вас есть хранилище, где находятся труды этих магов?

– Разумеется.

– Но попасть туда я не могу, не так ли?

– Совершенно верно, мессир. Чтобы попасть туда, нужно принадлежать к высшим кругам Ордена. Как минимум, необходимо иметь перстень.

– Ну разумеется, – кивнул Каладиус, бросив взгляд на тонкие бледные пальцы Мулисиала.

У библиотекаря вышеупомянутый перстень, естественно, имелся. Здесь, в башне Кантакалла, генералитет Ордена, не таясь, носил на безымянном пальце правой руки большой золотой перстень, увенчанный чёрным ониксом, вырезанным

в форме черепа. За пределами башни перстень, как правило, прятался в потайной карман, но служил определённым знаком или паролем для посвящённых, понимавших, что перед ними – чрезвычайно важный человек, занимавший верхние ступени в иерархии.

Каладиус понимал, что ему необходим этот перстень. Формально, конечно, он был ещё неофитом, но, с другой стороны, в Ордене не было человека, сопоставимого с ним по мощи и опыту. Однако, решать должен был так называемый Деканат Ордена – совет из десяти влиятельнейших членов, включая магистра. И поскольку другого пути не существовало, великий маг подал прошение, не слишком-то, впрочем, рассчитывая на успех.

Каково же было его изумление, когда спустя всего два дня он получил приглашение на заседание Деканата. Это, конечно, не значило, что перстень уже у него в кармане, но, насколько он знал, обычно отказ передавался соискателям заочно. Впрочем, сам он был человеком весьма необычным, и, быть может, Деканат просто хотел проявить таким образом должное уважение.

– Вы хотите получить перстень, мессир, – заговорил Саувал. – Но, как вы полагаете, ваши цели совпадают с целями Ордена?

– Вне всякого сомнения, – без колебаний подтвердил Каладиус. – Цель Ордена – добывание новых знаний. Я могу в этом помочь, поскольку обладаю знаниями, недоступными

более никому. Цель Ордена – могущество. Я и здесь могу помочь, ибо мои открытия послужат его славе. Клянусь, что всё, что я узнаю, тут же будет известно и Деканату. Я умею быть благодарным, господа. Поверьте, Орден лишь выиграет, если я займу в нём подобающее мне место.

– Что ж, мессир, Деканат согласен с вашими доводами, – объявил Сауал. – Находясь в рядах Ордена, вы не можете не обладать перстнем, поскольку это противоречит всяческой логике. Уверен, что Орден сегодня приобретает прочную опору! Прошу, подойдите, мессир Каладиус, и получите этот знак особого отличия из моих рук!

Калдаиус сделал несколько шагов и протянул правую руку к магистру. Тот торжественно надел на безымянный палец тяжёлый и холодный перстень, сверкнувший чёрным ониксом.

– Во всём мире не сыщется и сотни таких перстней, мессир, – произнёс Сауал. – Помните о том доверии, которое оказал вам Орден.

– Я буду помнить об этом до конца дней, господа, – поклонившись Деканату, пообещал Каладиус.

– Его звали Ворониус, – на ходу рассказывал библиотекарь Мулисиал. – Мы практически ничего о нём не знаем. По некоторым источникам он вообще был лиррой, но мы считаем это маловероятным. Впрочем, полностью исключать это-

го нельзя, ведь должно быть объяснение тому, как он сумел войти в доверие тондронцам. Увы, сведений, которые можно было бы считать достоверными, не существует. Я лично вообще считаю, что этот человек – миф, и что за именем Ворониуса скрывается несколько магов-новаторов, которые в те времена просто опасались открыться миру.

– Значит, этот самый Ворониус каким-то образом попал в Тондрон и там обучался у одного из Двенадцати Герцогов?

– Если верить легендам, то – да. Впрочем, выдвинутые им идеи были слишком радикальны и, что важнее, не имели основы в тогдашней парадигме. Так что весьма вероятно, что они пришли извне.

– Например, зачарование животных?

– В частности, но не только. Кажется, Ворониус, кем бы он ни был, работал в области некромантии, хотя, судя по всему, не добился особенных успехов. Надо признать, что сведений о его работах совсем немного. Впрочем, сейчас вы сами всё увидите.

Они уже довольно высоко поднялись по крутым ступеням винтовой лестницы. Башня Кантакалла возвышалась над Койфаром на четыреста восемьдесят футов, но обитаемой она была лишь до трёхсотфутовой высоты. Выше окон уже не было, и было очевидно, что именно там, выше облаков, хранились главные секреты Ордена.

Каладиус тяжело дышал – ему казалось, что он прошёл уже несколько миллионов ступеней. Страдал от одышки

даже привычный к беготне по этим лестницам Мулисиал, впрочем, он, возможно, сбил дыхание разговором. В любом случае, они поднялись уже намного выше обитаемой части и, похоже, приближались к увенчанной колоссальным куполом вершине.

Периодически попадались лестничные площадки, к которым выходила одна, реже – две двери, всегда надёжно закрытые мощными замками. Впрочем, по лёгкой дрожи *возмущения* Каладиус чувствовал здесь и немалую магическую защиту. Наверняка за этими дверьми хранилось нечто очень интересное. Хотя, быть может, там были всего лишь запасы золота или мангила, или ещё что-то столь же тривиальное. Сейчас великого мага интересовало лишь одно место – то самое хранилище тайных знаний.

Наконец, когда сердце волшебника, казалось, уже готово было разорваться, библиотекарь остановился. Лестница всё ещё вела наверх, но, скорее всего, до вершины оставалось совсем немного. К сожалению, здесь не было даже небольшой бойницы, чтобы выглянуть наружу – вид отсюда, должно быть, был просто невероятным.

Ничем не примечательная дверь – одна из множества тех, что остались внизу. Однако именно возле неё Мулисиал остановился, и именно её он отпёр, казалось бы, совершенно обычным ключом. Факелы, которые несли оба мага, пришлось оставить снаружи, воткнув в специальные кольца на стене. Внутри Мулисиал не стал зажигать даже свечу или

лампаду, опасаясь, вероятно, случайно поджечь драгоценные книги. Вместо этого он сотворил небольшой огонёк – белый и совершенно не горячий.

Комната была относительно невелика – футов тридцать в длину и примерно столько же в ширину. И книг тут было совсем не так много, что вселяло определённый оптимизм.

– Вот здесь – единственный фолиант, авторство которого приписывается самому Ворониусу, – библиотекарь указал на книгу, лежащую на отдельном столике. – Естественно, это уже список, но абсолютно точный. Все остальные книги здесь написаны то ли его последователями, то ли учениками. Именно в этих книгах – истоки магии чернокнижников.

Каладиус с жадностью набросился на безымянный фолиант, авторство которого приписывалось тому самому Ворониусу. Мифический колдун ничего не писал о себе и своих странствиях. Это было, похоже, нечто вроде его рабочего дневника, где он вёл записи экспериментов. Сердце Каладиуса, ещё не пришедшее в себя после тяжёлого подъёма, запело от предвкушения – первые же из этих скупых записей говорили о структуре *возмущения*.

– Мы обычно используем в работе труды его учеников, – проговорил Мулисиал, нежно проводя рукой по корешкам толстых книг. – У самого Ворониуса слишком много неясностей. Он пишет о вещах, которые мы не в состоянии ни повторить, ни проверить. Кроме того, его записи совершенно не структурированы. К счастью, его последователи продела-

ли колоссальную работу, систематизировав, прокомментировав и дополнив его труды. Вероятно, они работали под его руководством, иначе я совершенно не представляю, как бы им это удалось!

– Ну я бы хотел начать знакомство именно с первоисточником. Боюсь, что важные для меня вещи могут быть утрачены при переносе этих знаний на привычную парадигму.

– Что ж, я оставлю вас, – отдышавшись, Мулисиал был готов к обратному пути. – Вы можете быть здесь сколь угодно долго, но учтите, что замок замкнётся, едва вы покинете эту комнату. Выйдя отсюда, вы сможете попасть обратно лишь со мною.

Увы, но выносить книги отсюда Каладиусу категорически запретили. Счастье ещё, что ему позволили вести записи, хотя и с оговоркой, что он должен будет показывать их кому-то из Деканата для одобрения. Чернокнижники предусмотрительно оборудовали здесь отхожее место, также имелись в достатке вода и сухофрукты, так что великий маг надеялся проводить здесь как можно больше времени, тем более, что перспектива постоянных подъёмов и спусков по этой чудовищной лестнице выглядела пугающе.

Не тратя времени на мелочи, он углубился в чтение, благо, что Мулисиал, выйдя, оставил здесь свой магический светляк. Впрочем, сам Каладиус в случае чего вполне мог сотворить подобный.

Несколько дней ушло только лишь на первое ознакомление с записями. Несколько мучительных подъёмов по крутой лестнице, несколько пропущенных обедов и ужинов, приготовленных бесподобным императорским поваром, несколько почти бессонных ночей в компании Ликатиуса, когда они, вчитываясь, пытались расшифровать каракули, написанные Каладиусом в течение дня. Неудивительно, что чернокнижники ничего не понимали в этом дневнике Ворониуса – здесь были чаще всего лишь обрывки мыслей, какие-то догадки и предположения. Вероятно, этот таинственный прародитель всех чернокнижников не слишком-то заботился о понимании тех, кто будет читать позже его дневники. Или же чересчур полагался на учеников.

В конце концов и сам Каладиус был вынужден взяться за труды тех, кто называл себя последователями Ворониуса. Их имена ничего не говорили великому магу, но они, по крайней мере, облекали свои мысли во вполне стройную систему, хотя им и не хватало остроты и глубины учителя. Но всё же, спустя ещё несколько дней штудирования книг, у Каладиуса, а точнее даже у Ликатиуса стало возникать некое понимание того, что же именно им требуется найти в дневнике Ворониуса.

Древний маг записывал свои размышления по мере того, как они появлялись, поэтому нужно было приложить немало сил, чтобы отыскать эти обрывки мыслей и соединить

их воедино. Наконец в одном из трудов ученика Ворониуса нашлось чётко сформулированное заклинание зачарования практически в том самом виде, в каком оно было известно Каладиусу. Естественно, здесь оно было дано достаточно поверхностно, без глубинного понимания процесса, но, к счастью, автор сделал отсылку к дневнику своего учителя.

У Каладиуса было чувство, что он наконец отыскал кончик нити в целом ворохе перепутанной пряжи. Теперь осталось лишь тянуть за неё бережно и аккуратно, чтобы не порвать и не потерять. На это понадобились месяцы, в течение которых великий маг тысячи раз проклял небрежность Ворониуса, но всё же наконец он нашёл то, что искал.

Ворониус описывал именно то, о чём подозревал Каладиус – манипуляции на глубинном уровне *возмущения*. К сожалению, в данной области научной магии не существовало устоявшейся терминологии по вполне объективным причинам, поэтому далеко не всегда было понятно, о чём именно писал Ворониус, описывая собственный опыт, однако, поскольку великий маг тоже обладал достаточным опытом в этой области, то через какое-то время он сумел разобраться и понять основу механизма воздействия.

И вот наконец настал момент, когда после долгих попыток Каладиусу впервые удалось «оседлать *возмущение*». Теперь он уже работал не в башне Кантакалла, поскольку, благодаря своим записям, сумел почти полностью восстановить необходимые ему отрывки книги Ворониуса. И вот, восполь-

зовавшись уже привычной техникой медитации, а также полученными знаниями, великий маг сумел в мгновение ока преодолеть комнату длиной около сорока футов.

Со стороны это, наверное, выглядело потрясающе – он только что стоял у одной стены, и вдруг с непостижимой для человека скоростью переместился в противоположный конец комнаты. Однако же, оказавшись на месте, он едва не упал – настолько это действие истощило его силы. Наверное, похожие ощущения он испытал тогда, на корабле с позабытым уже названием, когда впервые применил свой дар, чтобы потопить пиратское судно. Хвала богам, на этот раз, благодаря огромному опыту, он хотя бы не лишился чувств.

Это был колоссальный прорыв, но Каладиус понимал, что те затраты энергии, которые требовались даже для столь малого перемещения, делали открытие не слишком-то практичным. Хотя требовалось ещё разобраться, почему животным для ускорения требуется гораздо меньшее количество энергии, и с заклинанием зачарования может справиться любой достаточно сильный маг.

Лишь на следующий день он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы продемонстрировать новую способность Ликатиусу. Учёный остался в полнейшем восторге и долго расспрашивал едва дышавшего от усталости мага о различных нюансах, записывая это всё в свою книжку. Он тут же предложил эксперимент по регулированию скорости перемещения, справедливо полагая, что от этого должны из-

мениться энергозатраты. И действительно, ни одно зачарованное животное не мчалось с такой скоростью, да и вообще их скорость в первую очередь всё же была обусловлена работающими на износ мышцами.

Каладиус начал эксперименты, стараясь перемещаться не так далеко и не так быстро. Это было нелегко, поскольку он до сих пор ещё не понимал до конца механизм этих перемещений. Однако же раз за разом у него получалось всё лучше. Уже через несколько дней он вполне мог контролировать собственную скорость, не говоря уже о дальности подобных внезапных скачков.

Исчертив лист целыми столбиками цифр, Ликатиус предположил, что в среднем на то, чтобы удвоить скорость перемещения, требуется вложить в восемь раз больше сил. Это приводило к очевидной зависимости – можно перемещаться либо на сколько-нибудь значимые расстояния, но совсем небыстро, либо очень быстро, но недалеко. В целом, перемещаясь со скоростью идущего человека, Каладиус смог продвинуться почти на милю, однако это потребовало столько энергии, что он устал бы меньше, пройдя вчетверо большее расстояние.

Главным принципом, отличающим подобное перемещение от зачарования животных, оставался принцип членовредительства. Каладиус мог бы действовать испытанными методами, чтобы с минимумом затрат получить максимум эффективности, но это привело бы к гарантированному разры-

ву мышц и связок. Кроме того, в отличие от животных, человек очень плохо поддавался подобному зачарованию. Такие опыты ставились неоднократно, но получить результатов, сходных с зачарованием тех же голубей, не получалось. Вероятно, обладающий разумом мозг ставил какие-то преграды, не позволяя так жестоко использовать ресурсы тела.

В общем, стало понятно, что идея мгновенного перемещения в любую точку пространства на данный момент оказалась невыполнима. Однако Ликатиус не отчаивался – он считал, что частично проблему с затратами энергии можно решить при помощи внешних воздействий. В частности, он полагал, что если на заранее определённых точках выстроить некие магические фигуры, фокусирующие *возмущение*, это позволит многократно снизить энергозатраты. Он обещал, что поработает над этим и сумеет вычислить и сами фигуры, и их параметры.

В общем, несмотря на то, что, казалось бы, обоим магов постигла неудача, оба они были в приподнятом настроении. Каладиус, кроме того, что сумел продвинуться в познании себя и своих возможностей, в довесок ещё и стал одним из наиболее влиятельных лиц в одном из наиболее влиятельных орденов мира. Латион и Саррасса заметно упрочили взаимные отношения, поскольку первый министр Латииона сдержал данное императору слово. Ликатиус получил практическое подтверждение своих теорий, а также очередную громадную порцию новых данных, гарантирующих, что в бли-

жайшее десятилетие у него всегда будет пища для ума.

В итоге Каладиус пробыл в Саррасе больше года. За это время стёрлись все шероховатости, что возникли поначалу между ним и императором, а также Орденом. Более того, великий маг проникся уважением и симпатией к императору Кисиане, который иногда чем-то неуловимо напоминал ему Вилиодия.

Спустя несколько лет Ликатиус вычислил-таки фокусирующие фигуры, перемещаться в которые Каладиус мог практически мгновенно, тратя при этом вполне незначительное количество энергии. Правда, исполнение их требовало довольно большого количества мангила, а радиус действия оказался невелик – всего несколько сотен ярдов, так что мечты великого мага о моментальном переносе из столицы в Варс или Кидую так и остались мечтами. Но, как мы знаем, в будущем Каладиус всё же использует эту систему в своём подземном дворце в пустыне Туум.

В общем же великий маг в очередной раз убедился, сколь мало он знает о своих собственных возможностях, но не потому, что он – невежда, а потому, что они – почти безграничны. Увы, примерно лет через двадцать Ликатиус умер от опухоли в желудке, и вскоре Каладиус потерял интерес к подобным исследованиям так же, как он терял интерес и ко всему остальному, кроме, пожалуй, хорошей еды и хорошего вина.

Наверное, так на него накатывала старость, а вместе с нею

– апатия. Всё чаще Каладиус задумывался о смерти, и если раньше ему иной раз казалось, что он – бессмертен, то сейчас зачастую, просыпаясь утром, он был убеждён, что этот день станет для него последним. Хандра и пресыщенность жизнью всё больше окутывали душу великого мага.

Глава 52. Алтарь империи

Хандра и пресыщенность жизнью всё больше окутывали душу великого мага. На какое-то время он словно бы смирился с этим, и даже окунулся в них с каким-то мрачным саморазрушительным наслаждением. Он отринул все прошлые стремления и чаяния, словно захлопнул тяжёлую дверь. Все свои усилия теперь он тратил на поиски лучших поваров и лучшего вина, убеждая себя, что давно пора уже уйти на покой и пожить в блаженной отупелости оставшиеся годы. То, что ему осталось совсем недолго, Каладиус уже не сомневался.

Он давно позабыл год своего рождения, тем более что выдуманная им история собственного появления на свет задушила реальность, как сорная трава душит посеvy. Однако даже по самым грубым подсчётам ему было никак не меньше пятисот пятидесяти лет. За всю историю человечества лишь единицы человеческих магов доживали до этих лет, да и то это было давно, в эпохи первых Рун, когда влияния Хаоса на мир было куда меньше, нежели сейчас. Так или иначе, но неумолимая сила, именуемая жизнью, всё быстрее тянула его к подножию Белого Моста, по пути сдирая с него остатки жизнелюбия, подобно ураганному ветру.

Каладиус отбросил всяческую суету – он больше не практиковался в магии, не интересовался государственными де-

лами, да и вообще превратился в настоящего затворника. Он годами не видел людей, исключая одного единственного слугу, который невольно превратился в некоего посредника между магом и миром.

Иногда великий маг задумывался о жизни и смерти, и всё больше осознавал, что короткая человеческая жизнь была величайшим благом, дарованным людям Первосоздателем. Впрочем, он жил слишком долго даже по лирийским и гномьим меркам. Изредка его мысли возвращались к Дайтелле – величайшей магине последних тысячелетий. Она прожила на свете почти вчетверо больше него. И Каладиус содрогался, представляя, во что, должно быть, превратился её разум за это время.

Так прошло более пяти лет, но скорая смерть, вопреки предчувствиям, всё не приходила. И в какой-то момент великий маг понял, что просто превращается в замшелый камень, который может столетиями лежать в лесу. Более того, когда-то этот камень был частью великолепного замка, и замок этот мог бы гордиться своей славной историей, блистательными победами и мощью стен. Но вот он рухнул, останки его растёрли в пыль древесные корни, и остался лишь этот нелепый камень, покрытый мхом. Деревенские детишки, залезая на него, даже не подозревают, что это за валун и откуда он взялся. И история величественного замка похоронена в веках.

Именно этого Каладиус не хотел больше всего – быть за-

бытым. Сейчас всё то, что было сделано им ранее, казалось несущественным, неважным. Ему казалось, что даже сейчас, пока он ещё жив, и когда прошло всего несколько лет с момента его отшельничества, он уже забыт и останется в памяти людей лишь как персонаж глупых сказок на ночь.

Эта мысль ужалила великого мага так больно, что он заплакал бы, если бы за столетия его глаза не отучились плакать. И если ещё недавно казалось, что он смирился со смертью, то вдруг понял, что это не так. Смерть страшила его, но куда больше страшило забвение. Казалось невозможным, невероятным, что этот мир продолжит существовать после него, и даже не заметит, что его больше нет. Не будет ни скорби, ни ликования – будет лишь равнодушие неведения.

В этот день Каладиус впервые за несколько лет покинул свои покои. Слуги, внезапно встретив своего хозяина в коридорах, немели от ужаса. Некоторые даже бросались бежать, будто боялись, что он накажет их за то, что не скрылись вовремя с его глаз. Но великий маг этого даже не замечал. Облачившись в привычные одежды, он велел заложить карету и направился во дворец.

Король Бейгон, которому теперь было уже под пятьдесят, был типичным представителем поздней династии Пантатегов. Каладиус не знал в чём причина такого угасания династий – то ли время разжижало кровь, то ли частая необходимость вступать в брак с довольно близкими родственниками множила слабоумие, но сейчас Пантатеги представляли со-

бой примерно то же, что видел великий маг на закате Тионитов. Король сменялся королём, но это был словно один и тот же человек – глупый, безвольный и капризный.

Бейгон был именно таким – тошнотворно недалёким, вечно скучающим вздорным старикашкой. Каладиус уже не помнил лица его отца, но, кажется, они были похожи как две капли воды и внешне, и по характеру. Скорее всего, таким же был и его дед. Да, кровь Пантатегов скисла и испортилась, поэтому либо должно было свершиться какое-то чудо, либо же они должны были повторить судьбу своих предшественников. Тиониты, кстати, продержались заметно дольше.

Впрочем, если план Каладиуса будет исполнен, то всё это будет уже неважно. А у великого мага не было причин полагать, что эти планы могут быть нарушены. Он не был человеком обстоятельств и редко подстраивался под них; скорее наоборот – он сам создавал обстоятельства и это они подстраивались под его нужды.

Есть лишь один способ наверняка закрепиться в памяти человечества – сделать нечто такое, чего не делал никто и никогда. Развоплощение предметов здесь не годилось, поскольку было непонятно для большинства людей. Во всём мире и во все времена люди понимали легко и без перевода лишь один язык – язык силы. Лишь показав, что ты сильнее всех других, можно застолбить себе место в истории. И самый действенный способ показать свою силу – это поставить всех на колени.

Каладиус задумал создание империи. Но на сей раз он не помышлял просто повторить Кидуанскую империю на новый лад, поскольку зритель всё равно на площадном представлении видит марионеток, а не кукловода. Нет, довольно этих безвольных кукол на троне! Довольно уже дёргать за нити, оставаясь в темноте! Пришла пора явить себя во всём величии! Каладиус хотел не просто создать империю – он замыслил стать императором.

Быть может через какое-то время, пусть даже для этого потребуются многие годы, но на Паэтте воздвигнется империя, способная противостоять Тондрону – империя Белых магов, коль уж эллорское государство прозвали империей Чёрных магов. И он, подобно мифическому Драонну, станет родоначальником великой династии. Пусть он уже не может иметь детей – в магии кровь играет второстепенную роль. Он найдёт и обучит преемника, который продолжит его дело.

Конечно, до поры он не собирался никого посвящать в эти планы, и уж тем более – короля Бейгона, к которому сейчас направлялся. Легионы не станут сражаться за колдовскую империю, им нужна старая добрая война за земли и власть. Собственно, сейчас это – именно то, что требовалось Каладиусу, поэтому-то он и направлялся к королю, чтобы принудить его к войне с Палатием. И это должна быть война вроде той, которую он вёл полтысячи лет назад – война кровавая и разрушительная.

За минувшие пять сотен лет мир стал мягче. Латион дав-

но уже не участвовал в крупных конфликтах, да и небольшие приграничные стычки с тем же Палатием случались нечасто. Современных людей ужаснули бы подвиги легионов короля Келдона, ведь подобных жестоких столкновений не было уже на памяти многих поколений. Сейчас всё чаще вместо военных говорили дипломаты или торговцы. Однако Каладиус был родом из тех, лихих времён, и он вознамерился вернуть их во благо будущей империи, которой, как и всем империям во все времена, для рождения требовались обильные жертвы.

– Но для чего нам всё это? – недоумённо вопрошал король, к которому великий маг ввалился прямо во время сеанса массажа.

Каладиус, появившись во дворце, произвёл настоящий фурор. Наверное, лишь Чёрный Асс, явившись в своём облике Василиска, мог бы сильнее обескуражить дворцовых обитателей. Память придворного коротка, словно у певчей птички, и за минувшие пять с лишним лет большинство из них прочно позабыли мрачного колдуна, который и до того почти не жаловал двор своими посещениями. И вот теперь он вдруг объявился, словно гром среди ясного неба, и в его мрачном облике искушённые царедворцы читали предзнаменования будущих бед.

Как уже было сказано, Бейгон Третий, король Латиона, на-

слаждался массажем. Немолодое дряблое тело было источником множества различных болей, которые дотошный медикус с удовольствием классифицировал бы по степени и местоположению, поэтому подобную процедуру его величество проходил ежедневно, зачастую предпочитая общество массажиста государственным делам.

Однако сегодня он был вынужден изменить своим привычкам. Внезапное появление первого министра, так благополучно забытого ранее, не сулило ничего доброго. Неохотно отослав массажиста, разминавшего вечно нывшую шею, король, обмотавшись шёлковым покрывалом, с опаской приблизился к волшебнику.

Каладиус не стал тратить время на светскую болтовню – он презирал короля, и не особенно скрывал это. Так что он сразу же объявил, что хочет начать войну с Палатием, направленную на оккупацию его территорий.

– Палатий владеет несколькими крупными колониями по добыче мангила, – пояснил великий маг. – Если мы хотим оставаться ведущим королевством на Паэтте, мы должны развивать магию, а это невозможно без значительных запасов мангила. Поскольку магическое искусство у нас будет развиваться, то потребности в металле будут возрастать. Мы же практически не добываем его самостоятельно, закупая втридорога у Кидуи и Палатия. Получив выход к Западному океану вместе с крупными портами вроде Шайтры, а также завладев палатийскими колониями на Эллоре,

мы многократно увеличим добычу мангила, что даст нам решающее преимущество над другими странами. После этого можно будет начать войну с Кидуей. В конце концов мы создадим империю, которая сможет потягаться с Саррассой. А там однажды подомнём и её!

Король Бейгон оказался в весьма неприятной ситуации – ему крайне не хотелось влезать в эту авантюру, но и отказать Каладиусу он боялся.

– Этот вопрос я не могу решить в одиночку, мессир, – ухватился он за спасительную соломинку. – Необходимо собрать Совет и обсудить – насколько Латион готов к подобной войне.

– Обсудить? – насмешливо воскликнул маг. – Выслушать этих дармоедов о плохом состоянии дорог, недоукомплектованности легионов, малых запасах зерна? Все эти люди – чиновники, ваше величество! У них отсутствует стратегическое мышление, у них отсутствует дерзость, присущая лишь тому, кто по праву может считать себя властелином. Они будут считать медяки, они будут трястись из-за срыва торговых отношений, они будут переживать за собственные доходы... Вы – король, ваше величество! Вы – единственный господин этих земель! Кто, как не вы, можете принять такое решение? Припоминаю, что лет этак пятьсот назад, во время великой войны с Палатием, король Келдон не собирал никаких советов. Он умел глядеть далеко вперёд, и у него было достаточно воли, чтобы поднять под копьё двести тысяч легионе-

ров, и отправить их на север! Вы знаете, ваше величество, чем это закончилось? Палатий пал на колени перед нами и признал наш сеньорат! Да, сейчас в это трудно поверить, но когда-то Палатий был всего лишь нашей колонией! Так что не говорите мне, что это невозможно, потому что я сам был свидетелем обратного!

Каладиус подошёл к королю почти вплотную, он напирал на него почти физически, лишая его возможности отступить. Жирный рыхлый монарх с бледной, покрытой красными точками, кожей, стушевался перед этим худощавым стариком в тёмных одеждах. А уж взгляд великого мага не под силу было выдержать и куда более смелым людям.

– Но неужели и впрямь это так необходимо?.. – пролепетал он.

– Ваше величество, как вы думаете, я нарушил бы свой обет затворничества, я примчался бы во дворец, если бы это не было необходимо? Я заглянул в будущее, ваше величество, и оно было прекрасно! Поверьте, нас ждёт успех!

Говоря эти слова, Каладиус так близко склонил своё лицо к лицу короля, что между ними осталось каких-нибудь пять дюймов. Он, словно Василиск, которым его считали некоторые ассианцы, гипнотизировал Бейгона своим немигающим взглядом. И король не посмел отвести глаз. Его воля была окончательно подавлена.

– Хорошо, мессир, – выдохнул он. – Я велю начать подготовку...

– Мы должны уложиться в две недели, – строго произнёс Каладиус. – Я хочу, чтобы не позднее, чем через две недели наши легионы ступили бы на палатийскую землю! Если у Совета возникнут вопросы – отправляйте их ко мне! Более того, ваше величество, я сразу хочу заявить, что лично отправлюсь эту на войну!

Если у Совета и возникали вопросы, их предпочитали не озвучивать. Во всяком случае, к Каладиусу никто не подошёл. Уже на следующий день была объявлена всеобщая мобилизация, началось спешное доформирование легионов, а также переброска их к северу. Дабы не тратить лишние слова на препирательства, великий маг приказал арестовать палатийского посла и всю его свиту. Он не собирался церемониться с Палатием и следовать каким-то нелепым кодексам чести – главным для него сейчас была эффективность. Время для начала кампании было не слишком удачное, поскольку уже наступило лето и у них оставалось меньше трёх месяцев до того, как дороги на севере станут непролазны, поэтому Каладиус надеялся как можно скорее завершить оккупацию, а для этого внезапность подходила как нельзя лучше.

Признаться, великий маг даже не задумывался о том, какое количество жертв повлечёт за собой его авантюра. Если для ускорения разгрома врага потребуется увеличить собственные потери, он, не задумываясь, сделает это. Челове-

ческая жизнь так коротка, что лишние десять-двадцать лет ничего не значат. По крайней мере, для Каладиуса. Для него двадцать лет были лишь кратким мигом, тогда как для тех несчастных, что полягут ради него, это было доброй половиной жизни.

Вторжение началось в двадцать четвёртый день месяца дистрития 1491 года руны Кветь. Больше ста тысяч латионских легионеров вторглись в Палатий примерно в сорока пяти милях восточнее границы с Коррэем. И почти сразу же Каладиус, который, как и обещал, находился в авангарде и, по сути, определял стратегию войны, оставив полководцам лишь тактику, приказал поворачивать на запад, к побережью.

На этот раз великий маг решил действовать иначе, чем в прошлый раз. Недостаточно просто покорить столицу, чтобы можно было с полным правом назвать королевство своим. Поэтому он решил сделать Палатий латионским фактически, чтобы затем осталось лишь признать этот факт юридически. По замыслу Каладиуса в эту кампанию армия Латииона должна была отсечь весь запад Палатия – от полуострова Дарна до полуострова Лионкай. Затем нужно было укрепиться на побережье и превратить его в один из плацдармов для наступления в следующую летнюю кампанию.

На сей раз Каладиус не думал, что войну можно закончить в течение одного лета, поскольку громадные палатийские пространства не покрыть за столь короткий период. В

течение двух лет, если всё пойдёт как нужно, можно будет оккупировать территории западнее Труона, и тогда уж война, фактически будет окончена. Именно на западе была сосредоточена экономическая мощь королевства, и с потерей его восток Палатия не сможет стать уже серьёзным очагом сопротивления.

Сейчас в войну вступила лишь так называемая Первая ударная армия. Её задача – уничтожение обороны противника, а также физическое уничтожение его невеликой армии. Следом за Первой армией вскоре должна будет выступить Вторая, пока ещё только формирующаяся. Это уже будет оккупационный корпус, задачей которого станет установление латионского владычества на завоёванных территориях.

Сам Каладиус сейчас чувствовал великое воодушевление. Он словно стряхнул с себя липкую паутину, которой был окутан долгое время. Кажется, именно этого ему всё время и не хватало – дневных переходов, осад городов, во время которых он, тряхнув стариной, опять брал на себя задачу взлома оборонных сооружений. Накопленных за пять столетий знаний и опыта хватало теперь, чтобы не просто развоплощать небольшую часть ворот, а мощным ударом, в котором сплетались стихийная магия и воздействие на структуру *возмущения*, буквально сносить их, словно гигантским тараном.

Каладиуса теперь поддерживало целое подразделение магов, которые буквально накачивали его силой, позволяющей сминать любую магическую защиту. Он действительно сей-

час как никогда был похож на Асса-разрушителя, и это ему нравилось. Великому магу беспрекословно подчинялись все командующие, начиная от министра войны, иногда посещавшего армию, благоговей перед его могуществом и кажущейся мудростью.

Каладиус же на самом деле был несколько растерян, хотя не признавался в этом даже себе самому. Он никогда прежде не возглавлял армий, и очень быстро столкнулся с тем, что армии не всегда могут следовать за его пальцем по карте. Пресловутое армейское снабжение, рельеф местности, который не могла передать ни одна карта, капризы погоды, да и даже простая человеческая усталость. Поэтому представляемое им триумфальное шествие закончилось, не начавшись.

Под морозящим дождём латионская армия продвигалась к побережью, даже не встречая особенно сильного противодействия, но всё равно достаточно медленно. Возможно, нынешние легионеры были менее выносливыми и расторопными, чем во времена его юности, но всё же великий маг подозревал, что здесь сказываются и его непрофессионализм как командующего, и торопливость при подготовке кампании.

Первой значимой целью, которую поставил Каладиус, был порт Шайтра, расположенный на оконечности Дарны. Изначально он планировал, захватив порт и некоторую часть палатийского флота, отправить экспедиционный корпус в Эл-лор, дабы взять контроль над палатийскими колониями. К счастью, более опытные в военном деле люди в штабе суме-

ли объяснить ему бесперспективность данной авантюры, однако же планы по взятию Шайтры остались неизменными.

По палатийским меркам Шайтра была вполне крупным городом, имеющим неплохие перспективы к обороне. И именно здесь Каладиус впервые опробовал в полевых условиях свои способности по синергии двух направлений магии – стихийной и «нутрянной», как прежде, бывало, называл это направление его покойный приятель Ликатиус.

Благодаря вмешательству в структуру *возмущения*, возникающий эффект был почти непоглощаем классическими магическими заслонами, а основа из старой доброй стихийной магии приводила к тому, что при всей сокрушительной мощи этого эффекта Каладиус тратил сравнительно немного сил. Крепкие массивные ворота Шайтры разлетелись в щепы от первого же удара. Конечно, защитникам города удавалось ещё какое-то время удерживать пролом, но всё же падение его было неизбежно.

Бои на городских улицах были ещё менее продолжительными, но куда более драматичными и кровопролитными. Легионеры не слишком-то церемонились с населением, особенно с мужчинами. Городской гарнизон оказывал неорганизованное сопротивление, образовав несколько очагов, главный из которых был у дворца бургомистра. Но в уличных боях маги уже не участвовали – слишком велик был риск получить стрелу между лопаток.

В результате город капитулировал на исходе четвёртого

дня обороны. Латинон потерял при штурме около четырёхсот человек убитыми и порядка пятисот – ранеными. Потери палатийцев были в несколько раз выше. Вся эта кровь пролилась на алтарь создаваемой Каладиусом империи, чтобы вскормить этого вечно голодного бога. Великого мага не остановили бы никакие потери, никакое горе всех этих людишек, годных лишь на то, чтобы умирать на полях сражений или растить хлеб.

Войдя в покорённый город, Каладиус испытал миг триумфа. В этом дыме пожаращ, в этих пятнах крови на мостовой, в этих искажённых ужасом и болью лицах он видел рассвет великого государства магов, в котором он станет единственным властелином. Кто знает, может быть однажды он сможет бросить вызов самому Гурру!

Глава 53. Алая лихорадка

Понятия о походных условиях у Каладиуса несколько отличались от прочих командующих. Он не был «солдатом до мозга костей», привыкшим философски сносить любые тяготы и лишения, спать на голой земле, укрывшись собственным плащом, и есть разваренную солонину из общего котла. Кроме того, ему было абсолютно наплевать, что будут думать о нём окружающие, и образ «отца солдатам» он тоже не собирался примерять на себя, в отличие от некоторых других полководцев.

Поэтому первый министр путешествовал с комфортом, который, по мнению большинства, доходил до смешного. Правда, в открытую смеяться над великим магом не рискнул бы никто, да ему, собственно, менее всего хотелось думать о чём-то мнении, кроме своего собственного. Тайные насмешки не намнут поясицу, не продуют шею и не вызовут заворот кишок. Так что великий маг шёл на войну с поистине королевским комфортом.

Если дорога была сносной, он путешествовал в комфортабельном экипаже, в котором вполне можно было вытянуться в полный рост и вздремнуть на мягких перинах, а на случай холода или сырости имелась даже небольшая печка. Если же дорога становилась невыносимо тряской, или же непроходимой для кареты, то волшебник пересаживался в паланкин,

который несло сразу двенадцать человек, поскольку он тоже больше напоминал небольшой переносной дом.

Когда войско становилось на ночлег, для великого мага возводили великолепный шатёр, которого не погнушался бы и сарраассанский император. За тяжёлыми пологамы ему были не страшны ни ветер, ни холод, ни дождь. Внутренними перегородками он был разбит на несколько «комнат» – спальню, гостиную, рабочий кабинет. Даже судно было шикарным – достаточно высоким, чтобы на него было удобно сесть, изготовленным из фарфора специально для Каладиуса. Дабы не источать неприятных запахов, оно до половины наполнялось ароматической водой. Судно было таким тяжёлым, что его с трудом переносили два человека.

В спальне имелось ложе – по сути, полноценная постель, а также кресла, жаровни, сундук для одежды и несколько ларцов для всевозможных безделушек и артефактов. Чтобы везти всё это добро, требовалось три больших обозных подводы. И это не говоря ещё о продуктах, которые для великого мага также везли обособленно.

Своего первого повара великий маг уволил буквально на второй день похода. Оказалось, что тот великолепно может готовить из первосортных продуктов, но стушевался перед необходимостью готовки из того, что есть под рукой. Как ни смешно это звучит, но весь план вторжения едва не оказался под угрозой срыва лишь из-за недостаточной компетентности одного повара – Каладиус уже готов был командовать

отход, но, по счастью, один из военачальников выделил ему своего, привычного как раз к полевым условиям.

В общем, Каладиус путешествовал как император. Кроме собственного обоза у него ещё и было собственное подразделение из шести десятков человек – это те, кто должен был разбирать и собирать шатёр, причём делать это быстро и хорошо, а также те, кто нёс паланкин, кто должен был вытягивать завязшую в грязи карету, уборщики, слуги, поварята...

Так что, лёжа стылými ночами в мягкой удобной кровати, дыша тёплым и приятным ароматом специальных ароматических палочек, ощущая приятную сытость человека, который действительно поужинал, а не просто набил живот, Каладиус был абсолютно равнодушен к злым насмешкам, которые позволяли себе в его адрес завистливые солдаты, жмущиеся к угасающим кострам, валяясь прямо на холодной земле.

Уже взяв Шайтру, легионы вновь отошли к востоку, поскольку двигаться вдоль побережья представлялось неудачной идеей – там было не так много крупных населённых пунктов, чтобы прокормить армию. Поэтому путь латионцев представлял собой не прямую линию от Шайтры к Лионкаю, и даже не линию, повторявшую изгибы побережья. Это был довольно извилистый путь, узлами которого становились крупные селения или же небольшие города, в которых можно было добыть провиант.

Наконец Каладиусу было доложено о том, что вторая ар-

мия выступила. Она должна была проводить полноценную оккупацию всей территории побережья Палатия, но в некоторых городках, мимо которых первая армия прошла в некотором удалении, ещё оставались небольшие гарнизоны, поэтому без определённых проблем не обошлось и у неё.

А наступление на север тем временем велось удручающе медленно. Конечно, нельзя винить в этом лишь громоздкий обоз великого мага – все эти золотые подсвечники, тяжёлые балдахины и резные столы, что вынуждены были по не самым лучшим дорогам тащить обозные лошади. И всё же нельзя было не признать, что главной причиной было неумелое руководство человека, не имеющего достаточного объёма опыта и знаний для этого. А также великий страх перед ним тех, кто в силу своих должностей видели эти просчёты, но не рисковали вызвать гнев могущественного мага.

Каладиус злился, и с тем большей энергией вымещал злость на других, чем яснее понимал, что вся ответственность за это лежит на нём. Однако это явно не способствовало ускорению продвижения армии. По пути попалось ещё два-три довольно крупных города, где потребовалась помощь великого мага во взламывании ворот, в остальных же случаях он оставался в своём шатре, иной раз даже не выходя, чтобы взглянуть на сражение.

Наступил момент, когда Каладиус был вынужден признать собственную некомпетентность, поскольку она стала угрожать итогам всей операции. Поэтому он, наметив конеч-

ную цель на карте – город под названием Пиннор, лежащий в северной части залива Алиенти, другими словами – на южном берегу полуострова Лионкай, отдал бразды правления командующему Тоббсу, главе генерального штаба и первому помощнику министра войны. Сам же Каладиус взял на себя дела магические.

Это принесло свои плоды. Легионы пошли заметно быстрее, особенно после того, как великий маг и его многочисленный обоз перешёл в арьергард. Нелепая на фоне марширующих легионеров громоздкая карета не загромождала более и без того неважную дорогу, то же самое касалось и остальных подвод.

Всё же, несмотря на увеличившийся темп, было ясно, что времени в обрез. Чем ближе они подбирались к побережью Серого моря, тем ближе становились к Тайтану и его ледяному дыханию. Там, на продуваемых ветрами просторах Лионкай, которые, лишившись своих великолепных лесов, постепенно превращались в безжизненную пустыню, и в конце лета бывало уже прохладно, а ночами и вовсе могли случаться заморозки. Кроме того, Загадочный океан то и дело гнал к суше тяжёлые дождевые тучи, что делало дороги совершенно непроходимыми.

Каладиус подгонял командующего Тоббса, требуя, чтобы к концу лета они добрались хотя бы Пиннора, если уж не удастся дойти до кромки Серого моря. Тоббс делал всё возможное и невозможное, лишь изредка пытаясь урезонить ве-

ликого мага, напоминая об усталости армии и перебоях со снабжением. Но Каладиус ничего не хотел слушать. Он не хотел даже представить, что его великий замысел может быть разрушен всего лишь из-за слабости и несовершенства этих людей.

Когда Каладиус занемог, он сперва списал это на усталость. Конечно, по меркам всех прочих участников похода он путешествовал в царских условиях – вкусно ел, мягко и тепло спал, комфортно передвигался. Но всё же это был уже старик, который прожил на свете больше, чем весь штаб вместе взятый, а потому даже такое путешествие не могло пройти бесследно.

Вскоре у него начался жар, и мэтр Петан, придворный лекарь, которого Каладиус прихватил с собой на всякий случай, осмотрев высокопоставленного пациента, поставил неутешительный диагноз – алая лихорадка.

Алой лихорадки люди боялись едва ли не больше синици, хотя она была далеко не так заразна – эпидемии если и случались, то значительно реже и значительно меньше по масштабу. Однако алая лихорадка была более убийственна – лишь двое из десяти могли перенести её и остаться в живых. Кроме того, она пугала своей непредсказуемостью. С синицей было всё ясно – заболел один, жди новых случаев среди тех, кто имел контакт с заболевшим.

Алая лихорадка действовала иначе. Она, словно ошалевшая от веселья селянка в центре стремительного хора, наугад выдёргивала то одного, то другого, в праздничном угаре даже не различая лиц тех, кто оказывался с нею в центре круга. Алая лихорадка могла унести мать, но оставить в живых отца и детей, или спалить дотла ребёнка, не тронув ни его братишек, ни сестрёнок, что спали с ним вместе на одной лежанке.

Никто не знал, откуда она бралась, и куда исчезала. Она, в отличие от синивицы, что как дальний гость то наезжала, то вновь убиралась восвояси, словно бы постоянно жила среди людей. И так же, как и от синивицы, от неё не было надёжного лекарства, если не считать снадобий, которые массово готовили знахарки, и которые в лучшем случае годились лишь на то, чтобы побороть симптомы. Каждый алхимик, каждый медик имел в своём арсенале рецепт от этой болезни, но никто не мог похвастаться абсолютной победой над нею.

Поначалу Каладиус бодрился и кричал на мэтра Петана, называя его некомпетентным дураком и гусаком в мантии, убеждая, что у него никакой лихорадки быть не может, и что он за века приучил себя не только к ядам, но и сделал свой организм невосприимчивым к болезням. Правда, жар, холодный пот и яркие красные пятна, которые то проступали на коже, то вновь исчезали, говорили об обратном.

Петан всё порывался лечить великого мага отваром собственного изобретения, заверяя, что он отлично помогает от

алой лихорадки. Но Каладиус, едва лишь понюхав бурду, которую принёс лекарь, заявил, что ни за что в жизни не притронется к этой отраве, что Петан – шарлатан, если считает, что ему удалось открыть лекарство от неизлечимой болезни, и что в следующий раз он испепелит несносного медикуса на месте, едва лишь тот осмелится заикнуться о своей микстуре.

Однако лекарь оказался не из пугливых – он давно служил при дворе, был медикусом самого короля, а потому привык к капризным и вспыльчивым пациентам. На пару дней он действительно отстал от Каладиуса, но когда тому стало хуже, вновь заговорил о лечении. Великий маг вновь накричал на Петана, выбил у него из рук отвар, залив вонючей жидкостью пол своего шатра, но угрозу в действие всё же не привёл, из чего лекарь сделал вывод, что может продолжать свои попытки и дальше.

Перемещался великий маг теперь исключительно в паланкине – какими бы мягкими ни были перины и подушки в его карете, но от тряски ему неизменно становилось хуже. Несмотря на то, что носильщики менялись каждые четверть часа, выдерживать темп легионов всё равно не получалось, так что Каладиус со своим обозом всё больше отставал от армии, что приводило его в ярость.

Наконец, когда последние части арьергарда окончательно исчезли из виду, Петан настоял на том, чтобы Каладиус сделал передышку и несколько дней отлежался в одном из селе-

ний. Пациент был слишком слаб, чтобы спорить, а лекарь – слишком настойчив, так что всё случилось именно так, как хотел медикус. Едва лишь они достигли крупного селения, в котором были приличные дома, как Петан велел носильщикам нести паланкин к самому богатому из подворий.

Там он, недолго думая, выселил хозяев из их собственной спальни, сделав её временным лазаретом для своего высокопоставленного больного. У Каладиуса уже не было сил сопротивляться – он и сам чувствовал, что дорога убивает его. Даже паланкин теперь был недостаточно плавным для него, кроме того, его то и дело бросало то в жар, то в холод, и он то велел открывать все окна, то требовал топить печку.

Через некоторое время, поразмыслив, Петан и вовсе выселил хозяев из собственного дома, поскольку здесь жила довольно большая семья – муж с женой, мать мужа, а также шестеро детей, и всё это создавало вредную для больного суету и шум. Более того, для того, чтобы разместить всю челядь волшебника, пришлось выселить ещё несколько соседних домов.

Кроме того, возникла проблема с продовольствием, поскольку латионская армия, конечно же, вычистила селение до доньшка. Так что около тридцати человек из числа носильщиков и людей, обслуживающих шатёр, сколотив хорошо вооружённый отряд, отправились по окрестным сёлам, надеясь, что интенданты и фуражиры пропустили где-нибудь мешок зерна, окорок или крынку молока.

Каладиусу же было совсем плохо. Алая лихорадка коварна ещё и тем, что течение болезни предсказать обычно бывает почти невозможно. Иногда она убивает за считанные дни, особенно ослабленных или детей, а иногда, казалось бы, выздоравливающий уже человек мог умереть спустя два месяца. Поэтому сложно было предугадать, какая судьба ждала великого мага, однако же, судя по его состоянию, он мог умереть в любой день.

Кажется, теперь это понял и сам больной, потому что на второй день пребывания в селении он наконец позволил Петану влить в себя мерзкий отвар. Каладиуса тут же вывернуло наизнанку, но непреклонный медикус, едва лишь волшебник прополоскал рот водой, заставил его повторно провести процедуру. На сей раз Каладиус удержал содержимое желудка в себе, хотя это и стоило ему невероятных усилий.

– Что входит в этот отвар? – слабо спросил он, всё ещё борясь с тошнотой.

– Простите, мессир, но это – профессиональная тайна, – ухмыльнулся Петан. – Не беспокойтесь, ничего такого, что могло бы повергнуть вас в шок.

– Судя по вкусу, там не обошлось без куриного помёта и трюхи дохлой псины... – процедил сквозь зубы Каладиус. – Надеюсь, алая лихорадка будет милосердна и унесёт меня прежде, чем вы вновь отпотчуете меня этой дрянью!

– Вот увидите, мессир, моя микстура мигом поставит вас на ноги! – добродушно рассмеялся лекарь.

Впрочем, Каладиус сомневался, что Петан был на самом деле столь же уверен в этом, как хотел бы казаться. Сейчас волшебник уже стал задыхаться, особенно в лежачем положении, поэтому теперь он полусидел на своей постели, которую внесли в комнату вместо хозяйской. Лекарь, несмотря на свой демонстрируемый оптимизм, ничего не скрывал от своего пациента, поэтому Каладиус знал, что у него, похоже, начался отёк дыхательных путей. Это значило, что в любой момент он мог просто перестать дышать.

Самоотверженный Петан ни на минуту не отходил от больного. Он то и дело втирал какие-то пахнущие мятой мази ему в грудь и горло, совал в рот горьковатые пастилки из какого-то спрессованного порошка, давал питьё – подогретую воду с малым добавлением каких-то трав. Теперь Каладиус был смирен, словно ягнёнок, и безропотно принимал любую помощь от своего медикуса.

Не то чтобы волшебник очень уж боялся смерти. Он был к ней готов, как селянин, идущий зимой в лес за хворостом, готов к встрече с волком, но также, как и этот селянин, он хотел бы избежать этой встречи. Каладиус всё ещё надеялся на то, что сможет поправиться и исполнить задуманное.

Его войска маршировали сейчас где-то милях в двадцати-двадцати пяти к северу отсюда, с каждым шагом удаляясь от него самого и приближаясь к его цели. По крайней мере, очень хотелось рассчитывать на это. Впереди было ещё очень много миль, а также некоторое количество городов

и, возможно, одна-две небольших армии. И несмотря на то, что Латион в последнее время не являл собой образец воинственности, его знаменитые легионы не потеряли хватку, и по-прежнему удерживали за собой звание лучшей армии Паэты.

Петан объявил, что Каладиус по крайней мере на неделю, а то и на две должен будет остаться здесь. Лишь после прохождения кризиса можно будет думать о дальнейшей дороге. К тому времени легионы уже, вполне возможно, достигнут залива Алиенти. Начинался увиллий, а это значило, что через три-четыре недели уже заметно похолодает, а там не за горами и затяжные дожди. Нужно было торопиться. Если удастся до распутицы добраться до Пиннора, это будет означать, что почти весь запад Палатия, за исключением почти незаселённого Лионкая, будет отсечён.

Несмотря на то, что Петан настаивал на возвращении Каладиуса в Латион, тот был твёрдо намерен остаться в Палатие до конца летней кампании. Более того, великий маг был полон решимости лично присутствовать при штурме Пиннора, поскольку это был достаточно крупный город, который некогда имел весьма большое значение для Палатия, и, как следствие – крепкие стены и крепкие ворота. Армия может потратить сутки и сотни жизней при штурме этих укреплений, тогда как Каладиус значительно упростил бы эту задачу.

И дело тут было даже не в том, что великий маг вдруг озаботился сохранением как можно большего числа жизней

своих легионеров. Здесь, скорее, имело место нетерпение творца, желание приложить руку к делу своей жизни. Не имея возможности руководить кампанией, а теперь даже и участвовать в ней на всём протяжении, Каладиус хотел оставить за собой право хотя бы на финальную точку. Он начал это в Шайтре, и должен закончить в Пинноре. Тогда уже можно отпрапляться в Латион и отлёживаться хоть всю зиму. Главное – выжить! И потому великий маг, скрипя зубами и шипя проклятия, всё же глотал противохорадоочный отвар мэтра Петана.

Кризис миновал. Прошло уже почти две недели с тех пор, как Каладиус остановился в селении, и он всё ещё был жив. Более того, приступы удушья прекратились. Глубоко вздохнуть без того, чтобы не закашляться, великий маг всё ещё не мог, но, по крайней мере, он теперь мог лежать, не опасаясь задохнуться.

Спал и жар, хотя он ещё возвращался каждый вечер с пунктуальностью добросовестного тюремщика, но уже не был таким испепеляющим. Правда, приступы лихорадки, когда Каладиус стучал зубами, рискуя их раскрошить, продолжались, всё больше изнуряя больного.

Великий маг превратился в бледную тень самого себя. Он всегда был сухощав, но теперь от него осталась лишь кожа, натянутая на кости. Петан был в отчаянии – вечный чрево-

угодник Каладиус теперь едва притрагивался к еде, хотя готовила ему всё та же бригада поваров, а продукты его летучий отряд ухитрялся доставать наисвежайшие. Иссиня-бледная кожа, сухие потрескавшиеся губы, столь бледные, что были почти незаметны, но зато очень хорошо выделялись чёрные круги под глазами.

Несколько дней в самый пик кризиса Каладиус даже не вставал. Он мочился прямо под себя, но слуги меняли простыни ещё чаще – они очень быстро пропитывались потом. Сейчас, когда самое страшное, кажется, было уже позади, волшебник чувствовал себя получше, и уже мог подниматься с кровати, хотя и не без помощи. Он мог дойти и до нужника, но лишь при поддержке слуг. По крайней мере, он стал чуть больше есть, и это вселяло надежду.

Вообще, учитывая ту яростную силу, с какой набросилась на него болезнь, Каладиус должен был умереть. Точнее, наверняка умер бы всякий, кто оказался на его месте. Но жизненная сила великого мага продолжала удерживать его по эту сторону Белого Моста вопреки всему. Конечно же, Петан приписывал это чудо своему великолепному снадобью.

– Вот видите, мессир, я же говорил, что моя микстура поставит вас на ноги! – всякий раз восклицал он, входя в комнату с новой порцией своего лекарства. – Бьюсь об заклад, что если бы вы стали принимать её своевременно, мы и во все избежали бы осложнений!

– Просто она так мерзко воняет, что отпугивает даже

смерть, – уныло глядя на плошку в руках лекаря, проворчал Каладиус.

– Пусть так, – не стал спорить улыбающийся Петан. – Главное, что она работает!

У великого мага по-прежнему не было уверенности в этом, но он всё же исправно пил теперь горькую отраву, не желая рисковать.

– Стало быть, я поправлюсь? – волшебника передёрнуло от отвращения, когда он проглотил отвар.

– А разве вы сомневались в этом, мессир? – воскликнул лекарь.

– Мне нужны сейчас не ваши подбадривания, мэтр, а учёное мнение медикуса, – одёрнул его Каладиус. – Когда я могу отправиться в путь?

– Я бы сказал, что не раньше, чем через две-три недели, мессир, – посерьёзнев, ответил Петан.

– Это исключено! – резко возразил маг. – Если я проторчу тут две-три недели, я не успею к Пиннору до штурма!

– Уверен, что они справятся там и без вас, мессир. Ваше здоровье важнее жизни трёх-четырёх сотен мужланов.

– Дело не в этом, мэтр, – досадливо поморщился Каладиус. – Меня не больше вашего заботят жизни легионеров, но я *должен* принять участие в штурме! Вам этого не понять...

– Отчего же? – усмехнулся Петан. – Вы возомнили, что вот-вот умрёте, и считаете, что должны исполнить дело своей жизни, не так ли?

– В ваших устах это звучит несколько нелепо, согласен, но это, должно быть, лишь потому, что вы сами нелепы! – скрипнул зубами волшебник. – И пусть вам этого не понять, но примите к сведению, что я должен быть там, а это значит, что максимум послезавтра мы отправляемся в путь!

– Этого не будет, мессир! – твёрдо заявил Петан. – Вы останетесь здесь, пока я не позволю вам уехать!

– Я приказал королю начать эту войну, – сверкнув глазами, проговорил Каладиус голосом, полным власти и угрозы. – И он не посмел послушаться меня. Так неужели я не совладаю с каким-то лекарем?

– Без сомнения, совладаете, – медикус внезапно растерял весь свой апломб и, похоже, по-настоящему испугался. – Я могу лишь просить вас остаться и взывать к вашему благоумию. Восстановившись, вы сможете свершить ещё много великих дел. Полагаю, штурм какого-то завшивленного Пиннора можно и пропустить.

– Вам не понять меня, мэтр, потому что вы – всего лишь лекарь... – упрямо покачав головой, произнёс Каладиус. – Поэтому и не силйтесь сделать это. Просто знайте – послезавтра мы выезжаем. Постарайтесь к тому времени приложить все силы, чтобы поставить меня на ноги. Я разрешаю даже пичкать меня двойной порцией вашей бурды.

– Вы спросили меня – поправитесь ли вы, мессир, – помолчав немного, заговорил медикус. – Так вот, даже сейчас я не дам вам гарантию этого. Я знаю случаи, когда, казалось

бы, уже почти совсем здоровый человек умирал в течение суток от вновь начавшихся осложнений. Алая лихорадка не отпускает просто так, лишь по одному приказу. Пусть даже приказ этот отдаст великий человек вроде вас. Поймите, мессир, вас могут слушаться короли, министры, лекари, солдаты, но не болезнь. Вы выкарабкались, хотя Арионн свидетель, я был уверен, что вы не выдержите. Да, вы сильнее всех прочих, но вы всё ещё человек, и вы смертны. Так зачем подыгрывать этой растреклятой болезни? Подождав, вы можете получить желаемое, хоть и чуть позже. Бросившись в путь прямо сейчас, вы рискуете не добраться до Пиннора.

– Я всё это понимаю, друг мой, – неожиданно мягко проговорил Каладиус. – Но я должен. Я не жду, что вы поймёте, но требую, чтобы вы подчинились.

Тяжело вздохнув, мэтр Петан молча поклонился и вышел из провонявшей потом и мочой комнаты, не забрав даже пустую плошку из-под отвара из мелко трясущихся рук великого мага.

Глава 54. Крах

Армия ожидала Каладиуса, как он и приказал. Великий маг очень спешил, стараясь побыстрее попасть к Пиннору, но эта спешка слишком дорого далась ему. Состояние, которое, казалось, уже начало заметно улучшаться, вновь сильно ухудшилось. Добравшись до Пиннора, Калдаиус уже практически не мог подняться на ноги. Петан несколько раз делал попытки вновь встать на постой, чтобы дать неугомонному пациенту отдышаться, но волшебник не хотел и слышать об этом.

Таким образом, добравшись до места, Каладиус больше напоминал труп, так что ни о каком штурме не могло быть и речи. К явной досаде командующего Тоббса, было решено отложить штурм ещё на несколько дней – великий маг во что бы то ни стало хотел лично принять в нём участие. Впрочем, задержка никак не могла помешать делу – Палатий, похоже, исчерпал свои ресурсы и не мог прислать силы для попытки освобождения города, а довольно немногочисленные защитники Пиннора за несколько дополнительных дней осады ещё сильнее растеряли бы свой боевой дух.

Каладиус больше не ждал пощады от болезни. Она дала ему ещё один шанс закончить начатое, но большего он требовать не смел. Иной раз он сам удивлялся своей глупости, ведь этот размен жизни на почти иррациональное желание

лично завершить кампанию нельзя было назвать иначе чем глупостью, но поделаться ничего не мог. В своё время нечто подобное он испытывал, употребляя отвар дурной травы – понимая, насколько это неразумно, он не находил в себе сил отказаться от саморазрушения.

Мэтр Петан, тоже порядком осунувшийся и измождённый, продолжал ухаживать за своенравным пациентом, несмотря на обиду и досаду. Он безбожно пичкал его всевозможными порошками и микстурами, в том числе и своим мерзким настоем так, что даже моча великого мага приобрела совершенно необычный и очень едкий запах, а также красноватый окрас. Но на данный момент это не беспокоило ни того, ни другого.

Как бы то ни было, но Каладиус вновь сумел совершить почти невозможное – он не только не умер, как того ожидали все окружающие, включая и его самого, но даже сумел восстановиться настолько, чтобы нанести всё-таки долгожданный удар по воротам Пиннора, хоть этот удар и высушил его почти целиком.

Самого штурма великий маг уже не видел – он впал в глубокое беспамятство, из которого сумел выбраться лишь спустя пару часов, когда дело уже было кончено. Несчастный гарнизон Пиннора оказался столь же слаб, сколь и его обветшалые стены, так что бой был закончен за какой-нибудь час. Именно в ожидании этого единственного часа легионы почти две недели провели у стен города, ожидая приезда Ка-

ладиуса.

Уже после окончания штурма, когда силы немного вернулись к великому магу, он велел отнести его в покорённый город. Теперь летняя кампания была официально завершена, и он мог со спокойной совестью отправляться назад в Латион. Здесь, в западном Палатие, оставались значительные силы, которые уже будущей весной начнут неумолимое шествие на восток, к Труону.

Однако на душе у Каладиуса было какое-то непонятное опустошение. Возможно, это было последствие болезни и истощения, но почему-то здесь и сейчас он не ощущал себя победителем. Глядя на лица измождённых горожан, которым, если они доживут, предстоит однажды стать подданными его империи, великий маг почему-то чувствовал лишь усталость и разочарование.

Вскоре он вернулся в свой шатёр, поскольку чувствовал себя на грани обморока. Там его уже поджидал верный Петан с неизменной чашей отвара, к чьему вкусу волшебник так и не привык, хотя и глотал его почти целый месяц по несколько раз в день.

Теперь, когда компания этого года была завершена, можно было подумать о возвращении. Конечно, в нынешнем состоянии Каладиуса было бы лучше никуда не ехать и отлежаться месяц, а то и два, но мэтр Петан категорически возражал против этого, утверждая, что здешний климат способен убить и здорового. Уже в ближайшее время на побере-

жье Лионкая должно было стать совсем холодно и сыро, что лишь усугубило бы лихорадку.

Дабы не подвергать великого мага тяготам обратного пути по разбитым легионами дорогам, было решено отправить в Шайтру голубя, чтобы оттуда в Пиннор был прислан корабль. Каладиус должен был отправиться по воде до самого Киная, а уж оттуда по сухопутному торговому пути можно было бы добраться до Варса, а затем и до Латииона. Этот путь был не только куда более комфортным, но и, вполне возможно, более быстрым и безопасным.

Судно за великим магом пришло спустя двенадцать дней. Это была отличная шхуна, на которой при должной удаче вполне можно было бы отправиться и до Эллора, а уж для путешествия вдоль побережья, да ещё и сейчас, когда до окончания навигации было довольно далеко, оно и вовсе подходило как нельзя лучше.

Часть трюма была переоборудована в большую и достаточно комфортную каюту для знатного пассажира. Там не было иллюминаторов, но зато хватало места для всевозможных предметов мебели, которые, разумеется, были совершенно необходимы великому магу в пути.

Ступив на борт, Каладиус почувствовал нечто вроде лёгкой ностальгии. Он уже полтысячелетия не бывал на палубе корабля, и сейчас в нём внезапно проснулись некие смутные ощущения, похожие на отзвуки чего-то давно забытого. Великий маг был удивлён – казалось бы, его морские походе-

ния в компании с мессиром были уже так давно, что должны были бы прочно забыться. Но на самом деле он вдруг вспомнил даже лицо того, чьё имя однажды присвоил.

Он словно увидел мессира на палубе – ухмыляющегося, словоохотливого, вечно захваченного какими-то бредовыми идеями. Этот запах просоленного дерева, этот скрип переборки, этот напев ветра в такелаже – всё казалось таким знакомым, будто он лишь вчера ещё бороздил океан, охраняя торговые суда от пиратов.

Ощущения были на удивление приятными, так что Каладиус даже невольно улыбнулся, хотя улыбка вышла бледной и кривой из-за плохого самочувствия. Впрочем, воспоминания словно придали волшебнику сил – он, отмахнувшись от помощи вездесущего Петана, твёрдо встал, крепко ухватившись за фальшборт, и впервые за долгое время вздохнул полной грудью, не скорчившись от жестокого приступа кашля при этом.

Путешествие прошло замечательно – тело великого мага будто бы сразу вспомнило все навыки морехода. Морская болезнь совершенно не мучила его, в отличие от того же Петана, который подрастерял значительную часть своей жизнерадостности. Погода была вполне приличная, волнение – слабым, и этот восхитительный круиз словно бы вдохнул в Каладиуса свежие силы. Он даже и не подозревал, насколько соскучился по этому!

Знаменитый порт Киная значительно изменился с тех

времён, когда его в последний раз видели два авантюриста – мессеры Каррис и Каладиус. Он заметно разросся, всё больше напоминая этакий город в городе. Яркое, но не слишком жаркое солнце заливало причалы искристым светом, множество солнечных зайчиков, отразившись от волн, плясало на бортах кораблей, сваях и помостах.

Несмотря на то, что Кидуа выразила решительный протест в связи с неожиданной и совершенно необоснованной агрессией Латигона в отношении Палатия, дипломатические отношения разорваны всё же не были, поскольку княжество, похоже, всерьёз испугалось того, как разворачивались события и надеялось, что беспокойный сосед ограничится лишь северными территориями.

Естественно, что прибытие столь высокопоставленного гостя не осталось незамеченным. Каладиуса встречали как короля, а может быть даже и с ещё бóльшим пиететом. Дюк Кидуи даже не пожелал слышать ничего о гостинице – великого мага тут же доставили во дворец, предложив лучшие покои.

Ласковый климат Киния благотворно сказывался на самочувствии волшебника – ему явно стало намного лучше, и болезнь, похоже, понемногу отступала. Кажется, и в этот раз могучий маг сумел выйти победителем из этой, казалось бы, обречённой заранее схватки. Кроме того, виды этого древнего города будили в Каладиусе массу воспоминаний, и, в большинстве своём, воспоминаний приятных. Странно, но

он почти не вспоминал убийство мессира, зато то и дело в памяти всплывали какие-то моменты их весёлой совместной жизни.

Всё это было так замечательно, что Каладиус сперва принял решение задержаться в столице Кидуи, а затем и вовсе решил остаться здесь на всю зиму. Более мягкий, в сравнении с латионским, климат должен был способствовать лучшему выздоровлению тела, а воспоминания, окутывающие его мысли тёплой ностальгией, могли бы немного подлатать душу.

Какое-то время великий маг просто отлёживался, наслаждаясь тем, что вокруг него – добротные стены, которые не нужно будет утром складывать в тюки, что вместо жаровен – настоящий камин таких размеров, что в нём спокойно могли бы переночевать несколько легионеров, и что сейчас, в разгар осени, когда Латион стал уже совсем серым под обложными дождями, здесь всё ещё светило солнце, посылая последние приветы от уходящего лета.

Когда же Каладиус поправился настолько, что мог свободно ходить, не держась постоянно за стены, он начал совершать прогулки сперва в уютный внутренний дворик, а затем и в город. Он уже плохо помнил Кинай, и очень часто, когда ему казалось, что он вспоминал какие-то места, оказывалось, что память подсовывает ему виды Латиона. Нельзя сказать, что эти два города были очень уж похожи, просто великий маг слишком давно здесь не был.

В один из дней он попросил отвезти его на развалины Кидуи, но слуга ответил, что ничего не знает об этом месте. То же самое сказал и другой, и третий. Случилось то, что должно было случиться – Кинай разросся настолько, что полностью поглотил останки столицы древней империи, и теперь на месте, где маг когда-то изучал остовы давно погибших зданий, стояли новые кварталы.

И Каладиус не испытал по этому поводу особенной горечи, хотя аллюзия на его собственную судьбу была налицо. Однажды и он станет такой же историей, известной лишь единицам. Пожалуй, так и должно быть: старое должно уступить место новому, чтобы обеспечить развитие и саму жизнь. Да, на месте древней Кидуи сейчас стояли неряшливые кварталы бедноты, но в них кипела жизнь, в отличие от того кладбища домов и воспоминаний, которое он посетил когда-то.

Усмехнувшись своим мыслям, великий маг отменил поездку, велел вместо этого принести ему старого биррийского. И затем он много часов просидел у камина в качающемся кресле, замороженно глядя на огонь и позабыв о полупустом бокале.

Новость о том, что Латион и Палатий заключили перемирие, стала для Каладиуса громом среди ясного неба. Он даже не поверил сперва своим ушам и попросил своего дворецкого повторить сказанное.

– Ты, верно, всё не так понял, болван! – наконец вскричал он, изменяя своей обычной вежливой тактичности в общении со слугами.

Порывисто встав с кресла, великий маг со всей доступной ему прытью зашагал прямо к дюку Лебардо, поскольку уж он-то наверняка владел информацией в полной мере.

– А, вот и вы, мессир, – приветственно воскликнул дюк, когда ему доложили о приходе волшебника. – Я ждал вашего прихода. Стало быть, вы уже слышали новость.

– Мой разум отказывается верить в то, что слышали мои уши, ваша светлость, поэтому я и пришёл за разъяснениями, – ответил запыхавшийся маг, падая в кресло. – Неужели это правда?

– Я получил эту весть около часа назад, мессир. Её принёс голубь из Шинтана. Пока я не имею других подробностей, поскольку послание было очень лаконично. Думаю, что вскоре мы узнаем больше. На всякий случай я отослал гонца в Латион. Возможно, до его возвращения я сумею добыть сведения из других источников.

– Пожалуйста, держите меня в курсе, ваша светлость. А впрочем... Похоже, мне пора возвращаться. Кажется, его величество слишком быстро списал меня со счетов... – тоном, не предвещающим ничего доброго, произнёс Каладиус.

– Знаете, мессир, – усмехнулся Лебардо. – Вы, конечно, великий человек, но я всё же рад, что вы – не подданный герцогства.

– Как-то император Кисиана сказал мне то же самое, – ухмыльнулся волшебник в ответ. – Что ж, будем считать, что монархам Латиона не повезло...

Четверо странных людей пробирались по улицам Латиона в вечерней мгле. Трое из них были одеты как мелкие буржуа, но двое выказывали явное почтение третьему, и иногда даже величали его «ваша милость», хотя тот и цыкал на них, встревоженно озираясь по сторонам. По характерному выговору в них можно было узнать палатийцев, поэтому они старались говорить тихо, или вовсе помалкивать. Четвёртый был одет попримечнее, скорее походя на мелкого дворянчика. Он, похоже, был местным и, судя по всему, служил провозатым для этой троицы. Кроме того, в отличие от остальных, он старался прятать лицо за отворотами большого модного воротника, который он приподнял таким образом, чтобы тот доставал почти до уровня глаз.

Поскольку время было позднее, а странная компания ошивалась в Заречном квартале, где подобной публики обычно не бывало, они, конечно же, привлекли внимание патруля. Стражники, услышав акцент, наставили было на палатийцев алебарды, но тут четвёртый скинул шляпу и опустил воротник.

– Отставить! – властно скомандовал он.

Стражники невольно опустили оружие, хотя и не призна-

ли ещё в темноте, кто перед ними, но по голосу и тону было ясно, что он привык повелевать. Сержант поднял фонарь так, чтобы осветить лицо этого человека.

– Милорд... – ахнул он секунду спустя, опуская фонарь.

Сержант долгое время служил во внешней страже дворца и привык видеть сильных мира сего, поэтому он тут же узнал министра финансов Делайни.

– Тише, сержант, – одёрнул его министр. – Нам нужно попасть во дворец. Дело государственной важности. И чтобы нас больше не останавливали разные олухи, сопроводите нас до места.

– Слушаюсь, ваша милость, – старый солдат сделал бесстрастное лицо, так, будто бы он каждый день видел министров, одетых, словно оборванцы, в сопровождении представителей вражеского государства. Жизненный опыт подсказывал, что чем меньше он будет удивляться подобным мелочам, тем меньше проблем будет иметь в будущем.

Поскольку до дворца было уже недалеко, через какие-нибудь четверть часа Делайни и его спутники оказались у одного из служебных входов во дворец. Там они расстались со стражниками, даже не удосужившись поблагодарить их. Затем в одной из комнат все четверо избавились от своего маскарада – у каждого под плащами оказались великолепные дорогие камзолы.

Делайни давно замыслил эту встречу. Как только стало известно, что проклятый колдун решил провести зиму в Ки-

нае, министр начал свою игру. Убедить безвольного Бейгона было несложно – тот, конечно, очень боялся Каладиуса, но маг отсутствовал, а вот Делайни был здесь, и он тоже знал точки, на которые нужно давить. Затем он послал голубя в Шинтан с предложением о тайных переговорах. Он понимал, что палатийцы с подозрением отнесутся к этой записке, но, к его удивлению, ответ оказался положительным. Более того, палатийский король послал на встречу собственного фаворита, одного из влиятельнейших людей Палатия, графа Плиттана. Было очевидно, что правительство королевства в полном отчаянии, и с радостью готово ухватиться даже за самую эфемерную надежду.

И вот палатийские посланцы тайком прибыли в Латин, притворяясь мелкими купцами. Здесь они встретились в условленном месте с самим Делайни, который и провёл их во дворец. Теперь предстояла встреча с королём.

Бейгон нервно ожидал этой встречи. Он всё ещё представлял, каким будет гнев Каладиуса, и это заставляло его содрогаться. Будь Делайни менее настойчив, и не пользуйся он таким влиянием на короля, тот, пожалуй, отказался бы от опасного свидания. Ну а теперь оставалось лишь молиться, чтобы его первый министр, вернувшись, не устроил бы государственный переворот.

– Ваше величество, – заговорил граф Плиттан, едва лишь было покончено с приветствиями. – От всего сердца, и от имени всего нашего народа благодарю за эту встречу. Сей-

час, когда на севере уже почти по-зимнему холодно, моих сограждан согревает надежда на благоприятный исход наших переговоров. Эта ужасная война не нужна никому.

– О завершении войны речи пока не идёт, милорд, – осторожно произнёс король, нервно теребя кружево на своём рукаве. – Мы лишь хотим поговорить о перспективах.

– Война не несёт никаких перспектив ни Палатию, ни Латииону, ваше величество! – горячо возразил граф. – Мы теряем многое, но и ваше королевство несёт большие убытки. Разве, будучи друзьями, мы не более взаимовыгодны друг другу, нежели в качестве врагов?

– Не всякую пользу можно измерить деньгами, милорд.

– Да, я знаю, – лицо Плиттана исказилось ненавистью. – Вся эта война – прихоть одного старика, который решил возродить империю! За последние полтысячелетия наши государства дважды вступали в кровавое противоборство, и оба раза по вине этого проклятого колдуна!

Даже зная, что Каладиус сейчас находится во многих сотнях милях отсюда, Бейгон непроизвольно оглянулся, будто боялся, что эти дерзкие слова дойдут до его ушей.

– Латиион – сильнейшее государство в мире, – с явной нервозностью в голосе ответил он. – Будучи полноценной империей, мы могли бы в конечном итоге противостоять любой агрессии со стороны Саррассы. Кроме того, мы могли бы более эффективно использовать мангилловые рудники...

– Министр Делайни уже упомянул о наших колониях на

Эллоре, – пользуясь моментом, заговорил Плиттан. – Спешу сообщить вашему величеству, что мы готовы передать под ваше управление четыре из семи наших колоний с полным правом на весь мангил, что там добывается. Более того, мы берём на себя отправку этого мангила на материк собственными силами.

– Всё это хорошо, но...

– Мы также берём на себя обязательство ежегодно в течение десяти лет выплачивать Латиону по двенадцать миллионов тоинов, – вновь заговорил посол. – Не говоря уж о праве беспошлинной торговли для всех латионских купцов.

– Это щедрые посулы, однако...

– Палатий готов признать всё течение Труона латионской зоной влияния, – вновь не слишком-то вежливо палатиец перебил короля. Вероятно, подобную стратегию поведения подсказал ему Делайни. Король Бейгон действительно терялся перед напором. – Кроме того, мы будем поставлять наши строевые леса с северо-запада по трети рыночной стоимости. Мы будем ввозить для вас пунтийское зерно, компенсируя стоимость таможенных пошлин и перевозки. Это позволит вам вскоре отказаться от поставок из Саррассы. Только подумайте, ваше величество, не потеряв больше ни единого легионера и ни одного доррина, вы получите невероятные преференции!

– Вас сопровождают в приготовленные для вас комнаты, милорд, – помолчав немного, заговорил Бейгон. – Мне нужно

поговорить с моим министром наедине. Завтра я объявлю о своём решении.

– Благодарю, ваше величество, – Плиттан, похоже, не слишком-то расстроился, вероятно, Делайни предсказал именно такой ход развития событий. – Но, прежде чем уйти, у меня есть к вам ещё одна просьба. Маркиз Келль, посланник нашего королевства в Латионе, вот уже почти пять месяцев томится в темнице, не совершив никакого преступления. Прошу, нельзя ли освободить его прямо сейчас? Я не смогу спать в мягкой постели в этом дворце, зная, что в это время он где-то лежит на охапке гнилой соломы.

– Через два часа милорд Келль будет у вас, господин граф, – вопросительно взглянув на короля и заручившись его кивком, заверил Плиттана министр Делайни. – Смею заверить, что маркиз содержится в неплохих условиях, хотя ему и потребуется некоторое время, чтобы привести себя в порядок.

– Благодарю вас, ваше величество! – низко склонившись напоследок, Плиттан вышел.

– Мы должны принять эти условия, ваше величество! – тут же горячо заговорил Делайни. – Они поистине щедры и намного превосходят самые смелые желания.

– Но что скажет Каладиус? – теперь, в отсутствие палатийца, Бейгон уже не стеснялся выказывать страх перед великим магом.

– В этом королевстве король – вы, ваше величество, – на-

помнил ему Делайни.

– То, что ко мне обращаются «ваше величество», ещё не делает меня королём, – печально возразил Бейгон. – И вы это прекрасно знаете. Мессир Каладиус – вот истинный король Латиона, когда ему это требуется.

– Я понимаю, ваше величество, – скрипнув зубами, кивнул министр. – Я и сам испытываю суеверный ужас перед этим колдуном. Но он далеко отсюда, и, как говорят, он умирает.

– Думаю, за минувшие восемьсот лет многие его недруги ожидали, когда он умрёт, – горько усмехнулся Бейгон. – И вот их кости стали прахом, а он по-прежнему жив. Помните, Делайни, те величественные вековые деревья, что растут в южной части королевского парка? Эти великаны, которым уже много сотен лет, и которые укрывают своей сенью прочие деревца? Как-то, глядя на них, на их мощные стволы в десять обхватов, я вдруг поймал себя на мысли, что мессир Каладиус видел этих исполинов, когда они были ещё маленькими ростками, и садовник ограждал их жёрдочками, чтобы дети, играя, не растоптали их.

– Это правда, ваше величество, но если спилить одно из этих деревьев, то вы увидите, что его сердцевина давно уж сгнила. Пройдёт какое-то время, и они иссохнут, а после их срубит далёкий потомок того самого садовника. Так и Каладиус – его время уже прошло. Он воображает, что может десятилетиями отсиживаться в своём дворце, а затем прибе-

гать сюда и начинать войны! Разве он подумал о том, что будет с нашей экономикой, что будет с нашей торговлей? Или он подумал о вдовах и сиротах наших легионеров?

Бейгон хотел было позвонить в колокольчик, чтобы приказать слуге налить ему вина из графина, стоящего на столе, но передумал и сделал это сам. Когда он отпил из бокала, зубы выбили по хрусталу мелкую дробь.

– Потратив массу денег и потеряв почти три с половиной тысячи человек, мы захватили западное побережье Палатия! – продолжал Делайни. – Но что мы будем с ним делать? Каладиус воображал, что, стоит нам захватить побережье, и мы тут же покорим эллорские колонии. Но это не так! На западном побережье почти нет крупных портов, приспособленных для того, чтобы обслуживать такой флот! Там не так много селений, там отвратительные дороги... Прибрежная полоса Палатия мало чем отличается от его восточной части – это глухомань. Но старик вообразил себя великим стратегом, и вот сто пятьдесят тысяч наших солдат теперь вынуждены провести там зиму! Правда, великий стратег не подумал о том, как мы организуем их снабжение!

– Всё это так, но смогли бы вы сказать это самому Каладиусу, будь он здесь? – резонно спросил король.

– Но его здесь нет! – не менее резонно возразил Делайни. – Кроме того, возможно, пришла пора что-то изменить. Представьте, ваше величество, мы с вами можем войти в историю королевства, как люди, посмеявшие пойти наперекор

самому Каладиусу! Лично я давно не прочь освободиться от его опеки! А вообще – пусть остаётся в Кидуе! Полагаю, здесь мы справимся и без него!

– То есть вы хотите бросить вызов Каладиусу? – с почти мистическим ужасом спросил Бейгон.

– Дьяволы меня разорви – да! – решительно ответил Делайни. – Его место – в исторических трудах, а будущее должно принадлежать нам! Надеюсь, он не вернётся, а если всё же вернётся... Ему придётся привыкать к тому, что мир изменился!

– Вам легко говорить, Делайни, – вздохнул король. – Когда он вернётся, то именно мне придётся держать ответ за всё. Он – как меч, что постоянно нависает надо мною...

– Тогда я буду вашим щитом, государь, – пафосно ответил министр. – Прикрывайтесь мною, не стесняясь! Главное сейчас – прекратить эту безумную и бесполезную войну! Согласны ли вы с этим, ваше величество?

– Да, – едва слышно ответил Бейгон, которого слегка приободрила перспектива поставить между собой и великим магом ушлого Делайни.

– Хвала богам! Вы – подлинный король этой земли, ваше величество! И это подтверждается вашими делами! Завтра ваше имя делается самым благословляемым на территории двух королевств!

Бейгон улыбнулся в ответ, но улыбка вышла довольно кислой.

Каладиус смотрел на сидящего напротив Делайни и понимал, что его время прошло. Прошло время, когда на него глядели, словно на некое древнее божество, боясь прогневить словом или, тем более, делом. За всем этим мистическим страхом люди совершенно позабыли главное: он – всего лишь человек. И вот, спустя десятки поколений королей и министров нашёлся человек, который, похоже, это понял.

Вот он, этот Делайни. Он прямо пошёл против воли Каладиуса, причём не в какой-то ничего не значащей мелочи. Этот слегка полноватый и начинающий уже лысеть человек скомкал и растоптал то, что великий маг в последнее время считал делом своей жизни. И что же? Сейчас он сидел напротив и смотрел на волшебника, словно вопрошая: «Ну что же ты сделаешь? Испепелишь меня, или превратишь в жабу?».

И Каладиус внезапно понял, что он ничего не может сделать с этим наглецом. Не убивать же его, в самом деле! А вот политических рычагов у него, похоже, не осталось. Если бы он сейчас приказал страже арестовать Делайни – был бы исполнен этот приказ? Великий маг был растерян, как мог бы быть растерян строгий учитель, чьи школяры, всегда робеющие перед наставником, внезапно вышли из-под контроля. Они перешагнули невидимую черту – и небеса не обрушились на них карающие молнии. И вот они уже поняли, что эта

черта – не более чем кем-то проведённая линия, и в ней нет абсолютно ничего сакрального.

Каладиус остро и абсолютно ясно понял, что его эра закончилась. Он, конечно, может оставаться при дворе, превращаясь в замшелое посмешище, но влиять на судьбы он больше не будет. Он был сам виноват в этом, отдалившись от дел и полностью исчезнув на многие годы. Молодые волчата подросли, ни разу не испытав на себе клыков старого вожака, и теперь они уже больше его не боялись.

– Империи не создаются по воле одного человека, мессир, даже если этот человек – вы, – спокойно продолжал Делайни. – Такого не было никогда. Нужно желание многих людей, нужна их совместная воля. Считайте, что Латион просто ещё не готов к тому, чтобы стать империей. Не в этот раз.

А ведь этот Делайни ему даже нравился! Слишком давно никто не пытался говорить с великим магом на равных. Что ж, возможно, так оно и должно быть. В конце концов, всё в этом мире когда-нибудь приходит к логическому завершению. Глядя в глаза собеседнику, Каладиус видел в них решимость и ум. И он понимал, что этот человек вполне готов управлять королевством и его непутёвым королём.

– Знаете, что я думаю, милорд? – внезапно улыбнулся великий маг. – Я думаю, что из вас получится отличный первый министр.

Изумление на лице Делайни было настолько комичным, что Каладиус расхохотался. Он хохотал от души, потому что

внезапно почувствовал такое облегчение, будто с него сняли груз, который непосильной ношей висел на шее много лет. Странно, но именно сейчас великий маг чувствовал себя более живым, чем когда бы то ни было в последние десятилетия.

Эпилог. Затишье во время бури

Каладиус сидел, прислонясь спиной к шершавому боку громадного красноватого валуна, и глядел на пустыню, растилавшуюся перед ним. Солнце плавало сейчас обратную сторону этой небольшой скалы, так что великий маг находился в тени, но по ощущениям он был в пекле. Пеклом дышала растрескавшаяся, окаменевшая земля, пеклом дышали белёдые, словно выгоревшие на солнце небеса.

Несмотря на это, Каладиус не скинул своих просторных чёрных одежд, хотя они сейчас прилипли к телу от пота. Полное безветрие царило в этом царстве вечного жара, лишь воздух сотрясался из-за восходящих от раскалённой земли потоков. Солнце клонилось к западу, постепенно окрашивая пустыню в причудливые сиреневые тона, но пока что жара не спадала ни на йоту. Каладиус знал, что пройдёт всего несколько часов, и жесточайший холод будет терзать эти самые камни.

Он испытал всё это в полной мере в течение тех месяцев, пока ему приходилось ночевать в небольшой пещере, полной гномов. Удивительно, но несмотря на то, что гномы целыми днями работали, не покладая рук, при этом используя воду только для утоления жажды, от них совсем не пахло потом. Хотя, вполне возможно, великий маг просто не ощущал уже этого запаха. Скорее всего, и от него самого несло, как от

последнего бродяги.

Сегодняшний день, возможно, станет его последним днём на поверхности. Дворец ещё не был полностью готов, но Траббон заверил, что внутри уже всё готово для того, чтобы принять хозяина. Главные жилые залы были вычищены до блеска баининами и меблированы. Поэтому эту ночь Каладиус хотел провести уже внизу, у себя.

Гномы показали себя непревзойдёнными мастерами и знатоками своего дела. Они безошибочно определили место, где на глубине более ста футов проходила водоносная жила, поящая несколько оазисов в некотором удалении отсюда. Также они отыскали этот великолепный кратер, являющийся естественной защитой от пустынных ветров, а также случайных глаз. И всего за каких-нибудь пять-шесть месяцев они соорудили чудо.

Конечно, сами гномы с явно ложной скромностью фыркали и говорили, что в сравнении с Дак-Анбуром вырытый ими дворец был скорее ямой для нужника, но при этом глаза их блестели настоящей гордостью, тем более, что всё это великолепие было создано руками всего двух с половиной десятков работников.

Гномы мало преуспели в боевой или прочих видах магии, но в том, что касалось горных работ, их волшебба не знала себе равных. Тысяча людей, работая вдвое больше времени, вряд ли сумели создать нечто хоть приблизительно похожее на новый дворец Каладиуса. Его размеры просто потрясли

– он располагался на глубине около ста пятидесяти футов, точнее, здесь находился его верхний ярус, поскольку дальше он опускался ещё на три яруса вниз, подобно постепенно сужающейся воронке. Диаметр верхнего яруса был около четырёхсот футов, диаметр нижнего – порядка двухсот. Всё это было грамотно и удобно разбито на множество залов и комнат.

Для лишней породы гномы использовали весьма интересное заклинание, которое превращало песчаник в мелкую пыль. Очевидно, часть веществ, составлявших камень, при этом то ли испарялась, то ли ещё каким-либо образом исчезала, поскольку от кучи камней весом около сотни стоунов⁴⁶ оставалась кучка пыли, похожей на пепел, которая весила уже не больше пяти стоунов, так что любой из этих силачей мог засыпать её в большое железное ведро и вынести на поверхность, даже не запыхавшись. Также гномы использовали похожую магию и для пробивания проходов. Не говоря уж о том, что их кирки и заступы были зачарованы и выплавлены явно не из простого железа.

Каладиус с удовольствием наблюдал за гномами. Кажется, это были единственные разумные существа на всей Платте, которые чётко знали своё предназначение. На их фоне и люди, и лирры выглядели мятущимися бездельниками или растерянными детишками.

Познания гномов и их мастерство восхищали великого

⁴⁶ Стоун – мера весов, равная 14 фунтам или 6,35 кг.

мага. Они сумели так вырыть полость для дворца, чтобы подземная река, слегка изгибаясь, проходила над значительной его частью, являясь не только источником пресной воды, но и естественным охладителем, так что Каладиусу позднее нужно было тратить значительно меньше сил на поддержание климата.

Не говоря уж о том, что дворец был просто напичкан мангиллом. Гномы знали толк в рунах, поэтому пол, стены, и даже потолки многих залов были покрыты ими, начертанными измельчённым в пудру магическим металлом. Они были почти не видны, но отлично выполняли свои функции. Какие-то служили для магической защиты, какие-то – для фокусирования *возмущения*, давая Каладиусу, по сути, неисчерпаемые запасы силы, которые можно было быстро пополнять.

Особые руны, выполненные по рисункам самого великого мага, были нанесены в нескольких ключевых местах, давая хозяину возможность почти мгновенно перемещаться между этими точками, тратя минимум энергии. Также по особой просьбе Каладиуса в центральном холле было сделано ложное окно – ниша, закрытая слюдой, внутри которой были созданы особо мощные и изошрённые фокусы *возмущения*, которые позволяли словно поймать в ловушку само волшебство. Система была столь хитрой, что однажды воспроизведённая манипуляция оказывалась заперта в этой нише, почти бесконечно отражаясь от рунных зеркал.

Каладиус потратил на это «окно» едва ли не столько же

мангила, сколько и на весь остальной дворец, зато теперь он мог создать там иллюзию, которая поможет ему даже находясь глубоко под землёй, не ощущать этого. Он мог воссоздать там любой вид – хоть панораму Латиона, хоть побережье океана, хоть бескрайние сады Пунта. Более того, отражающая система была столь совершенна, что иллюзия могла держаться несколько десятков дней, прежде чем основополагающие законы бытия начинали брать над ней верх.

Во всём дворце должно было проживать порядка полусотни слуг, причём все они были исключительно из числа местных племён. Сейчас Каладиусу меньше всего хотелось видеть испорченных цивилизацией людей, поэтому он рассчитал даже своего камердинера, обеспечив безбедную старость не только ему, но и, наверное, его правнукам.

Длинная тень, повторяющая очертания кромки кратера, доползла уже почти до входа в его дворец. Оттуда как раз появился очередной гном, держа в руках ведро того, что ещё недавно было грудой битого камня. Потная борода сосульками свисала с усталого, но довольного лица. Педанты-гномы не позволяли себе высыпать мусор неподалёку от входа – его ссыпали в специальные тележки, которые потом, в конце дня, вывозились за пределы кратера.

Вскоре стали показываться и другие рабочие. Почти каждый из них нёс по ведру, а это значит, что там, внизу, появились новые комнаты, или же уже имеющиеся приняли наконец тот вид, который был изначально задуман гномами. По

утверждению Траббона, бригадира бородатого отряда, работы сейчас велись уже на самых нижних, технических ярусах – там будут располагаться кладовые и прочие вспомогательные помещения. Верхний – жилой ярус – был уже полностью готов. Баинины уже были там, наводя последний порядок перед заездом хозяина.

– Добро пожаловать домой, мессир! – проходя мимо, Траббон сделал приглашающий жест в сторону входа. – Ищу уже приготовил ужин и ворчит, что всё стынет.

– Благодарю, друг мой, – задумчиво кивнул Каладиус. – Думаю, этот несносный баинин подождёт ещё немного. В конце концов, кто знает – увижу ли я ещё когда-нибудь это небо?

Гном понимающе кивнул в ответ, хотя горный народ и не испытывал особенных сентиментальных чувств ни к небу, ни к солнцу, ни к прочим прелестям поверхности. Рядом с пещерой, где Каладиус провёл несколько месяцев с гномами, уже булькал котёл – неприятельных к пище гномов ждала привычная похлёбка из сушёной козлятины, поэтому усталые бородачи не стали задерживаться и поспешили к костру.

Меланхолично улыбнувшись этому зрелищу, великий маг вновь откинулся спиной к шершавому валуну и, глядя на постепенно розовеющее небо, вновь задумался.

Из Киная великий маг ринулся на восток подобно грозо-

вой туче, но уже несколько часов размышлений в дороге заставили его пересмотреть отношение к произошедшему, так что в Латион он уже прибыл скорее как хмурое облако, сеющее мелким дождём. Он уже не спешил, не загонял лошадей, то и дело останавливался в добротных трактирах, во множестве паразитирующих на Кидуанском торговом тракте.

Общение с Делайни окончательно отрезвило его. Каладиус даже не стал встречаться с королём, понимая, что тот только и сможет, что юлить и сваливать вину на других. Делайни же повёл себя спокойно и с достоинством, понимая, что переиграл великого мага. Он ясно дал понять, что королевство не намерено тратить свои ресурсы на удовлетворение амбиций одного человека, и что условия мирного договора, который вот-вот должен был быть подписан, более чем выгодны для Латиона, в отличие от перспектив этой неясной войны.

Мы знаем, что Каладиус не стал спорить и переубеждать. Злость покинула его ещё раньше, а теперь он избавился и от разочарования. Ещё недавно великий маг кипел жадной деятельностью, но теперь внезапно остыл, поскольку понял, что даже его ярко горящий факел не способен рассеять тьму вокруг.

Долгое время он считал себя воплощением Латиона, его сутью. Но правда оказалась в том, что он давно уже отстал от жизни королевства, потерял её пульс. Ни Латион больше не видел в Каладиусе весомую часть себя, ни, как оказалось, сам волшебник не ассоциировал себя с этим государством.

Да и ни с каким иным тоже. Всё чаще Каладиусу казалось теперь, что он вообще – единственный представитель некого рода, равноудалённого и от людей, и от лирр, и от гномов. Одинокий и одинаково чуждый для всех.

В этом понимании не было какой-то особенной жалости к себе. Каладиусу удалось принять это как данность, так что на этот раз обошлось без драматизма и саморазрушения. Если раньше он думал об уходе из Латииона как о бегстве, то теперь просто понял, что ему скучно и неинтересно среди людей. Вернувшись вновь в свой дворец, он словно заживо похоронил себя в нём. А если так – то почему бы не пойти дальше и не обеспечить себя комфортной тишиной в полной мере?

Каладиуса буквально физически потянуло в ту самую пустынную идиллию, которую он неоднократно так красочно описывал, рассказывая о своих якобы двух с половиной столетиях отшельничества. Он чувствовал, что должен отдохнуть прежде всего от той суеты, что ещё оставалась внутри него самого. Все эти глобальные идеи о строительстве империй, стремления к новым вершинам в магии настолько утомили его за минувшие сотни лет, что теперь хотелось провести ещё столько же в уютной пещере на краю света, где в округе на сотню миль нет ни одного жилья.

Каладиус был баснословно богат. За сотни лет у него скопилось огромное состояние, значительную часть которого он потратил на мангил, и теперь его личные запасы этого металла были вполне сопоставимы с запасами иных королевств.

Имея такие возможности и ресурсы, можно с комфортом жить в любой пещере, не отказывая себе ни в чём, поскольку великий маг не мог и помыслить о том, чтобы отказаться от лучших вин и превосходной стряпни.

Окончательно решив покинуть Латион, он тщательно подготовился к этому. Практически все свои средства он вложил на депозитный счёт Саррассанского императорского банка, дабы не заниматься ненужной транспортировкой тяжелых сундуков. Что же касается мангила, то с ним подобный номер, конечно же, не прошёл бы, поэтому Каладиус нанял две сотни легионеров для сопровождения бесценного груза.

Он отправился в Саррассу, планируя поселиться примерно в тех местах, о которых рассказывал в своих баснях. Он понятия не имел, что встретит там на самом деле – быть может, там полно селений, а быть может – там совершенно безжизненные земли. Великого мага это не беспокоило – он был уверен, что с его деньгами сможет устроиться где угодно.

Однако судьбоносным для него решением стало желание немного отклониться от маршрута и посетить Дак-Анбур, знаменитое королевство гномов, о котором он был столько наслышан.

Впервые увидев подземные чертоги гномов, Каладиус был восхищён. Он вдруг понял, что хочет именно этого – не какой-то там пещеры, пусть и обставленной самой изысканной мебелью, а именно такого подземного дворца, где он будет надёжно изолирован от всего мира.

Едва лишь осознав это, Каладиус начал действовать. Он договорился с королём гномов, чтобы тот выделил для него несколько десятков подданных из числа наиболее искусных. Он провёл в Дак-Анбуре почти полгода, потому что гномы очень ответственно подошли к делу. Ему почти сразу же предложили в качестве местообитания пустыню Туум. Гномы говорили, что породы, залегающие под толщей песка, весьма хорошо поддаются обработке, так что вполне можно справиться небольшими силами.

Каладиус пришёл в полный восторг – пустыня Туум давала полную гарантию того, что незваные гости не потревожат мага-отшельника. Тут же была снаряжена небольшая экспедиция – гномы отправились выискивать идеальное место для будущего дворца. Всё это время великий маг пользовался гостеприимством горного народа, впитывая те знания, которыми гномы были готовы поделиться, и кое-что давая взамен. И дело было вовсе не в скупости Каладиуса – просто подгорному народу не слишком-то были интересны те боевые и стихийные заклинания, которым он мог их обучить. А в работе с кристаллами и рунографии они сами могли бы дать фору великому магу.

И лишь когда место было найдено, Каладиус вместе с бригадой гномов отправился к месту своего последнего пристанища. Гномы запросили очень много, но великий маг почти не торговался. Единственный раз он попытался проявить прижимистость – когда гномы стали выторговывать значи-

тельную часть мангила, но и тут он был весьма щедр.

Затем был тяжкий переход через пустыню, хотя для гномов он был короче, чем для прочих смертных, поскольку им не было нужды пользоваться перевалами. У этого народа было огромное количество ходов под Анурскими горами, по которым очень быстро передвигались диковинные тележки, стремительно мчащиеся по металлическим направляющим, так что основную часть пути отряд проделал по дорийским землям, лишь на последнем этапе углубившись в самую пустыню.

Привыкшему к тишине и роскоши магу было довольно сложно поначалу жить в небольшой пещерке, которую гномы вырубил для себя на время строительства. Большинство из этих трудяг были отчаянными храпунами, громогласными весельчаками и, главное, весьма презирали простые правила приличия. Иногда великому магу приходилось спешно выходить на самый солнцепёк, когда гномы вдруг начинали соревноваться в пускании ветров. Причём у них с каждым днём сохранялось всё меньше пиетета к своему нанимателю, так что они лишь добродушно посмеивались на все его возражения.

Однако Каладиус не слишком-то досадовал на всё это. Гномы были не только преотменными строителями – они были незаменимы в магическом обустройстве будущего дворца. Каким-то лишь одним им ведомым заклинанием они могли истолочь твёрдый мангил в металлическую пудру, ко-

торая затем наносилась тонким слоем на камень, создавая защитные и усиливающие контуры. Так что даже если бы эти несносные бородачи вздумали бы испражняться прямо посреди пещеры, великий маг, вероятно, стерпел бы и это.

Как только Траббон, старшой гномов, объявил, что верхний ярус практически готов, в Пунт были отправлены двое его подчинённых. Дело в том, что после того, как Каладиус рассчитал своего верного камердинера, он обратился к нему с последней просьбой. Тот отправился в Лоннэй, столицу Пунта, чтобы прикупить там особняк – лучший из всех, что предлагались на продажу. И затем он должен был начать скупать мебель, исходя из хорошо известных ему вкусов хозяина. Мебели требовалось много, поэтому необходимо было арендовать ещё и какой-нибудь большой склад.

И вот теперь целые караваны фургонов потянулись в пустыню Туум из Лоннэя, перевозя мебель для дворца Каладиуса. Торговцев от буйных и падких на дармовщинку дорийцев защищали большие, хорошо вооружённые отряды наёмников. Это была величественная операция, организованная не хуже, чем снабжение воюющей армии, и заняла она не одну неделю.

Что же касается припасов, то Каладиус заключил договор с одним из баининских племён. Они должны были каждую неделю отправлять людей и верблюдов к условленному месту у отрогов Анурских гор. Туда гномы подвозили всё необходимое по своим секретным подгорным ходам, и баи-

нинам оставалось только навьючить всё это на верблюдов и отправиться в обратный путь. Специальные мешки, прошитые мангиловой нитью, позволяли сохранять внутри прохладу, достаточную для того, чтобы довести через раскалённую пустыню даже фрукты и свежее мясо.

Каладиус понимал, что рискует, полагаясь на баиринов. С гномами было проще – великий маг заключил бессрочный контракт с королём гномов и знал, что подземный народ скорее съест собственные бороды, чем нарушит этот договор. У диких баиринов такого понятия вообще не существовало. Они осуществляли небольшие сделки с дорийцами, но там всё строилось на том, кто кого в конце концов сумеет облапошить. У баиринов не было короля, с которым можно было бы договориться, да и вообще – они в любой момент могли бы просто уйти в другой оазис, если бы здесь что-то случилось.

Именно поэтому великому магу нужно было собственное племя, которое всегда было бы при нём. Это шло несколько вразрез с его желанием отдохнуть от людей, но, с другой стороны, баирины мало чем походили на цивилизованных жителей, и общение с ними Каладиусу внезапно оказалось даже приятно.

Большинство из этого пустынного народа категорически отказалось жить глубоко под землёй, поэтому они обустроились прямо в кратере. Волшебнику и гномам пришлось потрудиться, чтобы превратить его в небольшой оазис – выве-

сти на поверхность водную жилу, потратить часть мангила на магический контур, который должен был удерживать относительную прохладу этого места. Но зато Каладиус теперь обзавёлся собственными подданными, которых, правда, было всего около полусотни человек. Тем не менее, это уже было своего рода небольшое государство посреди пустыни.

– Похоже, это и будет та самая империя, о которой ты мечтал, старый дурак, – усмехнувшись, проворчал Каладиус, оглядывая лениво раскинувшихся в тени палаток баиринов в их традиционных белёсых одеждах.

Впрочем, если судить по ощущению умиротворения, которое, похоже, прочно угнездилось в его уставшей душе, эта империя стоила любой другой.

Каладиус очнулся от дум, когда тень доползла почти до противоположного края кратера. Закатное небо алело над ним, окрашивая в красное обычно буро-коричневую землю у его ног. Гномы давно уже плотно поужинали и теперь весело галдели в недрах пещеры, предвкушая сегодняшней отдых и завтрашнюю работу. Баирины из числа тех, что отказались жить во дворце, уже расползлись по своим палаткам – они привыкли ложиться рано и вставать поздно.

Крякнув, великий маг поднялся на ноги, поморщившись от боли в затёкших ногах и спине. Сейчас он сойдёт вниз, в свои подземные чертоги, и, вполне возможно, до конца

отведённого ему срока больше не поднимется на поверхность, уподобившись затворнице-Дайтелле. Он не ощущал какой-то грусти по этому поводу – это было добровольное заточение. Каладиус понимал, что после многих сотен лет его беспокойной жизни это – именно то, что ему сейчас нужно.

Впрочем, возможно, однажды он ещё явит себя этому миру – кто знает? Характер у великого мага бывал переменчивым, и, быть может, отсидевшись в недрах пустыни пару десятков лет, он вновь умчится на запад ради очередной великой идеи? Каладиус не сжигал мосты – он просто хотел покоя. Просто ему нужен был достаточно весомый повод, чтобы вновь захотеть увидеть людей.

Не оглядываясь, великий маг Каладиус твёрдым шагом спустился по роскошной лестнице вниз, где ворчливый Ишшу, должно быть, в десятый раз подогревал его давно простывший ужин. Он уходил, чтобы вернуться, когда подвернётся достаточно серьёзный для этого повод.

15.10.2018 – 9.09.2019

Глоссарий

Абсолютный Покой – состояние, которое предшествовало началу сотворения Сферы.

Алая лихорадка – очень опасная болезнь, сопровождающаяся жаром и кожными высыпаниями. Может завершиться смертью.

Алиэнти – название залива, расположенного на северо-западе Паэтты. Крупный залив, омывающий побережье Палатия. Северный берег его образован полуостровом Линонкай – самой западной точкой материка. В годы войны с Тондроном стал местом высадки полчищ гомункулов.

Али́я – одна из трёх великих рек Паэтты. Берет начало в озере Симмер, а затем вливается в реку Труон в месте, где был построен город Шинтан.

Алый Суд – один из судов Латиона, специализирующийся на делах свободных сословий. Назван так по цвету мантий судий.

Аномалии – места уплотнений, завихрений *возмущения*. В этих местах *возмущение* настолько сильно, что возникают

либо так называемые места силы, либо, в исключительных случаях, сущности-аномалии.

Анурские горы – горный хребет, пересекающий Паэтту с севера на юг. Анурские горы довольно невысоки, но очень скалистые и труднопроходимые. Для перехода через них имеются два перевала – Танийский и Делианский перевалы. Земли, лежащие восточнее Анурских гор, называются Загорьем.

Анурский залив – залив на севере Паэтты. От него начинаются Анурские горы

Арионн (Белый Арионн) – один из двух братьев-антагонистов, хранителей Сферы. Бог-созидатель, ассоциирующийся с Добром. Символом его является Белый Единорог, поэтому храмы в его честь строятся в виде башен, напоминающих белый рог единорога. Арионнитство – самый распространённый культ на Паэте.

Арионн (месяц) – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему маю.

Асс (Чёрный Асс) – второй брат, сын Неведомого; бог-разрушитель, ассоциируется со Злом. Ассианство чаще всего исповедуют воины, а также многие другие, чьё ремесло

связано с разрушением.

Ассий – последний месяц паэттанского календаря, соответствующий нашему декабрю. Месяц с самыми долгими и тёмными ночами, потому и назван в честь бога Асса.

Баинины – племена, населяющие оазисы пустыни Туум.

Бараканд – сущность-аномалия, возникшая в мире Паэтты на материке Эллор. В материальном обличье предстаёт в виде гигантского орла. Сумев искушить лирийского принца Драонна, сподвиг его создание империи Тондрон – империи зла и магии.

Бастед – один из высших демонов в вероучении ассианцев. Верный раб и слуга Чёрного бога Асса. По верованиям ассианцев, Чёрный Асс является главнокомандующим армии демонов, среди которых выделяют шестьдесят так называемых высших демонов. Многие из них ассоциируются с конкретными человеческими грехами, другие выполняют более универсальные функции. Бастед – один из наиболее приближённых к Ассу демонов. Обычно Чёрный бог посылает Бастеда, чтобы тот искушал людей, толкая их на тёмные дела.

Баун – сын первого императора Тондрона Драонна, отец

Башня Кантакáлла – одна из множества башен Золотого Шатра. В ней располагается резиденция Ордена черно-книжников.

Белая Башня – мифологический объект, который, по преданиям, является лишь достойным, и способен дать ответы на любые вопросы. По мнению мага Каладиуса, цвет Башни определяется помыслами искателя, так что кто-то с тёмными устремлениями смог бы отыскать Чёрную Башню. Считается, что Белая Башня может быть своеобразным аватаром Арионна.

Белый Мост – по преданию арионнитов и протокреаторианцев, Белый Мост отделяет мир живых от мира мёртвых. Ассианцы тоже используют это понятие в разговорах, хотя официально ассианство не разделяет данную концепцию.

Белый Путь – путь, который, по мнению арионнитов и протокреаторианцев предстоит пройти каждой душе от своего мира к царству Арионна. Этот путь могут преодолеть лишь достойные. Остальные, как считается, просто упадут с него, доставшись Хаосу. Ассианцы не разделяют концепцию Белого пути, считая, что подручные Асса уносят души к его чертогам, где им предначертаны вечный пир и веселье.

Белый Суд – один из судов Латиона, ведающий делами высших сословий. Назван так по цвету мантий судий.

Берсерки – так жители Паэтты, особенно палатийцы, называют северян, жителей Келлийских островов.

Бирри – небольшая область на юге Кидуи, неподалёку от границ с Саррассанской империей. Широко известна благодаря своим виноградникам, а точнее – благодаря вину, которое производится из этого винограда. Особый климат и почва данной местности позволяют получать красное вино, которые многие называют эталоном.

Битва на Гвидовом поле – решающее сражение между войсками короля Увилла Завоевателя (позже прозванного Великим) и так называемой Коалицией – крупными феодалами Латиона, не желающими терять свою самостоятельность, случившаяся в 3789 году Руны Кветь. Несмотря на численное превосходство, войска Коалиции были разгромлены, а сами феодалы, которых обычно именовали баронами, хотя среди них были люди разных титулов, лишились суверенитета и были вынуждены присягнуть королю Увиллу, что послужило окончанием феодальной раздробленности, имевшей место после Смутных Дней, и образованию единого королевства Латион.

Бурый Суд – один из судов Латиона, ведающий делами низших сословий.

Варс – город, расположенный на юге Латиона. Самими жителями города Варс позиционируется как вторая столица королевства. Поскольку в городе испокон веков соседствовали лирры и люди, архитектура его получилась весьма эклектичной и помпезной. Неподалёку от Варса находится Школа Наэлирро

Вексилляция – подразделение легиона, выполняющее боевые задачи по патрулированию, удерживанию территорий и прочему, пока основной легион находился в другом месте. После выполнения задачи вексилляции сливались с основным легионом.

Великая имперская дорога – широкий, мощёный торговый тракт, который проходит от столицы Саррассанской империи Золотого Шатра до латионского города Сеала, лежащего на берегу озера Прианон. По этому пути идут купеческие караваны. Вдоль дороги расположено огромное количество постоянных дворов, почтовых станций и трактиров, так что путешествие по Великой имперской дороге является лёгким, приятным и безопасным.

Великий океан – один из океанов, омывающих Паэтту. До сих пор неизвестно, что лежит по ту сторону Великого океана и где он оканчивается. Одни учёные утверждают, что там лежит ещё один, неизведанный пока материк. Но большинство сходится к тому, что мир Паэтты имеет шарообразную форму, так что по ту сторону океана лежит побережье западное побережье Эллора. Есть, правда, и такие, которые уверены, что за Великим океаном мир Паэтты обрывается.

Вéрент – мелкая серебряная монета Палатия. В отличие от других государств, в Палатие более крупная денежная единица делится не на сто, а на двести частей, так что в один тоин меняется на двести верентов. В хождении в Палатие также и монета в полверента, так называемый полуверент.

Весёлый квартал – один из кварталов так называемого Нового города в Латионе. Называется так из-за несчётного количества увеселительных заведений самого разного рода, компактно расположенных в нём.

Вилибдий Великий – родоначальник королевской династии Пантатегов. Вошёл в историю Латиона как один из лучших его правителей. История восхождения на трон короля Вилиодия подробно описана в данной книге.

Возмущение – термин, которым объясняется существо-

вание магии в мирах, подобных Паэтте. Считается, что после создания Сферы Арионн и Асс расположились на её полюсах, поскольку были совершенно противоположны друг другу. Но между ними возникла некая сила, которая и называется *возмущением*, поскольку она стала возмущать само бытие. Чем ближе миры находятся к полюсам Сферы, тем больше величина *возмущения* в них, и наоборот – на экваторе Сферы *возмущение*, вероятно, равно нулю. Кроме того, из-за постоянных вмешательств Хаоса в *возмущении* возникают завихрения – аномалии.

Война Трёх королей (она же – шестая латионо-саррассанская война) – одна из наиболее кровопролитных войн между Латионом и Саррассой, длившаяся почти четыре года. В результате многие южные территории Латиона почти обезлюдели. Лишь поддержка Кидуи и Палатия тогда спасли Латион от полного поражения, отчего эта война и вошла в историю как Война трёх королей. По итогам войны был заключён Товрский мир, по которому территории южнее озера Прианон отходили к Саррассанской империи. Лишь спустя более чем тридцать лет Латиону удалось оспорить положения Товрского мирного договора и после очередной короткой войны вернуть территории южного Латиона.

Волчья трава – растение, массово произрастающее в ле-

сах севера Паэтты. Обладает ярко выраженными токсическими свойствами. Особенно опасны ягоды этой травы, которые весьма ядовиты. В частности, из них готовят яд, обладающий удушающим действием, поскольку он вызывает постепенный паралич верхних дыхательных путей.

Ворониус – полумифический древний маг времён Кидуанской империи. Из отрывочных сведений о нём можно сделать вывод, что он в своё время совершил путешествие на Эллор, где обучался, предположительно, у одного из Двенадцати Герцогов. Вернувшись, он заложил основы абсолютно новой магической парадигмы, которая позже станет известна как магия чернокнижников. Кроме того, он значительно продвинулся и в области некромантии. Более подробно о Ворониусе можно узнать из книги «Лиррийский принц».

Врата Бланту́ра – название ворот, построенных основателем гномского подгорного города Дуондура Блантуром. Позже так стали называть и крепость, отстроенную гномами, чтобы защищать вход в тоннели, ведущие в Дуондур.

Гвардия палатинов – особая гвардия личной охраны королей Латиона. Набирается из наиболее достойнейших воинов королевства вне зависимости от их сословной принадлежности. Палатины считаются элитой вооружённых сил Латиона.

Гильдия Теней – тайная закрытая организация, охватывающая королевство Латион и некоторые соседние с ним страны. Гильдия Теней выполняет грязную и тяжёлую работу для тех, кто готов за это платить. Состоит из нескольких цехов: воры, телохранители, наёмные убийцы и охотники за головами. Гильдия – жёстко иерархичная организация. Прощедшие отбор претенденты сначала становятся учениками какого-либо мастера, пока не получают звание подмастерья. Сумевшие проявить себя подмастерья станут мастерами первого круга. Всего же кругов семь, причём мастеров седьмого круга может быть лишь четыре, по количеству цехов Гильдии. Возглавляется организация Командором, который является непререкаемым руководителем.

Глубинные манипуляции *возмущением* – возможность воздействовать на саму структуру *возмущения*. Подавляющее большинство магов, использующих *возмущение* для волшебства, способны работать с ним лишь как с целостным объектом, подобно тому, как моряк, ставя парус, тянет канат целиком. Однако же исключительные маги вроде Каладиуса (вероятно, за всю историю существования мира их количество было предельно невелико) способны увидеть в этом «канате» отдельные нити и воздействовать на них, меняя саму структуру *возмущения*. Поскольку всё сущее состоит из *возмущения* – не только материя, но и так называемые функ-

ции (по выражению мессира Каладиуса), такие как жизнь, жар и холод, свет и тьма – то манипуляции на глубинном уровне возмущения дают поистине безграничные возможности для мага. Например, именно подобные манипуляции позволяют правителям Тондрона творить гомункулов, и они же лежат в основе зачарования животных, которым активно пользуются маги всей Паэтты.

Гномий король – так неофициально называют правителя Дак Анбура. Официально его титул звучит как «предводитель гномов», поскольку уже давно формальным сувереном Дак Анбура является император Саррассы. Однако гномы продолжают именовать своего правителя королём, во-первых, из самолюбия, а во-вторых, потому что императоры Саррассы практически никогда не вмешивались в дела подгорного народа.

Гномская дорога – ответвление от Великой имперской дороги, ведущее к Дуондуру.

Гномы – один из трёх народов, населяющих Паэтту. Самый малочисленный и, увы, вымирающий. Гномы очень редко приносят потомство, поэтому со временем эта раса воинов-кузнецов может вовсе исчезнуть с лица Паэтты.

Гоблины – неразумные животные, перемещающиеся на

двух конечностях, живущие в Симмерских болотах. Часть из них подпадает под влияние демона Симмера, приобретая нечто похожее на коллективный разум. В иных случаях представляют опасность лишь для плохо вооружённых людей и при наличии существенного численного превосходства.

Гомункулы – создания Драонна и его Герцогов. Поскольку на Эллоре не жили разумные расы, чёрный император создал себе подданных из глины и других материалов, с помощью магии. Гомункулы способны жить лишь в Тондроне, поблизости от Бараканда и чёрных императоров, поскольку их жизнь целиком поддерживается магией.

Гурр – правитель империи чёрных магов Тондрон. Лирра-полукровка. Сын Бауна, внук первого императора Тондрона, лиррийского принца Драонна.

Дайтёлла – самая могущественная из ныне живущих лиррийских магинь, живущая уже около двух тысячелетий. Живёт затворницей где-то на юго-западе Палатия. Полностью парализована – не может ни моргать, ни даже дышать, за счёт чего приобрела свою невероятную мощь. Отдалилась от мира и не принимает участия в событиях на Паэтте уже многие столетия.

Дак Анбур – государство гномов. Юридически являет-

ся доминионом Саррассанской империи. Место компактно-го проживания гномов, которых на Паэтте осталось очень мало. Основная часть этого государства находится под массивом Анурских гор.

Дáрна – полуостров, омывающийся водами Загадочного океана, а с юга – водами залива Дракона. Является юго-западным пределом королевства Палатий. Именно здесь, наряду с заливом Алиенти, происходила высадка войск Тондрона.

Двенадцать Герцогов – сподвижники императоров Тондрона. Были созданы Драонном и Баракандом из двенадцати лирр, что прельстились посулами Драонна. Души их были магически изменены, так что они стали бессмертными демонами. Среди Двенадцати Герцогов есть одна Герцогиня. Двенадцать помогали Драонну создавать империю тёмных магов, а также – гомункулов, поскольку на Эллоре не обитали люди или другие разумные существа.

Деканат – высший орган управления Ордена чернокнижников, состоящий из десяти самых влиятельных иерархов.

Делиáнский перевал – один из двух перевалов через Анурские горы. Находится на территории Саррассанской империи. Через него проходит Лоннэйский торговый тракт.

Десятка – мелкая железная монета Латиона, равная одной десятой доррина.

Дистрiтий – один из месяцев календаря Паэтты. Соответствует нашему июню. Назван в честь императора Древней империи Дистрита Златоглавого. Дистрит – самый известный и почитаемый император Древней империи. Считается, что его правление стало золотым веком империи.

Доки – один из районов Латиона, находящийся на берегу Труона. Здесь располагаются торговые склады и многое другое. Поскольку через Доки проходит торговля Латиона с такими богатейшими странами, как Саррасса и Палатий, то Доки считаются более благополучным и богатым районом, чем Склады.

Дор – серебряная монета Латиона. В одном доре – сто дорринов.

Дорийская порода лошадей – лошади, которых разводят кочевники-дорийцы. Считаются весьма неприхотливыми и выносливыми. Очень распространены на Паэтте. По скорости и выносливости, правда, уступают саррассанским лошадям.

Дорийские набеги – едва ли не ежегодно происходящие набеги дорийцев на южный Пунт. Особенность в том, что правительство Пунта оказывает лишь пассивное сопротивление, не пытаясь наносить превентивные удары. По мнению Кола, это свидетельствует о том, что данные набеги выгодны королю Пунта. Дорийцы, как правило, редко убивают пунтийцев или жгут их дома. Чаще всего всё обходится взиманием дани.

Дория – страна, населённая кочевниками-дорийцами. Формально во главе Дории стоит великий хан, но по сути власть принадлежит ханам множества кочевых орд, что перегоняют скот и совершают набеги. Номинальной столицей является город Саин.

Дорон – третья из великих рек Паэтты. А если говорить о размерах – то даже вторая, после Труона. Истекает из Анурских гор и впадает в Великий океан.

Доррин – мелкая медная монета Латиона. Сто дорринов составляют один дор, а сто доров – латор. Правда, среди бедноты Латиона в обиходе больше железные деньги – трёшки, пятёрки и десятки.

Драккар – корабль северных берсерков. Драккары – достаточно крупные суда с килем, что позволяет им ходить по

беспокойному Серому морю. Имеют парусное вооружение, но также приспособлены к гребле. Чаще всего гребцами являются сами воины-берсерки.

Драбнн – лиррийский принц, уплывший со своими подданными на Эллор во время войны лирр и людей. Там он встретился с сущностью, именуемой Баракандом, который сумел превратить Драонна в единственного за историю мира лирру-мага. Однако, эта магия была чёрной, так что Драонн стал воплощением зла. Вместе со своими подручными – Двенадцатью Герцогами, он создал на Эллоре империю чёрных магов.

Древняя империя – империя, существовавшая ещё до Кидуанской империи, много тысяч лет назад. О ней известно не так много – в большей степени, мифы и легенды. Подобно тому, как Кидуанская империя погибла во времена Смутных дней, Древняя империя также погибла в результате политических катаклизмов. От этой империи остался древнеимперский язык – мёртвый язык, на котором говорят лишь единицы учёных.

Дружина – феодальное полувоенное образование в Санне. Дружины играют роль политической элиты, выбирая из своей среды конунга, который будет править феодем, подчинённым Дружине. Всего в Санне 16 феодедов, следовательно,

и 16 конунгов. Эти конунги образуют Высший Совет, который, по сути, и управляет государством. Один из членов Совета назначается коннетаблем, формальной главой Совета.

Дуондур – подгорная столица королевства гномов Дак Анбура. Невероятное по масштабности и красоте сооружение, выдолбленное в массивах Анурских гор. Попастъ в него можно через тоннели, вход в которые надёжно охраняет крепость Врата Блантура. Существуют и истинные Врата – они заграждают путь из тоннелей в сам город.

Дурная трава – слабый наркотик растительного происхождения. Употребляется в виде курения. Распространён на всей Паэтте.

Дюк – титул правителей княжества Кидуа.

Жаркий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему июлю.

Загадочный океан – один из четырёх океанов мира Паэтты, омывающий материк с запада. Назван так потому, что по рассказам моряков в нём часто происходят загадочные явления – свечения в глубине вод или в небе, над поверхностью воды. Так же считается, что в нём обитают глубоководные чудовища – драконы, левиафаны и прочие. Также имен-

но этот океан отделяет Паэтту от мистического Эллора, что тоже могло стать причиной такого названия.

Загорье – общее название земель, лежащих западнее Анурских гор.

Залив Дракона – очень обширный залив на западе Паэтты. Напоминает след лапы трёхпалого дракона, отсюда такое название. Три ответвления залива называют Пальцами Дракона – Верхним, Средним и Нижним. Побережье залива принадлежит нескольким государствам: Кидуе, Санну, Коррью и Палатию.

Заречный квартал – один из кварталов Латиона, расположенный по другую сторону Труона. Крайне богатый и респектабельный район.

Знак Наэлиррб – все девочки-лирры, поступающие на обучение в Наэлирро, получают особый знак – татуировку в виде ошейника. Каждая татуировка – уникальна, её выполняет гном, который передаёт этот дар по наследству прямому родственнику, или же специально взятому на обучение ученику. История знака восходит к временам основания Школы. Во времена войны между лиррами и людьми, когда впервые были набраны ученицы Школы лиррийской магии, все они были рабынями людей. И тогда основатели Школы,

сняв с них рабские ошейники, как память о них приказали сделать знаки, которые бы напоминали лиррам о жестокости людей и не позволили бы им больше одеть никаких иных ошейников.

Золотой Шатёр – столица Саррассанской империи. Когда-то именовалась просто Шатром, но склонные к роскоши и сибаритству императоры добавили прилагательное «Золотой». Город стоит на побережье Калуйского океана. В центре города расположен огромный холм – Койфар, на котором отстроены кварталы для знати.

Зомби – получаемые путём магических практик существа, имеющие тело мёртвого человека (или любого другого разумного существа), в которое помещается специальным образом, отловленный низший демон, который не может существовать в нашем мире без телесной оболочки. Более сильные демоны могут существовать и сами по себе. Зомби послушны своему создателю, не нуждаются в еде и отдыхе, хотя и не могут существовать долгое время. Созданием зомби занимается орден некромантов.

Имперский язык – язык Кидуанской империи, на котором сейчас говорит большинство жителей Паэтты.

Импі́рий – один из месяцев календаря Паэтты, соответ-

ствующий нашему апрелю. Назван в честь Кидуанской империи.

Ирвин Кинайский – философ и богослов, живший в Кинае. Является основателем протокреаторианства – религии, объединившей культуры Асса и Арионна. Был жестоко убит за свои проповеди. На сегодняшний момент протокреаторианство по-прежнему является самой малочисленной из официальных конфессий на Паэтте.

Календарь Паэтты – цикл, состоящий из 12 месяцев, в каждом из которых по 30 дней. Сутки Паэтты равны 24 часам, подобно земным, и также делятся на 60 минут.

Калу́йский океан – океан, омывающий Паэтту с юга. Назван в честь материка, который лежит по другую его сторону.

Калуя – материк, лежащий южнее Паэтты. На данный момент изведена лишь его северная часть, поскольку дальше начинаются непроходимые и весьма опасные джунгли, в которые не рискуют забираться даже местные жители. Население Калуи – чернокожие люди, сильные и свободолюбивые, так что поработить их так и не получилось. Как правило, калуянцы не покидают родных краёв, так что встретить кого-то из них на Паэтте – большая удача.

Каша́х – весьма тяжёлый психотропный наркотик растительного происхождения. Запрещён во всех государствах Паэтты. Во многих за его распространение следует смертная казнь.

Кёллетт Седьмой (Келлетт Два Кошеля) – король Палатия во времена, описываемые в книге. Своё прозвище получил за то, что якобы иногда грешил обрезкой монет, которыми после расплачивался, держа их в отдельном кошеле. Короля, правда, за руку никто ни разу не ловил, но прозвище укоренилось.

Келлийский архипелаг – острова, лежащие на севере от Паэтты и отделённые от неё Серым морем. На более крупных и южных из них проживают люди, которых на Паэтте называют северными варварами или берсерками. Поскольку природа островов Келли не слишком-то приспособлена для земледелия, основными видами деятельности келлийцев являются скотоводство, охота, торговля и морской грабёж.

Кидуа – крупное княжество, лежащее на западе Паэтты. Издревле славится своими мореходными традициями. Кидуанские мореходы были первооткрывателями практически всех земель вокруг Паэтты. Именно Кидуа в своё время стала ядром для формирования Кидуанской империи, однако после её распада в значительной степени утратила своё пре-

восходство над другими государствами.

Кидуанская империя – великая империя, существовавшая несколько тысяч лет назад на большей части территории Паэтты. Со временем империя ослабла и стала подвергаться набегам народов, живших на севере Паэтты, а также на Келлийских островах. Это спровоцировало мощный политический кризис, приведший к тому, что теперь называется Смутными днями. В результате империя раздробилась на множество самостоятельных королевств, одним из которых стала Кидуа.

Кинай – столица Кидуи. Портовый город, известный своей либеральностью и богатством. Кинайский порт – самый большой на всей Паэтте.

Койфар – холм, на котором построены богатейшие кварталы Золотого Шатра, в частности, знаменитые Сады Императора.

Колоны – название лично свободных земледельцев на Паэтте. Некоторые из колонов имеют даже собственные земли, но большинство арендует их у сеньоров, то есть является имущественнозависимым сословием. Те, кто попадают в личную кабалу к сеньорам, называются крепостными.

Комиссариаты – учреждения в Кинайском порту, созданные для упрощения процедуры оформления прибывающих и отбывающих судов, выполняющие функции таможи, фискальных и логистических органов.

Коннетабль – титул главы Санна. Коннетабль выбирается Советом Конунгов (Высшим Советом) из числа членов Совета – конунгов. Должность коннетабля является пожизненной (в случае, если Совет не решит сместить его по каким-либо соображениям), но не наследственной.

Кóнотор II Тионит – последний король династии Тионитов. Имеет печальную славу жестокого и недалёкого правителя, при котором Латион оказался в почти непреодолимом кризисе. Кроме того, король Конотор известен как человек, страдавший страхом покушений, из-за чего он избавился от всей своей семьи – брата, жены и двух детей, не говоря уж о сотнях и даже тысячах казнённых по ложным обвинениям в измене. Был свергнут Каладиусом и убит по его приказу. На троне его сменил король Вилиодий Пантагег, вошедший в историю под прозвищем Великий.

Конунг – владелец феода в Санне. Военачальник, возглавляющий местный феодальный конструкт, называемый Дружиной. Дружинники выбирают конунга из числа себя.

Корона – название монеты в Саррассе. Саррассанские короны бывают золотыми, серебряными и медными.

Коррэй – небольшое герцогство, лежащее западнее Латиона, среди густых лесов. Слабозаселённое и не имеющее стратегической ценности. Коррэй, так же как и Санн, является доминионом Латиона.

Крепостные – личнозависимое население Латиона, т.е. земледельцы, лично принадлежащие сеньорам. По сути своей крепостничество мало чем отличается от рабства, однако сеньор не имеет права убить своего крепостного без веской причины, а также нанести ему иной тяжкий вред. Кроме того, крепостные вправе обладать имуществом.

Кэрт – имя одной из Двенадцати Герцогов Гурра. Единственная женщина-лирра, которая поддалась на уговоры Драонна, став демоном. Самая сильная колдунья из всех Двенадцати.

Латион – одно из государств Паэтты. Латион является достаточно мощным королевством, как экономически, так и в плане силовой мощи. Жители Латиона считают своё государство правопреемником Кидуанской империи, хотя никаких юридических оснований под этим не имеется.

Латио́н (город) – столица одноименного государства. Стоит на реке Труон.

Латионская Академия Высоких Наук – академия, занимающаяся изучением магии и смежных с нею наук.

Ла́тор – крупная золотая монета Латиона. В одном латоре – сто доров или десять тысяч дорринов.

Ли́рры – один из трёх народов, населяющих Паэтту. Лирры отличаются от людей как внешне (гораздо более крупные глаза, удлинённые пальцы, а также слегка заострённые кончики ушей), так и внутренне. Например, лирры живут заметно дольше людей, гораздо более ловки и проворны. Но главным отличием народа лирр от всех других народов является то, что магия у них доступна лишь женщинам. Более того, за эту магию лиррам приходится расплачиваться очень жестоко – при *пробуждении*, как они это называют, девушка-лирра претерпевает значительные физические трансформации, можно сказать – увечья. Чем сильнее будут эти увечья, тем больший магический потенциал будет у магини. Лирры заселяют, как правило, юго-западную часть Паэтты и чаще живут довольно обособленно от людей.

Лоннэ́й – столица государства Пунт. Тихий, почти провинциальный городок.

Лоннэйский торговый тракт – торговый путь, который начинается в Лоннэе, а затем проходит через Дорию и пустыню Туум в Саррассу, сливаясь с Великой имперской дорогой. В пустыне Туум проходит через крупные оазисы, что даёт возможность редким путешественникам и купцам пополнять запасы воды и отдыхать от зноя.

Магиня – так называют лирийских женщин, владеющих магией.

«Магия Граней» – фундаментальный труд, написанный во времена Кидуанской империи великим магом по имени Реввиус. Данная книга целиком посвящена созданию артефактов на основе кристаллов, уделяя огромное внимание выбору камней, геометрии огранки, вычислению необходимых соотношений пропорций и прочему. Реввиус добился впечатляющих результатов в создании мощных артефактов, и хотя они всё же уступали созданному гномами и лиррами, но совершенно точно, что среди людей он являлся величайшим экспертом. К сожалению, «Магия Граней» весьма сложна в изучении, поскольку требует свободного владения математикой, и в частности – геометрией.

Мангил – магический металл, добываемый в местах наибольшего скопления силы. Предполагается, что залежи ман-

гила могут быть и рядом с Симмером, и, возможно, у других мест, где расположены мощные аномалии в возмущении, но пока что мангил добывается лишь в Эллорских колониях, относительно неподалёку от мест обитания Бараканда. Мангил обладает уникальными магическими свойствами – очень хорошо зачаровывается и не теряет зачарования. Кроме того, он гораздо крепче железа. Поскольку мангил дефицитен и весьма дорог, часто используются мангиловые сплавы.

Марка – денежная единица герцогства Кидуа. Монетарная система Кидуи строится на понятии марки. Десять серебряных марок составляют одну серебряную декамарку, а десять декамарок – одну серебряную кронмарку. Сто кронмарок образуют золотую марку. В свою очередь существуют также серебряные и золотые полумарки, причём если серебряная полумарка является достаточно мелкой монетой, то золотая полумарка – это монета с очень дорогим номиналом.

Мастер Теней – звание, которое получают прошедшие испытания члены Гильдии Теней. Звание мастера можно получить лишь по рекомендации своего мастера-наставника, и никак иначе. До получения звания мастера соискатель сначала проходит стадии ученичества и подмастерья. Став мастером, член Гильдии может продолжать расти по иерархической лестнице с мастера первого круга до (теоретически)

мастера седьмого круга. Мастеров седьмого круга в Гильдии всего четверо – по числу цехов. Они подчинены непосредственно Командору, который является вершиной иерархии Гильдии Теней.

Мессир – официальное титулование магов на Паэтте.

Месяц весны – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему марту.

Месяц дождей – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему октябрю.

Месяц жатвы – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему сентябрю.

Найр – портовый город в северном Пунте. Один из крупнейших международных портов. Позиционируется как город развлечений.

Наэлиррб – замок, в котором уже многие сотни лет существует Школа лиррийской магии (собственно, это и есть дословный перевод слова с лиррийского). В Наэлирро девочки-лирры готовятся стать магинями, проходя специальный курс занятий, а также принимая специальные эликсиры, минимизирующие риски смерти подопечных во время *пробуж-*

деня. В Школу принимают только тех девочек-лирр, у которых есть хотя бы одна сестра, поскольку лирры не слишком плодовиты, а магини и вовсе становятся бесплодными. Принимают девочек в возрасте шести лет; никогда – раньше, и исключительно редко – позже этого срока. Исключение из Школы происходит на следующий день после *пробуждения*, лишь в исключительных случаях, когда увечья магини слишком сильны, её могут оставить на некоторое время для восстановления.

Неведомый – по верованиям арионнитов и ассианцев – создатель Сферы, отец Асса и Арионна. Кто он таков – никто не знает. Считается, что Неведомый стал импульсом движения в бесконечном Абсолютном Покое, породив нашу Сферу. Однако, по мере расширения Сферы в ней стал нарастать Хаос, поэтому, дабы предотвратить гибель своего творения в Хаосе, Неведомый покинул пределы Сферы, остановив её расширение, а также запечатал её 24 рунами от распространения Хаоса. Протокреаторианцы не согласны с данной концепцией, считая, что Неведомый не мог покинуть Сферу, что он – и есть Сфера, а также – Арионн и Асс.

Новый город – один из районов Латиона, где, в основном, обитают низшие слои населения. Назван так потому, что возник гораздо позже, из разросшихся вокруг древнего Латиона посадов. Когда они были обнесены крепостной сте-

ной, и возник этот обширнейший район.

Ночь лесных огней – праздник, отмечающийся селянами Палатия, Латина и некоторых других регионов Паэтты в день весеннего равноденствия. В этот день, а точнее – вечер принято наряжаться лесными духами, устраивать пляски, забавы, розыгрыши, жечь огромные костры. Праздник не имеет ярковыраженных корней ни в арионнитстве, ни в асианстве, восходя, судя по всему, к гораздо более древним культурам, существовавшим задолго до Кидуанской империи.

Орден некромантов – в давние времена Орден некромантов отпочковался от саррассанского Ордена чернокнижников. Чернокнижники всегда искали вопросы на главные вопросы бытия – жизнь и смерть. Некроманты пошли дальше, пытаясь постичь грань между жизнью и смертью, постичь саму смерть, научиться ею управлять. В результате их магических практик было открыто множество страшных и удивительных вещей – призывы демонов, создание зомби... Однако, некоторыми заклинаниями, созданными в своё время некромантами, до сих пор пользуются многие маги Паэтты. Самое распространённое – зачарование животных, особенно лошадей и почтовых голубей, для придания им большей скорости и выносливости. В какой-то момент чернокнижники открестились от Ордена некромантов, и с тех пор он существовал на самой грани законности.

Орден чернокнижников – древний саррассанский орден магов, один из самых влиятельных и почитаемых на Платте. Чернокнижники пытались найти ответы на самые фундаментальные вопросы бытия, что привело многих из них на тёмную сторону. Но в целом Орден чернокнижников являлся опорой императорского трона, что, отчасти, способствовало долголетию Саррассанской империи, которая пережила свою соседку и соперницу – Кидуанскую империю – на многие и многие сотни лет.

Оф – таинственная столица империи чёрных магов Тондрона. Оф возник вокруг дворца императора Драонна, который, в свою очередь, был построен в той самой скале, на которой свил своё гигантское гнездо Бараканд. Оф мало похож на привычный город. В большей степени он похож на гигантскую ферму по производству гомункулов.

Паладины – личная гвардия короля, элита латионской армии. Как правило, не участвуют в боевых действиях, выполняя функции телохранителей. История гвардии паладинов начинается во время битвы на Гвидовом поле в 3789 году Руны Чини, когда будущий король Латиона Увилл Завоеватель был окружён и едва не пленён войсками мятежных Баронов. Тогда ему на помощь пришло подразделение тяжёлой пехоты, ценою огромных потерь сумевшее прорвать окруже-

ние и спасти короля. В результате от всего подразделения осталось всего 246 человек, которые позже, когда Увилл стал королём Латиона, были объявлены личными паладинами его величества. С тех пор число палатинов неизменно. Во главе стоит капитан гвардии.

Палатий – государство на севере Паэтты. Основа экономики Палатия – торговля. Палатий – аристократическая, или даже скорее олигархическая монархия. Правит государством король, но эта должность хотя и пожизненная, но не наследуемая. После смерти короля нового выбирает Палата Гильдий, в которую входят представители крупнейших торговых гильдий страны. Все законы государства принимаются на заседании Палаты Гильдий, но подписывает их король.

Пальцы Дракона – так называются три небольших залива, ответвляющиеся от Залива Дракона. Называются они Верхний, Средний и Нижний Пальцы.

Пантатэги – вторая династия Латионских королей, возведённая на трон при прямом участии великого мага Каладиуса. Вилиодий Пантатег, первый монарх династии, стал правителем после свержения и убийства короля Конотора II Тионита в 1346 году Руны Кветь. Династия просуществовала недолго в сравнении со своей предшественницей – уже в 1572 году, спустя менее ста лет после ухода Каладиуса, оче-

редной переверот возвёл на трон Латиона династию Освалионов в лице короля Токавиана Златоперста.

Парадокс Создания – парадокс, возникший сразу же после создания Сферы. Сфера, не являющаяся больше Абсолютным Покоем, находящаяся в движении, тут же подверглась воздействию Хаоса, причём чем больше усложнялась или увеличивалась Сфера, тем больше Хаоса в ней становилось. В Парадоксе Создания заложен и финал Сферы – в какой-то момент она будет разрушена, уничтожена распространяющимся Хаосом и, вероятно, вновь исчезнет, растворится в окружающем Покое.

Паэ́тта – один из материков мира, который мы также называем миром Паэтты. Все организованные государства людей расположены именно на этом материке.

Первосоздатель – последователи Ирвина Кинайского считают, что Неведомый, создавший Сферу и двух братьев-богов Асса и Арионна, никуда не делся после этого. Что он и есть – сама Сфера. Более того, Арионн и Асс – не являются самостоятельными богами, а лишь ипостасями того же Неведомого, которого Ирвин назвал Первосоздателем. Таким образом возникла новая религия – протокреаторианство, которая исповедует единого в трёх ипостасях (Сфера, Арионн и Асс) бога – Первосоздателя.

Пергамён – материал для изготовления книжных страниц. Представляет собой тонко выделанную кожу молодых телят.

Перстень чернокнижников – отличительный знак высших иерархов ордена чернокнижников. Представляет собой золотой перстень с камнем из чёрного оникса, вырезанным в форме человеческого черепа. Для посвященных служит при знаком великого могущества предьявителя и его права повелевать. Количество перстеносцев невелико, и обычно находится в пределах сотни.

Последняя битва – согласно верованиям жителей Паэтты, через какое-то время (когда сгорят последние Руны, запечатавшие Сферу Создания) Хаос в Сфере начнёт преобладать, искажая и поглощая бытие. Чтобы этому противостоять, братья Арионн и Асс будут вынуждены сойтись в Последней битве, в которой им обоим суждено погибнуть, а вместе с ними погибнет и Сфера, вновь став частью Абсолютного Покоя.

Пострёмий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему ноябрю. Название его является адаптированным переводом, происходящим от латинского слово *postremus* – последний. В оригинале название этого месяца

происходит от древнеимперского слова, также означающего «последний». Этимология слова не совсем ясна – то ли его название означает «последний месяц осени», то ли в древнейшие времена этот месяц считался последним в году, а ассий, первый месяц зимы, вообще выводился из календаря и считался месяцем Асса, самым тёмным месяцем года.

Праздник Благодарных Даров – один из праздников, отмечаемых арионнитами в начале осени, когда люди благодарят Белого бога за посланный урожай, отдавая ему небольшую часть от этого урожая.

Прайно́н – город в северном Пунте, где расположена одна из резиденций королей. Собственно, больше ничем особенным городок непримечателен.

Приано́н – огромное озеро в южном Латионе. Славится чистотой своей воды. Именно в нём берет своё начало река Труон.

Примио́н – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему январю. В данном случае название является адаптированным переводом. В оригинале оно звучит иначе и происходит от древнеимперского слова «первый». Поэтому при переводе было использовано латинское слово "primus" – первый, поскольку это соответствует аналогии с Древней им-

перией.

Пробуждение – мистический процесс, происходящий с некоторыми девочками-лиррами, когда они становятся де-вушками. В этот момент некоторые из них претерпевают изменения, приобретая магические способности, но расплачиваясь за это телесными увечьями. Чем сильнее будет изувечено тело, тем сильнее получится магия. Однако, не все были способны пережить это, многие умирали. Для того, чтобы сделать процесс *пробуждения* более контролируемым и безопасным, в Наэлирро используют специальные эликсиры, которые дают своим воспитанницам, начиная с шестилетнего возраста. Удивительно, но с появлением Школы Наэлирро случаи стихийных *пробуждений* стали крайне редкими.

Протокреаторианство – одна из трёх официальных религий Паэтты. Название происходит от слова Первосоздатель – адепты этой религии называют того, кто, по их мнению, создал Сферу. Протокреаторианцы считают, что Первосоздатель един в трёх ипостасях – сама Сфера, Арионн и Асс.

Пунт – одно из государств Паэтты, лежащее в так называемом Загорье, то есть восточнее Анурских гор. Сельскохозяйственная страна, известная мягким климатом и высокой плодородностью почв. Является одним из главных по-

ставщиков сельскохозяйственной продукции.

Пятёрка – железная монета в Латиионе, равная половине доррина.

Руна Чіни – пятая Руна из числа двадцати четырёх, что по преданию запечатывают Сферу от Хаоса. Руна Чини предшествует в календаре Паэтты руне Кветь, в которую происходят события, описываемые в данной книге. Эпоха каждой Руны длится 4000 лет. Следовательно, битва на Гвидовом поле случилась почти ровно за 1200 лет до описываемых событий. Примерно столько же и существует королевство Латиион.

Руны (печати Сферы) – по господствующему среди теологов мнению, Неведомый, прежде чем покинуть Сферу, запечатал её двадцатью четырьмя рунами, дабы предотвратить распространение Хаоса. Каждые 4 тысячи лет одна из Рун стораёт, тем самым, давая Хаосу больше возможностей. Это ведёт к постепенной деградации всего в Сфере с каждой новой Руной, поскольку влияние Хаоса усиливается.

Сады Императора – общее название самого уважаемого квартала Золотого Шатра, расположенного на вершине Койфара, где расположен дворцовый комплекс императора, резиденции наиболее богатых граждан, а также дру-

гие важные здания, включая башню Кантакалла.

Саин – номинальная столица Дории, резиденция великого хана. Но, по сути, город населён только в зимнее время. Летом дорийцы кочуют ордами, поэтому Саин стоит почти пустой. Однако, если происходят сборы всех орд, или какие-то другие важные события, вроде коронации великого хана, то происходят они именно в Саине.

Санн – государство на западе от Латиона и являющееся его доминионом. Официально именуется воеводством Санн. По сути, в государстве действует военная демократия. Санн слабо населён, поскольку большую часть его занимают дремучие леса и болота.

Санно́й – столица воеводства Санн. Во времена Кидуанской империи назывался Суэр. Мелкий городок посреди лесов.

Сарра́сса – империя, раскинувшаяся на юге Паэтты. Самое древнее из государств Паэтты, существовавшее ещё до Смутных дней. Очень богатое и одно из самых влиятельных государств Паэтты.

Саррассáнская порода лошадей – лучшая порода лошадей. Саррассанские лошади очень выносливы и быстры,

поэтому их предпочитают воины, курьеры и знатные люди.

Сеал – небольшой город на южном берегу озера Прианон. Стал популярен, когда саррассанцы провели к нему свою Великую имперскую дорогу. С тех пор Сеал превратился в перевалочный пункт – сухопутные караваны здесь переключались на ладьи, и через Прианон и Труон перевозились в Латион и Палатий.

Серое море – море, отделяющее Паэтту от Келлийского архипелага. Называется так потому, что почти всегда беспокойно, а воды его почти никогда не бывают голубыми.

Симмер (озеро) – второе по величине озеро Паэтты. Расположено среди болот, называемых Симмерскими, окружено лесами. Всегда считалось довольно гиблым местом – люди вокруг него никогда не селились. Очевидно, это связано с тем, что это озеро является материальным воплощением демона Симмера. Из озера вытекает меньшая из трёх великих рек Паэтты – Алийа.

Синивица – смертельная болезнь, распространённая, в основном, на западе Паэтты. Самый явный симптом – сине-фиолетовые пятна, выступающие по всему телу, которые через некоторое время превращаются в язвы, источающие гной. Смертность от синивицы очень высока и в периоды

эпидемий достигает 60-70%. Смерть наступает от обширных внутренних кровотечений и поражения внутренних органов.

Склады – один из кварталов Нового города Латина. В нём располагаются купеческие склады, служащие в качестве перевалочного пункта.

Сли́дий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствует нашему февралю, но имеет в составе те же 30 дней, что и другие месяцы. Назван в честь древнего полулегендарного человеческого мага Слидия, жившего в эпоху третьей Руны Кда, и заложившего многие основы человеческой магической школы.

Смена Эпох – происходит при сожжении очередной Руны. На Паэтте кроме общего летоисчисления ведётся более удобное в повседневной жизни исчисление от Смены Эпох. Так, например, Мэйлинн встретила Бина в 1711 год от смены эпох, что соответствует 21711 году от Сотворения Сферы.

Смутные дни – период серьёзного политического кризиса, потрясшего Кидуанскую империю. В результате ослабшая империя подверглась нападению северных народов, что ещё более усугубило центробежные процессы в самой империи. В конце концов в результате тяжёлых междоусобных войн Кидуанская империя пала, распавшись на несколько го-

сударств. Однако ещё на протяжении десятилетий дела в них шли неважно, так что этот период также относят к Смутным дням.

Сосредоточение – набор определённых практик, позволяющих почувствовать возмущение и управлять им. В Школе Наэлирро преподаётся как отдельный предмет.

Сражение при Погребáх – крупнейшее сражение в так называемой Мязежной войне 997 года Руны Кветь между Латионом и Палатием, когда самопровозглашённый король Акров попытался отвоевать независимость Палатия. Более 60 тысяч палатийских воинов столкнулись со сотысячной армией Палатия у палатийской деревушке Погребы. Роковые ошибки короля Акрова привели к поражению армии Палатия. В тот день погиб каждый третий воин, стоящий под знамёнами короля Акрова, тогда как Латион потерял убитыми более 8 тысяч своих легионеров.

Старый город – старые кварталы Латиона, respectable район города. Можно сказать – историческая часть города.

Стег – мелкая медная монета Палатия. Двести стегов составляют один верент. Сто стегов составляют один полуверент.

Студёный океан – северный океан мира Паэтты. Лежит между островами Келли и ледяным континентом Тайтаном. Большая часть его покрыта льдами. Зона плавучих льдов начинается практически у северных берегов островов Келли.

Сущности-аномалии – весьма могущественные сущности, возникшие из аномалий в *возмущении*. То ли под воздействием Хаоса, то ли по иным причинам в потоках *возмущения* со временем возникали уплотнения – аномалии. Небольшие аномалии становились местами силы в тех местах, где они возникали. Более мощные иногда обретали сознание и даже псевдоматериальность. Некоторые сущности становились такими мощными, что поглощали свои миры, становясь местными божествами. В мире Паэтты обитают две сущности-аномалии – Симмер и Бараканд. Оба достаточно могущественны, но связаны локализованностью своих аномалий.

Сфера Создания – область бытия, созданная в небытии Вечного Покоя сущностью, известной как Неведомый или Первосоздатель. Включает в себя всю совокупность миров, одним из которых является и мир Паэтты. Считается, что в полюсах Сферы находятся Арионн и Асс, и это создаёт *возмущение* в Сфере, которое воспринимается, как магия. *Возмущение* гораздо сильнее у полюсов Сферы, и сходит на нет по мере приближения к экватору. Соответственно, в мирах

близь экватора Сферы магия может совсем не ощущаться жителями этих миров.

Сфера Создания обречена на гибель, поскольку в ней всё сильнее проявляется влияние Хаоса – неизбежного спутника бытия. Считается, что Сфера погибнет во время Последней битвы Арионна и Асса. Эта битва произойдёт, скорее всего, после сгорания последней Руны, когда окончательно падут оковы Хаоса. Если считать, что число рун – 24, и эпоха каждой длится 4000 лет, то выходит, что Сфера просуществует порядка 96000 лет. Однако, многие учёные ставят под сомнение данные сроки, считая, что концепцию Рун нужно либо модернизировать, либо вообще кардинально пересматривать.

Счёт руками – весьма распространённый среди простолюдинов метод счёта, когда числа переводятся в количество рук и пальцев на них. Например, число двенадцать будет произноситься как «две руки, два пальца». Этот метод хорош, поскольку при нём, как правило, достаточно знать числа лишь в пределах десяти, что даёт возможность сосчитать предметы в количестве до пятидесяти штук. Чаще всего этого бывает более чем достаточно.

Тáвер – город в Палатие, расположенный в устье Труона на побережье Серого моря. Важный портовый город, морские ворота в Палатий и Шинтан. В годы войны с Чёрной

Герцогиней был захвачен келлийцами, после чего власти Палатия начали блокаду города, приведшую к гибели многих мирных жителей. Позже северяне по указанию Чёрной Герцогини освободили город.

Тайтán – ледяной материк на севере мира Паэтты. Находится очень далеко от Паэтты. Те немногие экспедиции, что сумели вернуться оттуда, рассказывали о невероятном холоде, который там царит. Очевидно, что выжить в таких условиях ничего не может, поэтому Тайтан считается абсолютно необитаемым.

Танийский перевал – северный перевал через Анурские горы. Через него проходит Танийский тракт, соединяющий Латион и Пунт. Из-за близости Симмерских болот тракт теперь находится в запустении, а сообщение между государствами практически прервано.

Тиониты – династия правителей Латиона, основателем которой являлся король Увилл Великий. Просуществовала до 1346 года Руны Кветь, когда в результате переворота и убийства короля Конотора II к власти пришла династия Пантатегов в лице короля Вилиодия, который, подобно родоначальнику предыдущей династии, также получил прозвище Великого.

То́ин – крупная серебряная монета Палатия. Палатий не использует золото в качестве материала для своих монет, поэтому тоин – крупнейшая из его монет, при том, что она в самом деле весит довольно много – каждая монета содержит около двух унций чистого серебра. Тоин стоит значительно дороже латионских серебряных доров, и в среднем за три тоина уже дают золотой латионский латор.

То́ндрон – империя чёрных магов. Создана лиррийским принцем Драонном, который попал под влияние сущности по имени Бараканд. Помощь в создании империи ему оказывали Двенадцать Герцогов – демоны, созданные Баракандом из лирр, следовавших за Драонном. Вместе они создали империю и населили её гомункулами, созданными из глины и других элементов. Империя Тондрон – единственное государство (если его можно так назвать), располагающееся не на Паэтте, а на Эллоре. Рядом с Тондроном соседствуют колонии людей с Паэтты, но империя пока не спешит этому мешать.

Торро́н – довольно крупный купеческий город на юго-западе Латиона, расположенный относительно недалеко от Варса. Также в относительной близости от Торрона находится замок Наэлирро.

Тре́шка – мелкая железная монета Латиона, равная трети

доррина.

Тру́бн – самая крупная река Паэтты. Берет своё начало в озере Прианон и впадает в Серое море. В качестве притока имеет реку Алийю.

Ту́ум – огромная пустыня, расположенная в южной части Загорья. Относится к территории Саррассанской империи. В пустыне Туум проживают племена баининов, обитающие в оазисах.

Увилл Великий (он же – Увилл Завоеватель) – легендарный король Латиона, ставший героем множества легенд не только в данном королевстве, но и в соседних, в том числе и Палатие. Король Увилл сумел преодолеть последствия Смутных дней и начать процесс собирания земель, превративший небольшое королевство Латион в одно из величайших государств на территории бывшей Кидуанской империи.

Уви́ллий – один из месяцев календаря Паэтты, соответствующий нашему августу. Назван в честь одного из величайших королей Латиона Увилла Великого, или Увилла Завоевателя, который сумел восстановить порядок на территории нынешнего Латиона после Смутных дней, а также расширил пределы государства.

Хаос – неперсонифицированная сила в Сфере Создания. В отличие от Арионна и Асса не является ни богом, ни его антиподом. Хаос – следствие и неизбежный спутник создания. Поскольку сама Сфера возникла как противоположность Абсолютному Покою из движения, инициированного Неведомым, она неизбежно с самого первого момента своего существования стремилась к Хаосу. Попыткой нивелировать Хаос было создание двух антагонистов – Асса и Арионна, которые должны были взаимно уравновешивать друг друга, тем самым не умножая Хаос. Однако из этого ничего не вышло, так что со временем Хаос в Сфере усиливается, влияя на процессы, происходящие в ней.

В частности, считается, что именно воздействием Хаоса можно объяснить возникновение аномалий в *возмущении*. Также Хаос привнёс случайность в существование Сферы. Согласно концепции арионнитов и ассианцев Сфера до времени относительно защищена от Хаоса Рунами, которыми её запечатал Неведомый, но с каждой сгоревшей Руной Хаос будет усиливаться, неся свою разрушительную суть во всё, что было создано.

Одновременно Хаос воспринимается верующими жителями Паэтты в качестве некоего подобия нашего ада – те души, что не могут добраться до обители Арионна или чертогов Асса, падают в Хаос, где и исчезают. Что происходит с ними там – на этот счёт мнения сильно расходятся.

Центурион второго ранга – командующий когортой, в отличие от просто центуриона, командующего центурией. В книге Кол часто именуется просто центурионом, но это сделано исключительно для сокращения, поскольку известно, что легионер Сан Брос в своё время командовал когортой, т.е. был именно центурионом второго ранга.

Армия Латииона строится по принципу, сходному с армией древнего Рима – основу его составляют легионы, в которые входит обычно от 5000 до 6000 человек. Легионы делятся на когорты, в каждой из которых обычно порядка 500 человек, а те, в свою очередь, делятся на центурии (сотни). Центурии могут делиться на манипулы в зависимости от поставленной задачи. Деление на манипулы было непостоянным, так что в одном случае манипула могла состоять из пары десятков бойцов, а в другом – из полусотни.

Центурион третьего ранга – административная должность в армии Латииона. В отличие от просто центурионов (командующих центуриями) и центурионов второго ранга (командующих когортами), центурионы третьего ранга не имеют в непосредственном подчинении отдельных подразделений, а являются заместителями легатов. Как правило, в военное время каждый легат имеет в подчинении двух центурионов третьего ранга. В мирное время зачастую бывает лишь один.

Цех Воров – один из четырёх Цехов Гильдии Теней. Цех Воров традиционно считался низшим в иерархии Гильдии, хотя среди его мастеров бывали весьма талантливые и удачливые воры, о которых слагали легенды. Как видно из названия, основным занятием для членов данного Цеха были воровство, иногда грабёж, добывание конфиденциальной информации и т.п.

Цех Наёмных убийц – элита Гильдии Теней. Как правило, туда попадали лучшие из лучших – мастера, обладающие не только силой, но и мозгами. Способность проникать везде, хитроумность, с какой мастера этого Цеха исполняют свои задания – всё это снискало им славу и уважение среди других Цехов Гильдии. По негласной традиции Командорами Гильдии чаще всего становятся именно главы Цеха Наёмных убийц.

Цех Охотников за головами – ещё одна весьма уважаемая фракция Гильдии Теней. Охотники за головами – мастера выслеживать цель, как бы глубоко она не спряталась. Всё это создаёт своеобразный ореол вокруг охотников за головами. Данный Цех по престижу и почтительности, проявляемой к нему, вполне может соперничать с Цехом Наёмных убийц.

Цех Телохранителей – довольно узкоспециализированный Цех Гильдии Теней, который предоставляет услуги по защите богатых клиентов от нападений. По неписанному кодексу чести Гильдии, если она взялась защищать клиента, то уже не может взять контракт на его уничтожение. Хотя в некоторых исключительных случаях Цех Телохранителей берет на себя право разорвать контракт. Также крайне редко, но всё же случались случаи, когда охраняемые Цехом люди всё равно погибали, вроде бы по естественным причинам. Участие Наёмных убийц в этих случаях никогда не было доказано, но многие Телохранители инстинктивно недолюбливают членов остальных Цехов, считая их работу грязной и неблагородной, в отличие от собственной. Поэтому Цех Телохранителей стоит несколько особняком от остальных Цехов Гильдии.

Чёрный Суд – один из четырёх судов Латиона, который судит магов и представителей духовенства. В его состав также входят достаточно могущественные маги, в том числе и из лирр, а полномочия его простираются настолько широко, что Суд этот пользуется дурной славой в Латионе. Даже люди, не имеющие никакого отношения к магии, вздрагивают при упоминания Чёрного Суда. Называется он так по цвету мантий судий.

Шайтра – небольшой город в Палатие, расположенный

на северном берегу Залива Дракона.

Шеар – город, ныне затерянный в лесах Санна. Когда-то был одним из самых известных городов Кидуанской империи – городом учёных, философов, культурным центром империи. Однако, после Смутных дней Шеар пришёл в запустение и довольно был заброшен, после чего саннские леса довольно быстро скрыли его от людей. Именно в Шеаре, в хранилище древней Академии, содержался могущественный артефакт под названием Голова Шуанна.

Шербан – довольно крупный город Саррассанской империи, лежащий на побережье Калуйского моря и известный на весь мир производством знаменитых саррассанских шелков.

Шинтан – столица королевства Палатий. Расположен на слиянии двух рек – Труона и Алийи. Столица торгового государства, Шинтан является конечной точкой длинного торгового пути, проходящего с юга на север Паэтты – начинающегося в Золотом Шатре, затем по Великой имперской дороге идущего до озера Прианон, а дальше – через озеро и по реке Труон. Палатий ведёт также и разветвлённую морскую торговлю с Кидуей и Пунтом, однако шинтанский порт достаточно невелик, поскольку морские суда не могут добраться до города.

Эллор – самый крупный и таинственный материк мира Паэтты. Именно там была создана ужасная империя Тондрон. Кроме того, вероятно, *возмущение* на Эллоре несколько плотнее, чем на Паэтте, и даже имеет некоторое иное свойство, так что многие опытные маги могут даже распознать по отзвукам манипуляций с *возмущением* эллорскую магию. Возможно, это связано с Баракандом – мощной сущностью-аномалией, находящейся на Эллоре. Во всяком случае, на материке проживают магические существа, не встречаемые более нигде в мире – например, драконы. Также только на Эллоре пока разведаны залежи мангила. Если он и есть на других материках, то пока ещё не был найден.

Ярл – титул и звание военачальников и правителей келлийских кланов. В качестве титула является формально наследуемым, то есть сыновья ярла, которые при его жизни именуется ярлингами, после его смерти могут претендовать на его место, причём это может быть не обязательно старший сын. Однако, в конечном итоге решение обычно остаётся за собранием наиболее уважаемых воинов клана – именно там новому ярлу вручается особой формы полушлем, являющийся символом власти. Поэтому не так уж редко случается, что новым ярлом выбирают кого-то, кто не являлся потомком предыдущего правителя.

Благодарности

Огромное спасибо:

Максу Фомину – как и прежде, моему "фанату" и надсмотрщику, который буквально допинал меня до завершения этой книги.

Моим родным – потому что они всю мою жизнь помогали и помогают мне, и без них ничего этого не было бы.

Всем, кто прочитал мои предыдущие книгу – это то, ради чего я всё это делаю, и то, без чего моя писательская деятельность становится бессмысленной.

Отдельная благодарность тем, кто жертвовал деньги на издание моих книг в бумажном варианте, и особенно – *Василию Анискину*, который неоднократно помогал мне.

А также – спасибо всем моим родным и друзьям. За всё!

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.